

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. В.И. Вернадского

Научный журнал

Серия «Филология. Социальные коммуникации»
Том 24 (63) № 2. Часть 1

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, 2011

Редакционная коллегия:

Багров Н. В. – д-р геогр. наук, проф., член-корр. НАНУ (председатель)

Шульгин В. Ф. – д-р хим. наук, проф. (зам. председателя)

Дзедолик И. В. – д-р физ.-мат. наук, проф. (секретарь)

Члены совета (редакторы серий)

Богданович Г. Ю. – д-р филол. наук, проф.
 Берестовская Д. С. – д-р филос. наук, проф.
 Вахрушев Б. А. – д-р геогр. наук, проф.
 Габриелян О. А. – д-р филос. наук, проф.
 Казарин В. П. – д-р филол. наук, проф.
 Кальной И. И. – д-р филос. наук, проф.
 Канов А. А. – д-р экон. наук, проф.

Копачевский Н. Д. – д-р физ.-мат. наук, проф.
 Лазарев Ф. В. – д-р филос. наук, проф.
 Подсолонко В. А. – д-р экон. наук, проф.
 Темурьянц Н. А. – д-р биолог. наук, проф.
 Ротань В. Г. – д-р юрид. наук, проф.
 Шульгин В. Ф. – д-р хим. наук, проф.
 Петрова Э. Б. – д-р ист. наук, проф.

Редакционный совет серии «Филология. Социальные коммуникации»

Богданович Г. Ю., д-р филол., проф., ТНУ (редактор раздела «Социальные коммуникации»)
 Казарин В. П., д-р филол. наук, проф., ТНУ (редактор раздела «Филология»)
 Александров А. В., д-р филол. наук, проф., Одесский национальный университет
 Борисова Л. М., д-р филол., проф., ТНУ
 Гуменюк В. И., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Ищенко Н. А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Меметов А. М., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Новикова М. А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Селендили Л. С., канд. филол. наук, доц., ТНУ
 Орехова Л. А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Петренко А. Д., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Прадид Ю. Ф., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Ризун В. В., д-р филол. наук, проф., Ин-т журналистики Киевского нац. ун-та
 Сидоренко Н. Н., д-р филол. наук, проф., Ин-т журналистики Киевского нац. ун-та
 Яценко Т. А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
 Егорова Л. Г., канд. филол. наук, доц., ТНУ (ответственный секретарь)

Печатается по решению Ученого Совета

Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Протокол № 4 от 14.04.2011 г.

© Таврический национальный университет, 2011 г.

Подписано в печать 12.05.2011. Формат 60x84^{2/3} усл. изд. л. 37,5. Тираж 500. Заказ № 89.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.

Проспект Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

„Ученіє запискі Таврічєского національного універсітєта ім. В. І. Вернадського”

Науковий журнал. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». Том 24 (63). №2. Часть 1.

Сімферополь, Таврійський національний універсітєт ім. В.І.Вернадського, 2011

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: проспект Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано у інформаційно-видавничьому відділі Таврійського національного універсітєту
ім. В.І. Вернадського. Проспект Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ И ЭТНОСЫ КРЫМА

УДК 811.161.2

МЕТОДИЧНІ ПРОБЛЕМИ НАВЧАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ МОЛОДШИХ ШКОЛЯРІВ У ШКОЛАХ З КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЮ МОВОЮ НАВЧАННЯ

Анафієва Е. Р.

РВНЗ «Кримський інженерно-педагогічний університет», м. Сімферополь, Україна

У статті розкривається актуальність дослідження даної проблеми. Визначені завдання, що вимагають рішення в рамках цього питання. Розкриті основні методичні проблеми навчання української мови молодших школярів в школах з кримськотатарською мовою навчання.

Ключові слова: *українська мова, білінгвізм, зіставлення мов, національна школа.*

Постановка проблеми. Застосування мов в Україні гарантується Конституцією України та визначається законом [5, с. 5].

Українська мова є обов'язковим предметом вивчення в усіх навчальних закладах країни. Вона вивчається не тільки у школах з українською мовою навчання, але і в школах, де навчання здійснюється іншими мовами. У Національній доктрині розвитку освіти України у ХХІ столітті і Державному стандарті базової і повної середньої освіти (освітня галузь „Мови і літератури”) ставиться мета забезпечити вільне володіння українською літературною мовою як засобом та умовою успішної соціалізації і самореалізації особистості в українському суспільстві. У концепції шкільної освіти національних спільнот в Україні йдеться про вирішальну роль мови у формуванні творчої, національно свідомої особистості [2, с. 12-18].

Повною мірою це стосується Криму. Багатонаціональний склад населення викликав до життя школи і класи, в яких вчать діти різних національностей. Навчання у цих класах здійснюється українською, російською або кримськотатарською мовами, і у кожному з цих типів шкіл є учні – кримські татари. Сьогодні в Україні створюються умови для інтеграції кримськотатарського народу в українське суспільство, і одним із найважливіших факторів такої інтеграції є гарне володіння українською мовою.

Актуальність даної проблеми зумовлена його соціальною важливістю, задачами удосконалення методики навчання української мови для початкової школи з кримськотатарською мовою навчання, відсутністю робіт такого плану і необхідністю науково-практичного обґрунтування навчального предмету «Українська мова у школах з кримськотатарською мовою навчання».

Ключова роль у цій проблемі в умовах поліетнічного Криму належить загальноосвітній школі з кримськотатарською мовою навчання, яка несе основне

навантаження з формування в учнів українсько-кримськотатарської двомовності, що сприяє гармонізації міжнаціональних відносин, взаємозбагаченню духовних культур народів Криму; знання двох і більше мов позитивно впливає на всебічний розвиток людини.

Мета статті – розкрити актуальні проблеми навчання української мови молодших школярів у школах з кримськотатарською мовою навчання.

Аналіз досліджень та публікацій. Двомовність (білінгвізм) як самостійний напрям лінгвістичної науки почали вивчати в кінці XIX ст. (1885-1890 рр.), а об'єктом педагогічних досліджень вона стала лише з середини XX століття (з 1953 р.). Значний вклад в розробку теорії проблем двомовності, мовної взаємодії в умовах контакту російської мови як з національними мовами країни, так і з іноземними внесли дослідження відомих вітчизняних лінгвістів, психологів, педагогів (І.С. Баскаків, І.К. Білодід, Б.В. Беляєв, Е.А. Бризгунова, Е.В. Верещагін, В.В. Виноградов, Л.В. Виготський, Ю.Д. Дешерієв, М.І. Ісаєв, М.З. Закиєв, І.Ф. Протченко, В.Ю. Розенцвейг, Р.Б. Сабаткоєв, Б.Х. Хасанов, К.Х. Ханазаров і ін.) і зарубіжних учених (У. Вайнрайх, В. Вільдемек, Ч. Осгуд, М. Сигуан, М. Уест, Е. Хауген і ін.).

Проблема двомовності і багатомовності є також предметом дослідження порівняно молодшої науки – психолінгвістики. Питання кодування, декодування в процесі спілкування розглядаються в працях Н.І. Жинкіна, Х. Осгуда, Н. Хомського та ін. Дослідження цих і інших учених, а також багатолітній досвід підтверджують, що гармонійна двомовність – одна з головних можливостей подолання мовних труднощів між народами, оптимізації і регулювання міжнаціональних стосунків.

Дослідник з проблеми мовних контактів У. Вайнрайх визначив двомовність (білінгвізм) як «практику поперемінного користування двома мовами. Особи, що здійснюють цю практику, називаються двомовними, або білінгвами» [3, с. 22].

За визначенням В.Ю. Розенцвейга, двомовність (багатомовність) – є володіння двома (декількома) мовами, а також регулярне перемикання з однієї мови на іншу залежно від ситуації спілкування [6, с. 9-10].

При білінгвізмі за першу мову, як правило, приймається рідна, а за другу – нерідна мова індивідуума (наприклад, для кримських татар – українська, для українців – кримськотатарська). В цьому випадку білінгв при спілкуванні має можливість активно вживати обидві мови у рамках певної соціальної спільності з урахуванням ситуації, що склалася.

Дослідники двомовності виділяють лінгвістичний, психологічний, соціологічний, педагогічний і інші аспекти двомовності.

Так, К.Д. Дешерієв і І.Ф. Протченко вважають, що з лінгвістичної точки зору двомовність «має справу з аналізом співвідношення структур і структурних елементів мов, їх взаємовпливу, взаємодії і взаємопроникнення на різних рівнях, розділах будови мови» [4, с. 28].

Завдання соціологічного аспекту – визначення «об'єму суспільних функцій і сфер вживання кожної з двох мов, якими користується двомовне населення» [4, с. 23].

З педагогічної точки зору, двомовність спирається на лінгвістичні, психологічні і соціолінгвістичні аспекти. Основне завдання педагогічного аспекту – розробити і на практиці застосувати методи і прийоми навчання обох мовам, вивчити міру володіння ними. У це поняття входять як усні (аудіювання, говоріння), так і писемні види мовленнєвої діяльності (читання, письмо).

Термін «багатомовність» (англійською – multilingualism, mehrsprachigkeit) російського походження, розуміється як поширення різних мов в суспільстві, уміння окремих індивідів спілкуватися засобами декількох мов.

У енциклопедичних словниках багатомовність трактується як функціонування декількох (3-х і більш) мов в межах певної багатонаціональної території; знання і вживання людиною, залежно від потреб спілкування, декількох мов.

Виклад основного матеріалу. При розробці сучасної технології навчання української мови у школах з кримськотатарською мовою викладання необхідно врахувати наступні соціолінгвістичні чинники:

1. Методологічний підхід до вивчення проблеми гармонійної двомовності з урахуванням країнознавчого аспекту, етнолінгвістичної ситуації функціонування мов.

2. Сучасні соціально-політичні умови функціонування і розвитку української та кримськотатарської мов в Автономній Республіці Крим.

3. Науково обґрунтовані і всесторонньо вивірені вимоги з реалізації українсько-кримськотатарської і кримськотатарсько-української двомовності в освітній системі республіки.

4. Нові дослідження, що з'явилися в області лінгвістики, психології, методики і інших суміжних наук, відповідають комунікативним цілям вивчення нерідної мови з урахуванням взаємозв'язаного навчання видам мовленнєвої діяльності.

5. Взаємовплив, взаємозбагачення української та кримськотатарської мов у контексті нових соціолінгвістичних відносин.

6. Нові соціально-педагогічні умови функціонування державних мов в освітній системі і інших сферах життя суспільства.

Кожен етап розвитку суспільства породжує нові соціальні проблеми, без вирішення яких неможливий його гармонійний розвиток. Ця закономірність особливо яскраво виявляється у наш час – після розпаду колишнього Радянського Союзу на окремі самостійні держави, що тісно пов'язане з їх національно-мовними особливостями.

У світовій практиці благополучним вважається мовне законодавство Швейцарії, згідно конституції якої державними з 1847 р. є німецька, французька, італійська, ретороманська мови і офіційними – німецька, французька, італійська.

Однак проблема українсько-кримськотатарської двомовності ще не стала предметом спеціальних досліджень, окремим її аспектам присвячено лише поодинокі статті.

По мірі володіння мовами в Криму можна виділити такі групи носіїв мов:

- що володіють лише державною мовою – українською;
- що володіють лише однією національною мовою;
- що володіють декількома мовами (одна з яких російська);
- що володіють декількома національними мовами країни, але що не володіють українською мовою;
- що володіють російською, національною і іноземною мовою;
- що володіють багатьма мовами (поліглоти).

Таке розмежування володіння мовами пов'язане з білінгвальним і полілінгвальним характером соціуму.

Соціально-політичні зміни в суспільстві вимагають невідкладного вирішення однієї з найважливіших проблем міжнаціональної згоди, взаєморозуміння між народами в поліетнічній республіці, якою є Крим, становлення і розвитку різних форм двомовності (багатомовності).

Багатомовність буває близькоспорідненою (наприклад, володіння близькоспорідненими мовами: російсько-українсько-білоруською, кримськотатарсько-башкирсько-турецькою і так далі), неспорідненою, тобто володіння трьома і більш неспорідненими мовами (наприклад, українсько-кримськотатарсько-англійською і так далі). Так, в Криму, окрім державної мов, вивчаються російська, рідна та іноземні мови, що можна кваліфікувати як розвиток багатомовності. У ситуації багатомовності перед учнем виникають труднощі, що пов'язані з інтерференцією мовних систем.

Отже, багатомовність, тобто полілінгвізм – явище масове, має свої проблеми, які в перспективі вимагають дослідження в декількох аспектах:

- психологічному – питання вивчення мови (навчання + вивчення) на декількох мовах, яке відбувається при спілкуванні: психічні явища багатомовної поведінки, закономірності формування багатомовності, рання або пізня двомовність;
- лінгвістичному – питання мовних контактів і у зв'язку з цим зміни, що відбуваються в структурі лексики, семантики окремих мов, явища транспозиції і інтерференції;
- педагогічному – розробка ефективних методів і прийомів навчання мовам в умовах полілінгвізму;
- філософському і соціологічному – проблеми впливу багатомовності на різні процеси і роль багатомовності у суспільстві.

Висновки. Нова мовна ситуація, що склалася в Криму в пострадянський період, значно розширила функціональні кордони двомовності (багатомовності): у національно-державних і національно-територіальних округах країни зараз природною нормою вважається як національно-українська, так і українсько-національна двомовність, а у багатьох випадках національно-українсько-російська багатомовність. В той же час володіння мовами (особливо національними) залишається на досить низькому рівні. Отже для розвитку гармонійної, соціально ефективною двомовності необхідно:

- всемірно розвивати і укріплювати українсько-національну двомовність, створюючи для цього необхідну соціально-правову і фінансову основу;
- постійно укріплювати національно-українську двомовність. Українська мова є надійне сховище універсальної інформації людства.
- сформувати у індивідів ситуації реального психологічного домінування рідної мови при вивченні другої;
- при будь-яких видах двомовності (багатомовності) визнавати домінуючу роль рідної мови. Лише рідна мова здатна передавати сокровенне, суто індивідуальне, властиве йому безцінне духовне багатство, розкривати характерні особливості, національну психологію народу. У цьому і є безперечна унікальна цінність кожної мови.

- підняти на якісно новий рівень навчання національної і української мовам, виходячи з вимог підготовки всесторонньо розвиненої мовної особистості;
- підвищити престиж, соціальну значущість національних мов в українському соціокультурному просторі.

Список літератури

1. Белл Р.Т. Социоллингвистика: Цели, методы и проблемы / Р.Т. Белл; предисл. А.Д. Швейцера. – М.: Международные отношения, 1980.
2. Бондаренко Н.В. Концепція шкільної мовної освіти національних спільнот в Україні / Н.В. Бондаренко // Педагогіка і психологія. – К., 1995. – Вип. 5. – С. 12-18.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх; предисл. А. Мартине; пер. с англ. яз. – К.: Вища школа, 1979.
4. Дешериев Ю.Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия / Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1976. – С. 23.
5. Конституція України. – К.: Вид-во А.С.К., 2003.
6. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В.Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. – Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. IV. – С. 9-10.
7. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк / Ф.П. Филин. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972.

Анафієва Э. Р. Методические проблемы обучения украинскому языку младших школьников в школах с крымскотатарским языком обучения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.3-7.

В статье раскрывается актуальность исследования данной проблемы. Определены задачи, требующие решения в рамках этого вопроса. Раскрыты основные методические проблемы обучения украинскому языку младших школьников в школах с крымскотатарским языком обучения.

Ключевые слова: украинский язык, билингвизм, сопоставление языков, национальная школа.

Anafiyeva E. R. Methodological problems of Ukrainian language teaching younger students in schools with the Crimean Tatar language of instruction // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.3-7.

The article deals with the relevance of studies of this problem. The tasks to be solved within the framework of this issue are defined. The major methodological problems of younger pupils' Ukrainian language teaching in schools with the Crimean Tatar language teaching are revealed.

Key words: Ukrainian language, bilingualism, the comparison of languages, national school.

Поступила до редакції 22.03.2011 р.

УДК 811.161/512.145'373.7

О ПЕРЕВОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Бойко Е.С.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

*В статье рассмотрены способы перевода фразеологических единиц с
русского на украинский и крымскотатарский языки.*

Ключевые слова: *фразеологические единицы, фразеологический и
нефразеологический перевод, эквиваленты, аналоги.*

Фразеология в переводном словаре выполняет особую функцию. Фразеологические единицы должны наиболее полно отражать значение и соответствовать потребностям перевода.

Проблема перевода фразеологизмов затрагивается в работах многих ученых [2; 6; 8; 9 и др.].

Традиционно выделяют переводимые (эквивалентные) и непередаваемые фразеологизмы [3]. Чем ближе языки по родству, тем больше в их составе эквивалентов, вследствие общности мышления, близости особенностей быта, трудовой деятельности и др.

В соответствии с этим перевод может быть фразеологическим (фразеологизм исходного языка переводится фразеологизмом на язык перевода) и нефразеологическим (фразеологизм исходного языка переводится при помощи лексических, а не фразеологических средств).

К нефразеологическому переводу обращаются при переводе безэквивалентных фразеологизмов, т.е. фразеологизмов, в состав которых входят специфические национальные компоненты, топонимы, антропонимы и т.д. Такие фразеологизмы переводят при помощи калькирования, описания, объяснения, а зачастую они требуют лингвострановедческого комментария.

Свое отношение к переводу фразеологизмов выразим словами С.И. Головащука: «... точный перевод идиом заключается не в дословной передаче содержания идиомы средствами другого языка, а в замене ее аналогичной фразеологической единицей» [4]. Перевод фразеологизмов представляет собой замену образа фразеологической единицы оригинала образом другого языка.

Цель статьи – рассмотреть возможности фразеологического перевода на примере русского, украинского и крымскотатарского языков.

Полный фразеологический эквивалент – фразеологизм языка перевода, тождественный по семантике, грамматической организации и стилистической характеристике фразеологизму исходного языка.

А.Д. Райхштейн называет полное совпадение аспектной организации и совокупного значения тождеством [7].

В русском, украинском и крымскотатарском языках имеются полные фразеологические эквиваленты, тождественные по семантике, грамматической организации и стилистической характеристике фразеологизмы. Одинаковые образы, положенные в основу фразеологических единиц, говорят об общности мышления и универсальности некоторых суждений.

Приведем примеры полных эквивалентов в трех языках:

Без ножа резать – Без ножа різати – Пычакъсыз соймакъ (Досл. Без ножа резать);

Журавль в небе – Журавель в небі – Коктеки турна (Досл. В небе журавль);

Как кошка с собакой – Як кішка з собакою – Аралары пардошнен ит киби (Досл. Между собой как кошка с собакой);

Наострить уши – Нагострити вуха – Къулакъ тиклемек (Досл. Уши наострить);

На лбу написано – На лобі написано – Баш язысы (Досл. На голове запись);

Плясать под дудку – Танцювати під дудку – Онынъ дюдюгине оппалакъ ойнамакъ (Досл. Под его дудку плясать);

Совать свой нос – Встромляти свого носа – Эр шейге бурнуны тыкъмакъ (Досл. Во все нос совать);

Содрать семь шкур – Здирати сім шкур – Еди къат къайышыны сыдырмакъ (Досл. Семь шкур содрать) и мн. др.

Русская и украинская фразеологии прошли длительный и сложный путь становления и развития, характеризующийся общими процессами и тенденциями. Большая часть фразеологизмов имеет общие источники образования. Отсюда и большое количество полных эквивалентов в этих языках. Значительная часть русских и украинских фразеологизмов в крымскотатарском языке имеет только частичные эквиваленты.

Частичный эквивалент – фразеологизм языка перевода, отличающийся от фразеологизма исходного языка изменением лексического состава компонентов, по структуре (добавление, опущение компонента), стилистической организации и др., но в целом фразеологизм языка перевода является полноценным соответствием фразеологизму исходного языка.

Частичные эквиваленты, различающиеся образами, положенными в основу фразеологизма, В.Н. Комиссаров называет аналогами [5].

Приведем примеры русских и украинских эквивалентов, для которых в крымскотатарском языке существуют только аналоги:

Играть в жмурки – Гратися в піжмурки – Козь боямакъ (Досл. Глаза закрашивать);

Кусать локти – Кусати лікті – Козьлер артта къалмакъ (Досл. Глазам сзади остаться);

Не сводить концы с концами – Не зводить кінці з кінцями – Акъчалары бири-бирини корьмей (Досл. Деньги друг друга не видят);

Нога не ступала – Нога людська не ступала – Ат туягы етмеген топракъ (Досл. Земля, на которую не ступало копыто коня);

Обдирать как липку – Обдирати як липку – Чѐп устюнде чѐп къалдырмамакъ (Досл. На щепке щепку не оставить);

Показать, где раки зимуют – Показати, де раки зимують – Савускъаннынъ юва ясагъан ерини косьтермек (Досл. Показать, где сорока гнездо свила);

Ходить по пятам – Ходити по п'ятах – Кольгесини излей юрмек (Досл. Его (ее) тень преследовать);

Яблоку негде упасть – Яблуку ніде впасти – Аятнынъ къайнакъ ери (Досл. Жизни кипящее место).

Фразеология русского, украинского и крымскотатарского языков характеризуется специфическими для каждого языка процессами. Контрастивное рассмотрение фразеологических единиц в трех языках дает возможность раскрыть культурно-национальное содержание фразеологизмов. «Межъязыковое сопоставление, в отличие от внутриязыкового, показывает наиболее важные явления обоих языков, а на их фоне – специфические черты, объединяющие языки в различные типы» [7].

Рассмотрим фразеологизмы-аналоги в трех рассматриваемых языках:

Русские ФЕ	Украинские ФЕ	Крымскотатарские ФЕ
Гол как сокол	Голий як (руда) миша Бідний як мак начетверо Бідний як церковна миша Голий як бубон	Дамгъа чыкъса, ерде къладжакъ папучы ёкъ (Досл. На крышу залезет, на земле не останется обуви) Чыплакъ баджакъ (Досл. Голые бедра) Эки якъасы бир кельмеген (Досл. Два ворота не сходятся)
Попадать впросак	Дістати одкоша Облизня спіймати Пошитися (записатися) в дурні Уклепуватися (ускакувати) в клопіт Ускочити в халепу	Агъзы пишмек (ярмакъ) (Досл. Обжечь рот) Ошлу вазьетке къалмакъ (Досл. Попасть в смешное положение)
После дождичка в четверг	Як бабак свисне Як на долоні волосся виросте На Миколи та й ніколи	Деве минареге чыкъкъан сонъ (Досл. Когда верблюд залезет на башню, с которой оглашается призыв к молитве) Арты куйгенде (Досл. Когда зад сгорит) Эшек ольгенде (Досл. Когда осел умрет)
Пристать как банный лист	Як шевська смола приставати Як реп'ях (до чобота, до кожуха) чіплятися	Къашыкъкъа бал япышкъан киби япышмакъ (Досл. Прилипнуть как мед к ложке)
Развесистая клюква Турусы на колесах	На вербі груші (ростуть) Сім мішків гречаної вовни	Бош (къуру) лаф (Досл. Пустые разговоры) Къыркъ дереден сув кетирмек (Досл. С сорока рек воду приносить) (Досл. Разговорами кастрюлю кипятить)

Выводы. «Расхождение представлений о мире, ценностных ориентациях фокусируются в семантической интерпретации фразеологизмов, принадлежащих к разным культурам» [1, с.122]. Образы, заложенные во фразеологизмах, связаны с бытом, традициями, религией и др. Наличие национально-культурной специфики обусловлено тем, что определенные реалии менее распространены (или вообще не существуют) в других культурах.

Русский и украинский языки, несмотря на большое количество полных эквивалентов по причине языкового родства, имеют в своем составе фразеологизмы

с компонентами, у которых нет эквивалентов в других языках, они являются носителями культурно-национальных особенностей и зачастую не употребляются вне фразеологизма.

Во фразеологии русского, украинского и крымскотатарского языков значительно меньше полных соответствий, однако сопоставительное рассмотрение выявило одинаковые для этих языков образные составляющие, указывающие на универсальность человеческого мышления и широкие межъязыковые контакты.

Список литературы

1. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г.Ю. Богданович. – Симферополь: ДОЛЯ, 2002. – 392 с.
2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – С.94-104
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С.Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – С.183.
4. Головащук С.І. Перекладні словники і принципи їх укладання / С.І. Головащук. – К.: Наук.думка, 1976. – С.192.
5. Комиссаров В.Н. и др. Пособие по переводу с английского языка на русский / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1965.
6. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика / В.Н. Крупнов. – М.: Междунар. отношения, 1976. – 192 с.
7. Райхштейн А. Д. О межъязыковом сопоставлении фразеологических единиц / А.Д. Райхштейн // Иностранные языки в школе. – М., 1979. – №4. – С.31-44.
8. Солодуб, Ю.П. Теория и практика художественного перевода: [Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. Заведений] / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 304 с.
9. Шепелева Е.В. Особенности перевода фразеологизмов / Е.В. Шепелева // Известия пензенского государственного университета им. В.Г. Белинского. – 2009. – №11(15) – С.68-72. – (Серия «Гуманитарные науки»)

Бойко О.С. Про переклад фразеологічних одиниць (на прикладі російської, української та кримськотатарської мов) // Ученіє записки Тавричського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.8-11.

У статті розглянуто способи перекладу фразеологічних одиниць з російської на українську та кримськотатарську мови.

Ключові слова: *фразеологічні одиниці, фразеологічний і нефразеологічний переклад, еквіваленти, аналоги.*

Boyko E. S. Is about translation of phraseological units (using examples of russian, ukrainian and crimean-tatar languages) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.8-11.

The article describes ways to translate phraseological units from russian to ukrainian and crimean-tatar languages.

Key words: *phraseological units, phraseological and non-phraseological translation, equivalentents, analogues*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 811.161.1

ОБУЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И СОВРЕМЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Новикова Т.Ю.

*Крымский научно-методический центр управления образованием НАПН Украины
и ТНУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина*

В статье рассматриваются вопросы обучения межкультурной коммуникации в связи с полилингвизмом. Говорится о применении динамичной наглядности в организации лексической работы на начальном этапе в процессе параллельного изучения двух неродных языков.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, полилингвизм, родной язык, неродной язык, метод обучения, новые технологии, динамичная наглядность.*

*Плохой учитель преподносит истину,
хороший учит ее находить.*

А. Дистервег

*Кто постигает новое, лелея старое,
тот может быть учителем.*

Конфуций

Постановка проблемы. Преподавание лингвистических дисциплин в современном мире прокладывает себе новое русло. Сложившееся обстоятельство вызвано тем, что в недавнем дидактическом прошлом проблемы межкультурной коммуникации рассматривались преимущественно в сфере преподавания иностранных языков. Этим проблемам *посвящены исследования* Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.В. Воробьева, С.К. Милославской, Л.А. Вербицкой, В.М. Шаклеина, С.Г. Тер-Минасовой и ряда других ученых. Однако сегодня пришло время посмотреть на межкультурную компетентность в более широкой образовательной перспективе, поскольку превращение мира в “глобальную деревню” поставило перед человечеством ряд новых задач, связанных с общением. Открытость мирового информационного пространства для международного сотрудничества в научно-исследовательской и экономической сферах, международная академическая мобильность существенным образом влияют на качество лингвистического образования. Это находит отражение прежде всего в том, что современный интеллектуальный контекст настоятельно требует, чтобы уже в процессе изучения родного языка и культуры закладывалась база знаний, которая должна стать своеобразным плацдармом для дальнейшего наслаивания на эти знания знаний, связанных с другими языками и культурами.

Полилингвизм в новом тысячелетии – это не уникальное явление, а реальная потребность для наших современников, обеспечивающая успешность. Поэтому обучение межкультурной коммуникации должно начинаться с уроков родного языка и проецироваться на усвоение иностранных языков и культур. Такая нацеленность на дальнейшее соизучение языков, родного и неродного, позволяет с самого начала дать учащемуся дополнительную мотивацию и возможность посмотреть на свой родной язык более внимательно и заинтересованно.

Цели и задачи. Проблемы межкультурной коммуникации и полилингвизма особую *актуальность* приобретают в поликультурных регионах, отражающих, как в капле воды, проблемы глобализации. В таких сейсмочувствительных средах, где контактируют самым непосредственным образом различные языки и культуры, больше всего требуется устойчивое равновесие. Как же достичь такого состояния? Вл. Соловьев сказал, перефразируя Евангелие: “Люби все другие народы как свой собственный”. Если принять на вооружение именно эту мысль, то путь к межкультурной коммуникации будет свободен от всяких предрассудков. Изучение языка и культуры народа-соседа поможет глубже проникнуть в собственную культуру, увидеть, как родной и неродной языки запечатлели в слове национально-специфическое. “Для развития культуры чрезвычайно важно сочувственное вживание в культуру других народов” [3, с. 503]. Как точно и тонко в этом высказывании Д.С. Лихачева выражена мысль о развитии культуры собственной! Именно *сочувственное вживание* в чужое, дает возможность понять свое. Только относясь чутко и с любовью к чужому, можно рассчитывать и на свой успех. Поликультурная среда представляет собой такое сплетение народов и судеб, которое нуждается в особо деликатном дидактическом описании. Нет сомнения в том, что для образовательного пространства Крыма актуально создание таких учебных материалов, которые одновременно воспитывали бы как любовь к родному краю, так и чуткое отношение друг к другу, независимо от верования и культуры. Об этом мы уже неоднократно писали в своих статьях, представляя конкретные учебные пособия и словари, созданные авторским коллективом, включающим носителей разных языков и культур, с учетом полилингвизма.

Продолжая развивать указанное направление в своих научно-методических разработках, остановимся на некоторых аспектах применения новых технологий в практике обучения языковым дисциплинам с учетом полилингвизма. Прежде стоит отметить тот факт, что историей преподавания лингвистических дисциплин подтверждено отсутствие универсального оптимального метода обучения. И все-таки сам этот факт имеет положительное значение для методической науки и обозначает, что каждый преподаватель, если он творческая личность, имеет возможность искать среди множества различных методов и методик именно такой метод, который даст наиболее оптимальные результаты в конкретных условиях обучения. Если же поиск не удовлетворяет наши методические запросы, естественным будет обратиться к внутренним резервам уже существующих методов и попытаться раскрыть их потенциал за счет различных дополнений и модификаций.

На наш взгляд, само преподавание лингвистических дисциплин нуждается в существенной корректировке в том плане, что от современного преподавателя-филолога требуется владение методикой преподавания как родного, так и неродного языков одновременно, методическое видение родного языка в качестве объекта преподавания как неродного. Такой подход к методической подготовке будущих филологов позволит вооружить их ценными знаниями и опытом, накопленным в процессе преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного в том числе. В поликультурной среде именно синтез методов преподавания родного и иностранного языков может привести на практике к желаемым результатам, поскольку позволит сделать мобильным весь процесс обучения языкам, обеспечив естественное переключение с одного языкового кода на другой. В целом же языковую компетенцию при таком подходе вполне естественно рассматривать как важную составляющую межкультурной компетенции, которая обеспечивает успех межкультурной коммуникации в полиэтничном социуме.

Обучение языкам, родному и неродному, в наши дни требует от преподавателя-филолога быть не только полилингвом, но и уметь ориентироваться в таких технологиях, которые основываются на новейших достижениях науки и техники, поэтому неотъемлемой частью учебного процесса должен стать аудиовизуальный ряд, обладающий по своей природе высокой степенью информативности. Для современной лингводидактики использование видео- и компьютерной техники – обязательное условие для достижения высокой эффективности преподавания языковых дисциплин, поскольку экран стал уже привычным атрибутом нашей повседневности.

В связи с этим интерес к изучению языковых дисциплин должен постоянно поддерживаться новейшими компьютерными технологиями. Любые, даже самые современные традиционные печатные учебные пособия имеют свойство довольно быстрого морального старения, особенно сказанное касается текстового материала. В меньшей степени устаревают фонетический и грамматический аспекты языка, и в большей степени нуждаются в обновлении лексический аспект и тексты. Лексика, как чуткий барометр, быстро реагирует на все перемены, происходящие в социальной сфере бытия. Поэтому для составителей учебников и родного, и неродного языков важно определить, как можно скорректировать лексическую основу изучаемого языка, не оставив без внимания происходящих семантических изменений в лексике, обусловленных научно-техническим прогрессом и изменениями в общественно-политической жизни общества. Правильно организованная лексическая работа, как известно, играет большую роль в овладении речевой деятельностью на неродном языке. Интенсивное увеличение словаря дает учащемуся чувство уверенности в своих силах, позволяет сознательно ориентироваться в чужом языковом пространстве, усваивая законы сцепления новых лексических единиц с целью практического участия в коммуникации на изучаемом языке.

Нельзя забывать и о том, что изучение языковых единиц (а с учетом полилингвизма особенно) невозможно и малоперспективно без соизучения культуры, своей и чужой. Следовательно, нужно искать такие методики и формы

работы, которые позволяют изучать язык и культуру одновременно, поскольку язык неотделим от культурного опыта народа. “Язык есть важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но и аккумуляции знаний культуры” [1, с. 12]. Успех межкультурной коммуникации в условиях поликультурной среды зависит как от полилингвальной компетенции, так и от умения “сочувственно вживаться” в чужую культуру. Роль преподавателя-филолога в таких условиях меняется существенным образом ввиду новизны тех задач, которые стоят перед ним. Он должен выступать в двух ипостасях одновременно: быть преподавателем и методистом родного и неродного языков, чтобы выполнить свою миротворческую миссию. “Каждый язык и каждая культура зорко стерегут своих подданных и ставят препятствия разного рода, “воюют” с другими языками и культурами. В этой войне языков и культур носителями мира, пытающимися примирить сражающихся, оказываются преподаватели иностранных языков, переводчики, культурологи” [5, с.120]. Нужно добавить, что сказанное касается и преподавателей родного языка тоже.

В этой связи хотелось бы привести пример из системы подготовки учителей для гимназий в Германии. Каждый из будущих учителей немецкой средней школы должен выбрать два предмета, с которыми он будет работать в своей профессии, т.е. он должен быть двухпредметником. Комбинации предметов могут быть самыми различными, по усмотрению студента, но преподавать нужно уметь обязательно два предмета. Эта концепция вполне соотносится с нашим видением подготовки будущих филологов, хотя бы для поликультурных регионов страны. Готовить узких специалистов-филологов для работы в таких условиях нерационально и, наверное, просто расточительно, хотя и более привычно, поскольку традиционно. Кстати, интересно и то, что в немецкой гимназии нет предмета немецкая литература, а есть только предмет немецкий язык, но при этом литература не остается за бортом филологического образования. Она входит в предмет немецкий язык и, следовательно, рассматривается при таком подходе как система текстов, в которых непосредственно живут немецкий язык и немецкая культура. В этом смысле интересно сравнить рассуждение В.А. Масловой: “Текст – набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает. Текст создается из языковых единиц низших уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал” [4, с. 249]. Есть, наверное, резон задуматься над следующим методическим моментом. Если в коммуникативной методике преподавания иностранных языков в качестве основной учебной единицы рассматривается текст, то почему ему не отводится такое же место в методике преподавания родного языка? Разумеется, характер учебного текста должен соответствовать другим методическим запросам, поскольку адресуется носителю языка.

Учитель и ученик в наше время становятся союзниками в поиске новых знаний. Сейчас невозможно преподнести раз и навсегда готовые знания. Стремительный поток информации снесет того, кто не научится плавать в этом океане событий и новых технологий. Можно только вооружить своего ученика определенными

компетенциями, обеспечивающими умение вести поиск нужных знаний. Д.С. Лихачев писал: “Преподавание – это творчество, оно требует от учителя таланта, любви к тому, что он преподает, широких знаний” [3, с.488]. Учитывая нынешний образовательный контекст, можно продолжить эту мысль выдающегося ученого: а обучение в современном мире – это причастность к совместному творчеству.

Современный урок словесности как родной, так и неродной, требует от преподавателя большой мобильности, умения создавать яркие дополнения к традиционным учебным комплексам, чтобы поддерживать в постоянном тоне мотивацию обучения у своих учеников, прививать шаг за шагом любовь к своему и чужому слову, к родной и неродной культуре. Тогда межкультурная компетентность станет совсем естественным приобретением. Широкие перспективы открывает для этого аудиовизуальный метод обучения (АВМО), который применялся ранее в практике обучения иностранным языкам. В чистом виде он сейчас не используется, однако имеет в своей основе гибкую структуру, способную к различным модификациям и усовершенствованиям. Самым главным достоинством этого метода является его базовая идея, реализующая сформулированный еще Яном Амосом Коменским закон, основанный на том положении, что новый материал, независимо от конкретного содержания обучения, всегда лучше не только объяснить, но и показать.

Современная динамичная наглядность позволяет задействовать различные каналы восприятия: слух, зрение, интуицию – и обеспечивает многоканальность обучения. Учитывая тот факт, что наибольшее количество информации поступает к нам через зрительный канал, в процессе полилингвального обучения целесообразно оптимально использовать именно визуальный ряд, позволяющий за минимум времени дать большой объем информации. Эффективность усвоения информации будет находиться в прямой зависимости от качества зрительного ряда. Безусловную учебную ценность несут специальные фильмы и компьютерные программы, созданные с учетом методической целесообразности. Однако мы хотим поговорить об аутентичной наглядности, роль которой с успехом может выполнить кино. В зависимости от этапа обучения характер такой кинонаглядности будет меняться. Так, на самом начальном этапе полезными будут видовые фильмы о природе без речевого ряда, позволяющие организовать интенсивную лексическую работу благодаря предметной насыщенности видеоряда. Конечной целью просмотра будет обучение конструированию текста-описания по теме видеofilьма. Далее рационально подключать анимационные фильмы-комиксы типа “Ну, погоди!” без речевого ряда или с минимальным аудиорядом, ограниченным несколькими фразами. Динамичные, увлекательные, небольшие по объему и сюжетно законченные, они насыщены информацией о действии, что позволяет на хорошем эмоциональном фоне формировать навыки полилингвизма, связанные с правильным употреблением глагольной лексики, конструированием минимального высказывания на разных языках. В конечном итоге в результате такой работы перед учащимся открываются реальные возможности для продуцирования минимального текста-повествования на трех языках. На следующем этапе можно вводить небольшие

киноновеллы, имеющие выразительный сюжет, простой речевой ряд, ограниченный небольшими диалогами. Этим требованиям отвечает, например, новелла “Наваждение” из художественного кинофильма “Операция Ы и другие приключения Шурика”. Конечно же, все аутентичные киноматериалы требуют не только тщательного отбора, но и серьезной процедуры методического описания с целью создания специальных рабочих материалов для видеокласса и компьютерной программы для самостоятельной работы. Конкретно остановимся на использовании видового кино о Крыме, который для всех участников коммуникации является родным домом.

Не вызывает сомнения, что всех крымчан, хотя принадлежат они к разным культурам и разные языки считают своими родными, объединяет любовь к родному краю. Это и становится отправным моментом в использовании фильма “Крым. Рапсодия природы” в качестве учебного для создания базовых лексических знаний по теме “Природа” с целью формирования начальных навыков русско-украинско-крымскотатарского полилингвизма. На первый взгляд может показаться, что эта тема не имеет прямого отношения к развитию навыков межкультурной коммуникации. Однако насыщенный информацией видеоряд без речевого сопровождения на хорошем музыкальном фоне позволяет прекрасно организовать лексическую работу по усвоению названий природных объектов на трех языках параллельно. В такой творческой обстановке свое и чужое слово мирно уживаются на одном пространстве и легко запоминаются, потому что сам фильм настраивает на любовь, создает дружелюбную атмосферу обучения. Так закладывается позитивный эмоциональный настрой на чужое, которое хочется познать, что совсем немаловажно в межкультурной коммуникации.

Во время просмотра фильма в видеоклассе учащиеся получают рабочие материалы, включающие список лексических единиц, называющих на трех языках объекты предметного плана: *море, волна, ветер, лес, пчела*. Если позволяет видеоряд, в этих материалах представлена и глагольная лексика, обозначающая действия, происходящие в природе: *море шумит, волна плещется, ветер дует, лес растет, пчела летает*. Такой способ семантизации лексики, подкрепленный динамичной наглядностью, уже с самого начала вооружает учащегося минимальными знаниями, необходимыми для конструирования предложения в изучаемых неродных языках. В совокупности предикативные сочетания, составленные учащимися в процессе просмотра фильма, позволяют продуцировать параллельный микротекст по теме “Природа. Растительный и животный мир Крыма” на трех языках, из которых родной язык становится хорошей основой для изучения неродных. В целом же киноурок имеет еще и свойство игры, поскольку ученик и учитель одновременно исполняют социальную роль зрителя. Это означает, что просмотр фильма не ограничивается чисто учебной деятельностью, но превращается в киносеанс. А согласно данным психологии, которые приводит Д.Н. Кавтарадзе, “у человека остается в памяти приблизительно 10% из того, что он слышит, 50% из того, что он видит, и 90 % из того, что он делает” [2, с. 17]. Наш ученик во время урока дополнительно “посещает” кинотеатр и “выполняет работу” зрителя. Его кинопутешествие по Крыму благодаря выразительности зрительного

ряда стимулирует желание назвать все, что он хорошо знает, словами другого языка. Вопрос *как это (море, небо, солнце) называется у крымских татар?* вполне логичен при таком подходе к соизучению своего и чужого. Так можно деликатно закладывать основы полилингвизма и межкультурной компетентности, раскрывая резервы памяти учащегося путем использования новейших технологий, прививая вкус к изучению языков и культур. Подобная лексическая работа может проходить и самостоятельно при наличии компьютерной программы, обеспечивающей пошаговый доступ к информации, поэтому предполагается создание технического обеспечения на базе существующей методической разработки для видеокласса.

Преимущество аутентичных фильмов состоит в их абсолютной естественности, они снимают необходимость искусственно моделировать речевые ситуации, обеспечивают хорошее физическое и психоэмоциональное самочувствие учащегося, что является залогом успеха усвоения большого объема лингвистических знаний. При высокой степени интенсивности работы учащийся не подвергается стрессу и не испытывает резкой утомляемости, так как в процессе обучения участвует не только мозг, но и душа, и тело, поэтому учеба превращается в удовольствие. Задача преподавателя – создать спокойную и творческую обстановку на уроке, чтобы обеспечить комфорт усвоения знаний. Подобный тон взаимоотношений складывается, если учитель и ученик интересны друг другу как собеседники, понимающие, что духовное общение людей, их взаимопонимание и сотрудничество начинается, как правило, с культуры, а в межкультурной коммуникации – с общения культур. Если урок превращается в приятный диалог-общение на основе совместной увлеченности познавательной деятельностью, то узнавание другой культуры, которая “живет” совсем рядом в поликультурном социуме, порождает у ученика естественную потребность познакомиться с новым языковым кодом, чтобы почувствовать “энергетику” соседствующей культуры. Мы полностью согласны с высказыванием В.И. Вернадского о том, что “язык есть энергия человеческой культуры”. А в поликультурном социуме столько “энергий”, сколько и культур его составляющих. Из этого следует, что Крым – мощный источник культурной энергии, доступ к которой можно получить прежде всего благодаря изучению языков народов, населяющих поликультурное пространство.

Выводы. Получается, что мы, живя в Крыму, обречены на полилингвизм уже с колыбели. В этом, наверное, заключается и наше преимущество перед другими участниками процесса глобализации: нам не нужно привыкать к мысли о полилингвизме, который неотъемлем от межкультурной коммуникации. Исторически мы готовы к такой ситуации. Осталось только самое немаловажное: с учетом *дальнейших перспектив* перестроить нашу систему образования в соответствии с требованиями времени, сделать ее максимально гибкой и открытой к переменам, не выплескивая при этом ребенка и не забывая ничего доброго старого, которое верой и правдой служило нам, выводя нас на передовые рубежи науки и знаний. Без традиции и уважения к своему историческому прошлому нельзя двигаться вперед. Не разрушая, а созидая на основе накопленного методического опыта, можно добиться реальных творческих успехов в решении задач формирования современного компетентностно-ориентированного образовательного

пространства, в котором будут учтены в полной мере также практические интересы участников межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев // Теория и методы. – М., 1997. – 331 с.
2. Кавтарадзе Д.Н. Обучение и игра / Д.Н. Кавтарадзе. – М.: Просвещение, 2009. – 176 с.
3. Лихачев Д.С. Книга беспокойств. Статьи, беседы, воспоминания / Д.С. Лихачев. – М.: Изд-во “Новости”, 1991. – 528 с.
4. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре: [монография] / В.А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики: [учеб. пособие] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.

Новікова Т.Ю. Навчання міжкультурної комунікації та сучасний освітній контекст // Учене записки Тавричеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.12-19.

У статті розглядаються питання навчання міжкультурної комунікації у зв'язку з полілінгвізмом. Йдеться про використання динамічної наочності в організації лексичної роботи на початковому етапі навчання у процесі вивчення двох нерідних мов.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, полілінгвізм, рідна мова, нерідна мова, метод навчання, нові технології, динамічна наочність.

Novikova T.Yu. The teaching of cross-cultural communication and the contemporary context of education // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.12-19.

In the article are discussed questions of teaching cross-cultural communication in the context of polylinguism. Pointed out is the application of visualization by way of dynamic pictures in organizing lexical work on a beginner's level in the process of the parallel learning of two foreign languages.

Key words: cross-cultural communication, polylinguism, native language, foreign language, teaching method, new approaches in language teaching, visualization by way of dynamic pictures.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

РАЗДЕЛ 2. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ТРАДИЦИЯ

УДК 811.161.1

ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН КАК ТЕРМИНЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Богданович Г.Ю.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассматривается терминология межкультурной коммуникации, отражающая специфику лингвокультурной ситуации.

Ключевые слова: *русский язык, межкультурная коммуникация, компетентностный подход, полилингвокультурная ситуация, полилингвокультурный феномен.*

Актуальность. В современной науке о языке, которая все активнее взаимодействует с разнообразными сферами гуманитарного и негуманитарного знания, теория межкультурной коммуникации занимает особое место. Расширяются тесные связи с такими сферами знаний, как социология и социолингвистика, культурология и лингвокультурология, лингвострановедение, этнология, этнолингвистика, этносемантика, психология, психолингвистика и этнопсихолингвистика, коммуникативная лингвистика, лингвопрагматика и межязыковая прагматика, методика преподавания иностранных языков и др. Все чаще появляются серьезные аналитические работы, в которых обобщаются достижения теории и практики межкультурной коммуникации. Это позволяет говорить о том, что значение межкультурной коммуникации давно перестало принадлежать только сфере преподавания иностранных языков и распространилось на проблемное поле гуманитарного, междисциплинарного знания. Формируется новая парадигма межкультурной коммуникации, которая становится новой онтологией анализа языкового сознания, онтологией современного языкового образования.

Становится понятным, что теория межкультурной коммуникации должна иметь проблемное поле теории межкультурной коммуникации, его конфигурацию (ядро, периферию), границы, контакты с проблемными полями близких направлений исследований, основную (презентативную) единицу. В значительной мере упомянутые вопросы связаны с обработкой терминологического аппарата межкультурной коммуникации как отдельного направления научных исследований.

Постановка проблемы. Основная тематика специальных исследований теории и практики межкультурной коммуникации сконцентрирована вокруг проблем успешности / неуспешности общения представителей разных этнических (национальных) лингвокультурных сообществ, установления причин неудач, выявления отличий коммуникативного поведения носителей разных языков и культур, а также разницы в организации языкового и неязыкового кодов, которая влияет на качество межкультурной коммуникации.

Презентативной единицей теории межкультурной коммуникации как научного направления следует считать *культурно-специфический смысл*. Такая единица отображает динамичную межличностную природу интеракции носителей разных культур; она в определенной мере соотносится с единицами и категориями идиоэтнических языков, а потому подлежит лингвистическому изучению.

По мнению Ф.С. Бацевича, межкультурная коммуникация – процесс общения (вербального и невербального) людей (групп людей), которые принадлежат к разным национальным лингвокультурным сообществам, как правило, пользуются разными идиоэтническими языками, чувствуют лингвокультурную «чуждость» своего партнера по общению, имеют разную коммуникативную компетенцию, которая может стать причиной коммуникативных неудач или культурного шока в общении. Межкультурная коммуникация характеризуется тем, что ее участники в случаях прямого контакта используют средства языкового кода с культурно-специфическими смыслами, а также стратегии и тактики общения, которые отличаются от тех, которыми они пользуются в случаях интеракции внутри одной и той же культуры.

Таким образом, специфика межкультурной коммуникации как направления лингвистических исследований состоит в ее междисциплинарной природе, тесных связях с проблематикой прежде всего коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики и этнолингвистики. Предмет исследования теории межкультурной коммуникации формируется на основе коммуникативных, лингвопрагматических основ интеракции носителей разных идиоэтнических культур с обязательным выявлением отличий их психо-социо-когнитивных принципов, которые проявляются в употреблении культурно-специфических смыслов.

Исследование проблем межкультурной коммуникации невозможно без выявления, определения границ и описания терминологии этой научной сферы.

Лингвокультурная ситуация, характеризующаяся функционированием на одной территории различных языков, может быть обозначена как полилингвокультурная. Содержание понятия «полилингвокультурный» может быть определено с учетом данных многих наук, и прежде всего лингвокультурологии, этнопсихологии, социолингвистики, которые, в свою очередь, опираются на достижения современного языкознания в области семантики, когнитивной лингвистики, прагматики [1].

Полилингвокультурный феномен (ПЛКФ) – особая целостность, природа которой неизмеримо сложнее монокультурного, понимаемого как национально-лингво-культурное сообщество, подавляющее большинство которого говорит на

одном языке, и бикультурного, языковое пространство которого организуется двумя близкородственными языками.

ПЛКФ представляет разнообразие проявлений культуры и, значит, особое (толерантное, конфликтное и т.д.) к ним отношение. В сложных условиях взаимодействия формируется особый конструкт общности – прежде всего через ценностное отношение к универсальным (общечеловеческим) концептам.

Полилингвокультурный феномен формируется не путем «сложения» этносов, социальных групп, а в результате выявления признаков полилингвокультурной ситуации, возникшей в многоэтном пространстве, имеющем свой культурный фон, культурно-историческое наследие, традиции, культурные концепты и характеризующемся специфическими культурными процессами (взаимодействие культур, интеграция социально-культурных проявлений разных культур).

ПЛКФ соотносится с синхронической лингвокультурологией, так как фиксирует взаимосвязь этносов в конкретный исторический период, что не исключает привлечения данных диахронической лингвокультурологии.

Полилингвокультурный феномен не столько результат сравнительной лингвокультурологии, сколько объединение, взаимоналожение и взаимовлияние лингвоментальных признаков, сформировавшихся в пространстве разных, но тесно контактирующих этносов.

ПЛКФ проявляется в особенностях концептосферы, в дискурсивной практике носителей нескольких культур, в стереотипах речевого поведения (при наличии общего стереотипизированного опыта).

В условиях полилингвокультурной ситуации (ПЛКС) образуется некое *коллективное когнитивное пространство*, являющееся шире национальной когнитивной базы (коллективное когнитивное пространство, национальная когнитивная база – понятия этнопсихолингвистики [4], в которой они относятся к одному национально-культурному сообществу, объединенному одним языком, не включенному в социально-культурное взаимодействие с другой культурой и языком).

ПЛКС по-особому диалогична. Диалог внутри одной национальной культуры проявляет себя в наличии субкультур – это в синхроническом плане. В диахроническом – диалог выявляется во взаимодействии прошлого с настоящим, в мере и способах вхождения картины мира прошлых поколений в жизнь нынешнего, в структурно-функциональных преобразованиях лингвоментальных моделей, в накоплении новых семантических и концептуальных признаков языковых единиц.

Рассмотрение культуры через диалог культур – общеметодологический научный принцип. Выраженная диалогичность культур в ПЛКС позволяет говорить о специфике идентификации и идентичности языковой личности.

Идентичность – «это твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношения личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильности владения личностью собственным «Я» независимо от изменений «Я» и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [6, с. 11].

Идентичность социально детерминирована и процессуальна. Идентификация жителя Крыма связана как с историей его народа, так и с историей полуострова. Личность в полилингвокультурной ситуации включается в общее поле культуры, сформировавшееся именно в Крыму.

Социальная категоризация и межэтническое сравнение происходит в среде людей, имеющих общий социальный опыт и так или иначе проявленное чувство связности («эффект гомогенности»). В какой-то мере особенности полилингвокультурной ситуации в Крыму подтверждают мысль о том, что «глобализация ведет к кризису идентичности» [3, с. 39].

Сильнодействующим межкультурным фактором являются средства массовой информации, расширяющие круг прецедентных феноменов через рекламу, эстрадные песни, анекдоты и многие другие актуальные в познавательном и оценочном плане прецедентные ситуации и имена. Все это формирует общее когнитивное пространство, хранится в виде инвариантов восприятия, как правило, имеет общий, хотя бы минимальный, вербальный план. Национальные прецедентные феномены известны в меньшей степени.

Экстраполируя идею значимости прецедентности в этнопсихолингвистике на полилингвокультурную ситуацию с коррекцией специфики последней, можно согласиться с инициатором этой идеи В.В. Красных в том, что «вхождение прецедентного феномена в центр когнитивной базы предопределяется высокой степенью самого феномена (в случае с вербальными феноменами – прецедентным именем и прецедентным высказыванием) и единичным инвариантом его восприятия» [4, с. 119].

Если в монолингвокультурной ситуации стереотипы всегда национальны, то в ПЛКС на основе знаний общего характера формируются и общие стереотипы.

Специфика языковой личности, формирующейся в условиях полилингвокультурной ситуации, связана с ее естественным и динамичным взаимодействием с несколькими культурами и константами, с другими языками.

Оставаясь носителем национальной ментальности и языка, человек, участвуя в совместной деятельности с представителями других национальностей, вбирает, а то и «присваивает» черты другой культуры, что отражается в характере реального общения, стратегии и тактике дискурсов.

Идентификация и самоидентификация формируются на основе языка. В ПЛКС Крыма большая объединительная роль принадлежит русскому языку. Универсальные коммуникативные модели строятся на основе русского языка.

Взаимодействие языковых личностей, обмен информацией, выбор способа воздействия на собеседника для осуществления совместной деятельности требуют адекватного понимания, которое может быть обеспечено в условиях общей социумной пресуппозиции (пресуппозиция здесь понимается, вслед за В.В. Красных, «как зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов») [4, с. 24].

На основе русского языка строится региональная идентичность не только живущих в Крыму русских, но и представителей других национальностей. Даже те из них, которые имеют ярко выраженную этническую идентичность, по

свидетельству социологов, используют русский язык для повседневного общения, коммуникации в общественных местах и с коллегами [3, с. 98].

Идентификация и социологизация личности в Крыму происходит в ПЛКС, которая определяет функционально-коммуникативное предназначение русского языка, диапазон вариативности языковых средств.

Являясь фактором региональной идентичности, русский язык снимает напряженность межличностных отношений, служит средством общения с представителями других культур, выполняет общественно значимую роль транслятора сведений о культуре совместно проживающих народов.

С помощью русского языка, выступающего в адаптационной роли, приобретает межкультурная компетентность, формируется мультикультурный человек, который «обладает гибкостью, позволяющей приспособиться к любой ситуации и креативно управлять любым межкультурным напряжением и возможным конфликтом. На этой стадии личность достигает максимальной способности общаться с индивидами из различных культур и принимать решения независимо от нормативных действий и ценностей данной культуры» [3, с. 39].

Компетентностный подход, который набирает силу в современной школе, является отражением этой потребности общества в подготовке людей не только знающих, но и умеющих применить свои знания. Компетенции рассматриваются как осознанная человеком способность (возможность) реализации знаний и умений для эффективной деятельности в конкретной ситуации.

Основные ключевые компетенции, которые были выделены на симпозиуме «Ключевые компетенции для Европы» в 1996 году в Берне, озаменовали общемировую тенденцию обновления результирующих единиц образовательного процесса. Это общеизвестные в настоящее время политические и социальные компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе, компетенции, относящиеся к владению общением более чем на одном языке, информационно-коммуникативные компетенции, способность учиться на протяжении всей жизни. Ключевые компетенции являются «ключом», основанием для других, более конкретных и предметно-ориентированных. Они носят надпредметный, надпрофессиональный характер и необходимы в любой области деятельности. Ключевые компетенции представляют собой различные универсальные ментальные средства, инструменты (способы, методы, приемы), позволяющие достигать человеком значимых для него целей (результатов) в неопределенных, проблемных ситуациях самостоятельно или в сотрудничестве с другими. Ключевые компетенции востребованы в различных видах человеческой деятельности, именно они свидетельствуют о качестве образования, о том, насколько оно приближается к проблемам повседневной жизни, определяет успешность их решения.

Ключевые компетенции востребованы в различных видах человеческой деятельности, именно они свидетельствуют о качестве образования, о том, насколько оно приближается к проблемам повседневной жизни, определяет успешность их решения [1].

Выводы. Компетентностный подход в образовании предполагает освоение учащимися различного рода умений, позволяющих им в будущем действовать

эффективно в ситуациях профессиональной, личной и общественной жизни. Особое значение уделяется умениям, позволяющим действовать в новых, неопределенных ситуациях, для которых нельзя заранее наработать соответствующих средств. Таким образом, компетентностный подход является усилением прикладного, практического характера всего школьного образования, в том числе и предметного обучения. И в этом немалая роль отводится лексикографическим источникам.

Список литературы

1. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г.Ю. Богданович. – Симферополь: Доля, 2002. – 397 с.
2. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1973. – 253 с.
3. Коростелина К.В. Система социальных идентичностей: опыт анализа этнической ситуации в Крыму / К.В. Коростелина. – Симферополь: Доля, 2002. – 255 с.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: [курс лекций] / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис / Э. Эриксон; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 287 с.

Богданович Г.Ю. Полілінгвокультурна ситуація та полілінгвокультурний феномен як терміни міжкультурної комунікації // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.20-25.

У статті розглянуто термінологію міжкультурної комунікації, що відображає специфіку лінгвокультурної ситуації.

Ключові слова: *російська мова, міжкультурна комунікація, компетентнісний підхід, полілінгвокультурна ситуація, полілінгвокультурний феномен.*

Bogdanovich G.Yu. The polylinguocultural situation and the polylinguacultural phenomenon as terms of intercultural communication // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.20-25.

The article deals with the terminology of intercultural communication, reflecting the specificity of linguocultural situation.

Key words: *Russian language, intercultural communication, competence approach, polylinguocultural situation, polylinguacultural phenomenon.*

Поступила в редакцию 15.04.2011 г.

УДК 811.161

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ЯЗЫКЕ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АРАБСКИХ ПАРЕМИЙ)

Алкади Мансур Салех Абду

Амранский государственный университет, Йемен

Статья посвящена проблеме описания национально-специфического в языке в целях обучения успешной межкультурной коммуникации. В сопоставительном плане анализируются русские и арабские поговорки, объединенные значением “житейская мудрость”.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, культура, фразеология, поговорка, сравнение, эквивалент, арабский язык.*

Актуальность исследования обусловлена отсутствием в науке единого мнения о месте и значимости национально-культурного компонента в структуре фразеологического значения, отсутствием лингвокультурологического анализа поговорок русского языка в сопоставлении с идиоматикой арабского, позволяющего выявить языковую и внеязыковую специфику содержания национально-культурного компонента поговорок, а также его функциональную принадлежность. Объектом изучения является поговорочный фонд названных языков, рассматриваемый как яркая иллюстрация отражения в языке характерных черт мировоззрения изучаемого языкового сообщества, трансляции культурных установок народа – носителя языка. Эмпирической базой послужили языковые факты, полученные в результате сплошной выборки поговорочных изречений из толковых и фразеологических словарей русского и арабского языков, анализа материалов прессы и произведений художественной литературы. Общий объем картотеки составил более 4000 единиц, из них подверглись сопоставительному анализу 400 пословиц и поговорок из русского языка и 200 – из арабского. Кроме того, в исследовании использовался фактический материал, собранный автором во время работы переводчиком. В процессе анализа учитывались также данные эксперимента, проведенного с носителями арабского языка. Целью исследования является определение специфики национально-культурного компонента на базе сопоставительного анализа русских и арабских поговорок, входящих в группу «житейская мудрость». Для анализа выбрана именно эта группа, поскольку она хорошо представлена в обоих языках и отличается развитой системой смыслов, что позволяет наиболее отчетливо выявить их сходство и различие. Проблема взаимосвязи языка и культуры является одной из центральных в языкознании. Попытки решения этой проблемы наблюдались уже в трудах известных языковедов В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Ш. Балли, Ж. Вандриеса, Р.О. Якобсона и других исследователей. Так, например, согласно концепции В. Гумбольдта

"материальная и духовная культура воплощается в языке, национальный характер проявляется в языке посредством особого видения мира. Языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, которая является выражением "народного духа" [1, с.63]. Вопросы взаимодействия языка и культуры разрабатывались в трудах таких известных ученых, как Ю.М. Лотман, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Ю.Н. Караулов, В.А. Маслова, В.Н. Топоров, а также в работах Л.Г. Саяховой, С.В. Ивановой и ряда других учёных. На современном этапе развития человеческого общества всё больше внимания уделяется проблемам развития языка как средства общения и как кладовой знаний и памяти о материальных, социальных, духовных, культурных достижениях и богатствах различных народов. Этот интерес обусловлен "взрывом" межкультурного общения, на который указывают многие исследователи, в том числе и лингвисты. Как справедливо отмечает С.Г. Тер-Минасова, "все тонкости и вся глубина межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными, а иногда и просто осознаваемыми, при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры со своей родной, привычной [4, с.67]. Тесно взаимодействуя друг с другом, оба феномена – язык и культура – имеют большую зону пересечения. Язык является неотъемлемым компонентом мышления, а пространство значений представляет собой отражение культурного сознания, что проявляется в национально-культурной маркированности фразеологических и паремических единиц. Основным свойством таких единиц является образность, которая связана с духовной культурой данной языковой общности и поэтому может свидетельствовать о ее опыте и традициях, поскольку национальная культура служит унифицирующим, объединяющим народ фактором. Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы. Языковые единицы, обладающие культурно-национальной спецификой, имеют свои способы ее отражения в языке, а концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы являются знаками общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка. Таким образом, культура и язык – это формы сознания, отражающие мировоззрение человека. Именно во фразеологической системе языка воплощено культурно-национальное мировоззрение, поэтому единицы этой системы языка приобретают роль культурных стереотипов. Пословицы и поговорки, составляющие паремиологический фонд, можно рассматривать как стереотипы народного самосознания. Это веками сформировавшийся язык быденной культуры, в котором в краткой форме отражены категории и установки жизненной философии народа как носителя данного конкретного языка. Следовательно, пословицы и поговорки представляют собой своего рода «кладезь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, а значит, и его культуру. Давнюю историю имеет проблема паремий в общем и арабских паремий в частности. Общим вопросам фразеологии, пословицам и поговоркам, психолингвистическим особенностям формирования этнокультурных стереотипов посвящены работы Н.Н. Амосовой, О.А. Егоровой, А.В. Кунина,

А.И. Молоткова, Г.Л. Пермякова, Л.В. Полубиченко, Ю.А. Рубинчика, З.К. Тарланова, В.Н. Телия и др. Арабская фразеология и паремии рассматриваются в работах арабистов Ландберга, аль-Майдани, аль-Мубаррада, Ибн Мансура, ат-Тикрити, аль-Фахури, Фурайха, Шанеба; в российской арабистике – в трудах И.А. Амирьянца, В.Д. Ушакова, Г.Ш. Шарбатова и др. В силу компрессии общественного опыта в пословицах наиболее ярко проявляется национально-культурная специфика языка, его связь с национальной и духовной жизнью народа, его историей. Высшего своего уровня, как и высшей цели, межкультурная коммуникация может достичь при условии обращения коммуникантов к текстам художественной литературы, к фразеологическим и толковым словарям. Только овладев столь важными ресурсами языка и культуры, в которые входят пословицы и поговорки, участники межкультурной коммуникации получают возможность органично оперировать такими транскультурными концептами, как "жизнь", "смерть", "Бог", "судьба", "добро", "зло", "родина", "чужбина", "любовь", "ненависть" и под. Изучение этих концептов приведет к мысли о многих общих чертах в менталитете арабского и русского народов. Разумеется, подобные факты должны быть вычленены и систематизированы. В пословицах и поговорках разных народов есть много интернациональных тем и мотивов. Это и вполне понятно, так как народы разных стран и культур имеют, как правило, схожие моральные идеалы. Поэтому, изучая скрупулезно арабские пословицы и поговорки, сравнивая их с русскими, мы получаем прекрасную возможность существенно расширить собственные знания арабского языка, познакомиться с некоторыми обычаями и фактами истории арабов, обогатив при этом родной язык, научиться понимать народную мудрость, приобщиться к общечеловеческим моральным ценностям. В качестве примера рассмотрим концепт "удачливости, счастья, благополучия". Он передается в русском языке фразеологизмом *родиться в сорочке, родиться под счастливой звездой*, а в арабском – паремией *Он счастлив по воле бога أن يكون سعيد من السعداء*. Носители обеих культур вкладывают в данный концепт идею о том, что само рождение человека предрешает его участь, и удача, счастье, благополучие зависят от предначертания свыше. В другой арабской пословице *Забрал сладость أخذ الحلاوة* реалия "сладость" реализует конкретное значение – наиболее распространенное среди арабов праздничное лакомство. Свойственное человеку желание съесть самое вкусное было положено в основу наблюдения, но в дальнейшем оно переосмыслилось, что и привело к возникновению вышеупомянутой пословицы, реализующей смысл "взять себе самое лучшее". Точно такой же смысл вербализуется в русском эквиваленте *снимать сливки*. Данные единицы можно считать функционально-смысловыми эквивалентами; расхождение же их лексического состава показывает, что для выражения одинаковых концептов каждый народ берет привычные образы и оперирует хорошо известными его представителям понятиями. Особое внимание хотелось бы обратить на то, что основные категории языковой картины мира присущи каждому обществу, но воспринимаются и наполняются в образных единицах они по-разному. В качестве примера рассмотрим понятие "малое-большое", "часть-

целое". Арабская поговорка *Дай ему шипр, он скажет дера* اديلة شير قال ذراع, вербализующая концепт "жадность", "ненасытность", имеет русский функционально-смысловой эквивалент *Дай ему палец, он и всю руку отхватит*. В сравниваемых языках используются одинаковые синтаксические структуры и лексически эквивалентные глаголы, а сравнение идет по линии "большое-малое", "часть-целое", но в русском языке лексическое наполнение поговорки совершается по сценарию "части человеческого тела", а в арабском – по сценарию "меры длины". Меры длины отличаются в культурах этих народов, поэтому упоминаемые в арабской поговорке "шипр" и "дера" являются реалиями только арабского народа. Для адекватной межкультурной коммуникации без каких-либо информационных потерь необходимо знать реальные величины используемых арабами измерений или хотя бы иметь приблизительные представления о них. Расхождения объектов для сопоставления в процессе реализации одинаковых концептов объясняются различиями в образе жизни разных народов, что отражается на национальных особенностях мировосприятия. Поэтому для описания концептов реальной действительности каждый народ выбирает свои, близкие ему понятия для сопоставления, ориентируясь на реципиента своей культуры. Так, арабы для сопоставления большого и малого используют меры измерения земли, которой у них не так уж и много. Данные реалии (шипр и дера) указывают на национальную принадлежность поговорки. Но для русского народа данное сопоставление не несет в себе ярко выраженной образности в силу его меньшей наглядности, так как земли в России всегда было много. Для более наглядного раскрытия понятия "функционально-смысловой эквивалент" приведем примеры арабских паремий и их русских эквивалентов из группы "Житейская мудрость", не останавливаясь подробно на их анализе.

1. *Прежде соберись, а потом дерись* اختار الرفيق قبل الطـ *Найди себе спутника до того, как выходишь в путь*
2. *Ломать – не строить* مخرب غلب الف مدار *Один сломает больше, чем тысяча построит*
3. *Всяк сверчок знай свой шесток* المراد حيث يضع ذيل الكلب عمرة لقال جمرة *Знай свое место*
4. *Каков черт от люльки, таков и в могилу* ما يستوي *Хвост собаки как трясся, так и будет трястись*. (Так говорят о плохом человеке, которого невозможно изменить).
5. *В семье не без урода* لكل قوم كلب اصحابك *У любого коллектива есть своя собака*
6. *Похожи как две капли воды* لا شبيه به من الثمرة بالثمرة *Похожи друг на друга, как два финика*
7. *В каждой шутке есть доля правды* ر مزح في غوره جد *Часто в глубине шутки кроется серьезность*
8. *Не судите и не судимы будете* اسمح يسمح لك *Прости и будешь прощен*
9. *На вкус и цвет товарища нет* لو قلت تمرة لقال جمرة *Если скажешь финик, он скажет мякоть (ствола пальмы)*
10. *Клин клином вышибают* لا يفل الحديد الا الحديد *Только железо дробит железо*
11. *Насильно мил не будешь* لا خير في ود يكون بشافع *Нет добра в любви, если она поддерживается посредником*
12. *Ни рыба ни мясо* لا يبرد ولا يجمي *Не греет и не морозит*
13. *Видя волну на море – не ездь* أمام الموت تتحني الرؤوس *Когда разбивается волна, нагни голову*
14. *Всякому овощу свое время* قال كل شيء بأوانه *Петуху сказали: "Спой", а он ответил: "Всему свое время"*
15. *И короли ошибаются* *На*

всякого мудреца довольно простоты Смелый всадник может упасть, а лошадь споткнуться لكل فارس هفوه ولكل جواد كيوه

Наличие безэквивалентной соотнесенности разноязычных паремий опирается на различие образов, мотивирующих их значение. В этом проявляется их национально-культурное своеобразие. Уникальность образов, ассоциаций, характерных только для данной конкретной лингвокультуры, наличие фразеологических единиц, не имеющих хоть сколько-нибудь близких соответствий в других языках, возможно лишь благодаря способности национально-культурного компонента отражать образ жизни, характер, историю, духовную жизнь, обычаи, традиции, реалии народа – носителя этой культуры. В качестве такого безэквивалентного примера приведем русский фразеологизм *крутиться как белка в колесе*. Его приблизительным арабским эквивалентом может служить пословица *نسمع جعجعة ولا نراء طحين* Жернова мелют – мелют, а мука не сыплется. Подобрать это соответствие сложно, так как фразеологические единицы, имеющие в своей основе реальные исторические события, обычаи, обряды, поверья, требуют от инокультурного реципиента знания дополнительной историко-этимологической информации, широкого культурного контекста. В русском языке фразеологизм *крутиться как белка в колесе* появился из басни И.А. Крылова “Белка”. *Выводы*. Пословицы и поговорки высокоинформативны, поэтому в силу своего огромного лингвострановедческого потенциала существенно расширяют комплекс знаний инокультурного реципиента об истории, традициях, географии их народа-творца. Более того, они показывают совершенно особый и неповторимый взгляд народа на окружающую его представителей действительность. У большей части пословиц и поговорок, содержащих культурные реалии в одном языке, нет лексически эквивалентных единиц в другом языке. Они могут совпадать и совпадают лишь концептуально. И несмотря на тождество понятийной части значения ряда пословиц и поговорок выразительный колорит не позволяет вести речь об их полной семантической эквивалентности. Иными словами, паремии русской и арабской лингвокультурных общностей, имея ряд общих пересечений, не являются полностью тождественными. Это представляет особый интерес в плане выявления их значения и этимологии с целью получения фоновых знаний о культуре того или иного народа. P.S. Арабы часто говорят, что приятная встреча подобна воде, которая оmyвает твою печень. Почему печень? Потому что традиционно в представлении арабов центральным органом являлось не сердце, как в русской культуре, а печень. В жарком климате и при использовании большого количества специй и употреблении жирной пищи она была больше всего подвержена заболеваниям. Для русских все приятные эмоции связаны с ощущением тепла, а у арабов тепла в избытке, и их приятные эмоции ассоциируются с холодом. Поэтому когда русский скажет, что у него потеплело на сердце, араб ответит, что у него похолодело на печени. В характере каждого народа есть свои особенности, но это не означает, что между людьми в процессе межкультурной коммуникации должна быть непреодолимая стена непонимания. Просто есть национальные особенности. Их надо изучать.

Список литературы

1. Гумбольдт В. О различии в строении человеческого языка и его влияние на духовное развитие человеческого рода / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
2. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И.Даль. – М., 2000.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И.Даль. – М., 1995.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008.
5. معجم الامثال العربية ، تاليف رياض عبد الحميد مراد ، اربع اجزاء

Алкаді Мансур Салех Абду **Національно-специфічне в мові та міжкультурна комунікація (на матеріалі російських і арабських паремій)** // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации».* – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.26-31.

Стаття присвячена проблемі опису національно-специфічного в мові в зв'язку з вивченням успішної міжкультурної комунікації.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, культура, фразеологія.

Alkadi Mansur Saleh Abdu **The specifically national factor in language and its significance for cross-cultural communication (on the basis of Russian and Arabic proverbs and phraseologisms)** // *Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios».* – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.26-31.

The article deals with the problem of analyzing the specifically national factor in language for the purpose of teaching cross-cultural communication. Comparatively analysed are Russian and Arabic proverbs and phraseologisms with the common meaning of “worldly-wisdom”.

Key words: cross-cultural communication, culture, phraseology, proverbs, phraseologisms, comparative analysis, equivalent, Arabic language.

Поступила в редакцію 29.03.2011 г.

УДК 372.881'373.614.046.16

КОНЦЕПТ-КОНСТРУКТ «ОГОНЬ» В МЕНТАЛЬНОЙ ОБРАЗНОСТИ АБХАЗОВ

Амичба Д. П.

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

Анализируется общечеловеческая константа «Огонь», структурированная концептом-конструктом «Дом». Рассматриваются национально-культурные компоненты – «уют очага», «жизнь», «смерть», «кровь».

Ключевые слова: *общечеловеческое, концепт – конструкт, огонь, очаг.*

«Огонь», как известно, «духовная составляющая бытия», один из его пяти элементов: воды, ветра, земли и человека. Неудивительно, что наши чувства, действительно, многообразны, многокомпонентны и всегда «выводят нас в поле энергий» указанных пяти элементов [5.т.2, с.219]. Ведь, когда мы любим или любимы, в наших сердцах *горит огонь любви. Огонь ненависти* вспыхивает, когда испытываем *лютую вражду*. Воодушевлённые способны *свернуть горы, в наших руках* в это время *всё горит*. Огонь бывает добрый и злой. «Огонь» – общечеловеческое понятие с глубинными ментальными полями отрицательной и положительной коннотаций[1-3].

Цель данной статьи – показать, какими базовыми понятиями структурирован концепт «Огонь» в абхазском языке. *Задача* – описать концепт «Огонь» и структурирующие его понятия: «дом», «уют очага», «сердце = душа», «любовь», «кровь».

Слово огонь, по данным этимологического словаря М. Фасмера, «происходит из *ognis, родственного лит. ugnis, род. п. ugniës, вост.-лит. ùgnis, лтш. uguns (u- – результат редукции o-, судя по лит. agnùs "огненный"), др.-инд. agniṣ м. "огонь", хетт. agniš, лат. ignis из *egnis... Недостоверно родство с сербохорв. виѣань "кузница", чеш. výheň "кузнечный горн"» [8]. «Огонь» и «очаг» – понятия, находящиеся на одном ментальном уровне, поскольку структурируют ментальный конструкт «Дом». Концепт «Очаг» этимологически относят к тюркским языкам. В указанном словаре даётся следующая ссылка: «Заимств. из тюрк., ср. азерб., чагат. оѣау "очаг", тур., крым. – тат. оѣак – то же, тар. Оѣак...» [10]. Следует заключить, что слово «очаг» воспринимается как материальная калька, и ни в одном словаре мы не встречаем дословного перевода. АуаБѣак или «очаг» в абхазском языке переводится и как «камин». Камин – это то место, где собирается семья. Слово-композит ауаБѣак в абхазском языке можно перевести дословно как «люди + вместе» или дружная семья, собирающаяся возле камина, в котором зажжён «огонь», или

амца по-абхазски. «Очаг» – это не только «устройство для поддержания огня», но и тепло домашнего (семейного) уюта. Следует отметить, что анализируемое слово в русском языке употребляется и в значении «родной дом, семья, свой, семейный» [8, с.486]. Синонимом слову «очаг» выступают следующие: «источник, центр; пенаты, пепелище; метастаз, первоочаг, фокус, дом, чувал, средоточие, камелек, сердце, форнакс, очажок» [10]. «Дом» – культурное пространство человека, его семьи, близких и дорогих сердцу людей. Место, где происходят важные события в его жизни. Принято этимологию слова *дом* возводить к древнеиндийскому корню *dāmas* «дом», отсюда *dāmīnas* «домашний, связанный с домом», авест. *dam-* м. «дом, жилье», греч. *δομος, δομή* «строение» ... греч. *δομα*, род. п. *δοματος* ср. р. «дом», *δομαρ*, род. п. *δομαρτος* «хозяйка, супруга», др.-исл. *timbr* «строительный лес», греч. *δάπεδον* «почва», др.-исл. *topt*, шв. *tomt*, прагерм. **tumfetiz* «место строительства», лит. *dimstis* ж. «поместье, имение», а также греч. *δέμω* «строю», гот. *timjan* «строить, воздвигать»... Лит. *pāmas* «дом», лтш. *pams* «вид кухни» связано скорее с греч. *φορός* «выгон, пастбище, жилье», *νέμω* «владею, обитаю, пасу» [12]. Как мы понимаем, изначально этим словом называлось пространство, в котором человек и в прямом, и переносном смысле строил отношения с окружающими, дом – прибежище для него и его близких от опасностей внешнего мира. Другими словами, дом – это и уют очага, огня, который согревает, поддерживает жизненные силы. В абхазском доме для гостя не только широко открывают калитку своего дома, ради него зажигают огонь, причём открытый огонь в помещении, которое называется *Аҟацха*. Гостинный дом, или *аҟацха*, возможно, содержат в себе значение, которое дословно переводится как «сын – огонь – основа или сын – его – огонь – сладкий». В понимании абхазов сладким огонь может быть в доме, где царит лад, взаимоуважение, взаимопонимание, отеческая и сыновья любовь. В таком доме хозяевами являются люди, которые встречают и своих, и чужих *с радушием, открытым сердцем = душой*. Сказанное не противоречит смыслу данного слова. Как известно, *Ах̄ш÷аара*, *Амца* «Огонь очага» для абхазского дома – священный огонь. В ментальном образном мире абхаза «Огонь» символизирует жизнь и смерть. Эта оппозиция наглядно выражена в идиоме *Иц̄̄аз амца* досл. «Он (кл. в.) – спать огонь – Заснувший огонь». Заснувший огонь, в представлении абхазов, ещё можно зажечь, такому огню может что-то угрожать, но беду можно предотвратить. *Иц̄̄аз амца* – символ жизни. В оппозиции к нему выступает – *Ик̄̄а÷аз амца= Ик̄̄÷аз ах̄ш÷аара* досл. «Он-огонь – потушить – Потухший в очаге огонь». Потухший огонь символизирует конец счастливой, радостной жизни. В доме, где не горит в очаге огонь, пришло горе, несчастье, смерть. Дом без огня обезлюдел, в нём не звучит радостный смех детей, не слышны голоса хозяев. В доме, где нет наследника, горит заснувший огонь. Возможно, эти мысли заложены в слове *Аҟацха*. Наследник, сын – продолжатель рода, его жизнь (хорошая / плохая) – залог благополучия семьи. Счастье, радость сына – это и счастье и радость семьи. *Аҟацха* – гостинный дом, поддержанный огнём, который зажжён сыном. Данное слово содержит глубинный смысл и, как нам кажется, структурирует анализируемые нами базовые константы. Этимологию концепта «Огонь» возводят к индоевропейским корням. Анализируя

происхождение корней данного слова, исследователи пришли к мысли, что они восходят к двум словам, которые выражают значение двух огней. В этих корнях, по мнению учёных, прослеживается оппозиция активного // неактивного, божественного // человеческого, священного // обыденного, мирского. Указанные оппозиции проявляются в корнях «и.-е.* η k'ni-; др.-инд. agnih, лат.ignis, -is m., ст.-сл.ОГНЬ, литов. ugnis, i s и т.д., с другой – от корня и.-е.*p[h]Hhur-:хет.pahhur...греч. πυρ, гот.f n, арм. hur» [11, с. 309]. Этимологи сходятся на той мысли, что слово «очаг» заимствовано из тюркских языков. В тюркских языках данное слово, по мнению учёных, является «суффиксальным производным уменьшительно-ласкательного характера от om «огонь». Буквально очаг значит «огонёк» [13, с. 320]. Анализируемое слово в абхазском языке, как думается, является композитом и состоит из сращенных корней ауаа + а2ь2а, которое дословно можно перевести как «люди + вместе (здесь, радостно, весело)», другими словами, семья, которую объединяет, собирает очаг. Если обобщить сказанное, то очаг – это то место, пространство человека, где семья собирается вместе, испытывая друг к другу любовь, уважение. Люди объединяются за одним очагом как за одним столом, решая насущные проблемы, надеясь на взаимные чувства и веря друг другу. В иерархии концептов «Огонь», «Очаг», «Дом» доминирующее положение может занять «Огонь», поскольку он связывает эти два понятия, структурируя их с другими базовыми «общечеловеческими» константами. Для примера обратимся к фразеологическим моделям типа – *Амца дак у4ар дбылуам* досл. «Если его положить на огонь, он не сгорит». Так говорят об энергичном, знающем толк во всём человеке. *Амца и4ар4еит = Амца а4ар4еит* досл. «Подложили под него огонь = Подложили огонь», здесь: вдохновили, взбудоражили, пробудили затаённые силы в ком-то. Сравним русское выражение: *С огоньком*. В русском языке так характеризуют человека, у которого всё горит в руке, делает с большой охотой, воодушевлением, подъёмом, с рвением. *Имца иц еит* досл. «Его огонь потух», здесь пришла в дом беда, погас очаг. Такую же смысловую нагрузку несёт в себя и *Амцаҫха бзахамт о б5ар4еит* «Сделали так, что мы не можем посидеть у основания очага» (здесь: разрушили очаг, разорили, *пустили по миру*, лишили душевного спокойствия, любви, веры, надежды). Эта та ситуация, когда русский сказал бы: *Предали огню и мечу* всё, что было дорого и близко сердцу = *Огнём и мечом* прошлись по святым местам, пролили кровь *безвинных жертв* с беспощадной жестокостью. Указанные фразеологизмы в русском языке находятся на одном ментальном уровне с выражением *Идти в огонь и воду*. На подобный шаг способен лишь тот, кто, *жертвуя собой*, не раздумывая, идёт на *самоотверженный поступок*. Но кто, как не эти, способные на самоотречения, *Проходят сквозь огонь, воду и медные трубы*, испытывая тяготы и лишения. *Амца ахы икит* досл. «Огонь он – голова он – держать – Взять огонь (здесьяб за голову) за основание». Употребляется данный фразеологизм в значении «разжечь огонь в сердце = душе, воодушевить, возглавить что-то». О человеке, который сильно чем-то разозлён, выражает негодование, сердится, говорят *Амцаҫшь иаиркит* досл. «Огонь – краснота он (кл. в) – он (кл. ч.) – заж г». Да, *Играть с огнём* опасно. Испепеляющая, уничтожающая сила огня заключена в этих идиомах. Нельзя пренебрегать, не брать

в расчёт то, что близко сердцу = душе, то, что дорого и за что можно, не задумываясь, пролить кровь, положив жизнь человеческую на алтарь. Это предупреждение, посланное человечеству, хорошо понимают и абхазы, и славяне. И, как мы считаем, в этих фразеологизмах заключён «общечеловеческий» смысл, который является неким «сгустком» общечеловеческой морали: *с огнём нельзя шутить*. Огонь, как мы видим из изложенного, структурирует такие базовые понятия, как «Сердце = Душа», «Любовь», «Вера», «Надежда», «Радость», «Дом», «Кровь», «Подвиг», «Свой» и / или «Чужие». *Таскать каютаны из огня* – сложная задача, но, как выясняется, не для того, кто это делает с великим сердцем, открытым и чистым, главное, чтобы потом поняли и оценили. А тот, кто способен на подобный шаг, должен быть замеченным, ведь известная: *Нельзя играть с огнём*, как и *Нельзя подливать масло в огонь*. Об удачливом во всех отношениях, к кому *благоволит судьба*, говорят *Амца ицгылоит* досл. «Огонь – совместно – встать – Огонь ему подвластен». Тот, кто способен поделиться, дать на пользование ближнему самое сокровенное, характеризуется так: *Амцажġла еимырдоит* досл. «Огонь – семя он (кл. в) – совместно – одалживать – Одалживают друг у друга семя (здесь, из чего рождён огонь) [4, с. 62; 9, с. 294]. Вызывает интерес греческий корень *πυρ*, сходный с абхазским корнем в слове *аҕыр*, который выражен значением «что-то зажечь мгновенно, быстро». Корни *ҕыр*, *бл*, *был* в абхазском языке являются синонимичными, потому что выражают значение «гореть». Идиомы *Аҕыр хġа амца иакит* «Загорелся огонь (здесь: молниеносно) и *Аҕыр хġа игġы иҗалеит* «Молниеносно в сердце (здесь: внутрь) вошло» = ср.: образ огня, который вспыхивает в сердце (Сердце как огонь, как факел) репрезентируют состояние человеческой души = сердца в ответственный момент. То же самое и с корнем *бл* в слове абхазского «гореть» *Игġы блит* досл. «Сердце горит». Как мы уже не раз отмечали, такое состояние человека определяют словом «любовь». Интересный факт, но английские слова – *purity* «чистота», «чистокровность», «беспримесность», *purple witch rage* «побагроветь от ярости», *purpose* «намерение, цель, целеустремлённость» [5, с. 459] содержат анализируемый корень **пр*, который может обозначать «делать с большим рвением, с огоньком». Этот же корень с тем же значением употребляется и в латинском языке – *purgo* «чистить», *purus* «чистый, чист, чистокровный» [7, с. 928]. Как нам кажется, и немецкое *Feuer* «огонь, пламя, пожар, пыл, пылкость», и английское *fire* «огонь» и их эквиваленты – немецкое *pur* «чистый, настоящий», английское *purity*, как и абхазское **пыр** с тем же значением, восходят к одному источнику, возможно, к одному концепту – «Огонь». *Аҕбġызба дҕырҕыруа дааҗналеит* досл. «Женщина она – гореть она – сюда (внутри) – дом – войти – Вошла (здесь, впорхнула, влетела, зажгла своим присутствием)». Другими словами, приход этой женщины привнес некий огонь, некую страсть, или *Амца аҕырбġа сгġы иаҗалеит* досл. «Огонь влететь, ворваться я – сердце оно – сюда – глубина – пройти – Огонь прошёл через моё сердце». Данный метафорический образ иллюстрируют глубину человеческих чувств, сердце, которое зажглось либо из-за любви, либо ненависти. Рассматриваемый корень **пыр**, выражающий «огонь» в прямом и переносном значениях, указывает на некую двойственность чувств. Какой же из анализируемых корней выражает значение доброго огня, задаёмся мы

вопросом. В абхазском ментальном образном мире огонь, приносящий блага, сосредоточил связанный корень **М** в словах *Амра* «Солнце» (положительная коннотация), *Амца* «Огонь, пламя» (положительная и отрицательная коннотация), злой же огонь, возможно, употребляется с корнем *Пр, Бл* (положительная и отрицательная коннотация) в словах *абылра*, который этимологически, как нам кажется, может восходить к концептам «Огонь», «Кровь» (с отрицательной коннотацией), «Подвиг» (отрицательная, положительная коннотация). В отличие от слов положительной коннотации *амра* «солнце», *амца* «огонь», слова с корнями *БЛ, ПР* выражают в основном отрицательную коннотацию.

Выводы. Из изложенного следует: «Огонь», во-первых, общечеловеческая константа, вобравшая в себя ментальные поля положительной и отрицательной коннотаций, во-вторых, концепт, структурированный базовым национально-культурным компонентом «дом», в-третьих, раскрывающий смысл и значение таких понятий, как «уют очага», «сердце = душа», «любовь», «кровь».

Список литературы

6. Амичба Д. П. Концепты «Вера», «Надежда», «Радость» в ментальных образах абхазов, украинцев и русских /Д. П. Амичба // Культура народов Причерноморья. – № 137. – Т. 1. – Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2008. – С. 59-63.
7. Амичба Д. П. Описание концептов «Подвиг», «Вера», «Любовь» в русской, украинской и абхазской фразеологии /Д. П. Амичба // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство». – 2009. – № 11. – Вип. 15, Т. 2. – С. 3-7.
8. Амичба Д. П. Концепт «Кровь» в русской, украинской и абхазской фразеологии / Д. П. Амичба // Концепти та концептосфери: [колективна монографія]. – Дніпропетровськ: Пороги, 2009. – С. 25-39.
9. Касландзия В. А. Абхазско-русский фразеологический словарь / В. А. Касландзия. – Сухум: Алашара, 1995. – 126 с.
10. Мулдашев Э. Р. В поисках города богов: Золотые пластины Харати / Э. Р. Мулдашев. – Т. 2. – Спб: Издательский Дом «Нива», 2004. – 320 с.
11. Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь. 250 000 слов и словосочетаний. Новая редакция / В.К. Мюллер. – М.: Дом Славянской книги, 2008. – 706 с.
12. Новый латинско-русский и русско-латинский словарь: 100 000 слов и словосочетаний / Состав. Л. А. Асланова. – М.: ООО «Дом славянской книги», 2010. – 928 с.
13. «Огонь» [Электронный ресурс] Учебники, научная литература, рефераты, словари и энциклопедия онлайн. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/ail - Russian - dictionary - vasmer - term - 9068 htm>
14. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка /С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
15. «Очаг» [Электронный ресурс] Учебники, научная литература, рефераты, словари и энциклопедия онлайн. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/ail - Russian - dictionary - vasmer - term - 9068 htm>
16. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов: 3-е изд. испр. и допол. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
17. Фасмер М. «Дом» [Электронный ресурс] Учебники, научная литература, рефераты, словари и энциклопедия онлайн. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/ail - Russian - dictionary - vasmer - term - 3314 htm>
18. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и дополн. / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская // Под ред. С. Г. Бархударова. – М.: Изд.-во: Просвещение, 1971. – 542 с.

Амічба Д. П. Концепт-конструкт «Вогонь» у ментальній образності абхазів // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.32-37.

Аналізується загальнолюдська константа «Вогонь», яка структурована концептом-конструктом «Дім». Розглядаються національно-культурні компоненти – «затишок вогнища», «життя», «смерть», «кров».

Ключові слова: загальнолюдське, концепт-конструкт, вогонь.

Amichba D.P. «Fire» as a constructive concept of Abkasian creative thinking // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.32-37.

A universal human constant «Fire» is analyzed which is structured by the concept – construct «Home». National cultural components «fireplace comfort», «life», «death», «blood» are regarded.

Key words: universal human, concept – construct, fire, fireplace.

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

УДК 811.111'271

КОНЦЕПТ “ГУМОР” У БРИТАНСЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРІ

Воробйова І.А.

Рівненський державний гуманітарний університет, м. Рівне, Україна

Стаття присвячена розгляду одного із ключових концептів британського культурного світу, а саме гумору. Місце почуття гумору в житті британців і ставлення до нього аналізуються на основі афоризмів відомих представників Великої Британії та дослідженнях антропологів і психологів.

Ключові слова: гумор, афоризм, культура.

Постановка проблеми. “Лінгвокультурологічний поворот”, який почався в сучасному мовознавстві два десятки років тому, за своєю значимості можна зіставити, напевно, з лінгвістичним поворотом у філософії середини минулого століття, в результаті якого мова стала розглядатися як онтологічна підстава мислення і діяльності (Л. Вітгенштайн, Е. Гуссерль, М. Гайдеггер). У сфері лінгвокультурології ця підстава стала вбачатися в симбіозі мови і культури: до завдань цієї наукової дисципліни входить вивчення й опис взаємин мови і етносу, мови і народного менталітету. На сьогоднішній день стає цілком очевидним, що з антропоцентричною переорієнтацією парадигми гуманітарного знання загальна спрямованість лінгвістичної науки на встановлення відповідностей між структурою універсальних логічних і специфічних мовних категорій змінилася спрямованістю на виявлення розбіжностей семантики інваріантних категорій філософії і психології і їхніх варіативних реалізацій у лексиці конкретних етнічних мов.

Основною одиницею лінгвокультурології є концепт як одиниця колективної свідомості, що має мовне вираження та відзначена етнокультурною специфікою; як синтезуюче лінгвоментальне утворення, що методологічно прийшло на зміну уявленню (образу), поняттю й значенню та включило їх у себе у скороченому вигляді. Лінгвоконцепт характеризується гетерогенністю та багатоозначковістю: змістовністю, метафоричністю, емотивністю, включеністю до лексичної системи мови [1, с. 6-7].

Семантичне наповнення лінгвоконцептів міняється від культури до культури, від етносу до етносу, від однієї соціальної групи до іншої і від однієї особистості до іншої. Можна припустити, що вивчення етно- і соціокультурної варіативності цих семантичних сутностей дасть можливість внести певні корективи в структуру базової і модальної мовних особистостей, представлених у певній лінгвокультурі.

У конкурентній боротьбі в лінгвістичній літературі з початку 90-х років минулого століття зіштовхнулися терміни “концепт” (Н. Арутюнова, Д. Лихачов, Ю. Степанов, В. Нерознак), “лінгвокультурема” (В. Воробйов), “міфологема” (М. Ляхтеєнмякі, В. Базилев), “логоепістема” (С. Верещагін, В. Костомаров,

Н. Бурвикова), однак очевидно, що найбільш життєздатним виявився термін “концепт”, який за частотою вживання значно випередив всі інші протермінологічні новотвори. Сьогодні термін “концепт” знаходить широке застосування в різних галузях лінгвістичної науки. Він увійшов до понятійного апарату когнітивістики, семантики, лінгвокультурології. Період затвердження терміна в науці неодмінно пов'язаний з певною довільністю його вживання, розмитістю кордонів, змішанням із близькими за значенням і/або за мовною формою термінами. Наприклад, простежується змішання понять “когнітивний концепт” і “лінгвокультурний концепт” (О. Кубрякова, З. Попова, Й. Стернін). Лінгвокультурний концепт відрізняється від інших ментальних одиниць, використовуваних у різних галузях науки (когнітивного концепту, фрейму, сценарію, скрипту, поняття, образу, архетипу, гештальту, мнєми, стереотипу), акцентуацією ціннісного елемента. Центром концепту завжди є цінність, оскільки концепт служить дослідженню культури, а в основі культури лежить саме ціннісний принцип.

Лінгвокультурний концепт існує в індивідуальній або колективній свідомості. Будь-які елементи, відсутні у свідомості даного індивіда/групи, до структури концепту даного індивіда/групи включатися не можуть. У цьому сенсі виділені Ю. Степановим шари концепту варто розглядати як окремі концепти різного обсягу, а не як компоненти єдиного концепту. Активний шар (основна актуальна ознака, відома кожному носію культури і значима для нього) входить до загальнонаціонального концепту, пасивні шари (додаткові ознаки, актуальні для окремих груп носіїв культури) належать концептосферам окремих субкультур, внутрішня форма концепту (не усвідомлювана в повсякденному житті, відома лише фахівцям, але визначальну для зовнішньої, знакової форми вираження концептів) для більшості носіїв культури є не частиною концепту, а одним з його культурних елементів [2, с. 44-45].

Предметна галузь лінгвоконцептології збігається із предметною галуззю іншого лінгвістичного напрямку – міжкультурної комунікації. У цих дисциплін спільний об'єкт дослідження – етнічний менталітет носіїв певних природних мов як сукупність групових поведінкових і когнітивних стереотипів, але різні цільові установки: якщо інтерес першої спрямований на виявлення лінгвоспецифічних характеристик цього менталітету через аналіз його концептів, то інтерес другої сфокусований на подоланні лінгвокультурної специфіки та можливого її нерозуміння у міжмовному спілкуванні [1, с.13].

Найбільш послідовним і переконливим представляється віднесення лінгвокультурних концептів до числа одиниць ментальності/менталітету – категорій, через які описується національний (етнічний) характер. Визнання лінгвоконцепту одиницею менталітету по суті повертає лінгвістику до проблеми співвідношення мови й мислення, найбільше рельєфно сформульованої в гіпотезі “лінгвістичної відносності” Сепіра-Уорфа: рідна мова повністю або частково визначає світосприймання своїх носіїв, оскільки людина думає, відчуває й живе тільки в мові (В. фон Гумбольдт), а власне мова є спосіб світотлумачення.

За справедливим спостереженням С. Тер-Мінасової, найважливіша функція мови полягає в тім, що вона зберігає культуру та передає її з покоління до покоління.

Саме тому мова грає настільки значну роль у формуванні особистості, національного характеру, етнічної спільності, народу, нації [3]. Сьогодні загальноприйнятою є думка про те, що як у культурі, так і в мові кожного народу присутнє універсальне (загальнолюдське) і національно-специфічне. У той же час у будь-якій культурі є властиві тільки їй культурні значення, закріплені в мові, моральних нормах, переконаннях, особливостях поведінки та ін.

Національна концептосфера складається із сукупності індивідуальних, групових, класових, національних і універсальних концептів, тобто концептів, що мають загальнолюдську цінність. В той же час кожна нація має власну шкалу світогляду, власну шкалу цінностей. Кожна культура формує свої стереотипи свідомості та поведінки, що спираються на власне бачення світу. Метою нашого короткого дослідження є аналіз концепту “гумор” у рамках британської концептосфери, вияв його основних характеристик та визначення його місця у картині світу англійців.

Англійське почуття гумору (*sense of humour*) є найважливішою рисою національного характеру, якою британці особливо пишаються. Примітно, що *humour* сполучається в англійському зі словом *sense*, що несе в собі ідею почуттєвого сприйняття. Таким чином, почуття гумору для англійця – такий же природний і невід’ємний спосіб освоєння навколишнього світу, як зір, слух, нюх, смак і дотик. У той же час інший спектр значень слова *sense* – “зміст, розум, свідомість” – підкреслює, що в англійській концептосфері почуття гумору сприймається не просто як природна особливість, властива людському організму, але й як цілком осмислена, свідомо культивована риса. В інших культурах для гумору є час і місце, це особливий вид спілкування. Тоді як в англійській розмові гумор присутній на рівні підтексту. Існує чимала кількість слів, які позначають різні типи гумору/сміху: *banter, teasing, irony, understatement, humorous self-deprecation, mockery, silliness, wit*. Основною розпізнавальною рисою англійського гумору є те, що першорядна роль у ньому приділяється іронії (*irony*) і дотепності (*wit*). Гумор – універсальний, іронія ж є головним інгредієнтом власне англійського гумору. Дж. Б. Прістлі зазначає: “Атмосфера, в якій ми живемо в Англії, сприятлива для гумору. Вона так часто туманна, що все навколо дуже рідко буває чітким” [4, с. 65]. Іронія є постійним, споконвічно даним, нормальним елементом звичайного щоденного спілкування британців. У сфері смішного для британців не існує класової свідомості, адже основні принципи англійського гумору стоять поза класами. Заборона прямої серйозної відвертості та правило іронії, стриманості та самоприниження подолали всі класові бар’єри. Хоча ми маємо зазначити, але значна частка жартів торкається саме класових питань.

Е. Істхоуп і Дж. Б. Прістлі, міркуючи про англійський гумор, сходяться в одному: для їхніх співвітчизників гумор є одним із проявів добре відомої англійської стриманості та впевненості, що невміння стримувати почуття – ознака поганого смаку і поганого виховання. Англійці відчувають жах перед перебільшеними почуттями й емоціями, тому що почуття для них – ключ до цитаделі їх внутрішнього “Я”. А втрата над собою контролю для них рівносильна тому, щоб видати всі свої секрети. Тут виникають зв’язки з ключовими концептами “будинку-фортеці” й

“замкнутого острівного простору” [4]. Гумор, глузування є для британців тим способом “відмежування”, що дозволяє тримати свій внутрішній світ закритим від сторонніх очей. Крім того, саме гумор, який будується на сполученні іронії й самоіронії, дозволяє корегувати пристрасті, що вирують у душі англійця, всупереч поширеній думці про його незворушність.

Існує значна кількість афоризмів, які стосуються власне англійського гумору. Про нього висловлювалися представники ледь не всіх європейських культур, американці та, звісно, самі британці. Для розгляду ми обрали деякі афоризми відомих англійців, щоб виявити ставлення до гумору, яке існує всередині нації і позбавлене сторонніх забарвлень. Аналіз змісту афоризмів засвідчує, що гумор присутній в усіх сферах життя англійця, адже він нормує ставлення людини до оточуючого світу, визначає її реакцію на події та явища, спрямовує поведінку та вчинки в різних ситуаціях.

Наведемо приклади афоризмів, які позиціонують гумор, як особливий спосіб світосприйняття.

1. A difference of taste in jokes is a great strain on the affections. (George Eliot).
2. If there's one thing I know it's God does love a good joke (Hugh Elliott).
3. Comedy is simply a funny way of being serious (Peter Ustinov).
4. Comedy is nothing more than tragedy deferred (Pico Iyer).
5. Humour is also a way of saying something serious (Thomas Stearns Eliot).
6. Life does not cease to be funny when people die any more than it ceases to be serious when people laugh (George Bernard Shaw).
7. My way of joking is to tell the truth. It is the funniest joke in the world (George Bernard Shaw).
8. In the end, everything is a gag (Thomas Carlyle).
9. Wit is a weapon. Jokes are a masculine way of inflicting superiority. But humour is the pursuit of a gentle grin, usually in solitude (Frank Muir).
10. Jokes are grievances (Marshall McLuhan) [5].

Наявні також афоризми, які говорять про гумор, як про основну рису характеру людини.

1. A person reveals his character by nothing so clearly as the joke he resents (Georg Christoph Lichtenberg).

2. Humour has justly been regarded as the finest perfection of poetic genius (Thomas Carlyle).

3. Humour is by far the most significant activity of the human brain (Edward De Bono).

4. The world is a tragedy to those who feel, but a comedy to those who think (Horace Walpole).

5. A dirty joke is a sort of mental rebellion. (George Orwell) [5]

Висновки. Проведений короткий аналіз дозволяє нам твердити, що британці дуже високо цінують гумор, як рису людського характеру, надають йому провідного значення у світосприйнятті, культурі та спілкуванні. Саме гумор, з їхньої точки зору, є підґрунтям знаменитої британської стриманості (*stiff upper lip*) та непохитності,

здатності долати труднощі із зовнішньою легкістю, вміння бути одночасно серйозним та несерйозним, зрозумілим та інтелектуальним.

Список літератури

1. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: [монография] / под общ. ред. проф. С.Г. Воркачева. – Волгоград: ВолГУ, 2007.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М., 1997.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Изд-во МГУ, 2004.
4. Fox Kate. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour / Kate Fox. – Hodder & Stoughton, 2005.
5. <http://www.best-quotes-poems.com/humor-quotes.html>

Воробйова І.А. Концепт “юмор” в британській лінгвокультурі // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.38-42.

Статья посвящена рассмотрению одного из ключевых концептов британского культурного мира, а именно юмора. Место чувства юмора в жизни британцев и отношение к нему анализируются на основе афоризмов известных представителей Великобритании и исследованиях антропологов и психологов.

Ключевые слова: юмор, афоризм, культура.

Vorobyova I. Concept “humour” in British lingua-culture // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.38-42.

The article is devoted to analysis of one of the key concepts of British cultural world, namely humour. The place of sense of humour in the life of British and their attitude to this issue are studied on the base of selected aphorisms and researches of anthropologists and psychologists.

Key words: humour, aphorism, culture.

Поступила до редакції 02.03.2011 р.

УДК 811.111'25

ПЕРЕВОДЧИК КАК МЕДИАТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Вотинцева М.Л.

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна, г. Днепропетровск, Украина*

В данной статье рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации и роль переводчика-посредника, лакунарность как одна из проблем коммуникации, которая возникает при передаче национального колорита.

Ключевые слова: *переводчик, межкультурная коммуникация, реалия, лакуны.*

В общении проявляются различные аспекты повседневной жизни и характеристики людей как индивидуумов определенного социума. Ученые подчеркивают: коммуникативное поведение индивидов как совокупность норм и правил общения определенной лингвокультурной общности в межкультурном взаимодействии обусловлено определенными национально-психологическими особенностями и принятыми в данном обществе традициями, обычаями и менталитетом. В силу этого в межкультурном взаимодействии возникают различия в коммуникативном поведении представителей разных культур, и, соответственно, это проявляется в различных коммуникативных стратегиях и категориях: в понимании, интерпретации и соответствующей форме использования. Исследователи объясняют это тем, что для носителей разных лингвокультур характерно различное восприятие действительности, происходящие через призму определенной культуры. В результате этого происходит перенос не только чувства, мысли и восприятия, но также и культурных ценностей, суждений и особенностей поведения. Иными словами, говорящий ложно полагает, что его собеседник воспринимает действительность, размышляет, делает выводы и умозаключения, аналогичные своим выводам и умозаключениям, что приводит к неправильной оценке других людей, их вербального и невербального поведения и ошибочным выводам.

Осознание иных, отличных от существующих в родном языке коммуникативных категорий, национально-специфических и этнопсихологических норм и правил коммуникации, по мнению Л. И. Богатиковой, обуславливает взаимопонимание и эффективность общения, что в свою очередь способствует более быстрой адаптации языковой личности к иной культурно-языковой среде, принятию других культурных моделей, изменению в восприятии окружающей действительности (т.е. имеется в виду способность видеть эту действительность другими, так сказать, «чужими» глазами, глазами своего партнера по общению и пониманию его чувств, ощущений, мыслей).

Цель статьи – рассмотрение проблемы межкультурной коммуникации и роли переводчика-посредника.

Одним из принципиальных моментов при рассмотрении перевода является понимание того, что общение есть взаимодействие индивидов, в котором коммуниканты предстают как субъекты культуры, представители определенной лингвосоциокультурной общности. Согласно А. Д. Швейцеру, перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному ("переводческому") анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде... Процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями [11, с. 75].

По мнению Н. Г. Валеевой [2], рассмотрение перевода в качестве межкультурной коммуникации вытекает из понимания языка как компонента культуры, как единого социально-культурного образования, а культуры как совокупности материальных и духовных достижений общества, включающей всю многогранность исторических, социальных и психологических особенностей этноса, его традиции, взгляды, ценности, институты, поведение, быт, условия жизни – словом, все стороны его бытия и сознания. При таком понимании язык трактуется как единое социально-культурное образование, отражающее особенности этноса – носителя определенной культуры, выделяющей и отличающей его среди других культур.

По словам С. Г. Тер-Минасовой [9], каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру, – за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире.

Смысл лингвистического элемента ясен только тогда, когда он согласуется с культурным контекстом, в котором употребляется. Ученые уверены, что переводчик находится в центре динамического процесса коммуникации как медиатор между создателем оригинала текста и его адресатами [5].

Переводчики должны уделять большое внимание различиям в качестве и степени конвенциональности при переводе текста с языка одной культуры на язык другой. Как известно, одной из основных характеристик перевода является «ситуация двойного послания», когда переводчику приходится связывать культурный контекст исходного текста и культурно-коммуникативные особенности текста перевода.

Однако межкультурное общение адекватно и успешно протекает только тогда, как считает Линн Виссон [4], когда коммуниканты, являющиеся носителями разных культур и языков, осознают тот факт, что каждый из них является "другим" и каждый воспринимает "чужеродность" партнера. Переводчик является как бы "удвоенной" языковой личностью. Он воспринимает иноязычную текстовую деятельность с позиции лингвокультуры иноязычного социума, а затем переходит на родной языковой и социокультурный коды (в их нерасторжимом единстве).

Особенность переводческого билингвизма состоит, как считает Н. Г. Валеева, во-первых, в том, что переводческий билингвизм имеет, как правило, асимметричный характер. У большинства переводчиков доминирует один язык, данный ему с рождения, и одна культура, впитанная вместе с этим языком. Этот язык и эта культура подчиняют себе другие, с которыми переводчику приходится сталкиваться в переводе. Через призму доминирующего языка и доминирующей культуры понимаются смыслы, заключенные в речевых произведениях на другом языке, воспринимаются факты другой культуры. Во-вторых, в процессе перевода оба языка присутствуют в акте речи и функционируют одновременно, и переводчику постоянно приходится преодолевать интерференцию языков и культур [2].

Знание языка и культуры какого-либо народа и личное отношение к нему – это два слоя в сознании переводчика, которые ему приходится разделять в своей работе. Последнее может играть существенную роль, например, во время дипломатических переговоров. Бывает, что переводчик работает для одной стороны в международном конфликте, но по той или иной причине сочувствует другой. Но каким бы глубоким ни было сочувствие переводчика к той или другой стороне переговоров, он должен заранее отказаться от прямого и непосредственного воздействия на их исход. С точки зрения профессиональной этики, иное поведение является неприличным и недопустимым. Ибо долг лингвистического посредника – использовать свои знания не для того, чтобы подсказывать участникам международных споров, как решать их проблемы, а для того, чтобы помочь им выяснить, что они хотят сказать друг другу [4].

В любом языке есть слова, не имеющие односложного перевода в других языках, в основном – обозначение специфических предметов и явлений местной культуры. В большей степени национально-культурное своеобразие проявляется через лексико-семантические лакуны – так называемые «дыры» в системе, т.е. отсутствие лексемы на определенном месте в структуре лексической парадигмы. С. Влахов и С. Флорин под этим феноменом подразумевают реалии как особую категорию средств выражения, то есть «слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, которые, будучи носителями национального и/или исторического колорита, не имеют точных соответствий в другом языке» [6, с. 55], с точки зрения О.А. Огурцовой, это слова, не имеющие аналогов в сопоставимых языках [7, с. 79]. Данное определение дано учеными с точки зрения перевода слов-реалий, поэтому представляет для нас большой интерес. «В процессе перевода противопоставляются друг другу не только языки, но даже тексты, культуры и ситуации» [8].

Лексико-семантические лакуны проявляются в процессе межкультурного и межъязыкового общения, где значима национально-культурная специфика слова. Лакуны в чистом виде не содержатся в языке, они квалифицируются как таковые лишь при сопоставительном и функциональном подходах. Передача их на язык перевода возможна со значительными вариантами. Основными способами отражения лакунарных единиц в переводе являются: транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный перевод, приближенный перевод и трансформационный перевод [1; 3; 6].

Лакунарные единицы характерны для любого языка, им присущ ярко выраженный национальный колорит. Сопоставление различных языков и культур, по мнению Г.Д. Томашина, позволяет выделить следующие особенности употребления лакунарных единиц (реалий):

1. Реалия свойственна лишь одному языковому коллективу, а в другом она отсутствует: амер. drugstore аптека – закусочная / русс. аналога нет [10, с. 14].

2. Реалия присутствует в обоих языковых коллективах, но в одном из них она имеет дополнительное значение: амер. clover leaf – клеверный лист; автодорожное пересечение с развязкой в виде клеверного листа [10, с. 14].

3. В разных обществах сходные функции осуществляются разными реалиями: амер. sponge – губка / русс. мочалка (при мытье в ванной, в бане) [10, с. 14].

4. В разных обществах сходные реалии различаются оттенками своего значения: cuckoo's call – кукование кукушки в народных поверьях американцев предсказывает, сколько лет осталось девушке до свадьбы, в русских – сколько лет осталось жить [10, с. 14].

Реалии каждый раз ставят переводчика перед проблемой выбора того или иного способа их передачи. Можно сделать *вывод*, что культурно-маркированная лексика требует творческого подхода и глубоких лингвострановедческих знаний переводчика при передаче ее на иностранные языки.

Стараясь хорошо выполнить свою работу, переводчик каждый раз оказывается перед двуединой задачей: верно передать не только слова и идею какого-либо писателя, но и колорит культурной жизни его народа. Решение этой задачи делает работу переводчика трудным, но поистине увлекательным и вместе с тем благородным делом.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Валеева Н. Г. Введение в переводоведение / Н. Г. Валеева. – М.: Изд-во РУДН, 2006.
3. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М.: Издательство Московского университета, 1978. – 172 с.
4. Виссон Линн Синхронный перевод с русского на английский / Линн Виссон. – Р.: Валент, 1999.
5. Власова Т. И. Приемы та засоби перекладу художньої літератури / Т. І. Власова. – Дн-вськ: Вид-во Маковецький, 2010. – 104 с.
6. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1986. – 416 с.
7. Огурцова О. А. К проблеме лакунарности / О. А. Огурцова // Функциональные особенности лингвистических единиц: Сб. трудов Кубанского ун-та. – Вып. 3. – Краснодар: Изд-во Кубанского ун-та, 1979. – С. 77 – 83.
8. Родионова Л.З. Роль фразеологических средств и фоновых знаний в повышении общеобразовательного уровня / Л. З. Родионова, Д. С. Левит // Язык и культура: библиографический аспект проблемы. – Уфа: РИО Госкомиздата БАССР, 1990. – С. 147-148.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: [учеб. пособие] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
10. Томашин Г. Д. Реалии в языке и культуре / Г. Д. Томашин // ИЯШ. – 1997. – №3. – С.13-18.
11. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М., 1988. – С. 75.

Вотінцева М.Л. Перекладач як медіатор міжкультурної комунікації // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.43-47.

Розглядаються проблеми міжкультурної комунікації та роль перекладача-посередника, лакуарність як одна з проблем комунікації, яка постає при перекладі національного колориту.

Ключові слова: перекладач, міжкультурна комунікація, реалія, лакуни.

Votintseva M.L. Translator as a mediator of cross-cultural communication // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.43-47.

The article deals with the problems of cross-cultural communication and the role of a translator-mediator. Lacunarity as one of the problems of communication, which occurs while national cultural realities are translated.

Key words: translator, cross-cultural communication, reality, lacuna.

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК [811.124]'373.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ ВОСЬМИЯЗЫЧНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Гончарова Н.А.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

*В статье отражены структура, содержание и возможности использования
восьмиязычного словаря фразеологических эквивалентов.*

Ключевые слова: *афоризм, эквивалент, словарь, многоязычный,
фразеологический.*

Молчат гробницы, мумии и кости
Лишь слову жизнь дана :
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь,
Хоть в меру сил,
В дни злобы и страданья,
Наш дар бесценный – речь.

И. Бунин

Во все времена человек стремится овладеть словом, постичь законы языка и культуру речи, обогатить свою речь, сделать ее более выразительной. Этому способствует чтение литературы и словарей. Особенно важны словари фразеологические, приобщающие читателей к сокровищам народной мудрости. По своему лексическому, философскому, текстологическому, эмоциональному, нравственно-эстетическому наполнению фразеологические словари являются уникальными мини-текстами. Афористики как таковая – это яркое языковое и культурное явление. Фразеологические словари бывают одноязычные, двуязычные, появились трехязычные. Предлагаемый словарь содержит фразеологические эквиваленты на восьми языках: латинском, русском, белорусском, украинском, французском, испанском, английском и немецком.

Цель статьи – отражение структуры, содержания и возможности использования восьмиязычного словаря фразеологических эквивалентов.

Восьмиязычный фразеологический словарь «Aeterna dicta» представляет собой сборник европейской и славянской афористики, организованный по принципу семантической общности. Под афористикой мы понимаем различные типы краткой мысли, в которой синтетически обобщена мудрость народа : пословицы, поговорки, изречения, сентенции, крылатые слова и т.п. В данном случае не имеет значения, будет ли афоризм выражать оригинальную авторскую мысль или это будет афоризм

народной мудрости. Важно то, что изреченное слово заключает в себе общечеловеческую мудрость, которая возникла на почве культурно-исторического и жанрового многообразия источников нравственной мысли. В нашем словаре преобладают пословично-поговорочные выражения. Еще Геродот в свое время говорил, что «издревле есть у людей мудрые и прекрасные изречения, от них следует нам поучаться». В силу своих содержательных и структурных особенностей афоризмы побуждают читателя к собственному размышлению, являясь своеобразным катализатором мысли, ускорителем процесса возникновения ассоциаций и идей. Афоризмы учат не только мыслить, но и говорить.

Для многих мыслителей и художников слова афоризмы явились своеобразной школой мудрости, источником духовного самосовершенствования. Вот что говорит по этому поводу доктор филологических наук, профессор БГУ, писатель Анатолий Андреев, который сам является автором полутора тысяч афоризмов и обладает удивительной способностью искусно вплетать в ткань своих произведений античные изречения: «... сам афористический стиль мышления оказался мне близок. Мудрость и афоризм для меня – близкородственные понятия. Я с удовольствием заучивал афоризмы на занятиях по латыни, и они подспудно формировали мое мышление» [1].

Структура словаря такова: около 600 латинских афоризмов переведены на русский язык и распределены по 26 тематическим разделам. Афоризмы сопровождаются их русской транслитерацией и постановкой ударения. Указывается источник изречения, если таковой имеется. К латинским фразеологическим единицам подобраны семантические эквиваленты на русском, белорусском, украинском, французском, испанском, английском, немецком языках. Семантизация эквивалентов западноевропейских языков осуществляется путем перевода их на русский язык, что позволяет читателю независимо от степени знания языка судить об адекватности иноязычного афоризма содержанию латинского изречения, ощутить национальную самобытность, составляющую основу образности афоризма в каждом из языков. Внутри статьи афоризмы сгруппированы на основе их внутренней смысловой связи, т.е. по сходству явлений и в соответствии с общей идеей ситуации. В рамках тематических разделов афоризмы расположены в удобном для пользования алфавитном порядке. Синонимичные латинские афоризмы размещены в одной словарной статье. Это же правило относится к другим языкам. Следует подчеркнуть, что прототипом словаря «Aeterna dicta» послужил шестиязычный фразеологический словарь «Proverbia et dicta» [2].

Как было сказано, словарная статья начинается с латинского высказывания. Чем руководствовались авторы, отдавая предпочтение «мертвому» латинскому языку? А дело в том, и об этом нельзя забывать, что именно культура античных народов, в том числе и словесная, была той первоосновой, на которой возникла и развивалась европейская культура. И не только. «Греко-латинская культура стала второй основой русской национальной культуры как части европейской цивилизации». Это в полной мере можно отнести и к белорусской культуре. Латинские афоризмы были восприняты еще старобелорусским языком и сопровождали его на протяжении столетий. Они глубоко укоренились в языке белорусов и тесно переплелись с

национальным фольклором. Отголоски высказываний античных мыслителей мы слышим во множестве белорусских пословиц, поговорок, изречений, представленных в этом словаре.

Античная афористика как часть этой культуры уже внесла и продолжает вносить свой вклад в становление интеллектуальных и нравственных основ европейской личности. По меткому выражению Сэмюэла Джонса, латинские афоризмы стали своего рода паролем, по которому образованные люди разных стран мира узнают друг друга. Это своего рода дань уважения той огромной роли, которую латинский язык сыграл в развитии европейской культуры и науки, влиянию, которое он оказал и продолжает оказывать на формирование и развитие европейских языков. В этом смысле латынь относится к вечным ценностям. А вечное всегда современно. Не вызывает сомнений тезис, что «современность не может замыкаться на себе самой. Чтобы ум человека не разрушался, ему в своем развитии необходимо ощущать себя внутри веков и тысячелетий» (Льюис). Не случайно из античных источников черпали свое вдохновение, обогащая мастерство слова, писатели, философы, ораторы, государственные и политические деятели не только античной эпохи, но и более позднего времени. И сегодня античность не теряет своей актуальности, она по-прежнему востребована в гуманитарной сфере человеческой деятельности.

Что же касается принципа отбора единиц словаря, то он обусловлен наличием моновалентных или частичных фразеологических эквивалентов во всех заявленных языках исходному латинскому афоризму.

Моноэквиваленты совпадают с исходным афоризмом по значению, по лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре. Их число в книге ограничено:

ÚNA HIRÚNDÓ NON FÁCIT VER. Одна ласточка не делает весны. Вар.: **ÚNUS FLOS NON FÁCIT VER.** Один цветок не делает весны.

рус. Одна ласточка не делает весны. Первая пороша – не санный путь.

бел. Адна ластаўка вясны не робіць. Першы шпак вясны не робіць.

укр. Одна ластівка не робить весни. Весна не тоді наступає, коли перша квіточка цвіт розпускає.

фр. Une hirondelle ne fait pas le printemps (Одна ласточка не делает весны).

исп. Una golondrina no hace verano (Одна ласточка не делает лета). Una espiga no hace gavilla (Один колос не делает снопа).

англ. One swallow does not make a summer (Одна ласточка не делает лета). One woodcock does not make a winter (Один вальдшнеп не делает зимы).

нем. Eine Schwalbe macht keinen Frühling (Одна ласточка не делает весны).

Преобладают частичные эквиваленты, совпадающие по значению, статистической направленности, но содержащие лексико-грамматические расхождения в лексическом составе. Наблюдения показывают, что чаще встречаются лексические расхождения:

TÓTUS DE CÁPSULA. (Сенека). Весь из шкатулки (о щеголях).

рус. Словно с иголки. Одетый с иголки. Как денди лондонский одет.

бел. Прыбралася, як лялька. Прыбралася, як на вяселле. Прыбраўся, як поп на службу.

укр. Вбрався, як з голочки. Убрався, як на весілля. Прифрантилась, напахнилась, як лялечка нарядилась.*

фр. Etre tiré à quatre épingles (Быть застегнутым на четыре булавки = Быть одетым с иголочки).

исп. Ir vestido de veinticinco alfileres (Быть застегнутым на двадцать пять булавок). Ir de punta en blanco (Быть одетым с иголочки). Hecho un brazo de mar (= Разодетый в пух и прах).

англ. Dressed to kill (Разодет, чтобы всех поразить).

нем. Wie aus dem Ei gepeilt (Как из яйца вылупленный).

При наличии одинакового значения одной и той же стилистической направленности частичные эквиваленты по степени адекватности перевода равноценны моно- или полному эквиваленту. В том (крайне редком) случае, когда латинские афоризмы не имеют фразеологического эквивалента в одном из сопоставляемых языков, использовался прием калькирования или описательный перевод. Калькирование дает возможность донести до читателя живой образ исходного фразеологизма. Описательный перевод осуществлялся при помощи свободного сочетания слов. Он передает значение, но уступает подлиннику в яркости и образности. Многообразие форм афоризмов в разных языках содержит в себе единство содержания общий глубинный смысл. По всем языкам рассеяна самая разнообразная культурная информация. Индивидуальность разных языков проявляется в системе образов, закрепленных в метафорических единицах. Именно метафора позволяет, увидев с разных сторон один и тот же объект, именовать его разными способами.

Выводы. Возможности использования книги довольно широки. Она может быть полезна как для рядового читателя, равнодушного к рациональному и эмоциональному наследию славянских и западноевропейских языков, созданному многовековой человеческой культурой, источнику обогащения речи, так и для теоретиков и практиков языка. Словарь может быть ценным источником для разного рода типологических и сопоставительных исследований в области фразеологии.

Он может быть полезен при исследовании и изучении теории и практики художественного перевода с языка на язык. Наличие указателей афоризмов делает его ценным вспомогательным материалом для начинающих переводчиков. Многоязычный словарь афоризмов найдет свое применение и в качестве практического пособия по фразеологии. Наконец, он вносит свой вклад в дело гуманизации и гуманитаризации белорусской школы и белорусского общества.

Огромная воспитательная, образовательная и художественная ценность народной мудрости, нашедшая свое выражение в изящной, лаконичной форме афоризмов, не исчезает и не обесценивается. Это вечная категория, как сама жизнь. О простоте, точности, выразительности пословиц хорошо сказал Н.В. Гоголь: «Известно, что если сумеешь заключить речь ловко прибранную пословицей, то сам объяснишь ее (речь) народу».

Список литературы

1. Андреев А. «Игра в игру» / А. Андреев // Мы все горим одним пламенем: [романы]. – Мн.: Макбел, 2006. – С. 187-330.
2. «Proverbia et dicta»: шасцімоуны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / Н.А. Гончарова, І.М. Щарбакова, Л.Т. Калядка і інш. : пад рэдакцыяй Н.А. Гончаровай. – Мн.: Універсітэцкае, 1993. – С. 255; «Proverbia et dicta»: шестязычны слоўварь пословиц, поговорок и крылатых слов. Н.А.Гончарова [и др.]; под редакцией Н.А. Гончаровой. – Мн.: Белорус. асоц. «Конкурс», 2008.

Гончарова Н.А. До питання про структуру та зміст 8-мовного фразеологічного словника // Ученіе запіскі Таврічэскаго нацыянальнаго універсітэта ім. В.І. Вернадскаго. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.48-52.

У статті відображено структуру, зміст і можливості використання 8-мовного словника фразеологічних еквівалентів.

Ключові слова: афоризм, еквівалент, словник, фразеологічний.

Honcharova N.A. On Structure and Contents of the 8-Language Phraseological Dictionary // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.48-52.

In the article the author presents the structure, the contents and the application opportunities of a new 8-language dictionary of phraseological equivalents.

Key words: Aphorism, equivalent, dictionary, multilingual, phraseology.

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.

УДК 004.77 + 81'373.231

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТВИТТЕРА

Горошко Е.И.¹, Полякова Т.Л.²

¹Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», г. Харьков, Украина

²Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет, г. Харьков, Украина

В статье рассматриваются вопросы компьютерно-опосредованной коммуникации и появление в ней новых жанров. Дается определение такого нового жанра интернет-коммуникации, как твиттинг, который обеспечивает общение с помощью интернет-сервиса Твиттер. Проводится лингвистический анализ твиттинга как жанра компьютерно-опосредованной коммуникации на фонетико-графическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Основной вывод: твиттинг как жанр компьютерно-опосредованной коммуникации выделяет устно-письменная форма речи, которая возникает при пользовании данным сервисом.

Ключевые слова: компьютерно-опосредованная коммуникация, Твиттер, твиттинг, микроблоггинг.

Постановка проблемы. Появление в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого столетия таких новейших технологий как компьютер и Интернет привело к возникновению и нового вида коммуникации между людьми, которая получила название компьютерно-опосредованной (англ.: computer-mediated communication, понятие, вошедшее в научный обиход в 1990-х годах в англоязычном научном пространстве).

Данный вид коммуникации приобретает все большую значимость в жизни каждого человека. Электронная переписка, чтение новостей, поиск разнообразной информации в Интернете, ведение сетевых дневников и общение в чате становятся все более необходимыми в деловой, образовательной, научной и личной сферах.

Анализ последних исследований. Стремительно и бесповоротно войдя в нашу жизнь, интернет-коммуникация, соответственно, привлекла внимание многих отечественных и зарубежных исследователей разных направлений, в том числе и лингвистов, среди которых можно выделить А.А. Атабекову, Е.И. Горошко, Л.Ф. Компанцеву, О.В. Лутовинову, Г.Н. Трофимову, Л.Ю. Щипицину, Д. Кристалла, К. Тарлоу, С. Херринг и др.

Однако, ввиду относительной новизны такого вида коммуникации, опосредованной электронным каналом, внимание исследователей до настоящего момента привлекало описание базовых лингвистических характеристик интернет-коммуникации в целом, связанные с функционированием языка в Глобальной паутине, либо же описание таких ее традиционных жанров, как, например,

электронное письмо или чат. Практически полное отсутствие лингвистического описания новых жанров 2.0, одним из которых является микроблоггинг Твиттер, и в частности неизученность лингвистических особенностей англоязычного Твиттера на данный момент, и обусловило выбор темы нашей работы.

Итак, *целью* данной *работы* является лингвистический анализ сервиса микроблоггинга Твиттер.

Задачи, которые авторы ставят перед собой, заключаются в описании фонетико-графических, лексических, морфологических и синтаксических особенностей микроблоггинга Твиттер.

Итак, как известно, появление компьютерно-опосредованной коммуникации привело к появлению различных жанров интернет-коммуникации, одним из которых является *твиттинг*, т.е. интернет-жанр, обеспечивающий общение с помощью интернет-сервиса Твиттер.

Твиттер (Twitter) (от англ.: tweet – «чирикать», «щебетать», «болтать») – это бесплатная социальная сеть, представляющая из себя систему микроблогов, которая позволяет пользователям отправлять короткие текстовые заметки (до 140 символов), используя веб-интерфейс, SMS, службы мгновенных сообщений или сторонние программы-клиенты. Отличительной особенностью Твиттера является публичная доступность размещённых сообщений, что роднит его с интернет-сервисом блоггинга [1].

Согласно Л.Ю. Щипициной, лингвистический анализ интернет-коммуникации происходит по следующим языковым уровням: фонетико-графическому, лексическому, морфологическому и синтаксическому [2, с. 122-128].

По этим аспектам анализа, попытаемся изучить твиттинг как жанр интернет-коммуникации. Материалом нашего исследования послужила выборка примерно 100 сообщений англоязычного Твиттера повседневной тематики, сделанная путем случайного отбора (методом генерации случайных чисел) англоязычных профилей подписчиков данного сервиса.

Фонетико-графические средства. Что касается описания Твиттера на фонетико-графическом уровне, который предполагает графическую фиксацию особенностей произношения и интонации, а также использование графических знаков для передачи эмоций, то, как нам кажется, для описания твиттинга уместно было бы данный уровень анализа определить, как **просодико-графический**, т.к. нами не были замечены в сообщениях в большом количестве графические соответствия фонетических явлений спонтанной речи (редукция звуков, слияние слов и другие случаи, которые присущи устной форме речи). Если учесть, что Твиттер является асинхронным жанром, т.е. коммуниканты могут получать и читать сообщения в любой удобный для них момент, то можно сделать вывод, что языку сообщений Твиттера присущи больше всё же признаки письменной речи.

Однако что касается передачи эмоций, то было отмечено довольно большое количество случаев употребления различных графических средств, использующихся с этой целью. Во-первых, отмечена передача эмоций с помощью эмотиконов – различных комбинаций знаков клавиатуры, обозначающих различные эмоциональные

состояния человека. Также эмодзи могут представлять собой графическое изображение (прост.: *смайлик*). Наиболее часто встречающиеся знаки – это:

☺

☹

:-) – happy

:-) – very happy

:-(– sad и др.

Еще одним примером выражения эмоций и настроения в Твиттере являются случаи множественного написания знаков пунктуации:

-Beat the Beab!!!!

-but perhaps too...careful? (многоточие может обозначать паузу).

Для выражения эмфатического ударения используются все заглавные буквы вместо строчных:

-HEY TWITTERS!

-NEW MUSIC FOR YOU!

-It's AMAZING!

С этой же целью используется многократное повторение одной и той же буквы:

-Back to Vegas tonight...here we goooo!

-Looooook what IIIIIII foooooound!

Также для сообщений в Твиттере характерно использование некоторых графических символов: # – хэштег (англ.: *hashtag*) для объединения групп сообщений по теме или типу (например, # music); знак «@» (англ.: *curiosa*) перед именем пользователя используется для упоминания или ответа другим пользователям.

Следует отметить, что использование графических средств в сообщениях Твиттера, носит скорее эпизодический характер, главным образом, для того, чтобы придать общению более непринужденный характер.

Лексические средства. Согласно Л.Ю. Щипициной, в каждом жанре компьютерно-опосредованной коммуникации предпочтение отдается тем лексическим единицам, которые касаются обозначения текста и функций программы соответствующей службы Интернета. Так, согласно проведенным исследованиям, для англоязычного Твиттера самыми популярными словами (в порядке убывания) являются: *you, Twitter, please, retweet, post, blog, social, free, media, help, please retweet, great, Social Media, follow, how to, top, blog post, check out, new blog post* [3].

Как видно по приведенному списку, в него вошли практически все части речи (глагол, существительное, прилагательное, местоимение). Что касается семантики приведенных слов, то можно заметить, что используется, в основном, лексика, описывающая пользовательские действия на Твиттере – *to help, to post, to check, to retweet* (*помочь, отправить, проверить, перетвитт*) и т.д. [4].

Еще одним случаем использования лексических средств в Твиттере являются случаи использования буквенно-слогового и буквенно-цифрового написания слов, что также является характерным и для других англоязычных интернет-жанров. В данном случае совмещается буквенно-звуковой и символичный способ чтения слов.

- *Abt this?* (About this?)
- *in a couple of hrs* (in a couple of hours)
- *New music 4u.* (New music for you)
- *U know.* (You know)
- *Never 4get.* (Never forget)

Такой способ написания слов связан с экономичностью и, опять же, придает общению более непринужденный характер.

Что касается сокращения слов, то в отличие от синхронных жанров, они не являются отличительным лексическим признаком асинхронных жанров, к которому принадлежит и Твиттер. В асинхронных жанрах не требуется экономить время и, если случаи сокращений и встречаются, то это носит скорее случайный характер.

Морфологические средства. Так как Твиттер является преимущественно письменным жанром, то существенных различий в употреблении частей речи, падежей, рода, числа, артиклей в нем и в линейных текстах не обнаружено. Существительные и местоимения оформлены в соответствии с грамматическими нормами: существительные представлены в общем и в родительном падежах, что определяется глагольным управлением и отражает отношение имени существительного к другим языковым единицам. Число существительного задается его отнесенностью к определяемым объектам, а употребление грамматического рода и артиклей практически соответствует грамматическим правилам. Личные местоимения представлены в общем, притяжательном, объектном падежах, что также определяется глагольным управлением и отражает их отношение к другим членам предложения. Употребление временных форм глаголов также в большинстве случаев подчинено грамматической норме английского языка.

- *I've been using Echofon since the beginning and it's awesome...*
- *We are aiming for first half of the year on that.*
- *It should remind you of something you've never seen before.*

Итак, можно сделать вывод, что в Твиттере функционирование морфологических категорий, в основном, подчинено грамматической норме английского языка. При этом можно отметить, что и в морфологическом отношении наблюдается ориентация на асинхронный формат коммуникации, а, следовательно, на норму письменной речи.

Синтаксические средства. Описывая Твиттер на синтаксическом уровне, основной единицей которого является предложение, можно сказать, что здесь проявляются как признаки устной речи, так и письменной речи. В сообщениях можно встретить как полные предложения, так и неполные (когда собеседники, общаясь между собой, говорят о чем-то уже известном, о чем шла речь раньше):

- *It's official: I've fallen back in love with personal blogging. Great conversation on @Smarterware today.*
- *ah, Robocop.*

Также основной текст сообщения может состоять из одного предложения, а может из 2 или 3.

- *Just found my invite to that Obama dinner at the Doerr`s in my Spam Filter!*

- *If users didn't care about trends, we wouldn't have trends. What you mean is «twitter users like me». Granted, that is a group.*

В сообщениях встречаются, в основном, односоставные предложения, хотя нередки и случаи двусоставных, развернутых предложений:

- *It only tells half the story.*

- *I explain why not married in the photo's description/comments, though that was what I ultimately (begrudgingly) chose.*

Что касается, например, порядка слов в вопросительных предложениях, то он в большей части предложений сохраняется:

- *What are you guys complaining about?*

В целом можно сделать *вывод*, что полное проявление синтаксиса письменной речи для Твиттера не характерно, ввиду длины сообщений (140 знаков), а также различных функций его использования. В сообщениях преобладают повествовательные предложения, что связано с большим количеством односоставных предложений, а также с тем, что предложения чаще всего носят монологический характер.

Выводы. Итак, рассмотрев некоторые лингвистические особенности оформления сообщений микроблоггинга Твиттер, можно сделать вывод, что данному жанру компьютерно-опосредованной коммуникации присуща устно-письменная форма речи с большим тяготением к её письменному варианту.

Употребление всех вышеперечисленных лингвистических средств: то ли оно подчинено нормативным правилам английского языка, то ли носит характер устного общения – зависит, в первую очередь, от личности коммуниканта, его образования, уровня владения английским языком, а также от тех целей, которые он ставит перед собой, общаясь в Твиттере.

Необходимо также отметить, что относительно небольшая выборка изучаемого материала (около 100 сообщений) придает исследованию пилотажный характер. Для уточнения лингвистических особенностей твиттинга, а также изучения их устойчивости и воспроизводимости в различных коммуникативных ситуациях требуются дальнейший качественный и количественный анализ англоязычного твиттинга.

Перспективы дальнейших исследований. Бурное развитие в конце XX – начале XXI столетия новых информационных технологий, которое привело к появлению компьютерно-опосредованной коммуникации, все больше привлекает внимание отечественных и зарубежных лингвистов к такой новой проблеме, как изучение языка различных жанров интернет-коммуникации. Так как данная проблема еще недостаточно изучена, еще нет устоявшихся терминов, не определено их содержание, нет четкой системы и единого подхода к описанию жанров компьютерно-опосредованной коммуникации, одни из которых уже сложились, а другие только развиваются, данная проблема представляется чрезвычайно актуальной для дальнейших исследований и ставит перед исследователями новые задачи, существенно расширяя парадигмальный оператор лингвистического анализа.

Список литературы

1. Твиттер // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Twitter>. – (дата обращения: 05.03.2011).
2. Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа : [монография] / Л.Ю. Щипицина. – М.: КРАСАНД, 2010. – 296с.
3. Top 20 Most ReTweetable Words and Phrases // New Sales Economy Blog [Электронный ресурс]: URL: <http://newsaleseconomy.com/top-20-most-retweetable-words-and-phrases>. – (дата обращения: 6.03.2011).
4. Горошко Е.И. «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер или что нового появилось в виртуальном жанроведении. (в печати)

Горошко О.І., Полякова Т.Л. Лінгвістичні особливості англomовного Твіттеру // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.53-58.

У статті розглядаються питання комп'ютерно-опосередкованої комунікації та поява в ній нових жанрів. Дається визначення такого нового жанру інтернет-комунікації, як твіттинг, що забезпечує спілкування за допомогою інтернет-сервісу Твіттер. Проводиться лінгвістичний аналіз твіттингу як жанру комп'ютерно-опосередкованої комунікації на фонетико-графічному, лексичному, морфологічному та синтаксичному рівнях. Головний висновок: твіттинг як жанр комп'ютерно-опосередкованої комунікації виділяє усно-письмова форма мовлення, яка виникає при користуванні цим сервісом.

Ключові слова: комп'ютерно-опосередкована комунікація, Твіттер, твіттинг, мікроблогінг.

Goroshko O.I., Polyakova T.L. Linguistic characteristics of English-speaking Twitter // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.53-58.

The article addresses the problems of computer-mediated communication and its new genres. The definition of such new genre of Internet-communication twitting initiated by a new internet-service Twitter is provided. The linguistic analysis of twitting as one of the computer-mediated communication genres on phonetic and graphic, lexical, morphological and syntactic levels is given. The new oral-written form of twitting genre initiated by this service presents the main result of this study.

Key words: computer-mediated communication, Twitter, twitting, microblogging.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 811.512.1

ИЗАФЕТНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Гусейнова М.Б.

*Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия*

В данной статье рассматриваются изафетные конструкции I, II, III типов, выражающие отношение принадлежности в кумыкском языке, сравнительно с другими тюркскими языками.

Ключевые слова: *изафетные конструкции, кумыкский, тюркский, язык, существительные, определение, определяемое, аффикс.*

Постановка проблемы. Ряд изафетных словосочетаний в кумыкском языке выражает и отношение принадлежности. Второй компонент этих словосочетаний обозначает предмет или элемент предмета, являющийся принадлежностью предмета, обозначенного первым компонентом. Имеется в виду принадлежность не к конкретному предмету, а к обобщенному. Например: *жымчыкъ уя* «воробьиное гнездо» («воробей» + «гнездо»), *къой тери* «овечья кожа», *терек япыракъ* «лист дерева», *сыйыр сют* «коровье молоко».

В данных изафетных конструкциях каждый постпозиционный компонент, выступающий в качестве определяемого, обозначает предмет, являющийся частью того предмета, обозначаемого первым компонентом, который выступает в качестве определяющего. Этот элемент может быть необходимым для предмета, обозначенного первым компонентом, или предназначенным для этого. Когда говорят об отношениях принадлежности, которые обнаруживаются в словосочетаниях такого рода, в данном случае имеется в виду принадлежность к конкретно взятому предмету или субъекту, предмету обобщенному. В приведенных примерах *кожа* принадлежит не конкретной овце, а любой овце вообще: черной, белой, старой. Словом *тери* «кожа» обозначает предмет, выражающийся обобщенным признаком. В русском языке, например, такие конструкции называются словосочетаниями, выражающими отношения части целого, зависимое слово называет весь предмет, часть которого названа главным словом: *ручка кресла, кисть руки, порог дома*. В русских и кумыкских примерах имена существительные, выступающие в функции определения, сами логически являются определительными существительными.

В большинстве тюркских языков изафетные словосочетания первого типа чаще всего образуются при условии, если предмет, выраженный вторым компонентом, составляет необходимую часть или конкретную принадлежность предмета или лица, обозначенного первым компонентом: *эшик къулакъ* «ручка двери», *терек тамур* «корень дерева», *терезе шиша* «оконное стекло». Аналогичными примерами

иллюстрируется первый тип изафетных словосочетаний и в других тюркских языках. Ср.: **ног.** *балта сан* «ручка топора», *терек бутак* «ветка дерева» [4, с. 53], **др.-тюрк. пам.** *baluk karu* «ворота города» [1, с. 14].

Такие изафетные словосочетания I типа могут быть заменены изафетами III, то есть оба компонента могут оформляться аффиксами: *берю ёл* «волчья дорога, волчий след» – *бёрюню елу*, *эшек кёулакъ* «ослиное ухо» (досл. «осел» + «ухо») – *эшекни кёулагъы*, *тав бичен* «горное сено» – *тавну бичени*, *сув тавуш* «шум воды» – *сувну тавушу*, *будай ун* «пшеничная мука» – *будайны уну*, *жымчыкъ уя* «воробьиное гнездо» – *жымчыкъны уясы*, *терек тамур* – *терекни тамуру*, *терек тамуру* «корень дерева». Как видно из примеров, замена изафета I изафетом III возможна в тех конструкциях, в которых отношение компонентов данных конструкций есть отношение принадлежности второго существительного первому.

Изафетные конструкции I типа: *юн явлукъ* «шерстяной платок», *эт шорпа* «мясной суп», *агъач стол* «деревянный стол», *гюмюш акъча* «серебряная монета», *таш кёпюр* «каменный мост», в которых определение указывает на материал или вещество определяемого, т. е. на то, из чего сделан определяемый предмет, не могут быть заменены ни III типом, ни II типом изафета.

Употребление I типа изафета в тех случаях, когда параллельно употребляется II тип, свидетельствует, в частности, и о том, что процесс адъективизации сделал излишним употребление аффикса принадлежности как показателя принадлежности или соотносительности предметов-субстантивов [2, с. 110].

В связи с обсуждением данного явления Н.К. Дмитриев писал: «В кумыкском языке существует вообще очень слабое смысловое разграничение между I и II типом изафета. Сплошь и рядом одно и то же выражение встречается (иногда в одной и той же газете или книге) в двух вариантах. Ср.: *сайлав участкалары* и *сайлав участкалар* «избирательные участки», *тавуш теллер* и *тавуш теллери* «голосовые связки», *сёйлев органлар* и *сёйлев органлары* «органы речи» и т. д. [3, с. 181]. По мнению того же автора, для кумыкского языка III тип изафета является наиболее типичным, как это можно видеть из наших примеров, взятых из старого и нового, официального и бытового языка; II тип изафета употребляется, по-видимому, реже всего, и говорящий по-кумыкски охотнее склоняется к I типу, который он воспринимает в том же значении, что и во II типе. Итак, в определенной группе существительных кумыкского языка сохранился и широко используется древнейший тип конструкции, который в большинстве тюркских языков осознается как пережиточный и ограничен особой семантикой; смысловое разграничение между отдельными типами конструкции в кумыкском языке не такое, как в других тюркских. Отсюда следует, что кумыкские материалы по определительной группе существительных имеют большое значение для изучения этой конструкции в языках всей системы. Если подходить формально, то I тип изафетных двучленных словосочетаний, в которых оба компонента лишены аффиксальных оформителей, представляет собой формальную модель «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже», а в семантическом плане данная модель выглядит следующим образом: «определение + определяемое».

Представляет определенный интерес сравнение кумыкского материала, изафета первого с аналогичными примерами из других тюркских языков. В тюркских языках наблюдается та же структурная и семантическая схема. Это доказывает, что указанная структурная схема модели изафета I одинаково характерна как для кумыкского языка, так и для многих тюркских языков. Однако форма изафета I больше характерна для кумыкского языка, чем для других тюркских языков.

Зависимый компонент, т.е. определение, употребляется в качестве формулы обращения вокативного эпитета, обозначает титулы, социальное положение, названия различных родственных связей лица, выраженного независимым компонентом, который в основном является собственным именем: *кьурдашым Магьаммат* «друг Магомед», *кьызардашым Патимат* «сестра Патимат», *ёлдаш Атаев* «товарищ Атаев», *агьам Агьмат* «мой брат Ахмед», *гиев улан* «зять» (букв. «зять» + «парень»), *гелин кьыз* «невеста» (букв. «невеста» + «девушка»), *кьайын тайпа* «родственник жениха по отношению к невесте и наоборот», *чанка Дадам* «чанка Дадам», *чочкьа Исмайыл* «раб Исмаил» (букв. «поросенок Исмаил»), *шавхал Абдулмуслим* («Абдулмуслим» + «князь»), *эгечим Патимат* «сестра отца Патимат», *бийке Патимат* «госпожа Патимат» (букв. «княгиня Патимат»), *уллатам Али* «мой дедушка Али», *молла Муслим* «мулла Муслим», *кьараваш кьыз* «служанка» (букв. «служанка-девушка»), *кьазакь улан* «свободный парень», *ханым Бийсолтан* «мой хан Бийсолтан».

И наоборот, в значении определения употребляется собственное имя, а господствующим компонентом выступают названия различных родственных связей, слова обращения (*агьав*, *иниш*, *эфенди*, *абай*, *ханым*, *бийке*, *агьа*, *аба*): *Агьмат агьа*, *Магьаммат апенди* «эфенди Магомед», *Чанав ата*, *Патимат бийке* (обращение), *Папукь аба* (обращение к бабушке) *Абдурашид гьажжи* «Абдурашид, побывавший в Мекке», **кум.** диал. *жан амал* (букв. «душа» + «брат», *гелин бажив* (букв. «невеста» + «тетя»). Данный структурный тип является характерным и для других тюркских языков. Ср. **таг** *Жишһанша бабай* «дед Жиганша», *Кэрим эфенде* «господин Керим», *бий ага* «старший брат мужа», **башк.** *Азат агьай* «дядя Азат», *Банат анай* «тетя Банат», *Гьэлиме ханым* «Галима-ханум», **к.-калп.** *Акьмет баба* «дедушка Ахмет», *Жакьсымурат жолдае* «товарищ Джаксымурат», **тур.** *Зеупи* «Зейни-баба», *Leyla hanım* «Лейла-ханум», *Enver bey* «господин Энвер», **кирг.** *Зейнеп эже* «сестра (старшая) Зейнеп», **цахур.** *дост Халикь* «друг Халик».

В этом плане широкое распространение получила изафетная конструкция, компонентами которой выступают собственные имена-прозвища: *Сагьадулла Аминат* (Сагьадулла – муж, Аминат – жена), *Батай Патимат* (Батай – муж, Патимат – жена), *Абукерим Патимат*, *Батырбий Айшат*, *Адилав Магьаммат* (Адилав – отец, Магьаммат – сын), *Алибек Атай*.

Встречаются изафетные словосочетания с существительным-определением, выражающим возрастные отношения: *иним Али* «младший брат Али», *агьам Осман* «старший брат Осман», *уллатам Мамам* «мой дедушка Мамам», *улланам Хадижат* «моя бабушка Хадижат», *гиччи кьызардашым Айшат* «младшая сестра Айшат».

Зависимый компонент-определение обозначает форму, объем, меру, консистенцию, степень, цвет, размер предмета, выраженного определенным словом,

например: *топуракъ тебе* «земляной холм», *аркъалыкъ ара* «место между балками», *агъач ара* «пространство между деревьями», *юрт ара* «около села», *анакъ гѣз* «большие глаза» (букв. «пещера-глаз»), *бутакъ ара* «пространство между ветками» (букв. «ветка-середина»), *ярымаякъ ун* «мера (2,5 кг), *банка ун* «одна банка муки», *къап ун* «мешок муки», *четен алма* «одна плетенка яблок», *арба бичен* «арба сена», *аш гесек* «кусочек хлеба», *агъач тѣбе* «куча дров», *бичен тѣбе* «куча сена», *бичен аракъ* «скирда сена», *лапур бичен* «копна», *къучакъ бичен* «охапка сена», *къар тюз* «цвета снега», *кокан тюз* «цвета сливы», *денгиз тюз* «цвета моря»; сложное слово: *кюл тюз* «серый» («зола» + «цвет»).

Выводы. Таким образом, изафетные словосочетания в кумыкском языке демонстрируют не только качественно выраженное отношение типа *алтын сагъат* «золотые часы», *темир къапу* «железные ворота», но и отношение принадлежности.

Изафет в кумыкском языке может быть и оформляться с помощью морфологических показателей – аффиксов.

Список литературы

1. Аракин В.Д. К истории изафета в тюркских языках / В.Д. Аракин // Тюркологические исследования. – М., 1976.
2. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков / Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1973.
3. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка / Н.К. Дмитриев. – М.-Л.: АН СССР, 1940.
4. Шихмурзаев Дж.М. Словосочетания в ногайском языке и их изучение в школе: [учебное пособие] / Дж.М. Шихмурзаев. – Махачкала, 2004.

Гусейнова М.Б. Изафетні словосполучення, які виражають приналежність у кумицькій мові // Ученіе запіскі Таврічеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.59-62.

У даній статті розглядаються изафетні конструкції I, II, III типів, які виражають приналежність у кумицькій мові, порівняно з іншими тюркськими мовами.

Ключові слова: *изафетні конструкції, кумицька, тюркська мова, іменники, означення, афікс.*

Guseynova M. B. Izafet possessive words combinations in the Kumyk language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.59-62.

Abstract: This article discusses izafet word combinations I, II, III types, expressing the ratio of membership in the Kumyk language, compared with the other Turkic languages.

Key words: *izafet word combinations, Kumyk, Turkic, language, nouns, determination, determined, affix.*

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 811.161.2'373.7+811.111'373.7

ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ОРНІТОФРАЗЕОЛОГІЇ УКРАЇНСЬКОЇ ТА АНГЛІЙСЬКОЇ МОВ

Давидчук А. В.

Луцький національний технічний університет, м.Луцьк, Україна

У статті розглянуто лінгвокультурологічні особливості фразеологічних одиниць з компонентом-орнітонімом української та англійської мов, здійснено аналіз ролі орнітоніма у формуванні семантики фразеологізму й встановлено, що значення орнітонімів, уживаних у мові, часто спрямоване на алегоричне позначення людини, зазвичай метафоричне.

Ключові слова: фразеологізм, орнітонім, культура.

Постановка проблеми та аналіз останніх досліджень. У сучасній парадигмі мовознавчих досліджень одним із провідних напрямків вважається лінгвокультурологічний, згідно з яким вивчення мови неможливе без пізнання духовної культури її носія. Лінгвокультурологічний аспект вивчення фразеології тривалий час дискутується на сторінках мовознавчих праць, висвітлюється в роботах таких вчених, як Є.М. Верещагін, В.Г. Костомаров, В.М. Телія, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова та ін.

Актуальність. Незважаючи на значну кількість досліджень у сфері фразеології, у сьогочасній лінгвістичній науці активізувалося вивчення тематичної фразеології (Б.М. Ажнюк, Р.П. Зорівчак, Л.Г. Скрипник, Д.В. Ужченко, О.О. Селіванова, Н.Д. Піменова, А.Л. Садовська та ін.), що зумовило підвищений інтерес дослідників до вивчення одиниць вторинної номінації з відповідним компонентом у їхньому складі. Тому науковий пошук в даній сфері є досить актуальним.

У пропонованій статті розглядаються фразеологічні одиниці з компонентом-орнітонімом, тобто стійкі сполучення слів з повністю чи частково переосмисленим значенням, до складу яких входять орнітоніми в експліцитній формі. Під орнітонімом, вираженим в експліцитній формі, мається на увазі гіперонім (загальна назва) птах (англ. bird), гіпоніми (назви конкретних представників світу птахів), серед яких прийнято виділяти домашніх і диких птахів, або ж партонім (назва частини тіла птаха).

Метою статті є дослідження лінгвокультурологічних особливостей орнітофразеології української та англійської мов.

Об'єктом розвідки виступає масив українських та англійських фразеологічних одиниць з компонентом-орнітонімом.

Матеріалом дослідження слугували представлені в українській та англійській мовах фразеологічні одиниці, обрані з різноманітних фразеологічних словників (близько 120 українських та 108 англійських фразеологічних одиниць з компонентом-орнітонімом).

Значна частина фразеологізмів тієї чи іншої мови може трактуватися не лише як мовне явище, але й як явище культури, адже часто сталі одиниці виступають лінгвістичними „експонентами“ культурного знання, народної пам'яті, традиційної свідомості. Як відомо, фразеологічні одиниці – це та частина мовної системи, де найяскравіше проявляється національний колорит мови. Це зумовлено тим, що за багатьма фразеологізмами стоїть специфіка матеріального та духовного життя народу, його традицій, вірувань, типових форм поведінки та реакцій на типові життєві ситуації – всього того, що складає національну ментальність і світосприйняття [2, с. 126].

За словами В. М. Телія, на сучасному етапі розвитку фразеології як науки для повноти опису культурної значимості фразеологізмів необхідно виявити в їхньому значенні всі імпліцитні культурні змісти, які стають ланкою, що пов'язує мову і культуру, про це свідчить культурне забарвлення, яке вносять фразеологізми до дискурсів різних типів [4, с. 9]. Ця потреба зумовила виникнення нового аспекту дослідження фразеологічних одиниць.

Розвиток лінгвокультурологічного підходу до вивчення фразеології орієнтує дослідника на аналіз співвідношення фразеологізмів і знаків культури й актуалізує значення системи еталонів, стереотипів, символів і т.п. для опису культурно-національної специфіки фразеологічної системи [3, с. 18].

Завдяки орнітофразеології, що є чисельною групою у групі зоофразеологізмів, ми дізнаємося про уявлення народів про світ, про роль тих чи інших птахів у їхньому житті. Орнітофрази дозволяють з'ясувати й систематизувати не досліджені раніше функціонально-семантичні особливості ідіом, фразем, прислів'їв і приказок з компонентами-назвами птахів.

Лінгвокультурологічний аналіз таких конструкцій повинен бути спрямований на визначення тих унікальних значень, які здатні розвивати орнітонімічні елементи у зазначених одиницях, а також на встановлення причин, що зумовили вибір тієї чи іншої реалії на момент номінації.

Таким чином, на підставі отриманих даних виникає можливість реконструювати архаїчні уявлення носіїв української та англійської мов про птахів, що знайшли своє відображення в розглянутих фразеологічних одиницях.

При порівнянні фразеологічних корпусів двох мов було виявлено низку одиниць на позначення спільних і національно-специфічних образів.

Так, певна кількість сталих виразів з компонентом-орнітонімом в українській мові має повні або часткові еквіваленти в англійській.

Випадки збігу поодинокі, і, як правило, сходяться або до загального джерела, або є наслідком єдиного сприйняття світу, подібних культурних, національних та історичних особливостей. Наприклад, запозичення з Біблії є фразеологічними кальками *голуб миру* та *dove of peace*, *хижий птах* та *bird of prey* [Баранц., с. 284, 135].

Інший ідіоматичний вираз *краще синиця в жмені, ніж журавель у небі* [ФСУМ] знаходить часткову відповідність в англійській фразеології: *a bird in the hand is worth two in the bush* (дослівно 'птах у руці вартий двох у кущі') [Баранц., с. 135]. У цьому виразі спостерігається розбіжність у виборі орнітообразу (*синиця*, *журавель* – *птах*), який в обох випадках репрезентує кількісно-якісний контраст. Проте наявність подібних виразів у багатьох народів свідчить про його універсальність.

Однак, внаслідок різних етнічних і культурологічних особливостей української та англійської картин світу, різних літературних прототипів більшість орнітофразеологізмів побудовані на образі, який розуміють лише носії даної культури. Так, в українській мові зустрічаються вирази, що не мають відповідників в англійській. Це, наприклад, *стоїть, як журавель на варті* – 'стоїть не рухаючись', де орнітонім, який є доволі традиційним птахом в українському фольклорі, виступає символом сторожкості [Жайв., с. 226]; *півень убрід переходить* – 'дуже мілко' (про ріку), як вираження прихованої іронії щодо коротких ніг птаха; *курці ніде клонуть* – 'дуже тісно, мало місця', оскільки курка має маленький дзьоб і клює по зернині, які й займають дуже мало місця, та інші [ФСУМ]. У свою чергу, англійська фразеологія багата на вирази, що не мають відповідників в українській мові: *a cock-and-bull story* (дослівно 'розповідь про півня та бика') – 'вигадка, нісенітниця' (з байки XVII ст.) [ODOI, с. 268]; *cock and hen club* (дослівно 'клуб півня та курки') – 'клуб, членами якого можуть бути як чоловіки, так і жінки' (в англійському середовищі півень асоціюється із чоловіком, курка – з жінкою) [Баранц., с. 221]; *an albatross around your neck* (дослівно 'альбатрос навколо шиї') – 'зробити щось невиправне' (з вірша „The Rime of the Ancient Mariner” by Samuel Taylor Coleridge, де моряк вбиває альбатроса, який падає на його плечі, віщуючи нещастя) [ODOI, с. 219]; *in the catbird seat* (дослівно 'у сидінні дрозда') – 'бути господарем становища' (з оповідання „The Catbird Seat” by James Thurber) [ODOI, с. 48] тощо.

Слід згадати також екзотизми, які входять до складу фразеологічних одиниць англійської мови. Більшість екзотизмів позначають птахів, які не живуть у природних умовах на самих Британських островах, але поширені у колишніх англійських колоніях. Це образи страуса: *digestion of an ostrich* (дослівно 'страусове травлення') – 'шлунок, що все перетравлює'; папуги: *sick as a parrot* (дослівно 'хворий як папуга') – 'дуже розчарований'; дуду: *as dead as a dodo* (дослівно 'мертвий як дуду') – 'такий, що більше не існує' та інші [1, с. 48].

Походження багатьох фразеологізмів пов'язане із віковими спостереженнями за домашніми птахами, образи яких залежать від властивих їм якостей та поведінкових рис, від тієї ролі, яку вони відіграють у житті людини. Так, найближчим до людей із домашніх птахів, як в Україні, так і у Великобританії, є півень (*cock*). Тому в орнітофразеології часто трапляються фразеологічні одиниці з цим компонентом. Конотативні асоціації, які викликає півень в українського народу, майже повністю збігаються із англійськими. З півнем пов'язують горду людину, *півнем* називають того, хто любить бути в центрі уваги.

В Англії, на відміну від України, завжди популярними були півнячі бої, спеціально для яких вирощували та відгодовували півнів, створювали їм особливі умови; звідси й поява фразеологізму *live like a fighting cock* (дослівно 'жити як бойовий півень') – 'жити у розкоші' [Баранц., с. 618]. Якщо ж півень виявлявся нездатним до боїв, то його до боїв не допускали; це стало мотиваційною основою для фраземи *that cock won't fight* (дослівно 'той півень не буде битися') – 'так справа не піде' [Баранц., с. 618].

В українській фразеології, на відміну від англійської, трапляються вирази, побудовані на здатності півня до співів: *до [перших] півнів* – 'близько до півночі'; *до других півнів* – 'за північ, до середини ночі'; *до третіх півнів* – 'до ранку, до світанку' та ін. [ФСУМ]. Деякі фразеологічні одиниці будуються не лише на слухових, а й на

зорових враженнях: як *півень розмальований* – 'без смаку'; *півень без гребня* – 'дурнуватий' [ФСУМ].

Поширеним орнітонімом в англійській фразеології, окрім вище зазначених, є *індик (turkey)*. Це пояснюється тим, що запечена індичка є традиційною різдвяною стравою (*like turkeys voting for (an early) Christmas* (дослівно 'ніби індіки голосують за раннє Різдво') – 'навіть, під сумнівом') [CIDOI, с. 405]. Серед досліджених нами українських фразеологічних одиниць подібного відповідника не було.

Щодо інших орнітономенів, то на їх вибір вплинуло географічне розташування мовців. Це назви птахів, розповсюджених на європейській території: *зоуля (siskoo)*, *сорока (magpie)*, *орел (eagle)*, *сокіл (hawk)*, *соловейко (nightingale)* та ін. Вибір їх у якості компонента фразеологічної одиниці продиктовано ще й їхньою незвичайною поведінкою у природі.

Чимало фразеологічних одиниць в українській мові функціонує з орнітонімом *горобець*. Це найпоширеніший птах на території України, який, завдяки своєму маленькому розміру, уособлює певне якісно-кількісне значення: *за горобця, з горобину душу, із горобиний скік, горобцеві по коліна* – 'трішки' [ФСУМ]. Такий орнітонім має водночас позитивні та негативні конотації (пор. *стріляний горобець* та *горобці цвірінькають в голові* [Жайв., с. 147]). В англійській мові фразеологічні вирази зі словом *sparrow (горобець)* взагалі відсутні.

Цікавим є факт того, що хоча в англійській фраземіці існує лише одна ідіома з орнітонімом *вільшанка* або *малинівка (robin)*, представником пташиного світу у Великобританії вважається саме вона: *as naked as a robin* (дослівно 'голий як вільшанка') – 'голий' [Dict.].

Характерною рисою орнітонімів є висока міра ідіоматичності й образності з сильним змістом номінативності. Це призводить до того, що подібні за денотативним значенням орнітоніми в різних мовах відрізняються образністю, тому що асоціативні уявлення про птахів у носіїв різних мов не однакові.

Найменування представників пташиного світу як в українській, так і в англійській мовах, які вживаються в переносних значеннях, служать для образної характеристики людини, тобто простежується аналогія „людина – представник світу птахів“.

Висновки. Орнітофразеологізми є результатом складного процесу номінації, в якому поєднуються лінгвістичні й екстралінгвальні чинники. Ці чинники впливають на формування конотацій у номенах птахів, що функціонують у просторі відповідної етнокультури, репрезентуючи фразеологічну картину світу певного народу.

Дослідження фразеологічних одиниць переконує в тому, що фразеологія є джерелом лінгвокраїнознавчих відомостей. Це схованка багатогранного буття народу: історичної пам'яті, етнокультурних традицій, національної самобутності.

Перспективи подальших досліджень. Подальшу розробку цієї тематики бачимо перспективною, оскільки вивчення цього питання сприятиме кращому розумінню „погляду“ українського й англійського етносів на представників пташиного світу, дасть змогу простежити національну специфічність системи асоціативних картин світу „птахи“, що у деяких народів суттєво відрізняється.

Список літератури

1. Ажнюк Б. М. Англійська фразеологія у культурно-етнічному висвітленні / Б. М. Ажнюк. – К.: Наукова думка, 1989. – 134 с.
2. Жуйкова М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов: [монографія] / М. В. Жуйкова; Національний університет імені Лесі Українки. – Луцьк: Вежа, 2007. – 416 с.
3. Кириллова Н. Н. Предмет и методы исследования идиоэтнической фразеологии / Н. Н. Кириллова // Проблемы идиоэтнической фразеологии. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2002. – № 4. – С. 38.
4. Телия В. Н. От редактора / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 8-10.

Словники

5. Баранц. – Баранцев К. Т. Англо-український фразеологічний словник / К. Т. Баранцев. – К.: Знання, 2005. – 1056 с.
6. Жайв. – Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури: словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К.: Довіра, 2006. – 704 с.
7. ФСУМ – Фразеологічний словник української мови. У 2-х кн. – К.: Наукова думка, 1993 // [Електронний ресурс]: Словники України 3.0. – Режим доступу: URL: <http://lcorp.ulif.org.ua/dictua/> – Назва з екрану.
8. CIDOI – Cambridge International Dictionary of Idioms. 5th ed. – Cambridge University Press, 2002. – 587 с.
9. Dict. – Dictionary.com. // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: <http://dictionary.reference.com>. – Назва з екрану.
10. ODOI – The Oxford Dictionary of Idioms. 2d ed.– Oxford University Press, 2004. – 340 с.

Давидчук А. В. Лингвокультурологические особенности орнитофразеологии украинского и английского языков // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.63-67.

В статье рассмотрены лингвокультурологические особенности фразеологических единиц с компонентом-орнитонимом украинского и английского языков, осуществлен анализ роли орнитонима в формировании семантики фразеологизма и установлено, что значение орнитонимов, употребляемых в языке, часто направлено на аллегорическое обозначение человека, как правило, метафорическое.

Ключевые слова: фразеологизм, орнитоним, культура.

Davydchuk A. V. Linguistic Culturological Peculiarities of Phraseological Units Containing Ornithological Terms in the Ukrainian and English Languages // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.63-67.

The article considers the linguistic culturological peculiarities of phraseological units containing ornithological terms in the Ukrainian and English Languages. The role of ornithonym in the formation of phraseological semantics has been analysed. It is defined that meaning of the ornithological component, used in the language, very often aims at the allegorical, usually metaphorical, marking of the person.

Key words: phraseological unit, ornithonym, culture.

Поступила до редакції 02.03.2011 р.

УДК 811. 35

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНОНИМОВ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ В КУМЫКСКОЙ ШКОЛЕ

Джалилова П.И.

*Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия*

В данной статье дается краткая характеристика изучения синонимов в кумыкской школе. Определяются синонимы как слова, тождественные по значению, обозначающие одно понятие, но различающиеся лишь оттенками значения либо стилистической окраской.

Ключевые слова: синонимы, лексические дублиеты, абсолютные синонимы, разговорная, диалогическая речь.

Постановка проблемы. Учение о синонимах имеет длительную традицию в лингвистической литературе. Синонимия является одной из традиционных категорий, но как отмечает В. А. Звегинцев, «в теоретическом плане она остается почти не изученной» [1, с. 124].

По вопросам синонимии написано немало исследований, однако проблемы, такие как определение синонимов, критерии синонимичности, остаются по сей день спорными. О том, что такое синоним, какие бывают синонимы, насколько это понятие вообще реально, в лингвистической литературе были высказаны самые разнообразные, часто противоречивые соображения. Сущность синонимов как слов с одинаковым или схожим значением и употреблением по-разному понимается различными исследователями [5, с. 222]. Существуют различные определения как слова, имеющие тождественное значение, как слова, имеющие близкое значение, как слова, обозначающие одно и то же понятие или же способные обозначать один и тот же предмет.

Многие определения синонимии содержат признак либо семантического или смыслового тождества, либо семантической или смысловой близости слов» [4, с. 16]. Таким образом, в определении синонимов выявилось два основных направления.

Для одного из них синонимы – это слова с близкими, но различными значениями «Синонимами обычно называются слова с близким, но не тождественным значением» [4, с. 124]. Под это определение подпадают, например, такие синонимы как *йымышакъ юреклилик*, *рагъмулудукъ*, *яхшы юреклилик* «мягкосердечие», которые, кроме этого одного ядерного значения, могут также употребляться соответственно в значениях: «добродушие», «доброта», «приветливость» и т. д.

Следовательно, такое определение отражает реальность существования таких синонимов и в кумыкском языке. Для другого направления синонимы – слова с тождественными значениями. В эту группу синонимов относятся слова типа *ой*,

пикру «мысль»; *жаза, такъсыр* «наказание»; *басгъын, чапгъын, чапгъын этив, чапгъын этмеклик, устьюне чабыв* «нападение» и т.д. Многие определения синонимов как слов, тождественных по значению включают их различия в оттенках значения. Синонимы определяются как слова, тождественные по значению, обозначающие одно понятие, но различающиеся лишь оттенками значения, либо стилистической окраской. «Лексические синонимы определяются как слова, обозначающие одну и ту же вещь, но выделяющие различные ее аспекты, или как слова, имеющие одно и то же значение, но различающиеся его оттенками» [2, с. 124]. Ср. *гъайсыз, немгъорай, пакарсыз, тындырыкъсыз* «неряшливый»; *къуватсыз этмек, гючсюз этмек, гъалсызлашдырмакъ, гъалсыз этмек, зайыплашдырмакъ* «ослабить». Такие исследования следует всячески развивать и на почве диалектов кумыкского языка, который обладает огромным лексическим богатством. В составе лексики кумыкских говоров сохранились уникальные лексические элементы, утраченные в других тюркских языках. Так, например, слова *гючлю, кочап, батыр, къуватлы* в кумыкском языке могут быть синонимичными в значении «сильный, не боящийся ничего», однако *кочап* имеет еще значение «борец», *батыр* – «смелый, храбрый, мужественный, дерзкий». Синонимичность этих слов была бы невозможна без общего для всех них значения. Слова *адам* и *инсан* обозначают одно понятие – «человек», но все же имеют разные оттенки значения, а именно: слово *инсан* более абстрактно и неопределенно, нежели *адам*. В лексическом составе кумыкского языка иногда встречаются слова, взаимозаменяемые в любой ситуации. В научной литературе их называют лексическими дублетами или абсолютными синонимами. К лексическим дублетам можно отнести такие слова, как *аякъ – бут* – нога, *бёрю – гавургийик* – волк и некоторые др. Значение лексических дублетов, как и синонимов, заключается в том, что они позволяют избегать повторов одних и тех же слов в литературной речи.

На уроке, посвященном словосочетанию, сообщается, что многие словосочетания могут образовать синонимические ряды. Одни из входящих в них синонимов связаны со строго нормированной письменной речью, с официально-деловым и научным стилями, другие, образуемые преимущественно в результате упрощений или возникающие по аналогии, тяготеют к речи разговорной или непринужденной, характерной для устных выступлений и т.п., например: заслушать доклад на заседании совета – заслушать доклад на совете, «*докладгъа жыйында тынгламакъ – жыйында докладгъа тынгламакъ*»; оплатить проезд – оплатить за проезд, «*ёлгъа гъакъ бермек – ёлгъа гъакъ тёлемек*»; дом под номером вторым – дом номер второй «*эки номерли уй – экинчи уй*» и т.п.

Далее сообщаем учащимся, что неодинакова и сфера употребления этих словосочетаний. Так, словосочетания типа «сущ. + сущ.» характерны главным образом для книжных стилей (официально-делового, научного, публицистического, иногда и художественного). Словосочетания же типа «сущ. + прил.» более уместны в разговорном стиле. Особо следует остановиться на синонимике прилагательных и некоторых значений падежных форм существительных. В частности, синонимичны такие выражения, как *человек с черными волосами* и *черноволосый человек* «*къара*

чачлы адам – къара чачлары булангъы адам»; человек с голубыми глазами – голубоглазый человек «гёк гёзлери булангъы адам – гёк гёзлю адам».

Часто встречающиеся в учебниках по кумыкскому языку упражнения типа: «Заменить прилагательным обороты: *кувшин из глины, деньги из серебра, банка из стекла*», – ставящие перед собой цель закрепить правописание суффиксов прилагательных, по нашему мнению, совершенно необходимо дополнить также заданием на составление предложения с полученными сочетаниями и объяснить, что данные сочетания, хотя они грамматически совершенно правильны, в языке неупотребительны, искусственны. Для подтверждения этого можно провести также наблюдения над отрывком из разных литературных текстов.

Составьте предложения с теми и с другими и укажите смысловое и стилистическое различие полученных вариантов.

а) *Сердце матери – ана юрек; Ветви березы – акътерекни бутакълары; Поляна в лесу – агъачлыкъдагъы авлакъ; Костюм из шерсти – юн костюм; Хвост лисы – тюлкю къуйрукъ.*

Учащимся дагестанской национальной школы не всегда удается преобразовать одно словосочетание в другое, синонимичное ему. Это объясняется тем, что подобное явление отсутствует в дагестанских языках. Например, в кумыкском языке синонимичные словосочетания *дом отца* и *отцовский дом* переводятся одним словосочетанием «*атамны уюю*»; *золотое кольцо* и *кольцо из золота* тоже переводятся одним словосочетанием «*алтын юзюк*»; «*хвост собаки и собачий хвост*» переводятся словосочетанием «*итни къуйругъу*».

Выводы. Очень важно, чтобы, изучая синонимы, школьники не только усвоили, что эти конструкции употребляются, главным образом, в разговорной, диалогической речи, но и поняли бы их преимущество в данной обстановке перед синонимичными полными предложениями. Для этого полезно в каком-нибудь отрывке из художественного произведения, представляющем собой диалог, преобразовать неполные предложения в полные, проследив окраску тех и других.

Список литературы

1. Александров П.С. О понятии синонимии / П.С. Александров // Лексическая синонимия. – М., 1967.
2. Апресян Ю.Д. Современная лексическая семантика. Вопросы семантического описания / Ю.Д. Апресян // Русский язык в национальной школе. – 1972. – №2.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика/ Ю.Д. Апресян // Синонимические средства языка. – М.
4. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М., 1957.
5. Батырмурзаева У. А. Лексико-семантическая структура слова в кумыкском языке / У. А. Батырмурзаева: автореф. дис. канд. филол. наук. По спец. 10.02.08 – Тюркские языки. – Махачкала, 1996.
6. Батырмурзаева У.М. Обзорно-аналогический материал: Полисемия в кумыкском языке / У.М. Батырмурзаева, К.С. Кадыраджиев. – Махачкала, 1996.

Джалілова П.І. Визначення синонімів та їх вивчення в кумицькій школі // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.68-71.

У даній статті подається коротка характеристика вивчення синонімів у кумицькій школі. Визначаються синоніми як слова, тотожні за значенням, що позначають одне поняття, але відрізняються лише відтінками значення або стилістичним забарвленням.

Ключові слова: синоніми, лексичні дублети, абсолютні синоніми, розмовне, діалогічне мовлення.

Jalilova P. I. Definition of synonyms and their study in the Kumyks school // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.68-71.

This article provides a brief description of the study of synonyms in Kumyk school. Are defined as synonyms for the word identical in meaning, denoting one concept, but differ only by shades of meaning or stylistic coloring.

Key words: synonyms, lexical doublet, absolute synonyms, conversational, dialogic speech.

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.

УДК 811.161

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

Диманте И. В.

Балтийская международная академия, г. Рига, Латвия

Задача современного политика, фанрайзера, специалиста по маркетингу и т.п. – это сделать текст выступления убедительным, но без оцутимого навязывания своих идей. Однако нередко приходится наблюдать, как «деловые люди» прибегают к языковым манипуляциям. Языковая манипуляция предполагает особую организацию текста, т.е. такую технику построения речи при искусном использовании ресурсов языка, которая приводит адресата к добровольному принятию решения, выгодного манипулятору. В качестве примера будут предложены возможности использования в процессе коммуникации наречий и прилагательных с целью манипулирования.

Ключевые слова: *манипуляция, наречие, прилагательное.*

Актуальность. Современные коммуникаторы – политики, журналисты, фанрайзеры, маркетологи, пресс-секретари, специалисты по связям с общественностью или рекламе, топ-менеджеры, юристы, религиозные деятели и т.д. – готовясь к презентации или к пресс-конференции, стремятся сделать текст своего выступления или публикации максимально эффективным. Создание убеждающей коммуникации, рассчитанной на достижение предполагаемого результата – будь то рекламный ролик, политическая речь, статья или пресс-релиз – предполагает предварительный анализ аудитории, подборку достоверных фактов, предусматривает конструктивную ясность сообщения и возможность широкого публичного обсуждения. Нередко не обходится и без применения приёмов речевого воздействия, когда недостаток аргументации подменяется попытками внушения или навязывания своих идей.

Цель. Рассмотрение возможностей использования в процессе коммуникации наречий и прилагательных с целью манипулирования.

Согласно представлениям О. С. Иссерс, признанного в данной области специалиста, «в большинстве случаев под речевым воздействием понимают речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности, планируемой эффективности» [3, с. 20]

Речевое воздействие осуществляется различными способами. Оно может быть *неосознанным или осознанным.*

В первом случае адресант специально не ставит перед собой цели повлиять на решения адресата, т.е. намеренно не разрабатывает особой стратегии и не применяет специальной тактики. Результат в таких случаях нередко обусловлен авторитетом коммуникатора, хорошими ораторскими данными или литературными

способностями, делающими повествование красноречивым, а также подкупающей искренностью, когда адресант сам убеждён в нужности сказанного или написанного.

С другой стороны, осознанное речевое воздействие, как правило, предполагает предварительную подготовку, означающую продуманность избираемой стратегии и тактики накануне осуществления акта коммуникации.

В свою очередь, речевое воздействие может подразделяться на *неагрессивное и агрессивное*.

Неагрессивный тип вербального воздействия может проявлять себя в самых разных видах высказываний активного свойства, т. е. прямых высказываниях: призыв, побуждение, внушение, убеждение, увещевание, уговоры, советы, явные намёки, просьбы, пожелания и т.д. Они лишены дискриминирующих или подавляющих волю адресата характеристик. Возможно оказывать воздействие высказываниями нейтрального свойства, т.е. специально подобранной информацией – это не прямые или косвенные высказывания.

Другой тип вербального воздействия, также обладающий различными характеристиками – это речевая агрессия. Следует отметить, что некоторыми учёными выделяется и такое терминопонятие, как речевое насилие [6, с. 5-15]. Основным критерием идентификации языковой агрессии служат понятия оскорбительности и дискредитации. В зависимости от степени интенсивности и «размашистости» проявлений, по оценкам ряда исследователей, языковая агрессия может рассматриваться в разных аспектах [4, с. 94-99]. Например, возможно её подразделение на прямую (*ты глупец*) и непрямую (*только глупцы могут этому верить*); активную (высказывание угроз) и пассивную (отказ от обсуждения вопроса); открытую /прямую (непосредственное донесение до адресата мнения автора) и завуалированную /косвенную (при посредничестве другого лица или в смягчённом виде, т.е. без применения резких слов и выражений) и т.д. В качестве примера такой «смягчённой» агрессии, можно привести сверхкраткую интернет-версию сказки о Красной Шапочке, представленную как пародия на деловую коммуникацию конкурентов: *«Идёт по лесу Красная Шапочка. Из-за дерева выходит Серый Волк в костюме, белой рубашке и галстуке. И говорит: Красная Шапочка, я вижу два варианта развития событий. Либо Корпоративное Слияние, либо Недружественное Поглощение...»* [7].

А. П. Сквородников, являясь специалистом в вопросах языкового насилия, находит, что это явление получило достаточное распространение в современной российской прессе... К сожалению, не только в российской. Можно согласиться с мнением учёного и относительно того, что же следует понимать под языковым насилием, а именно: не аргументированное вовсе или недостаточно аргументированное открытое или скрытое (латентное) вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т.д.) или его поражение в полемике... [с. 5-15].

Говоря об осознанном речевом воздействии, нередко приходится наблюдать, как «деловые люди» прибегают к языковым манипуляциям (в качестве синонима допустимо использование терминопонятия – речевое манипулирование). В трактовках современных толковых словарей можно почерпнуть общие сведения о

вышеозначенном явлении. Например, в Толковом словаре современного русского языка понятие *манипуляция* приводится с двумя значениями: «ловкая проделка, обман, махинация» и «представление кого-, чего-л. в искажённом, неточном виде для достижения своих целей»; там же понятие *манипулирование* соотносится с глаголом *манипулировать*, который определяется следующим образом: «добиваться своих целей, представляя кому-л. информацию в искажённом, неточном виде, навязывая своё мнение и намеренно вводя в заблуждение» [1, с. 433-434].

В свою очередь, лингвистичая литература предлагает самые различные дефиниции *манипуляции* с подчёркиванием тех или иных признаков этого явления (например, нередко делается упор на психологические характеристики) [4, с. 9-12]. С учётом мнения специалистов, представляется очевидным, что, с лингвистических позиций, *манипуляция является типом языкового воздействия*. Актуализируя точки зрения языковедов, уделяющих внимание этой проблеме [2; 3; 4; 6], нами допускается следующая формулировка этого явления: языковая манипуляция представляет собой особую организацию текста, предполагающую избирательную технику построения речи при искусном использовании ресурсов языка, что в целом подводит адресата к принятию решения, нужного манипулятору.

Разработка стратегии и выбор адресантом тактики осуществления манипуляции зависит от состава и настроения целевой аудитории, т.е. это могут быть широкие народные массы, разобщённый коллектив, команда единомышленников или отдельное лицо. Учитывается также интерес слушающих или читающих, с точки зрения занимаемой ими в отношении коммуникатора позиции. Выступая со своим предложением, он может восприниматься просто как информатор, как (потенциальный) партнёр или как (потенциальный) конкурент.

Отношение к манипуляции, как разновидности речевого воздействия, может складываться по-разному, в зависимости от намерений коммуникатора. Случается, что процесс манипулирования осуществляется не в силу злонамеренного умысла, а по причине искренней убеждённости адресанта в своей правоте и в том, что это в интересах манипулируемого. Например, при попытках повлиять на кого-то, чтобы отвратить от вредных привычек, помочь «встать на путь истины» или просто успокоить (например, больного). В этом случае возможно не просто увещание, но и использование манипулятивных приёмов, иногда более действенных, нежели прямое принуждение. Подобное сродни религиозному воздействию в ситуации, когда проповедник, используя манипулятивные приёмы наподобие риторических, обращается к пастве во благо присутствующих, (например, с призывом отказаться от употребления алкоголя или курения). Однако в политике и в бизнесе манипуляция может возникать тогда, когда нет уверенности, что удастся открыто переиграть идейного противника или сильного конкурента. Не имея возможности получить поддержку целевой аудитории при помощи логично выстроенной аргументации или благодаря высокому качеству товаров и услуг, соперники прибегают к разного рода ухищрениям, нередко с использованием ПР-технологий или рекламных трюков. Поэтому наличие знаний о приёмах речевой манипуляции делает возможным избегать негативного её воздействия.

В лингвистической литературе встречаются различные варианты классификаций манипулятивных стратегий и тактик. Вероятно, что общепринятого стандарта не

существует, по крайней мере, автору данной статьи об этом ничего не известно. Однако представляется убедительной, в силу своей универсальности, идея о *трёх типах стратегий*, высказанная О. Л. Михалёвой применительно к политическому дискурсу [5, с. 58-87]. С учётом мнения этого лингвиста, можно предложить следующий вариант систематизации манипулятивных воздействий: *стратегия нейтральности* принимается в качестве базовой (непрямой, пассивной), а осуществление активного манипулятивного воздействия происходит в результате реализации *стратегии на понижение*, *стратегии на повышение*, осуществляемых при помощи определённых тактик. Следуя за О. Л. Михалёвой в обозначении стратегий (и отчасти используя соответствующую терминологию), но с привнесением элемента обобщения относительно применяемых тактик, можно предложить общее виденье по использованию различных вариантов *триединой стратегической системы* или *троичной схемы воздействия* (по нашей терминологии – И. Д.). Например: *стратегия нейтральности* предполагает тактику избирательного, но беспристрастного, без привнесения оценочных характеристик, *информирования*. *Стратегия на понижение* может быть реализована тактикой *отрицательная характеристика*, где в качестве основополагающей – отрицательная коннотация. Аналогично, *стратегия на повышение* реализуется путём использования тактики *положительная характеристика*, где в качестве основополагающей – положительная коннотация. Троичную схему воздействия можно представить в виде матрицы с использованием *частиречных составляющих* в качестве инструментаря.

В качестве примера хотелось бы привести возможности манипулирования с помощью наречий и прилагательных, обладающих оценочными характеристиками.

С точки зрения использования наречий в плане манипулятивных возможностей, наиболее «подходящими», пожалуй, будут как «относительно неброские» наречия меры и степени, так и более «заметные» качественные наречия, степени сравнения которых омонимичны однокоренным прилагательным. Последние, подобно определениям, насыщены оценочным содержанием и способны «давать характеристику», привнося нужную коннотацию.

Если перед профессиональным коммуникатором встанет задача преподнести информацию в нужной интерпретации, он сможет применить вышеозначенную троичную схему. При включении в неё требующейся информации (например, *решение проблемы*), центрообразующим структурным компонентом будет такой, который реализует *стратегию нейтральности и тактику информирования*, т.е. изложение фактов передаётся в беспристрастной форме (*проблема решается*). Остальные составляющие матрицы (схемы): *стратегия на понижение / отрицательная характеристика* со знаком (-) и *стратегия на повышение / положительная характеристика* со знаком (+) – будут выступать как противопоставления (*проблема почти решена* и *проблема ещё не решена*), с возможным включением уточняющих расширителей (*не* – во втором случае). Это значит, что, располагаясь на противоположных позициях, они выступают в качестве антонимов по отношению к другому крылу схемы (*почти / ещё*, т.е. *проблема близка* или же *далека от разрешения*).

С другой стороны, можно заведомо создавать подобные матрицы, включая в них наиболее активно используемые наречия. В этом случае, занимая своё *место в оппозиционном крыле*, в зависимости от формирующих их параметров, компоненты одного общего знака, т.е. (+) или (-), могут выстраиваться в качестве синонимического ряда. Сравните:

Задание выполнено наполовину;

*Задание выполнено **уже** (почти что, практически) наполовину (+);*

*Задание выполнено **пока** (только, лишь) наполовину (-).*

Такой ряд образуется из составляющих, расположенных по отношению друг к другу «по нарастающей», в зависимости от их качественно-количественных параметров, в частности степени интенсивности признака. Например, синонимичные адвербы, обозначающие высокую степень проявления признака, могут выстраиваться в ряд приблизительно таким образом: *очень, совершенно, совсем, полностью, эксклюзивно, абсолютно* (абсолютная оценка). Подобно им могут формировать синонимичный ряд наречия, обозначающие относительную степень проявления признака: *слишком, чересчур, изрядно, достаточно, более чем* – (относительная оценка) и т.д. Другой ряд синонимов: *несколько, слегка, чуть-чуть, только, лишь, менее чем* (относительная оценка) – будет противопоставлен вышеуказанным в качестве антонимов.

Взяв за образец наречия, можно использовать приём формирования разносторонних синонимических / антонимических рядов для оперативного использования в рабочих целях. Подобные матричные заготовки можно создавать, к примеру, для журналистской практики. Затем, в зависимости от поставленной задачи, окажется возможным наиболее удачно использовать подходящие для определённого контекста наречные единицы.

Выводы. Относительная «неброскость» наречий меры и степени позволяет коммуникатору воздействовать менее заметно в сравнении со случаями использования качественных (иногда, относительных) прилагательных или наречий, обладающих более выраженными оценочными характеристиками.

При создании матриц их следовало бы распределить на *группы оценки* в зависимости от избранного параметра, определяемого ключевым словом. В этом случае матрица имела бы несколько иной вид, отличный от вышеописанного. В качестве примера может послужить такой ориентир, как *ассоциативное поле* [7, с. 104-105]. Например, с учётом феномена *сенсорных ассоциативных полей*, матрицы стоило бы формировать, используя принцип построения вокруг слов (*вкус, цвет, запах* и т.д.), соответствующих определённым ощущениям – тактильным, звуковым, цветовым, болевым, вестибулярным и т.д. *Поле запаха* могло бы включать такие прилагательные, как *ароматный, медовый, сладкий, хвойный, цветочный* (+) и *вонючий, горький, кислый, солёный, прогорклый* (-). Пример: *Дело это не только кислое, но даже прогорклое – плевать хочется!*

Вышеупомянутые примеры использования матриц могли бы послужить базой для создания учебного пособия словарного типа, рассчитанного на профессионального коммуникатора, с включением в него тренировочных упражнений. В известном смысле,

такое издание может быть уподоблено словарному, но с несколько иными принципами подхода к подбору и составлению материала.

Список литературы

1. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия/ ИЛИ РАН. Под. ред. Г. Н. Скляревской/ Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия – М.: ООО «Издательство Астрль»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 944 с.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 2000. – С. 162-168.
3. Иссерс О.С. Речевое воздействие: [учебное пособие] / О. С. Иссерс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.
4. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: [учебное пособие] / Г. А. Копнина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 176 с.
5. Михалёва О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия. Дисс. канд. филол. наук / О. Л. Михалёва. – Иркутск, 2004. – С. 58-87.
6. Сковородников А. П. Языковое насилие в современной прессе / А. П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – 1997. – Науч.-методич.бюл. Краснояр. гос. ун-т; под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 2. – Красноярск – Ачинск. – С. 5-15.
7. Хазавгеров Г.Г. Риторика для делового человека: [учебное пособие] / Г. Г. Хазавгеров, Е. Е. Корнилова. – 2-е изд. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2003. – 136 с.
8. Шляхтер Вадим. Бизнес – это война! [Электронный ресурс] / Вадим Шляхтер. – Режим доступа: <http://shlahter.ru>.

Діманте І. В. Мовленнєва взаємодія у процесі комунікації // Ученіє запискі Таврічєскогo національного універсітєта ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціалні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.72-77.

Задача сучасного політика, фанрайзера, спеціаліста з маркетингу і т.п. – це зробити текст виступу переконливим, але без відчутного нав'язування своїх ідей. Однак нерідко доводиться спостерігати, як «ділові люди» удаються до мовних маніпуляцій. Мовна маніпуляція передбачає особливу організацію тексту, тобто таку техніку побудови мовлення при майстерному користуванні ресурсів мови, яка призведе адресата до добровільного прийняття рішення, яке є вигідним маніпулятору. В якості прикладу будуть запропоновані можливості використання у процесі комунікації прислівників і прикметників з метою маніпулювання.

Ключові слова: маніпуляція, прислівник, прикметник.

Dimante I. The effect of the speech in the communication process // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.72-77.

The objective of the politics, fund-raisers, PR specialists, etc. is to make a speech that would be persuasive but not too insistent at the same time. This is why business people tend to use the manipulative speech. It is based on a particular form of organizing a text that makes the addressee take the decision that would be beneficial to the speaker. For example, the adverbs and adjectives are widely used in manipulative texts.

Key words: manipulation, adverb, adjective.

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 811.111'276 (7/8)

НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНІ ОСОБЛИВОСТІ АМЕРИКАНСЬКОГО СЛЕНГУ

Замашна С.М.

Рівненський державний гуманітарний університет, м. Рівне, Україна

У статті розглядаються результати дослідження американського сленгу. Основна увага звертається на уточнення поняття сленг, визначення джерел його появи і виявлення національно-культурних особливостей американського сленгу.

Ключові слова: сленг, американська культура, національні особливості.

У нинішніх умовах глобалізації суспільства і прагнення України до входження у світову спільноту стають *актуальними* проблеми взаєморозуміння з представниками різних культур. Тому є слушним питання навчання мовам міжнародного спілкування й англійської у тому числі.

З огляду на можливості працювати і подорожувати за кордон, які відкриваються перед студентами, варто звернути увагу на особливості американського сленгу, володіння яким є умовою повноцінного спілкування з ровесниками і представниками культури певної місцевості.

Попри наявність праць, присвячених статусу американського сленгу у різних контекстах (Е. Партрідж, О.Клименко, М.Маковський, М.Московцев,

С. Шевченко), глибоке дослідження його національно-культурного компоненту є далеким до повного завершення.

Зазначене вище доводить необхідність виявлення національно-культурної специфіки американського сленгу. Дана *мета* може бути досягнута шляхом вирішення таких *завдань*:

- уточнити і дати визначення поняттю сленг;
- дослідити джерела американського сленгу;
- визначити його національно-культурні особливості.

Сленгом називають те, що не співпадає з літературною нормою. У цій статті зосередимо увагу на «загальнонародному», а не вузько профільному, спеціальному сленгу. На думку авторів підручника «Извините за выражение...», сленг – тип неформального мовлення [5]. Його межі дуже рухомі. Часто старі слова при цьому вживаються у незвичайному, свіжому значенні.

А.Д. Швайцер вважає, що одиниці американського сленгу пов'язані з соціальною диференціацією американського суспільства (соціально-демографічною, груповою, віковою) і тому відображають життєвий шлях американця [6].

Помітний крок у вивченні сленгу зробив Е. Партрідж. Він намагався визначити місце сленгу у ненормативній лексиці і простежив його розвиток на північноамериканському континенті. Вчений зазначав, що сленг позбавляє мовлення

нейтральності і робить вирази щоденного вжитку оригінальними й емоційно забарвленими.

Звернемося до джерел американського сленгу. Існує декілька версій його походження. За креольською теорією, цей феномен виник на ґрунті примітивної англійської мови рабів, привезених у Північно-Американські штати. На думку американських діалектологів, сленг з'явився на основі специфічних діалектів півдня США, на які вплинули східно-англійські діалекти. Соціолінгвістичний підхід пов'язує виникнення американського сленгу з так званих «внутрішніх міст» (гетто), де проживали нижчі класи у замкнених і обмежених у просторі спільнотах.

З огляду на розпорошеність тлумачень про суть сленгу, в цій статті для ілюстрації думок обмежимося одиницями, взятими із словників сленгу.

Усі теорії об'єднує фольклорне джерело, яке притаманне будь-якій культурі. Саме слово *folk* на сленгу означає батьків і перекладається як предки чи старі. Найважливішими поняттями афро-американської культури є *brother*, *sister*, які мають значення «друг чи подруга».

Сленг невіддільний від мови злочинних угруповань. У США виникло слово гангстер (*gangster*), а з появою «сухого» закону утворилося слово *bootlegger*, яке означало контрабандне ввезення та збут спиртного і створення синдикатів алкоголю. Для позначення контрабандного віскі вживалися слова *dehorn*, *seafood* (у 20-х роках ХХ століття напій нелегально привозили на кораблях).

Визначною рисою сленгу американських негрів є вживання слів у протилежному значенні: так тупий (*stupid*) означає хороший, образливе *nigger* у звертанні між своїми набуває значення друга.

Особливістю походження американського сленгу є музика американських негрів. Тепер не лише американська англійська, але й уся світова музична культура збагачена такими словами, як *soul*, *rep*, *hip-hop*, *acid rock*. *Jazzy* означає привабливий чи стимулюючий. *To jazz up* перекладається як прискорити, освіжити, оживити. *Punk* характеризує недосвідченого нудного підлітка з важким характером.

У часи Другої світової війни з'явилися такі слова, як *pea-shooter* (пілот-боєць), *buddy* (приятель), *ace* (хороший спеціаліст).

Літературні твори теж стали джерелом утворення сленгу. Так, завдяки письменниці Б. Стоу стало популярним ім'я *Uncle Tom*, яким серед афроамериканців зневажливо називають негрів, які поведуться не як мешканці нетрів, а більшість американців. *Uncle Tomahawk* означає те ж, що і *Uncle Tom*, але відносно американських індіанців. *Catch-22* використовують для позначення завдання, що неможливо виконати (за назвою Романа Джозефа, у якому описані вимоги з протиріччям).

Розвиток телебачення і радіомовлення теж збагатив лексикон американців неформальними виразами: *bleeping* (груба мова з непристойними словами – від звуку, що на телебаченні звучить замість вульгаризмів), *zap* (дати в зуби – від позначення звуку зброї в коміксах). *Idiot box* – це телевізор, а *idiot girl* – ті дівчата, які обслуговують на телебаченні.

З комп'ютеризацією набули широкого поширення скорочення *PC*, *e-mail*. Значок @ часто використовується замість прийменника *at* у повідомленні про місце зустрічі: @ *Luigi's*.

Жителя США можна вважати продуктом змішання різних національних культур (*melting pot*). З огляду на це слушно зупинитися на словах – назвах національностей.

Greek в Америці означає не лише грека, але й члена студентського союзу (оскільки назва починається грецькою літерою). *It's Greek to me/it sounds Greek/it looks Greek* має значення чогось незрозумілого (як для нас китайська грамота).

Фраза *I go to Denmark* може бути вжита у додатковому значенні зміни статі. *Dutch treat/Go Dutch* означає платити самому за себе.

Pardon my French перекладається як «даруйте за вислів». *French* містить натяк на непристойне і вульгарне.

Mexican breakfast – це голодний пайок: сигарета і склянка води (мексиканці для багатьох американців є символом бідності).

Russian roulette – дуже ризикована справа.

Banana може означати китайця, що народився і виріс в Америці (зверху (з вигляду) жовтий, а всередині (за мисленням) білий). Цим словом у формі множини називають щось дивне і незвичайне: *You look bananas*.

На звучання і побудову слів американського сленгу вплинули мови різних етнічних груп, найбільше – латиноамериканських іммігрантів: *amigo* (приятель), *bitcherino* (бридкий чи неприємний неживий предмет), *machismo* (культ мужності чоловіка), *taco* (образлива кличка мексиканців на честь однойменної страви), *loco* (ненормальний). Закінчення *-o* часто зустрічається у скорочених словах розмовної англійської мови: *armo*.

Соціальне розшарування суспільства відображене в аббревіатурі *WASP* (*white Anglo-Saxon protestant*), що позначає білошкірого протестанта англосаксонського походження. Слово *rednecks* дослівно перекладається як червоно шиї. Ним називали білих наймитів у південних штатах. Сьогодні воно звучить на кшталт нашого слова «селоки».

З італійської мови прийшло словосполучення *numero uno*, що означає самозакохану людину чоловічої статі. З єврейської – *meshuga* (ексцентричний).

Висновки. Отже, з огляду на те, що сленг є одним із джерел поповнення лексичного складу американської англійської, він потребує постійної уваги і дослідження. У цій статті сленг розглядався як тип неформального мовлення. Його американський варіант мав як загальномовні джерела (фольклорне і кримінальне походження), так і свої індивідуальні, які дозволили визначити його національно-культурні особливості. Серед останніх виділимо мультикультурність і конотації, пов'язані з музикою.

Знання національно-культурних особливостей сленгу сприяють адекватному розумінню носіїв американського варіанту англійської мови і допомагають долати міжкультурні бар'єри та налагоджувати взаємовигідні, доброзичливі стосунки між етносами.

Подальшого уточнення та поглибленого вивчення потребують проблеми дослідження шляхів перекладу американського сленгу на інші мови. Особливі

труднощі викликає переклад рекламних текстів, що може стати предметом подальших досліджень.

Список літератури

1. Англо-русский словарь американского сленга / [ред. Е. И. Туровский]. – М.: Книжный сад, 1993. – 286 с.
2. Клименко О. Л. Поповнення словникового складу англійської мови з нелітературних підсистем: автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 / О. Л. Клименко. – Харків, 2000. – 20 с.
3. Краткий англо-русский словарь американизмов и сленга / [ред. А.И. Педалицин]. – Смоленск: Инга, 1997. – 395 с.
4. Маковский М. М. Языковая сущность современного американского сленга / М. М. Маковский // Иностр. яз. в школе. – 1962. – № 4. – С. 102-113.
5. Московцев Н. Извините за выражение... Иллюстрированный путеводитель по американскому сленгу / Н. Московцев, С. Шевченко. – СПб.: Питер, 2007. – 480 с.
6. Швейцер А. Д. История американского варианта английского языка: дискуссионные проблемы / А. Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 77-91.
7. Partridge E. Usage and Abuse / E. Partridge. – Penguin Books, 1973. – 380 p.

Замашна С.Н. Национально-культурные особенности американского сленга // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.78-81.

В статье рассматриваются результаты исследования американского сленга. Основное внимание обращается на уточнение понятия сленг, определение источников его появления и выявление национально-культурных особенностей американского сленга.

Ключевые слова: сленг, американская культура, национальные особенности.

Zamashna S. M. National and cultural peculiarities of American slang // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.78-81.

The article deals with the results of the investigation of American slang. The main attention is paid to the detailed definition of the notion slang, the sources of its appearance and the detection of national and cultural peculiarities of American slang.

Key words: slang, American culture, national peculiarities.

Поступила до редакції 29.03.2011 р.

УДК 81'1:82:65

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АННОТАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АННОТАЦИЙ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ)

Зирка В. В., Хабарова Н. А.

*Днепропетровский университет экономики и права имени Альфреда Нобеля,
г. Днепропетровск, Украина*

Статья посвящена уточнению понятия «функция» в лингвистике. Был проведён коммуникативный и прагмалингвистический анализ функций текстов аннотаций к художественным произведениям, который базируется на выявлении лингвальных и структурно-композиционных особенностей текста. Специфика аннотации как вторичного сжатого текста обуславливает выделение когнитивно-информативной функции как базовой с включённым аксиологическим компонентом. Исследован ряд сопутствующих функций в текстах аннотаций.

Ключевые слова: *тексты аннотаций к художественным произведениям, функции когнитивно-информативная, апеллятивная, коммуникативная, аргументации и убеждения, воздействия и манипулирования.*

Принципы функционирования и использования языка как средства передачи информации и воздействия на адресата исследовались философами, лингвистами, психологами еще со времен античности. В определениях языка выделяют две стороны: характеристику его как системы средств (знаков) и как явления целевого характера, направленного на выполнение определенных функций. Слово функция, как известно, происходит от латинского «function» и означает – исполнение, осуществление. Термин «функция» используется в науке синонимично терминам «цель», «назначение», «задача», «роль», «зависимость».

В философском энциклопедическом словаре понятие «функция» определяется как: 1) «роль, которую определенный социальный институт (или частный социальный прогресс) выполняет относительно потребностей общественной системы более высокого уровня... 2) зависимость, которая наблюдается между различными социальными процессами в рамках данной общественной системы» [14, с. 836].

Существующие толкования термина «функция», по мнению В. И. Заики, сводимы к общему понятию «отношение». Автор подчеркивает, что роль одного объекта по отношению к другому представляет собой частный вид отношений. Цель, назначение – один из видов отношений, связанных с выходом за пределы микросистемы в более сложную [2]. Лингвистический энциклопедический словарь квалифицирует понятие «функция» как: 1) «роль, (употребление, назначение) языка в человеческом обществе; 2) детерминированное соответствие (зависимость) единиц одного множества единицам другого множества» [7, с. 685].

Цель – уточнение понятия «функция» в лингвистике; проведение коммуникативного и прагмалингвистического анализа функций текстов аннотаций к художественным произведениям, который базируется на выявлении лингвальных и структурно-композиционных особенностей текста; исследование сопутствующих функций в текстах аннотаций.

Актуальность. Проблема функции языка вызывает особый интерес в связи с расширением сферы изучения языка в действии, особенностей разговорной речи, функциональных стилей, коммуникативной лингвистики и прагматики текста. Функции языка проявляются в его сущности, в его назначении и действии в обществе, его природе, т.е. они являются его характеристиками, без которых язык не может быть самим собой.

Число частных функций может быть бесконечно разнообразным по цели, по установке адресанта, по воздействию на адресата. По мнению Н. А. Слюсаревой «базовые функции языка взаимообуславливают друг друга при использовании языка, но в отдельных текстах выявляются в разной степени» [11, с. 564].

Функция текста рассматривается нами как «инструкция», которую использует адресант с целью предоставления полезной, понятной, доступной информации для адресата в форме текста рекламы или аннотации, как разновидности рекламного текста. Центральная задача, которую выполняет функция внутри целого текста, состоит в инструктировании получателя (адресата). Настоящее понимание определения функции текста соответствует в целом теоретическому понятию иллокутивного акта (речевое действие, передающее намерение говорящего), где также соединяются интенциональный и конвенциональный (условный) аспект языкового действия. Так же как иллокутивный акт определяет характер высказывания, так и функция текста определяет коммуникативный вид текста, т.е. тот тип коммуникативного контакта, который сообщает адресант реципиенту при помощи текста. Однако необходимо чётко разграничивать функцию текста от «действительного» намерения адресанта. Таким образом, функция текста – это информация для адресата, то, как он должен воспринимать текст. Интенция же может быть скрытой и не совпадать с функцией текста, интенция – это то, что адресант желает сообщить адресату. С другой стороны, функцию текста необходимо отличать от воздействия текста, которое оказывает текст на адресата. Подобно перлокутивному акту (в элементарных языковых действиях) и в отличие от функции текста, это воздействие (намеренное или ненамеренное) является неконвенциональным, безусловным выражением того, как адресат в действительности реагирует на инструкции адресанта, что вряд ли можно перепроверить.

Под термином «функция», вслед за исследователями этого понятия (В. А. Аврориным (1975), В. И. Заикой, О. С. Иссерс (2009), Л. А. Кочетовой (1999), А. А. Леонтьевым (2003), Н. А. Остроушко (2003), Е. А. Селивановой (2006), Н. А. Слюсаревой (1998) и др.), мы подразумеваем коммуникативный вид текста с проявляющейся в нем интенцией, выраженной в тексте определенными конвенциональными, принятыми в коммуникативном сообществе лингвальными средствами.

Информативная норма текста определяется И. Соколовой на базе одной функции, несмотря на то, что для текста может быть характерно выполнение сразу нескольких функций. Эта доминирующая функция информирования определяется

как функция всего текста [12]. Например, типу текста аннотация, который мы изучаем в парадигме текстов массовой информации, присуща когнитивно-информативная функция, даже если адресант намеревается убедить в чём-либо адресата, воздействовать на его поведение. Процесс приобретения адресантом новых знаний и передача этих знаний (информации) другому субъекту (адресату) исследуется учёными (в частности В. П. Новиковым (2009)) на стыке прагмалингвистики и коммуникативной лингвистики как неразрывный процесс, проявляющийся в тексте в особых языковых выражениях и структурно-композиционных построениях. Когнитивно-информативная функция с одной стороны выражает деятельность сознания, мысли получателя, а с другой – информирует адресата. Эту функцию выполняют те тексты, которые сообщают знания или информацию о предметах или явлениях окружающего мира. Известно, что оценка интегрирована в когнитивно-информативную функцию, потому что познаётся, прежде всего, то, что представляет ценность (аксиологический компонент когнитивно-информативной функции), и передаётся та информация, которая может способствовать улучшению или ухудшению тех или иных сторон жизнедеятельности человека [7].

Примером проявления когнитивно-информативной функции в текстах аннотаций к художественным произведениям является целый ряд возможностей языкового выражения как положительной, так и отрицательной оценки, характеризующей общую сюжетную линию, персонажей, автора, либо стиль написания, можно находить что-то *ошеломляющим, нормальным, правильным, интересным; можно что-то приветствовать, можно чем-то гордиться, быть удовлетворенным чем-то и т.д;* можно находить что-то *плохим, глупым, умным, или неправильным, достойным сожаления, преувеличенным и т.д.* или, наоборот, *осуждать, не одобрять.*

Когнитивно-информативная функция является базовой в исследуемых аннотациях, поскольку этот жанр относится к текстам вторичной информативности и представляет собой аналитико-синтетическую переработку первоисточника. Текст аннотации представляет, как мы уже отмечали, концептуальное отражение (на лексическом уровне) видения автором аннотируемого произведения с точки зрения адекватности его восприятия и выражает установку издательства, которое контролирует написание текстов аннотаций. Иными словами, приобретение знаний, новой информации копирайтером при ознакомлении с полным текстом произведения является выражением когнитивной функции, а передача этой информации в трансформированном виде через объективное восприятие – маркёром информативной функции. См. аннотацию к роману Сесилии Ахерн «Не верю. Не надеюсь. Люблю»:

Десятки миллионов читателей в сорока странах мира плачут, смеются, грустят, надеются и верят... Почти 50 лет жизни главных героев уместилось в эту книгу, состоящую из нескольких сотен писем. Второй роман известной ирландской писательницы Сесилии Ахерн это история о том, сколько времени требуется чтобы найти свою настоящую любовь. Особенно, если она совсем рядом. Роман побуждает сразу вскочить, стать лучше, подумать об окружающих и любимых – спешить жить, не откладывая счастье на потом. Новая пронзительная история о любви от автора мирового бестселлера «P.S. Я люблю тебя».

Они пишут друг другу письма, знают друг о друге всё, но непонимание, случайности, жизненные невзгоды, откровенное невезение не дают им

встретиться вновь. Они не верят и не надеются, что могу быть вместе. И только спустя годы они понимают, что хранимая ими дружба, нежность и преданность позволяют им сказать: люблю!

При письменной коммуникации между участниками общения отсутствует непосредственная коммуникация, связующим звеном между ними является текст, как канал передачи информации. Основываясь на прагматической теории коммуникации, предложенной О. С. Иссерс, мы выделяем коммуникативную функцию в качестве функции установления контакта. В процессе коммуникации, как отмечает ученый, необходимым звеном являются цели, намерения и участники общения [4].

Особенности адресата в исследуемых аннотациях выражаются такими характеристиками, как массовость (от сотен до тысяч и миллионов людей); рассредоточенность (т. е. географическое распространение); относительная анонимность (коммуникатору неизвестны те люди, к которым он обращается, они в свою очередь незнакомы между собой, а также во время самого процесса общения отсутствует непосредственный контакт); разнородность по многим признакам (разная культура, разный жизненный опыт, возраст, профессии).

Условная коммуникация в текстах аннотаций между адресатом и адресантом проявляется в особом лингвистическом наполнении, определяющем жанр произведения, либо в рекомендациях общего характера, например: *читать любителям фантастики, рекомендуется для семейного прочтения, для сентиментальных мечтательниц, жгучая испанская проза, русская классика и т.д.*

Апеллятивную функцию выполняют тексты, которые имеют целью таким образом повлиять на адресата, чтобы «он занял определенную позицию по отношению к какому-то высказыванию или произвел какое-либо действие» [1, с. 276]. Типы текстов, в основе которых лежит апеллятивная функция это – рекламный, газетный, теле- и радиокомментарий, инструкции по применению, рецепты, тексты-просьбы, заявления, аннотации к художественным произведениям как разновидность интеллектуального рекламного текста.

Апеллятивная функция проявляется эксплицитно в тексте определёнными глаголами, а именно:

– формами повелительного наклонения:

ОНИ живут среди нас. И Егор один из них. Если бы он узнал в 17 лет, что является сыном ведьмы, то наверняка его жизнь бы изменилась. В 18 он станет настоящим ведьмаком, если будет следовать своим корням. Прощай, школа и спокойная жизнь. Вперед, навстречу приключениям! Только не стоит забывать, что ОНИ живут среди нас. А Егор не совсем один из них... (Маргарита Епатко. «Сын ведьмы и коловратыши», Diva 07/08).

Читайте новый роман отечественного фантаста номер один Сергея Лукьяненко – историю захватывающих приключений Трикса по прозвищу «Недотёпа» в удивительном мире «меча и магии» (Сергей Лукьяненко. «Недотёпа», Diva 09/08).

– Инфинитивами:

Нелегко придется юному герцогу, желающему отомстить узурпатору и вернуть себе трон. Ведь есть так много путей, чтобы добиться справедливости! Стать оруженосцем могущественного рыцаря и научиться владеть оружием. Напроситься в ученики к волшебнику... Потребовать справедливости у верховного

короля. Или пытаться все сделать сразу? А еще придется подружиться с бродячими актерами, обзавестись личной феей... очень маленькой, питающейся пыльцой... А еще – сразиться с коварными магами-витамантами, влюбиться в прекрасную княгиню Тиану, спасти ее из плена и случайно превратить... ой, нет, этого лучше не рассказывать! Но к королю за справедливостью все равно идти придется! А ведь король не обязан быть справедливым, это вовсе не его работа... (Сергей Лукьяненко. «Недотёпа», Diva 09/10).

– Риторическим вопросам:

Но справедливость будет восстановлена! И все станет хорошо. Даже лучше, чем можно было подумать. Остается последний вопрос – что делать дальше? (Сергей Лукьяненко. «Недотёпа», Diva 07/10).

Келлер – на вид обычная семнадцатилетняя девушка, милая и серьезная. Но лишь до тех пор, пока не разъярится... Она – черная пантера, оборотень, и привыкла бороться и побеждать, во что бы то ни стало. Новое задание – охрана Илианы Харман – не по душе Келлер. Неужели эта невежественная пустышка может быть легендарной Неукротимой Силой, одной из четырех, которые предотвратят конец света? Сможет ли Келлер убедить ее хотя бы на время оставить развлечения и серьезно задуматься о своей судьбе? И как быть с Галеном? Они с Келлер полюбили друг друга, но эта любовь может разрушить все... (Лиза Смит. «Колдовской свет», Elle 03/10).

Функции текста, согласно точке зрения некоторых ученых, выявляются за счёт определенных внутритекстовых (преимущественно языковых) и нетекстовых (контекстуальных) средств. Внимание акцентируется на том, что публицистике, как и рекламе, среди других языковых функций в большей степени свойственна функция воздействия и манипулирования, ибо основной средой существования и публицистики, и рекламы являются СМИ [3; 11]. Авторы отмечают, что одна из основных функций языка – функция воздействия – общепризнанная характеристика языка рекламы, которая подталкивает, побуждает к действию. На фоне общей функции воздействия некоторые лингвисты выделяют манипулятивную функцию рекламных текстов, имплицитно проявляющуюся в языковом плане [3]. Как отмечают ученые, «посредством воздействия на эмоциональную сферу потребителя текст рекламы превратился в инструмент создания некой элитной атмосферы богатства, роскоши, успеха, одним из атрибутов которой является рекламируемый товар или услуга» [4, с. 56]. Аннотации к художественным произведениям, которые оцениваются с точки зрения содержания, персонажей, автора и стиля написания в нашем исследовании изучаются в качестве рекламного интеллектуального продукта. Принципиальное различие функций воздействия и манипулирования заключается в том, что при манипулировании присутствует скрытый смысловой контекст, а при воздействии такой контекст является явным и может быть построен на убеждении, что недопустимо в механизмах манипулирования.

Проявление указанных функций на изучаемом материале может быть подтверждено следующими примерами:

Манипулирование:

Этот многомиллионный город занимает на поверхности земли всего два квадратных метра! Его жильцы – самые трудолюбивые существа в мире! Их умение подчиняться правилам – мечта любого диктатора! Их интеллекту можно только позавидовать! Они – муравьи! И они живут среди нас. Или это мы живем

среди них? Чья цивилизация окажется жизнеспособнее? (Андрей Ливадный. «Первый мир», www. bookz.ru).

Воздействие:

«*Анна Каренина*» – это сложное, психологически утонченное, остропроблемное произведение, насыщенное приметами времени. Л. Н. Толстой на страницах произведения показывает, как рушатся остатки патриархального уклада жизни в России под натиском буржуазного прогресса, как падают нравы, ослабевают семейные устои, вырождается аристократия. Роман во многом автобиографичен. Работая над ним, Толстой уяснял взгляд на современность и свою собственную жизнь (Л. Толстой. «Анна Каренина», www. bookz.ru).

Функция аргументации и убеждения проявляется на лексическом уровне посредством представления фактологической информации с элементами оценивания. Рациональные аргументы основаны на документальных фактах, которые переплетаются с эмоциональными аргументами, выражающими оценку. См. пример аннотации к книге Майкла Каннингема «Часы»:

За это произведение автор получил Пулитцеровскую премию. Снятый по нему фильм был номинирован на «Оскар». Отличный роман в жанре психологической прозы, или один день из жизни писательницы, домохозяйки, редактора (Домашний очаг 09/07).

Наряду с вербальными знаками в соответствии с определенной шкалой и выделенными в ней критериями, журналы широко применяют невербальные знаки различного вида, для того, чтобы скорее убедить, нежели проинформировать читателя. В конце каждого текста аннотации рядом с выраженной вербально общей оценкой произведения появляется и невербальное ее соответствие в виде звездочек, значков и т. д. и т. п.

Выводы. При изучении текстов аннотаций к художественным произведениям мы основываемся на функциях текста, которые базируются в свою очередь на функциях языка: когнитивно-информативной, апеллятивной, оценочной, функции убеждения и аргументации, а также функции воздействия и манипулирования. Лингвистическое проявление этих функций является объектом нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Л.: ЛГУ, 1975. – 276 с.
2. Заика В. И. К вопросу о функции языка [Электронный ресурс] / В. И. Заика. – Режим доступа к кн.: <http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/All> – Название с экрана.
3. Зирка В. В. Манипулятивные игры в рекламе: Лингвистический аспект. изд. 2-е, испр. / В. В. Зирка. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
4. Иссерс О. С. Речевое воздействие: [уч. пособ. для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью»] / О. С. Иссерс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с
5. Кочетова Л. А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: дис. канд. филол. наук: 10.02.04. «Германские языки» / Л. А. Кочетова. – Волгоград: Волгогр. пед. ун-та: Перемена 1999. – 175 с.
6. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М., 1969.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

8. Новиков В. П. Компоненты функционального содержания коммуникативной оценки [электронный ресурс] / В. П. Новиков. – Режим доступа к кн.: http://www.nbu.gov.ua/Portal/Soc_Gum/Dtr/gn/2009 – Название с экрана.
9. Остроушко Н. А. Проблема речевого воздействия в рекламных текстах: дис. канд. филол. наук: 10.02.01. «Русский язык» / Н. А. Остроушко. – М.: МГУ, 2003. – 286 с.
10. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. А. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.
11. Слюсарева Н. А. Функции языка / Н. А. Слюсарева // Большой энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1998. – С. 564-565.
12. Соколова І. Інформаційно-рекламний текст як тип тексту / І. Соколова // Наукові записки. – Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2008. – Вип. 75 (3). – С. 133-137.
13. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов / [2-е изд.]. – М.: Наука, 2009. – 312 с.
14. Философский энциклопедический словарь / [гл. ред. Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев]. – М.: Сов. энци., 1983. – 836 с.

Зирка В. В., Хабарова Н. А. Функціональні особливості текстів анотацій (на матеріалі російськомовних анотацій до художніх творів) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.82-88.

Стаття присвячена уточненню поняття «функція» в лінгвістиці. Було проведено комунікативний і прагмалінгвістичний аналіз функцій текстів анотацій до художніх творів, який базується на виявленні лінгвальних і структурно-композиційних особливостей. Специфіка анотації як вторинного стислого типу тексту зумовлює виділення когнітивно-інформативної функції в якості базової з присутнім аксіологічним компонентом. Досліджено низку супутніх функцій в текстах анотацій.

Ключові слова: *тексти анотацій до художніх творів, функції, когнітивно-інформативна, апелятивна, комунікативна, аргументації та переконування, впливу та маніпулювання.*

Zirka V.V., Khabarova N. A. Functional peculiarities of the texts annotations (on the base of the art works' annotations) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.82-88.

The article deals with the precise definition of the notion “function” in linguistics. Communicative, pragmatical and linguistic analysis of the texts' functions in the art works' annotations is based on the language, structural and compositional peculiarities. Specific character of the annotation as a derivative concise type of the text determines the underlining of the principal function – cognitive-informational one with the evaluative component. Auxiliary functions are also observed.

Key words: *annotations of the art works function: cognitive and informational, appeal, communicative function, argumentation and persuasion, influence and manipulation.*

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

УДК 811.35

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ЦУРАИНСКОГО ГОВОРА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Ильясов М.В.

*Дагестанский государственный педагогический университет, г.Махачкала,
Республика Дагестан, Россия*

В данной статье рассматривается вопрос категории падежа имени существительного цураинского говора в сравнении с даргинским литературным языком. Подробно описаны способы образования общих и местных падежей на материале говора.

Ключевые слова: даргинский, литературный, язык, говор, падеж, склонение, аффикс, общие падежи, местные падежи.

Постановка проблемы. Если провести краткий экскурс в историю решения вопроса о количестве падежей в даргинском языке и его диалектах, то нам необходимо в этой связи остановиться на идеях и решениях по данному вопросу исследователей даргинского языка: П.К. Услара, Л.И. Жиркова, С.Л. Быховской, С.Н. Абдуллаева, Ш.Г. Гаприндашвили, М.-С.М. Мусаева и др., поскольку в решении вопроса о количестве падежей в этом языке все они расходятся друг с другом во мнении. К падежам «первой категории» П.К. Услар относит 8 падежей: именительный, уподобительный, тождественный, уступающий, творительный, родительный и дательный. П.К. Услар устанавливает 26 падежей, 8 из которых являются падежами, обозначающими «отвлеченные отношения», а 18 – падежами, выражающими «относительное положение в пространстве», т.е. местными. Профессор Л.И. Жирков в своей «Грамматике даргинского языка» в даргинском языке выделяет 14 падежей, 4 из которых являются отвлеченными, т.е. общелогическими, а 10 – местными и выражает сомнение о падежном характере форм с частицами *-цад*, *-гъуна*, *-ван* и *-чиб* [4, с. 36]. По мнению З.Г. Абдуллаева, «разногласия Услара и Жиркова по вопросу о количестве падежей в основном заключаются в следующем: окончания *-ши* и *-у* Услар рассматривает как послеслоги, а *-бит*, *-сад*, *-сед*, *-хъад* – как падежные окончания, а Жирков – наоборот, т.е. *-ши* и *-у* он относит к падежным окончаниям, а *-бит*, *-ад*, *-хъад* – в область послеслогов» [2, с. 44].

В статье «Имя существительное в даргинском литературном языке» С.Л. Быховская систему даргинского склонения характеризует следующим образом: «Склонение в даргинском литературном языке имеет семь падежей «грамматических» или «абстрактных отношений» и двенадцать падежей локальных» [3, с. 23]. В системе даргинского склонения С.Л. Быховская устанавливает 19 падежей, семь из которых являются «грамматическими», а двенадцать – местными, входящими в три серии. К местным падежам она относит и падеж на *-кад*.

Из восьми падежей Услара Быховская отрицает четыре, но, в отличие от Услара и Жиркова, вводит три новых падежа: совместный, предметный и орудный.

С.Н. Абдуллаев в своей «Грамматике даргинского языка» о системе падежей в даргинском языке пишет: «В акушинском языке существует семь общих падежей и сверх того местных падежей двенадцать. Всего в даргинской системе склонения надо считать 19 падежей» [1, с. 102].

Общие падежи – это: именительный, родительный, эргативный, дательный, совместный, предметный и орудный. Местные падежи: 1) направительные на *-чи*, *-зи*, *-хIи (-гIи)* и *-у* «выражающие предмет или место, к которому направлено действие, а также время, до которого продолжалось (или будет длиться действие»); 2) местные – «образуются от каждого из перечисленных направительных падежей посредством прибавления классного показателя, согласуемого по классу с тем предметом, который где-нибудь помещается, пребывает. Эти падежи выражают местонахождение предмета, место или время события или действия» [1, с. 110]. Они суть формы на *-чиб*, *-зиб*, *-хIиб (-гIиб)*, *-уб*; 3) исходные – «образуются от местных падежей прибавлением суффикса *-ад*, т.е. *-ибад*, *-зибад*, *-гIибад*, *-убад*. Они выражают предмет, место и время, от которого что-либо удаляется или с которого начинают действие» [1, с. 110].

Для решения вопроса о системе склонения в языках и диалектах важную роль играет наличие определенно установленных типов склонения.

Имена существительные в именительном падеже в цураинском говоре не имеют окончания. Большинство косвенных падежей образуется от этого падежа. Наблюдается разнообразие способов образования форм косвенных падежей: часть имен образует косвенные падежи прямо от именительного падежа, другая, большая часть, образует от эргатива (или так называемой косвенной основы). В цураинском говоре нет 1-го склонения с окончанием *-ни*. Поэтому все существительные литературного языка с окончанием в эргативном падеже на *-ни* в говоре склоняются с окончанием на *-ли*, ср.:

Цураинский говор	Лит. язык эрг. падеж:	
<i>уцили</i>	<i>узини</i>	«брат»
<i>руцили</i>	<i>рузини</i>	«сестра»
<i>унрали</i>	<i>урани</i>	«сосед»

Аффикс *-й* в эргативе принимает слова с исходом на [л] и [н] или слова с последним слогом на *-да*, например:

Цураинский говор	Лит. язык	
<i>хьунуй</i>	<i>хьунуй</i>	«жена»
<i>мургуй</i>	<i>муруй</i>	«муж»
<i>букIуй</i>	<i>букIуй</i>	«чабан»

Большинство имен существительных цураинского говора в родительном падеже имеет форматив *-да*:

Цураинский говор	Лит. язык	
<i>мухIлила</i>	<i>мухIлила</i>	«рта»
<i>наьхъла</i>	<i>наькъла</i>	«руки»

Следует отметить, что отдельные имена существительные, имеющие в косвенной основе (эргативе) аффикс *-й*, в родительном падеже оформляются вместо *-ла* его кратким вариантом *-а* (без согласного компонента [л]), Ср.:

**КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
ЦУРАИНСКОГО ГОВОРА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА**

Цураинский говор	Лит. язык	
<i>хъхъа, къваъ</i>	<i>хъа, къаъ</i>	«дома, коровы»
<i>хIяйва</i>	<i>хIяйва</i>	«животного»

Дательный падеж в цураинском говоре, как и в литературном языке, образуется прибавлением аффикса *-с* к форме эргатива. Например:

Цураинский говор	Лит. язык	
<i>хъунуйс</i>	<i>хъунуйс</i>	«жене»
<i>букIуйс</i>	<i>букIуйс</i>	«чабану»

Совместный падеж в цураинском говоре оформляется с помощью аффикса *-чули* вместо *-чил* литературного языка, ср.:

Цураинский говор	Лит. язык	
<i>адимичули</i>	<i>адамличил</i>	«с человеком»
<i>дармайчули</i>	<i>дармайчил</i>	«с лекарством»

Предметный падеж выражает предмет, о котором говорят, думают или заботятся. В цураинском говоре предметный падеж оформляется с помощью аффикса *-чилла* (с удвоенным [л]) вместо *-чила* (где один [л]) литературного языка. Например:

Цураинский говор	Лит. язык	
<i>дармайчилла</i>	<i>дармайчила</i>	«о лекарстве»
<i>букIуйчилла</i>	<i>букIуйчила</i>	«о чабане»
<i>адимичилла</i>	<i>адамличила</i>	«о человеке»

Орудный падеж выражает причину или средство. Падеж этот своими функциями примыкает к эргативу и к совместному падежу, будучи также близким к творительному падежу русского языка. В цураинском говоре, как и в литературном языке, этот падеж имеет форматив *-чибли*, ср.:

Цураинский говор	Лит. язык	
<i>рурсичибли</i>	<i>рурсичибли</i>	«девушкой»
<i>букIуйчибли</i>	<i>букIуйчибли</i>	«чабаном»
<i>адимичибли</i>	<i>адамличибли</i>	«человеком»

Образование местных падежей. Аффиксы местных падежей в говоре в основном совпадают с аффиксами литературного языка. Направительные падежи выражают предмет или место, к которому направлено действие, а также время, до которого продолжалось (или будет длиться) действие.

При показателе *-чи* в цураинском говоре, как и в литературном языке, направительный падеж имеет два значения: «к.....» и «на.....», т.е. здесь выражается локализация около предмета, у предмета, или на предмете, на поверхности. Приведем примеры:

Цураинский говор	Лит. язык	
<i>шулличи</i>	<i>шурличи</i>	«к булыжнику»
<i>букIуйчи</i>	<i>букIуйчи</i>	«на чабана»

В цураинском говоре представлен и аффикс *-чу* направительного падежа, отсутствующий в литературном языке. Данный аффикс выступает в значении «к чему – или кому-либо». Приведем примеры:

Цураинский говор	Лит. язык	
<i>хъунуйчу</i>	<i>хъунуйчи</i>	«к жене»
<i>ургъуличу</i>	<i>урхъуличи</i>	«к морю»

Существительное *дарх1а* «мальчик» – лит. *дурх1я* в местном (направительном) падеже в говоре имеет параллельные формы с аффиксами *-чи* и *-чу*, ср.: *дарх1ачу* – *дарх1ачи* – лит. *дурх1ячи* «к мальчику».

Вместо литературного *-зи* в значении «в, к кому, чему-нибудь, за что и т.д.» в говоре функционирует *-ци*, например:

<i>Цураинский говор</i>	<i>Лит. язык</i>	
<i>аттаци</i>	<i>дудеишлизи</i>	«отцу»
<i>т1айци</i>	<i>т1айзи</i>	«к столбу»
<i>абаци</i>	<i>нешлизи</i>	«маме»

В цураинском говоре формант *г1е* (лит. *г1и*) выражает предмет или место, в замкнутое, пустотелое пространство которого направлено действие.

<i>Цураинский говор</i>	<i>Лит. язык</i>	
<i>хъайг1е</i>	<i>хъайг1и</i>	«в дом, домой»
<i>цалиг1е</i>	<i>цалиг1и</i>	«к огню»
<i>тукейг1е</i>	<i>тукейг1и</i>	«в магазин»

Направительный падеж на *-у* выражает предмет, под который направляется действие. Приведем примеры:

<i>Цураинский говор</i>	<i>Лит. язык</i>	
<i>бурушлиу</i>	<i>бурушлиу</i>	«под матрац»
<i>бик1лау</i>	<i>бек1лиу</i>	«под голову»
<i>ккалкау</i>	<i>галгалу</i>	«под дерево»

Местные падежи, отвечающие на вопрос *чина?* «где?», образуются от каждого из перечисленных направительных падежей посредством прибавления классного показателя, согласующегося по классу с тем предметом, который где-нибудь помещается, прибывает. Эти падежи выражают местонахождение предмета, место или время события или действия.

а) Падеж покоя на *-чиб* в цураинском говоре, как и в литературном языке, образуется от формы направительного падежа и показывает местонахождение предмета в покое на поверхности другого предмета. Например:

<i>Цураинский говор</i>	<i>Лит. язык</i>	
<i>шайчиб</i>	<i>шайчиб</i>	«на той стороне»
<i>бик1личиб</i>	<i>бек1личиб</i>	«на голове»
<i>ванзаличиб</i>	<i>ванзаличиб</i>	«на земле»

б) Падеж покоя на *-циб*. В противовес литературному аффиксу *-зиб* в говоре в падеже покоя многие имена существительные принимают *-циб*.

Соответствие, как известно, вызвано переходом исконного [з] в [цц] в говоре. Падеж покоя на *-циб* показывает местонахождение предмета в покое, а также и во временном значении. Например:

<i>Цураинский говор</i>	<i>Лит. язык</i>	
<i>къианьдихълициб</i>	<i>къиандеишлизиб</i>	«под гнетом»
<i>дуслициб</i>	<i>дуслизиб</i>	«в этом году»
<i>шкулалициб</i>	<i>школализиб</i>	«в школе»

в) Падеж покоя на *-г1еб* показывает местонахождение предмета в покое около другого предмета, рядом с другим предметом. Например:

<i>Цураинский говор</i>	<i>Лит. язык</i>	
<i>ц1алиг1еб</i>	<i>ц1алиг1иб</i>	«у огня»
<i>усталиг1еб</i>	<i>усталиг1иб</i>	«мастера»

Падеж покоя на *-гIеб* может выступать в функции косвенного дополнения. Отправительные падежи в говоре образуются идентично с литературным языком – путем прибавления к каждой из форм направительных падежей флексий *-баьхI*, *-чубаьхI*, *-цицабаьхI*, *-гIебаьхI*. Все эти падежи выражают направление, отправление предмета в определенную сторону другого предмета, но без обязательного прибытия в указанное место. Например:

<i>Цураинский говор</i>	<i>Лит. язык</i>	
<i>цIалигIебаьхI</i>	<i>цIалигIибаьхI</i>	«в сторону огня»
<i>хIаьбрацицабаьхI</i>	<i>хIаьбразибаьхI</i>	«в сторону кладбища»
<i>икуллицицабаьхI</i>	<i>иколализибяьхI</i>	«в сторону школы»

Исходный падеж в говоре оформляется с помощью аффиксов *-ат*, *-ит*, *-ет* вместо *-ад* литературного языка, ср.:

<i>Цураинский говор</i>	<i>Лит. язык</i>	
<i>иичират</i>	<i>иичирад</i>	«из воды»
<i>хъайгIет</i>	<i>хъуливад</i>	«из дома»
<i>шагъарлицит</i>	<i>шагъарлизивад</i>	«из города»

Выводы и перспектива. Имена в исходном падеже выражают предмет, место или время, от которого что-либо удаляется или с которого начинают действие.

Список литературы

1. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология) / С.Н. Абдуллаев. – Махачкала, 1954.
2. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык / З.Г. Абдуллаев. – Т. II.: Морфология. – М., 1993.
3. Быховская С.Л. Пережитки инклюзива и эксклюзива в даргинских диалектах / С.Л. Быховская // Язык и мышление. – М.-Л., 1940. – Т.9.
4. Жирков Л.И. Грамматика даргинского языка / Л.И. Жирков – М., 1926.
5. Услар П.К. Этнография Кавказа / П.К. Услар // Языкознание. – V. Хюркилинский язык. – Тифлис, 1982.

Льясов М.В. Категорія відмінку іменника цураїнської говірки даргинської мови // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина I. – С.89-93.

У даній статті розглядається питання категорії відмінку іменника цураїнської говірки в порівнянні з даргинською літературною мовою. Докладно описані способи утворення загальних і місцевих відмінків на матеріалі говірки.

Ключові слова: даргинська літературна мова, говірка, відмінок, афікс, загальні відмінки, місцеві відмінки.

Ilyasov M. V. Category of case noun of Tsurainsks dialect of Dargwa language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.89-93.

This article discusses the category of case noun of tsurainskes dialect in comparison with Dargwa literary language. Described in detail how the general education and local cases in the material contract.

Key words: Darghin, literature, language, accent, case, declension, affix the general case which local cases.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 82-1:811.111

МОДАЛЬНІСТЬ ТА ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ

Кабанова М.Р., Кожушко С.П.

*Дніпропетровський університет економіки та права імені Альфреда Нобеля,
м. Дніпропетровськ, Україна*

*Проаналізовано приклади використання модальності на матеріалі
англомовного фільму з погляду адекватності передачі ключової лексики та
культурологічних особливостей авторського світосприйняття.*

Ключові слова: *модальність, переклад, основні теми, модальна лексика.*

Дослідження мови літературно-художнього твору все більш виходить за межі суто лінгвістичного розуміння питання. В поле зору вчених попадає широке коло явищ, пов'язаних з формуванням художнього твору у цілому. Мовні засоби, які використовуються тим чи іншим майстром слова, заслуговують на увагу не тільки в плані їх значущості в семантичній структурі тексту, але і як зумовлені мовні моделі, в яких чітко виявляється інтенція, індивідуальність. Цим, очевидно, можна пояснити переміщення до центру сучасного лінгвістичного дослідження таких питань, як авторська інтенція, авторська оцінка і, нарешті, модальність, яка, на думку В.В. Виноградова, належить до числа основних, центральних мовних категорій і яка є важливим компонентом в розумінні тексту всього твору [1]. Треба відзначити, що в сучасних лінгвістичних теоріях все ще не існує єдиної думки стосовно сутності категорії модальності, під поняття якої підпадають різноманітні явища, хоча важливість проблеми не визиває сумніву. Багато дослідників погоджуються у тому, що модальність – це понятійна категорія зі значенням ставлення мовця до змісту висловлювання та відношення змісту висловлювання до дійсності (тобто відносини того про що повідомляється до його реального здійснення), що виражається різними граматичними та лексичними засобами, серед яких форми способу, модальні дієслова, або навіть інтонація [2; 3; 7; 5; 8]. Деякі лінгвісти розуміють модальність речення як гіпотетичну модальність (*hypothetical or suppositional modality*), що можна розуміти як можливий зміст висловлювання [9]. Інші дослідники розрізняють модальність дієслівну (*verbal modality*), модальність ірреальну (*unreal modality*), модальність негативну (*negative modality*) і т.п. [6; 10]. Ми приєднуємося до думки тих лінгвістів, які вважають, що мова художнього твору цілком «модалізована», тому що вона «виказує» автора, бажає він того чи ні. Звичайно, текстова модальність особливо «рельєфно» виступає в поетичних творах або художніх текстах [3].

Зовсім інша справа, коли розглядається модальність з точки зору з'ясування проблем, які виникають під час перекладу різних засобів її вираження.

Мета статті – розглянути деякі приклади прояву модальності на матеріалі англомовного фільму «12 Angry Men». Вибір саме цього фільму для подальшого

аналізу засобів вираження модальності зумовлений перш за все тим, що це, по-перше, культовий фільм, який було знято у 1957 році за відомою п'єсою Реджинальда Роза режисером Сідні Люметом. Цікавим є той факт, що це дебютний фільм режисера, проте він був номінований на три премії «Оскар», але отримав ще шість номінацій і дванадцять нагород. Фільм знаходиться на тринадцятому місці в переліку 250 фільмів усіх часів і народів на сайті The Internet Movie Database (<http://www.imdb.com/>). Інтерес до цього фільму був таким, що відомий сучасний режисер Нікіта Міхалков зняв римейк «12». Цікаво те, що фільм «12 Angry Men» – це витвір свого часу, тобто Америки 50-х років, який містить у собі ідеологічний гротеск (масштабне цькування сенатора Мак Карті ще не забуто!), емігранти, що виростили в незчисленних міських околицях та гетто, завдають все більше хвилювань благопристойному суспільству, національна американська згуртованість насправді стає мильним пузирем. Автори фільму вдаються до дуже цікавого прийому: дванадцять присяжних спеціально позбавлені індивідуальності; тільки двоє присяжних в самому кінці фільму промовляють свої імена, тоді як інші персонажі так і залишаються для глядачів під номерами. В той же час всі образи – яскраві і легко запам'ятовуються. Режисер виносить на розгляд питання: чи саджати на електричний стілець хлопця, однопіткани якого в ту ж саму хвилину, можливо, грабують якусь стареньку бабусю в темному провулку. Глядач простежує в мові усіх цих персонажів їх соціальну, професійну і освітню належність, дуже цікавим є те, що все це відчувається саме на рівні лексичних преференцій, через вибір специфічних слів і виразів, а виходить, і способів модальності. Авторська інтенція творців фільму відчувається навіть в підборі акторів, серед яких дуже відомий актор Генрі Фонда. Режисер фільму загострює сюжет через натяки в репліках героїв на їх персональні долі: помічник шкільного тренера з футболу, він же голова присяжних; тихий банківський клерк; власник маленької поштової компанії, який дуже переймається через проблеми із дорослим сином; непохитний біржовий брокер; молодий чоловік, який в дитинстві «грався на смітнику» і дуже ревниво реагує на будь-які розмови стосовно міських нетрів; «крутий» маляр із шляхетними манерами; комівояжер і фанат бейсболу, байдужий до засідання; архітектор, єдиний з усіх, хто виказав сумнів стосовно вини обвинувачуваного (його грає Генрі Фонда); мудрий старий; власник гаражів, абсолютно впевнений в провині обвинувачуваного; годинникар-емігрант, дуже гордий своїм американським громадянством; непостійний в своїх рішеннях рекламний агент.

Аналіз матеріалу фільму «12 Angry Men» свідчить про те, що модальні дієслова *must, should, ought, will/would, can/could, may/might* в устах основних дійових осіб можуть виражати різні відтінки припущення, впевненості/невпевненості та допомагати глядачеві формувати своє уявлення стосовно того чи іншого героя фільму:

However you decide, your verdict *must* be unanimous.

Shouldn't we go in order?

I think we *ought* to have an open ballot.

Незалежно від, того яким буде ваше рішення, вердикт *має* бути однастайним.

Нам *краще* відповідати по черзі?

Вважаю, що нам *слід* влаштувати відкрите голосування.

Wouldn't he be afraid of being caught?

Він що *не переймався* тим, що його можуть спіймати?

Who the heck could?

Хто, чорт забирай, *зміг* би?

We might be able to show you where you're mixed up.

Думаю, ми *можемо* пояснити де ви заплуталися.

Нам здається дуже цікавим те, що дієслово *must* в фільмі «12 Angry Men» вживається у значенні припущення, ймовірності, з великою мірою впевненості. Таким чином, дієслово *must* приблизно відповідає модальним словам *evidently, apparently, certainly, most likely, probably*. Крім того, дієслово *must* у значенні припущення вживається майже виключно в стверджувальних реченнях. Треба відзначити, що у негативних реченнях це дієслово не вживається зовсім, а в питальних – зустрічається в фільмі вкрай рідко, причому ці питання мають риторичний характер.

Аналіз реплік героїв фільму «12 Angry Men» свідчать про те, що дієслово *can/could* у значенні припущення вживається головним чином в негативних реченнях (рідко в питальних) або ж у таких позитивних за формою реченнях, в яких лексично вказується на відсутність дії або на її обмеженість (за допомогою слів *few, little, only, hardly, scarcely* і т.п.). У поєднанні з перфектним інфінітивом дієслово *can* з запереченням означає відсутність ймовірності вчинення дії або наявності певного стану на сьогоднішній момент.

He cannot have known this.

Він не міг знати цього.

Can he have know this?

Невже він знав це?

Висновки. Таким чином проведений аналіз англомовних речень продемонстрував, що найчастіше у якості засобів вираження модальності вживаються модальні дієслова *can/could, may/might, must* і становлять приблизно 48% від усіх зареєстрованих нами випадків; модальні слова *perhaps, probably, presumably, maybe* – приблизно 29%; модальні фрази *I think, I guess, I suppose* – приблизно – 18%, а модальні частки – 5%.

Після аналізу реплік героїв фільму «12 Angry Men» стає зрозумілим, що сам переклад модальних фраз, слів, дієслів та часток не викликає труднощів, адже в українській мові є відповідні мовні одиниці. Слід визначити, що у процесі перекладу особовий займенник у модальних фразах часто опускається, а сама фраза перекладається за допомогою означено-особової форми дієслова. Що ж стосується перекладу модальних слів, то найчастіше це відбувається за допомогою застосування граматичної заміни, що пов'язано з тим фактом, що значення модальних слів в українській мові передається здебільшого за допомогою вставних слів. Модальні дієслова та частки можуть випускатися при перекладі з англійської мови на українську.

Реалізація усіх згаданих вище засобів прояву модальності в репліках фільму «12 Angry Men» відбувається в їх взаємозалежності, що, безумовно, підвищує ступінь ефективності впливу на глядача.

Список літератури

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В Виноградов // Труды Института русского языка. – М., Л.: Изд-во АН СССР. – 1940. – Т. 2. – С. 38-79.
2. Зверева Е.А. Научная речь и модальность / Е.А. Зверева. – Л.: Наука, 1983. – 158 с.
3. Змиевская Н.А. Субъективно-оценочная модальность в художественном тексте / Н.А. Змиевская // Лингвистические аспекты образности: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тареза. – Выпуск 174. – М., 1981. – С. 112-127
4. Кабанова М.Р. О некоторых вопросах сопоставительного анализа поэтических переводов в плане адекватности / М.Р. Кабанова // Англїстика та американїстика: [зб. наукових праць.]. – Вип. 4. – Д.: Вид-во ДНУ, 2007. – С. 129-139.
5. Космеда Т.А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки / Т.А. Космеда. – Львів: Вид-во ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. – 350 с.
6. Кримова И.П. Грамматика современного английского языка / И.П. Кримова. – М.: Наука, 1999. – 415 с.
7. Немец Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке / Г.П. Немец. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ГУ, 1991. – 187 с.
8. Ткачук В.М. Категорія суб'єктивної модальності / В.М. Ткачук. – Тернопіль: Підручники й посібники, 2003. – 240 с.
9. Burton-Roberts N. Modality and implicature / N. Burton-Roberts // Linguistics, philosophy. – Dordrechta: Boston, 1984. – Vol 7, № 2. – P.P. 181-206.
10. Derkensen A. Why probabilities are not assigned to propositions / A. Derkensen // Mind. – London, 1978. – Vol. 87, № 346. – P.P. 250-255.

Кабанова М. Р., Кожушко С. П. Модальность и проблемы перевода // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.94-97.

Проанализированы примеры использования модальности на материале англоязычного фильма с точки зрения адекватности передачи ключевых слов и культурологических особенностей авторского мировосприятия.

Ключевые слова: модальность, перевод, основные темы, модальная лексика.

Kabanova M. R., Kozhushko S. P. Modality and the problems of translation // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.94-97.

The examples of using modality from English language film are analyzed regarding the adequacy of rendering key-words and cross-cultural peculiarities of authors' world perception.

Key words: modality, translation, main concepts, modal words.

Поступила до редакції 15.04.2011 р.

УДК 378.4:81'244.356.456

ВИВЧЕННЯ «НЕВДАЧ» МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ В ПРОЦЕСІ НАВЧАННЯ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ У ВИЩІЙ ШКОЛІ

Каніболоцька О. А.

Запорізький національний університет, м. Запоріжжя, Україна

У статті проаналізовано проблеми вивчення «невдач» міжкультурного спілкування у викладанні іноземної мови у ВНЗ. Проаналізовано поняття комунікативної іншомовної компетенції у контексті міжкультурної комунікації.

Ключові слова: *невдача, міжкультурна комунікація, комунікативна компетенція, вивчення та викладання іноземних мов у вищій школі.*

У зв'язку з розширенням міжкультурних професійних контактів зростає потреба суспільства у фахівцях різного профілю, які володіють іноземною мовою на професійному рівні. Однак, володіння іншомовним кодом, який дозволяє успішно здійснювати міжкультурно-професійну взаємодію, передбачає оволодіння не тільки практичними навичками усного мовлення, а й професійнозначущими концептами інофонної культури, які визначають специфіку суспільної й ділової поведінки, детермінуються впливом історичних традицій і звичаїв, способу життя і т.п. Лінгвосоціопсихологічні та культурологічні знання про іншомовний соціум створюють широкий контекст міжкультурного спілкування, формують перцептивну готовність до ефективного міжкультурного ділового спілкування, до міжнародного професійного співробітництва.

Проблема співвідношення мови й культури знаходиться сьогодні в центрі уваги як лінгводидактики, комунікативної лінгвістики, так і педагогіки, психології, теорії комунікації, лінгвокультурології (Т. Астафурова, М. Баришніков, І. Бім, М. Гальскова, В. Карасик, Б. Лапідус, Є. Пасов, Е. Hall, J. A. Van Ek та ін.). Не викликає сумніву той факт, що мова є засобом трансляції культури (В. Костомаров, В. Красних, А. Потебня, С. Тер-Мінасова). Пожвавлення інтересу наукової громадськості до проблем мови й культури, до створення адекватних умов до міжкультурної комунікації, до «невдач» та «інсцендентів» у процесі кроскультурного іншомовного спілкування, а також переорієнтацією когнітивної семантики в русло досліджень кореспонденцій мови, культури, етнічної свідомості обумовило *актуальність* цього дослідження.

Мета. Аналіз проблеми вивчення «невдач» міжкультурного спілкування у викладанні іноземної мови у ВНЗ.

Кожній людині належить жити в суспільстві, і тому соціальна інтегрованість є надзвичайно важливим фактором її життя. Індивідуальний розвиток кожної людини починається з її поступового входження, включення в навколишній світ. З раннього дитинства людина засвоює прийняті манери поведінки і зразки мислення до тих пір,

поки більшість із них не стають звичними. Це входження в світ відбувається шляхом засвоєння індивідом необхідної кількості знань, норм, цінностей, зразків і навичок поведінки, що дозволяє йому існувати як повноправному члену суспільства. Основна причина цього процесу полягає в тому, що суспільна поведінка людини не запрограмована природою, і тому щоразу інофон змушений заново навчатися того, як розуміти навколишній світ і реагувати на нього. Саме в процесі вивчення іноземних мов інофон отримує можливість здобувати такі знання.

Цей процес освоєння індивідом норм суспільного життя і культури позначається в різних гуманітарних науках поняттями «інкультурація» і «соціалізація». Ці поняття збігаються один з одним за змістом, оскільки обидва мають на увазі засвоєння людьми культурних форм (патернів, **англ.** *pattern*) будь-якого суспільства. Під останніми зазвичай розуміють стійкі сукупності технологій мислення, поведінки, взаємодії, послідовності дій, побудови суджень, різні культурні формули і символи, що відображають певні уявлення про реальність. Тому в сучасній науковій літературі поняття «інкультурація» і «соціалізація» нерідко використовуються як синоніми. Це характерно для тієї групи дослідників, які дотримуються широкого розуміння терміна «культура»: будь-яка біологічно не успадкована діяльність, закріплена певними результатами.

Міжкультурна комунікація здійснюється в умовах значних культурно-обумовлених розходжень в комунікативній компетенції його учасників, такі відмінності істотно впливають на успіх чи невдачу комунікативної події. Ця форма комунікації характеризується тим, що її учасники при прямому контакті використовують спеціальні мовні варіанти і дискурсивні стратегії, відмінні від тих, якими вони користуються при спілкуванні всередині однієї і тієї ж культури. Часто використовуваний термін «кроскультурна комунікація» зазвичай відноситься до вивчення деякого конкретного феномена у двох або більше культурах і має додаткове значення – порівняння комунікативної компетенції, спілкування представників різних культур.

Здатність до розвитку комунікативної компетентності властива всім представникам *Homo sapiens*, проте конкретна реалізація цієї здатності культурно обумовлена унікальним індивідуальним досвідом кожної людини. Комунікація є процесом обміну повідомленнями. Постійно відбувається відтворення смислів, оскільки вони не збігаються навіть у людей, які говорять однією й тією ж мовою, які виростили в одній і тій же культурі. Зрозуміло, що при наявності різних культур і різних мов комунікація ускладнюється настільки, що про повне розуміння можна говорити лише з певною іронією. З народження людина належить багатьом групам, і саме в них формується її комунікативна компетентність. Більші групи істотним чином визначають когнітивну і прагматичну засади комунікативної діяльності.

Комунікація має місце завжди, коли якій-небудь поведінці чи її результатам приписується деяке значення і вони виступають як знаки або символи. З усіх видів символічної поведінки в людському співтоваристві найважливішими є використання вербальної комунікації, яка супроводжує її невербальну поведінку. Таким чином, комунікація є складним, символічним, особистісним, трансакційним і часто неусвідомлюваним процесом, який через потребу є неточним. Комунікація дозволяє учасникам виражати деяку зовнішню по відношенню до самих учасників

інформацію, внутрішній емоційний стан, а також статусні ролі, в яких вони перебувають один стосовно одного.

В умовах організації процесу навчання іноземних мов у вишах постає питання про необхідність пошуку шляхів формування у студентів практичних навичок міжкультурної комунікації. Одним із ефективних способів реалізації цього завдання видається цілеспрямоване вивчення різних випадків із «практики невдач» у сфері міжкультурної комунікації. Як відомо, комунікативної невдачею називають повне або часткове нерозуміння висловлювання партнером комунікації. Комунікативні невдачі характеризуються як недосягненням комунікативної мети, так і «збоєм» у спілкуванні. Головною причиною нерозуміння в міжкультурній комунікації є не відмінність мовних систем, а відмінність національних свідомостей учасників спілкування. Культурний бар'єр, обумовлений різницею культур, є «прихованою завісою впевненості» (С. Тер-Мінасова), що своя культура – єдина можлива, правильна і нормативна. Усвідомлення цієї перешкоди в спілкуванні людей приходить у момент зіткнення або конфлікту «свої» і «чужої» культур.

Типологія комунікативних невдач може бути різною. З лінгвістичної точки зору комунікативні невдачі пов'язані: з побудовою мови (недостатнє володіння системою лексики, граматики, фонетики іноземної мови); з індивідуальними розходженнями комунікантів (приналежність до різних культур чи мовних спільнот); з прагматичними факторами (незнання правил комунікації в різних ситуаціях спілкування, дискурсивні невдачі). Але вербальні невдачі складно відокремити від невербальних: незнання інофоном слова чи жеста (*let bygones be bygones, a short shirt, a white elephant*); неправильне сприймання жестів та приписування знакової функції незнаковим одиницям іншої культури (бейсболки на головах американських студентів, ноги на столі, «американська усмішка»).

Особливого значення набуває «зовнішня інтерференція» як перенесення знака чи значення своєї лінгвокультурної системи на іншу, в якій вона зовсім відсутня, чи пов'язана з іншими значеннями. У свою чергу, значна увага надається «внутрішній» інтерференції, коли інофон намагається оперувати знаками іншої мови, але використовує їх неадекватно. До мовних помилок інофонів відносяться: фонетичні, фонологічні та інтонаційні (*hut – heart, ship – sheep*); орфографічні (в українській рекламі англійською мовою, в китайських інструкціях – російською мовою); лексичні (*home – building, cushion – pillow, little – small, different – various, journey, travel, tour, trip*); граматичні (Past Simple – Present Perfect, прийменники – *in a tree, in the street, at school*); дискурсивні помилки (порушення культурних норм та цінностей у процесі міжкультурної комунікації, етикетні, стереотипні помилки, неволодіння ментальними стереотипами – так, у японців *свиня* асоціюється з неохайністю, а не з повнотою, *борсук* – з хитрістю, *цуценя* для іспанців – зловна людина, *кіт* для англійців – вільнолюбна людина та інші); етнічні стереотипи – етноніми («зробити щось по-татарськи», «гарячі фінські хлопці», «кавказький темперамент»); «енциклопедичні помилки» як фонові знання, які відомі всім носіям іншої культури (King Arthur, Beowulf, Chaucer, the Canterbury Tales, Шул'га, Альоша Попович, Ярославна, Братик Іванушка і т.д.).

Помилки в міжкультурному спілкуванні, які супроводжують і провокують конфлікт культур, сприймаються набагато болочіше і викликають більш негативну реакцію, ніж помилки мовні. Як правило, мовні помилки в мові іноземців очікувані і

легко прощаються. У той же час культурні помилки не прощаються нікому, навіть представникам інших культур. Пропонуємо на заняттях з іноземної мови у вищих навчальних закладах розглядати різні ситуації міжкультурного спілкування, в яких має місце комунікативна невдача, нерозуміння, викликане незнанням реалій іншомовної культури або різницею менталітетів взаємодіючих сторін. Запропоновувати студентам тексти, які містять опис випадків комунікативних невдач як у побутовому, так і в діловому та науковому спілкуванні. Для обговорення кожної ситуації слід пропонувати ряд питань, наприклад: Why do you think X behaved this way? What would you do in X's place? What would you say to your friend and colleague in this situation? Do you believe that people who are friends outside of work should leave their personal feelings at the door?

Висновки. Таким чином, у процесі тренування монологічного мовлення іноземною мовою спостерігається полілогічне обговорення випадків із життєвої практики міжкультурного спілкування, обговорення причин виникнення і можливостей уникнення невдач. Це сприяє ефективному формуванню та розвитку навичок міжкультурної комунікації у майбутніх учасників міжкультурного спілкування. Щоб уникнути комунікативних невдач, для успішного оволодіння чужою мовою та культурою необхідна акультурація – засвоєння людиною, яка виросла в одній культурі, значних факторів, норм та цінностей іншої культури, а також формування поваги, толерантного ставлення до інших культур у рамках збереження національно-культурної ідентичності.

Каниболоцкая О.А. Изучение «неудач» межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранному языку в высшей школе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.98-101.

В статье раскрыта проблема изучения «неудач» межкультурной коммуникации в процессе изучения иностранного языка в высшей школе. Проанализировано понятие коммуникативной компетенции в контексте межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *неудача, межкультурная коммуникация, коммуникативная компетенция, изучение и преподавание иностранного языка.*

Kanibolotskaya O. Study of “failures” of intercultural communication in language teaching of students in universities // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.98-101.

In this article, the notion of study of “failures” of intercultural communication in foreign language teaching is studied. Current problems of intercultural communication are defined in the research. The article analyzes the notion of the communicative competence.

Key words: *failure, intercultural communication, communicative competence, foreign language teaching.*

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 811.161.1 «19»20:165.242(420)

ПУТЬ ПЕРВОКОРНЯ

Карпенко У.А.

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина

В статье рассматривается путь развития первокорня, трансформация значений, обусловленная полисемией и переосмыслением первокорня в разных языках.

Ключевые слова: *первокорень, полисемия, значение.*

В процессе взаимопроникновения культур осуществляется заимствование на разных уровнях языка и впоследствии – освоение, в результате которого в некоторых случаях иноязычное происхождение слова обнаруживается при помощи этимологического анализа. Столь глубинное проникновение чужеродного элемента, очевидно, возможно при существовании почвы для подобного вживления, некоей предопределённости, которая возникает в результате древнейшей родственности, восходящей к праязыку. В. фон Гумбольдт отмечал: «Меня бесконечно привлекает внутренняя, удивительно таинственная связь всех языков...» [4, с. 312], а также «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения её...» [4, с. 375].

Язык представляется константой, организующей мыслительную деятельность человека, он также определяет особенности национального сознания, то есть выступает как дифференцирующая сила: носители разных языков по-разному воспринимают и интерпретируют мир. Однако в разных языках многие кажущиеся разными слова имеют один и тот же «блуждающий корень». В таких случаях, как отмечает А. Мейе, «...либо все рассматриваемые группы восходят к одному источнику, либо две из них заимствовали формы третьей. ...Соответствия окажутся менее явными, а закономерности их труднее установить, если рассматривать языки более далёкие во времени и в пространстве...» [5, с. 13].

Цель исследования – выявление корней-архетипов, которые, трансформируясь полисемией, путешествуют по языкам, обрастают значениями, транслируя исходный смысл.

Для обозначения того, что заложено в номинацию и представляет собой один из первоэлементов мира, из синонимического ряда первоэлемент, первокорень, корень-архетип, мы выбираем термин «первокорень» в силу его русскости и, следовательно, прозрачности внутренней формы, отсутствия разночтений, научных коннотаций и слоистой структуры, что гарантирует невозможность неточности толкований.

Предметом поиска и анализа в нашем исследовании является первокорень, который понимается нами следующим образом.

Первокорень – это первоэлемент бытия, заложенный во внутреннюю форму того или иного слова. Первокорень повторяется в номинации предметов и явлений в разных языках, он подвергается фонетическим изменениям, которые часто приводят к его неузнаваемости. В задачи исследователя входит выявление первокорня при помощи этимологического анализа и сопоставление данных этимологических словарей разных языков. Первокорень транслирует первородный смысл, заложенный в момент номинации семой, актуализированной в его внутренней форме. В этом его константность и универсальность.

Рассмотрим путь трансформации значения некоторых первокорней в неродственных языках.

В русский язык из латыни заимствовано слово инквизитор: (лат. Inquisitor = следователь) – 1) член инквизиции; 2) перен. изощрённо-жестокый человек, мучитель [1, с. 23].

Инквизиция (лат. Inquisitio = расследование, розыск) – следственная и судовая организация, созданная в 13 веке католической церковью для борьбы со своими противниками, действовавшая путём тайного шпионажа и жестоких истязаний; существовала до начала 19 в.; 2) перен. мучение, пытка, крайняя жестокость [1, с. 23].

В современном итальянском языке глагол *inquisire* используется в юридическом контексте поиска преступника или улики. Этот глагол восходит к латинскому *inquirere*: *in* + *quaerere* (спрашивать, расследовать, искать) [9, с. 516].

В современном испанском языке от этого латинского корня развилось значение «Хотеть что-либо; любить». *Querer* от лат. *Quaerere* «искать, просить». Значение «любить» представляется более поздним, однако уже присутствует в 12 веке, выступая субститутотом торжественного выражения чувства любви [7, с. 459].

Согласно данным этимологического словаря английского языка, *inquire* или *enquire* – осведомляться, искать информацию и *inquisition* также восходит к латинскому корню *Quaerere* [8, с. 798-799].

Очевидно, смыслом, заложенным в корне *quaer-*, является «стремление в поиске», значения трансформировались в английском и итальянском как «стремление в поиске фактов, информации» в ходе расследования, а в испанском актуализируется значение «стремление к человеку», а также к предмету или явлению, которые нравятся, которые стремятся присвоить.

Активно используемым в современной реальности представляется слово «Авизо» (*Avviso*), этимологом которого выступает латинский корень *vedere* – видеть. Лексема «Авизо» в современном русском языке фиксируется в двух значениях: авизо (ит. *Avviso*) – 1) сообщение (письмо) получателю об отгрузке ему продукции, переводе денежных средств или об изменениях во взаимных расчётах между контрагентами; 2) фин. официальное уведомление банка клиенту или другому банку о выполнении расчётных операций; авизо (исп. *aviso*) – небольшой быстроходный военный корабль для разведывательной и посыльной службы [1, с. 9].

Отметим разное написание – удвоенное *-vv-* в итальянском слове «*avviso*» и одно *-v-* в испанском, «*aviso*», что, очевидно, обусловлено спецификой языка-источника, поскольку во многих общих для этих двух родственных языков словах наблюдается удвоение в итальянском варианте (ср., напр. *gusso* – *guso*, *necessario* –

pecesario и др.). Однако несмотря на обозначение разных понятий, прослеживается общий стержень значения – доведение до сведения информации. Эта сема исходит от этимона *videre* (=vedere) – видеть, выделяемого в итальянском этимологическом словаре [9, с. 110]. Источником для итальянского языка выступает старофранцузское *avis*, от латинского *videre* (=vedere) – видеть, то, что было увидено, фиксируется как информация, которая впоследствии доводится до чьего-либо ведома.

В современном английском языке данный корень этимологически прослеживается в слове *advice* «совет», также отмечается посредничество старофранцузского *avis*, куда, в свою очередь, слово пришло из народной латыни, в которой было выражение, базировавшееся на латыни классической: *ad-* согласно + *visum* взгляд, точка зрения [8, с. 22]. Этот корень фигурирует во многих словах. В частности, в английском *avizandum*, что обозначает шотландский закон, решение судьи обсудить дело приватно, до вынесения решения [8, с. 105]. Также прослеживается сема «видеть», «рассмотреть заранее».

В современном итальянском языке существует множество однокоренных слов, сама лексема *vedere* (видеть) восходит к латинскому *videre*, развившемуся из индоевропейского корня **weid-* (видеть), обозначающего «я видел глазами разума, следовательно, я знаю». Однокоренным выступает слово «идея» от латинского *idea(m)*, греческого *idea* индоевропейского происхождения. Значение данного слова в итальянском языке толкуется в контексте Платона, а также однокоренным называется *veda* в санскрите, в значении «я знаю», греческое *oida* (я знаю), древневерхненемецкое *wizan*, немецкое *wissen* (знать) и *Weise* (мудрец). Значение «видеть глазами разума» присутствует в морфемах глаголах *provideo*, *praevideo*, откуда происходит *prudens* (*prudente* – осторожный, благоразумный). Отметим, что существует женское имя *Prudens*. От глагола *videre*, причастие прошедшего времени *visus* (вид, аспект), *visum* (явление, ср. также слово «виза»), *visio*, происходящее от формы причастия **visitus*, корень которого фигурирует в современных итальянских глаголах *avvisare* (предупреждать), *invidiare* (завидовать), а также существительное *invidia* (зависть), от *invideo* – в значении «тот, кого сглазили», увиденный со злом; а также *improvviso* (внезапный), *provvisorio* (временный) [9, с. 1041].

В русском языке видеть – «воспринимать зрением» представляет собой древнее славянское слово, сохраняющее своё исконное значение. С глаголом видеть в этимологическом родстве находится глагол *ведать* «знать» [6, с. 70].

Ведать – «заведовать, управлять», устар. «знать» по корню общеславянское. От этого корня производно с суффиксом – *ма* существительное *ведьма* – первоначально «ведающая, знающая». Слово *ведать* имеет соответствия в других индоевропейских языках: ср. греч. *Eido* «вижу»; лат. *Videre* «видеть», *visum* «виденное». От этого последнего через французское *visite* «посещение» в русском языке *визит*, ср. *видеть*, *свидетель*, *совесть* [6, с. 63].

Отметим, что в итальянском языке, прямом наследнике латыни, понятие «ведьмы» вербализуется словом с иной внутренней формой: «*Strega*» от латинского *strix*, от греческого *strics* (ночная птица), от корня **star* (издавать крики), от которого произошли другие названия птиц, в частности древневерхненемецкое *storah* – аист [9, с. 962].

Выводы. Таким образом, характерными особенностями первокорня являются: конкретная вербальная выраженность, законченность, восстанавливаемость при помощи этимологического анализа. Первокорень возник в глубокой древности и продолжает перевоплощаться на разных этапах развития языка, реализуясь в новых словах. Движущей силой преобразования первокорня в разных языках является полисемия. Её реализация происходит за счёт переосмысления первокорня в разных языковых культурах. Исходный смысл первокорня транслируется сквозь века и языковые культуры, являясь семантическим стержнем полисемии, значения же развиваются, трансформируются в разных языках.

Список литературы

1. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов / А. Н. Булыко. – М., 2008. – 704 с.
2. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. –СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.
3. Большой турецко-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1998. – 966 с.
4. Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М., 1985.
5. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании / А. Мейе – М., 1954. – 99 с.
6. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – К.: Радянська школа, 1970. – 597 с.
7. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / Joan Coromines, tercera edición muy revisada y mejorada, editorial gredos, 2010. – 596 p.
8. Collins English Dictionary, third edition, Harper Collins Publishers, 1091. – 1791 p.
9. Dizionario etimologico / redazione Diego Meldi ecc, 2005. – 1245 p.

Карпенко У.О. Шлях першокореня // Ученіє запискі Тавріського національного університета ім.В.І.Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.102-105.

У статті розглядається шлях розвитку першокореня, трансформація значень, що обумовлено полісемією та переосмисленням першокореня у різних мовах.

Ключові слова: першокорінь, полісемія, значення.

Karpenko U.A. The way of the primary root // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.102-105.

The article is considering the way of development of the primary root, transformation of the meaning that is determined by polysemy and perception of the primary root in different languages.

Key words: primary root, polysemy, meaning.

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 811.112.2'366.52'282.2(430.21)

ПРОБЛЕМИ ВАРІЮВАННЯ ФОРМ РОДУ ІМЕННИКІВ У БЕРЛІНСЬКОМУ МІСЬКОМУ ДІАЛЕКТІ

Квіренко Л. О.

*Інститут філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка,
м. Київ, Україна*

Стаття присвячена дослідженню проблем варіювання форм роду іменників у берлінському міському діалекті. На підставі аналізу граматичної категорії роду берлінського міського діалекту виявлено чотири групи переходу іменників з однієї родової форми до іншої та встановлено, що розширена граматична парадигма жіночої родової форми є найбільш стійкою підсистемою граматичної категорії роду мови міста Берлін.

Ключові слова: *варіювання форм роду, категорія роду, родова форма, групи переходу іменників, морфологічна система.*

Морфологічна система берлінського міського діалекту (БМД) зазнає постійних змін під впливом як лінгвістичних, так і екстралінгвістичних факторів [12; с. 250-252]. Однак ці процеси не повною мірою відображені у працях лінгвістів [7; 10; 4], основна увага яких зосереджена на описі мовної системи міста Берлін у певний період переважно XIX-XX століть. У статті здійснено спробу аналізу категорії роду сучасного БМД на матеріалі статей щоденної газети «Берлінер Моргенпост» (ВМ) – найбільш репрезентативної для цього міського діалекту.

Об'єктом дослідження є морфологічні особливості БМД, тоді як предметом виступає процес варіювання форм роду іменників.

Актуальність визначається розвитком сучасної діалектології, її спрямованістю на поглиблене вивчення структурних елементів мовної системи та потребою дослідити як сучасний стан, так і динаміку розвитку категорії роду у БМД.

Основною метою дослідження є аналіз варіювання форм роду іменників у БМД і встановлення основних груп переходу іменників з однієї родової форми до іншої.

Загальна проблема полягає у відсутності цілісного дослідження категорії роду БМД, що передбачає розв'язання таких завдань:

- 1) розкрити природу варіювання форм роду іменників;
- 2) визначити причини варіювання форм роду іменників;
- 3) встановити основні групи переходу іменників у БМД;
- 4) проаналізувати вплив варіювання форм роду іменників на морфологічну систему БМД.

Граматична категорія роду є однією з основних морфологічних ознак іменника, які відрізняють його від інших частин мови. Вона відіграє вагомий роль у словозміні, словотворі та синтаксичному узгодженні членів речення. Основними способами

вираження граматичної категорії роду є артикль, афіксація, суфіксація, внутрішня флексія, синтаксичний словотвір та субстантивація. Мовознавці [6; с. 154-168] виділяють три основні фактори визначення категорії роду іменників – семантичний, морфологічний і фонологічний. Відповідно до значення, складових елементів іменника або його фонологічної структури іноді можна визначити його рід.

Граматичний рід у сучасній німецькій мові є стійкою категорією, однак він змінюється та розвивається. Тому виникає процес варіювання форм роду, що проявляється у появі подвійних, а іноді й потрійних форм роду. Під поняттям «варіювання форм роду» необхідно розуміти лише ті випадки варіювання форм роду, у яких категорія роду служить не для розрізнення лексем, а для представлення двох або трьох форм роду одного іменника без зміни його значення [9; с. 174], [11; с. 79]. Таким чином, розбіжність родів у *der/das Datum* [5; с. 355] вважатиметься варіюванням форм роду, тоді як між *der Bauer* («селянин»)/ *das Bauer* («клітка») [5; с. 237] розглядатиметься як омонімія, адже ці лексичні одиниці мають різну семантику. Варіювання категорії роду є проявом динаміки формальної сторони граматичної категорії, руху від декількох родових форм до єдиної форми без зміни семантичного аспекту [2; с. 11].

У більшості випадків варіювання форм роду викликане запозиченням слів із інших мов, в яких наявна або відсутня ця граматична категорія. Тоді визначальними стають семантичні, морфологічні та фонологічні фактори, а також форма роду мови, з якої походить запозичення [6; с. 169-170]. Однак процес варіювання форм роду тісно пов'язаний також із історичними передумовами [6; с. 169]. Якщо розглянути розвиток німецької мови у ширшій перспективі, то зустрічаються непоодинокі випадки варіювання роду давно запозичених та онімечених слів [6; с. 170]. Часто на певних територіях спостерігається тенденція використання раніше вживаних форм роду [6; с. 170].

Відповідно до сучасних досліджень німецької мови [8; 3] можна визначити такі причини варіювання форм роду: конфлікт схем присвоєння роду (семантичної, морфологічної та фонологічної), регіональні розбіжності, соціальні розбіжності, тривалість запозичення, контекст вживання, частота вживання, наявність лексичних еквівалентів у цільовій мові, двомовність, знання значення слова.

У БМД, як і в німецькій літературній мові, категорія роду представлена трьома родовими формами – чоловічого, жіночого та середнього родів. У деяких випадках категорія роду іменника у діалекті Берліна не співпадає із відповідною категорією у літературній німецькій мові. В результаті варіювання форм роду деякі іменники БМД можуть набувати девіантної від стандарту родової форми. Цей процес переважно пов'язаний із тенденцією до вживання реліктних, застарілих форм. В рамках варіювання категорії роду у БМД ми виділили чотири групи переходу іменників з однієї родової форми до іншої.

До **першої** групи належать іменники, які у німецькій літературній мові мають чоловічий рід і не мають варіювання родових форм, а у БМД набувають середньої родової форми, таким чином, мають дві родові форми – чоловічу та середню. Такі іменники не є запозиченнями, оскільки більшість з них походить з

давньоверхньонімецької (ДВН), зазнають варіювання категорії роду за територіальною ознакою та внаслідок конфлікту схем присвоєння роду. Так, наприклад, у німецькій літературній мові слово «місяць» походить з ДВН *mānōd*, що в свою чергу походить від ДВН *māno* («небесний мандрівник»), та має чоловічий рід (*der Monat*), а в БМД набуває форми середнього роду (*das Monat*). У таблиці наведені інші приклади переходу іменників середнього роду до чоловічого роду (див. Табл. №1, (ВМ), [5; с. 1095, 1070, 394, 1028, 1105, 1835, 453, 1159, 1315]).

Таблиця №1. Перша група переходу іменників

Іменники I-ої групи переходу <i>der</i> → <i>das</i>	Мова походження	Слово, від якого походить	Значення
Monat	ДВН	<i>mānōd</i> <i>māno</i>	місяць небесний мандрівник
Mensch	ДВН	<i>mannisco</i>	чоловіче
Draht	ДВН	<i>drāt, drāen</i>	кручений, крутити
Lohn	ДВН	<i>lōn</i>	здобич на полюванні або в бою
Müll	ДВН	<i>mullen</i>	розтирати, стирати
Wurm	ДВН	<i>wurm</i>	плазуни, змії, комахи
Ekel	ДВН	<i>ēkel</i>	жах, відраза
Ohrring	індогерманська	<i>ōre</i> (h)ring	вухо коло

Друга група включає іменники чоловічого роду, які у БМД переходять до жіночого роду. Іменники цієї групи не мають варіювання форм роду у німецькій літературній мові, більшість з них не є запозиченнями, тому вони варіюють у БМД за територіальною ознакою, внаслідок домінування відмінної від стандарту схеми присвоєння роду та характеризуються стійкістю середньовічної німецької мови [1; с. 410]. Таким чином, у мові міста Берлін виникає варіювання чоловічої та жіночої родової форм. Відповідно до критерію запозичення цю групу умовно можна поділити на дві підгрупи, серед яких домінують незапозичені слова (див. Табл. №2, (ВМ), [5; с. 556, 991, 1267, 1385, 1267, 699, 880, 1267]). Так, наприклад, слово *der Floh* походить від ДВН *flōh*, що позначає «тварину, що швидко втікає; порівняння швидкої витрати грошей із втечею блохи», отримує у БМД властиве жіночій родовій формі закінчення *-e* і переходить до жіночого роду – *die Flehe*. Однак у цій групі зустрічаються і запозичення. Наприклад, слово *Rabatt* «знижка» у сучасній німецькій мові належить до чоловічого роду (*der Rabatt*) і походить від італійського/французького *rabattere/rabattre* «збивати, відсікати, відрубувати», тоді як внаслідок конфлікту схем присвоєння роду у БМД воно переходить до жіночої родової форми (*die Rabatt*).

Таблиця №2. Друга група переходу іменників

Іменники II-ої групи переходу der→die	Мова походження	Слово, від якого походить	Значення
a) Flehe (Floh)	ДВН	floh	тварина, що швидко втікає; порівняння швидкої витрати грошей із втечею блохи
Lappe (Lappen)	ДВН	lappo, lappa	обвислий, кволо звисаючий
Rabe	ДВН	hraban	крехтіння після хриплого кличу птаха
Schlitz (Schlitz)	ДВН	sliz, sliz	розріз, що виник внаслідок розривання
Keile (Keil)	ДВН	kil	прилад для розколювання
Hake (Haken)	ДВН	hako	вістря, кілок
Karpe (der Karpfen)	ДВН	karpho	короп
б) Rabatt	італійська/ французька	rabattere/ rabattre	збивати, відсікати, відрубувати

Третя група переходу іменників є найбільш репрезентативною у порівнянні з іншими групами. Для неї характерні іменники, які у німецькій літературній мові належать до середнього роду, тоді як у БМД вони мають чоловічий рід. Оскільки до неї належать іменники, які мають як стійку категорію роду, так і варіювання в рамках цієї категорії, а також можуть бути запозиченими з інших мов, ми поділили цю групу на дві підгрупи – іменники, що мають або не мають варіювання форм роду у німецькій літературній мові, що в свою чергу діляться на підгрупи відповідно до наявності або відсутності процесу запозичення (див. Табл. №3, (ВМ), [5; с. 1024, 1075, 689, 617, 261, 355, 1200, 502, 600, 867, 1161, 673, 166, 230, 297]). У першій підгрупі переважають слова іноземного походження, що мають варіювання у стандарті, наприклад, слово *Liter* («літер») у сучасній німецькій мові може набувати як середнього, так і чоловічого роду, що пов'язано із його походженням. Внаслідок конфлікту схем присвоєння роду слово грецького походження *mitra* («фунт») ще не набуло єдиної граматичної форми роду у стандарті. Процес становлення єдиної форми відповідно відобразився у граматичній формі мови міста Берлін, де домінує форма чоловічого роду, проте не виключене варіювання між чоловічим і середнім родами. Друга підгрупа представлена як запозиченнями, так і власними словами, що не мають варіювання роду у стандарті. *Benzin* («бензин») у сучасній літературній мові має лише одну родову форму, походить від латинського *benzoë* «яванський ладан», а у БМД в результаті конфлікту схем присвоєння роду набуває чоловічого роду. У сучасній німецькій мові слово «трава» належить до середнього роду (*das Gras*) і походить від ДВН *gras* «щось, що проростає та впадає в очі», тоді як у БМД воно переходить до чоловічої родової форми (*der Jras*).

Таблиця №3. Третя група переходу іменників

Іменники III-ої групи переходу das→der	Мова походження	Слово, від якого походить	Значення
1а) Liter	грецька	mítra	фунт
Meter	грецька	métron	віршовий розмір, метр
Jummi	грецька	kómmi	каучук
1б) Jehalt	середньовірнонімецька	gehalt	зберігання, внутрішня цінність
2а) Benzin	середньовічна латина	benzoë	яванський ладан
Datum	латина	datum	даний, цей, від давати, виготовляти, писати
Petroleum	грецька латина	pétros oleum	камінь олія
Examen	пізня латина	examen	допит, розслідування; відхилення на вагах
Jas	грецька	cháos	пусте приміщення
Kaleika	польська	kolejka	послідовність
Öl	грецька	élaion	олія
2б) Jras	ДВН	gras	щось, що проростає та впадає в очі
Armband	ДВН	band	стрічка
Blei (Bleistift)	ДВН	blī(o)	виблискуючий блакитним

До останньої, **четвертої** групи відносяться іменники, які у німецькій літературній мові не мають варіювання форм роду та представлені переважно словами, що походять з ДВН, хоча зустрічаються й запозичення, відповідно до чого здійснено поділ на дві підгрупи (див. Табл. №4, (ВМ), [5; с. 917, 900, 120, 554]). Іменники цієї групи у стандарті належать до середнього роду, тоді як у БМД переходять до жіночого роду. Наприклад, «підборіддя» походить від ДВН *kinni* та у німецькій літературній мові належить до середнього роду, а в БМД набуває жіночої родової форми. Грецьке слово *gónu* «коліно» внаслідок конфлікту схем присвоєння роду у німецькій літературній мові набуває середнього роду, а у мові міста Берлін отримує характерне для жіночого роду закінчення *-e* та переходить до жіночої родової форми.

Таблиця №4. Четверта група переходу іменників

Іменники IV-ої групи переходу das→die	Мова походження	Слово, від якого походить	Значення
а) Kniee (Knie)	грецька	gónu	коліно
б) Kinne (Kinn)	ДВН	kinni	підборіддя
Älte (Alter)	ДВН	altar	вік
Flicke (Flick)	СВН	vlicken	нашити латку

Висновок. Для граматичної категорії роду БМД характерний процес варіювання родових форм, що проявляється у вище описаних чотирьох групах переходу іменників. Цей процес спричинений як історичними чинниками, так і внутрішньою формою слова. У мові міста Берлін сформувалася розширена граматична парадигма жіночої родової форми за рахунок відсутності переходу слів із цієї парадигми та переходу слів у цю парадигму із чоловічої та середньої родових форм, а отже, найпродуктивнішою є форма жіночого роду. Таким чином, граматична категорія роду БМД має відкритий характер, де найбільш стійкою підсистемою є жіноча родова форма. Вивчення цієї категорії виявило необхідність подальшого дослідження як синхронічного, так і діахронічного аспектів інших елементів морфологічної системи БМД (категорії означеності, числа, відмінку тощо). Такі дослідження сприятимуть вивченню не лише морфологічних особливостей, а й їх реалізації у комунікативній системі БМД.

Список літератури

1. Жирмунский В. М. *Немецкая диалектология* / В. М. Жирмунский – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1956. – 636 с.
2. Савельева О. С. *Формальные и содержательные свойства грамматической категории рода существительных: дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: 10.02.01* / О. С. Савельева. – Челябинск, 2006. – 187 с.
3. Callies M. *A cross-linguistic comparison of variation in gender assignment to English loanwords in German and Polish*. [Електронний ресурс] / M. Callies, E. Ogiermann, R. Szcześniak. – Режим доступу: http://www.cl.uni-heidelberg.de/~holler/bamberg/gender.assignment.bamberg2008_CalliesEtAl.pdf. – Назва з екрану.
4. Dittmar N. *Wandlungen einer Stadtsprache. Berlinisch in Vergangenheit und Gegenwart* / N. Dittmar, P. Schlobinski. – Berlin: Colloquim Verlag, 1988. – 237 S.
5. Duden. *Deutsches Universalwörterbuch* // hrsg. von der Dudenredaktion. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2003. – 1892 S.
6. Duden. *Die Grammatik* // hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2005. – 1343S.
7. Lasch A. *Berlinisch. Eine berlinische Sprachgeschichte* // A. Lasch. – Berlin: Hobbings, 1928. – 354 S.
8. Ogiermann E. *Der/die/das Jingle: Investigating gender variation of anglicisms in German* [Електронний ресурс] / E. Ogiermann, M. Callies, A. Onysko. – Режим доступу: <http://www.staff.uni-mainz.de/mcallies/talks/gender.assignment.ESSE2010.pdf>. – Назва з екрану.
9. Onysko A. *Anglicisms in German: borrowing, lexical productivity, and written codeswitching.* / A. Onysko // *Linguistik – Impulse & Tendenzen.* – Berlin: Walter de Gruyter, 2007. – 23. – 381 p.
10. Schlobinski P. *Stadtsprache. Berlin. Eine soziolinguistische Untersuchung* / P. Schlobinski. – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1987. – 299 S.
11. Schulte-Beckhausen M. *Genusschwankung bei englischen, französischen, italienischen und spanischen Lehnwörtern im Deutschen: Eine Untersuchung auf der Grundlage deutscher Wörterbücher seit 1945.* / M. Schulte-Beckhausen // *Regensburger Beiträge zur deutschen Sprach- und Literaturwissenschaft.* – Frankfurt/Main: Peter Lang, 2002. – Reihe B, Bd. 83. – 430 S.
12. Siebenhaar B. *Horizontal convergence of linguistic varieties in a language space.* / P. Auer, J.E. // *Schmidt Language and space: theories and methods: an international handbook of linguistic variation.* – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2010. – 241-258 p.

Джерела ілюстративного матеріалу

13. (BM) *Die deutsche Zeitung „Berliner Morgenpost“* [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.morgenpost.de/kolumne/kasupke/. – Назва з екрану.

Квіренко Л. А. Проблемы варьирования форм рода существительных в берлинском городском диалекте // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.106-112.

В статье исследуются проблемы варьирования форм рода существительных в берлинском городском диалекте. На основании анализа грамматической категории рода берлинского городского диалекта выделено четыре группы перехода существительных из одной родовой формы в другую и установлено, что расширенная грамматическая парадигма женской родовой формы является наиболее стойкой подсистемой грамматической категории рода в диалекте города Берлин.

Ключевые слова: варьирование форм рода, категория рода, родовая форма, группы перехода существительных, морфологическая система.

Kvirenko L. O. Gender variation of nouns in the Berlin urban dialect // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.106-112.

The article offers a research of gender variation of nouns in the Berlin urban dialect. On the basis of analysis of the grammatical category of gender in the Berlin urban dialect we disclose four groups of transition of nouns from one gender to another. We have come to conclusion that extended grammatical paradigm of feminine gender form is the most stable subsystem of the grammatical category of gender in the urban variety of Berlin.

Key words: gender variation, category of gender, gender form, groups of transition of nouns, morphological system.

Поступила до редакції 22.03.2011 р.

УДК 811.161.2'282:821.1612-3.М1/7.08

МОВНИЙ СВІТ М. МАТІОС: РЕГІОНАЛЬНИЙ АСПЕКТ

Коваленко Н. Д.

*Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка,
м. Кам'янець-Подільський, Україна*

У статті здійснено аналіз лексичних діалектизмів гуцульських говірок за частиномовною приналежністю на матеріалі художніх творів М. Матіос. Виявлено найбільш поширені семантичні групи лексики, їх роль в осягненні культури та світогляду етносу через призму тексту художньої літератури.

Ключові слова: діалектизм, гуцульський говір, художній твір

Живе народне мовлення зберігає чимало реліктових явищ давнини, є джерелом і презентацією етнічного, необхідного для пізнання особливостей світогляду. Діалектизми, за висловом К. Ф. Германа, “є живими свідками історії мови, часто більш переконливими, красномовнішими, ніж могили, кістки та зброя” [1; с. 3].

Актуальність. Особливості використання діалектизмів, народних номінацій у художніх творах того чи іншого письменника завжди привертала увагу як власне митців слова, так і мовознавців, фольклористів та етнографів. Результати цілісного аналізу вживань діалектизмів у художніх текстах сприяють поглибленню уявлення про національно-мовну картину світу, специфіку етнічної свідомості, можуть слугувати базою для вивчення мовної репрезентації особливостей письменницького світосприйняття, зрештою – це можливість простежити активні процеси у діалектології, пов’язані з вживанням лексики у конкретних мовленнєвих ситуаціях.

Особливості вживання діалектизмів у зразках художнього стилю з’ясовано у працях С. П. Бевзенка, Й. О. Дзєндзелівського, Ф. Т. Жилка, І. Г. Матвіяса, С. Я. Єрмоленко, М. Ф. Станівського, Г. О. Козачук, В. В. Грещука, Вал. В. Грещук та ін.

На сьогодні найгрунтовніше досліджено функціонування діалектизмів у творах письменників, що представляють південно-західне наріччя (Ю. Федьковича, В. Стефаніка, М. Черемшини, І. Франка та ін.). Найбільш ретельний аналіз традиційних поглядів та окреслення новітніх підходів до опису південно-західних діалектів на тлі художніх текстів здійснено у монографії В. В. Грещука та Вал. В. Грещук [2]. Особливу увагу автори акцентували на авторському вживанні гуцульських діалектних елементів, з’ясували їх роль у розвитку національної мови.

Зауважимо, що кожен дослідник висловлює свою думку щодо вживання авторами діалектизмів, їх функції (номінативної, експресивної, стилетворчої), потребу використання тощо. Здебільшого всі сходяться на думці, що використання діалектизмів має бути обережним, стилістично виправданим, адже діалектна лексика уможливорює точну номінацію, вказівку на територіальне походження персонажів, їх характери, індивідуальні особливості, гумор і дотепність, емоційний стан [3; 5; 6].

Мета. Дослідження особливостей вживання лексичних діалектизмів у творах українського філолога за освітою, поетеси, прозаїка, публіциста – Марії Матіос, висока словесна майстерність якої високо оцінена письменниками (П. Загребельним, Д. Павличком, А. Дімаровим, І. Римаруком та ін.), але ще чекає на детальні описи й “розшифрування” мовознавців.

Прозова манера Марії Матіос – “... живопис характерів із народу, реставрація живої мови, непідробна говірка з рясними барвистими діалектизмами” [4, с. 8]. В авторській мові саме діалектна лексика використовується в етнографічно-побутових описах, у створенні характеру зображуваної місцевості, з метою стилізації мови персонажів.

Найповніше у творах письменниці репрезентовані лексико-семантичні діалектизми різної частиномовної належності. Досить різнопланово представлені іменники, які є неоціненним засобом відтворення колориту краю і представляють різні за значенням групи лексики. Так, для досконалішого змалювання місця подій авторка використала регіональні назви будівель: *бужарня (возниця)* – приміщення для сушіння фруктів і копчення м'яса димом; *хороми* – сіни; *шопи* – приміщення для зберігання сільськогосподарського реманенту, повітка; *колиба* – житло чабанів і лісорубів: *Коли втомлені довільним переходом люди вернулись на свої обійстя, в селі вже порадували другі совіти, повідомив Танасій Максим'юк, який не евакуюювався, а переховувався у селі – у своїй бужарні – возниці* [9, с. 143]; *Кілька разів торгає дерев'яний ключ, щоб пересвідчитись, чи добре замкнула, далі, так само глухо попричинявши двері з хоромів, іде у велику кімнату* [7, с. 95]; *А гості повлягались у весільній шопі на лавицях та столах – і раді, що господарі не всі найдки в пивницю забрали* [9, с. 88]; *Бо я знайшов його коло ватри серед колиби* [9, с. 50].

Своєрідну групу утворюють назви одягу та взуття: *сардак* – верхній короткий рукавний чоловічий або жіночий одяг з домотканого сукна, оздоблений вовняними нитками; *вироб'єки* – взуття, святкові постолі з вичиненої шкіри. *І притулилися Михайло з Матронкою одне до одного так близько, що навіть через грубі їхні сардаки було чути прискорене биття сердець* [9, с. 102]; *А на пролюдень маєш телячі вироб'єки* [9, с. 110].

Чимало діалектизмів традиційно зберігають номінації регіональних страв: *бринза* – сир з овечого молока, *будз* – свіжий овечий сир: *Ніщо так не любить Михайло після тяжкої роботи, як гарячу кулешу з овечою бринзою* [9, с. 80]; *Кажеш, четверо забрали, скільки, Михайле, будзів сиру?* [9, с. 154].

Досить численними є слова на позначення домашнього та господарського начиння: *міщулик* – мішечок; *маглівниця* – рубель; *рупцак* – рюкзак; *хітанка* – колісанка; *джерга* – грубе домоткане рядно, вовняна ковдра: *Але минає день-другий – і просвітить з того на цей бік камінь від польського постового із прив'язаним запашиим тютюном, а з цього боку – поділяться сушеними сливами в міщуликові* [9, с. 101]; *Але Іван струсив порохи, розгладив маглівницею складки та й почав збирати Дарусю* [9, с. 59]; *То коли мені ладувати в дорогу рупцак?* [9, с. 132]; *Маринька – Богодуха гойдає порожню хітанку, прив'язану до старезної груші мотуззям, – і груша, немовби натомлена життям людина, покійно й безвідмовно скрипить у такт неспішному своєму коливанню: «гой- да»* [7, с. 129]; *А там Доця з котримось із дітей винесла в сад на руках Дмитрика, загорнутого у вовняний килим чи джергу, поклала в тінь під горіхами – тай потекла собі до безконечних хатніх роботі* [7, с. 117].

Авторка використовує різні лексеми для називання осіб за свояцтвом, віком, родом занять: *вуйко* – 1) брат матері або батька; 2) незнайомий старший чоловік; *вуйна* – 1) дружина брата матері або дядька; 2) старша за віком жінка; *верстак* – ровесник; *шугай* – хлопець, парубок; *мольфар* – чаклун: *Северина зо страху шукала речі вуйни Марії – і не могла знайти того, що до сьогодні знала із заплющеними очима* [8, с. 6]; *Це ти думаєш, що інші будуть раді, що їх молока загримили до засіцейських шугайв?* [9, с. 65]; *Бо то ж ні мольфарем, ні знахарем не треба бути, щоб розпізнати щоденне велике лукавство світових лукавців, що повилазили з усіх щілин, як ота повзуча нехар* [8, с. 55].

Часто говіркові слова М. Матіос вживає для називання тварин і рослин: *дріб* – вівці, ягнята; *половик* – яструб, *каня* – хижий птах, схожий на шуліку; *матриган* – беладонна; *шулька* – качан кукурудзи: *Господарки було не стільки, щоб дуже, але вже трохи було: корова, свиня, кури, троє товару дробу* [9, с. 92]; *Дві великі кані, визираючи собі здобич, висіли над Михайловою хатою, що сусідила з Марійною* [9, с. 126]; *І вона, майже безтямна, ніби напоєна матриганом, і собі зсувається на землю – та так і падають, обоє, в мох чи запліле листя* [7, с. 131]; *Він знає, що вона зараз підсунула ближче до вікна дерев'яний стільчик, розклала довкола себе кукурудзяні шульки, на коліна висадила кошик – і з-під прутких її рук посипалося жовте золото кукурудзяних зернят* [7, с. 117].

Кількісно великою групою лексичних діалектизмів-субстантивів у прозі М. Матіос є слова на позначення географічних об'єктів: *кичера* – гора, вся вкрита лісом, крім вершини; *мочар* – трясовина заболочена місцевість. *По два боки гомінкого і спішного Черемоша, між горбів і кичер, немов у глибокій жіночій пазусі, гніздилися двоє гірських сіл з однаковою назвою – Черемошине* [9, с. 97]; *І олень трубив на мочарі* [9, с. 19].

Цікавими є діалектні назви явищ природи: *раптівка* – раптовий, короткочасний дощ, злива, *туча* – 1) бурхлива злива з вітром і громом; 2) темна грозова хмара; 3) град: *Потрошки відходжу, як сад після тучі* [8, с. 27]; *Шумить у скалі раптівка, і грім дуже близько* [5, с. 22].

Отже, лексичні діалектизми охоплюють найрізноманітніші сфери життя, але передусім вони пов'язані з побутом, виробничою діяльністю, родинними стосунками.

Органічною складовою творів М. Матіос є гуцулізми-дієслова, серед яких для точнішого зображення дій і станів збережено такі: *чиніти* – бути нахиленим; *скинутися* – відмовлятися від чого-небудь; *чинитися* – прикидатися; *мольфарити* – чаклувати, ворожити; *каламотити* – крутити, колотити; *відказувати* – відмовляти; *видіти* – бачити; *вадятись* – сперечатись, сваритись; *заглагоїти* – заспокоювати; *спрутити* – напнути; *вслоняти* – присипляти; *п'їланитися* – лізти, дертися; *мельдувати* – доводити до відома; *пазити* – доглядати; *пудити* – лякати; *флінкати* – плакати, схлипувати; *спацірувати* – прогулюватися; *шляхтувати* – проклинати; *відмольфарити* – відворожити; *файкувати* – курити.

Порівняно невелику групу в аналізованій збірці складають прикметникові діалектизми: *файний* – гарний; *шпаровитий* – ошадний; *первий брат* – двоюрідний; *мняцканий* – зігнутий, неспасований. *Ви, файні Іванку, не з полювання вернулись, а з війни* [7, с. 18]; *Ну, трохи з фуком чоловік* [7, с. 82]; *Може, це ліпше, бо хай чують усі весільні гості, який шпаровитий газда прийшов у Гаврилову хату* [7, с. 89].

Серед прислівників-діалектизмів виявлено лексеми на позначення внутрішнього стану людини, окремі номінації способу дії, часу, місця: *бійно* – страшно, боязко, небезпечно; *нагло* – раптово; *файно* – гарно; *жаско* – страшно, жахливо; *водно* – завжди; *леда* – тільки-но; *нарік* – наступного року: *З кульбабки нагло вродиться розлука* [9, с. 47]; *Ой, правдива та правдонька, якої не видно* [7, с. 269]; *А я уперта. І мені не бійно* [8, с. 143]; *Не мий мене так файно, як до шлюбу* [7, с. 22]; *А Северина сидить зі своїми служницями, про щось собі плямкає губами й жаско для людського погляду ні-ні – та й погладить тріпотливий гадючий хвіст у пазусі* [8, с. 52].

Засвідчено й службові слова, зокрема сполучники: *гейби* – наче, немов: *А вона під його голос гейби оживає* [9, с. 57]; частки: *най* – хай, нехай; *аби'сь, аби'х* – аби: *А най мій язик чиряки обсипле, яке дурне сказала!* [9, с. 11]; *Аби'сь знала: скоро будуть до Сибіру виселяти весь Лустун* [9, с. 45]; *Аби'х жили і нарік цієї днини дочекали* [9, с. 23].

Використані письменницею вигуки виражають подив, обурення, роздратування, осуд, неприязнь: *Агій на таке чудо!* [9, с. 19]; *Агій на вас, небого – хочете дитину перепудити?!* [9, с. 61].

Різних експресивних відтінків надають зображуваному синонімічні ряди лексики й фраземіки (наприклад: *слинитися, флинькати, зтягувати носом схлипи*): *Чого ви слинитесь, небого?; Флинькаю, Мільку любий, бо, як надумаю, що нас усіх тут чекає то й камінь би заплакав; Зафайкувала собі й Василина, раз по раз зтягуючи носом схлипи* [9, с. 110]. До слова *вагітність* підібрано діалектизми – *тяж, веремінність, ходити з черевом: Ніхто Матронки з черевом не видив* [9, с. 89]; *В селі декотрі газдівські дівки не годні приховати від людських очей, що зайшли в передчасну тяж...* [9, с. 89]; *А Матронка ховала свою веремінність аж до самих злогів* [9, с. 89].

Приклад розширення значення літературного слова маємо у говірковому мовленні: *вадитись (повадити)* – часто ходити в гості чи робити шкоду (*Вадяться кури у сусідський город. Повадились до чужого добра* [9, с. 95]); *вадитись* – сперечатись, сваритись (*Іниим разом курка розгребе грядку в сусідському городі – а на другому краю села газдині вже вадяться про цю дурничку* [9, с. 95]).

Зазначимо, що значення багатьох діалектних слів М. Матіос часто пояснює у підрядкових примітках, що полегшує сприйняття тексту тим, для якого її рідна говірка є незрозумілою. У цьому виявляється прагнення авторки, з одного боку, ввести якнайбільше говірково маркованих лексем у свої твори, а з іншого, не відштовхнути читача від своїх текстів. Семантика окремих номінацій стає зрозумілою з контексту або з різного типу авторських пояснень (вживання діалектизму на тлі літературного відповідника в тому ж контексті, авторські пояснення в самому тексті, пояснення автора у так званому «словничку»).

Висновок. Отже, у системі словесно-зображальних засобів творів Марії Матіос важливу роль відіграють діалектизми, які, передаючи особливості регіонального колориту, водночас виконують ще й пізнавальну функцію, адже знайомлять читача з предметами побуту, господарювання, виробничої діяльності, звичаїв, з рослинним і тваринним світом краю тощо. Використані у художній мові діалектизми, милозвучні та найточніші у зображальній функції, ще більше звертають на себе увагу на тлі літературної мови, тому видаються незвичними і від того яскравими. Саме в цьому основна причина того, що вони стилістично досить активні в художній тканині творів Марії Матіос.

Список літератури

1. Герман К. Ф. Українські говірки Північної Буковини / К. Ф. Герман. – Чернівці: Рута, 1996. – 391 с.
2. Грещук В. В. Південно-західні діалекти в українській художній мові. Нарис / В. Грещук, Вал. Грещук. – Івано-Франківськ: Видавництво Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника, 2010. – 309 с.
3. Кононенко В. Гуцульські мовні елементи в художньому тексті / В. Кононенко. – К. – Івано-Франківськ: Плай, 2002. – С. 316-320.
4. Логвиненко О. Художні клейноди Марії Матіос / О. Логвиненко // Літературна Україна. – № 20 (25 жовтня). – 2007. – С. 8.
5. Лозовська Р. В. Деякі особливості української лексики творів буковинських письменників // Українська мова на Буковині: Матеріали Всеукраїнської конференції. – Чернівці: Рута, 1994. – С. 104-106.
6. Матвіяс І. Г. Відображення особливостей говорів у мові української художньої літератури / І. Г. Матвія. – 2008. – №6. – С. 3-12.
7. Матіос М. Майже ніколи не навпаки / М. Матіос. – Львів: ЛА «Піраміда», 2007. – 176 с.
8. Матіос М. Москалиця. Мама Маріцца – дружина Христофора Колумба / М. Матіос. – Львів: ЛА «Піраміда», 2008. – 64+48 с.
9. Матіос М. Солодка Даруся / Марія Матіос. – Львів: ЛА «Піраміда», 2005. – 176 с.

Коваленко Н. Д. Языковой мир М. Матиос: региональный аспект // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.113-117.

В статье осуществлён анализ лексических диалектизмов гуцульской группы говоров по разделению на части речи в художественных произведениях М. Матиос. Выявлено наиболее распространённые семантические группы лексики, их роль в постижении культуры и мировоззрения этноса сквозь призму текста художественной литературы.

Ключевые слова: диалектизм, гуцульская группа говоров, художественное произведение.

Kovalenko N. Linguistic world of M.Matios: regional aspect // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.113-117.

In the article we make analysis of lexical dialect units of Hutsul dialects from the point of view of belonging to specific parts of speech on the material of creative works by M.Matios. We specify the most widespread semantic groups of lexics, their role in understanding of culture and world view of the nation through the prism of texts of creative literature.

Key words: dialect unit, Hutsul dialect, creative work.

Поступила до редакції 06.04.2011 р.

УДК 811.112.2'373.7 (436)

ЕТНОКУЛЬТУРНА СВОЄРІДНІСТЬ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ З ЛЕКСИЧНИМ КОМПОНЕНТОМ НА ПОЗНАЧЕННЯ ТРАДИЦІЙНОГО ПОБУТУ НІМЕЦЬКОГО НАРОДУ У ТВОРАХ ЙОЗЕФА РОТА

Коцюба О.П.

Київський національний університет імені Тараса Шевченка, м. Київ, Україна

У статті висвітлено семантичну організацію й оцінний параметр фразеологічних одиниць з назвою предмета німецького побуту в творчому доробку Йозефа Рота, виділено основні види їхнього модифікування.

Ключові слова: *фразеологічна одиниця з лексичним компонентом, побут, фразеосемантичне поле, конотація, номінація, фразеологічна модифікація.*

Кожна фразеологічна одиниця відбиває особливості світосприйняття етносу крізь призму мови і національної культури. Про втілення в мові, зокрема в фразеології "духа народу", про маніфестацію національної специфіки в фразеологічних одиницях (ФО) твердить чимало вчених (В. фон Гумбольдт, В. Маслова, О. Селіванова, В. Телія та ін.). Національно-культурна своєрідність найяскравіше проявляється у фразеологізмах, оскільки вони побудовані на образах, які "достатньою мірою прозорі для певної лінгвокультурної спільноти" [5, с. 82]. За твердженням В. Маслової, фразеологізми представляють собою "колодязь премудрості", дозволяють передати великий об'єм інформації, досягаючи глибини народної культури при одночасній економії мовних засобів [3, с. 75]. Внутрішня форма переважної більшості ФО несе в собі такий зміст, який надає їм етнокультурного забарвлення, тобто, їхнє значення можна інтерпретувати, враховуючи притаманні ментальності певного народу ціннісні стереотипи та установки [3, с. 70].

Стрижневим компонентом чималої кількості ФО виступає назва предмета національної культури. У своєму лексичному складі фразеологізми з таким елементом містять вказівку на сферу матеріальної культури народу. Наша увага до фразеологізмів з лексичним компонентом на позначення німецького побуту у творчому доробку Й. Рота зумовлена загальновідомим фактом, що саме такі ФО є культурно- й національно-специфічними, оскільки безпосередньо віддзеркалюють спосіб життя німецького етносу. Побут ми визначаємо як сферу соціального життя, що охоплює задоволення матеріальних потреб людини в житті, їжі, одязі й освоєння нею духовної культури, людської комунікації та відпочинку [1, с. 183].

Мета нашої розвідки полягає в аналізі семантичних особливостей й оцінних конотацій ФО з лексичним компонентом на позначення побуту німецького народу, зафіксованих у прозі Й. Рота. Фразеопростору романів письменника присвятила своє

дисертаційне дослідження Н. Тимошук. Вона здійснила якісний і кількісний аналіз узуальних і модифікованих ФО, який допоміг їй визначити авторську картину світу, що складається з трьох концептосфер ("Світ людини", "Об'єктивний світ" і "Детермінанти") і характеризується високим ступенем антропоцентризму [6; 7]. У порівнянні з кількісним показником фразеологізмів у творах Й. Рота, встановленим Н. Тимошук (1244 ФО), значно менша частина ФО за своєю внутрішньою формою походить із традиційного побуту німецького етносу [6, с. 7]. Методом суцільної вибірки ми вилучили 132 фразеологізми, що репрезентують національне світобачення німців через найменування предметів німецького побуту. Лексичний компонент на позначення предмета німецького побуту у складі ФО, зафіксованих у творах письменника, виражений: 1) назвами житла (ein offenes Haus haben [12]), 2) назвами предметів обстановки кімнати, житла (von Tische und Bett geschieden sein [18]), 3) назвами частин житлового будинку (j-n an die Wand drücken [17]), 4) назвами отворів у будинку (mit der Tür ins Haus fallen [13]), 5) назвами предметів одягу, взуття та їхніх частин, головних уборів (auf der Hut sein [18]), 6) назвами напитків, страв та їхніх інгредієнтів (j-m eine schöne Suppe einbrocken [14]), 7) назвами речовин, матеріалів, різноманітних мас і трав, пряжі, які використовуються у домашньому господарстві (aus einem ganz anderem Holz geschnitzt sein [17]), 8) назвами металів (ein paar Eisen im Feuer haben [17]), 9) назвами виробів і предметів домашнього вжитку (j-n einen Korb geben [15]).

Виявивши ті фрагменти дійсності, які стали об'єктом фразеологічної номінації у романах Й. Рота, ми встановили, що ФО з лексичним компонентом на позначення предмета побуту (78%) мають антропоцентричний характер, оскільки маркують ментальні характеристики людини та сфери її діяльності. У номінації предметів, явищ і категорій об'єктивного світу бере участь лише 29 ФО (22%), у структурі яких є назва предмета побуту. Диференціюючи спільне значення ФО, що утворюють фразеосемантичне макрополе "Об'єктивний світ", фіксуємо фразеологізми на позначення конкретних понять, предметів, абстрактних понять, їхніх ознак, а також ФО, які виражають ідею кількості та категорію простору, наприклад, das Ei des Kolumbus [14], das Buch der Bücher [15].

У залежності від того, який аспект світу людини характеризують ті чи інші вилучені ФО макрополя "Ментальні характеристики людини та її діяльність", можна виділити чотири фразеосемантичні поля ФО, що відображають: 1) її фізіологічно-інтелектуальний стан; 2) психологічно-вольовий стан; 3) емоційний стан; 4) соціальний статус і діяльність. За спільними більш конкретними семами розбиваємо кожне фразеосемантичне поле на мікрополя, які об'єднують фразеологізми одного категоріального значення. Фразеосемантичне поле ФО зі значенням фізіологічно-інтелектуального стану індивіда (6,06%) поділяється на мікрополя ФО, які вербалізують: 1) обдарованість (in allen Sätteln gerecht sein [9]); 2) досвідченість (mit allen Wassern gewaschen sein [9]); 3) фізичну кваліть і слабкість (das Bett hüten müssen [17]); 4) брак знання, логічного мислення (den Faden verlieren [17]); 5) тямущість, кмітливість (wissen, was die Glocke geschlagen hat [17]). В межах цього поля ФО ми не зафіксували фразеологізмів, які номінують зовнішні

якості людини. Й. Рота віддає перевагу фразеологічним сполукам на позначення рис інтелектуальної зрілості індивіда.

ФО, які покривають семантичний простір, пов'язаний з психологічно-вольовим станом людини (26,5%), утворюють мікрополя ФО на позначення: 1) підлості (Schlingen knoten [11]); 2) легковажності (auf Sand bauen [15]); 3) недоброзичливості (einen Stein nach j-m werfen [15]); 4) підступності, лукавства і віроломства (eine Falle stellen [9]); 5) корисливості (aus jeder Blüte Honig saugen [17]); 6) пихатості (Rosinen im Kopf haben [14]); 7) апатії, байдужості (ohne Saft und Kraft sein [10]); 8) економності (nach der Schnur leben [17]); 9) марнотратства (von der Schnur leben [17]); 10) прямої, відвертості (sich (D.) kein Blatt vor den Mund nehmen [10]); 11) мінливості (die Farbe wechseln [16]); 12) ввічливості (den Hut lüften [17]); 13) зверхності, владності (etw. im Zaum halten [14]). Як бачимо, дане фразеосемантичне поле – одне з найрепрезентативніших у творчому доробку Й. Рота, охоплює ФО в основному з негативними конотаціями, що найменують засуджувані в суспільстві внутрішні індивідуальні якості людини.

Фразеосемантичне поле фразеологізмів, які експлікують емоційний стан індивіда (14,39%), включає два мікрополя ФО на позначення: 1) почуттів особистості, наприклад суму (sich (D) Asche aufs Haupt streuen [15]); 2) міжособистісних почуттів і стосунків (j-n von der Tür weisen [17]). За кількісними параметрами переважають ФО, в значенні яких актуалізована сема "міжособистісні відносини". Вибір таких фразеологізмів зумовлений специфікою творчості Й. Рота, в центрі якої не лише людина, її проблеми, а й сповнена горя доля цілих народів до і після Першої світової війни.

Питому вагу серед фразеологізмів з назвами предмета побуту складають ФО фразеосемантичного поля, в якому знаходить реалізацію соціальний статус людини, її трудова діяльність і повсякденні заняття (27,26%). Це поле формують мікрополя фразеологізмів для номінації: 1) соціальної ієрархії суспільства за критерієм "бідний/багатий" (im Fett sitzen); 2) діяльності і побутових занять індивіда (das Bett machen [12]). Найменш чисельними виявилися ФО на позначення соціального положення людини в суспільстві, а найбільшою вживаністю характеризуються фразеологізми, що покривають семантичний простір "Діяльність і побутові заняття людини".

Крім 4 великих фразеосемантичних полів ФО, які демонструють особливості фізіологічного, інтелектуального, психологічного, емоційного й соціального розвитку людини, а також її діяльності і заняття, ми вбачаємо за необхідність виділити ще одне незначне фразеосемантичне поле ФО, що охоплює назви людини та її характеристики (3,79%). Ось, наприклад, ein Mann von Schrott und Korn [11], auf lautlosen Sohlen [12]. З останнього прикладу видно, що під вправним пером Й. Рота ФО auf leisen Sohlen [8, с. 710] зазначає синонімічної субституції, що позначається на її семантиці: вона конкретизується.

Антропоцентризм фразеопростору Й. Рота проявляється не тільки в сигніфікативно-денотативному змісті ФО, а й в конотаційному забарвленні об'єктів фразеологічної номінації. Як зазначає О. Ігнатенко, більшість фразеологізмів має постійну стійку конотацію в своєму значенні [2, с. 10]. Виходячи з цих міркувань,

варто проаналізувати макрополе ФО з лексичним компонентом на позначення традиційного побуту німців, які відбивають ментальні характеристики людини та її діяльність, у творах Й. Рота за шкалою позитивний/негативний, тобто взяти до уваги конотацію, яка лежить в основі фразеологічної сполуки. За критерієм позитивна/негативна оцінка превалюють ФО з негативним смисловим наповненням (54, 46%), як, наприклад, *in die Zange nehmen* [18]. Помітно менший відсоток становлять фразеологізми з позитивним забарвленням (45, 54%), приміром, *j-m den Hof machen* [9]. Кількісна перевага ФО, що виражають негативну оцінку фрагмента дійсності, пов'язаного з людиною, пояснюється акцентом автора на тих суспільних і соціальних катаклізмах, що спричинили моральну деградацію індивіда.

Використовуючи ФО з лексичним компонентом на позначення німецького побуту перш за все як засіб влучної й образної характеристики ментальних рис людини, Й. Рот часто виходить за межі традиційного вживання фразеологізмів, креативно їх модифікує, вдаючись до загальноприйнятих способів трансформації ФО. Слід зауважити, що процес модифікації фразеологічного фонду німецької мови у творах письменника супроводжується зміною семантики. Фразеологічні модифікації Н. Тимошук називає одним із головних компонентів творення індивідуального авторського стилю Й. Рота [7, с. 110]. ФО, які містять у своєму складі назву предмета побуту, зазнають у художніх текстах письменника різних видів модифікування: 1) субституції (структурно-семантична зміна ФО шляхом заміни одного чи двох компонентів фразеологізму на інші, часто синонімічні): *mit etw. keinen Hund hinter dem Ofen hervorlocken* [8, с. 378] → "Welchen Arbeiter lockst du damit hinter seinem Ofen hervor?" [12, с. 409]; 2) еліпсу (структурно-семантична трансформація ФО, опущення одного з компонентів фразеологічної сполуки, за винятком стрижневого елемента): *mit der Tür ins Haus fallen* [8, с. 336] → *ins Haus fallen* [10, с. 16]; 3) експансії (структурно-семантичний тип модифікації, розширення структури ФО за рахунок однієї лексеми чи кількох): *das tägliche Brot* [4, с. 124] → "Männer waren ihr tägliches, nächtliches Brot gewesen" [13, с. 393]; 4) інверсії (вид синтаксичної модифікації, який полягає у зміні звичного порядку слів у структурі ФО): *j-d hat Geld wie Heu* [4, с. 252] → "Geld hast wie Heu" [13, с. 390]; 5) морфологічної модифікації (структурна трансформація ФО, яка полягає, наприклад, в зміні граматичного числа компонентів): *seinen Faden spinnen* → *Fäden spinnen* [18, с. 571]; 6) дистантному розташуванню, часто з використанням вставних конструкцій (вид синтаксичної модифікації): "Vom Norden und vom Süden werden wir die Russen packen, verstehen Sie, in einer Zange." [18, с. 527]; 7) дефразеологізації ("руйнування ФО, вільне трактування усталеної ФО, при якому зберігається образ, що лежить в основі ФО, у більшості випадків зберігаються також лексеми-конституенти ФО, але порушується структура формативу" [7, с. 172]): *Mir liegt es wie Blei in den Gliedern* → "... und sofort auch intonierte die Kapelle die persische Nationalhymne. Wie Blei legte sie sich auf alle Glieder" [13, с. 379]) та інших видів трансформації ФО.

Експресія художнього мовлення Й. Рота посилюється шляхом одночасної актуалізації кількох способів трансформації всередині одного фразеологізму, тобто завдяки конвергенціям: *mit Nadeln stechen* → *mit hunderttausend köstlichen,*

kristallinen Nadeln sprühen [9] (експансія + субституція). За словами Н. Тимошук, конвергенції як фразеологічні модифікації з різносторонніми виражальними можливостями і максимально лаконічною формою виступають характерною рисою ідіостилю Й. Рота [6, с. 12]. Модифіковані ФО набувають у текстах творів письменника неабиякої емоційності та виразності, часто підкреслюють важливу думку автора, увиразнюють його художнє мовлення, сприяють досягненню лаконізму й чіткості висловлювання.

Висновки. Проаналізований матеріал дає підстави стверджувати, що стрижневий лексичний компонент на позначення німецького побуту у складі фразеологізмів, зафіксованих у романах Й. Рота, репрезентує елементи повсякденного життя німецького народу, а внутрішня форма ФО виражає особливості національного світобачення переважно на ментальні характеристики людини та її діяльність. Щодо семантичної організації фразеопростору Й. Рота, то в центрі зафіксованого нами фразеологічного масиву з лексичним компонентом на позначення предмета німецького побуту знаходиться людина як розумна, психоемоційна й соціальна істота. Неодноразове використання того чи іншого фразеологізму, наприклад *auf leisen Sohlen* (зустрічається в кількох творах Й. Рота), – це показник його актуальності в свідомості автора. За допомогою влучних ФО письменник не стільки характеризує об'єкт художнього зображення, скільки дає йому позитивну чи негативну оцінку.

Список літератури

1. Большая советская энциклопедия. – М., 1971. – Т. 4. – С. 183.
2. Игнатенко О. Н. Фразеологизмы с компонентами, выраженными конкретно-предметной лексикой, в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 "русский язык" / О. Н. Игнатенко. – Тверь, 1993. – 15 с.
3. Маслова В. А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии / В. А. Маслова // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 69-75.
4. Німецько-український фразеологічний словник. У 2-х т. / Уклад.: В. І. Гаврись та ін. – К.: Рад. Школа, 1981. – Т. 1. А-К. – 416 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвистический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 283 с.
6. Тимошук Н. П. Функціонування фразеологізмів у романах Йозефа Рота: автореф. дис.... канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "германські мови" / Н. П. Тимошук. – Львів, 2005. – 19 с.
7. Тимошук Н. П. Функціонування фразеологізмів у романах Йозефа Рота: дис.... канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "германські мови" / Н. П. Тимошук. – Чернівці, 2005. – 213 с.
8. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – 2., neu bearb. und aktual. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2002. – 955 S.
9. Roth J. Beichte eines Mörders // Joseph Roth Werke. – 6. Band. – Romane und Erzählungen 1936-1940. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. – S. 1-125.
10. Roth J. Das falsche Gewicht // Joseph Roth Werke. – 6. Band. – Romane und Erzählungen 1936-1940. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. – S. 127-223.
11. Roth J. Das Spinnennetz // Joseph Roth Werke. – 4. Band. – Romane und Erzählungen 1916- 1929. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. – S. 63-146.
12. Roth J. Die Flucht ohne Ende // Joseph Roth Werke. – 4. Band. – Romane und Erzählungen 1916-1929. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. – S. 389-496.

13. Roth J. Die Geschichte von der 1002. Nacht // Joseph Roth Werke. – 6. Band. – Romane und Erzählungen 1936- 1940. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. – S. 347-514.
14. Roth J. Die Kapuzinergruft. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2000. – 200 S.
15. Roth J. Hiob // Joseph Roth. Romane. – Bd. 1. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1994. – S. 105-239.
16. Roth J. Hotel Savoy // Joseph Roth Werke. – 4. Band. – Romane und Erzählungen 1916- 1929. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. – S. 147-242.
17. Roth J. Radetzkymarsch. – Amsterdam: Kiepenheuer & Witsch, 1999. – 413 S.
18. Roth J. Zipper und sein Vater // Joseph Roth Werke. – 4. Band. – Romane und Erzählungen 1916-1929. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. – S. 501-607.

Коцюба А.П. Етнокультурное своеобразие фразеологизмов с лексическим компонентом для обозначения традиционного быта немецкого народа в произведениях Йозефа Рота // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.118-123.

В статье освещена семантическая организация и оценочный параметр фразеологических единиц с названием предмета немецкого быта в произведениях Йозефа Рота, выделены основные типы их модифицирования.

Ключевые слова: *фразеологическая единица с лексическим компонентом, быт, фразеосемантическое поле, коннотация, номинация, фразеологическая модификация.*

Kotsyuba O. Ethnocultural identity of phraseological units with the lexical component on the description of the traditional life of the German people in Joseph Roth's works // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.118-123.

In the article the semantic organization and the appraisal parameter of the phraseological units containing a denomination of German household items in J. Roth's creative inheritance are analyzed, the main types of their modification are determined.

Key words: *phraseological unit with a lexical component, everyday life, phraseosemantic field, connotation, nomination, phraseological modification.*

Поступила до редакції 02.03.2011 р.

УДК 811.161.1'42

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОБРАЩЕНИЯ И ПОДПИСИ В РУССКИХ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ

Куварова Е.К.

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

На материале писем русской интеллигенции XX века выделены структурно-семантические типы обращения и подписи как рамочных элементов эпистолярного текста. Описан ряд коммуникативных условий, определяющих характер именованного автора и адресата письма.

Ключевые слова: *эпистолярный текст, письмо, обращение, подпись.*

Эпистолярный текст принадлежит к древнейшим видам письменных документов, которые обязательно появлялись там и тогда, где и когда возникала письменность. Не случайно поэтому во многих языках, включая русский, одним и тем же словом называются письмо как документ и письменность как знаковая система фиксации речи. Не случаен и особый интерес к эпистолярике как речевому творчеству. Ещё в античную эпоху был описан целый ряд признаков эпистолярного стиля и выделены типы писем, которые различались по своему содержанию и коммуникативной целеустановке («дружеское», «рекомендательное», «порицательное», «бранное», «утешительное», «укоризненное», «увещательное», «угрожающее», «насмешливое», «хвалебное», «советоподательное», «просительное», «вопросительное», «благодарственное» и др.) [1, с. 10]. Разумеется, не всё из античных времён было канонизировано, но и в последующие столетия, вплоть до XIX века создание эпистолярных текстов подчинялось определённой традиции, которая передавалась через письмовники – сборники образцов писем, нередко включавшие также рекомендации по их составлению [5, с. 90]. В России, в частности, в середине XIX века даже создаётся специальная Археографическая комиссия, которая подготовила и опубликовала несколько сборников, содержащих переписку русских царей и других высокопоставленных особ [см., напр., 12]. Однако собственно лингвистические исследования эпистолярных текстов широко развернулись лишь в последние десятилетия, и одним из наиболее проблематичных направлений этих исследований оказалось описание структуры письма как документа.

Эпистолярное общение присуще самым различным сферам коммуникации: официально-деловой, публицистической (письма в газету), обиходно-бытовой; в письмах могут обсуждаться научные, философские, этические проблемы; эпистолярная форма широко используется в художественной литературе. В силу этого обстоятельства письмо не привязано к какой-либо тематической области и не

имеет практически никаких ограничений в содержательном отношении: предметом общения, опосредованного перепиской, может быть всё, что угодно. Поэтому специфику эпистолярного текста следует искать, по-видимому, в его формальных параметрах, к числу которых, наряду с указанием даты и места написания, особыми этикетными формулами, следует отнести обращение к адресату в начале послания и заключающую подпись автора, которые образуют конструктивную рамку письма.

Исследования эпистолярных формул, в частности инициальных и финальных элементов текста, предпринимались как в их сопоставлении с византийской традицией [6], так и независимо от неё [14], но велись они в общем контексте некоего послания, без их типологической конкретизации.

Цель статьи – выделить и описать структурно-семантические типы обращения и подписи в их системном аспекте и на том широком материале, в качестве которого были отобраны письма М. А. Булгакова [3], В. В. Виноградова [4], М. Горького [10], В. М. Жирмунского [7], А. Я. Каплера [2], В. В. Маяковского [8], Б. Л. Пастернака [9; 13], М. И. Цветаевой [13], К. И. Чуковского [11], Л. К. Чуковской [7], а также ответные письма их корреспондентов. Это тексты частной переписки, хотя в них могут решаться и деловые вопросы, связанные, например, с публикацией собственных произведений адресанта.

Обращение в начале текста является одним из самых характерных признаков письма. В большинстве случаев оно представляет собой самостоятельное предложение и выделяется графически расположением в отдельной строке. Обращение может быть также осложняющим элементом структуры первого предложения: «*Вот и похоронили мы Антона Чехова, дорогой мой друг*» [10, с. 257]. В некоторых письмах обращение повторяется в начале и в конце текста, обычно варьируясь в лексическом отношении: скажем, письмо М. Горького Е. П. Волжиной начинается фразой: «*Я оставляю большинство твоих писем без ответа, но, **Котя**, не сердись на меня, я очень, очень занят, и, когда кончается мой рабочий день, я уже почти не в состоянии писать*» [10, с. 66], а заканчивается предложением, которое также содержит обращение, но уже распространённое: «*До свидания, **моя Катя, моя милая деточка***» [10, с. 67]. Иногда, правда, обращение в начале письма отсутствует, но его постановка в эпистолярном тексте всегда возможна.

Обследованный нами материал (а это письма русской интеллигенции) дал нам возможность выделить следующие типы первого компонента конструктивной рамки письма:

1. Имя адресата или сочетание имени и отчества: «*Катя*», «*Борис!*», «*Лев Николаевич!*», «*Константин Петрович!*». Реже возможно обращение, состоящее из имени, отчества и фамилии, или только фамилия.

2. То же с одним или несколькими определениями: «*Дорогая Оля!*», «*Милая Надя*», «*Надюшечка дорогая!*», «*Уважаемый Владимир Галактионович!*», «*Многоуважаемый Глеб Иванович!*», «*Почтенный Сергей Павлович!*», «*О Вас, драгоценный Алексей Максимович, ни слуху, ни духу*», «*Глубокопочтимый Алексей Максимович*», «*Дорогой и славный Иван Алексеевич!*», «*Дорогой и уважаемый Константин Петрович!*», «*Дорогой и милый Алексей Максимович!*», «*Дорогой и многоуважаемый Константин Сергеевич!*», «*Котик мой*», «*Дорогой мой Иван*»

Павлович!», «Милый мой Федор», «Дорогой, любимый мой Алексеюшка!», «Дорогой мой Евгеньич!», «Дорогой мой, мой славный Федор!», «Дорогая моя Оля», «Олюшка, дорогая моя!». Определение может иметь зависимые компоненты: «Искренно уважаемый Семен Афанасьевич!».

3. Прозвище, иногда имеющее при себе определение: «Котя», «Котенька», «Дорогой Топсон», «Старчик милый!».

4. Имя нарицательное, имеющее при себе одно или несколько определений: «Дорогая мама», «Мой друг!», «Милостивый государь!», «Эх, дядечка!», «Знаете что, дорогой друг?», «Здравствуйте, дорогой режиссёр!», «Гражданин редактор», «Дорогой товарищ инструктор», «Господин редактор», «Очень и очень рада, голубчик мой, что твоя «Тоска» будет напечатана...», «Дорогой товарищ!», «Уважаемый Гражданин!», «Дорогой мой друг!», «Славный мой дружище!», «Мудрый дяденька, суровый писатель длинных писем прямыми буквами!», «Дорогой мой человечина». Без определения апеллятивы в письмах – явление очень редкое.

5. Имя собственное с указанием социального статуса адресата, родственных или иных отношений с адресантом, а также этикетная формула (товарищ, милостивый государь и т. п.): «Достолюбезный дяденька Борис!», «Голубчик Леонид Николаевич!», «Граф Лев Николаевич!», «Милый друг, Алексей Максимович!», «Разумеется, милый друг, Николай Дмитриевич, я согласен!», «Дорогой друг, Александр Мефодиевич!», «Великолепнейший и любимый старый романтик Сергей Яковлевич!», «Милостивый государь, Сергей Павлович!», «Голубонька, мой Алеша», «Здравствуйте, друг мой, Мишенька», «Леонид Николаевич, государь мой!», «Олюшка, дорогая моя сестра!».

6. Субстантивированное имя прилагательное, обычно в сочетании с притяжательным местоимением мой: «Дорогие мои!», «Ну как доехал, дорогой мой?», «Мой хороший, на вопросы, которые ты мне задаешь в последнем письме, я уже ответила предыдущими письмами», «Миленькая!», «Дорогая-дорогая!», «Успокойся, моя безмерно любимая...», «Моя родненькая, самая отвратительная, точнее, отвращающая от всех».

7. Инициалы, включая аббревиатуры: «Ал. Макс.» – с определением, выраженным именем прилагательным: «Дорогой Ал. М.!»; или без него: «А. М.».

8. Слово или словосочетание в метафорическом значении: «Мой густо красный Маркобруннер!», «Дорогой Агасфер!», «Моя веточка, ты не можешь себе даже представить, как я тебя жалею!», «Душеньки мои родные!».

Подпись в конце письма, как правило, включает в себя имя собственное его автора. Она значительно реже, чем обращение, отсутствует в тексте, но представлена может быть тоже самыми разными способами. Мы зафиксировали такие виды подписи:

1. Имя адресанта в каком-либо из следующих вариантов:

- а) имя: «Алексей», «Михаил»;
- б) фамилия: «Булгаков», «Каплер»;
- в) инициалы: «А.», «А. П.», «М.», «М. Б.», «М. Ц.»;
- г) имя и фамилия: «Михаил Булгаков»;
- д) инициал и фамилия: «А. Пешков», «М. Булгаков»;

- е) имя, отчество и фамилия: «*Михаил Афанасьевич Булгаков*»;
- ж) псевдоним: «*М. Горький*»;
- з) прозвище: «*Мак*», «*Щен*», «*Счен*».

2. Всё то же, но с одним или несколькими определениями: «*Любящий Михаил*», «*Преданный М. Булгаков*», «*Твой Лёсик*», «*Твой Алексей*», «*Твой Федор Шаляпин*», «*Ваш А. Пешков*», «*Ваш А. Максимыч*», «*Ваш М. Булгаков*», «*Ваш А. П.*», «*Ваш М.*», «*Твой М.*», «*Ваша Мадлена Трусикова-Ненадёжная*», «*Твой Шар*», «*Ваша любящая Н. Малышева*», «*Ваши преданные Н. М. и В. В. Виноградовы*», «*Любящий и уважающий Вас М. Булгаков*», «*Преданный и глубоко уважающий Вас Ив. Шмелев*», «*Ваша любящая Н. М.*», «*Весь твой Б.*». Определение часто имеет при себе зависимые компоненты: «*Уважающий Вас Алексей Пешков*», «*Искренне уважающий Ф. Батюшков*», «*Всё та же Катя*», «*Глубоко уважающая Вас Л. Никифорова*», «*Преданная Вам Л. Чуковская*», «*Искренне преданный Вам М. Булгаков*», «*Искренне Вас любящий К. Станиславский*», «*Сердцем Ваш А. Пешков*», «*Вся и всегда твоя Катеринка*», «*Искренне Ваш Ф. Батюшков*», «*Весь Ваш Витюша*», «*Дружески Ваш В. Жирмунский*». В качестве зависимого компонента может выступать определительное придаточное предложение: «*А. Пешков, который не скоро ещё издохнет, да!*». Подпись может иметь вставные компоненты: «*Ваш до гроба (который не за горами) М. Булгаков*», «*Ваш Евг. Замятин. (Он же Фока)*», «*Ваш М. Булгаков (бывший драматург, а ныне режиссер МХТ)*».

3. Имя собственное и этикетная формула: «*С уважением к Вам А. Пешков*», «*С почтением к Вам Алексей Пешков*», «*С искренним уважением Михаил Булгаков*».

4. Имя нарицательное, имеющее при себе согласованные определения и приложение, выраженное именем собственным: «*Твой брат Михаил*», «*Твой покойный брат Михаил*», «*От лица всех – нижегородский мещанин Алексей Максимов Пешков*», «*Твой муж товарищ Каплер*», «*Твой мистер Каплер*», «*Твой вечный человеческий раб Васька*». Реже в качестве подписи апеллятив выступает без определения или с поясняющими компонентами, но без имени адресанта: «*Дроля*», «*Командировочный человек*», «*Очень твой человек*», «*Твой человек – всегда и навсегда*», «*Твой безымянный человек и любитель*», «*Один полунинтеллигент*».

5. Притяжательное местоимение: «*Твой*».

Как видим, в структурном отношении подписи в письмах более разнообразны, чем обращение, хотя в общем они репрезентируют один и тот же объект, некое лицо (или группу лиц), что и определяет изоморфизм рамочных компонентов письма. Существенные же отличия заключаются, как нам кажется, в следующем. В частной переписке не принято обращаться к адресату по фамилии или обозначать его инициалами, не встречаются также обращения, осложнённые придаточным предложением или вставными компонентами. Автор письма не может называть себя субстантивированными прилагательными, в то время как такое именование адресата в обращении вполне возможно.

Помимо номинативной функции, обращение и подпись как рамочные элементы письма выполняют фатическую функцию и направлены на установление контакта, формирование и поддержание доброжелательных отношений между участниками

коммуникации. Поэтому общей для обращения и подписи и достаточно распространённой моделью является сочетание имени собственного и согласованного определения, выраженного прилагательным, имеющим положительную коннотацию и характеризующим адресата или авторское отношение к нему.

Выбор способа именования участников общения автором письма зависит от целого ряда факторов, важнейшими из которых являются следующие:

а) языковая личность автора: некоторые способы номинации встречаются в письмах единственного корреспондента, например подпись «Твой» – в письме М. Горького;

б) личность адресата: скажем, в письмах Б. Пастернака, адресованных О. М. Фрейденберг, есть разные варианты подписи: «Боря», «Твой Боря», «Твой Б.», в то время как, обращаясь к А. С. Эфрон, Б. Пастернак подписывался «Твой Б.», а в письмах к М. Цветаевой он часто вообще не ставил подписи;

в) степень официальности переписки: прозвище в обращении или в подписи, притяжательное местоимение *твой* при имени собственном, метафорическое именование адресата возможны в интимной и дружеской переписке, тогда как этикетные формулы, сопровождающие подпись, маркируют частно-деловое письмо;

г) отношения между участниками коммуникации: имя нарицательное в качестве подписи используется только при весьма близких отношениях, позволяющих узнать автора без имени собственного, тогда как в обращении имя нарицательное часто используется при официальных отношениях (например, «Гражданин редактор!»). Обращения, выраженные субстантивированными именами прилагательными и имеющие большой экспрессивный потенциал, характерны исключительно для интимной переписки.

Выводы. Формальные и семантические свойства обращения и подписи зависят также от того, адресовано письмо одному человеку или нескольким адресатам, существует ли возможность прочтения письма посторонними лицами, и от других коммуникативных условий, выяснение которых составляет перспективу дальнейших исследований в данной области.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Введение. Древнегреческая поэтика и мировая литература / С. С. Аверинцев // Поэтика древнегреческой литературы. – М.: Наука, 1981. – С. 3-14.
2. Алексей Каплер – Юлии Друниной. Из переписки // Друнина Ю. В. Стихотворения / сост. Е. Липатникова. – М.: Эксмо, 2006. – С. 281-291.
3. Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 8 т. / М. А. Булгаков. – Т. 8: Жизнеописание в документах / сост., подгот. текстов и коммент. В. И. Лосева. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 736 с.
4. Виноградов В. В. «...сумею преодолеть все препятствия...»: письма Н. М. Виноградовой-Мальшевой / сост. и подгот. текста Г. А. Золотовой и В. М. Мальцевой // Новый мир. – 1995. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/1/pub_soob-pr.html
5. Демин А. С. Вопросы изучения русских письмовников XV–XVII вв. (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) / А. С. Демин // Труды отдела древнерусской литературы. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1964. – С. 90-99.

6. Зуева О. В. Византийские и древнерусские эпистолярные формулы: опыт сопоставления / О. В. Зуева // Язык и межкультурные коммуникации: сб. науч. ст. / Белорус. гос. пед. ун-т; отв. ред. В. Д. Стариченок. – Минск: Изд-во БГПУ им. М. Танка, 2007. – С. 36-38.
7. Л. К. Чуковская – В. М. Жирмунский: Из переписки (1966-1970) [Текст] / вступ. заметка, подгот. текста и примеч. Ж. О. Хавкиной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/chukovskaya_zhirmunsky_perepiska.pdf
8. Маяковский В. В. Полн. собр. соч. в 13 т. – Т. 13: Письма и другие материалы / подгот. текста и примечания: В. А. Арутчева [и др.]. – М.: ГИХЛ, 1961. – 628 с.
9. Переписка Бориса Пастернака [Текст] / сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака. – М.: Худож. лит., 1990. – 575 с.
10. Переписка М. Горького [Текст]: в 2-х т. / подгот. текста и коммент. М. Семашкиной и Л. Евстигнеевой]. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 1. – 479 с.
11. Переписка К. И. Чуковского с академиком В. В. Виноградовым и Н. М. Малышевой [Текст] / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Е. Н. Никитина // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 66. – 2007 г. – № 4 – С. 56-68.
12. Письма русских государей и других особ царского семейства, изданныя Археографическою комиссиею. – Томь первый. 1526 – 1658. – М.: В Университетской типографии, 1848. – 365 с.
13. Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года [Текст] / подгот. текстов, сост., коммент. К. М. Азадовского [и др.]. – М.: Книга, 1990. – 256 с.
14. Серый, Н. П. Структурные типы обращений в украинском эпистолярном стиле (Дооктябрьский период) / Н. П. Серый // Вопросы прикладной лингвистики: сб. науч. ст. – Вып. 6. – Д.: ДГУ, 1976. – С. 169-174.

Куварова О.К. Структурно-семантичні типи звертання й підпису в російських епістолярних текстах // Ученіє запискі Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.124-129.

На матеріалі листів російської інтелігенції ХХ століття виділено структурно-семантичні типи звертання й підпису як рамкових елементів епістолярного тексту. Описано деякі комунікативні умови, що впливають на вибір способу іменування автора й адресата листа.

Ключові слова: епістолярний текст, лист, звертання, підпис.

Kuvarova Y. Structurally-semantic types of appeal and signature in Russian epistolary texts // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.124-129.

The structurally-semantic types of appeal and signature in letters by Russian intelligentsia of 20th century are examined. Some communicative terms which have influence at choice method of naming of author and addressee in the letter are described.

Key words: epistolary text, letter, appeal, signature.

Поступила в редакцію 29.03.2011 г.

УДК 81'111=8(048)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Левицкий А. Э.

*Институт филологии Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина*

Статья посвящена рассмотрению особенностей коммуникативных стереотипов сквозь призму функциональной переориентации языковых единиц на англоязычном и русском материале. В работе выявлена значительная роль данного явления в современном английском языке по сравнению с русским. Сделан вывод о том, что функциональная переориентация является одним из ключевых маркеров английской лингвокультуры.

Ключевые слова: *функциональная переориентация, английская лингвокультура, коммуникативные стереотипы.*

Для современных лингвистических исследований характерен комплексный многоаспектный анализ номинативных единиц, при котором когнитивные параметры изучаются в тесной связи с параметрами коммуникативными. При этом, интерес к коммуникативности номинативных единиц может быть определен как совокупность целенаправленного воздействия «среды», в том числе и культурной, на систему языка [1; 2; 5].

Цель – рассмотрение особенностей коммуникативных стереотипов сквозь призму функциональной переориентации языковых единиц на англоязычном и русском материале; выявление роли данного явления в современном английском языке по сравнению с русским.

Актуальность. Обращение к человеку ярко характеризует и когнитивную науку [3], в частности, тот ее аспект, который связан с речемыслительной деятельностью человека и установлением роли языка в процессе получения, обработки, хранения и передачи информации. На наш взгляд, языковая система в ходе своей реализации может быть адекватно познана только в живом, непосредственном использовании, т. е. «очеловечении». Данные, которые мы получаем в ходе анализа продуктов коммуникативной деятельности, все же значительно отличаются от той строгой иерархии, которой им следовало бы подчиняться по законам языка. Значительную роль в выборе того или иного языкового средства приобретают лингвокультурные стереотипы как традиции, зафиксированные в ментальности народа и находящие отражение в языковом выражении. Таким образом, вся структура языка и ее основные характеристики имеют национально-культурную основу, что особенно рельефно проявляется в ходе функциональной переориентации языковых единиц.

При функциональном подходе единица номинации рассматривается как сущность, в которой объективировано единство мышления и коммуникации. Следовательно,

функциональные изменения, наблюдаемые в языке, могут быть охарактеризованы как появление у исследуемой единицы несвойственной ей ранее, но потенциально возможной функции. Таким образом, под функциональной переориентацией понимается особый деривационный процесс, позволяющий отдельным единицам языка при неизменности их формы реализовать новые, нехарактерные для них ранее категориальные, синтаксические и прагматические характеристики.

Наиболее ярко лингвокультурный аспект функциональной переориентации языковых единиц проявляется на примере отдельных функциональных классов, в частности междометий и имен собственных.

Будучи вовлеченными в коммуникативную деятельность в качестве ее активного компонента, новообразованные междометия приобретают некоторые качества, характерные знаменательным знаковым единицам. Процесс декодирования сообщения, состоящего из междометий, может быть адекватен только с учетом всего речевого контекста, а также социальных и лингвокультурных особенностей носителей языка. Несмотря на примерное соответствие концептуальных картин мира у людей, разговаривающих на разных языках, значительные отличия в языковых картинах мира фиксируются в полном объеме на примере функционально переориентированных междометий: ср. русск. *Открыл Америку!* и англ. *Queen Ann is dead!*, русск. *Дудки!* и англ. *Rabbit!* Способность языковых знаков передавать разнообразную гамму эмоций, чувств, переживаний приводит к функциональной омонимии, которая может послужить причиной нарушения акта коммуникации.

Ср.: – *Whose hat is this? – This is my hat.*

– *My hat, I can't believe you.*

Новообразованные междометия, используемые для установления, завершения или поддержания акта коммуникации, способны выражать главные и второстепенные прагматические значения в высказывании. Отметим также важность данных языковых единиц в выражении вежливости или создания атмосферы доверительного общения, имеющих значительную прагматическую ценность для акта коммуникации, а также национально-культурную маркировку. Этой цели служат клишированные формы коммуникации (напр., *It's (very) good/kind of you!*, *Как мило с Вашей стороны!*, *How are you keeping?*) и междометия.

Поскольку междометия присутствуют в языковой компетенции и языковом сознании носителей языка, они используются в целом ряде речевых ситуаций для выражения: а) согласия/несогласия (*Решено!*, *Замѣтано!*, *Agreed!*, *Shake!*, *Put it there!*, *No deal!*); б) побуждения, команды, призыва (*Давай!*, *Вперѐд!*, *Stop it!*, *Come!*); в) различных оценок сказанного собеседником: восхищения (*Браво!*, *Good heavens!*), удовольствия (*Kaif!*, *Baby!*, *Boy!*, *Hey!*, *Hotcha!*, *Man!*), удовлетворения (*Важно!*, *Everything's cool!*, *Righto!*), одобрения (*Лучше некуда!*, *All the way!*, *Bless you!*, *Too Irish stew!*), попытки успокоить собеседника (*Cool it!*, *Keep your hair on!*, *Pull in your horns!*), отсутствия интереса (*Какая разница!*, *I don't care!*, *Big deal!*), удивления, недоумения, изумления (*Вот те на!*, *Oh, my!*), обеспокоенности (*Come off it!*, *Don't get funny!*), предостережения (*Fair and softly!*), разочарования (*Худо!*, *My stars and garters!*), негодования (*Ёлки-палки!*, *Ты в своем уме!*, *This is a nice how-do-you-do!*), неодобрения (*Только подумай!*, *Stuff and nonsense!*), неудовольствия (*Здрасьте!*, *Drop dead!*, *Fiddlesticks!*, *Fooy!*, *What's the big idea?*, *You and who's army, you would!*), иронии (*Ну черта!*, *Not a dog's chance!*), презрения (*Be hanged!*,

The hell with it!), хвастовства (*Did I ever!, Your geese are all swans!, Is the bear a Catholic*), унижения (*Заткнись!, Come down to earth*).

Подавляющее количество приведенных переориентированных единиц относятся к сниженному стилистическому тону, маркируя доверительную, разговорно-фамильярную манеру общения.

Имена собственные, как и целый ряд других языковых единиц с национально-культурным своеобразием значения, могут быть отнесены к лексемам, которые и в изолированном употреблении выступают носителями определенной культуроведческой информации. В конкретных коммуникативных ситуациях они легко передают отношение и к действительности, и к содержанию действительности, т.е. к носителю данного имени, и к реципиенту высказывания. В этой связи особую значимость приобретает фактор контекста и структуры концептуальных систем носителей языка.

Несмотря на то, что в результате функциональной переориентации имена собственные, как правило, в высказывании не соответствуют своим истинным референтам, их возможность употребления в новой функции осуществляется благодаря существованию ассоциативных связей между конкретным референтом (*Don Juan, Iago, Becky Sharp* и др.) и основной характеристикой, им присущей. Референциальная роль подобных дескрипций, когда они выступают в данной функции, основывается на том, что если она не соответствует тому, к чему относится, то утверждение, в котором она содержится, может быть передано заменой ее на дескрипцию, которая соответствует обозначаемому лицу. Причем сигнификат новой номинации имеет значительно больший объем, а также большую вариативность в аспекте лексической и грамматической валентности: *«Но вряд ли даже среди самых выдающихся “многостаночников” сыщется такой актер, как Евгений Алексеевич Лебедев, вышедший из стен училища с напутствием играть “героев-любовников”. Он за долгие годы работы в театре и кино так и не создал ни одного “Ромео”»* («Российская газета»).

Вообще же, употребление имени собственного, приводящее к появлению индивидуально-стилистического новообразования (*«Людям надоело верить предсказаниям доморощенных нострадамусов»* («Комсомольская правда»); *«С этой женщиной новый донжуан познакомился более трех лет назад в Лос-Анджелесе /.../»* («Комсомольская правда»)) выражает целостное представление об объекте высказывания в переносно-образной форме. Оно характеризуется обобщенностью смысла, связанностью компонентов, экспрессивностью. Имена собственные, употребленные в подобных контекстах перестают функционировать как индивидуальные обозначения конкретных людей безотносительно к их чертам. Их функциональная переориентация завершается связью подобных единиц в высказывании с новыми людьми по аналогии и приобретением нарицательного значения. Имя собственное становится знаком, образом художественного обобщения.

В высказывании имена собственные наполняются содержанием, которое включает все знания коммуникантов о называемом лице, различающиеся полнотой качественной и количественной информации, но обязательно включающие субъективное отношение к референту на основе определенной лингвокультурной традиции. В этом свойстве имени собственного можно усмотреть реализацию его категориального признака, выступающего предельно информационно насыщенной единицей в речи каждого

коммуниканта, поскольку, означивая объект, продуцент высказывания включает весь запас своих знаний о нем [4, с. 102] и ассоциаций, которые он вызывает. Безусловно, в данном аспекте особую важность приобретают общекультурологические и индивидуально-когнитивные особенности коммуникантов, что выражается не только в соответствии их концептуальных “картин мира”, но и особенностей как языковых и социальных личностей – их отношение к базовым моральным принципам, ассоциациям и языковым выражениям.

Итак, в высказывании возможно преобразование непонятного значения имени собственного в значение понятное, что придает данной языковой единице статус имени-символа. Например, «*Кати, Маши и Тани превращаются в «Наташ» уже не только по роду занятий – им дают новые имена. /.../ К тому же турецким женщинам такая ситуация тоже надоела: был даже создан женский общественный комитет под названием «Нет – «Наташам» в Турции!» /.../ Но вот что интересно: поток «Наташ» не уменьшается, а, наоборот, растет» («Комсомольская правда»).*

Рассматриваемые единицы входят также в состав определенных словосочетаний и предложений, переориентируясь в составе всего комплекса: *all my eye and Betty Martin* (n) – “ченуха”, *By George!* (interj.), *Heavens Murgatroyd!* (interj.), *Holy Moses!* (interj.), *Jumping Jehosaphat!* (interj.), – “чёрт подери”, *to douse the Edisons* (v) – “выключить свет”, *down to Larkin* (n) – “бесплатные напитки”, *every man jack* (pron) – “каждый”, *to go Borneo* (v) – “опьянеть”, *to hang a Lilly/Louie/Ralph* (v) – “изменить направление”, *Mexican breakfast* (n) – “сигарета и стакан воды”, *Not on your Nellie!* (interj.) – “Нем!”, *I ain't just whistling Dixie!* – “Я это и имею в виду!”, *jack in the box* (v) – “ограбить”, *lit up like Broadway/Main Street/Time Square* (adj) – “пьяный”.

Отдельные же единицы объединены в бинOME сочинительной связью: *Cain and Abel* (n) – “стол”, *Lilley and Skinner* (n) – “обед”, *Naughton and Gold* (adj) – “холодный”, *Tom and Dick* (v) – “тошнить”. То же самое происходит и в русском рифмованном сленге, объединенном в диалогическом единстве: – *Кто?* – *Дед Пухто!* – рифмуются с “никто” и передает пренебрежение к собеседнику, означающее в зависимости от ситуации общения “Отстань”, “Не задавай глупых вопросов”, “Неужели ты не знаешь?”, “Сам знаешь”. В данных сочетаниях и им подобным наблюдается переход имени собственного от предметной номинации к сигнификации, обозначения некоего качества, оценки денотата. Результатом имеющей место нейтрализации видовых различий существительных и сохранения их общего родового значения является тождество их семантики в контексте бинОма.

Считаем целесообразным отметить и то, что переориентированные имена собственные выступают основой некоторых фразовых глаголов современного английского языка: *to jack around* (дразнить), *to jack off* (вводить наркотики), *to jack up* (усиливать; атаковать; вводить наркотики; заниматься сексом, остановиться в поиске чего-либо); а также служить основой отдельных окказионализмов, например, зафиксированное в устной разговорной речи: *Гор – это вице-Билл, вице-Клинтон*; где *Билл* и *Клинтон* выступают синонимами *Президент США*.

Содержание подобных окказионализмов правильно декодируется не всеми носителями языка, а лишь теми, кто обладает необходимой информацией (например, читал указанное произведение; интересуется политикой 90-х годов XX века).

Помощь в декодировании имен собственных, вышедших из употребления, содержится в дополнительной дескрипции: *Миллионер Рябушинский приобрел две машины – лимузин “Фиат” и дубль-фаэтон “Лорен Дитрих” (двухместный экипаж с тентом)* (“Российская газета”). Попутно заметим, что образные дескрипции, состоящие из функционально переориентированных единиц способны заменять собой имена собственные («Тогда она должна была исполнить роль «девушка-а-девушка-как-вас-зовут?» («Комсомольская правда»).

Выводы. Подводя итоги исследования, отметим, что функциональная переориентация, которая приводит к изменениям внутри системы номинативных единиц языка, имеет ярко выраженный культурологический компонент. Лингвокультурные стереотипы наиболее рельефно прослеживаются при функциональной переориентации имен собственных и междометий. В перспективе возможно рассмотрение также иных маркеров английской и русской лингвокультур.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. – 1981. – №4. – С. 356-367.
2. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук: спец. 10.02.19 „теория языка” / М. Л. Ковшова. – М., 2009. – 48 с.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Левицький А. Е. Комунікативні стереотипи в міжкультурній комунікації // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.130-134.

Стаття присвячена розгляду особливостей комунікативних стереотипів крізь призму функціональної переорієнтації мовних одиниць на англомовному та російськомовному матеріалі. У роботі визначену значну роль даного явища в сучасній англійській мові порівняно з російською. Був зроблений висновок про те, що функціональна переорієнтація є одним з ключових маркерів англійської лінгвокультури.

Ключові слова: функціональна переорієнтація, англійська лінгвокультура, комунікативні стереотипи.

Levitsky A. E. Communicative Stereotypes in Intercultural Communication // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.130-134.

The article deals with the specifics of communicative stereotypes through the prism of functional re-orientation of language units in English and Russian. Significant role of this phenomenon in present-day English compared with Russian has been pinpointed. Functional re-orientation is proved to be one of indicators of English linguoculture.

Key words: functional re-orientation, English linguoculture, communicative stereotype.

Поступила в редакцию 17.03.2011 г.

УДК 811.111:82.081

ГУМОРИСТИЧНА СТИЛІСТИКА *A YEAR IN PROVENCE* П. МЕЙЛА

Лотоцька К.Я.

Львівський національний університет імені Івана Франка, м. Львів, Україна

*У статті аналізуються жанрово-лінгвістичні засоби створення гумористично-іронічної стилістики травелогу П. Мейла *A Year in Provence*.*

Ключові слова: *травелог, гумор, іронія, мовна (словесна) гра, стилістична конвергенція, національно-культурний колорит.*

Описи мандрів (**travel writing** або **travelogue**) існують у сучасному літературному просторі у багатьох формах – як щоденник, замітки, нарис, мемуари тощо. Інтерес до travel writing як художньо-публіцистичного типу літератури починає відроджуватись [2] – з’являються праці, присвячені, з одного боку, проблемам мовної та функціональної еволюції даного жанру (В.О. Михайлов, Є.О. Стеценко, М.Г. Шадріна, В.О. Шачкова), а з іншого боку, дослідження текстів цього жанру стають все більш актуальними у зв’язку з поширенням та розвитком культурологічного напрямку у лінгвістичній науці (J. Buzard, M. Cocker, T. Döring). Цей жанр дає можливість повного та **повноправного занурення у інше, чуже соціальне, культурне та мовне середовище** [1]. Саме тому він приваблює як авторів, так й читачів. Однак не всі твори такого плану набувають статусу «справжньої» літератури та мають художню цінність. Серед сучасних авторів, яким вдалося завоювати серця читачів та прихильність критиків, є Пітер Мейл. Його *A Year in Provence* (1989) – це і мемуари/автобіографічний роман, і «травелог» (опис мандрів), і путівник та довідник для домовласників та гурманів! Це – книга для тих, хто вперше відкриває для себе культуру півдня Франції. У чому секрет офіційного визнання та популярності цієї автобіографічної оповіді П. Мейла? Очевидно вони пояснюються, по-перше, особливим авторським баченням – природа, культура та побут жителів Прованса описуються ним з захопленням та любов’ю, та, по-друге, неповторним гумором та стилістичної майстерністю письменника. Саме гумор, іронія та самоіронія створюють своєрідний колорит – переплетення «серйозного» та «несерйозного» у виборі тем, об’єктів опису та способів, манери їх репрезентації. Цей синкретизм і обумовлює парадоксальний успіх *A Year in Provence*. Особливості жанру, типу тексту та авторської манери знаходять відображення у широкому застосуванні письменником традиційних засобів створення гумористичної модальності – різноманітних прийомів словесної гри для опису смішних ситуацій та вираження іронічних смислів. Окрім мовної гри з залучанням алюзії, Мейл використовує численні засоби словесної образності та риторичні фігури всіх мовних рівнів, тобто прийоми, що є у основному арсеналі саме художніх літературних творів.

Метою даної статті є розгляд гумористичної стилістики *A Year in Provence* та виділення домінуючої тропеїки та інших мовленнєвих засобів, за допомогою яких автор створює неповторні художні образи та передає національно-культурний колорит французького півдня. Формат статті дозволить проілюструвати та узагальнити лише деякі ключові засоби реалізації гумористично-іронічної модальності досліджуваного твору.

Отже, оскільки жанрова специфіка накладає свій відбиток на тематичну та композиційно-стильову складові тексту, цілком природно, що КМФ «опис» висувається на перший план – перед нами не просто автобіографічні замітки англійця, який перебрався жити у Францію, а своєрідний путівник та художній нарис. Зарисовки, портрети та різноманітні контаміновані мовленнєві форми складають основу архітекtonіки *A Year in Provence*, а це, у свою чергу, обумовлює широке використання характерних для даної КМФ стилістичних засобів та прийомів, серед яких виділяються різного роду перерахування – у формі двочленних, тричленних та багаточленних конструкцій, а також паралелізм як на рівні фраз та речень, так й на рівні абзацу. Перерахування (enumeration) присутнє майже на кожній сторінці твору, але воно не тільки не обтяжує, не «монотонізує» опис та оповідь, а, навпаки, сприяє підвищенню читацького інтересу завдяки точному виміру синтаксичної глибини речень та яскравій стилістичній складовій такого роду контекстів, а також завдяки умілій реалізації автором пізнавально-розважальної прагматики жанру. Розглянемо декілька типових ситуацій.

Ось як, наприклад, Мейл описує звичайний будівельний камінь: *There is a stone for fireplaces, for swimming pools, for staircases, for walls and floors, for garden benches and kitchen sinks. It can be rough and polished, hard-edged or rolled, cut square or in voluptuous curves* [3, с. 28] – анафоричні паралельні фрази в поєднанні з двочленами у першому реченні прискорюються короткими антонімічними двочленами у другому реченні, яскравим фіналом якого є епітетна конструкція явної фривольно-гумористичної тональності. У наступному прикладі автор замінює нейтральний клішований двочлен на антитетичний йому фразеологізм, який у даному контексті (мова йде про собаку та її навчання) набуває додаткового смислу – ми спостерігаємо відомий прийом буквального розуміння ідіоми шляхом її розкладання та відновлення стертого образного значення: *Little by little, or by leaps and bounds if the dog is both intelligent and a gourmet, he will come to share your enthusiasm for truffles* [3, с. 59]. Ще один приклад паралелізму урізноманітнюється тричленом, асиндетоном та полісиндетоном, а також має певний натяк на силепсис (semantically false chain) з огляду на семантику слів, що позначають об'єкти:

“Don't you get bored?” We didn't. We never had time. [...] There was the garden to be designed and planted, a boules court to be built, a new language to be learnt, villages and vineyards and markets to be discovered [3, с. 79].

Силепсис (*“The two women, Faustin's wife and daughter, dispensed vines, advice, and fashion comments on the assortment of hats worn by the men.”*[3, с. 48]; *It [the farmhouse] had spread to accommodate children, grandmothers, goats, and farm implements...*” [3, с. 5]), оксиморон (*“He was large [...] with carefully tousled hair”* [3, с. 64]), різні види градації (climax (1) та anticlimax(2) 1) *“He wants to eat it. In fact,*

he is desperate to eat it” [3, с. 58]; (2) “*They [builders] thumped and whistled and sang and swore amid the falling masonry...*” [3, с. 35]) стають улюбленими прийомами П. Мейла саме завдяки своїй гумористичній прагматиці. Фігурами-фаворитами є також зевгма, антитеза та антанаклаза:

- *He and his handbag joined us for breakfast* [3, с. 64]
- *We left, with peeling noses and regret* [3, с. 4]
- *He would pedal to the village for his groceries and his gossip* [3, с. 7]
- *Neighbors, we have found, take on an importance in the country that they don't begin to have in cities* [3, с. 6]
- *His shop was small, he and his wife were large, and the three of us constituted a crowd* [3, с. 15]
- *Having met the boiler, we went to the house and met Madame* [3, с. 32]
- *...through the fumes of marc and black tobacco and the even thicker fog of the accent, we eventually got to the bottom of it [concern]* [3, с. 7].

Два останні приклади антанаклази (або діафори у інших класифікаціях) є каламбурними за своєю семантикою та прагматикою. Гра слів присутня на всіх рівнях у тексті твору. Наприклад, у наступному уривку комічний ефект підсилюється вживанням інтерлінгвального каламбуру: *There was a crack, and the truck tilted backwards. A pungent and unmistakable smell filled the air. The driver got out to inspect the damage and said, with unconscious accuracy, the single most appropriate word for the occasion. “Merde!” He had parked in the septic tank* [3, с. 81]. Додамо, що гумористичне забарвлення часто створюється шляхом відхилення від мовленнєвих та логічних/онтологічних норм або обіграванням одночасно психологічних та фізичних семантичних складових компонентів задіяних лексичних конструкцій та ідіом, як ось у наступному прикладі:

- *My heart would have sunk had there been any space left for it to sink to* [3, с. 14] (because he was full up)

Гумор Мейла тісно переплітається з іронією та самоіронією у різноманітних описових контекстах. Тематично основні ситуації, що викликають певні незручності та гумористично-іронічні коментарі з боку автора, пов'язані із трьома проблемами Прованса (по суті інтернаціональними) – бюрократизм, потік небажаних гостей, яких приваблює теплий клімат півдня Франції та численні людські слабкості, недоліки та ексцентричності (пристрасть до хорошої їжі, різноманітні дивацтва та професійні звички місцевих жителів тощо). Але іронія автора має не гостру, а м'яку, гумористичну тональність. Це пояснюється, по-перше, загальною концепцією твору, індивідуально-авторським світобаченням та його позитивним ставленням до того, що він описує, а по-друге, вибором певних технічних прийомів для реалізації гумористично-іронічної прагматики. Саме тому приклади «прямої» вербальної іронії (“...according to *Professor Massot*” [3, с. 75]) не є домінуючими. Ключовими виступають іронічний натяк (innuendo), гіпербола у поєднанні з порівнянням та метафорою та спеціальні види метафоричного переносу – персоніфікація та анімізм. Проілюструємо дане твердження. Ось як описує П. Мейл мовленнєві особливості провансальців – гумор та самоіронія пронизують цей блискучий абзац, побудований за принципом стилістичної конвергенції (метафора, епітети, порівняння, гіпербола,

антитеза, повтор), що підкріплюється вживанням французьких слів та графона: *The language spoken was French, but it was not the French we had studied in textbooks and heard on cassettes; it was a rich, soupy patois [...] Half-familiar sounds could be dimly recognized as words through the swirls and eddies of Provençal: demain became demang, vin became vang, maison became mesong. That by itself would not have been a problem had the words been spoken at normal conversational speed and without further embroidery, but they were delivered like bullets from a machine gun, often with extra vowel tacked on to the end for good luck* [3, с. 6]. Та ж сама тема розвивається й у наступній метафоричній характеристиці: *Henriette was a brown, pretty woman with a permanent smile and a sprinter's enthusiasm for reaching the finish line of each sentence in record time* [3, с. 7]. Отже, гіперболізовані епітети, порівняння та метафори, а також іронічний натяк є улюбленими прийомами автора:

- *He had a mouthful of eighteenth-century teeth* [3, с. 53]
- *He grunted good morning and picked up another stake, hammering it into ground as if it had just insulted his mother* [3, с. 50]
- *We were sitting in a permafrost zone with the Mistral screaming through the hole* [3, с. 36]
- *None of them drank alcohol, to our relief. A tipsy mason nominally in charge of a forty-pound hammer was a frightening thought. They were dangerous enough sober* [3, с. 35]

Навмисно чи інтуїтивно, але П. Мейл часто вибирає для своїх каламбурів та метафор гастрономічну за семантикою лексику, оскільки ключовою для його книжку-культурологічного путівника є тема їжі та культури приготування та вживання їжі у Франції та Провансі, яка описується ним як свого роду національна пристрасть: *The Michelin [a guide book to restaurants] [...] is confined to the bare bones of prices and grades and specialties. Gault-Millau gives you the flesh as well. It will tell you about the chef...* [3, с. 39].

Наступні декілька прикладів ілюструють авторське іронічно-гумористичне сприйняття віковичної проблеми подолання бюрократичних перепонів. Ключовим тропом у таких контекстах стає метафора (військово-спортивної семантики) у поєднанні з гіперболою та різними синтаксичними фігурами з метою підсилення ефекту «буксування» справ – паралелізм, перифраз, ретардація (suspense):

- *...all I needed now was a navigator to steer me through the murky waters of French bureaucracy, which in its manifold subtleties and inconveniences can transform a molehill of activity into a mountain of frustration* [3, с. 21]
- *But then we became reluctant participants in the national sport of paper gathering* [3, с. 21]
- *We learned that time in Provence is a very elastic commodity. [...] Un petit quart d'heuer means sometime today. Demain means sometime this week. And, the most elastic time segment of all, une quinzaine can mean three weeks, two months, or next year, but never, ever does it mean fifteen days* [3, с. 45].

Тема незваних гостей обіграється, наприклад, за допомогою опису ситуацій з телефонними дзвінками (де знову домінують метафора та порівняння):

- *We have an innate pessimism about telephone calls; they have a habit of coming at the wrong time, and they are too sudden, catapulting you into a conversation you weren't expecting* [3, с. 62]

- *We were learning not to trust the telephone, and I picked it up as I would a long-dead fish* [3, с. 62].

У наступному прикладі спостерігаємо цікавий та типовий для Мейла прийом оживлення стертих образних смислів у пролонгованій метафорі: “... *to terminate this budding relationship before it could bud any further*” [3, с. 63]. Цей приклад ілюструє ще один (окрім гастрономічного) тип образних корелятивів у авторській тропеїці – флористичний. Чисельні антропоморфічні та зооморфічні образи теж сприяють реалізації гумористично-іронічної тональності твору:

- *Three cars were growling at each other* [3, с. 76]
- *They [cars] would stop, snout to snout* [3, с. 31]
- *... the white humps of parked cars standing as patiently as sheep* [3, с. 26]
- *Our valley hibernated* [3, с. 11]
- *He came over and sat in the sun, a benign old lizard* [3, с. 49].

Парадоксально, але гумор та іронія не протиставляються, а скоріше гармонійно співіснують із ліричною, майже поетичною стилістикою інших паралельно представлених контекстів, особливо тих, що пов'язані з картинами природи та описами будинку, де оселився автор з дружиною: *In the afternoon sun, with the wooden shutters half-closed like sleepy eyelids, it [the house] was irresistible* [3, с. 5]; *The house looked as if it were floating on a pink-and-white sea* [about the garden] [3, с. 75].

Підведемо підсумки. Отже, для створення гумористичної тональності автор вживає прості та комбіновані синтаксичні та лексичні конструкції. Найефективнішими серед них є, звичайно, ті, що містять стилістичну конвергенцію та типологічний синкретизм. Ключовими тут стають напіввідмічені структури – силепсис (semantically false chain), зевгма, оксиморон, градація, гумористичний та іронічний перифраз та натяк, а також такі лексико-синтаксичні засоби та тропи, як гіпербола, гіперболізоване порівняння та метафора. До них примикають різні види словесної гри, трансформація усталених словосполучень, розкладання фразеологізмів та ідіом. Без сумніву, іронія та гумор, в тому числі й мовний, є провідними жанрово-функціональними характеристиками даного твору. Блискучий оповідач та чудовий стиліст, Мейл майстерно використовує різноманітні ресурси англійської мови для створення мальовничих образів жителів південної французької провінції, які калейдоскопічно складаються у цільний образ Прованса як своєї геофізичної та самодостатньої культурно-історичної та мовної спільноти.

Список літератури

1. Михайлов В.А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII-XIX веков : дис. на соискание учен. степени канд. фил. наук: 10.01.01[Электронный ресурс] / В.А. Михайлов. – Волгоград, 1999. – 199 с. – Режим доступа: <http://www.lib.uu.ru.net/diss/cont/183420.html>

2. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории / В.А. Шачкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 3. – С. 277-281. – (Серия Филология. Искусствоведение).
3. Mayle P. A Year in Provence / P. Mayle. – New York: Vintage Books, 1991. – 207 p.

Лотоцька К.Я. Юмористическая стилистика А YEAR IN PROVENCE Питера Мэйла // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.135-140.

В статье анализируются жанрово-языковые средства создания юмористическ иронической стилистики травелога П. Мэйла A Year in Provence.

Ключевые слова: *травелог, юмор, ирония, языковая игра, стилистическая конвергенция, национально-культурный колорит.*

Lototska K.Ya. Humorous Stylistics of Peter Mayle's A YEAR IN PROVENCE // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.135-140.

The article deals with the analysis of the genre and language means of creating the specific humorous stylistics of P. Mayle's A Year in Provence.

Key words: *travel writing/travelogue, humour, irony, wordplay, stylistic convergence, national-cultural colouring.*

Поступила до редакції 22.03.2011 р.

УДК 81-112.2

ВИСВІТЛЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ ТА РОСІЙСЬКОЇ ЛІНГВІСТИКИ В РУМУНСЬКИХ ПІДРУЧНИКАХ З ІСТОРІЇ МОВОЗНАВСТВА

Лучканин С.М.

*Інститут філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка,
м. Київ, Україна*

У статті розглядаються питання особливостей опису й розуміння українського та російського мовознавства в підручниках з історії лінгвістичних учень, опублікованих у Румунії протягом другої половини ХХ – початку ХХІ ст.

Ключові слова: *історія лінгвістичних учень, українське мовознавство, російське мовознавство, румунське мовознавство, лінгвістична концепція, мовознавство й ідеологія.*

Постановка проблеми. Історія мовознавства – традиційний і вагомий інгредієнт загального мовознавства: „Уведення історії мовознавства до структури курсу загального мовознавства зумовлене тим, що історія мовознавства – це нагромадження знань про мову, розвиток внутрішньої логіки науки, поглиблення лінгвістичної теорії і вдосконалення методології мовознавства. Мовознавство розвивається спіралеподібно, спираючись на знання, здобуті людством на всіх попередніх етапах його розвитку” [6, с. 9]. У другій половині ХХ ст. суттєво зросла зацікавленість проблемами історії науки, у тому числі й історії лінгвістики. „По суті, – писав С.Д. Кацнельсон, – теорія мови – це та сама історія мовознавства, але очищена від виявів суб’єктивного фактору й систематизована за об’єктивними підґрунтями; з іншого боку, історія мовознавства – це персоніфікована й драматизована теорія мови, у якій кожне наукове поняття й теоретичне положення оснащено ярликом із зазначенням осіб, дат і конкретних обставин, пов’язаних із їхнім виявом у науці” [4, с. 5]. В Україні та в Росії було опубліковано кілька підручників і посібників з історії мовознавства Б.В. Кобилянського (1964), Г.М. Удовиченка (1980), В.І. Ковалика та С.П. Самійленка (1985), А.С. Зеленька (2002, 2010), М.П. Кочергана „Загальне мовознавство” (2003; 1-а частина – це історія мовознавства), данського представника порівняльно-історичного мовознавства В. Томсена (1938), К.Є. Гагасєва (1957), Я.В. Лоя (1968), В.І. Кодухова (1974), Р.М. Венцовича та А.Я. Шайкевича (1974), Т.А. Амирової, Б.А. Ольховікова, Ю.В. Рождественського (1975), М.А. Кондрашова (1979), Ф.М. Березіна (два видання 1975 і 1984 рр.), Ф.М. Березіна та Б.М. Головіна (1979), Л.Г. Зубкової (починаючи з 1989), І.П. Сусова (1999), В.М. Алпатова (1998), Ю.А. Левицького та Н.В. Бороннікової (2005), С.Г. Шулежкової (2007); чимало з них мали по кілька перевидань. Не можна оминати увагою й відомі хрестоматії В.А. Звєгінцева „История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях”, яка витримала три видання (1956, 1960, 1964-1965), білоруськомовного видання „Практыкум па гісторыі агульнага мовазнаўства”

В.І. Роговцова (2001). Погляд на історію науки як на історію проблемних ситуацій, що змінюють одна одну в процесі розвитку мовознавства, а також глибокий внутрішній зв'язок історії мовознавства з теорією мови – вихідні теоретичні положення чотирьох колективних монографій під загальною назвою „История лингвистических учений”, що побачили світ протягом 1980-1991 рр. у Санкт-Петербурзі (Ленінграді). У Румунії нещодавно було перекладено румунською мовою й опубліковано фундаментальні західні підручники з історії мовознавства французького мовознавця Джорджа Мунена „Histoire de la linguistique. Des origines au XX-ème siècle” („Історія мовознавства. Від початків до XX ст.”, Париж, 1967), „La linguistique du XX-ème siècle” („Мовознавство XX ст.”, Париж, 1972) [17] й англійського лінгвіста Р.Робінса „A Short History of Linguistics” („Коротка історія мовознавства”, Нью-Йорк 1967 і 1997) [18], а протягом другої половини XX – початку XXI ст. побачили світ румунськомовні підручники „Scurtă istorie a lingvisticii” („Короткий огляд історії мовознавства”) А. Граура та Л. Валд (три видання – 1961, 1965 і 1977, як побачимо далі, усі різні), також окреме видання Лучії Валд (1998), „Istoria lingvisticii românești” („Історія румунського мовознавства”) (1978) та двотомний підручник Константина Фринку „Evoluția reflecțiilor privind limbajul din Antichitate pînă la Saussure” („Еволюція мовознавчих ідей від античності до Соссюра”) (Ясси, 2005) і „Curenți și tendințe în lingvistica secolului nostru” („Напрями і течії в мовознавстві нашого століття”) (Ясси, 1997; 2-е вид. 1999).

Для української лінгвістики *актуальним* є історіографічне вивчення розвитку науки про мову як в Україні й в усьому східнослов'янському світі, так і в Румунії – нашому південно-західному сусідові. Румунська лінгвістична історіографія у другій половині XX-початку XXI ст. звернулася до вивчення й осмислення історії українського та російського мовознавства, його місця в європейській лінгвістичній традиції, його ролі в історії румунської лінгвістики. *Предметом* нашого дослідження виступає саме особливість розуміння українського та російського мовознавства представниками румунської лінгвістичної історіографії, а *об'єктом* – підручники і навчальні посібники, монографії з історії мовознавства, опубліковані в Румунії протягом другої половини XX-початку XXI ст., у яких міститься опис історії української та російської лінгвістики (від „Граматики слов'янської” Мелетія Смотрицького й до особливостей розвитку радянського мовознавства), викладаються загальнолінгвістичні концепції видатних українських і російських мовознавців (О.О. Потебня, І.О. Бодуен де Куртене, Ф.Ф. Фортунатов). Наголосимо, що особливості опису й аналізу вітчизняного мовознавства в румунській лінгвістичній історіографії зовсім невідомі, а, між тим, в Україні, скажімо, в Чернівецькому національному університеті імені Юрія Федьковича, викладається курс з історії румунського мовознавства, в Клузькому університеті імені Бабеша-Боляй (Румунія) – спецкурс з історії радянського мовознавства.

Українсько-російсько-румунські контакти мовознавців сягають глибокої давнини. До середини XVII ст. літературною мовою двох середньовічних румунських феодальних держав – Молдови і Валахії – була старослов'янська, „що використовувалася лише в писемних пам'ятках” [8, с. 287], ці князівства входили до країн греко-православного кола разом з більшою частиною України, Болгарією та Сербією. Першу рукописну граматику румунської мови – „*Gramatica rumânească*”

(„Румунська граматика”) Дімітріє Євстатієвича Брашов'яну (1730-1796) – написано в місті Брашові в період 1755-1757 рр. значною мірою за зразком „Граматики слов'янської” (1619) Мелетія Смотрицького, її автор на початку 1750-х рр. навчався в Києво-Могилянській академії. Сама „Граматики слов'янська” Мелетія Смотрицького мала надзвичайно широке розповсюдження в румунських землях у XVII-XVIII ст., як безпосереднє, так і в перекладах румунською мовою (1697, 1755); щоправда, про цей факт стисло мовиться лише у вузькоспеціальній „Історії румунського мовознавства” [16, с.15], а також одним рядком – у К. Фринку, який, до того ж, М. Смотрицького називає „росіянином” [10, с. 162-163], у румунськомовних підручниках з історії загальної лінгвістики А. Граура та Л. Валд це оминається, хоча й наявні короткі відомості з давнього румунського мовознавства [13, с.66-67]. Першим румунським мовознавцем, який активно зацікавився сучасною індоевропейською лінгвістикою, був Богдан Петрічейку Хашдеу (1836-1907), який навчався в гімназіях і ліцеях Вінниці, Рівного, Кам'янця-Подільського, Кишинєва та в Харківському університеті у 1852-1856 разом з О.О. Потебнею, який був студентом спершу юридичного, а потім історико-філологічного факультету Харківського університету в 1850-1856 рр. Однак відомості про українське і російське мовознавство потрапляють у румунські підручники з історії лінгвістики лише з 1950-х рр., причому відразу відчутно ідеологічний наліт щодо оцінки передусім російського і радянського мовознавства.

У 1-му виданні підручника з історії мовознавства А. Граура та Л. Валд багато говориться про лінгвістичну концепцію О.О. Потебні, окремі розділи присвячено І.О. Бодуєну де Куртене да Ф.Ф.Фортунатову, його учням, особливо акцентується, що „наукове мовознавство постало в нас під впливом російської науки. Нашим першим лінгвістом у повному значенні слова був Б.П.Хашдеу. Він навчався в Харкові, приятелював із Потебнею... Хоча Хашдеу зазнав впливу молодограматиків, однак його наукові ідеї мали давніший зв'язок із концепціями російських лінгвістів” [14, с. 62]. У 2-му виданні, через чотири роки, політичний пафос уже зникає, хоча й згадується про російське мовознавство: „Хашдеу з успіхом використовував знання, набуті в Харківському університеті, де вивчення мови загалом пов'язувалося з історичними студіями [13, с. 67]. І далі: „Поруч із російськими лінгвістами, під впливом яких він сформувався і з якими підтримував постійний зв'язок, а також і завдяки молодограматикам Хашдеу обстоював історичне мовознавство” [13, с. 68]. У 3-му, останньому виданні підручника з історії мовознавства А. Граура та Л. Валд (1977) загалом не згадується про навчання Хашдеу в Харківському університеті, його стосунки з О.О. Потебнею, лінгвістичну концепцію якого, доволі широко висвітлену в 2-му виданні [13, с. 55-57], в заключному зведено переважно до запозичень із В. фон Гумбольдта [12, с. 113-114]. Про значний вплив лінгвістичних ідей В. Гумбольдта на О.О. Потебню говорить і яський професор Константин Фринку в новому підручнику з історії мовознавства: це – запозичена українським ученим ідея про мову як формуючий орган думки, як діяльність, поняття внутрішньої форми [10, с. 150-151], хоча вітчизняна лінгвістична історіографія не поділяє твердження про надмірний вплив Гумбольдта і Штейнталя на Потебню. „Іноді говорять, – відзначає Ф.М.Березін, – що Потебня

розвиває гумбольдтівські ідеї на російському ґрунті. Спадковість між поглядами Потебні та ідеями Гумбольдта не викликає сумнівів, але твердженням Гумбольдта Потебня надає інше лінгвістичне витлумачення, вкладає в них інший зміст” [2, с.70]. Як відомо, Потебня надав „духові народу” німецького лінгвіста інше тлумачення – свідомої розумової діяльності. Оригінальні як для румунської історії лінгвістики знаходимо твердження щодо Потебні в Емілія Йонеску, який наголошує на таких ідеях Потебні як лінгвістична єдність колективу, безперервна боротьба думки зі словом як засобом її об’єктивації, цитує висловлювання Потебні про те, що говоріння – це не передавання своєї думки іншому, а лише поштовх до його власної думки [15, с. 56].

У 1-му виданні підручника А. Граура та Л. Валд детально говориться про лінгвістичну концепцію Ф.Ф. Фортунатова – засновника Московської лінгвістичної школи, проаналізовано його погляди на мову і мислення, форму слова і словосполучення, що не можна вважати актуальним для румунського мовознавства. Починаючи з 2-го видання, автори вже вилучили будь-які згадки про Ф.Ф. Фортунатова. Доречно зазначити, що одним із його учнів був засновник наукової славистики в Румунії, філолог та історик Йон Богдан (Ion Bogdan, 1864-1919), як і відомі російські лінгвісти О.О. Шахматов, В.К. Порзежинський, М.М. Дурново, Д.М. Ушаков, О.М. Пешковський, М.М. Покровський, М.М. Петерсон, норвежець О. Брок, данець Х. Петерсен, німець Е. Бернекер, швед Т. Торнб’єрсон, француз П. Буайе, серб О. Белих та ін. [див.: 2, с. 115; 6, с. 68]; прикро, що М.А. Кондрашов, перераховуючи всіх учнів П.Ф. Фортунатова, про Й. Богдана не згадує [5, с. 95], так само як і Ю.А. Левицький та Н.В. Боронникова, які зовсім не говорять про зарубіжних учнів засновника Московської лінгвістичної школи [7, с. 143], а Т.О. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественський обмежуються загальною констатацією, що „коло учнів і послідовників Ф.Ф. Фортунатова охоплює багатьох зарубіжних мовознавців” [1, с. 440].

В усіх румунських підручниках з історії мовознавства значної уваги приділено викладові лінгвістичної концепції І.О. Бодуена де Куртене (1845-1929), проаналізовано погляди вченого на проблему мови і мовлення, статички і динаміки мови, мову як систему, знаковий характер мови, учення про фонему [13, с.73-80; 12, с.132-137; 11, с. 28-30], на відміну від вітчизняних видань з історії лінгвістичних учень, І.О. Бодуена де Куртене подано як одного з перевісників застосування математичних методів у вивченні мови [13, с.78], що також було даниною тодішній моді на структурно-математичну лінгвістику. Окремий розділ про мовну економію в лінгвістичній концепції Бодуена де Куртене подає Л. Валд у власних нарисах з історії лінгвістики 1998 р. [22, с.199-202].

Як відомо, Румунія протягом другої половини 1940-х-1989 входила до складу країн так званої „соціалістичної співдружності”, тому не дивно, що 1-е і 2-е видання підручника А. Граура та Л. Валд містять розділ „Марксистська лінгвістика” [див., зокрема: 13, с.174-178], де, передусім, подаються відомості про питання мови в працях К. Маркса і Ф. Енгельса (у 1-му виданні – і В.І.Леніна), і, що вже зовсім виглядає несподіваним, піднесено говориться про „Марксизм і питання мовознавства” Сталіна. Румунський партійний лідер Г.Георгіу-Деж (1945-1965) не

прийняв курсу Микити Хрущова на десталінізацію, заявивши після XX з'їзду КПРС: *Nu avem pe nimeni de reabilitat post-mortem* („У нас немає нікого, щоб реабілітувати помертло”) [19, с. 155]. Якщо в радянській лінгвістиці посилання на праці Сталіна з мовознавства (датовані, як відомо, 20 червня-2 серпня 1950) зменшуються вже з 1954-1955 рр. (у „Вступі до мовознавства” Р.О. Будагова 1958 р. згадок Сталіна немає, на відміну від попереднього видання 1953 р.), чи не востаннє вони наявні в третьому виданні класичного підручника „Введение в языкознание” О.О.Реформатського 1960 року (аж у 4-му виданні 1967 р. згадки про Сталіна зникають), то в „Короткій історії мовознавства” А.Граура та Л.Валд перших двох видань 1961 і 1965 рр. уславлюються „заслуги” Сталіна у викритті марризму. Цитуємо видання 1965 р.: „У подібних умовах [марризму – С.Л.] марксистське мовознавство не могло рухатися вперед. Щоб покласти край незадовільній ситуації, „Правда”, центральний орган КПРС, відкрила 9 травня 1950 р. дискусію з лінгвістичних проблем, у якій взяв участь Й.В.Сталін, опублікувавши три статті (перша побачила світ 20 червня 1950). Ці роботи потім опублікували окремою брошурою під назвою „Марксизм і питання мовознавства”. Цей виступ спричинив до цілковитого знищення марризму й розчищення місця для побудови справді марксистського мовознавства” [13, с. 175]. В „Очерках по общему языкознанию” (1962) В.А. Звєгінцева лінгвістична дискусія травня-серпня 1950 р. на сторінках „Правди” оцінюється набагато об'єктивніше [3, с. 85-86]. У 3-му виданні підручника А. Граура та Л. Валд уже 1977 р. відсутні будь-які посилання на радянську лінгвістику, оскільки новий комуністичний керівник Румунії Ніколає Чаушеску (1965-1989) проводив політику „націонал-комунізму” й дозволяв собі „сретичні відхилення” від офіційно прийнятої ідеологічної доктрини СРСР; зауважимо, що в 1-му виданні автори згадують навіть В.В. Виноградова [14, с. 141]. Оминає історію радянського мовознавства й К. Фринку в підручнику „Напрямки й тенденції в лінгвістиці ХХ ст.”, хоча про К. Маркса одного разу згадано, коли говориться про роль мови в соціальному поділі праці [11, с.73]. Між іншим, у підручниках з історії мовознавства таких знаних західних лінгвістів, як Ж. Мунен та Р.Робінс, відведено місце лінгвістичній дискусії 1950 р. у СРСР [17, с.314-315; 18, с.279], на неупередженій її оцінці наголошував ще 1989 р. С.В.Семчинський [9].

Відзначимо, що на сьогодні спецкурс із історії радянського мовознавства славістам Клузького університету імені Бабеша-Боляй викладає О. Вінцелер, автор книжок „Трагедія радянського мовознавства” (2006), де говориться про репресованих сталінським режимом лінгвістів Є.Тимченка, О.Синявського, П.Бузука (мав румунські коріння), Г.Ільїнського, Є.Поліванова та ін. [21]. У праці О.Вінцелера „Портрети і книжки” подано нариси про кількох українських та російських лінгвістів ХХ ст. – В. Абаєва, С.Б.Бернштейна, Р.О. Будагова, Р.Піотровського, Т.О. Рєпіну, С.В. Семчинського, передусім наголошується на їхніх роботах із румуністики [20].

Висновки. Дана стаття дозволяє поглянути „зі сторони” на складний і суперечливий розвиток українського і російського загального мовознавства, усвідомити, які вітчизняні постаті (О.О. Потєбня, І.О. Бодуен де Куртене) найбільш видавалися значними для румунських істориків загальної лінгвістики, побачити

„політичний чинник” у дескрипції російського і радянського мовознавства румунськими вченими, які змушені були дотримуватися панівних на той чи інший момент ідеологічних постулатів. Сучасне звернення до українського і російського мовознавства О. Вінцелера надає нового позитивного імпульсу українсько-румунським контактам лінгвістів.

Список літератури

1. Амирова Т.А. Очерки по истории лингвистики / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховников, Ю.В. Рождественский. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства “Наука”, 1975. – 559 с.
2. Березин Ф.М. История лингвистических учений: [учебник для филол. спец. вузов]. – 2-е изд., испр. и доп. /М.В. Березин. – М.: Высш. шк., 1984. – 319 с.
3. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию / Владимир Андреевич Звегинцев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1962. – 384 с.
4. История лингвистических учений. Древний мир. – Л.: Наука, 1980. – 258 с.
5. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: [учеб. пособие для студентов пед. ин-тов] / Н.А. Кондрашов. – М.: Просвещение, 1979. – 224 с., ил.
6. Кочерган М.П. Загальне мовознавство: [підручник]/ Михайло Петрович Кочерган. – К.: Видавничий центр „Академія”, 2003. – 464 с. (Альма-матер)
7. Левицкий Ю.А. История лингвистических учений / Ю.А.Левицкий, Н.В.Боронникова: [учеб. пособие]. – М.: Высш. шк., 2005. – 302 с.
8. Семчинський С.В. Загальне мовознавство. – 2-е вид., перероб. і доп. / Станіслав Володимирович Семчинський – К.: АТ „ОКО”, 1996. – 416 с.
9. Семчинський С.В. Лингвистическая дискуссия в „Правде” и брошюра И.В.Сталина „Марксизм и вопросы языкознания” / С.В. Семчинский // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. – 1989. – №6. – С. 31-38.
10. Frâncu C. Evoluția reflecțiilor privind limbajul din Antichitate până la Saussure / Constantin Frâncu. – Iași: Casa Editorială „Demiurg”, 2005. – 200 p.
11. Frâncu Constantin. Curente și tendințe în lingvistica secolului nostru. Ediția a II-a, revăzută și adăugită. – Iași: Casa Editorială „Demiurg”, 1999. – 156 p.
12. Graur Al., Wald Lucia. Scurtă istorie a lingvisticii. Ediția a III-a, revăzută și adăugită. – București: Ed. didactică și pedagogică, 1977. – 275 p.
13. Graur Al., Wald L. Scurtă istorie a lingvisticii. Ediția a II-a revăzută și adăugită. – București: Ed. științifică, 1965. – 182 p.
14. Graur Al., Wald L. Scurtă istorie a lingvisticii. – București: Ed. Științifică, 1961. – 144 p.
15. Ionescu Emil. Manual de lingvistică generală /Emil Ionescu. – Ediția a II-a, revizuită. – București: Editura ALL., 1997. – 240 p.
16. Istoria lingvisticii românești / Coordonator: acad. Iorgu Iordan. – București: Editura științifică și enciclopedică, 1978. – 280 p.
17. Mounin Georges. Istoria lingvisticii. Traducere și postfață de Constantin Dominte. – București: Editura PAIDEIA, 1999. – 368 p.
18. Robins R.H. Scurtă istorie a lingvisticii. Traducerea din limba engleză de Dana Ligia Ilin și Mihaela Leaț. – Iași: Editura Polirom, 2003. – 344 p. (Collegium. Litere).
19. Șperlea F. De la Vlad Țepeș la Ceaușescu. Expresii memorabile românești explicate în contextul lor istoric / Florin Șperlea. – București: Corint, 2001. – 168 p.
20. Vințeler O. Portrete și cărți. Vol.1. Cluj-Napoca: Ed. EIKON, 2005. – 316 p.
21. Vințeler O. Tragedia lingvisticii sovietice. – Cluj-Napoca: Ed. Risoprint, 2007. – 120 p.
22. Wald Lucia. Pagini de teorie și istorie a lingvisticii. – București: Ed. ALL, 1998. – 216 p.

Лучканин С.М. Освещение украинской и русской лингвистики в румынских учебниках по истории языкознания // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.141-147.

В статье рассматриваются вопросы особенностей описания и понимания украинского и русского языкознания в учебниках по истории лингвистических учений, опубликованных в Румынии на протяжении второй половины XX-начала XXI вв.

Ключевые слова: история лингвистических учений, украинское языкознание, русское языкознание, румынское языкознание, лингвистическая концепция, языкознание и идеология.

Luchkanyn S.. Covering of the Ukrainian and Russian Linguistics in the Romanian Textbooks on History of Linguistics // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.141-147.

The article is dedicated to the issues of peculiarities of description and understanding of both Ukrainian and Russian linguistics in the textbooks on history of linguistic schools published in Romania in late 20th – early 21st centuries.

Key words: history of linguistic schools, Ukrainian linguistics, Russian linguistics, Romanian linguistics. Linguistic concept, linguistics and ideology.

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 796.5-056.87:81'1

Л98

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ У СФЕРІ ТУРИЗМУ (НА МАТЕРІАЛІ УКРАЇНСЬКОЇ, РОСІЙСЬКОЇ ТА НІМЕЦЬКОЇ МОВ)

Ляховин О.Б.

*Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, м. Дрогобич,
Україна*

Стаття актуалізує проблеми міжкультурної комунікації у сфері туризму на матеріалі української, російської та німецької мов. У статті розглянуто важливі аспекти міжкультурної комунікації, що притаманні туристичній сфері: національно-культурні стереотипи, комунікативні табу, вербальні та невербальні коди.

Ключові слова: *міжкультурна комунікація, національно-культурний стереотип, комунікативне табу, вербальний код, невербальний код.*

Міжкультурна комунікація в сучасних умовах набула глобального характеру, тому виникло зацікавлення цим явищем з боку представників багатьох галузей знань, зокрема соціології, культурології, лінгвокраїнознавства, етнолінгвістики, комунікативної лінгвістики тощо. Невід'ємною складовою міжнародного туризму, що пропагує сьогодні пізнання різних країн та культур, стає міжнародна комунікація. У такому контексті дослідження міжкультурної комунікації набуває особливої актуальності.

Отже, *мета статті* – аналіз актуальних проблем міжкультурної комунікації у сфері туризму. Завдання статті – визначення причин можливих комунікативних девіацій.

Термін «міжкультурна комунікація», що був упроваджений американськими вченими Е. Холлом і Дж. Трейджером, позначає процес спілкування людей, які належать до різних національних лінгвокультурних спільнот, послуговуються різними ідіотетнічними мовами, відчувають лінгвокультурну «чужинність» свого партнера зі спілкування, мають різну комунікативну компетенцію, що може стати причиною комунікативних невдач або культурного шоку [1, с. 346]. Лінгвістичні дослідження у сфері професійної комунікації, що пов'язані з культурним зіставленням, здійснювали Рон і Сюзан Сколлон [див.: 7]. Значний внесок щодо озробки зазначеної проблеми зробили також вітчизняні та зарубіжні дослідники, зокрема В. Воробйов, Ф. Бацевич, П. Донець, Д. Гудков, І. Ключанов, Ю. Прохоров, А. Вежбицька, С. Гюнтер та ін. Дехто з дослідників вважає, що національна культура теж неоднорідна і тому кожен з нас має різний «національно-культурний багаж», що може стати причиною комунікативних невдач навіть в межах однієї лінгвокультурної спільноти. На цю особливість указує і П. Донець, називаючи

комунікацію між носіями різних субкультур (етнічних, регіональних, вікових, професійних) у межах єдиної національної культури міжсубкультурною [3, с. 54]. Проте ця проблема набагато більше торкається комунікації, що зреалізовується між представниками різних культур.

Сучасний світ неможливо уявити без спілкування та взаємодії людей, які належать до різних культурно-мовних середовищ. Завдяки туризму міжкультурні контакти стають частішими, а отже, міжнародна комунікація цілком логічно стає важливою складовою туристичної діяльності. Туризм, що його пов'язують сьогодні все частіше з явищем глобалізації, сприяє регулярним контактам між представниками різних культур.

Міжкультурна компетентність сприяє виробленню практичних навичок соціокультурних комунікацій із представниками інших культур, дає змогу вивчати їх традиції та максимізувати співробітництво і взаєморозуміння.

Туризм став визначальним чинником соціальної та культурної інтеграції й інструментом зростаючої культурної взаємодії. Він сприяє зміцненню єдності суспільства, поглиблює своїми засобами та можливостями знання людей та народів одне про одного, забезпечує крос-культурні зустрічі та діалоги [див. про це: 4]. Міжкультурна комунікація у туризмі охоплює кілька важливих аспектів: мовну символіку, стереотипи, комунікативні табу, мовленнєвий етикет, максими спілкування, невербальні коди.

Комунікація в подорожі може бути запланованою або незапланованою. Це може бути стихійна комунікація туристів у місцях курортного відпочинку, наприклад, на морському або гірському курорті. Іншою буде комунікація туристів, які відвідують історико-культурні пам'ятки, а ще інакшою буде комунікація у паломницькому туризмі чи у бізнес-туризмі.

Рівень міжкультурної, міжсоціумної комунікації в туризмі визначається, окрім іншого, рівнем особистісного та цивілізаційного розвитку представників різних соціумів, які безпосередньо контактують між собою. Міжкультурна міжособистісна комунікація не зникає після повернення туристів з подорожі, але триває в їхньому власному соціокультурному середовищі. Духовно й культурно збагачені після подорожі, туристи переносять міжкультурний, міжцивілізаційний комунікативний процес у власний соціокультурний простір, реінтерпретуючи сприйняті під час подорожі запозичені, а також експліковані завдяки міжкультурному діалогу власні колективно-позасвідомі соціокультурні моделі. Такий діалог культур робить кожен з них більш універсальною, креативною, інтегрованою у глобальний соціокультурний мультиверсум [6].

Невербальна поведінка також впливає на перебіг міжкультурної комунікації. Комунікативні девіації та «культурні пастки» можуть бути спричинені кінетичною поведінкою, відстанню між учасниками спілкування, різними нормами тривалості пауз та специфікою використання паралінгвістичних засобів, наприклад, зустрічати гостей в Україні прийнято хлібом та сіллю на вишиваному рушникові. Українська лексема *рушник* містить у своєму значенні етнокультурну інформацію. При цьому вона має два лексико-семантичні варіанти, один з яких у російській мові має еквівалент *полотенце*, а у другому значенні під укр. *рушник* розуміють «шматок декоративної тканини з вишиваним або тканим орнаментом, що традиційно використовується оздоблення житла, в українських народних обрядах і т. ін.» [5, с. 170]. Німецька лексема *Handtuch*

у свідомості німців чи лексема *полотенце* у свідомості росіян – шматок тканини для витирання рук, а для українця *рушник* – національно-культурний символ, тому українська лексема *рушник* стала екзотизмом російської чи німецької мови. При перекладі доцільно було б зберегти лексему *рушник*, додавши відповідні коментарі для ознайомлення з українською культурою. Оскільки лексеми *Handtuch* (нім.) і *полотенце* (рос.) не мають еквівалентної прагматичної семантики.

У свідомості представників різних культур проявляються також різні, часом протилежні, стереотипи. В основі фразеологізму «їхати зайцем» (укр.), «ехать зайцем» (рос.) покладено національно-культурний образ «зайця як полохливої тварини», що характеризує пасажера без квитка, який теж відчуває страх перед можливим контролем. І хоч в німецькому соціокультурному просторі зайця теж вважають полохливим, проте безквитковий пасажир – це «blinder Passagier» (нім.), що у перекладі означає «сліпий пасажир». Етимологічно ж «blind» мало також значення таємно, приховано.

У Німеччині тема міжнародної комунікації в туризмі набуває все більшої популярності. Свідчення цього – поява міжкультурних (крос-культурних) тренерів, які займаються аналізом соціокультурних контактів, вербального та невербального спілкування представників різних культур. Міжкультурний тренінг – практичне навчання спілкуванню з представниками іншої національної лінгвокультурної спільноти, сформоване на зміну комунікативних і культурних пресуппозицій, сформованих у межах рідної культури. Такий тренінг сприяє підвищенню толерантності та сприйнятливості [2, с. 176].

Туристичні організації та усі суб'єкти туристичної діяльності зацікавлені в тому, щоб іноземні туристи були задоволені, а цього важко досягнути без урахування їх культурної приналежності. Щоб уникнути небажаних конфліктів та непорозумінь, персонал готелів, працівники туристичних бюро, екскурсіводи та ін. повинні бути обізнані з культурними особливостями, законами спілкування, комунікативними табу своїх клієнтів.

У процесі порівняння українських, російських та німецьких етнічних звичаїв, максим спілкування, мовних та тематичних табу, пов'язаних із туризмом, було виділено як низку міжкультурних відмінностей, так і подібностей, наприклад, до комунікативних табу в Росії та Україні належить запитання: «Куди ти йдеш?», на що росіяни дають усталену відповідь: «На Кудькину гору», щоб уникнути відповіді на небажане запитання. Уважається, що не варто розкривати своїх намірів та розповідати, куди йдеш, оскільки не матимеш удачі. У німецькій соціокультурній спільноті це мовне табу відсутнє.

Етнічні звичаї, як складові національної традиції, також можуть стати причиною непорозумінь. В Україні та Росії побутує омовлення правила «присісти на дорогу», що має стати запорукою вдалої подорожі; у Росії розповсюджений також інший звичай: «Перед тим, як вирушати у далеку дорогу, слід доторкнутися до краю столу». Це також має принести удачу.

Якщо росіяни та українці радітимуть дощеві, коли вирушатимуть в дорогу, то німці вважатимуть це невдачею. Це наслідок впливу народних прикмет та національних кліше. У Німеччині прийнято вважати, що «Die Sonne lacht, wenn Engel reisen» («Сонце сміється, коли подорожують ангели»), тобто гарні люди заслуговують гарної погоди під час подорожі. Натомість українці та росіяни

сприятливим уважатимуть дощ, оскільки в їхніх культурах архетиповою є думка, що якщо хтось вирушає в далеку дорогу і раптом пішов дощ – то це на щастя у дорозі.

При лінгвокультурному зіставленні були виявлені також подібності у межах мови та культури української, російської та німецької лінгвокультурних спільнот, зокрема звичаєве правило туристів укидати монети до фонтанів та водойм, що, за народними повір'ями, гарантує їхнє повернення до цього місця, знаходимо у всіх вищезгаданих спільнот. Отже, омовлення дії «кинуть монетку» (рос.), «укинути монету» (укр.), «eine Münze werfen» (нім.) буде зрозумілим представникам усіх трьох етносів.

Вплив національних звичаїв і табу на маркетингові стратегії туризму демонструє сьогодні німецька авіакомпанія Lufthansa, що не має ані тринадцятих, ані сімнадцятих рядів у літаках. І якщо значення числа «13» для українця чи росіянина відоме, то відсутність числа «17» викликає здивування. Проте для жителя Італії чи Бразилії саме число «17» прийнято вважати нещасливим, а оскільки авіакомпанія має значний відсоток перевезень італійських чи бразильських пасажирів, то вона враховує цю національну специфіку. Сучасна тенденція поширилася також у готельній справі. У деяких готелях відсутній тринадцятий поверх. У готелях, де часто зупиняються жителі Китаю, часто немає кімнат з номером «4» або їх їм не пропонують, ураховуючи, що для китайця «четвірка» – це число, що приносить нещастя. Це віяння прийшло з Америки і має вже перші аналоги у Німеччині. Отже, значні відмінності у лінгвокультурах відображені саме у символіці числа.

Терміни мови туризму також можуть спричинити непорозуміння у міжкультурній комунікації. Український термін плацкарта (від німецького Platz – місце і Karte – квиток) – додаток до проїзного документа, що дає право пасажирові зайняти певне місце у вагоні, каюті, автобусі тощо – відповідає німецькому Platzkarte. Проте реалії різняться між собою. У Німеччині діють також квитки без плацкарти, тобто без фіксованого місця у вагоні. А на залізницях колишнього СРСР квитки без плацкарти продаються тільки у потяги приміського сполучення (дизель та електропотяги). Це одна з найдешевших категорій залізничних вагонів, в яких відсутні двері в купе, і є «бокові» місця вздовж по правій стороні вагону (одне верхнє, одне нижнє в одному відділенні).

Оскільки сучасна українська та російська термінологія туризму постійно поповнюється, вона потребує нормування та точного визначення понять, наприклад, пропонуючи гостям континентальний сніданок чимало готелів уносять у меню те, що в Європі прийнято називати американським сніданком (омлет з шинкою), натомість континентальний сніданок у Європі (нім. einfaches Frühstück або kontinentales Frühstück) – сніданок з хліба, масла, конфітюру та гарячого напою. Поняття такого типу повинні бути уніфікованими.

Оскільки туризм у Німеччині має довшу традицію, ніж в Україні чи Росії, то існує, відповідно, більше національних приказок та прислів'їв, пов'язаних з подорожуванням. Німецькій мовній картині світу притаманні прислів'я, що позитивно характеризують вплив далеких подорожей на світогляд людини: *Weite Reise macht weise* (Далека подорож робить [людину] розумною; *Wer weit wandert, kann weit zurückblicken* (Хто далеко подорожує, може далі бачити). Інша приказка

вказує та те, яким важливим є початок подорожі: *Wer über die Schwelle ist, hat die Reise halb getan* (Хто переступив поріг, той здійснив вже половину подорожі) і под.

Висновок. Отже, для успішної міжкультурної комунікації у сфері туризму потрібно виявити та зафіксувати відмінності комунікативної поведінки представників різних культур та вивчити їх вербальні та невербальні коди, що складає *перспективу* подальшої роботи.

Список літератури

1. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики. / Ф. С. Бацевич. – К. : Видавничий центр «Академія», 2009. – 376 с.
2. Бацевич Ф. С. Словник термінів міжкультурної комунікації / Ф. С. Бацевич. – К. : Видавництво «Довіра», 2007. – 205 с.
3. Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации / П. Н. Донец. – Харьков : Штрих, 2001. – 384 с.
4. Енциклопедичний словник-довідник з туризму / В. А. Смолій, В. К. Федорченко, В. І. Цибух [передмова В. М. Литвина]. – К.: Видавничий Дім "Слово", 2006. – 372 с.
5. Космеда Т. А. Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики : формування і розвиток категорії оцінки : [моногр.] / Т. А. Космеда. – Львів : ЛНУ ім. І. Франка, 2000. – 349 с.
6. Любивий Я. В. Філософія туризму. Туристська діяльність як чинник глобальної синергії культур. – Режим доступу: http://tourlib.net/books_ukr/filotur18.htm
7. Scollon, Ronald, Scollon, Suzanne. Intercultural Communication: A discourse approach. Oxford: Blackwell, 2001. – 316 с.

Ляховин Е.Б. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации в сфере туризма (на материале украинского, русского и немецкого языков) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.148-152.

Статья актуализирует проблемы межкультурной коммуникации в сфере туризма на базе украинского, русского и немецкого языков. Рассмотрен вопрос о важных аспектах межкультурной коммуникации, которые имеют место в туристической сфере: национально-культурных стереотипах, коммуникативных табу, вербальных и невербальных кодах.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, национально-культурный стереотип, коммуникативное табу, вербальный код, невербальные код.*

Lyakhovyn O. B. The relevant problems of intercultural communication in the tourist industry (on basis of the Ukrainian, Russian and German languages) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.148-152.

The article deals with the relevant problems of intercultural communication in the tourism industry on the basis of the Ukrainian, Russian and German languages. The author has analysed such important aspects of intercultural communication in the tourist industry as national-cultural stereotypes, communicative taboos, verbal and non-verbal codes.

Key words: *intercultural communication, national-cultural stereotype, communicative taboo, verbal code, non-verbal code.*

Поступила до редакції 15.04.2011 р.

УДК 811. 35

СТРУКТУРА СУФФИКСАЛЬНОЙ МАРКИРОВКИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Меджидов М.Г.

*Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия*

Статья посвящена рассмотрению образования множественного числа существительных аварского языка. В структуре множественности аварского существительного выделяются разнообразные суффиксы.

Ключевые слова: *множественное число, суффиксы, существительные, структура образования, множественность.*

Постановка проблемы. Исследователи дагестанских языков отмечают, что в аварском литературном языке форма единственного числа является немаркированной формой. Путем прибавления к форме единственного числа одного из многочисленных суффиксов множественности образуется форма множественного числа. Ниже мы рассмотрим структуру образования множественного числа существительных некоторыми из суффиксов множественности, выделяемых авароведами.

Наиболее распространенным суффиксом множественности, по мнению большинства исследователей, является суффикс *-би*. С его помощью образуют множественное число существительные исконно аварского происхождения. При этом имеет место ряд фонетических процессов.

Большинство существительных обнаруживают делабиализацию корневого согласного, например: *кIветI* «губа» – *кIутI-би* «губы»; *гъветI* «дерево» – *гъутI-би* «деревья», *квартIа* «молоток» – *куртI-би* «молотки», *къваница* «висок» – *къуниц-би* «виски», *къвачIа* «мешок» – *къучI-би* «мешки» и т.д.

Часто имеет место чередование конечных гласных: *-у*: *дару* «лекарство» – *дара-би* «лекарства», *росу* «село» – *роса-би* «селения», *каву* «ворота» – *кава-би* «много ворот», *тикру* «мысль» – *тикра-би* «мысли», *матIу* «зеркало» – *матIа-би* «зеркала» и т.д.; *-о*: *итаркIо* «сокол» – *итаркIа-би* «соколы», *пейтIеро* «свисток» – *пейтIера-би* «свистки», *къадако* «воробей» – *къадака-би* «воробьи», *хъухъадиро* «пила» – *хъухъадира-би* «пилы», *гъасито* «камин» – *гъаситаби* «камины» и т.д.; *-и*: *рагIи* «слово» – *рагIа-би* «слова», *гали* «шаг» – *гала-би* «щаги», *варани* «верблюды» – *варана-би* «верблюды», *бергъенлъи* «победа» – *бергъенлъа-би* «победы», *къварилъи* «ущелье» – *къварилъа-би* «ущелья». Ударение в таких словах падает, как правило, на второй слог. Этот тип образования множественности представлен только у двусложных и трехсложных слов.

По вопросу структуры данного суффикса среди авароведов нет единого мнения. Так, М.Д. Хангереев полагает, что « в данных словах представлен суффикс множественности *-аби*: *варан-аби* «верблюды», *къвариль-аби* «ущелья» и т.д. [3, с. 80-82].

Наблюдается также чередование корневого гласного совместно с редукцией конечного гласного, например: *лъади* «жена» – *лъуд-би* «жены», *раса* «корыто», «лодка» – *рус-би* «корыта», «лодки», *газа* «кирка», «мотыга» – *гуз-би* «кирки», «мотыги», *хъала* «крепость» – *хъулби* «крепости», *тлала* «дымоход» – *тлул-би* «дымоходы», *лага* «орган», «тело» – *луг-би* «органы», «тела» и т.д. Здесь под влиянием суффиксального переднеязычного *-и-* происходит сдвиг заднеязычных корневых гласных в переднеязычные, в частности, *-а-* в *-у-*.

Может иметь место редукция конечного гласного без изменения корневого гласного, например: *чухъа* «черкесска» – *чухъ-би* «черкески», *ччугла* «рыба» – *ччугл-би* «рыбы», *суркла* «чашка» – *суркл-би* «чашки» и т.д.

У слов, оканчивающихся на сонорный, при образовании формы множественного числа имеет место редукция конечного сонорного, например: *базарган* «торговец» – *базарга-би* «торговцы», *хIалтIухъан* «рабочий» – *хIалтIухъа-би* «рабочие», *ччугIухъан* «рыбак» – *ччугIухъа-би* «рыбаки», *бетIергъан* «хозяин» – *бетIергъа-би* «хозяева», *чанахъан* «охотник» – *чанахъа-би* «охотники» и т.д.

В ряде случаев слова, оканчивающиеся на сонорный, при образовании форм множественного числа не только подвергаются редукции конечный согласный, но и имеет место чередование корневого гласного, например: *хIалухъен* «зерно», «урожай» – *хIалухъа-би* «зерно», «урожай», *курхъен* «браслет» – *курхъа-би* «браслеты», *рехъен* «стадо» – *рехъа-би* «стада», *рельен* «краска» – *рельа-би* «краски», *бертин* «свадьба» – *берта-би* «свадьбы», *жергъен* «бубен» – *жергъа-би* «бубны» и т. д.

Описывая фонетические изменения, происходящие в структуре слова при образовании множественного числа, Г.И. Мадиева полагает, что «эти изменения нельзя считать чисто фонетическими явлениями. Вероятно, такое изменение основы в аварском языке когда-то было главным способом образования множественного числа, так как аналогичное изменение основы мы видим и при словообразовании и при словоизменении» [2, с. 31]. На наш взгляд, всякое фонетическое изменение структуры слова обусловлено, прежде всего, действием фонетических законов. Редукция конечных гласных произошла в результате закрепления ударения на корневом слоге, безударный конечный гласный оказался в условиях благоприятных для частичной или полной редукции.

Весьма ограничено количество исконно аварских слов, в которых суффикс *-би* прибавляется к чистой основе. Это такие слова, как: *ца* «зуб» – *ца-би* «зубы», *маргъа* «сказка» – *маргъа-би* «сказки», *цIва* «звезда» – *цIва-би* «звезды», *цIунцIра* «муравей» – *цIунцIра-би* «муравьи», *къункъра* «журавль» – *къункъра-би* «журавли» и т. д.

Слова раннего заимствования также образуют форму множественного числа аналогичным способом, например: *тамаша* «чудо» – *тамаша-би* «чудеса», *халича* «ковёр» – *халича-би* «ковры» и т. д. Все поздние заимствования (в основном, это заимствования из русского языка или через русский язык), оканчивающиеся на гласный звук *-а(-я)*, образуют форму множественного числа путём прибавления суффикса *-би* без изменения структуры основы, например: *партия* – *партия-би*, *парта* – *парта-би*, *марка* – *марка-би*, *машина* – *машина-би*, *школа* – *школа-би*, *кофта* – *кофта-би* и т. д.

При образовании множественного числа посредством суффикса множественности *-ул* наблюдается явление уподобления корневого гласного гласному суффикса *-у*, например: *мегIер* «гора» – *мугIрул* «горы», *бетIер* «голова» – *бутIрул* «головы», *кьенсер* «бровь» – *кьунсрул* «брови», *чIемI* «блоха» – *чIумIул* «блохи» и т.д.

При образовании множественного числа посредством суффикса *-ал* основа может сохранить свою структуру, но может и измениться. Неизменной сохраняют структуру основы, как правило, односложные слова исконно аварского происхождения, такие как: *нус* «нож» – *нус-ал* «ножи», *кIул* «ключ» – *кIул-ал* «ключи», *бакI* «место» – *бакI-ал* «места», *вац* «брат» – *вацал* «братья», *яц* «сестра» – *яц-ал* «сестры». Большинство соматонимов образуют форму множественного числа также посредством *-ал* без изменения структуры основы, например: *кIал* «рот» – *кIал-ал* «рты», *квер* «рука» – *квер-ал* «руки», *бер* «глаз» – *бер-ал* «глаза».

Слова раннего и позднего заимствования с согласным исходом также образуют формы множественного числа путем прибавления суффикса *-ал* к неизменной именной основе, например: *тадбир* «порядок» – *тадбир-ал* «порядки», *хIаким* «начальник» – *хIаким-ал* «начальники», *мухбир* «корреспондент» – *мухбир-ал* «корреспонденты», *депутат* «депутат» – *депутат-ал* «депутаты», *стол* «стол» – *стол-ал* «столы», *журнал* «журнал» – *журнал-ал* «журналы».

При образовании множественного числа посредством суффикса *-л* в структуре основы наблюдаются следующие фонетические изменения, например: а) изменение *-о-* в *-а-*: *жо* «вещь» – *жа-л* «вещи», *гордо* «окно» – *горда-л* «окна», *горо* «шарик» – *гара-л* «шарики», *чIорто* «тряпка» – *чIарта-л* «тряпки»; б) изменение *-е-* в *-у-*: *кет* «кошка» – *куту-л*; в) изменение *-и-* в *-а-*: *кьили* «седло» – *кьала-л* «седла» и т.д.

Вариантом суффикса множественности *-ал* является суффикс *-ял* (*йал*); он образует множественное число от основ с гласным исходом, при этом структура основы не меняется, например: *кьо* «мост» – *кьо-ял* «мосты», *кьо* «день» – *кьо-ял* «дни», *бо* «войско» – *бо-ял* «войска», *цIа* «огонь» – *цIа-ял* «огни», *гIи* «овца» – *гIиял* «овцы» и т.д.

Суффикс множественности *-йал* носит производный характер, он возник в результате наращения полугласного *-й-* к суффиксу *-ал* в позиции между двумя гласными.

Вариантами одной и той же единицы являются так же суффиксы множественности *-ул* и *-дул*. В аварском языке обнаруживается четкое распределение суффиксов *-ул* и *-дул*. М.Е.Алексеев выявляет тенденцию к употреблению суффикса множественности *-ул* после переднеязычных согласных *д*, *т*, *тI*, *ж* и комплексов согласных. [1, с. 35]. Например: *кет* «кошка» – *кут-ул* «кошки», *гьедо* «ворона» – *гьуд-ул* «вороны», *чIемI* «блоха» – *чIумI-ул* «блохи», *гьадаро* «тарелка» – *гьудр-ул* «тарелки», *мегеж* «борода» – *мугже-ул* «бороды» и т.д.

Суффикс множественности *-дул* употребляется преимущественно при образовании множественного числа от односложных имён существительных с согласным исходом, например: *тIегь* «цветок» – *тIугь-дул* «цветы», *чан* «зверь» – *чун-дул* «звери», *куй* «баран» – *куй-дул* «бараны», *хIехь* «пень» – *хIухь-дул* «пни», *гьеж* «плечо» – *гьуждул* «плечи», *цер* «лиса» – *цурдул* «лисы» и т.д. Как видим, здесь наблюдается явление уподобления корневого гласного гласному суффикса *-у*.

Выводы и перспектива. Довольно распространён в современном аварском языке и суффикс множественности *-заби*. На наш взгляд, это не суффикс, а суффиксальный комплекс, образованный путем сочетания двух самостоятельных суффиксов *-зал* и *-би*. При помощи суффиксального комплекса *-заби* образуются формы множественного числа как от собственно аварских слов, так и заимствованных слов. Посредством этого суффикса образуют множественное число, как правило, имена существительные, обозначающие профессию человека, например: *устар* «мастер» – *устар-заби* «мастера», *нукар* «нукер» – *нукар-заби* «нукеры», *Галим* «ученый» – *Галим-заби* «ученые», *мутагЛил* «ученик» – *мутагЛил-заби* «ученики», *мурид* «мюрид» – *мурид-заби* «мюриды», *тохтир* «врач» – *тохтир-заби* «врачи», *учитель* «учитель» – *учитель-заби* «учителя». Посредством суффикса множественности *-заби* образуют множественное число также имена существительные, обозначающие человека в той или иной функции, например: *мадугьал* «сосед» – *мадугьал-заби* «соседи», *гьудул* «друг» – *гьудул-заби* «друзья», *гьалмагь* «товарищ» – *гьалмагь-заби* «товарищи», *вацГал* «двоюродный брат» – *вацГал-заби* «двоюродные братья», *цинаГал* «троюродный брат» – *цинаГал-заби* «троюродные братья», *хан* «хан» – *хан-заби* «ханы», *имГал* «дядя» – *имГал-заби* «дяди». При образовании множественного числа посредством суффикса *-заби*, как видим, изменения в структуре основы не наблюдаются.

Список литературы

1. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков / М.Е. Алексеев. – М., 1988.
2. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка / Г.И. Мадиева. – Махачкала, 1980.
3. Хангереев М.Д. Категория грамматического класса и числа в аварском языке / М.Д. Хангереев. – Махачкала, 2000.

Меджидов М.Г. Структура суфіксального маркування множинності іменників у аварській мові // Ученіе запіскі Таврічеського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.153-156.

Статтю присвячено розгляду утворення множини іменників аварської мови. У структурі множини аварського іменника виділяються різноманітні суфікси.

Ключові слова: *множина, суфікси, іменники, структура освіти, множинність.*

Majidov M. G. The structure of a suffix marking plurality of nouns in the Avar language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.153-156.

The article is about of the formation of plural Avars nouns. The structure of the plurality of Avars noun includes a variety of suffixes, we are talking about in this article.

Key words: *plurals, suffixes, nouns, education structure, the plurality.*

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 811

КУЛЬТУРА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ В КАЛЕНДАРНЫХ ПРАЗДНИКАХ ЗИМНЕГО ЦИКЛА УКРАИНЦЕВ, РУССКИХ И МОРДВЫ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Никонова Л.И.¹, Кандрина И.А.², Романова М.Н.³

¹Государственное казённое учреждение Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», г. Саранск, Россия

²Средне-Волжский филиал Российской правовой академии Министерства Юстиции Российской Федерации, г. Саранск, Россия

³Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия

Календарные зимние праздники включают межкультурную коммуникацию путём общения между представителями (украинцев, русских, мордвы) различных культур.

Ключевые слова: украинцы, русские, мордва, праздники, межкультурная коммуникация, язык общения, дружба, согласие, Республика Мордовия.

Слово «культура» – объемное, включает нравственность, весь круг идей и творчества человека. Культура межкультурной коммуникации – общение между представителями различных человеческих культур. Особенности межкультурной коммуникации изучаются на междисциплинарном уровне, в т.ч. лингвистике, этнологии, каждая из которых использует свои подходы к их изучению. Первоначально для описания межкультурной коммуникации использовалось классическое понимание культуры как более или менее стабильной системы осознанных и бессознательных правил, норм, ценностей, структур, артефактов – национальная или этническая культура. В настоящее время всё чаще доминирует динамическое понимание культуры как образа жизни и система поведения, норм, ценностей и т. д. любой социальной группы. Исследования по межкультурной коммуникации в последнее время приобретают всё большее значение в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции. Коммуникация – акт или процесс передачи информации другим людям или живым существам, связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимопонимании и передаётся информация через носитель. Язык – совокупность всех слов народа и их сочетание для передачи мыслей. Это система общения, система звуков и письменных знаков, используемых населением в целях коммуникации друг с другом [21]. Общение в быту происходит в разное время и ситуациях, в том числе во время календарных традиционных праздников сложившихся издавна в той или иной местности, нередко сохранившихся до сих пор. Проблема диалога как формы взаимопроникновения

культур получила освещение в целом ряде трудов: В. С. Библер «Культура. Диалог культур (Опыт определения)» (Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 24-36), М. Бубер «Два образа веры» (М., 1999), Н.Я. Данилевский «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (М., 2003), Ю. М. Лотман «Культура и взрыв» (М., 1992), Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин «Основы межкультурной коммуникации» (М., 2003) и др.

В XX – начале XXI вв. в Мордовии проведены исследования этнической истории, материальной и духовной культуры многих народов края: мордвы, русских, татар-мишарей, азербайджанцев, узбеков, таджиков, казахов. Изучение же истории украинцев, несмотря на то, что они проживают на территории Мордовии с конца XIX в. и эта диаспора достаточно многочисленна, до настоящего времени не осуществлялось.

Цель статьи – постижение характера и интенсивности взаимодействия культуры украинцев с культурой русского, мордовского, татарского и других народов позволит выявить основные закономерности, происходящие в структуре, материальной и духовной культуре этнической группы, находящейся в инонациональном окружении. В связи с этим, мы впервые попытаемся раскрыть межкультурную коммуникацию и языковую традицию в структуре зимних календарных праздников в общественной жизни украинцев, русских и мордвы, проживающих в Республике Мордовия.

Календарный год украинцев четко делится на 4 цикла – зима, весна, лето, осень, – разделяемые обрядовыми периодами переломного характера, где звучали основные идеи – смена времен года, культ предков, культ природы. При этом существенные для дальнейшего развития природные явления логично соотносились с основными датами христианско-православного календаря. К таким обрядовым периодам относились в первую очередь Зимние Святки (период от Рождества Христова 24-25 декабря старого стиля (7 января нового стиля) до Крещения (6/19 января) и Летние Святки, начинавшиеся с ночи на Ивана Купалу (24-25 июня старого стиля (7 июля нового стиля)). Особую роль в календаре играли Пасхальные и Троицкие обряды.

Украинские переселенцы, конечно, следовали своим традициям и на мордовской земле. Во всяком случае, в начале XX в., как свидетельствовали информаторы в украинском селе, на Рождество все ходили друг к другу в гости, молодоженов приглашали родные [14]. Святки сопровождалась вечерними беседами с ритуальными кушаньями (борщ, пироги), гаданиями. Ряжение – обязательный элемент зимних святочных праздников. Для одежды ряженных характерны признаки «антимира» – выворачивание наизнанку меховых вещей, чернение лиц, навязывание на голову куделей шерсти для более жуткого вида. Ряженные вторгались на посиделки, где «хулиганили» до тех пор, пока от них не откупались и не выгоняли, как и положено поступать с нечистой силой. Это служило магической защитой от ее возможных реальных нашествий.

На Рождество исполнялись особые песни, славящие Коляду и заклинающие будущее плодородие. В других украинских колядках обходящие воспринимаются как опасные агенты «мира иного», которые способны принести благополучие, если

их соответствующим образом одарить. В них же может звучать угроза забрать неприветливых хозяев с собой – в страну смерти – в наказание за нарушение обычая. Эти рождественско-новогодние напевы исполнялись перед хатой или в хате парнями, девушками, людьми пожилого возраста: «на Рождество ходили ряженные, входили в дом, пели по украински. Потом им давали подарки» [11; 12], позднее колядование имело упрощенную форму и обычно участвовали в нем только дети: «Дети наряжаются, поют песни, за это их одаривают конфетами, печеньем» [15]. От собственно колядки здесь оставалась только концовка – требование или просьба о вознаграждении:

Колядин, колядин,
Я у батька один
(Святий вечор!)
Дайте ковбасу,
Батьку понесу.
Дайте кишечку,
Иззим в затишечку.
Мати казала,
Шоб принис сала.
Батько сварився,
Шоб не барився!...
Святий вечор [18].

Святки завершались праздником Крещения. На реке рубили прорубь, святили в ней воду. Она символизировала р. Иордан, где крестился сам Спаситель. И те, кто «маскировался» на Святки, а значит, особенно много грешил, смывали с себя грех [14; 16].

Масленицу украинцы не праздновали так широко, как русские [30, с. 11]. Молодежь ходила в гости на вареники и блины. Идя на заговены в гости к тестю и теще, обязательно несли в дар хлеб: прийти в этот день без хлеба считалось оскорбительным [37]. У украинцев на масленицу делали вареники – любимое украинское кушанье. «Вместо блинов московских подают вареники со сметаной, на масленице – это главное блюдо [20, с. 2]. Поэтому о «чистом» понедельнике говорили: «Вареники доведуть, що и хлеба не дадут» [19, с. 502]. Блины, видимо, стали появляться под русским влиянием. И. Абрамов, характеризуя быт населения Глуховского уезда Черниговской губернии, отмечал: «Особенно шумно и разгульно проводится масленя» [1, с. 37]. У украинцев Мордовии масленица праздновалась скромнее или не праздновалась вовсе. Так, информаторы из с. Лопатино среди праздников масленицу не отмечали [37]. Можно сказать, что проведение масленицы у украинцев почти полностью утратило обрядовое значение и превратилось в обычное праздничное времяпрепровождение, да и то не везде.

Календарные (общественные) праздники русского и мордовского населения, также как и украинского Республики Мордовия, были обусловлены сменой года. Исходя из деления календарного года на периоды (зима, весна, лето, осень), календарные (сезонные) праздники представлены циклами: праздники зимнего цикла, весенние праздники, праздники летнего цикла и осенние праздники. Зимние

празднества в Мордовии начинаются со Святков и начинались они с Сочельника кануна Рождества (24 декабря/6 января) и заканчивались Крещением (6/19 января). Святки повсеместно были, в основном, молодежным праздником [7, с. 87]. «Святки у мордвы – это самое веселое праздничное время, когда запасы урожая еще не истощились и было много свободного времени» [32, с. 11]. В Мордовии, как и повсюду, парни и девушки днем гуляли по улицам, катались на санях с колокольчиками, собирались компаниями, сговаривались, где провести вечер. В конце дня молодежь сходилась на «вечорки», или «посиделки». Парни откупали для этого избу у какой-нибудь женщины на один вечер или на все праздники. В Ельниковском районе в с. Софьино информаторы рассказывают, что «это была изба какой-нибудь одинокой и бедной женщины, которая на время уходила к соседям или родственникам» [8]. Парни приносили угощения для девушек: орехи, конфеты, пряники. Обычными развлечениями на вечорках были песни с плясками. В святочные вечера особенно гуляла молодежь. Ходили по селу с гармошкой и балалайками. По словам информаторов Дубенского района: «Девушки с гармонистом ходили по домам молодых парней. Родители должны были подарить подарки будущим невестам: медальон с фотографией сына. В домах плясали, угощались» [10].

Неотъемлемым обрядом Святков было колядование. На Святки колядование производили трижды – в Сочельник, Новый год и на Крещение. Сообщения о том, что ходили с «припевками», «колядками» зафиксированы практически во всех районах Мордовии. Как рассказывает жительница с. Потьма А.И. Лазарева, во всех домах ждали ряженных, готовились к их приходу. Готовили свиные ножки, пекли блины, пироги. Считалось, как угостишь ряженных, такого счастья они тебе и пожелают, поэтому всегда подавали щедро. Колядовали о семейном благополучии, здоровье, плодородии земли и приплоде скота. Заходившие в избу ряженные пели песню «Усень, таусень, давайте закусим» [17]. В Рузаевском районе «славить по домам ходили дети, собирали деньги, при этом приговаривали «Открывайте сундучки, доставайте пяточки» [31]. В с. Красино Дубенского района ходили колядовать и говорили так: «Пришли петь усеньки». Желали благополучия, чтобы не было пожара. Колядующих угощали «усеньками» – свиными кишками, набитыми пшенной кашей [10]. В с. Рождественное Ичалковского района под Новый год, подходя к дому, бросали горсти зерна в окно. Пели коляды: «Коляда! Коляда! Тетка дай пирога и здоровья!». Хозяйка благодарили их чем-нибудь из съестного, получая взамен горсточку зерен, в надежде, что подаренные ими зерна при посеве в общей массе увеличат урожай и сторицею вознаградят за отблагодаренный кусок съестного» [5].

Святки у мордвы, как и у русских, сопровождалась обрядами: играми, песнями, плясками, гаданием, ряженьем и т.п. Рождественский сочельник по-мордовски называется калядань-чи (день коляды). В этот день мордва начинала колядовать: петь песни-колядки о семейном благополучии, здоровье, плодородии земли и приплоде скота. В. Ауновский пишет: «Накануне Нового года колядуют. Колядование состоит в том, что целая толпа ребятишек, запасшись зернами хлебных растений, обходит всю деревню, у каждого дома останавливается и напевает:

«Коляда! Коляда! Шекай, зря перяка! (э.)» – «Коляда! Коляда! Тетка, дай пирога!» [3, с. 12]. В организации группы колядующих лежал половозрастной принцип: отдельно ходили парни, девушки и дети. К примеру: «У мордвы с. Оркино Саратовского уезда утром на рождественский сочельник мордовские мальчишки и девочки, лет десяти, колядуют под окнами изб, выстроившись в ряд, поют, чтобы уродился хлеб соломою с оглоблю, с дугу колосом, с колядовую лепешку зерном» [35, с. 90-91]. «Иногда парни и девушки объединялись в группы, вооружались колокольчиками, дубинками, лопатками, печными заслонками и с большим шумом ходили от дома к дому» [22, с. 200]. В святочные вечера нередко рядились. Участвовать в этом могли люди любого возраста. Повсеместно женщины рядились в платье мужчин и наоборот, одевались цыганами, медведем и т.д. Наиболее распространенными при этом были маски зверей, особенно медвежьи. Большой частью наряжались парни и мужчины. Мужчины надевали на себя вывернутые шубы, маски, иногда просто мазали лицо сажей, пугали людей, заходили в дома и просили угощение у хозяев [34]. Очевидно, маскируясь, люди расслаблялись, освобождались от обычных норм поведения, т.е. давали психологическую разгрузку организму. Этому же способствовали и различные игровые элементы, которые, как правило, были подвижные, носили театрализованный характер. У мордвы, например, в «роштовань кудо» (э. м.) Игры на праздниках являлись биологической потребностью организма и, по мнению специалистов, не только физической тренировкой, но и средством психологической подготовки к будущим жизненным ситуациям [6, с. 22].

В перерывах между играми исполнялись песни любовного содержания. С этого времени до масленицы обычно совершалось сватовство, поэтому девушки старались найти себе любимых:

Залезла бы, ой, матушка, на горку,
Посмотрела бы, ой, матушка, любимого,
Посмотрела бы, ой, матушка, милого [13, с. 73].

В новогодних обрядах видное место занимают приметы и гадания, которые затрагивают две важные темы, касающиеся жизнеобеспечения семьи: земли и урожая; личной жизни, судьбы человека и его брачного союза. Например, накануне Нового года, сор в избе сметают в кучу под святец и замечают: какой хлеб в ней найдется, тот и уродится в наступающем году; если рождественская ночь звездная, то хорошо уродится горох; если в день Нового года ветрено, будет урожай на орехи; если в сочельник идет большой снег, будут обильные пчелиные рои [3, с. 3].

Святочными гаданиями занимались вечером или ночью. Девушки обычно пытались угадать, каков будет жених, в какую семью они войдут. Например, русские девушки в Дубенском районе, вечером или ночью выйдя на улицу компанией, спрашивали у мужчин имена, узнавая имя суженого [4]. Распространены гадания с зеркалом. На стол ставили зеркало и перед ним зажженную свечу. Нужно было внимательно смотреть в зеркало, где должно было появиться какое-либо отображение (как правило, лицо суженого). В святочную ночь можно было положить под подушку расческу со словами: «Суженый, приходи меня причесать».

В Краснослободском районе говорили: «Суженый-ряженный, приходи ко мне наряженный» [28]. Таким образом, во сне можно было увидеть своего жениха.

А. Шахматов пишет о гаданиях в новогоднюю ночь девушек-мордочек так: «Накануне Нового года девушки гадают. Выйдут за ворота и скажут: «Лай, лай, собачка, где мой муженек»; бросают оловом расплавленным в воду. У кого олово упадет белым и кудрявым, та будет счастлива замужем. У кого олово упадет темным и гладким, та будет несчастлива замужем. Вносят в дом беремья дров, раскладывают на две кучки; когда кладут полено в одну кучу, говорят: «В сусек», а когда кладут в другую, говорят: «В мешок». У кого последнее полено придется в сусек, тот угодит за богатого. У кого последнее полено придется в мешок, та за бедняка» [35, с. 127].

Следующий праздник русских и мордвы – Крещение (6/19 января). Крещенские обряды проводятся на водоемах. В этот день собирались к «Иордани» на водосвятие, святили воду, купались в освященной проруби, устраивали гулянья, ходили в гости друг к другу. Например, в Краснослободском районе купание совершается на р. Мокше, в Большеберезниковском районе – проводится на Суре [24, л. 361]. Большинство русского и мордовского населения в эти же дни запасали освященную крещенскую воду для оздоровительных целей – для профилактики здоровья или же использовали для лечения (повсеместно). Возвратясь от проруби, брызгали в доме и хлевах освященной водой, окропляли скотину. При этом читали молитвы [29].

На Масленицу всегда принимали гостей и сами ходили в гости. К этому дню заканчивали играть свадьбы, молодоженам полагалось посещать родственников. В пятницу теща приглашала зятя на блины и собирала других гостей. Ритуалы «тещиных блинов» были разными, однако главный момент сохранялся – молодые должны были навестить дом родителей невесты («ездили к теще на блины»). Как отмечают жители Рузаевского района: «Зять жил у тещи три дня» [2]. С этого дня начинались уличные гулянья, вечерки с песнями и плясками, катания с горок. По традиции, на Масленицу мордва строили карусель, напоминающую форму солнца [22, с. 200-201]. Вечером в последний день праздника ходили прощаться ко всем родным; ели там яичницу [23, л. 281-290]. С праздничной едой ходили в последний день Масленицы, в так называемое Прощеное воскресенье к родным и знакомым («давали милостыню») и просили при этом друг у друга прощения, а затем в знак полного примирения целовались [25]. Также и в каждой семье младшие просили прощения у старших. Обычай «прощения» был распространен среди всего русского населения России. Он связывался с духовным очищением от всех прегрешений, шедших вразрез с нравственными устоями крестьянской жизни [27, с. 134-135]. Повсеместно в воскресенье отмечается обряд сжигания соломенного чучела. В Zubovo-Полянском районе этот обряд существует до сих пор. Жители села Потьма в карман платья, одетого на соломенное чучело, кладут записки с желаниями. Сгоревшая в огне записка должна привести к исполнению загаданного желания [33].

Выводы. Как видно из приведенных примеров, календарные зимние праздники в большинстве своем проводились на открытом воздухе, с элементами подвижных игр, катаний, гуляний и включали культуру межкультурной коммуникации путём общения представителей (украинцев, русских, мордвы) различных культур.

Наблюдаются и особенности межкультурной коммуникации, сложившиеся в результате миграции, инкультурации и ассимиляции. Язык народов (украинцев, русских, мордвы) проявляется во время колядований, пений, разговорной речи и способствует передачи мыслей населения в целях общения друг с другом [21]. На наш взгляд, исследования межкультурной коммуникации и языковой традиции в структуре зимних календарных праздников, а в целом и традиционной культуры в общественной жизни украинцев, русских и мордвы, проживающих в Республике Мордовия имеют и практический смысл. Народы живут в дружбе и согласии, а это значит, что межкультурные коммуникации и языковые традиции общения развиты, заслуживают одобрения и дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Абрамов И. Черниговские малороссы. Быт и песни населения Глуховского уезда (Этнографический очерк) / И. Абрамов. – СПб., 1905. – 86 с.
2. Арюкова Анна Акимовна, 1932 года рождения, пос. Рузаевка, записи 2006 г.
3. Ауновский В. А. Этнографический очерк мордвы-мокши / В.А. Ауновский // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. – Симбирск: [Б.и.], 1869. – С. 87-107.
4. Баннова Наталья Григорьевна, 1925 г.р., с. Петровка Дубенского района, записи 2008 г.
5. Березина Зинаида Степановна, 1939 г.р., с. Рождественное Ичалковского района, записи 2007 г.
6. Большая медицинская энциклопедия: [в 30-ти т.]. Гл. ред. Петровский Б.В. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – Т. 15. – 575 с.
7. Бусыгин Е. П. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья / Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. – Изд-во Казанского университета, 1973. – 165 с.
8. Ветчинникова Ольга Петровна, 1933 г.р., с. Софьино Ельниковского района, записи 2006 г.
9. Л – 56. Мордовские песни, исторический, лингвистический и др. материалы, извлеченные из личного архива М.Е. Евсевьева. на 397 л.
10. Жалмина Нина Николаевна, 1936 г.р., с. Красино Дубенского района, записи 2008 г.
11. Закатей Александр Васильевич, 1955 г. р., с. Лопатино Лямбирского района, записи 2006 г.
12. Закатей Василий Иванович, 1930 г.р., с. Лопатино Лямбирского района, записи 2006 г.
13. Имайкина В. Л. Традиционные народные праздники мордвы / В.Л. Имайкина // Мордва: историко-этнографические очерки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – 264 с.
14. Круш Надежда Тимофеевна, 1927 г.р., с. Лопатино Лямбирского района, записи 2006 г.
15. Кулаева Тамара Григорьевна, 1931 г.р., с. Лопатино Лямбирского района, записи 2006 г.
16. Куликова Вера Константиновна, 1925 г.р., с. Сабур Мачкасы Чамзинского района, записи 2005 г.
17. Лазарева Анна Ивановна, 1927 г.р., пос. Потьма Ельниковского района, записи 2006 г.
18. Макарова Валентина Васильевна, 1953 г.р., с. Лопатино Лямбирского района, записи 2006 г.
19. Максимович М.А. Дни и месяца украинского селянина / М.А. Максимович. – Собр. соч. – 1977, Киев. – Т. III.
20. Маркевич Н. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян / Н. Маркевич. – Киев, 1860. – 133 с.
21. Межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] // URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%>.(дата обращения 29.03.2011).
22. Мордва: историко-этнографические очерки // НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР / отв. ред. В. И. Козлов и др. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. – 336 с.
23. НА ГУ НИИГН, Л – 281. Пешонова В.Л. Фольклор, собранный в Ульяновской, Куйбышевской, Оренбургской областях и Татарской АССР. на 643 л.
24. НА ГУ НИИГН. Л-51. М. Е. Евсевьев. Частушки, плясовые и детские песни и игры; моляны. – 232 л.
25. Першина Пелагея Григорьевна, 1915 г.р., с. Резоватово Ичалковского района, записи 2006 г.
26. Прокопьева Ульяна Ивановна, 1929 г.р., с. Лопатино Лямбирского района, записи 2006 г.
27. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования) / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2004 – 176 с.
28. Пшеничникова Мария Ивановна, 1939 г.р., с. Свинь Краснослободского района, записи 2006 г.

29. Сеняева Елена Николаевна, 1924 г.р., Арх – Галицино Рузаевского района, записи 2008 г.
30. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX вв. / В.К. Соколова. – М.: Наука, 1979. – 287 с..
31. Удалкина Екатерина Васильевна, 1926 г.р., д. Трусовка Рузаевского района, записи 2006 г.
32. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: календарно-обрядовая поэзия и заговоры. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – Т. 7. – Ч. 3. – С. 67-69.
33. Уткина Антонина Михайловна, 1931 г.р., пос. Потьма Зубово – Полянского района, записи 2007 г.
34. Чудайкин Михаил Федорович, 1934 г.р., пос. Потьма Зубово – Полянского района, записи 2007 г.
35. Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник / А. А. Шахматов. – СПб., 1910. С. 90-91
36. Шебаринин Николай Петрович, 1931 г.р., пос. Кемля Ичалковского района, записи 2007 г.;
37. Шемет Пелагея Васильевна, 1927 г.р., с. Лопатино Лямбирского района, записи 2008 г.

Никонова Л.И., Кандріна І.А., Романова М.Н. Культура міжкультурної комунікації та мовної традиції в календарних святах зимового циклу // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.157-164.

Календарні зимові свята є вираженням міжкультурної комунікації завдяки спілкуванню представників різних культур.

Ключові слова: *свята, міжкультурна комунікація, мова спілкування.*

Nikonova L.I., Kandrina I.A., Romanova M. N. Culture of intercultural communications and language tradition in calendar holidays of the winter cycle of ukrainians, russian and mordvinians, living in republic mordovia // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.157-164.

Calendar winter holidays include culture of intercultural communications by dialogue between representatives (ukrainians, russian, mordvinians) of various cultures.

Key words: *ukrainians, russian, mordvinians, holidays, intercultural communications, dialogue language, friendship, the consent, Republic Mordovia.*

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

УДК 378.14 + 81'25

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Осипов П. И.

*Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского,
г. Николаев, Украина*

В статье рассматриваются социолингвистические особенности перевода и его лингвистические категории – контекст, семантика, лексика, прагматика, риторика, – а также проблемы межкультурной коммуникации, предполагающей общение носителей разных языков и культур.

Ключевые слова: *перевод, категория, язык, культура, межкультурная коммуникация.*

Процесс перевода, возникший в период формирования разных языков и имеющий тысячелетнюю историю, отмечен постоянными усилиями, направленными на преодоление языкового барьера в различных сферах человеческого общения – экономической, политической, социальной и др. Без посреднической функции перевода невозможна передача информации в области философии, науки, литературы, религии, спорта. Изучение перевода как предмета и как отдельной отрасли науки приводит подчас к различному, а порой – несовместимому пониманию отдельных направлений и теорий перевода.

Цель – рассмотреть социолингвистические особенности перевода и его лингвистические категории – контекст, семантика, лексика, прагматика, риторика, – а также проблемы межкультурной коммуникации, предполагающей общение носителей разных языков и культур.

Актуальность. Анализ последних исследований феномена и процесса перевода [2; 6; 7] свидетельствует о том, что данный вопрос далеко не исчерпал своей проблематики, т.к. даже в определениях процесса его исследования варьируются такие выражения как: англ. theory of translation, translation theory, translation science, translation studies, translatology; нем. Übersetzungswissenschaft, Übersetzungstheorie, Translationslinguistik, Translationwissenschaft, Translationstheorie, Translatologie, Translatorik и др.

Известно, что качество литературного перевода не всегда является безупречным [5]. Это объясняется не только недостатком теоретических знаний и межкультурной компетенций переводчика, но и внешними (экстралингвистическими) обстоятельствами, на которые он не влияет. К таковым, в частности, относятся часто проявляющийся дефицит времени и «давление» заказчика, имеющего определенное предубеждение относительно текста оригинала, отход от которого не всегда позволяет отстаивать принципы перевода и учитывать точку зрения переводчика.

Рассматривая перевод как процесс и как результат, укажем на некоторые проблемы: 1) проблемы, связанные со спецификой исходного текста (с учетом особенностей индивидуального стиля и выразительных средств языка); 2) прагматические проблемы перевода, возникающие на основе контраста экстратекстовых факторов обоих языков; 3) культурно-специфические проблемы перевода; 4) контрастивно-лингвистические проблемы, связанные с особенностями структуры выходного и целевого текстов.

Основным положением процесса перевода с учётом его ментально-психологического фактора и лексико-семантических особенностей может служить понимание текста как определённого творческого действия, направленного на исходный текст, подлежащий переводу, и целевой текст, на который осуществляется перевод. При этом процесс перевода воспринимается всегда функционально и тематически очерченным; он происходит сознательно, планомерно, реализуя своё главное назначение: обеспечение необходимой информацией и установление коммуникации между представителями разных языков и культур.

Переводимые тексты представляют собой сверхсуммарные, многоплановые единства, которые необходимо сначала понять, и лишь затем приступить к переводу. В этих условиях варианты перевода могут базироваться на отдельных переводческих категориях. С позиций герменевтики понимание текста является процессом, при котором происходит мобилизация и пополнение уже имеющихся знаний, потому что только на базе уже усвоенного линии «своего» и «чужого» становятся все более размытыми и все более объединяющими переводчика и текст. В этом плане мы разделяем мнение ряда лингвистов [4; 7], рассматривающих герменевтику как основополагающее измерение перевода. При этом текст понимается как целое и таким же цельным должен быть перевод.

Абсолютных критериев эквивалентности текста и его перевода, однако, не существует. Переводчик стремится лишь к оптимальному смысловому единству обоих текстов, где единицей измерения служит содержательная точность текста, с одной стороны, и целенаправленная, ориентированная на адресат адекватность перевода – с другой. К тому же перевод должен быть выполнен идиоматически правильно и без труда восприниматься адресатом.

Процесс перевода требует от исполнителя выбора определенных языковых решений, которые не могут быть абсолютными и окончательными, но которые должны привести к оптимальному предварительному результату. В лингвистике, особенно в лингвистике текста и семантике, выработаны отдельные подходы в исследовании, которые являются определяющими в процессе перевода. К таковым относятся лингвистические категории: *контекст, семантика, лексика* – для рецептивного аспекта понимания и *прагматика, риторика* – для продуктивного аспекта формулирования.

Критерием оценки качества перевода является его адекватность, одной из предпосылок достижения которой является холистический подход к тексту, т.е. понятие целостности текста как по отношению к оригиналу, так и к переводу. Целостность обозначает при этом некоторое когерентное образование, отдельные конститuentы которого подчинены значению целого. Когерентный текст

подчиняется законам грамматики и синтаксиса, образуя структурированное языковое единство. Релевантным для понимания текста является, однако, не только его синтаксический строй, но и текстовые факторы, т. е. контекст. Тексты являются лишь частью на фоне огромного целого внеязыковой действительности. К контексту относится исходная ситуация, на которой строится текст, его (текста) целеустановка, а также внеязыковое поле, включающее в себе факторы, которые известны говорящим. Сюда относятся культурно-специфические стереотипы и социокультурное окружение, которое находит свое выражение в естественных, исторических, культурных, религиозных, социальных, экономических, политических, технических, индивидуальных и окказиональных факторах.

Каждый текст отличается особым тематическим построением и конституируется от начала до конца отношениями между его лексемами.

Однако, поскольку не синтаксис, а лексика является центральной составляющей языка, то и эти отношения – не грамматического, а семантического свойства. В то же время тематически ориентированные лексемы относятся к определенным группам слов, объединенных общим понятийным признаком. Таким образом, происходит семантическая селекция, определяющая содержательную лексическую солидарность / совместимость единиц текста (англ. *compatibility*, нем. *Kompatibilität*).

В процессе перевода определяющим является не только потенциал значений слов, но и их социолектное и специальное функционирование.

Возникает, таким образом, вопрос профессиональной лексики, где речь идет не только о терминологии, но которая является инструментом познания и служит для фиксирования и передачи наблюдений, гипотез и теорий, развивающихся по мере совершенствования методов исследования и самой науки о языке.

Особо важным в процессе перевода является прагматический аспект, определяющий для кого и с какой целью осуществляется перевод [5; 8]. При этом целевое назначение текста может также меняться. Заказчик может, например, потребовать обобщенной оценки текста, что предполагает его глубокое понимание и экспликацию основных моментов. Наряду с этим, для ученого-языковеда более важным может казаться филологическая адекватность перевода. Наибольших изменений претерпевают, однако, тексты рекламы, структура которых меняется в той мере, насколько это требует оптимизация получаемого эффекта.

Существенной предпосылкой корректности перевода являются познания в области риторики или искусства говорения (греч. *rhētorikē téchnē*) и знание переводчиком риторических фигур, представляющих собой виды запланированных синтагматических отклонений от нормальной последовательности языковых элементов [1]. Такие вариации могут затрагивать все единицы языковой системы и эксплицируются в таких языковых явлениях как повтор(ение) – аллитерация, полиптотон, параллелизм, порономасия; расширение / распространение – парантеза, плеоназм; сокращение / сжатие – апокопа, эллипс, цойгма; перестановка / пермутация – палиндром, анастрофа, гипербатон. Сюда относят также замещение / субституцию – тропы, риторические вопросы, пролепсы и др.

Названные лингвистические категории играют решающую роль при переводе. В различных текстах их применение абсолютно отличается, в то же время они тесно связаны между собой. Значительную роль играет также экспликация культурно-специфических особенностей исходного и целевого текстов. Задача переводчика заключается в том, чтобы заложенная отправителем информация была без труда понята адресатом, и этот процесс усложняется по мере роста языковых отличий, обусловленных историческими, географическими, культурными, экономическими и другими причинами. Переводчик становится, по сути, посредником не только между языками, но и культурами, у которых расхождения являются как причиной, так и следствием отличий менталитета соответствующих наций. Нередко переводчик, недостаточно ознакомленный со спецификой национальной культуры, которая имманентно проявляется в тексте исходного языка, осуществляет описательный перевод, при этом иллюзия автора не соответствует тексту.

Выводы. Таким образом, проблемы понимания текста являются зачастую проблемами понимания культуры, и истинным переводчиком может быть только тот, кто наряду с глубокими знаниями языка уверенно чувствует себя в обеих культурах [3]. Это составляет квинтэссенцию «межкультурной коммуникации» как отдельной отрасли науки, тесно связанной с теорией перевода, социологией, философией, психологией, историей, религией, литературой, этнологией, степень познания которых определяет уровень межкультурной компетенции переводчика. В практическом плане это означает возведение моста между сообщением или идеей исходного текста и коммуникацией с представителями других народов и культурных слоев, иных социальных систем и языков с различным грамматическим строем.

В языковом пространстве каждого языка репрезентировано большое количество речевых оборотов, идиом, крылатых выражений, которые не имеют соответствий в других языках; перевод и трактовка таких явлений требует от переводчика широкой лингвистической эрудиции и глубоких познаний в различных социально-культурных сферах. Больших лингвокраеведческих знаний, осознания культурных расхождений требуют от российского реципиента такие английские выражения как, например: blue beard, blue stocking, pillars of society, Hobson's choice, time is on our side, time is money, happiness takes no note of time, what will Mrs. Grundy say, something is rotten in the state of Denmark, much ado about nothing, to be or not to be, civil disobedience, Uncle Sam, the lost generation, kidnapping, my home is my castle; немецкие выражения Gnade der späten Geburt, Wirtschaftswunder, auf Mallorca überwintern, aus der Kirche austreten, Kaffeefahrten, reingehen wie Blücher, den alten Zopf abschneiden, alter Schwede, blauer Brief, jmdm. den Laufpass geben. Подобные явления имеют место и в русскоязычном пространстве. Эти и другие вопросы ждут своего разрешения, а проблематика культурных дифференций не может быть вообще исчерпанной.

Список литературы

1. Bussmann Hadymod. Lexikon der Sprachwissenschaft. – Alfred Kröner Verlag Stuttgart, 1990. – 903 S.
2. Einführung in die neuere deutsche Literaturwissenschaft. – Erich Schmidt Verlag Berlin, 2006. – 291 S.
3. Goodenough, W. Cultural Anthropology and Linguistics // Language in Culture and Society. A Reader in Linguistics and Anthropology. – New York, 1964. – P. 36-40.

4. Nord, Christiane. Textanalyse und Übersetzungsauftrag // Übersetzungswissenschaft und Fremdsprachenunterricht. – Goethe-Institut München, 1989. – S. 95-119.
5. Reiss, Katharina. Übersetzungstheorie und Praxis der Übersetzungskritik // Übersetzungswissenschaft und Fremdsprachenunterricht. – Goethe-Institut München, 1989. – S. 71-93.
6. Snell-Hornby, Mary. Eine integrierte Übersetzungstheorie für die Praxis des Übersetzens // Übersetzungswissenschaft und Fremdsprachenunterricht. – Goethe-Institut München, 1989. – S. 15-51.
7. Stolze, Radegundis. Übersetzungstheorien. – Gunter Narr Verlag Tübingen, 2008. – 285 S.
8. Wilss, Wolfram. Übersetzungsunterricht. – Gunter Narr Verlag Tübingen, 1996. – 229 S.

Осіпов П. І. Соціолінгвістичні особливості перекладу в контексті міжкультурної комунікації // Ученіє запискі Таврічського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.165-169.

У статті розглядаються соціолінгвістичні особливості перекладу та його лінгвістичні категорії – контекст, семантика, лексика, прагматика, риторика, – а також проблеми міжкультурної комунікації, яка передбачає спілкування носіїв різних мов і культур.

Ключові слова: *переклад, категорія, мова, культура, міжкультурна комунікація.*

Osipov P.I. Sociolinguistic features of translation in the context of intercultural communication // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.165-169.

The article deals with the sociolinguistic features of translation and its linguistic categories, such as context, semantics, lexical units, pragmatics, rhetoric, as well as the problems of intercultural communication, which suggests the intercourse between representatives of different languages and cultures.

Key words: *translation, category, language, culture, intercultural communication.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 861.111

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КОНЦЕПТА «ДОМ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Панченко Е.И.

Днепропетровский национальный университет, г. Днепропетровск, Украина

В статье рассматриваются группы слов, которые являются лексическим наполнением концепта «Дом», и их лексикографическое толкование. Сопоставляются определения слов в английских и русских словарях.

Ключевые слова: *словарь, дефиниция, концепт.*

Данная статья находится в русле важнейших исследований, поскольку концепт «Дом» является одним из наиболее значимых как для русской, так и для английской культуры, а его лексикографическое отражение является научно зафиксированным и общеязыковым свидетельством его сущности.

Концепты и их лингвистическое воплощение являются предметом значительного количества научных произведений, а концепт «дом» неоднократно становился предметом изучения в работах этнографического и культурологического характера (А.К. Байбурин, А.С. Будилович, Н.Н. Воронин, Д.К. Зеленин и др.), но, насколько нам известно, сопоставление данного концепта в русском и английском языке на лексикографическом материале еще не проводилось.

Целью данной статьи является анализ лексикографического представления ряда лексем, входящих в концепт «Дом» в русском и английском языках.

Лексема «дом» в русском языке известна в значении «жилое здание, строение, жилое пространство человека» [1, 1, с. 425]. В словаре В. Даля дом – это изба, крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками. В настоящее время в литературном языке это слово обозначает родовое понятие и ассоциируется в языковом сознании с сооружением из камня, либо из кирпича и соотносится с лексемами изба (из дерева) и хата (из глины, первоначально на Украине и в Белоруссии). Последняя лексема, несмотря на свою территориальную закрепленность, имеет также родовое значение «жилище».

Лексема «хата» ассимилирована в русском языке, о чем свидетельствуют пословицы, включающие данную лексему: «своя хатка – родная матка»; «моя хата с краю» и проч. Ее лексикографическое толкование выглядит следующим образом: 1. Крестьянский дом (бревенчатый или мазанка) в украинской и южнорусской деревне. 2. употр. В названиях сельских учреждений (нов.) хата-читальня, хата-лаборатория.

Лексема дом является более нейтральной, хотя дом как особый тип строения можно квалифицировать по основному материалу для постройки, а также по способу его обработки.

Слово изба, первоначально зодческий термин, так же, как хата и дом, прижился в русском языке, о чем свидетельствует ряд устойчивых словосочетаний. Дом, изба и хата – слова нейтрального значения, которые означают место, где живут, жилье.

Распространенными названиями жилища вообще на Руси были и два других древнерусских зодческих термина – хоромы и палаты. Как отмечено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, хоромы – «здание деревянное, а палаты – каменное (ср. поговорку «от трудов праведных не наживешь палат каменных)». Этимологические словари М. Фасмера и А.Г. Преображенского также связывают происхождение слова палата (полата) с греч. *palation* от лат. *palatum*, что в английском языке дало слово «*palace*». Слово палатка ‘временное строение из непромокаемой ткани’ произведено от палата, первоначально, по-видимому, ‘роскошный шатер’, что было древним заимствованием из средне-греческого *παλιον* от лат. *Palatium* ‘дворец, покой, шатер, дом, обитель’, полаты – ‘хоры в церкви’ [2, 3, с. 307].

Слово здание ‘большое строение, дом, домина, хоромы, палаты, дворец’ [3, 1, с. 675] заимствовано из церковнославянского ЗДАТЬ. Современная форма настоящего времени создаю [2, 2, с. 89], так же как и лексема здо ‘кров, дом’ от – здать ст-слав.ЗДАТИ, ЗИЖДЮ; русск.-цслав. ЗЪДЪ ‘глина’ *зьдъный (зедный), прилаг. ‘глиняный’ [2, 2, с. 89].

Перечень менее распространенных слов, входящих в концепт «Дом», помимо приведенных выше, можно продолжать. Таким образом, наиболее распространенные слова, лежащие в основе концепта «Дом», в большинстве своем характеризуют жилище с точки зрения его внешних, архитектурных особенностей.

Следующей частью нашего исследования являются лексемы, составляющие ядро концепта «Дом» в английских словарях. Из англо-русского (Мюллер 1999) и англо-английских толковых (MACMILLAN English Dictionary 2003; OXFORD Advanced Learner’s Dictionary 2000) словарей мы отобрали следующие единицы.

Dwelling – 1) жилище, дом; 2) проживание. 1) a house, flat/apartment, etc. where a person lives.

Abode – 1) жилище, место жительства. 1) the place where you live : residence.

Accommodation – 1) помещение, жилье; стол и ночлег; 2) приют, убежище.

1) a place to live, work or stay in; 2) a satisfactory agreement or arrangement between people or groups with different opinions; the process of reaching this agreement.

Habitation – 1) проживание, житье; 2) жилище, обиталище, жилье; 3) поселок.

1) the act of living in a place; 2) a place where people live.

Home – 1) дом, жилище; 2) семья, семейный круг, домашний очаг; 3) отчий дом, родина; 4) приют. 1) the house or flat/apartment that you live in, especially with your family. 2) a house or a flat/apartment, etc., when you think of it as property that can be bought and sold. 3) the town, district, country, etc. that you come from, or where you are living and that you feel you belong to. 4) used to refer to a family living together, and the way it behaves.

House – 1) дом, жилище, здание; 2) религиозное братство, монастырь; 3) колледж университета, пансион при школе; 4) семья, род, дом, династия; 5) гостиница, постоялый двор. 1) a building for people to live in, usually for one family. 2) all the people living in a house. 3) a building used for a particular purpose, for example for holding meetings in or keeping animals or goods in. 4) used in the names of office buildings. 5) a company involved in a particular kind of business; an institution of a particular kind. 6) a group of people who meet to discuss and make the laws of a country. 7) the House of Commons or the House of Lords in Britain; the House of Representatives in US. 8) a group of people discussing sth in a formal debate. 9) the part of a theatre where the audience sits. 10) an organized group of students of different ages who may live in the same building and who compete against other groups in sports competition, etc.

Apartment – 1) меблированные комнаты; 2) комната; 3) квартира. 1) a set of large rooms with expansive decorations and furniture, kept for special purpose or used by someone important.

Residence – 1) проживание, пребывание; 2) местожительство, резиденция. 2) a house, especially a large or impressive one. 2) the state of living in a particular place. 3) (also residency) permission to live in a country that is not your own.

В ходе сравнительного анализа было выяснено, что большинство данных лексических единиц совпадают в таких значениях:

- 1) жилье (accommodation, habitation, home, house, quarters, domicile);
- 2) дом/дом (home, house);
- 3) проживание (dwelling, residence).

Дифференциальными являются следующие значения :

- 1) пребывание; резиденция (residence);
- 2) меблированные комнаты; квартира (apartment);
- 3) религиозное братство, монастырь; колледж университета, пансион при школе; семья, род, дом, династия; гостиница; помещение, жилье (house);
- 4) помещение, жилье, квартира (quarters);
- 5) приют (accommodation);
- 6) родительский дом, семья (home);
- 7) поселение (habitation).

Выводы. Таким образом, в английском концепте менее значимы архитектурные характеристики, больший акцент сделан на функциональном предназначении помещения и его роли в отношении между людьми, то есть даже на лексикографическом уровне можно заметить определенные отличия в менталитете. Текстовая реализация данного концепта может стать перспективой дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2000. – 1536 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4-х т] / В. Даль. – М.: Рус. язык, 1994.
3. Англо-русский словарь / Мюллер В.К. – 24-е изд. – М.: Русский язык, 1995.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Тома I-IV.
5. Macmillan English Dictionary. – London, 2003.
6. Oxford American Dictionary. – New-York – Oxford: Oxford University Press, 1980.

Панченко О.І. Лексикографічний портрет концепту «дім» в російській та англійській мовах // Ученіе запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.170-173.

У статті розглядаються групи слів, що є лексичним наповненням концепту «Дім», та їх лексикографічне тлумачення. Зіставляються визначення слів в англійських та російських словниках.

Ключові слова: словник, дефініція, концепт.

Panchenko E.I. Lexicographic portrait of the concept “house” in russian and english // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.170-173.

The article deals with the groups of words which fill the concept “Home” as well as their lexicographic definition. The definitions of words in English and Russian dictionaries are compared.

Key words: dictionary, definition, concept.

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.

УДК 821.111.09"19"

СЕМАНТИКА СВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В МОРСКОЙ ПРОЗЕ ДЖ. КОНРАДА

Прадиевлянная Л. Н.

*Винницкий государственный педагогический университет им. М. Коцюбинского,
г. Винница, Украина*

*Статья посвящена анализу семантико-стилистического потенциала
светообозначений в создании импрессионистических описаний в морской прозе
Джозефа Конрада. Рассмотрен состав, а также лексические и грамматические
особенности светообозначений.*

Ключевые слова: *импрессионизм, светопись, цветопись, визуальные образы.*

Творчество классика английской литературы первой половины XX века Джозефа Конрада вызывает как широкий интерес читающей аудитории, так и споры исследователей и критиков. Пытаясь определить место писателя в типологии литературных жанров, его называют последователем Флобера и Мопассана, сравнивают с Ф. М. Достоевским и Генри Джеймсом. В его творчестве видят элементы реализма, психологизма, морской экзотики, отмечают традиции романтизма. Объединившись в языке романов Конрада, они «обусловили неповторимый жанровый сплав и определили индивидуальный авторский стиль в создании художественной образности» [6, с. 9].

Актуальность. Наше исследование посвящено изучению импрессионистической тенденции в творчестве писателя, которая проявилась в субъективной манере изображения [7, с. 24], стремлении заставить читателя «видеть» и «слышать» то, о чем повествуется [9, с. 206]. Исследователь творчества Дж. Конрада Джон Петерс, оспаривая мнение о чисто визуальном характере его импрессионизма и о простой имитации живописных техник, видит проявления импрессионизма не только в языке и художественных представлениях писателя, но и в более широких вопросах, касающихся его взглядов на западную цивилизацию, природу универсума и смысла человеческого существования [8].

Сам Джозеф Конрад в предисловии к повести «Негр с Нарцисса» практически составил «манифест литературного импрессионизма» [9, с. 207]: если автор хочет «дотянуться до секретной пружины ответных эмоций» читателя, он должен апеллировать к его способности радоваться и удивляться, ощущать красоту и чувствовать боль. Этот зов должен быть «впечатлением, переданным через чувства, ощущения». Поэтому свою задачу он видит в том, чтобы «силой написанного слова заставить вас услышать, заставить вас почувствовать – и прежде всего/свыше всего – заставить вас увидеть» [13, с. 5].

Итак, импрессионистическая традиция опирается на зрительные впечатления – художники «живописали пространство окружающего мира как цельную световоздушную среду, растворяющую фигуру, предметы» [5, с. 266].

Важнейшими номинантами визуальных ощущений являются светообозначения. Интерес к лексике собственно световой семантики на современном этапе развития лингвистики растет (работы Ж. Ю. Полежаевой, Е. В. Мишенькиной, Е. А. Шумских, Т. В. Григорьевой и др.), в трудах ряда ученых она также рассматривается в рамках концепта белого цвета, где обычно описывается наряду с цветовыми ахроматическими или близкими к ахроматическим терминами, как зависимый компонент в семантике цветообозначений (Василевич, Апресян). В отличие от цветоименований, лексемы световой семантики носят универсальный характер [1, с. 232; 3, с. 11], «являются более мобильными в образовании синкретических значений» [2, с. 43], метафоризируясь, передают внутренние состояния героев.

Светообозначения, являясь основным средством светописи, эксплицируют интегральную сему «физическое явление/признак» и несут функцию живописности, как правило, эмоционально окрашенной, что вызвано достаточно сложной семантикой данной лексики.

Так, в подгруппах собственно родовых понятий света (*light, flash, glare, glitter, spark* и др.), а также концептуально антонимичных им лексем, объединенных семой отсутствия света (*shadow, darkness, gloom, obscurity* и др.), кроме разных типов световых характеристик (насыщенность, излучение, поглощение, отражение и пр. или их отсутствие/приглушенность) актуализируется целый набор дополнительных признаков: тепло, движение, эстетические характеристики. Мы считаем, что именно эти дифференциальные семы в семантическом составе светономинаций позволяют выразить импрессионистическое видение мира.

Целью данной работы является исследование потенциала светообозначений в создании импрессионистического эффекта в произведениях Джозефа Конрада. Свет активно представлен в его творчестве. Для нашей статьи было проанализировано 428 примеров употребления светообозначений, собранных методом сплошной выборки из произведений писателя.

Анализ грамматических категорий позволяет сделать вывод о том, что семантическое поле света в изучаемых текстах создается главным образом субстантивно (60%), значительно меньшими по количеству употреблений являются группы прилагательных света (19%), глаголов (12%), наречий и причастий (менее 9%). Для нас это оказалось интересным наблюдением, противоречащим выводам, сделанным в частности Е. В. Мишенькиной, которая, исследуя национально-специфические характеристики концепта «свет-цвет», указывает: «для обозначения света в ... английском языке чаще используется глагол и его производные: причастия и деепричастия, которые передают свет в динамике, в переходе от одного светового состояния к другому» [3, с. 12]. К аналогичному выводу о преимущественно глагольной репрезентации светообозначений пришла Ж. Ю. Полежаева, изучая феномен света в русском языке [4, с. 4]. Считаем, что такое серьезное отличие в номинациях света в текстах исследуемого автора в целом показательно для прозы импрессионистической направленности. Вслед за художниками поэтов и писателей «влекли такие темы, как солнце, свет, дрожащие отблески, вода, ветер, дождь» [5, с. 17]. Свет, вода, яркие краски стали основными сюжетами импрессионистов.

В группе светолексем с субстантивным признаком наиболее многочисленной является подгруппа «естественный источник света». Представляя в большинстве своем концептуальные понятия (*sun, moon, sunlight, sunbeams, stars, etc.*), данные лексемы приобретают символическую нагрузку, часто представлены

метафорически: солнце – “*the crimson disc*” (13, с. 70), “*blazing little ball of the sun*” (11, с. 110), звездное небо: “*the bestarred black dome of the sky*” (13, с. 75). Сюда же мы включаем небольшую подгруппу образных номинаций (*milky way, celestial body*), не столько, однако, актуализирующих световой признак, сколько эмоционально-образный потенциал: “*the resplendent curve of the Milky Way spanned the sky like a triumphant arch of eternal light, thrown over the dark pathway of the earth*” (13, с. 102).

Одним из основных способов реализации светописы является довольно развернутая система словосочетаний, созданных на основе различных грамматических матриц и актуализирующих семы степени освещенности, яркости, блеска, интенсивности светоизлучения: “*glittering sea*” (13, с. 127), “*blazing sky*” (11, с. 130), “*blinding sunshine*” (11, с. 81), “*its light was dim*” (11, с. 74) “*dark cliffs*” (13, с. 143), “*shadowy water*” (11, с. 60), “*glowing sun*” (13, с. 69).

В целом ряде словосочетаний светономинации контекстуально актуализируют цветовой признак: “*limpid sky*” (13, с. 130) – световой эпитет *limpid* – прозрачный эксплицирует ненасыщенный голубой цвет. Также в сочетании: “*vivid and fleeting rainbows*” (13, с. 58) – световое прилагательное *vivid* (strong and bright – МАК), доминирующим признаком в семантической структуре которого является сема яркости цвета, эксплицирует целую палитру радужных переливов. Указанная способность светообозначений имплицировать цвет, очевидно, может быть объяснена тем, что, как указывает А.Вежбицкая, «все другие цвета лучше видны на свету – «in broad daylight» [1, с. 251]. Поэтому свето-цветовые штрихи можно назвать характерным признаком импрессионистического описания: “*purple glow*” (13, с. 89), “*column of golden light*” (12, с. 294), “*greenish gloom*” (11, с. 82), “*bright green, reedy grass*” (12, с. 275), “*pale light of a dazzling whiteness*” (13, с. 71).

Однако, в отличие от лексики цвета, передающей конкретный цветовой признак, лексика световой семантики более абстрактна, расплывчата, «не обладает определенным цветовым оттенком, это всегда только «намеки» на цвет, который может варьироваться в рамках тона в зависимости от воображения читателя» [3, с. 14], поэтому обладает большим коннотативным потенциалом, и даже в прямом значении некоторые из них актуализируют эмоциональную оценку [2, с. 43]. В атрибутивных сочетаниях: “*sun...unclouded and dazzling*” (12, с. 272), “*the somber splendour of the sky*” (13, с. 71), “*somber sea*” (13, с. 102) в самих светообозначениях актуализируется узуальная коннотативная сема.

В умении создать атмосферу Дж. Конрад имеет мало равных: работая как художник, для которого каждый роман – это произведение искусства [7, с. 29], он окружает свои персонажи утонченными описаниями неба и моря, шторма и тишины, его размышления всегда освещены богатой атмосферой и переданы через действие, свет и тень, отличительный колорит.

Светописные образы Конрада обогащены лексемами, имеющими яркую положительную/отрицательную окрашенность: мелиоративные – “*festal splendour of a black horizon*” (13, с. 102), “*the water shone pacifically*” (11, с. 66); пейоративные – “*sad light of the cloudy evening*” (11, с. 153), “*abyssal darkness of the black cloud*” (13, с. 51), синестетическими, главным образом, визуально-осозательными аналогиями: “*heavy shadows*” (12, с. 295), “*softly luminous sky*” (13, с. 47), “*starry smoothness of the lagoon*” (12, с. 290), метафорическими компонентами, создающими персонифицированные образы: “*vigilant lights- бдительный свет*” (13, с. 143), “*a clear, untroubled, as if symbolic, flame, confident and bright*” (11, с. 23), “*a swarm of stars came out*” (11, с. 20).

Подвижные световые образы эксплицированы лексикой световой семантики благодаря интегральной семе движения в их составе. Так, существительные *glitter*; *shimmer* изначально несут в своем значении мобильный компонент – *a lot of small flashes of light, a gentle light that seems to be shaking* (МАК): “*the glitter of rainbows bursting over the trembling hull*” (13, с. 61), “*darkling glassy shimmer of the sea*” (11, с. 24), “*the streaked glitter of the river*” (12, с. 1).

Наиболее ярко импрессионистическое мировосприятие писателя проявляется в мини-контекстах. Рассмотрим живописный пейзаж, данный в восприятии одного из героев повести «Лагуна». Остановившись на ночлег у своего малайского друга, он узнает о его трагедии – умирает женщина, ради которой он бросил родные места, потерял брата. “*The white man came out of the hut in time to see the enormous **conflagration of sunset** put out by the swift and stealthy shadows that, rising like a black and impalpable vapour above the tree-tops, spread over the heaven, extinguishing the crimson glow of the floating clouds and the **red brilliance** of departing daylight*” (12, с. 279).

Живописная импрессионистичность данной зарисовки проявилась в ее цвето-световой насыщенности. Как на полотнах художников свет и его эффекты становятся главными объектами описания. Заходящее солнце, все еще ярко горящее, охватывает все небо (красота которого дополнительно подчеркнута поэтическим словом – *heaven*) огромным пожаром. Подчеркнем доминирующий признак «разрушительной силы» в семантической структуре существительного *conflagration* – *a very large fire that causes a lot of damage* (МАК). Сочетание *enormous conflagration of sunset* активизирует также фоновые знания и имплицитно яркие желто-красно-малиновые цветовые тона, далее подтверждающиеся в сочетании *crimson glow of the floating clouds*, указывающем одновременно на импрессионистическую рефлексию цвета.

Импрессионистическое мировосприятие проявляется в метафоричности впечатления от картины, увиденной глазами героя (*white man came out of the hut in time to see...*). Наступающая ночь изображена образно, как тени, как черный туман, поднимающийся над вершинами деревьев и тушащий солнечный пожар. Данный образ подвижен (*swift*), персонифицирован (контекст, ассоциируемый с активным деятельностным началом – *extinguish*, и характеристикой, обычно свойственной людям – *stealthy*). Это мгновение заходящего солнца и уходящего дня зафиксировано обобщенно – метафорой *red brilliance of departing daylight*.

Более того, в контексте целой повести данное пейзажное описание приобретает символическое значение, так как проводит параллели с жизнью и душевным состоянием главного героя: смерть любимой женщины стирает надежды на счастливую мирную жизнь. Необычное сочетание *black and impalpable vapour* можно отнести не только к описанию сумерек, но и чувствам героя, узнавшего о трагедии друга.

Выводы. Светопись как элемент импрессионистического описания в прозе Дж. Конрада представлена светообозначениями на языковых участках разной длины (слова, словосочетания, мини-зарисовки), передающими различные состояния световоздушной среды, динамику освещенности и несущими функцию живописности. Светообозначения, наряду с интегральной семой «физическое явление/ признак», содержат эмоциональный компонент, сему подвижности, способны контекстуально актуализировать цветовой признак. Указанные характеристики светообозначений позволяют авторам создавать яркие импрессионистические зарисовки.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: [пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой] / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Гугова Н. В. Семантический синкретизм вкусовых и осязательных прилагательных в языке и художественном тексте: дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. В. Гугова. – Новосибирск, 2005. – 220 с.
3. Мишенькина Е. В. Национально-специфическая характеристика концепта «свет-цвет» в русской и английской лингвокультурной картине мира: автореферат дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «теория языка» / Е. В. Мишенькина. – Ярославль, 2006. – 23 с.
4. Полежаева Ж. Ю. Идея света в русской языковой картине мира (на материале глагольной лексики): автореферат дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Ж. Ю. Полежаева. – Кемерово, 2008. – 21 с.
5. Энциклопедия импрессионизма / [под редакцией Мориса Серюлля и Арлетт Серюлля; пер. с фран. Н. Матяш.] / Науч. ред. и авт. послесл. К. Богемская. – М.: Издательство Республика, 2005. – 295 с.
6. Яковлева И. В. Лінгвостилістичні особливості морської прози Дж. Конрада: автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «германські мови» / И. В. Яковлева. – Львів, 2003. – 25 с.
7. Bloom's Guides: Joseph Conrad's Heart of Darkness/ edited & with an introduction by Harold Bloom. – New York, 2009. – 129 p.
8. Peters John G. Conrad and Impressionism / John Peters. – Cambridge University Press, Cambridge, United Kingdom, 2001. – 210 p.
9. Saunders Max. Literary Impressionism // A Companion to Modernist Literature and Culture. Edited by David Bradshaw and Kevin J.H. Dettmar. Blackwell Publishing, 2006. – С. 204-211.
10. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. 2006. (МАК)
11. Conrad Joseph. Heart of Darkness & The Secret Sharer. With an introduction by Albert J.Guerard. – New American Library, New York and Toronto, 1950. – 160 с.
12. Conrad Joseph. The Lagoon // Joseph Conrad. Tales of Unrest. – Eveleigh Nash & Grayson Ltd, London. – С. 272-297.
13. Conrad Joseph. The Nigger of the Narcissus // Joseph Conrad. Typhoon and Other Stories. Introduction by Martin Seymour-Smith. – London, David Campbell Publishers Ltd, 1991. – С. 3-152.

Прадівлянна Л. М. Семантика лексики на позначення світла у морській прозі Дж. Конрада // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.174-178.

Стаття присвячена аналізу семантико-стилістичного потенціалу лексики на позначення світла при створенні імпресіоністичних описів у морській прозі Джозефа Конрада. Розглянуто склад і лексичні та граматичні особливості світлопозначень.

Ключові слова: імпресіонізм, світло-опис, кольоропис, візуальні образи.

Pradivlyannaya L. Semantics of Light-vocabulary in the Sea Prose of Joseph Conrad // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.174-178.

The article focuses on the analysis of the semantic and stylistic potential of the light-vocabulary in creating impressionistic descriptions in the sea prose of Joseph Conrad. The author studies lexical and grammar peculiarities of the light-vocabulary.

Key words: impressionism, light descriptions, color-descriptions, visual images.

Поступила в редакцию 29.03.2011 г.

УДК 811.111:373 (410)

ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ БРИТАНСКОЙ ШКОЛЫ: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗНАЧЕНИЯ

Саргсян А. Л.

*Республиканское высшее учебное заведение «Крымский гуманитарный университет»,
г. Ялта, Украина*

В данной статье автор предпринял попытку провести контрастивный анализ словарных единиц русского и английского языков, по данной теме рассматривалась возможность имплицировать фоновые знания, входящие в сопоставляемые словарные единицы. Прежде всего необходимо отметить, что сведения о культурном компоненте значения содержатся в самих словарных дефинициях.

Ключевые слова: *имя собственное, классификация, анализ, знание.*

Актуальность. За последние годы значительно выросло число работ, свидетельствующих об интересе и стремлении лингвистов к исследованию языковых явлений в широком экстралингвистическом контексте.

Теоретическое осмысливание данной проблемы неразрывно связано с целями и задачами науки лингводидактики: стремление ученых-методистов найти наиболее рациональные методы преподавания иностранного языка, целесообразностью обучения культуре иноязычной страны через призму языка, его национальное содержание. Однако необходимо отметить, что последние, наиболее значительные достижения, имеющиеся в данном направлении, были сделаны, главным образом, в рамках лингвострановедения в основном на материале русского языка, преподаваемого иностранцам [1]. *Целью* исследования является рассмотрение характерных особенностей, усвоения которых является важным и неперенным условием овладения иностранным языком для общения на данную тему.

Исследования проблемы существования особого компонента в значении слова, который хотя бы в некоторой степени заключал в себе сведения о той социально-исторической действительности, в которой существует и функционирует тот или иной язык, ведутся русскими лингвистами уже на протяжении нескольких десятилетий.

Согласно выдвигаемой лингвистической концепции, содержательный план слова членим и одним лексическим понятием не исчерпывается [3]. Он включает и те непонятные семантические доли (термин авторов), которые вызывают у человека совокупность определенных знаний, сопряженных с некоторым смыслом, и образует тот самый лексический фон, который вместе с лексемой и лексическим понятием составляет структуру слова:

слово { семема {	лексема
	лексическое понятие
	лексический фон

Можно привести множество примеров, доказывающих правильность данной теории. Сравним, например, английское слово “certificate” и русское “аттестат”, единицы, относящиеся к лексике школьного обихода, понятийно можно считать их эквивалентами, так как оба слова включают понятие “документ о среднем образовании”, но данные лексические единицы настолько различаются своими фоновыми знаниями, что возникает сомнение в правильности употребления их в качестве эквивалентных при переводе с одного языка на другой. Если русское слово “аттестат” означает “документ о окончании среднего учебного заведения” и вручается на торжественном выпускном вечере по окончании средней школы, то английское “certificate” представляет собой “документ о сдаче одного или нескольких экзаменов за курс средней школы”. Существует даже такой глагол с соответствующим значением “to certificate”, что означает to give a certificate to, as to one who has passed the exam, а также словосочетание “exam certificate”:

“With this in mind the committee suggests that exam certificates should be issued by the new examining groups rather than by the existing boards and that they should be countersigned by the Department of Education and Science”.

При этом предметы, по которым сдаются экзамены, определяются тем, какие из них изучались учащимися в качестве основных “core subjects” в старших классах средней школы. Экзамены на получение данного документа проводятся, как правило, вне школы специальными органами, часто создающимися при университете или колледже [4].

(NEA) Northern Examining Association – ассоциация экзаменационных комиссий северных районов. Всего в стране 8 таких комиссий (внешних).

Кроме того, в зависимости от того, сколько экзаменов сдается и на каком уровне:

Ordinary level

Advanced level, –

учащиеся получают Certificate of Second Education (CSE) или General Certificate of Education (GCE)

Сейчас правительством введена единая система сдачи экзаменов для детей 16 лет и старше General Certificate of Secondary Education (GCSE)

Анализу были подвергнуты единицы по теме “Образование, обучение в средней школе Великобритании”. При рассмотрении этих единиц определенная часть их выделилась в группу слов, которые можно было бы назвать безэквивалентные, т.к. национально-культурное содержание в этих словах составляет ядро их значения и они обозначают понятия, не имеющие аналогов в нашей действительности.

Colours – цвета школы (2-3 контрастных цвета, характерных для ученической формы)

Granting = banding – распределение учеников по группам streaming в зависимости от их успеваемости

Tripartitism – деление школ на три типа – грамматические, технические и современные

Eleven plus =11+ – отборочные экзамены в 11 с половиной лет, включающие интеллектуальные тесты

Commemoration – день поминовения (день памяти основателей школ, университетов)

May week – две недели в начале июня в конце учебного года

Horsa hut – сборная комната (дополнительное помещение примерно на 35 человек, устанавливалось в послевоенные годы ввиду нехватки школьных зданий и в связи с увеличением срока обязательного образования)

Ономастические реалии – имена собственные, общеизвестные в среде носителя языка.

Eton & Harrow – наиболее известные и престижные

colleges – частные школы

Oxbridge – Оксфордский и Кембриджский университеты [4].

В соответствии с классификацией лексических единиц, имеющих культурный компонент значения, мы рассмотрели сначала слова, относящиеся к безэквивалентной лексике школьного дела Англии. Они интересны особенно со страноведческой точки зрения, т.к. ярко отражают национальные особенности данной лексики, а также дают некоторые исторические сведения из истории образования и просвещения Великобритании (12 лексических единиц).

Не менее интересно было рассмотреть группу слов, относящихся к коннотативной лексике, часто имеющих определенную стилевую окрашенность. Например:

to scive (collog) to bunk off (sl) = to play truant = прогуливать

bear – schoolmaster

coach – (semi-coll) – private tutor

we`ve gone done (sl) – at Oxford & Cambridge = we`ve left the University

old boy (girl) – a former people of a school

“Mock” GCE – an internal exam run schools as a rehearsal for the GCE

bulger – the jargon for the increased number of pupils after the war.

Следует отметить, что порой обнаружение некоторой коннотации, присущей слову, представляло определенную сложность в связи с тем, что она не фиксировалась в словарях, а соответствующий слову иноязычный компонент был лишен подобной коннотации. Сравним, например, английское слово “pupil” и русское “ученик”:

“pupil” – person who is learning in school or from a private teacher

“ученик” – учащийся школы или профессионально-технического училища

Только пронаблюдав употребление английского слова “pupil” в возможных контекстах, а также с точки зрения частности, можно обнаружить, что данное слово имеет некоторый оттенок формальности, не употребляется так широко, как русское “ученик”, и, как правило, очень часто заменяется такими стилистически неокрашенными единицами, как boy, girl, children [2]. Большой интерес с лексической точки зрения имеют также слова с иноязычным эквивалентом, но реалии, обозначаемые ими, существенно различаются. Они составляют так называемую фоновую лексику.

Так, например, согласно словарным определениям, русское слово “школа” и английское “school” можно считать эквивалентными [7]. Однако более подробное рассмотрение данных единиц заставляет нас усомниться в их эквивалентности, во всяком случае, множество примеров из английского языка доказывают, что понятие, входящее в семантику английского слова “school”, значительно шире, чем в русском слове “школа”. Так, например, слову “school” в русском языке при переводе могут

соответствовать различные эквиваленты, имеющие собственную понятийную основу, отличающуюся от понятия, входящего в слово “школа”.

School –

1) училище (art school, drama school etc.)

2) институт (medical school)

3) факультет (the school of Chemistry consisting of Inorganic chemistry, Organic chemistry & Physical chemical Department in Leeds)

4) курсы (language school, driving school)

С другой стороны, в английском языке имеется целый ряд лексических единиц, включающих понятие “школа”, иными словами, рассматриваемое понятие имеет различные лексические средства выражения, существование которых порой обусловлено различными экстралингвистическими факторами:

School –

1) a. College (Ex. Elton College) – исторически сложившееся обозначение некоторых наиболее старых и престижных частных школ.

b. College (Ex. Sixth-form College) – так называется школа последней ступени, включающая два года обучения для завершения среднего образования и получения сертификата.

2) Academy (Ex. Glasgow Academy) – мужская привилегированная частная школа.

3) Kindergarten – a school (pre-school) for developing the intelligence of young children by object lessons, toys, games, singing etc.

4) Department (Ex. the infant(s) department, junior department) – так называются школы для детей, которые входят в состав “primary school” (начальной школы) в качестве двух ступеней обучения [2].

Таким образом, английское слово “school” является понятийно более широким, что отражено, с одной стороны, в более широкой лексической презентации данного понятия в родном языке, а с другой – в понятийной удаленности соответствующих переводных эквивалентов в сопоставленном языке (русском).

Словосочетания “secondary (modern) school” и “средняя школа” также нельзя считать абсолютно эквивалентными, так как в России средняя школа включает и начальную (ее возрастной диапазон 7-17 лет). В Англии же образование в средней школе получают дети от 11 до 18 лет, дети более младшего возраста учатся в “primary school”, которая является самостоятельной школой и не входит в состав средней. Поэтому, как указывают авторы недавно вышедшего пособия, более правильными эквивалентами русского языка будут следующие:

начальная школа – primary department

средняя школа – school или common school.

Следует отметить, насколько важно при обучении иностранным языкам избегать калькирования словосочетаний со словами, в которых имеется культурный компонент значения. Сравним, например, синонимы:

“class” и “form” в значении “группа учащихся”:

class – group of person taught together

form – class in GB school, the youngest boys and girls being in the first class and the oldest in sixth.

Как следует из определения,

“class” – это класс как группа учащихся, а

“form” – предполагает их деление по возрастным ступеням.

Соответственно, будут они отличаться:

“Classroom” – room where a class is taught and keep its books (the word is restricted to primary schools)

“Formroom” – the meanings as classroom but is mainly restricted to secondary schools, where it usually denotes a room used by a particular form for registration.

Или сравним, например, словосочетание “классный руководитель” и “classteacher”. Употребляя их в качестве эквивалентных, легко ввести учащихся в заблуждение, т.к. они обозначают реалии действительности, имеющие существенные различия:

Классный руководитель – Учитель, который отвечает за успеваемость и поведение в классе, проводит родительские собрания, классные часы, контролирует оценки в дневнике [7].

“Class teacher” – a teacher who takes one and the same class for most of its lessons.

Поэтому словосочетание “классный руководитель” будет соответствовать в английском языке “form master” – a teacher who is in charge of a class or a form for purposes of administration.

Как известно, деление на классы “streaming” в английской школе определяется способностями и успеваемостью учащихся, в соответствии с этим буквенные значения А, Б используются для обозначения классов, где учатся наиболее способные ученики, С, Д – со средними способностями, т.к. предполагается, что в течение года возможно перемещение из класса в класс в зависимости от достигнутых успехов, в каждом классе имеется список успеваемости, так называемый “class list”. Англичане, говорящие “class list”, всегда имеют в виду “ranking order in class”, т.е. порядковый номер учащегося по дисциплине. “Class list”, таким образом, отличается от аналогичного словосочетания “список класса” в русском языке своими фоновыми знаниями: как известно, список класса в русской средней школе составляется по алфавиту и остается неизменным в течение года.

Лексический фон представляет собой знания о социальной действительности, является важной составляющей коммуникативной компетенции. Незнание его приводит к многочисленным нарушениям языковой нормы, узуса, а то и просто к построению бессмысленных для данной культуры фраз. Так, например, вопрос учителя: “What did you have to do for homework?” – показался бы странным английским школьникам, они могли бы подумать, что учитель и на самом деле по каким-то причинам забыл, что задавал на дом [7].

Данная фраза, произнесенная на русском языке, не только не является избыточной, но и силу своей повторяемости в учебной аудитории приобрела устойчивый характер, а поэтому может быть причислена к устойчивым формам речевого этикета, выполняющим функцию побуждения (в данном случае вопрос служит установкой на проверку домашнего задания).

Выводы. Очевидно, что языковой коллективный опыт регистрируется в лексике и фиксируется в разного рода словарях, поэтому они безусловно отражают национально-культурное содержание лексики, т.е. дают определенную информацию о культурном компоненте значения слова.

Как доказывают многочисленные примеры, национально-культурное содержание лексики играет важную роль в прикладном языкознании, а особенно в

практике преподавания иностранного языка. Изучение фоновых знаний, объективных способов выделения культурного компонента значения является важной задачей, так как "... включение в лингвистический анализ еще одного измерения – социального дает возможность глубже проникнуть в самую природу языка, полнее выявить условия его функционирования и динамику его развития, позволяет представить в новом свете онтологическую картину языка как общественного явления”.

Список литературы

1. Лингвострановедческая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам. – МГУ, 1971.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., Советская энциклопедия, 1969.
3. Томахин Г. Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения / Г. Д. Томахин // Ин. яз. в школе. – 1980.
4. Oxford advanced learner's dictionary of current English / Ex. A. S. Hornby with assistance of A.P. Cowic J., Windsor L. – Oxford: Oxford univ. press, 1977.
5. Longman of contemporary English. – London: Longman, 1978.
6. Барбарига А. А. Schooling in GB / А. А. Барбавига. – М.: Высшая школа, 1988.
7. [Электронный ресурс] <http://www.yanglish.ru/view/630/>

Саргсян А. Л. Опис лексики британської школи: лінгвокраїнознавчий аспект значення // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.179-184.

У даній статті автор проводить контрастивний аналіз словарних одиниць російської й англійської мов.

Ключові слова: власні імена, класифікація, аналіз, знання.

Sargsyan A. The description of lexicon of the British school: lingvostranovedchnskiy aspect of value // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.179-184.

In this article an author undertook an attempt to conduct the kontrastivnyy analysis of dictionary units of the Russian and English languages, on this topic possibility of implicirovat' was examined base-line knowledges, included in the compared dictionary units. It is foremost necessary to mark that taking about the cultural component of value contained in dictionary defeniciyakh.

Key words: proper names, classification, analysis, knowledge.

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.

УДК 811.512.145.367.7

ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ЗАВИСИМОЙ ЧАСТЬЮ, СОДЕРЖАЩЕЙ НАРЕЧИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

Селендили Л. С.

*Крымский научно-методический центр управления образованием НАПН Украины,
г. Симферополь, Украина*

В статье описаны дифференциальные признаки, выявлены структурные, функциональные и семантические особенности крымскотатарских именных словосочетаний с наречием в зависимой части.

Ключевые слова: *тюркские языки, крымскотатарский язык, синтаксис, именные словосочетания с наречием, структура, позиция, семантика*

Актуальность. Крымскотатарское наречие являлось предметом лексико-грамматического анализа А. Меметова [1, с.137-148] и Г. Аджимамбетовой [2]. Принимая во внимание достижения крымскотатарской лингвистики, наши предыдущие разработки в указанном направлении [3], мы отмечаем, что в крымскотатарском языке функционируют словосочетания, в которых наречие дистантно или контактно связано с главным словом, выраженным именной частью речи. Именные словосочетания, в которых зависимая часть содержит наречие встречаются редко и поэтому представляют особый интерес для научного исследования. Данная разновидность словосочетаний обладает собственными семантическими, структурными и функциональными особенностями. Принимая во внимание факт функционирования указанных конструктов в речи, их абсолютную неизученность и важность при построении речевых конструкций, мы провели научное исследование в вышеуказанном направлении.

Цель и задачи. Обычно наречие рассматривается приглагольным определением. Наша цель заключается в том, чтобы определить значение и функции наречий в структуре именных словосочетаний, принципы построения таких словосочетаний и признаки главного слова, которые обозначает определяемая часть с наречием.

Говоря об именных словосочетаниях, мы имеем в виду словосочетания, построенные на основании подчинительной связи элементов, участвующих в построении предложения, в которых главное слово, выражено именем существительным или именем прилагательным. Однако мы не можем не обращать внимания на именные предикативные словосочетания, которые также являются не только собственно конструктами предложения, но и смысловым корсетом, на котором базируется его предикативность и модальная завершенность, например: **Якъында онынъ догъъан куню, сизинъ азачыкъ дикъкъатынъызны биле пек къадирлегенини озюнъиз яхшы билесинъиз.**

Наречия, обычно являясь приглагольным определением, сочетаются с глагольными частями речи:

- **причастием** – Даа кунеш догъмагъан, лякин салкъын тюшкен, отларнынъ устюни чалчыкъ баскъан, **эрте танъдан турмагъа алышкъан торгъайлар энди ярышмакъта олгъан** кокке котерилип чивильдешип баилагъанлар, кокте исе энъ сонъки балабан йылдыз бир козь киби парылдап йылтырамакъта эди;

- **деепричастием** – Эртеси куню сабадан **башынынъ пек агъыргъанына бакъмадан**, Инсаров истифадаки прокурорнынъ эвине кене барды – в этом предложении интересно взаимодействуют друг с другом глагольные словосочетания с признаком времени, причины, изафет с наречием усиления меры и степени действия в качестве частицы-связки и главное слово-деепричастие;

- **глаголом** – Анълагъаныма **коре, тюневин саба юре эди**, акъшам ялынъыз сув сорады, къарым онъа сув берди, бутюн гедже сандыракълап чыкъты, бизге дивар артындан эшитилип турды: бугунъ **сабадан берли сеси чыкъмай, къыбырдамай эссиз ята**, сьджагъы ойле юксек ки, алла косьтермесин!

Трансформационный метод позволяет представить сложное глагольное словосочетание в составе именного признаком предмета и продемонстрировать возможность синтаксической синонимии, взаимозаменяемость глагольных и именных-отглагольных конструкторов: **Зинаиданынъ дудакълары юмулгъан, козьлери ашагъы алынгъан, онынъ айткъанларыны сускъан алда дингълемекте (1) Зинаиданынъ козьлери ашагъы алынгъан** – главное слово причастие, в зависимой части можно наблюдать изафет и наречие места, характеризующее признак направленности действия; 2) **Зинаиданынъ ашагъы алынгъан козьлери** – именное, изафетное словосочетание, с признаком по направленности действия).

В крымскотатарском языке можно наблюдать омонимию и переходность частей речи, поэтому следует различать словосочетания с прилагательными и наречиями: *Даа омюр девам этер экен, даа бутюн мучелеримиз озь укюмимиз алтында экен, ашагъы чёкюв дегиль де, юкселовде экенмиз, бахткъа мытлакъа ириширмиз!; Бираз раатландым, сачларымны тарадым, усть-башымны низамгъа чектим, чай ичмек ичюн эвнинъ ашагъы къатына эндим.*

Взаимодействуя с препозитивным числительным, наречие образует лексикализованные единицы-числительные приблизительного счета и таким способом подчиняется имени существительному: *Хызметкяр Шубинге чырайыны сытып бакъты. Николай Аремьевич исе фильджанни алып, чайына къаймакъ къойды, он данеге якъын пекстиметни авучына толдурып алды.*

Будучи определением, стоящим в препозиции, в именных словосочетаниях наречие может обозначать следующие признаки:

- **причину-повторение события:** *Гъайрыдан – Шундан сонъ бир кереден гъайрыдан догъув, мына бу ярыкълыкъ янымда сени... сени... корюв, сенинъ сесинъни, нефесинъни... эшитюв... бу бахытны котерип оламайджагъым!;*

- **расстояние:** *Венецияны корьмеген адам оны бильмей; Каналетто да, Гварди де (энъ янъы рессамларны хатырламасакъ да олур) бу кумюш киби темиз, йымшакъ аваны, козьге якъын корю-ниджи, амма узакъ учкъаны, бири-бирине гъает гузель олып къошулгъан ренке-ренкликни тасвирлемеге аджиз-лик этер эди;*

- **направленность:** *Инсаровнен Елена минген гандола – къайыкъ Piva dei Schiavoni '(Скъявони боюнджа сокъакъ (итальянджа)) Дождлар сарайы, Пиациетта янындан яваштан кечип, буюк каналгъа тюшти;*

• **регулярность:** *Кичик-кичик чыракълары къызарып тургъан къайыкълар даа да тынч ве чабик ялдап-кетяйткъан киби; оларнынъ челик бурунлары йылтырайлар, кумюш балычыкълар шекилиндеки ачувлы акъынтыгъа куреклер тылсымлы далалар; тосат-тосат къайыкъчыларнынъ алчакъ сеснен сёйлешикенлери эшитиле (олар шимди йырламайлар); башкъа ич бир тюрю сес эшитильмей;*

• **периодичность:** *Эвельден – Донской монастыри чокъмарынынъ сакин ве махзун сеси тосат-тосат эшитиле, мен исе эп о якъ-бу якъкъа бакъам, динъленип отурам, юрегим насылдыр адсыз-эсапсыз ис-дуйгъуларнен рыкъма-рыкъ толу, анда эписи – кедер де, къуванч да, келеджекни эвельден коре билювде, истек ве омюр дешети – эписи бар эди. – длительная; Елена! Буларнынъ эписи бир кереден шу къызарып тургъан сынъырсыз тертипсизликлер ичинде ёкъ олып кетти – мгновенная;*

• **меру и степень:** *Гузель ве сьджакъкъанлы бир къызынынъ пешине тюшкенде он секиз яшында эдим, лякин бу дерсинъ меним омюримде биринджи кере дегиль де, бу иште баягъы теджрибеси олгъан адамгъа чевирильдим; причем может усилить признаки меры и степени действия: Шаркътаки вакъи-алар чабик инкишаф этип бармакъта; рус ордусы тарафындан князлыкъларнынъ эльге кечириле билюви эр кесни эеджанландыра; дешет эп артып бармакъта, башламасы нек якъынлашкъан дженкнинъ рюзгъары эсип башлагъан эди;*

• **количество:** *Не къадар чокъ шей, не къадар уфакъ язылгъан, окъумагъа исе вакъытым, чарем ёкъ, шимди кетмек керек;*

• **совместность:** *Зинаиданынъ ольгенини эшиткен сонъ бир къач кунъ кечеркен, бизимле бир эвде яшагъан бир фукъаре къартий джан береяткъанда озюмнинъ къайтармакъ мумкюн олмагъан истегимнен онынъ янынъда булунгъаным аля хатырымда;*

• **ментальность и зрительность:** *Бири – йигирми учъ яшларында, узун бойлу, эсмери, тик ве бираз къыйышча бурунлы, кенъ манълайлы, къалын дудакъларында маналы тебессюм ойнамакъта, куль ренкли козьчиклерини азачыкъ кысып, узакъкъа тюшонджели бакъкъан алда чалкъа ятмакъта, экинджиси – сарышын, къувурчыкъ сачлы, о да узакъкъа бакъаркен, эки элини ченгесине тиреген алда юзюкююн ятмакъта эди; Онъа биревлернинъ авесликнен бакъкъаныны дуйгъан балалар бойле япатургъанлар;*

• **качество:** *Мен нафиле ерде артист дегилим;*

• **ограничение/предельность признака действия предмета:** *Кунеш корюне башлагъанда йылдырым сызыкълары эп эксильдилер, оларнынъ титреви сакинлеше-сакинлеше, ахыры-сонъу догъаяткъан кунеининъ нуруна къошулып, гъайып олдылар...*

Вступая в синтаксические отношения с прилагательным или причастием, наречие дополняет признак предмета качественной характеристикой: указанием на степень качества, на время наличия признака у предмета, на ограничение признака в пространственном отношении, например: *Мен озюмни зорнен кычырмакътан токътатып къалдым; Бу гъает сакът, йыртыджы ве айнеджи къушны чокътан берли севмей эдим, тюневин де багъчада доландым, бутюн тена ерлерни козьден кечирдим (къаргъалар меним къаралтымны корьгенлеринен зувгъанлар, узакътан къахылдагъан сеслери эшитильмекте), азбарнынъ сагъ тарафындаки тар*

багъчаны бизим еримизден айырып тургъан дивар янына уютсизден барып чыкътым.

Степень качества, определяемого прилагательным или причастием (иногда самим наречием), может усиливаться и/или вообще сводиться к нулю при помощи:

- **наречия времени** – *энди* (употребляется при указании на признак окончательного совершения, наступления, выполнения чего-либо; при указании на смену места, времени, обстоятельств действия; свидетельствует о наличии признака, существующего на данный момент, к настоящему времени): *Догърусыны айткъанда мен биринджи ве сонъки кере озъ тербиеджимни, алты йыл девамында севген эдим, лякин бунынъ олып кечкенине энди чокъ йылардыр;*

- **наречия усиления, ослабления и отрицания качества** – *адден, пек, чокъ, энъ, кеч, даа, ич*: *Онынъ чиркин чересине бакъып, игрендим, «Адден зияде саде» – деп тюшондим; Бабам даа яш ве пек дюльбер адам олып, анама пек зенгин олгъаны ичюн эвленген, анам ондан он беш яш буюк эди; Мен даа да зияде утандым, лякин онъа бакътым;*

- **наречия цели** – *махсус, энъкъастан, аселет;*

- **наречия достаточности, соответствия каким-либо потребностям, наличия в необходимой мере** – *баягъы*: *Демиде эшиткениме коре, сиз он алты яшында экенсинъиз, мен исе йигирми бир яшындам, корьгенинъиз киби сизден баягъы буюгим, шунынъ ичюн де сиз манъа эр шейни догъру айтмакъ... ве эм меним сёзюмни тутмакъ керексинъиз,– сонъра кене сёзюни девам этти,– къана манъа бакъынъыз, не ичюн бакъмайсынъыз?*

- **наречия непрерывного, непрекращающегося действия**: *Сиз мени даа яхшы бильмейсинъиз: мен пек худжурым; манъа даима догъру сёйлеменъизни истейим.*

Выводы. Таким образом, именные словосочетания с зависимой частью – наречием могут быть простой или сложной структуры; наречие может контактно или дистантно соединяться с главным словом, выраженным именной частью речи; главное слово в рассматриваемых словосочетаниях может быть представлено именем существительным (чаще отглагольным, чем собственно именным), прилагательным и очень редко самим наречием. В рассматриваемых словосочетаниях наречие привносит в словосочетание дополнительный, усилительный, ослабляющий либо отрицательный, признак предмета. Будучи определением, стоящим в препозиции, в именных словосочетаниях наречие может обозначать следующие признаки: причину-повторение события, расстояние, направленность, регулярность, периодичность (длительную и мгновенную), меру и степень (причем может усиливать признаки меры и степени действия), количество, совместность, ментальность и зрительность, качество, ограничение/ предельность признака действия предмета. Взаимодействуя с числительным, наречие образует лексикализованные единицы-числительные приблизительного счета. Вступая в синтаксические отношения с прилагательным или причастием, наречие дополняет признак предмета качественной характеристикой, указанием на степень качества, на время наличия признака у предмета, на ограничение признака в пространственном отношении. Кроме того, степень качества, определенного прилагательным или причастием (иногда самим наречием), может усиливаться и/или вообще сводиться к

нулю при помощи наречия времени, наречия усиления, ослабления и отрицания качества, наречия непрерывного, непрекращающегося действия. Если зависимое наречие глагольных словосочетаний выполняет в предложении роль обстоятельства, то наречие, входящее в состав именных словосочетаний, наравне со всей зависимой частью выполняет функцию определения.

В связи с тем, что фактическая база нашего исследования представлена только 1 параллельным текстом (все примеры извлечены методом компьютерной картографии из параллельных текстов на крымскотатарском и русском языках: Тургенев И. С. Биринджи севги [Роман]; Арфе [Повесть]/ [Рус тилинден У. Эдемванынь терджимеси]. – Т.: Эдебият ве санъат нешрият, 1988. – 224б.), в перспективе исследование данного вида словосочетаний представляется возможным с привлечением более широкого спектра текстов на крымскотатарском языке.

Список литературы

1. Меметов А. Крымтатарский язык. Ч.1. Общие сведения о языке. Ч.2. Морфология: [учебное пособие] А. Меметов, К. М. Мусаев. – Симферополь: Крымчпедгиз, 2003. – 288с. – Бібліогр.: с. 284.
2. Аджимамбетова Г. Лексико-граматичні особливості прислівника в кримськотатарській мові: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.13 "Мови народів Азії, Африки, аборигенів Америки и Австралії" / Аджимамбетова Гульнара Шаїбівна; Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАН України, Київ, 2008 г.
3. Оказ Л. С. Особенности глагольных словосочетаний с зависимым наречием (на материале крымскотатарского языка)/ Л. С. Оказ // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2010. – Том 22 (61), №1. – С.46-51.

Селенділі Л. С. Іменні словосполучення з залежною частиною, яка містить прислівник (на матеріалі кримськотатарської мови) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.185-189.

У статті описано диференціальні ознаки, виявлені структурні, функціональні та семантичні особливості кримськотатарських іменних словосполучень з прислівником у залежній частині.

Ключові слова: *тюркські мови, кримськотатарська мова, синтаксис, іменні словосполучення з прислівником, структура, позиція, семантика.*

Selendili L. S. Noun words combinations with adverbs in the containing part (on the material of the Crimean Tatar language) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.185-189.

This article describes the distinctive features, identified structural, functional and semantic features of the Crimean Tatar nominal word combinations with an adverb in a subordinate part.

Key words: *Turkic languages, Crimean Tatar language, syntax, nominal phrase with an adverb, structure, position, semantics.*

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 808.51:251; 808.5:81'342.9

ПАРАЛІНГВІСТИЧНЕ ЗНАЧЕННЯ ПРОСОДІЇ НІМЕЦЬКОМОВНОЇ ПРОПОВІДІ

Скрипняк Т. Л.

Київський національний лінгвістичний університет, м. Київ, Україна

У статті розглядається паралінгвістичне значення просодії, а також кореляція просодичних компонентів в усному тексті німецькомовної проповіді з їхнім впливом на адресата, досліджена за методом семантичного диференціалу. Паралінгвістична інформація інтенційно передається мовцем за допомогою специфічної реалізації мелодійного контуру, акцентуації, паузації та ритмотемпу як свідомо контрольованих механізмів продукування ефективного мовлення.

Ключові слова: *паралінгвістичне значення, просодичні компоненти, метод семантичного диференціалу, ефективне мовлення, німецькомовна проповідь.*

Актуальність. Просодичні характеристики висловлювання здійснюють мовленнєвий вплив на реципієнта під час сприйняття німецькомовної проповіді. Перлокутивний ефект виникає в результаті специфічної реалізації мелодики, наголосу, паузації, ритму та темпу. Адресат надає прослуханій проповіді особистісного сенсу у вигляді різноманітних асоціацій і вражень, отриманих унаслідок смислової інтерпретації тексту, які трансформуються в конотативне значення.

Просодія є основним елементом, який відіграє значну роль ще до вибору слів та їх дистрибуції мовцем, що конструє форму висловлювання та встановлює зв'язок останнього з аудиторією. «Тон утворює музику» – саме інтонація (тон) складає загальний смисл і значення (музику) будь-якого висловлювання. Інтонація висловлювання є провідником тих соціальних відношень, які існують між співрозмовниками в конкретній ситуації, їх оціночним підсумком і звуковим вираженням соціальної оцінки [1, с. 185]. Модифікація мелодики, інтенсивність і темп мовлення можуть впливати на емоційне значення слова і, навіть коли реципієнт не знає мови, інтонація вказує йому на завершення висловлювання, на найважливіші слова, підкреслені наголосом [4, с. 211-216].

Просодичні чинники, які надають слухачеві інформацію, не контрольовану мовцем, називають екстралінгвістичними, наприклад, хрипота. Вони не мають комунікативного спрямування та не відображають намірів адресанта. Паралінгвістичні фактори, на противагу, інтенційно регулюються мовцем, несуть комунікативне навантаження і можуть передавати афективну інформацію [5, с. 49-54].

У дослідженнях емоцій, де просодія охоплює всі суперсегментні характеристики усного мовлення, застосовують конкретний напрямок і розглядають загальну нерозчленовану частину мовного сигналу як нашарування емоційного

стану [5, с. 55]. Звичайно, у несементному рівні крім емоційного вираження та паралінгвістичної інформації закладена й лінгвістична інформація.

Метою експериментально-фонетичного дослідження є встановлення особливостей реалізації просодичних компонентів німецькомовної проповіді у риторичному аспекті та виявлення паралінгвістичного значення просодії за методом семантичного диференціалу. Просодію висловлювання розглянуто в межах конкретного підходу, який описує кореляції між вимірними перцептивними й акустичними величинами та паралінгвістичною інформацією, що передає емоційний стан мовця, його наміри та настрої.

Перцептивний аналіз фрагментів проповідей аудиторями-інформантами проводиться з метою оцінити характер змін, що відбуваються у суб'єктивному семантичному просторі респондентів під впливом кожної з просодичних характеристик висловлення. Опрацювання даних проводилося за методом семантичного диференціалу [2, с. 45, 153], який базується на явищі синестезії (мислення за аналогією, коли одні чуттєві сприйняття виникають під впливом інших) та є операційним засобом «уловлювання» емоційної компоненти смислу, що сприймається індивідом в об'єктах. Метод семантичного диференціалу уможливило виявлення несвідомих асоціативних зв'язків між об'єктами у свідомості людей і переведення інформації, закодованої не мовними формами, а різноманітними відчуттями, з когнітивного рівня на афективний [3, с. 43]. Цей метод дозволяє знайти систему латентних чинників, у межах яких респондент оцінює об'єкти, що тестуються за бімодальними семибальними шкалами, полноси яких задаються за допомогою антонімів, а також оцінити різницю у сприйнятті адресатом двох фрагментів, що мають однаковий зміст, але іншу просодичну організацію та визначити чи відбуваються зміни у семантичному просторі реципієнта під час сприйняття тексту проповіді.

Людина здатна оцінити об'єкт, який вивчається, проектуючи інтенсивність внутрішнього переживання з приводу об'єкта на задану оцінну шкалу. Поділки шкали фіксують різний ступінь зазначеної якості об'єкта. Шкали, що корелюють між собою, групуються у незалежні чинники, які утворюють семантичний простір.

Валідність експерименту забезпечувалася дотриманням двох умов: контрольованістю змін просодичних характеристик модифікованого тексту, які визначають просодичну реалізацію висловлення, а також контрольованістю просодичних характеристик незалежно від дії семантико-синтаксичних чинників (з цією метою експеримент проводився на однаковому тексті проповіді, у якому змінювалася тільки його просодична організація).

Аудитори-інформанти, прочитавши письмовий варіант уривку проповіді, визначили щонайменше 20 будь-яких прикметників, що відображали ті асоціації, які виникли у них під час сприйняття фрагменту, наприклад, "теплий, доброзичливий, білий, прямий" тощо. Найбільш уживані прикметники тестувалися за семибальними шкалами (-3-2-1-0+1+2+3), полноси яких задано аудиторями-фонетистами вербально – за допомогою антонімів: хорошиий – поганиий, активний – пасивний тощо. Поділки шкали фіксували різний ступінь даної якості об'єкта. Першим членом антонімічної пари виступав такий прикметник, якому властива: 1) відсутність ознаки, наприклад,

direkt – indirekt (прямий – непрямий); 2) негативна характеристика, наприклад, *wohlwollend – missgünstig* (доброзичливий – недоброзичливий).

Інформанти прослухали висхідний і модифікований фрагменти тексту проповіді, що мають змінену просодичну організацію, й оцінили їх за семибальними шкалами.

Зважаючи на те, що мовлення безпосередньо стосується попереднього розуміння реципієнта, у парафіян церкви, які звикли до прослуховування проповідей, критично перевіривши певні гіпотези, виникають відмінні асоціації та формується інша оцінка тексту, ніж у неприхожан. Отже, для чистоти експерименту респондентів поділено на дві цільові групи: парафіян і непарафіян за принципом наявності/відсутності досвіду регулярного прослуховування проповідей.

Кожна з експериментальних шкал займає певне місце у семантичному просторі, що задається виділеними чинниками. Координаторами шкал виступають факторні значення, які відображають загальну оцінку експериментального стимулу (вихідного/модифікованого тексту) за певним чинником (як однієї з осей координат, що утворюють семантичний простір). У результаті аналізу загальної матриці даних виділено 6 чинників: «оцінка», «переконливість», «складність», «активність», «комфортність», «стабільність».

Респонденти оцінюють модифікований варіант тексту за чинником «оцінка» як більш темний, неприємний, небагатий на потенціал, неважливий, нетворчий. За чинником «активність» і «переконливість» реципієнти вважають контрольний варіант проповіді більш претензійним, цілеспрямованим, напруженим, дещо гнітючим, але достатньо дієвим, важливим і переконливим.

У факторі «складність» зі знаком плюс за шкалою переважають якості особистий (у вихідному тексті), шкала «повчальний» має практично однакове навантаження, все ж аудиторі-інформанти вважають модифікований фрагмент більш застарілим, незрозумілим та невідходящим. Що стосується чинника «стабільність», у контрольному варіанті відмічено підвищення таких якостей як прямий, неоднозначний. У респондентів виникають відчуття дискомфорту та відсутності контакту під час аналізу чинника «комфортність» у вихідному тексті проповіді, хоча вони і вважають його більш корисним і доброзичливим.

Висновки. Отримані результати вказують на існування різниці між середніми оцінками за певними шкалами для контрольних і просодично модифікованих стимулів. Просодична модифікація призводить до зниження або підвищення середніх оцінок за деякими шкалами. Експериментальні шкали зміщуються досить суттєво за умови просодичної модифікації тексту, яка здійснює вплив на конотативне значення тексту та на реакції респондентів.

Просодичні характеристики є потужним риторичним засобом, сприяють встановленню зв'язку між мовцем та аудиторією, утворенню певного емоційного фону, здійсненню мовленнєвого впливу на реципієнта, а також появи змін у його поглядах і переконаннях.

Перспективним вбачається встановлення різних ступенів впливу просодичних компонентів на сприйняття реципієнтом усного тексту, виділення змін

в особистісному змісті, який адресат надає прослуханому тексту в результаті специфічної модифікації просодичних компонентів.

Список літератури

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
2. Надеина Т. М. Фразовая просодия как фактор речевого воздействия / Т. М. Надеина. – М., 2003. – 145 с.
3. Петренко В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – СПб.: Питер, 2005 – 480 с.
4. Якобсон Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. Якобсон. – М., 1985. – 276 с.
5. Paeschke A. Prosodische Analyse emotionaler Sprechweise / A. Paeschke. – Mündliche Kommunikation, 2003. – 325 s.

Скрипняк Т. Л. Паралингвистическое значение просодии немецкоязычной проповеди // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.190-193.

В статье рассматривается паралингвистическое значение просодии, а также корреляция просодических компонентов в устном тексте немецкоязычной проповеди с их воздействием на адресата, исследуемая по методу семантического дифференциала. Паралингвистична інформація передається говорящим с помощью специфической реализации мелодического контура, акцентуации, паузации и ритмотемпа как сознательно контролируемых механизмов продуцирования эффективной речи.

Ключевые слова: паралингвистическое значение, просодические компоненты, метод семантического дифференциала, эффективная речь, немецкоязычная проповедь.

Skrypniak T. L. Paralinguistic meaning of prosody in a German sermon // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.190-193.

The article deals with the problem of paralinguistic meaning of prosody, as well as the correlation of prosodic components in the oral text of German sermons with their impact on the recipient, studied by the method of semantic differential. Paralinguistic information is transmitted to the speaker using a specific implementation of pitch contour, accentuation, pauses, rhythm and speech tempo as a consciously controlled mechanisms of producing an effective speech.

Key words: paralinguistic meaning, prosodic components, method of semantic differential, effective speech, German sermon.

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 81'25=00

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ЯЗЫКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Смирнова Л. А.

*Запорожский национальный университет, Крымский факультет, г. Симферополь,
Украина*

В статье анализируется роль перевода в становлении концептуальной, понятийной философии, а также системной историко-культурной традиции интерпретации и понимания европейских мыслительных практик.

Ключевые слова: *перевод, концептуальные языки, философское понятие, философское сознание, украинский философский тезаурус.*

Постановка проблемы. Как форма корпоративного взаимодействия философов разной языковой принадлежности, философские произведения вносят существенный вклад не только в генерацию новых общечеловеческих идей, но и формирование глобального мыслительного пространства, что приобретает особое значение для ранее закрытого для европейских просветительских проектов, лишённого общего с ними «линейного» исторического развития постсоветского сообщества. Вместе с тем, современная ситуация «открытости» отечественной философии для диалога с западной мыслью обнаруживает историческую несоизмеримость научно-гуманитарного и философского опыта отечественной культуры с актуальными традициями европейской философии, для рецепции и глубокого обсуждения которых практически не оказалось почвы ни в украинском языке понятий, ни в языке украинского общественного сознания.

Актуальность. «Заимствованная» природа языка философской и гуманитарной науки, дефицит научной терминологии и концептуального тезауруса, принципиальный (и не свойственный развитым европейским языкам) разрыв между языком науки и «естественным» языком («по М. Хайдеггеру» – языком *Dasein*), отрыв от онтологически-событийного затекста западно-европейского мыслительного опыта XX столетия, отсутствие традиций украиноязычной адаптации философских теорий – вот *наиболее фундаментальные проблемы* научно-гуманитарного перевода, требующие неотложного разрешения.

Ф. Шлеермахер писал о том, что когда народ начинает философствовать, осуществляется новое и значительное развитие и обновление его языка. Между тем, концептуальные языки не возникают спонтанно. Они создаются и обогащаются переводами – в процессе истолкования, интерпретирования и декодирования разноязычных философских текстов, поиска новых средств выражения и новых понятий в языке перевода. О том, как необходим перевод для расширения смысловых возможностей и выразительности родного языка знали ещё, как

свидетельствует Дж. Штайнер («After Babel»), древнеримские переводчики греческих текстов (Квинтилиан, Плиний младший, Сенека младший и др.), которые видели в переводе «упражнения для изощрения ума», победу над оригиналом, автором и собственным языком.

Н.А. Автономова (филолог, философ и переводчик-практик) подметила, что философы попадают в историю через историю философии, но история философии во многом пишется усилиями филологов. Если задача философа – мыслить, то задача переводчика, распространяющего интеллектуальные идеи, «открывать для себя свой родной язык и его ещё неиспользованные ресурсы» (П. Рикёр) [7, с. 10]. При этом задачей переводчика не должно быть «изящество» и «гладкость» языка. («Верные слова не изящны, а изящные слова не верны» (Лао-Цзы). Переводчик не должен бояться экспериментировать с родным языком, «ломать» его, обогащая за счет других языков. Усложнение языка позволяет оперировать более абстрактными понятиями. Чем богаче язык, тем эффективнее мышление. Описывая становление немецкого языка философии, Антуан Берман, французский переводчик, крупнейший историк и теоретик перевода, демонстрировал эффективность такого подхода на примере работ немецких переводчиков эпохи романтизма, которые впервые ввели в немецкий язык усложнённые синтаксические конструкции, калькированные из греческого и латыни, и заложили традиции чрезвычайной открытости немецкого языка к экспериментированию, что и породило феномен продуктивности «немецкого сознания» для разнообразных мыслительных и литературных практик¹.

Практически вся научно-философская терминология, освоенная к настоящему времени национальными языками на постсоветском пространстве, носит заимствованный, «чужой» характер. В различной степени такая ситуация характерна для всех новоевропейских языков (в том числе и для немецкого языка – языка «второй» родины философии), поскольку все европейские философии формировались в процессе многочисленных переводов и адаптаций античных авторов. Однако за время продолжительной исторической самоизоляции советской философии западная философия XX века пережила «революционные» изменения в способе мышления, ознаменовавшие «переход от мира науки к миру жизни» (Г. Г. Гадамер) и «выход» за пределы языка метафизики в язык повседневности. «Естественные» языки доминирующих философских наций, сумевшие стать главным источником актуальных западноевропейских научно-философских смыслопостроений, в результате актуальных общеевропейских дискуссий и своевременных взаимопереводов выработали «свою» концептуальную метафорику и «свои» терминологические соответствия заимствованиям. Всё это способствовало интенсивному формированию национальных символьных языков-понятий (В. Махлин) [5]. Так, например, в немецком языке почти на все научные понятия, заимствованные из греческого или латинского, имеются «свои» немецкоязычные

¹ Стоит упомянуть в связи с этим также и о феномене современной немецкоязычной литературы (Г. Брок, Т. Бернхардт, М. Вальзер, Г. Гессе, А. Дёблин, Х. Додерер, Ф. Кафка, Б. Кронауэр, З. Ленц, М. Мозебах, Р. Музиль, Й. Рот, Ф. Хандке, А. Шмидт, Г. Шпет, Б. Штраус, Э. Эллинек, Х. Н. Янн и др.), в языковом и концептуальном плане превосходящей тексты на других языках и сложной для перевода.

эквиваленты. В русском и украинском языках таких эквивалентов чаще всего нет. При этом многие понятия самого немецкого научно-философского языка практически непередаваемы (или – *условно передаваемы*) на другие языки и, как правило, в современных переводных текстах сохраняются в оригинальном немецком написании: *ein Ansatz* («заход», «подступ», «исходный пункт»), *Entgötterung* («обожествление мира»), *das Fortleben* («живые традиции»), *Historizität/Geschichtlichkeit* («историчность»), *Geschicks* («судьба»), *Geisteswissenschaften* («науки о духе», «гуманитарные науки» – термин, возникший при переводе миллевского термина «*moral sciences*», однако тот смысл, который он приобрёл у В. Дильтея и в немецкой философии XX века, делает его непередаваемым, в том числе и на английский язык) [5, с. 132], *Gestalt* («индивидуальный образ»), *Gestaltung* («изображение»), *ins bare Nichts* («полное ничто»), *Geistesgeschichte* («духовная история»), *neuzeitliche Philosophie* («новая философия»), *Rezeptionsgeschichte* («восприятие», «рецепция»), *Ursprung* («метаисторическое начало»), *Wahn* («иллюзия», «предрассудок»), *Weltwirklichkeit* («мир действительности», «жизненный мир»), *Wirkungsgeschichte* («воздействие»), *Verstehen* («понимание»), *Vertragsbeziehungen* («договорные отношения»), *zwischenmenschlichen* («междучеловеческий»). При этом такие идеологемы, как *Dasein*, *offene Gesellschaft* («открытое общество»), *Weltwirklichkeit* («жизненный мир») или знаменитое фрейдовское понятие *Beziehung*, употребляются в немецкой традиции и современной культуре Запада и как обыденные выражения (так называемое явление эквивокации), подтверждая тезис о том, что (перефразируя слова Й. Хёйзинги) не столько исследующая философия (или эпистема), сколько творящий язык порождает вместе и слова, и понятия².

Как известно, в основу русско-украинского философского тезауруса³ положено три составляющих: старославянский язык (на который с X века переводились сочинения античных, средневековых греческих и византийских мыслителей, таких, например, как Иоанн (Мансур) Дамаскин), латынь и немецкий язык И. Канта, Г. Гегеля, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Ф. Ницше, И. Юнга, З. Фрейда, Г. Г. Гадамера, М. Хайдеггера и других. При этом переводы немецких философов появились в Российской империи довольно поздно – в конце XVIII столетия. Однако именно качественные переводы XVIII века (работы Г. В. Лейбница и Х. Вольфа) и XIX столетия (труды Г. Г. Гегеля и Ф. В. Шеллинга), а также тесная связь российских философов с немецкими стали главным фактором развития русского

² Исследованию философских понятий и их интерпретации с позиции новейшего «историко-понятийного» подхода посвящены, в частности, такие авторитетные периодические издания, как *Archiv für Begriffsgeschichte* («Архив истории понятий», выходит с 1955 года) и *Historisches Wörterbuch der Philosophie* («Исторический словарь по философии», выходит с 1971 года). Суть этого метода формулируется Г. Г. Гадамером (одним из редакторов «Архива истории понятий») в его работе «Истина и метод» (раздел «Язык и образование понятий»).

³ Слова «философия», «философ», «философствовать» появляются в письменных текстах Киевской Руси уже в XI веке, однако о самостоятельности русской философии того времени ещё говорить не приходится.

концептуального языка. Примечательно, что и базовый философский термин «мировоззрение», который появился в русском языке со второй половины XIX века, является калькой немецкого существительного «*Weltanschauung*» (от *Welt* – «мир» и *Anschauung* – «взгляд», «воззрение»). Через переводы Я. М. Боровского, М. И. Владиславлева, Н. Д. Дебольского, Э. В. Ильенкова, А. В. Кубицкого, Н. О. Лосского, В. В. Рынкевича, Н. М. Соколова, Б. Г. Столпнера, Н. Файнгольда, Б. А. Фохта, Г. Г. Шпета, С. Я. Шейнман, М. В. Яковлева и других русский язык усвоил немецкую классическую философскую терминологию, поэтому гегелевские и кантовские тексты русскоязычными переводчиками во многом систематически осмыслены.

Примечательно, что в англосаксонской философской традиции те же самые немецкие философы – Т. Адорно, Э. Блох, Г. Гегель, О. Гаман, В. Дильтей, Ф. Ульрици, И. Фихте, М. Хайдеггер, Ф. Шеллинг, а также испытавшие влияние немецкой традиции Л. Альтюссер, Ж. Деррида и Д. Лукач ассоциируются с принципиальной непереводаемостью их работ на английский язык, в отличие, к примеру, от Ф. Brentano, Л. Вингенштейна, Г. Гельмгольца, Д. Гильберта, Р. Карнапа, Э. Маха, А. Райнаха Ф. Фреге или К. Штумпфа, чьи языковые критерии выходят за рамки классической немецкой философии (на что указывают Б. Смит, С. М. Вебер, Е. Б. Эштон) и демонстрируют общую для Европы постмодернистскую тенденцию к демократизации (упрощению) языка науки и философии. (Чему в немалой степени способствует и популярность английского языка, как наиболее глобализованного средства межкультурного общения: для английского языка характерна линейная структура и ориентация на логику, именно поэтому он удобен как язык науки и межкультурного общения.)

Британская философия, будучи функциональной, ориентирована на опыт и решение проблем, и поэтому англосаксонский философский профессиональный язык, в особенности современный, испытавший влияние расселовско-фрегевской формальной логики, поддается относительно беспрепятственному переводу на все европейские языки. Вместе с тем, классическая немецкая философия, сориентированная на текст и личность, предполагает использование системы искусственных понятий, не допускающих упрощения. Историческая эмотивная (поэтическая, демагогическая) неэквивалентность немецкого и английского профессиональных философских языков, имеющая, главным образом, словообразовательную и грамматическую природу, породила отсутствие между ними общего контекста пресуппозиций. Англоязычный перевод немецкого философского текста неосуществим без пространных сносок и переводческих комментариев⁴, в то время как при переводе работ английских мыслителей (любого стиля) на немецкий язык таких проблем не возникает. Это доказывает, что пределы переводческой интерпретируемости философского текста определяются экстенсией

⁴ К примеру, комментарии Стирлинга, МакТаггарта, Стейси, Мьюэ, Харриса, Леонарда и других к Г. В. Ф. Гегелю, а также Дрейфуса, Гельвена, Келина и Коккельманса (и других многочисленных комментариев на итальянском и французском языках) к М. Хайдеггеру, на которые ссылается Б. Смит [8, с. 136].

его приложения к уже существующему пространству вербальных текстов на языке перевода.

Принято считать, что структурное преобладание существительных, связываемых генитивами, и тенденция к субстанциализации и символизму во многом сблизил русский и украинский языки с немецким, что сделало их более адекватными для передачи содержания именно немецких философских текстов и не всегда подходит для переводов с английского и французского языков, где основной смысловой и грамматической категорией является глагол. Справедливость таких суждений относительна.

Достаточно вспомнить пример с переводом работы С. Франка «Непостижимое». Написав книгу на немецком языке, автор-еврей не смог издать её в фашистской Германии. Переехав во Францию, он переписал её по-русски. Сравнение двух авторских рукописей с очевидностью доказывает, что структура русского языка и его понятийный тезаурус «не позволили» С. Франку выполнить «идеальный» перевод собственной работы и, по сути, поставили перед необходимостью создавать новый текст.

Вместе с тем, относительно более высокая (по отношению к русскому и украинскому языкам) степень абстрактности английского языка действительно может служить объективной причиной неправильного понимания философского текста и неудачного вхождения в его метафизическое пространство. Один из примеров – российское издание книги немецкого философа К. Майнцера «Thinking in Complexity» – перевод, который в 2010 году стал настоящим событием для синергетического сообщества СНГ. Написанная на *английском языке* (что не характерно для современной *немецкой философии*, но отвечает тенденции к глобализации современной науки и стремлению автора к предельной умозрительности суждений), книга вышла под названием «Сложносистемное мышление. Материя, разум, человечество. Новый синтез» (КД «ЛИБРОКОМ», 2009, перевод с английского А. В. Беркова). Этот перевод, где главным переводческим приёмом является конкретизация, создает у читателя ошибочное, основанное на специфическом понимании переводчика представление о понятийной составляющей исходного текста. Примечательно, что оригинальное название книги «Thinking in Complexity» (буквально – «мышление в сложности») осознано ассоциируется с фразеологемой «Dancing in the Rain», являясь по замыслу автора ключевой метафорой книги и обобщая суть воззрений К. Майнцера о том, как мыслить о сложном, понимать сложное, управлять сложностью (контролировать эмерджентность) и прогнозировать «безжалостно нелинейное» (Я. Стюард) эволюционирование сложного мира.

Активное «присвоение» и «закрепление» того или иного философского «понятийно-категориального аппарата» предполагает долговременную и системную переводческую работу и понимание, что современная философия вербализируется посредством разных языков – как индивидуальных (к примеру, языков раннего Э. Гуссерля, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Ю. Хабермаса, М.Фуко), так и общеметодологических философем феноменологии, когнитивного релятивизма, структурализма, неопозитивизма и т.д.

С точки зрения Н. С. Автономовой – филолога, философа и авторитетного переводчика французских структуралистов (Ж. Лакана, Ж. Лапланша, Ж. Деррида, Ж.-П. Понталиса, П. Серио, М. Фуко и других), шестидесятилетний «отрыв» лишил постсоветское философствование своевременной рецепции западного мыслительного опыта, а с ним – и языка феноменологии, психоанализа и экзистенциализма [1, с. 355]. А приверженность к гегельянско-марксистской традиции, тяготеющей к научному рационализму, привела, как отмечает её рецензент В. Махлин («Перевод и образование», 2009), в частности, к полному неприятию и непониманию (по причине отсутствия исторического затекста) концептуального языка современной немецкой научно-гуманитарной и философской культуры (Л. Витгенштейн, М. Бубер, М. Хайдеггер, К. Ясперс). Стоит отметить, однако, что дискуссии философов и переводчиков на тему о «гео-метафизической невозможности феноменологии» в странах СНГ (по выражению М. Маяцкого, употребленного им в предисловии к своему очень качественному переводу текста Э. Гуссерля «Начало геометрии» и «Введения» Ж. Деррида) не мешают активному проникновению феноменологического и экзистенциально-персоналистского языков в постсоветское культурное пространство⁵.

Прочтение и перевод философских текстов предполагает комплексные герменевтические усилия. Выявление области значимых понятий в философском тексте (т.е. стадия анализа ИТ) – задача, которую (хоть и по-разному) решают и философия, и филология, но системное сохранение этих понятий в ПТ с учетом всех «культурно-исторических и лингво-стилистических сложностей подбора и апробирования понятийных эквивалентов» (стадия синтеза ПТ) требует квалификации филолога [1]. Именно филологический подход наиболее эффективен для выстраивания концептуального языка через перевод.

Очевидно, что не всякий иноязычный философский текст способен вносить вклад в формирование языка фундаментальной философии в культуре ПЯ. К примеру, концептуальные схемы И. Канта или современных структуралистов носит преимущественно «интернациональный» характер и не представляют особых проблем для перевода. Такие тексты в большинстве *не являются непереводаемыми* с точки зрения терминологического тезауруса: «*априори*», «*апперцепция*», «*антисипация*» (И. Кант), «*нигрета*» (К.Юм), «*ноэма/ когитатум*», «*жизненный мир*» (Э. Гуссерль), «*квалиа*» (К.И. Льюис), «*дискурс*» (З. Харрис), «*след*» (Ж. Деррида), «*неявное знание*» (М. Полани), «*холон*» (А. Кестлер), «*фаллибилизм*» (Ч. С. Пирс), «*ризома-корневище*», «*номада*», «*тело без органов*» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), «*третий член*» (Ж. Батай), «*мондиализм*», «*симулякр*» (Ж. Бодриар), «*анализант*» (Ж. Лакан), «*апофения*» (К. Конрад), «*специализация*» (Ф. Джеймисон), а также логического синтаксиса и пропозиций, прагматики и так далее. Однако их перевод *не вполне способствует становлению дисциплинарного философского тезауруса* в языке перевода, поскольку чаще всего не создаёт условий

⁵ Самые заметные представители «постмодернистски» ориентированной философии на постсоветском пространстве – В. Подорога («Выражение и смысл», – 1995; «Феноменология тела», 1995) и М. Рыклин («Террорологии», 1992; «Искусство как препятствие», 1997).

для построения новых концептов и языкового развития. Что, тем не менее, нисколько не умаляет их ценности как текстов, репрезентирующих философию как историю идей.

Вместе с тем, есть тексты, перевод которых априори предполагает решение словотворческих лингвистических задач. Такие переводы не могут быть индивидуальными переводческими проектами и предполагают коллективную аналитическую работу, как филологов, так и философов. К примеру, для формирования украинского аналитического языка понятий необходим осмысленный и вынесенный на всеобщее обсуждение перевод таких «терминоёмких» текстов философской западноевропейской классики, как «Наука и логика» Г. В. Ф. Гегеля, «Бытие и время» М. Хайдеггера, «О грамматологии» Ж. Деррида, «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра⁶, работ М. Бахтина, М. Бубера, Б. Вальденфельса, Л. Витгенштейна, Ж.-Ф. Лиотара, Э. Левинаса, М. Мерло-Понти, Ю. Хабермаса, В. Шкловского и других. Однако, поскольку в украинском философском сообществе еще нет устойчивой академической традиции философствования, критерием отбора текстов для перевода часто является не столько современный инструментарий, сколько принцип интересности идеи или текста.

Вопрос о культурной возможности дешифровки философских текстов предполагает комплекс широкомасштабных организационных действий, связанных с:

1) разработкой и становлением концептуальных тезаурусов разных областей мыслительных практик. Необходим специальный проект, координирующий усилия специалистов-лексикологов и философов, работающих над созданием нормативного украинского (многоязычного) философского словаря и его электронного аналога с открытой архитектурой и сопровождением фирмы-производителя;

2) расширением текстологической практики, включающей, прежде всего, навыки работы с текстами на иностранных языках;

3) обучением профессиональных философов герменевтической процедуре прочтения, критического анализа и интерпретации текста;

4) использованием переводческого аспекта в курсе преподавания философии;

5) созданием виртуальной переводческой среды (например, через сетевую «Школу философского перевода»);

6) профессиональным комментированием, рецензированием и обсуждением каждого нового переводного издания и т.д.

В европейской традиции перевод, начавший свою историю как *дословное переложение*, со временем приобрёл статус *толкования, не претендующего на окончательность*. Каждые 30-50 лет появляется необходимость в переводах «нового поколения». Ю. Найда, обосновывая необходимость новых англоязычных переводов Библии (число которых к настоящему времени огромно), утверждал, что они заставляют задуматься, поскольку, пока у англосаксов была Библия короля Иакова, они не думали. Чрезвычайно важно иметь *разные переводы*, чтобы завязался

⁶ По сложности языка главное философское исследование Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто» не уступает хайдеггеровскому «Бытию и времени», что во многом объясняется синтезированием феноменологической и гегелевской парадигм философствования.

хороший спор, полемика. Спор как среди переводчиков, так и среди тех, кому предназначены их тексты. Для формирования национального языка понятий и общественного сознания этот фактор играет значительную роль.

Выводы. Переводы и дискуссии вокруг немецкого, французского и англо-американского постпозитивистского наследия, позволяющие понять общие, порой взаимоисключающие тенденции новейшего европейского мейнстрима, расширяют процесс взаимоосвоения национальных философий. Открытость Украины западному философскому опыту способствует освоению новых понятий, а также формированию украинского концептуального языка в тех областях, где он слабо развит (социальные практики) или почти не существует (новые области науки, новые виды знаний и так далее).

Ценность переводческой составляющей философской науки очень высока. Она призвана не столько преодолеть ситуацию незнания, сколько инициировать переориентацию отечественной философской проблематики, сформировать новые концептуальные подходы, заложить основы философствования средствами украинского языка-реципиента, способствовать становлению самостоятельных отечественных мыслителей. Украинский перевод зарубежной философской классики – одна из приоритетных и широкомасштабных задач, поскольку интенсивность мировых историко-философских практик значительно опережает развитие отечественной историко-философской науки.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Познавание и перевод: Опыт философии языка / Н. С. Автономова; Ин-т философии РАН. – М.: РОССПЭН, 2008. – 704 с.
2. Берман А. Фр. Шлейермахер и В. Фон Гумбольдт: перевод в герменевтико-языковом пространстве / А. Берман // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2000. – №4. – С. 118-129.
3. Бланшо М. О переводе / М. Бланшо // Иностранная литература. – 1997. – №12. – С. 183-185.
4. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики/ Пер. А.В. Михайлова / Г.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1991. – 704 с.
5. Махлин В.Л. Перевод и образование / В.Л. Махлин // Вопросы литературы. – 2009. – №2. – С. 109-168.
6. Майнцер К. Сложносистемное мышление. Материя, разум, человечество. Новый синтез / Пер. с английского А. В. Беркова / С. Майнцер. – М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 463с.
7. Рикёр П. Парадигма перевода / Пер. с немецкого М. Эдельман / П. Рикёр // «Esprit». – 1999. – № 253. – С.8-19.
8. Смит Б. К непереводаемости немецкой философии / Пер. с немецкого Я. Саноцкого / Б. Смит // Логос. – 2000. – № 5-6. – С. 124-136.
9. Франк С. Непостижимое / С. Франк // Сочинения. – М.: Из-во «Правда», 1990. – С. 183-559.
10. Хейзинга Й. Homo Ludens [Человек играющий] / Пер., сост. и Х35 вступ. ст. Д. В. Сильвестрова: Коммент. Д. Ю. Харитоновича/ Й. Хейзинга. – М.:Прогресс -Традиция, 1997. – 416 с.
11. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода / Ф. Шлейермахер // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2000. – №2. – С. 127-145.
12. Chesterman A. Translating between Aristotle and Postmodernism / A. Chesterman // Translation, Acquisition, Use / A.Mauranen & T. Puurtinen (eds.). – LA: AFinLA Yearbook, Jyväskylä: AFinLA, 1997. – pp.51-60.
13. Montgomery S.L. Science in Translation: Movements of Knowledge Through Culture and Time / S.L. Montgomery. – Chicago: University of Chicago Press. – 2000. – 325 p.

14. Steiner G. *After Babel: Aspects of Language and Translation* / G. Steiner. – Oxford: Oxford University Press, 1975. – 520pp.

Смирнова Л. А. Роль перекладу у формуванні концептуальної мови національної філософії // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.194-202.

У статті проаналізовано роль перекладу у становленні концептуальної, поняттєвої філософії, а також системної історико-культурної традиції інтерпретації та розуміння європейських розумових практик.

Ключові слова: *переклад, концептуальні мови, філософське поняття, філософська свідомість, український філософський тезаурус.*

Smyrnova L.A. Role of translation in development of the national philosophy's conceptual language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.194-202.

The article analyzes the role of translation in expansion of conceptual philosophy as well as systematic historic and cultural tradition of interpretation and comprehension of the European thinking practices.

Key words: *translation, conceptual languages, philosophic concept, philosophic consciousness, Ukrainian philosophic thesaurus.*

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 8091

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

Смирнова Т. А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

Опираясь на работы русских и украинских филологов, в статье делаются выводы об универсальности и национальном своеобразии соматических фразеологизмов в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: *соматический фразеологизм, фразеологическая картина мира, языковая картина мира.*

Одной из важнейших функций языка является фиксация опыта познания мира в ходе культурно-исторического развития народов, носителей языков. «Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает её из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную, чтобы не сказать решающую, роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации» [8].

Характерным признаком современных исследований является изучение языка в тесной связи с человеческим мышлением и сознанием. При таком подходе большой интерес представляет изучение фразеологических единиц. Сами фразеологизмы могут, по утверждению В. Н. Телии, «выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения, или указывать на их символичный характер и в этом качестве выступают как языковые экспоненты (носители) культурных знаков. Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [7, с.48-52].

Фразеологический фонд русского и украинского языков давно привлекал внимание учёных: работы А. М. Бабкина, Ф. И. Буслаев, В. В. Виноградова, А. В. Жукова, Молоткова, С. Г. Ожегова, Ю. П. Солодуба, В. Н. Телии, Н. М. Шанского, А. А. Потебни, Б. А. Ларина, В. Л. Архангельского, А. И. Фёдорова, Л. И. Ройзензона, В. М. Мокиенко, Н. Н. Амосовой, Н. Ф. Алефиренко, Д. И. Добровольского, М. М. Копыленко, Г. В. Колшанского, З. Д. Поповой, В. И. Красных, А. М. Эмировой, Ю. Ф. Прадида, Е. А. Селивановой и др. Современные работы по фразеологии, в отличие от работ 60-80-х годов, основываются на лингвокогнитологическом подходе.

Как известно, в древности человек соизмерял окружающий мир с частями своего тела. Используя названия частей тела в переносном значении, люди более

полно передают свои мысли и чувства, поэтому названия частей тела являются важным объектом исследования современной лингвистики.

Впервые в лингвистический обиход термин «соматический» был введен в финно-угроведении Ф. Вакком [3, с.23], который, рассматривая фразеологизмы эстонского языка, имеющие в составе слова названия частей человеческого тела, назвал соматическими. Характерной чертой соматической фразеологии является наличие в языках многочисленных аналогов, очень близких по образной направленности словосочетаний. Эта особенность резко отличает соматические фразеологизмы от других тематических групп единиц фразеологизмов.

Термин «соматический фразеологизм» в применении к материалу русского языка впервые употребляет Э. М. Мордкович в статье «Семантико-семантические группы соматических фразеологизмов» [5, с.244-245].

Причиной постоянного внимания к соматизмам является тот факт, что процесс осознания себя среди окружающей действительности и определение себя как личности человек начал из ощущений, возникающих непосредственно через органы чувств и частей собственного тела. Человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектом, и слова, обозначающие части тела человека, такие же древние, как и само человеческое сознание. С помощью этих «инструментов» познания человек начал ориентироваться в пространстве и во времени, выражая свое отношение к миру. Эталонном пространственной ориентации человека есть анатомическая ориентация его тела: передняя часть – та, где расположены его органы чувств, органы зрения, задняя сторона – сторона спины, отражающая структурный симметризм человеческого тела. А. М. Эмирова выразилась по этому поводу так: «Само человеческое тело является наиболее доступным и изученным объектом наблюдения человека с первых его жизненных шагов. Свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего человеку «удобнее» соотносить, прежде всего, с частями своего тела» [8, с.22].

Взросший в последние годы интерес к проблемам взаимосвязи языка и культуры, языка и этноса способствовал активизации исследований, посвященных языковой картине мира, а также фразеологической картине мира как составной части языковой картины мира. Языковая картина мира есть воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности. В лингвистике концепцию картины мира и способа видения мира разрабатывал В. фон Гумбольдт относительно учения о «внутренней форме» и «духе народа». По мнению В. Манакина, «положения В. Фон Гумбольдта звучат особенно актуально в наше время, когда происходит возрождение и обновление национального духовного богатства народов, неотъемлемую и значительную часть которого составляет их язык».

Фразеологическая картина мира – это один из универсальных способов классификации фразеологизмов, основаниями которой выступают как экстралингвистические, так и языковые их особенности. Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Ярким примером этому служат работы В. Н. Телия «Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» (1996), В.А. Масловой «Лингвокультурология»

(2001), Т. И. Вендиной «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования» (1998), коллективная монография человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» (1988), также исследования Е. М. Верещагина (1982; 1990), В. М. Мокиенко (1986; 1989), В. В. Морковкина (1970), Ю. П. Солодуба (1985; 1990), Э. М. Солодухо (1982; 1989), Р. Х. Хайруллиной (1999; 2000) и др.

На наш взгляд, существование фразеологической картины мира логично, так как под ней подразумевается картина мира, выраженная фразеологическими средствами языка. Фразеологизмы наиболее ярко отражают мировидение и миропонимания носителей данного языка, их культуру. Во фразеологической картине мира содержатся знания человека о мире, его представления о мироустройстве. Особенность таких знаний состоит в том, что они представляют собой не просто аккумулированные знания, а скорее результат их образного переосмысления.

По мнению Ю. Д. Апресяна [1, с. 35-43], языковая картина мира, создаваемая фразеологизмами, антропоцентрическая, это выражается в её ориентации на человека, т.е. человек выступает в качестве меры всех вещей. Значение целого ряда базовых слов и фразеологизмов сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира: *голова колонны, горлышко бутылки, ножка стола, прибрать к рукам, палец о палец не ударить, на каждом шагу и др.*

Актуальность нашего исследования определяется вниманием к проблемам национального самосознания и самовыражения, соотношения языка и духовной культуры, необходимости поиска новых подходов к изучению фразеологии как сокровищницы спектра национальных коннотаций, а также степенью разработанности проблемы.

Новизна исследования заключается в проведении комплексного сопоставления соматизмов украинского и русского языков с учетом межъязыковой эквивалентности.

Цель работы: осуществление семантического анализа соматических фразеологизмов русского и украинского языков, исследование отражений идиотнических черт языковой картины мира обоих языков.

Материалом исследования послужили соматические фразеологизмы, выделенные методом сплошной выборки из «Украинско-русского и русско-украинского фразеологического словаря» И. С. Олейника и М. М. Сидоренко. Их количество составило 696 фразеологических единиц.

Традиционно все соматизмы русского и украинского языков делятся на четыре тематические группы с общим значением: голова, туловище, верхние конечности, нижние конечности.

В. А. Маслова [4, с. 46] пишет, что внешний облик человека складывается из трех составляющих: 1) голова и ее части; 2) тело и 3) ноги.

Мы выделяем четыре компонента соматизмов-фразеологизмов русского и украинского языков. Так, в тематическую группу с общим значением «голова» входят голова, ум, лицо, волосы, нос, язык, зубы, губы, рот, горло, голос, брови, глаза, уши, мозг; в тематическую группу с общим значением «туловище» входят спина, сердце, грудь, печень, живот, кишки, шея, душа; в тематическую группу с общим значением «рука» входят рука, плечо, локоть, кулак, пальцы, жилы; в

тематическую группу с общим значением «нога» входит нога, жили. Активными во фразеобразовании русского и украинского языков проявляют себя соматизмы, связанные с восприятием мира, его познанием и изменением, вызывающие ассоциации с жизнью, чувствами, физическим и умственным трудом, характером человека. Больше всего фразеологизмов среди русских и украинских выделено с компонентом «глаз» (102 единицы). Как русский, так и украинский языки точно отмечают необычную способность глаз – их зрачки находятся в движении, отсюда сочетаемость большого круга глаголов движения со словом «глаза»: *бросить взгляд – кинуть погляд, смотреть трезвыми глазами – дивиться тверезими очима*. Глаза – это орган-инструмент, орган «смотрения». Поскольку 80 % информации о мире приходит через глаза, они считаются важнейшим из органов, в русской и украинской картинах мира им приписывается таинственная магическая сила. Солнце и луна в мифологиях многих народов считались глазами могущественного божества. Такие результаты могут говорить о том, что для русской языковой картины мира и украинской языковых картин мира характерно описание субъекта прежде всего через зрительную оценку. Значительное количество также отмечается со словами голова (русские фразеологические единицы – 36; украинские – 36), рука (русские фразеологические единицы – 40; украинские – 40); нога (русские фразеологические единицы – 25; украинские – 25); сердце (русские фразеологические единицы – 22; украинские – 22), что объясняется не только многозначностью этих лексем, но и тем, что в фольклорных традициях народов и в национальной лингвистической традиции с ними связано множество символов, означающих как определённые понятия и состояния, так и выражение конкретных эмоций.

Человек всегда даёт характеристику объектам действительности, всегда оценивает их. Важно отметить, что при распределении соматических фразеологизмов на те, которые выражают негативную оценку, и те, которые выражают положительную, мы пришли к тому, что количество соматических фразеологических единиц с негативной оценкой превышает количество фразеологических единиц с положительной оценкой как в русском, так и в украинском языках. Почти все русские и украинские фразеологизмы с компонентом «нога» имеют негативную окраску. Это можно объяснить тем, что ноги у язычников-славян считались принадлежностью демонов: *сам черт ногу сломит* (о захлапленном месте) (рус.) – [*Сам*] *чорт спіткнеться (ногу зламає) на чому, де (укр.), встать с левой ноги (иметь плохое настроение)* (рус.) – *Встати лівою ногою (на ліву ногу)* (укр.).

Большое количество соматических фразеологизмов с негативной оценкой среди проанализированных единиц свидетельствует о склонности русских и украинцев обращать внимание на недостатки. Возможно, это подсознательная попытка социумов к усовершенствованию с помощью критики и иронии. Фразеологизмы в данном случае выполняют некую воспитательную функцию. Отклонение от нормы в положительную сторону не вызывают такой острой реакции и не провоцирует на возникновение такого количества фразеологизмов как негативные отклонения.

Также мы выделили двенадцать лексико-тематических групп соматических фразеологизмов сопоставляемых языков: 1. Ум/глупость (*ясная (светлая) голова;*

ясна голова). 2. Характер человека (*горячая голова; горяча голова*). 3. Физическое состояние человека (*валиться (падать), падать с ног; валитися з ніг*). 4. Чувство-состояние (*волосы дыбом встали; волосся дибки стали*). 5. Чувство-отношение (*скалить зубы; гострити зуби*). 6. Умственная деятельность (*голова варит; голова варить*). 7. Портрет (*орлиный нос; орлиний ніс*). 8. Действия и поступки человека (*выбивать почву из-под ног; кидати до ніг*). 9. Социальное положение (*стоять во главе; стояти на чолі*). 10. Степень удалённости от объекта (*нос к носу; носом до носа*). 11. Физическое свойство чего-либо (выделена только среди русских и украинских ФЕ (*жизнь на волоске; життя на волоску*)). 12. Вместительность чего-либо (*до седых волос; до коренів волосся* – вместительность силы, опыта). Следует отметить, что такое тематическое разнообразие свидетельствует, о том, что во фразеологической картине мира представленной соматическими фразеологическими единицами отражены практически все стороны человеческой жизни.

Анализ показал, что русские и украинские фразеологизмы соотносятся как фразеологические кальки, фразеологические синонимы и единицы, разные по значению и по форме. Весомую группу в них составляют межъязыковые фразеологические кальки или выражения, близкие к калькам, т.е. единицы украинского и русского языков, совпадающие и по форме, и по значению. Например, полностью совпадают 295 (85%) русско-украинских единиц:

- *укр. золоті руки / рус. золотые руки;*
- *крутити носом / крутить носом;*

Близкие по значению в украинском и русском языках фразеологические единицы – 83 (18%):

- *искры из глаз посыпались/іскри з очей полетіли.*

Количественно меньшую группу составляют единицы украинского и русского языков, разные по значению и по форме. Например, 22 (6 %) русские и украинские единицы:

- *щиро кажучи / положи руку на сердце;*
- *бісики пускати / строить глазки.*

Вывод. Таким образом, проведённый комплексный лексико-семантический анализ соматизмов русского и украинского языков с учётом межъязыковой эквивалентности позволил выявить степень близости восприятия двумя славянскими народами исследованных реалий (полностью совпадают в двух языках 85% русско-украинских фразеологических единиц; близкие по значению фразеологизмы – 18%; не совпадающие ни по форме, ни по значению лишь 6% русско-украинских фразеологических единиц. Мы можем говорить об общности восприятия мира славянскими народами-соседами.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – 271 с.
2. Вакк Ф. О. Соматической фразеологии эстонского языка. Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей / Ф. О. Вакк. – Баку, 1968. – 23 с.
3. Маслова В. А. Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры / В. А. Маслова. – М., 1999. – 125 с.

4. Мордкович Э. М. Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов: Актуальные проблемы фразеологии / Э. М. Мордкович. – Новосибирск, 1971. – 245 с.
5. Олейник И. С. Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь / И. С. Олейник, М. М. Сидоренко. – Киев: Радянська школа, 1971. – 448 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996. – 516 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Язык как хранитель культуры [Электронный ресурс] / С. Г. Тер-Минасова. – Режим доступа: http://polbu.ru/terminasova_language/ – Название с экрана.
8. Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии (опыт семантического анализа фразеологических единиц). / А. М. Эмирова. – Самарканд, 1972. – 96 с.
9. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян [Электронный ресурс] / Б. А. Рыбаков – Режим доступа: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000031/> – Название с экрана.

Смирнова Т. О. Фразеологічна картина світу російської та української мов (на матеріалі соматичних фразеологізмів) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.203-208.

Спираючись на роботи російських та українських філологів, у статті робляться висновки про універсальність і національну своєрідність соматичних фразеологізмів у порівнюваних мовах.

Ключові слова: *соматичний фразеологізм, фразеологічна картина світу, мовна картина світу.*

Smyrnova T. Phraseological worldview of Russian and Ukrainian languages (on material of somatic phraseological units) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.203-208.

Based on the works of Russian and Ukrainian philology, the article draws conclusions about the universality and national peculiarities of somatic idioms in these languages.

Key words: *somatic idiom, phraseological worldview, language worldview.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 811. 111'25

ДО ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ АНГЛІЙСЬКИХ КОМПАРАТИВНИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ

Тарасова А. В.

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара,
м. Дніпропетровськ, Україна*

В статтє рассматриваются английские компаративные фразеологизмы, лингвокультурологические и семантические особенности их строения и способы перевода на украинский язык.

Ключевые слова: *фразеологизмы, сравнения, образность, способы перевода.*

У статті у загальному вигляді *ставиться проблема* перекладу англomовних компаративних фразеологізмів. Дане питання пов'язане з важливими напрямками дослідження, тому що зумовлюється загальною спрямованістю мовознавчих праць на інтеграцію компаративного й лінгвокультурологічного та семантичного підходів до вивчення окремих фразеологічних систем в українській та англійських мовах, що дозволяє з'ясувати універсальні закономірності та національно-специфічні розбіжності їхнього творення, функціонування у мові та мовленні та засобів перекладу цільовою мовою.

Проблему перекладу фразеологічних одиниць розглядали Л. Г. Авксентьев, М. Ф. Алефіренко, В. В. Виноградов, А. В. Кунін, О. І. Смирницький. Серед західних мовознавців слід відзначити Ш. Баллі та Л. П. Сміта. Проте залишається невирішеною проблема аналізу засобів перекладу англійських фразеологізмів, які мають у своєму складі порівняння, та зіставлення при системному вивченні фразеології, а також питання про індивідуально-авторське використання фразеологічних одиниць, тому *метою статті є* компаративний опис фразеологічної системи із значенням порівняння в українській та англійській мовах у семантичному та лінгвокультурологічному аспектах на матеріалі лексикографічних [1; 2; 3] та літературних [4; 5; 6] джерел.

Підтвердженням життєздатності та усталеності фразеологічних одиниць з порівняннями є те, що значна їх частина дійшла до нас ще з XVIII століття, коли Джонатан Свіфт у 1757 р. опублікував свій вірш «Нова пісня порівнянь». Звичайно, деяких змін фразеологізми зазнали, особливо яскраво це виявляється у компонентному складі та у відтінках значення. Наприклад, й досі англійці п'яну людину порівнюють з волинщиком чи дудкарем – *drunk as a piper*. В українській мові повного еквівалента немає. А частковий еквівалент пропонує замість образу дудкаря образ чоботаря (або синонімічний вираз – п'яний як чіп). Проте наявні й інші фразеологізми, які мають різноманітний компонентний склад, але передають однаковий зміст: свідчать про п'яний стан людини і перекладаються частковим

еквівалентом: *as drunk as David's sow* та *drunk as a drowned mouse* – напився як свиня / п'яний як чіп. Перекладаючи ФО *as full / tight as a tick* або *drunk as a skunk* (напився як кліщ або п'яний як скус) українською мовою, застосовуємо нефразеологічний спосіб перекладу «п'яний вщент» або «мертвецьки п'яний». Подібну картину спостерігаємо і у випадку з таким ФО, як *black as jet* – чорний як дьоготь. У даному випадку частковий еквівалент дозволяє не пояснювати, що камінь агат є чорного кольору. Найчастіше в українській мові наймудрішими є змія чи ворон, а от в англійській уособленням цієї якості є сова – *wise as an owl*. Ще у древньому Римі сова вважалася символом мудрості. Прикладом часткової відповідності є і наступна ФО: *as wet as a drowned rat* – мокрий, як миша (або хлющ).

Джонатан Свіфт уособлював худорбу із срібною монетою – *thin as a groat*, проте зараз можна сказати і *thin as a lath / rail / whippingpost* – худий як тростиночка. Найчастішим способом перекладу фразеологічних одиниць з порівняннями є нефразеологічний переклад: *(to speak) like a mouse in a cheese* – (говорити) нерозбірливо; *like a drowned mouse* – у плачевному стані; *as true as flint* – вірний (Варто відмітити, що в українській культурі «кремінь» (flint) асоціюється з образом твердості і міцності, непохитності, незламності духу.); *merry / lively as a grig* – дуже веселий. Щодо позначення білого, то існує окрім відомого Шекспірівського *as white as snow* (білий як сніг) ще інший фразеологічний зворот, а саме: *as white as curds* (білий як сир, творог) – дуже білий, білосніжний. Вислів *as sharp as a needle* (гострий як голка) може викликати певне помилкове сприйняття у цільової аудиторії, якщо перекласти дослівно, адже при цьому створюється образ гостроти неживого предмета (в українській мові це зазвичай лезо – гострий як лезо – *razor*), а насправді ж даний вираз означає – спостережливий, гострий розум.

Важливо також зазначити, що компонентний склад фразеологізмів надзвичайно важливий для правильного перекладу та відтворення суті виразу і не тільки у стилістичному, семантичному чи лінгвокультурологічному аспекті, а й у суто прагматичному відношенні. Адже незначні зміни елементів виразу несуть різне значення.

Для компаративних фразеологізмів характерна двоплановість значення: одне порівнюється з іншим. Перший компонент називається основою порівняння, а другий – об'єктом порівняння. Сполучник *as* – зв'язка. Суб'єкт порівняння – змінний елемент у тексті.

(*As*) *good as gold* – *хороший, шляхетний, золота (людина)*

Gertrude Morel was very ill when the boy was born. Morel was good to her, as good as gold (D.H. Lawrence).

Gertrude Morel – суб'єкт порівняння, *good* – основа порівняння, *gold* – об'єкт порівняння, *as* – зв'язка.

Порівняння виникають у мові тому, що виникає потреба у передачі додаткової інформації у порівнянні з інформацією, яка передається першими окремими компонентами порівнянь. Існують компаративні звороти, які вживаються лише з прикметником у вищому ступені порівняння: *more dead than alive* – напівживий (від втоми), смертельно стомлений (не плутати з російським *ні живий ні мертвий*).

ФО *more honoured in the breach than (in) the observance* (шекспірізм) є одним з небагатьох зворотів, які означають неістот. Дана ФО означає «частіше порушується, аніж виконується» (про закон, звичай і т. ін.).

To my mind the afternoon call is a convention more honoured in the breach than the observance (W.S. Maugham).

Образність словосполучення виникає завдяки тому, що у мові порівняння належить до іншого роду предметів, явищ чи істот, позначений його другим компонентом, наприклад: *he is as brave as a lion*. Образність створюється завдяки порівнянню людини з левом, але якщо ми порівняємо, скажімо, левицю з левом, то образність порівняння зникає і замість образного порівняння (simile) виникає необразне (comparison).

Порівняння зазвичай являють собою ФО з яскраво вираженим оцінним значенням, як позитивним, так і негативним, наприклад: *(as) bold (или brave) as a lion* – хоробрий як лев; *(as) fierce as a tiger* – лютий як тигр; *(as) pretty as a picture* – гарненька як картинка та інші.

Характер оцінки залежить від семантики першого компонента. В окремих випадках вирішальну роль відіграє семантика другого компонента, наприклад: *(as) fat as a pig* – жирний, відкормлений як свиня, як боров і *(as) fat as butter* – пухкенький, повненький.

У якості другого компонента може, так само як і в дієслівних компаративних фразеологізмах, виступати лексема чи сполучення лексем. Наведемо приклади ад'єктивних ФО з другим компонентом – сполученням лексем: *(as) different as chalk from cheese* – зовсім несхожі; *(as) plain as the nose on your face* – ясно як дважди два чотири; *(as) welcome as flowers in May* – довгоочікуваний, бажаний та інші.

Зазвичай порівняння моносемантичні. Але зустрічаються порівняння з двома фразеосемантичними варіантами. Полісемантичні порівняння надзвичайно рідкісні. У порівняннях цього типу другий компонент виконує не тільки посилювальну функцію, але є диференціатором значення.

Так, зворот *(as) weak as water* означає:

1) слабенький, хиленький = малувато сил, мало каші з'їв [етим. бібл.]: *There's no use your fighting with me, Herb. You're as weak as water* (Th. Wilder);

2) слабовольний, слабохарактерний:

You love Eva, Eva loves you, Ernest; but remember this, she is weak as water (H. R. Haggard).

У порівняння *(as) sober as a judge* теж два фразеосемантичних варіанти, які характеризують людину з різних сторін: 1) зовсім тверезий; 2) тверезий у судженнях;

(as) fresh as a daisy – 1) квітучий, пашити здоров'ям; 2) бадьорий, невтомний; = свіжий як огірочок

(as) hard as nails – 1) загартований, витривалий; у чудовій формі (про спортсмена); 2) жорстокий, безсердечний, нечуйний

(as) innocent as a babe (unborn; or as lamb, as a new-born babe) – 1) наївний, необізнаний у житейських справах = наївне дитя, справжнє немовля; 2) безневинний

look like a ghost – 1) сильно злякатися, виглядати дуже зляканим; 2) бути худим і блідим = гарніше в труну кладуть, сама тінь залишилась.

Серед ад'єктивних порівнянь є каламбурні фраземи, побудовані на обігруванні омонімів:

(*as*) *crooked as a corkscrew* (чи *as a dog's hind leg*) (амер. розм.) – безчесний, непорядний = пробу ніде ставити (гра слів, побудована на двох омонімах: *crooked* – безчесний и *crooked* – кривий);

(*as*) *cross as two sticks* – у поганому настрої, не в душі, не на жарт розсерджений; = злий як чорт (гра слів, побудована на двох омонімах: *cross* – не в душі, сердитий і *cross* – перехрещений);

(*as*) *keen as mustard* – повний наснаги, ентузіазму, одержимий [вираз побудовано на грі слів *keen* гострий та *Keene's mustard* гірчиця Кіна (за назвою фірми)];

(*as*) *nutty as a fruitcake* (сленг) – чокнутий, психований; з привітом [гра слів, побудована на двох омонімах: *nutty* навіжений, чокнутий і *nutty* горіховий].

У 1935 William Empson вказує на два головних моменти, які є традиційними для всіх історій доля дітей, а саме: герої незвичайних розмірів (мініатюрні або гігантські) та тварини, що вміють говорити [7, р. 204].

Білого Кролика Аліса зустрічає на початку своєї подорожі у країну чудес. Він вигукує: "*The Duchess! The Duchess! Oh my dear paws! Oh my fur and whiskers! She'll get me executed, as sure as ferrets are ferrets!*" [6, р. 56]. Білий Кролик передбачає покарання від герцогині. У даному випадку можливо стверджувати, що фразеологічний зворот *as sure as ferrets are ferrets* копіює відомий на той час вислів *as sure as eggs are eggs*.

У 19-ому столітті народжується вислів *like a jack-in-the box*. Теорія походження даного вислову сягає 13-го століття, коли жив прелат Сер Джон Шорн. Його часто зображують з дияволом у черевіку. Народні оповідання переказують, що Сер Джон запроторив у черевик диявола, аби захистити поселення у графстві Бекінгемшир.

У «Тлумачному словнику» В. Даля [2] про цей вираз нічого не згадується. Але сьогодні чортик на пружинці пречудово почувается, а вираз «вискочив, наче чортик з табакерки» часто вживають у сучасній живій мові, особливо коли на політичній арені з'являється новий невідомий персонаж.

У Л. Керролла даний вислів зустрічається у IV розділі, коли Білль вилітає у трубу, ніби чортик з табакерки. В. Корнієнко перекладає «як повітряний змій», а у Н. Демурової – «как шутиха».

Висновок. Дослідження стосовно вживання фразеологізмів у літературних творах становить значний інтерес, оскільки на основі отриманих даних щодо їх кількості, особливостей використання у тексті можна робити подальші висновки стосовно стилю автора та ступеня метафоричності його прози, що дозволяє проводити подальші дослідження функціонування фразеологізмів у різних жанрах прози.

Перспективи подальшого дослідження у плані орієнтації на зіставне лінгвокультурологічне вивчення не близько споріднених мов, зокрема слов'янської та германської, пов'язуються з високою значущістю засобів перекладу у межах культурно-ціннісної парадигми соціуму.

Список літератури

1. Англо-український фразеологічний словник [уклад. К. Т. Баранцев]. – 2-ге вид., випр. – К.: Знання, 2005. – 1056 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1989. – 746 с.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Русский язык – Медиа, 2006. – 571 с.
4. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес [пер. с англ. Н. Демуровой] / Льюис Кэрролл. – М.: Пресса, 1992. – 320 с.
5. Льюїс Керрол Аліса в Країні Чудес [переклад з англійської В. Корнієнка] / Льюїс Керрол. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2001. – 123 с.
6. Carroll L. Alice in Wonderland / L. Carroll– London, 1995. – 293 p.
7. William Empson. Some Versions of Pastoral / William Empson. – London: Chatto & Windus, 1935. – 212 p.

Тарасова А. В. К проблеме перевода английских компаративных фразеологизмов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.209-213.

У статті розглядаються англійські компаративні фразеологізми, лінгвокультурологічні й семантичні особливості їхньої побудови та засоби перекладу українською мовою.

Ключові слова: *фразеологізми, порівняння, образність, засоби перекладу.*

Tarasova A. V. On Problem of Translating English Comparative Phraseologisms // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.209-213.

The article deals with English comparative phraseologisms, linguistic, culturological and semantic peculiarities of their construction and ways of their translation into Ukrainian.

Key words: *phraseologisms, comparisons, imagery, ways of translation.*

Поступила до редакції 06.04.2011 р.

УДК 378.147:802.0

СОЧЕТАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

Тарнопольский О.Б., Кожушко С.П., Дегтярева Ю.В.

*Днепропетровский университет экономики и права имени Альфреда Нобеля,
г. Днепропетровск, Украина*

В статье раскрываются некоторые пути сочетания коммуникативного и межкультурного подходов в преподавании иностранных языков в неязыковых вузах. Выделяется экспериенциальная методика как средство достижения такого сочетания.

Ключевые слова: коммуникативный подход, межкультурный подход, экспериенциальная методика.

Постановка проблемы. В современной западной методике преподавания иностранных языков все более широко распространяется убеждение об устарелости коммуникативного подхода, который, по утверждению многих специалистов, вытесняется межкультурным подходом к обучению (см., например, симпозиум, посвященный обучению грамматике в «пост-коммуникативную эпоху», проведенный на конференции IATEFL 2009 г. в Кардифе, Великобритания [2]). Как показано в двух наших статьях [1; 5], такое убеждение является следствием недоразумения, поскольку коммуникативный и межкультурный подходы никак не могут исключать друг друга, отвечая за реализацию совершенно разных методических категорий в учебном процессе. Если коммуникативный подход отвечает за методы обучения (как учить), то межкультурный подход отвечает за его содержание (чему учить). На этом основании в двух указанных работах делается вывод о том, что в современных условиях оптимальным является рациональное сочетание двух подходов, так чтобы они взаимодополняли и взаимоподкрепляли друг друга. *Целью* настоящей статьи является выделение основного пути такого сочетания, а ее *задачами* – определение конкретных способов реализации данного сочетания.

В качестве главного направления для обеспечения оптимального сочетания коммуникативного и межкультурного подходов можно выделить так называемую *экспериенциальную методика* (*experiential learning* [3; 4]). Экспериенциальная методика базируется на обучении через опыт сугубо практической деятельности, осуществляемой средствами изучаемого языка. Примером может быть моделирование на занятиях по английскому языку квази – реальной деловой активности, осуществляемой студентами средствами этого языка в процессе игрового функционирования вымышленной самими обучаемыми фирмы.

Выгода использования экспериенциальной методики (как одного из вариантов коммуникативного подхода) для овладения студентами умениями межкультурного

общения на изучаемом иностранном языке состоит в том, что в рамках этой методики формирование собственных коммуникативных навыков и умений осуществляется обучаемыми в основном непроизвольно через осуществление творческой деятельности, ориентированной на решение практических экстралингвистических задач. В случае развития умений межкультурного общения это означает образование таких умений путем самостоятельного поиска, осмысления и практического применения обучаемыми той культурологической информации, которая относится к оптимальному (с точки зрения культурных норм) структурированию такого общения. В соответствии с этим, необходимо выделить приемы/способы, характерные для коммуникативного подхода вообще и для экспериенциальной методики в частности, которые наилучшим образом способствуют самостоятельному нахождению студентами нужной в каждом конкретном случае культурологической информации и овладению ей через опыт использования в иноязычном общении. Важно также определить оптимальную последовательность применения выделенных приемов/способов.

С точки зрения экспериенциальной методики работу над каким-либо подлежащим освоению культурологическим явлением целесообразно начинать с *мозгового штурма (brainstorming)*. При мозговом штурме студенты, предположим, экономического вуза могут в малых группах по 3-4 человека обсуждать культурные отличия, например, при проведении деловых переговоров на английском языке с представителями англоязычных культур, в отличие от деловых переговоров между представителями русскоязычной или украиноязычной культуры. Цель – выявить фоновые знания обучаемых, дать им возможность высказать свои мысли по обсуждаемому вопросу и создать умственную ориентацию на дальнейшую работу над данной темой.

При начале работы с мозгового штурма вторым за ним по последовательности применения, но первым по значимости (как основы для всей дальнейшей учебной деятельности) способом следует назвать *Интернет-поиск* студентами по заданию преподавателя культурологической информации, относящейся к изучаемой учебной теме, на иноязычных сайтах.

Прежде всего, в ходе такого поиска студенты проверяют, уточняют и корректируют свои предположения, высказанные в ходе мозгового штурма. Так, если в экономическом вузе на занятиях по английскому языку изучается тема, связанная с ведением деловых переговоров на этом языке, то студентам целесообразно дать задание разыскать на англоязычных сайтах информацию, касающуюся реальных культурологических особенностей ведения таких переговоров с представителями англоязычных культур. Однако поиск должен быть расширен за пределы англоязычных культур и касаться также и неанглоязычных культур. Это связано с тем, что английский язык является языком международного делового общения и представители украинского бизнеса вынуждены вести на нем деловые переговоры не только с англичанами и американцами, но и с итальянцами, шведами, японцами, китайцами и представителями других культур.

Естественно, на начальных этапах обучения преподаватель обязан рекомендовать студентам определенные сайты для проведения Интернет-поиска, для чего ему необходимо создавать и постоянно обновлять собственную *библиотеку Интернет-сайтов*, однако необходимо постоянно ориентировать обучаемых и на

самостоятельное нахождение новых сайтов для выполнения учебных заданий. Кроме того, целесообразно, чтобы разные студенты (или их пары и малые группы из 3-4 человек) проводили Интернет-поиск по разным аспектам одного и того же задания, создавая тем самым основу для дальнейшей общегрупповой работы и обсуждений. Например, если разыскивается информация касательно культурологических особенностей проведения деловых переговоров на английском языке, то один студент (одна пара/малая группа) может получить задание найти информацию, касающуюся таких особенностей при проведении деловых переговоров с американцами, второй – с итальянцами, третий – с японцами и т.д.

Учитывая то, что разные студенты (разные пары/малые группы) работают с разными Интернет-ресурсами, разыскивая информацию по разным аспектам одной культурологической темы, естественным, с точки зрения экспериментальной методики, следующим за Интернет-поиском видом учебной деятельности (следующим приемом/способом обучения) будет проведение студенческих *презентаций* на изучаемом языке. Подготовка таких презентаций является также тем естественным учебным заданием, ради выполнения которого обучаемые и ведут Интернет-поиск.

При проведении презентации от студента (пары/малой группы) требуется суммировать в ней основную информацию, найденную при проведении Интернет-поиска, и сделать определенные культурологические выводы, касающиеся практики (например, практики ведения деловых переговоров с представителями определенной культуры). Желательно приучить студентов готовить свои презентации с использованием конкретных примеров, иллюстраций в PowerPoint и т.п.

Презентации должны непременно сопровождаться *дискуссиями*, которые могут быть либо общегрупповыми, либо проводиться в малых группах с обсуждением всей академической группой выводов, сделанных в каждой из малых групп. В дискуссиях студенты приходят к окончательным выводам об особенностях обсуждаемого культурного феномена в той или иной культуре.

Именно дискуссиями заканчивается *теоретический* этап работы над тем или иным культурно-обусловленным феноменом, или *этап осмысления*. За ним начинается *практический* этап, или *этап практического применения*. Цель этого этапа – практическое освоение студентами определенной культурно – обусловленной модели поведения для дальнейшего применения этой модели при (профессиональном) общении с представителями той или иной культуры.

Для этапа практического применения характерными являются два вида учебной деятельности (два приема/способа, экспериментальной методики обучения): *кейсы (case-studies)* и *ролевые/деловые игры*, – и именно в последовательности от кейсов к играм их целесообразно использовать.

Кейсы представляют собой описания конкретных случаев с представлением в них некоторой проблемы для анализа причин ее возникновения и выявления возможных путей разрешения. Например, студентам описывается конкретная ситуация срыва деловых переговоров. Обучаемые должны проанализировать ситуацию, выявить то нарушение культурных норм, которые допустили одни участники, объяснить, почему это нарушение вызвало резко негативную реакцию других участников, и сделать выводы относительно того, какой модели поведения следовало придерживаться, чтобы избежать появления подобной проблемы.

Кейсы для обсуждения студенты могут как получать в готовом виде от преподавателя, так и разыскивать (через Интернет) или разрабатывать сами по его заданию. Например, каждый студент (пара или малая группа) может получить задание разработать свой кейс, связанный с каким-либо культурно – обусловленным явлением для последующего обсуждения другими студентами. Кейсы могут обсуждаться студентами как в парах или малых группах, так и в ходе общегрупповой дискуссии. В первых двух случаях выводы, к которым пришла каждая пара или малая группа, затем выносятся на общегрупповое обсуждение.

Следующим за обсуждением кейсов видом учебной деятельности (приемом/способом экспериенциального обучения) будет проведение ролевых/деловых игр. В каждой из них по заданию преподавателя или на основе самостоятельно разработанного сценария студенты разыгрывают какую-то одну культурно обусловленную проблемную ситуацию, проигрывая те последствия, к которым может привести возникновение такой ситуации.

Например, студенты разыгрывают ситуацию проведения деловых переговоров между представителями двух разных культур, в ходе которых представители одной культуры, не осознавая этого, грубо нарушают культурные нормы, свойственные другой культуре. От студентов требуется представить в игре возможные варианты последствий такого поведения, за чем может следовать общегрупповое обсуждение сложившейся ситуации с поиском путей выхода из нее.

Проведением ролевых/деловых игр заканчивается работа на этапе практического применения осваиваемых культурно – обусловленных феноменов. Это позволяет перейти к заключительному этапу работы, который целесообразно назвать *обобщающим*.

На обобщающем этапе рационально применять один вид учебной деятельности: выполнение *проектных заданий*. Например, если в течение данного цикла занятий изучавшимся культурологическим явлением было культурно – обусловленное поведение представителей разных культур в процессе ведения деловых переговоров, то проектным заданием может быть составление студентами «справочника» для бизнесменов, посвященного раскрытию приемлемых моделей такого поведения при переговорах с представителями разных культурных общностей.

Выводы из всего вышеизложенного могут быть следующими:

1. В статье нашло обоснование то утверждение, что коммуникативный и межкультурный подход прекрасно сочетаются и взаимодополняют друг друга через экспериенциальную методику обучения иностранным языкам в неязыковом вузе.

2. Основными приемами/способами экспериенциального обучения, которые целесообразно использовать в условиях сочетания коммуникативного и межкультурного подходов, являются: Интернет-поиск студентами нужной культурологической информации, презентации, мозговые штурмы, обсуждение кейсов, дискуссии, ролевые/деловые игры, проектные задания.

3. Рациональной является трехэтапная схема работы над культурологическими явлениями со следующей последовательностью видов учебной деятельности в рамках каждого из этапов: этап осмысления: мозговой штурм → Интернет-поиск → презентации → дискуссии; этап практического применения: работа с кейсами → ролевые/деловые игры; обобщающий этап: проектные задания.

Перспективой наших дальнейших исследований в этом направлении является изучение возможностей оптимального сочетания изучения культурно – обусловленных и чисто языковых/речевых аспектов общения в учебном процессе по иностранным языкам в неязыковом вузе.

Список литературы

1. Тарнопольський О.Б. Чи витісняє міжкультурна орієнтація комунікативний підхід у навчанні іноземних мов? / О.Б. Тарнопольський // Матеріали Третьої Всеукраїнської наукової конференції романистів «Культурно-семантичні і когнітивно-дискурсивні парадигми сучасного романського мовознавства». – Одеса: Вид-во КП ОМД, 2010. – С. 23-25.
2. Burkert A. Symposium on grammar teaching in the post-communicative era / A. Burkert, S. Mumford, K. Lackman // Briony Beaven (Ed.). IATEFL 2009 Cardiff Conference Selections. – Canterbury, Kent: IATEFL, 2010. – P. 98-100.
3. Jerald M. Experiential language teaching techniques. Out-of-class language acquisition and cultural awareness activities. Resource handbook number 3. Second revised edition / M. Jerald, R.C. Clark. – Brattleboro, Vermont: ProLingua Associates, 1994. –148 p.
4. Kolb D. Experiential learning: Experience as the source of learning and development / D. Kolb. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1984. – 248 p.
5. Tarnopolsky O. Must the Intercultural Approach, EIL and ELF Oust CLL? / O. Tarnopolsky //IATEFL Voices. – 2010. – Issue 217. – P. 5-6.

Тарнопольський О.Б., Кожушко С.П., Дегтярева Ю.В. Сполучення комунікативного та міжкультурного підходів у викладанні іноземних мов у немовних вишах // Ученіє записки Тавричського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.214-218.

У статті розкриваються деякі шляхи сполучення комунікативного та міжкультурного підходів у викладанні іноземних мов у немовних вишах. Виділяється експерієнційна методика як засіб досягнення такого сполучення.

Ключові слова: комунікативний підхід, міжкультурний підхід, експерієнційна методика.

Tarnopolsky O.B., Kozhushko S.P., Degtiaryova Y.V. Combining communicative and intercultural approaches to teaching foreign languages at non-linguistic tertiary educational institutions // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.214-218.

The article discusses some ways of combining the communicative and intercultural approaches in teaching foreign languages at non-linguistic tertiary educational institutions. The experiential method is distinguished as a means of achieving such a combination.

Key words: communicative approach, intercultural approach, experiential method.

Поступила в редакцію 29.03.2011 г.

УДК 81'373.45

ПРОЦЕСС ЗАИМСТВОВАНИЯ В СФЕРЕ МОДЫ И ОДЕЖДЫ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Тригуб Л.Г.

*Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского,
г. Николаев, Украина*

Статья посвящена изучению лексико-семантических особенностей заимствованной лексики в сфере «одежда и мода», закономерностей их функционирования и основных тенденций развития на современном этапе.

Ключевые слова: *лексические заимствования, сфера моды и одежды, межкультурные коммуникации, освоенные и неосвоенные заимствования, межъязыковые связи.*

Значения слов отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерны для конкретного данного общества и поэтому представляют бесценную сокровищницу для понимания культуры. Проблема межкультурного взаимодействия связана с взаимодействием языков и восприятием мира.

Мода как особый феномен человеческой культуры XX века отражает эволюцию современного общества. Постоянное развитие и изменение мира моды как одного из показателей культурного и социального роста общества приводит к появлению и образованию новых терминов одежды. Терминология моды представляет собой обширный лексикон, требующий научного изучения. Каждая культура создает свой язык одежды и моды. Названия одежды могут рассказать нам о быте и истории русского народа и других народов, рассказать о современных тенденциях моды и культуры.

Теорию языкового заимствования в любой сфере, в том числе и в сфере моды и одежды, исследователи до сих пор считают недостаточно разработанной. Значительный вклад в исследование проблемы составили работы Л.П. Крысина, О. Никитиной, З.А. Носковой, Р.М. Кирсановой, Я.С. Матосян, Е.М. Марковой, Г.С. Масловой и др., касающиеся непосредственно изучения рассматриваемой тематической группы «мода», «одежда». В работах этих авторов речь идет, в основном, о внеязыковых и внутриязыковых причинах заимствования (Л.П. Крысин, М.А. Брейтер, Б.М. Ажнюк), о принципах наименования одежды в русском языке (Е.М. Маркова), об основных тенденциях образования и функционирования терминов моды XX века (Я. С. Матосян).

Цель статьи – проанализировать заимствованную лексику русского языка со значением «одежда», «мода» с точки зрения межкультурных и межъязыковых связей. *Задачи исследования:* рассмотреть особенности заимствованной лексики со значением «одежда», «мода», ее типы; определить источники заимствования; классифицировать лексические единицы данной сферы по историческим этапам появления заимствованной лексики в русском языке XX – начала XXI вв.

Заемствованную лексику с точки зрения длительности применения можно разделить на два типа: освоенные заимствования и новые или неосвоенные. Освоенные – это заимствования, которые пришли в русский язык давно и уже не воспринимаются как чужие: *футболка, брюки, юбка, куртка, жакет, джемпер, пиджак, шорты*. Долголетнее и частое использование таких заимствований в ежедневном обиходе подразумевает укоренение их в русском языке и восприятие носителями языка как собственнорусских. Можно также выделить заимствованные слова, давно известные в русском языке, обозначающие понятия и предметы, которые уже не используются или используются ограниченным кругом людей: *галифе, корсет, канотье, капор, муфта, фрак*.

Особое место среди заимствованных слов занимает интернациональная лексика. В русской лексике сферы одежды можно выявить интернационализмы, часть которых исторически восходит к греческому и латинскому языкам (*апликация, коллекция, макси, мини, миди, минимализм, мода, туника, сандалии, стиль* и др.).

Большое количество интернационализмов вошло в русский язык из западноевропейских языков, преимущественно из французского (*авангард, ампир, апаш, балетки, блуза, блузон, декольте, жилет, кепи, костюм, комбинезон, униформа, ретро* и др.); английского (*боди, кардиган, свингер, свитер, слаксы, смокинг, топ, тренч, френч, вэмп, гламур, диско, милитари, сафари* и др.).

Немногочисленную группу составляют интернационализмы из других языков мира. Например, сюда относятся *анорак, парка* (из эскимосского языка), *болеро, гаучо* (испанского), *казаки* (тюркского), *кимоно* (японского), *хаки* (хинди), *брюки* (голландского).

Среди заимствований есть и не освоенные русским языком слова. Особое место среди них занимают экзотизмы: *парео, фэшин, гриндерсы*. Экзотизмы не имеют синонимов в русском языке, поэтому обращение к ним при описании национальной специфики продиктовано необходимостью. Такие номинации, как *бубу, джеллаба, костюм зуава, саронг, бандана, жакет Мао, жакет Неру, кааба* и другие, появились в русском языке благодаря влиянию культур разных стран мира. Другую группу не освоенных русским языком заимствований составляют иноязычные вкрапления или варваризмы: *джуп-кюлот, флайбэк, нехольдер, мейкап*. Это перенесенные на русскую почву иностранные слова, употребление которых носит индивидуальный характер. В отличие от других лексических заимствований, они могут быть не зафиксированы словарями. Употребление некоторых из них имеет давнюю традицию: *альта-мода, оверсет, дернье-кри*.

Постоянным источником появления новых названий и видов одежды является традиционный костюм различных народов мира.

В зависимости от степени использования и частоты попадания иностранной лексики в русскую среду в терминологии моды можно выделить два способа заимствования: прямое заимствование и калькирование. Заимствования иноязычных наименований одежды – один из продуктивных способов формирования данной лексики. Прямое заимствование делится на два подтипа. Большинство актуальных наименований одежды являются собственно лексическими заимствованиями – термины, перенесенные из языка-источника без изменений. При этом некоторые фонетические изменения, обусловленные различными системами звуков, во внимание не принимаются. Например, *анорак, арабески, аутфит, бархат, батист, бекеша, боа, борсалино, корсет, кушак, ламе, лейбл, плиссе, топ, топless*.

Значительная часть номинаций образована по русским словообразовательным моделям и с помощью русских словообразовательных средств от иноязычного корня (*кросс-ов-к-и, бейсбол-к-а, футбол-к-а, авангард-н-ый, этнич-еск-ий*). Это преобразуемое заимствование, характеризующееся возможным изменением морфем. К группе таких заимствованных терминов относятся: *ажур, аксессуар, бабуши, бриджи, бурнус, буфы, вог, волан, декольте, джерси, дольчики, канаус* и т.д.

Калькирование подразделяется на следующие подтипы: словообразовательное калькирование, т.е. поморфемный перевод иноязычного слова (*брюки «гаучо», брюки-капри, воротник сейлор, жакет сахара, платье-рюмка, силуэт-карандаш, французский карман* и т.д.); семантическое калькирование, при котором заимствуется лишь форма, звучание иноязычного слова, но в языке-рецепторе оно приобретает новое значение (*бижутерия, бутоньерка, диагональ, дюшес, жабо, капор, коленкор, крепдешин, реглан, фактура, фурнитура* и т.д.). Высокой продуктивностью отличаются кальки, которые обычно представляют собой составные номинации одежды и моды. Здесь используются либо исконно русские эквиваленты, либо давно освоенные русским языком иноязычные заимствования: *высокая мода* (итал. *alta moda*, фр. *haute couture*), *пальто-халат* (англ. *bathrobe-coat*), *французский карман* (англ. *French pocket*), *маленькое черное платье* (англ. *little black dress*), *готовое платье* (англ. *ready-to-wear*), *небрежный стиль* (англ. *casual look*), *прозрачный стиль* (англ. *transparent look*).

Иногда системой русского языка заимствуется сразу несколько вариантов одного термина, имеющих одно значение (грамматическое, графическое, фонетическое). Например: *джорабы – джороп, ливайс – левис, тюник – тюника – туника, боди – боди-сьют, дафлкот – дафлкот – дафл-кот, костюм-лейндлорд – костюм-ленлорд, унисекс – юнисекс* и др.

Классифицировать названия одежды и различных модных реалий можно по определенным тематическим основаниям в зависимости от их предназначения, качества, особенностей текстур материй и использования. Можно принять за основу классификации предназначение определенного вида одежды.

Наименования головных уборов: *берет* (фр. *beret*), *ермолка* (тюрк.), *канотье* (фр. *canotier*), *капор* (голл. *kaper*), *капюшон* (фр. *capuchon*), *каскаетка* (фр. *casquette*), *сомбреро* (исп. *sombrero*), *бандана* (англ. *bandana*), *кепка* (англ. *cap*), *кули* (хинди *kuli*), *ковбойка* (англ. *cowboy*).

Подкласс единиц плечевой и верхней одежды: *анорак* (англ. *anorak*), *бекеша* (венг. *bekes*), *бубу* (афр.), *бурнус* (араб. *burnus*), *блейзер* (англ. *blazer*), *блуза* (англ. *blouse*), *болеро* (исп. *bolero*), *джермпер* (англ. *jumper*), *жакет* (фр. *jaquette*), *жупан* (польск. *zupan*), *пуловер* (англ. *pull-over*), *кимоно* (япон.), *макинтош* (англ. *mackintosh*), *пиджак* (англ. *pea-jacket*), *редингот* (фр. *redingote*), *свингер* (англ. *swinger*).

Поясная одежда: *брюки* (голл. *broek*), *бриджи* (англ. *breeches*), *джинсы* (англ. *jeans*), *годе* (фр. *godet*), *колготы* (чешск. *kolhoty*), *кюлоты* (фр. *culotte*), *леггинсы* (англ. *leggings*), *шорты* (англ. *shorts*), *слаксы* (англ. *slack*), *никербокеры* (англ.), *саронг* (индонез.), *фартук* (польск. *fartuch*).

Названия обуви: *балетки* (англ. *ballet*), *бутсы* (англ. *boots*), *веллингтоны* (англ. *wellington*), *сандалии* (греч. *sandalion*), *кроссовки* (англ.), *мокасины* (англ. *moccasin*), *оксфорды* (англ. *Oxford*), *сабо* (фр. *sabot*).

Наименования тканей: *батист* (фр. *batist*), *батик* (англ. *batik*), *бархам* (нем. *barchent*), *бумазея* (фр. *bombasin*), *вельвет* (англ. *velvet*), *вискоза* (лат. *viscosus*),

вуаль (фр. *voile*), джерси (англ. *jersey*), крендешин (фр. *crépe de Chine*), коленкор (фр. *calencar*), канаус (перс. *kanâvîz*), крен (фр. *crépe*), лайкра (англ. *lycra*), меланж (фр. *melange*), стретч (англ. *stretch*), кумач (араб. *kumas*), сари (хинди), саржа (фр. *serge*), трикотаж (фр. *tricotage*), хаки (хинди *khaki*).

Современные стили, использующиеся при создании одежды, обуви и аксессуаров: ампир (фр. *empire*), беби-долл (англ. *baby doll*), вамп (англ. *vampire*), гламур (англ. *glamour*), джангл (англ. *jungle*), дресс-код (англ. *dress code*), демисезонный (фр. *demi-saison*), кантри стиль (англ. *country*), кежуал (англ. *casual*), нюу лук (англ. *new look*), милитари (англ. *military*), пин ап (англ. *pin up*), ретро (лат. *retro*), сафари (афр.), хиппи (англ. *hippy*).

Системно-хронологический анализ лексики со значением «одежда и мода» XX – начала XXI вв. дает возможность уточнить, какие понятия и наименования одежды обязаны своим появлением тому или иному периоду. В жизни общества на каждом историческом этапе лексика, называющая одежду, отражает те реалии, которые присущи данному обществу. Как известно, конец XX – начало XXI вв. ознаменовались яркими динамическими процессами в этой сфере. Каждое последующее десятилетие XX в. характеризуется нарастающей интенсивностью появления лексики, обозначающей новую одежду и понятия, что объясняется экстралингвистическими причинами – индустрия моды развивается скоростными темпами, а распространение модных стандартов и модной одежды принимает массовый интернациональный характер. Это и приводит к большому количеству заимствованной лексики в русском языке.

Так, в 1900-е гг. появились понятия и названия *английский классический мужской костюм, пиджак*; в 1910-е гг. – *брюки-галифе, деловой костюм, рукава-кимоно*, стили: *восточный и нео-грек, френч, юбка-абазур*; в 1920-е гг. – *брюки-гольф, джемпер, кепи, «маленькое черное платье», пуловер, спортивный трикотаж*, стили: *геометрический, классический, «а-ля гарсон», ар деко; трикотажный кардиган, трикотажное платье, туника*; в 1930-е гг. – *подплечники, платье-палатка*, стили: *неоклассицизм, альпийский, латиноамериканский, английский*; новый цвет *«шокирующий розовый»*; в 1940-е гг. – *нейлон, платье для коктейля, платье-футляр, рукав-японка, стиль «нюу лук», А-силуэт, I-силуэт, H-силуэт, X-силуэт, «трансформ-платье»*; в 1950-е гг. – *«альта-мода», бикини, брюки-капри, галстук-бант, жакет-сак, костюм-шанель, молодежная мода, пальто-пелерина, платок-ники, «прет-а-порте», силуэт-трапеция, стиль Шанель, шляпа-таблетка, шпилька*; в 1960-е гг. – *блузон, брюки-палаццо, гала-платье, ковбойка, комбинезон-космический стиль, макси, миди, мини-мода, мини-юбка, пилотка, платье-мини, платье «поп арт», сабо, синтетическая одежда, тренкот, стиль Курреж, юбка-клеш*; в 1970-е гг. – *брюки-диско, водолазка, лунники, пальто-накидка, платье-смокинг, «пэчворк», платформа, полупальто, шорты*, стили: *бельевой, «гетсби», джинсовый, диско, милитари, «новель-кутюр», панк, ретро, романтический, сафари, спортивный, фольклорный*; в 1980-е гг. – *боди, комбидресс, брюки-клеш (-бананы, -сигары, -твист), лайкра, леггинсы, платье-водолазка (-свитер, -шар, -труба), стретч-материал, супермодель, топмодель*, стили: *авангардный, диффузный, корсетный, морской, нео-барокко, неоклассика, экологический*; в 1990-е гг. – *анорак, бандо, брюки-бэгги (-карго, -сен-тропез, торн-ап, -шейк), бэнгл, джинсы стретч, жилет-сафари, карман-шоппер, модельер, парео, саронг, свингер, топлес, свитер-балахон, шорты-борд (-стен, -хот), шузы, юбка-труба, юбка-хип*, стили: *«бейсик», «бэби-долл», винтажный, «гирли», гламур*,

гранж, «джангл», минимализм; в 2000-е гг. – перформанс, аутфит, бамстеры, гриндерсы, «деграде», дернье-кри, джуп-кюлот, ланжвер, оверсет, платье-матрешка, платье-пеплос, скиф, траузеры, «флайбэк», тренч, стили: «граффити», «кежуал», «нео-хиппи», «хайлендс» и др.

На основе проведенного анализа можно сделать *вывод*, что в лексике сферы «одежда и мода» XX – начала XXI вв. среди новых номинаций доминируют (около 90%) английские и французские заимствования. Из заимствованных слов в языке остаются те, которые обозначают понятия и явления, жизненно важные для народа, представляющие культурную ценность. Сохраняются слова, обозначающие какое-либо понятие, явление, какой-либо оттенок смысла, для которых в русском языке нет особого наименования, или русское слово, обозначающее что-либо из перечисленного, имеет иное распространение и применение, сложившееся в речевой практике общества.

Перспективы дальнейших исследований видим в комплексном исследовании лексики в сфере «одежда и мода» в типологическом аспекте, в составлении новейших специальных терминологических словарей.

Список литературы

1. Маркова Е.М. О принципах наименования одежды в русском языке / Е.М. Маркова // РЯШ. – 1990. – № 4. – С.38-42.
2. Матосян Я.С. Основные тенденции образования и функционирования терминов моды XX века / Я.С. Матосян // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: Нижегородский ГУ, 2001. – С. 284-300.
3. Терминологический словарь одежды. – М.: Айрис-пресс, 1996. – 352 с.

Тригуб Л.Г. Процес запозичення у сфері моди й одягу як фактор міжкультурної комунікації // Ученіє записки Тавричського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.219-223.

Стаття присвячена вивченню лексико-семантичних особливостей запозиченої лексики у сфері «одяг та мода», закономірностей їх функціонування і основних тенденцій розвитку на сучасному етапі.

Ключові слова: *лексичні запозичення, сфера моди та одягу, міжкультурні комунікації, засвоєні та незасвоєні запозичення, міжмовні зв'язки.*

Trigub L. The process of adoption in the sphere of style and clothes as a factor of international communication // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.219-223.

This article is devoted to the study of lexical-semantic peculiarities of loan words in the sphere of style and clothes, regularities of their functioning and general tendencies of development at the contemporary stage.

Key words: *loan words, sphere of style and clothes, intercultural communications, assimilated and unassimilated loan words, interlanguage connections.*

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 811.161.1"19/20":165.242(420)

ЛОГОЭПИСТЕМА «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК» КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ОТБРАЖЕНИЯ ОБРАЗА АНГЛИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Тупчий А. В.

Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина

*В статье анализируется логоэпистема «английский язык» в процессе
создания образа Англии в русском языковом сознании конца 18 – начала 19 века.*

Ключевые слова: *логоэпистема, языковое сознание, образ*

Актуальность. Англия – страна с самобытной культурой и давними традициями. Отношения Англии и России имеют свою историю, периоды сближения и отдаления. Особенно ярко влияние Англии, английских реалий на Россию отразилось в русском языке. Многие современные исследователи изучают данный вопрос. Однако истоки формирования образа Англии в русском языковом сознании еще не были предметом лингвистических исследований. Одному из аспектов этой проблемы посвящена данная статья.

В XVIII веке представители русской интеллигенции особый интерес проявляли по отношению к Англии. Английские романы, мода, политические события привлекали первых русских путешественников в Великобританию и особенно Англию как самую прогрессивную ее часть. *Материалом для анализа* являются: «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Письма из Лондона» П. И. Макарова, журналы «Вестник Европы» за 1802-1806 годы в количестве 120 экземпляров, публицистические статьи А.С. Пушкина, «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова.

Некоторые английские реалии, упоминаемые в используемых источниках, рассматриваем в качестве логоэпистем. *Целью данной статьи* является обоснование логоэпистемы «английский язык».

В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова термином «логоэпистема» обозначают разноуровневые лингвострановедчески ценностные единицы (слова-понятия; крылатые слова, фразеологизмы, прецедентные тексты, “говорящие” имена и названия), представляющие аккумулярованное знание фактов культуры [1, с. 37]. Согласно мнению В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой, логоэпистема с точки зрения лингвистики имеет словесное выражение, причем может быть выраженной не только в слове, но и в словосочетании, и в предложении, сверхфразовом единстве; характеризуется отнесенностью к конкретному языку; является указанием на породивший ее текст или ситуацию; в процессе коммуникации не создается заново, но возобновляется; в процессе коммуникации может видоизменяться в пределах сохранения опознаваемости; в этом случае она приобретает текстообразующую силу. С точки зрения культурологии логоэпистема характеризуется наполненностью

некоторым знанием культурного характера; семиотична и символична, поскольку является элементом системы знаков и символов; герменевтична, так как для ее понимания требуется соотнесение с иными текстами и артефактами культуры; дидактична, так как овладение ею возможно в процессе получения образования в смысле «врастания в культуру» [2, с. 10].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров подчеркивают, что логоэпистемы нельзя сводить к известным лингвистическим категориям, то есть к словам, словосочетаниям, фразеологизмам, метафорам и т. д. Логоэпистема – это знание, «несомое словом как таковым – его скрытой внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [3, с. 257].

Нами проанализированы такие логоэпистемы, как «английский сад», «английский клуб», «английская лошадь», «английский язык». Данные логоэпистемы содержат прилагательное «английский» как важную смысловую составляющую. Рассмотрим прилагательное «английский», формы употребления и нормы употребления которого в конце XVIII – первой половине XIX века заслуживают особого внимания. Из используемых материалов зафиксированы такие формы данного прилагательного:

1) «аглицкий»: В сказке «Аленький цветочек», записанной по памяти из рассказов ключницы Пелагеи писателем С. Т. Аксаковым в 1858 году, говорится: «И когда пришел настоящий час, стало у молодой купечкой дочери, красавицы писаной, сердце болеть и щемить,... и смотрит она то и дело на часы отцовские, аглицкие, немецкие,...» [4, с. 58].

2) «аглинский»: «В журнале «Вестник Европы» за 1804 год, №12 приводится надпись на ошейнике «аглинской собачки»: «Ты верность мне изображай – люби меня и утешай» [5, с. 333].

3) «английский» (данная современная форма употребляется наиболее часто, особенно в текстах русских классиков: Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова и др.): в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина говорится: «Если вы догадливы, то узнали, что я описываю вам славный английский Воксал» [6, с. 457]; В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля также употребляется современная форма: «Английская соль, горькая соль, эпсомская, зедлицкая» [7].

5) «англинский»: А. А. Бестужев в письме к А. С. Пушкину от 9 марта 1825 года писал: «Я с жаждою глотаю англинскую литературу и душой благодарен англинскому языку» [8].

Таким образом, можно утверждать, что в исследуемом периоде происходило становление норм употребления лексемы «английский». Современная форма, по видимому, стала нормой к концу XIX века.

Рассмотрим подробнее логоэпистему «английский язык».

Н. М. Карамзин писал в «Письмах русского путешественника»: «А я заключу это письмо двумя-тремя словами об английском языке. Он всех на свете легче и простее, совсем почти не имеет грамматики, и кто знает частицы of и to, знает склонения; кто знает will и shall, знает спряжения; все неправильные глаголы можно затвердить в один день. Но вы, читая, как азбуку, Робертсона и Фильдинга, даже Томсона и Шекспира, будете с англичанами немые и глухие, то есть ни они вас, ни вы их не поймете. Так труден английский выговор и столь мудрено узнать слухом то слово, которое вы знаете

глазами! Я все понимаю, что мне напишут, а в разговоре должен угадывать. Кажется, что у англичан рты связаны или на отверстие их положена министерством большая пошлина: они чуть-чуть разводят зубы, свистят, намекают, а не говорят. Вообще английский язык груб, неприятен для слуха, но богат и обработан во всех родах для письма – богат краденым или (чтоб не оскорбить британской гордости) отнятым у других... Пестрота английского языка не мешает ему быть сильным и выразительным, а смелость стихотворцев удивительна; но гармонии и того, что в риторике называется числом, совсем нет. Слова отрывистые, фразы короткие, и ни малого разнообразия в периодах» [6, с. 482]. Н. М. Карамзин употребляет по отношению к английскому языку атрибутивы: «легче и простее», «труден», «мудрено», «груб», «неприятен», «богат и обработан», «богат краденым или...отнятым», «сильным», «выразительным», «отрывистые», «короткие»;

- поэссивные свойства: «пестрота»;

- вербативы (по отношению к речи англичан): «чуть-чуть разводят зубы», «свистят», «намекают», «не говорят».

Н. М. Карамзин употребил достаточно экспрессивную лексику, но при этом часто с противоположным смыслом, например, «легче и простее» и «труден», функционирует антитеза – стилистический прием, основанный на противопоставлении понятий, образов. Он направлен на усиление выразительности. Для автора английский язык полон оригинальности и контрастов.

И. А. Гончаров писал: «...ловлю эти неуловимые звуки языка, которым волей-неволей должен объясняться с грехом пополам, благословляя судьбу, что когда-то учился ему: иначе хоть не заглядывай в Англию»[9]. Для автора звуки языка «неуловимые». Данный атрибутив перекликается с оценкой Н. М. Карамзина и также отражает некоторую оригинальность английского языка в восприятии И. А. Гончарова.

Н. В. Гоголь в поэме «Мертвые души» в свойственной ему сатирической манере писал: «Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений: по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичьей, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии. А вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе» [10, с. 183]. Н. В. Гоголь обратил внимание не только на само употребление английских слов, но и на манеру их произносить «как следует птице», то есть на фонетические и мимические особенности, которые были, по-видимому, заимствованы у англичан. Такой аспект служит более широкому освещению словосочетания «английский язык» и обоснованию его как логоэпистемы.

В журнале «Вестник Европы» за 1805 год №5, в статье «О превосходстве древних языков», перепечатке из французского журнала, неизвестный нам автор (француз) с некоторым сожалением констатирует: «Никто не думает о Греческом и Латинском языках; все учатся по-Английски, по-Немецки...Благодаря философическому духу нашего века, Английский язык взял верх...даже над немецким» [11, с. 285-286]. Справедливо будет отметить, что распространение

английского языка в России не было столь широким (Многие исследователи отмечают некоторую элитарность английского языка: в конце 18-начале 19 века им владели наиболее просвещенные представители интеллигенции, в то время как французский язык был практически вторым родным языком для русского дворянства. Известен также факт из биографии Императора Александра I: по-английски он начал говорить раньше, чем по-русски). В другой статье из журнала «Вестник Европы» за 1802 год «О любви к отечеству и народной гордости» встречаем такой отзыв автора, назвавшегося У. О.: «Язык важен для Патриота; и я люблю Англичан за то, что они лучше хотят свистать и шипеть по-Английски с ... любовницами своими, нежели говорить чужим языком» [12, с. 68]. В первом отзыве наблюдается констатация того факта, что популярность английского языка стала всеобщей. В другом отзыве автор, одобряя английский патриотизм и любовь к родному языку, все же употребляет вербативы «свистать и шипеть по-Английски», то есть неизменно странными, оригинальными и, в данном случае, неприятными являлись звуки английского языка для русского восприятия.

В периодическом издании «Отечественные записки» за 1825 год, в статье «Любовь к познаниям в людях простого звания. Выписка из письма П. П. Свинына из Воронежа», говорится, что торговец «мускатильными» товарами «весьма хорошо переводит с Французского и принялся за Английский язык. Но по степени распространения просвещения и не удивительно видеть множество подобных примеров. Еще за два столетия пред сим – некоторые русские купцы учились по Английски, даже по Голландски, и знали Азиатския языки, ездили в Лондон, в Амстердам, в Ормуз, и пр., где вели торговлю» [13, с. 142].

А. А. Бестужев в письме к А. С. Пушкину от 9 марта 1825 года писал: «Я с жаждою глотаю англлинскую литературу и душой благодарен англлинскому языку – он научил меня мыслить, он обратил меня к природе – это неистощимый источник! Я готов даже сказать *Il n'y a point du salut hors la littérature Anglaise* <см. перевод>. Если можешь, учись ему. Ты будешь заплочен сторицею за труды». Перевод: Нет спасенья вне английской литературы» [8]. А. А. Бестужев употребляет эпитет «неистощимый источник». Современный исследователь Джек Трессидер о символе «источник» пишет: «Жизненная сила и, в более широком смысле, омоложение или бессмертие. Также символ космического центра, Духа Божьего, очищения, вдохновения и знания. И христианская, и исламская традиции отводят место источнику в центре рая, у корней Древа Жизни, от которого течет поток в четырех основных направлениях...» [14]. Таким образом, данный эпитет несет высокую, положительную смысловую нагрузку.

Из анализа всех вышеприведенных примеров делаем *вывод* о том, что уровень прецедентности словосочетания «английский язык» был достаточно высок в пределах русского языкового сообщества XVIII-XIX веков. Оно характеризовалось наполненностью некоторым знанием культурного характера, было семиотичным и символичным, соотносилось с текстами и артефактами культуры, а также было частью культуры. Это свидетельствует о том, что данное словосочетание являлось логоэпистемой.

Обоснование английского языка как логоэпистемы является важным аспектом для изучения процесса формирования образа Англии в русском языковом сознании конца XVIII – первой половины XIX века.

Список литературы

1. Костомаров В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова – Спб., 2001. – 72 с.
2. Бурвикова Н. Д. Жизнь в мимолетных мелочах / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 2006. – 68 с.
3. Верещагин Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1990.
4. Аксаков С. Т. Аленький цветочек: Сказка ключницы Пелагеи / Художн. Е. Д. Петрова / С. Т. Аксаков – М.:Дрофа-Плюс, 2005. – 64с.: ил. – (Русские классики – детям).
5. (Имя автора отсутствует) На ошейнике аглинской собачки // Вестник Европы. – 1804. – №12.
6. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника/ Н. М. Карамзин. – М.: Правда, 1988. – 544 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа : <http://slovardalja.net/word.php?wordid=345>
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Том 13 (Переписка 1815-1827). – 1937 / [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – Режим доступа: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/pushkinu-142.htm>
9. Гончаров И. А. Фрегат Паллада Том 1 [Электронный ресурс] / И. А. Гончаров. – Режим доступа: <http://www.ivan-goncharov.ru/proizved/fregat-pallada.shtml>
10. Гоголь Н. В. Мертвые души. Вступит. статья П. Антокольского / Н. В. Гоголь. – М.: Худож. Лит., 1979. – 398 с.
11. (Имя автора отсутствует) О превосходстве древних языков // Вестник Европы. – 1805. – №5.
12. У. О. О любви к отечеству и народной гордости // Вестник Европы – 1802. – №4.
13. Любовь к познаниям в людях простого звания. Выписка из письма П.П. Свинына из Воронежа // Отечественные записки – 1825. – №23 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://book-old.ru/BookLibrary/00570-Otechestvennyie-zapiski/1825.-Otechestvennyie-zapiski-chasti-21-24.html>
14. Тресиддер Д. Словарь символов [Электронный ресурс] / Д. Тресиддер. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/201.php

Тупчий О. В. Логоепістема «Англійська мова» як один з аспектів відображення образу Англії в російській мовній свідомості кінця XVIII – першої половини XIX століття // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.224-228.

У статті аналізується логоепістема «англійська мова» у процесі створення образу Англії в російській мовній свідомості кінця 18 – початку 19 століть.

Ключові слова: логоепістема, мовна свідомість, образ.

Tupchiy O. V. Logoevistema «English language» as one of the aspects of the image of England reflection in the Russian linguistic consciousness of the late XVIII – first part of XIX century // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.224-228.

The article deals with logoevistema «English language» in the process of creating an image of Britain in the Russian linguistic consciousness of the late 18-early 19 century.

Key words: logoevistema, language consciousness, image.

Поступила в редакцию 22.03.2011 г.

УДК 811.222

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ТАЛЫШСКОГО ЯЗЫКА

Умняшкин А. А.

Центр по изучению древних и современных языков «ГЛОССА», г. Баку, Азербайджан

Талышский язык является типичным представителем северо-западной группы иранских языков, бытующих на территории исторической Великой Мидии. В работе рассматриваются особенности образования соматической лексики талышского языка.

Ключевые слова: *иранистика, талышский язык, словообразование, соматическая лексика, части речи.*

Актуальность. Словарный состав любого языка постоянно развивается, обогащается и эта эволюция, связанная с процессом словотворчества, происходит как за счет внутренних возможностей самого языка, так и за счет слов, заимствованных из других языков. Как показало наше исследование, образование новых слов в талышском языке происходит морфологическим и синтаксическим путями. Талышский язык является типичным представителем северо-западной группы иранских языков, бытующих на территории исторической Великой Мидии [2; 3]. С XIX века талышский язык привлекал внимание таких исследователей, как А. И. Ходзько, И. Н. Березин, В. Гейгер, И. Ф. Рисс, Б. А. Дорн, Л. Н. Лопатинский, однако, изучение талышского языка как в пределах бывшего Советского Азербайджана, так и в иранской части Азербайджана не было объектом специальных исследований [4]. Сравнительно-исторический анализ отдельных словообразующих и формообразующих аффиксов талышского языка позволяет возвести их к древнейшим праформам [1]. С целью прослеживания происхождения и исторического развития аффиксов талышского языка, мы провели анализ различных механизмов словообразования. В качестве лексикологической базы мы остановились на исследовании соматической лексики талышского языка, содержащий, в силу исторических причин, наибольшее количество архаизмов и включающей в себя наиболее древние пласты лексикона. Также был проведен этимологический анализ и приведены примеры из древних, средних и современных иранских языков, а также из ряда других индоевропейских языков. Процесс словообразования лексическим путем в талышском языке происходит несколькими способами:

1. С изменением фонетического состава:

Образованные этим путем лексические единицы входят в состав нового слова на основании тех или иных фонетических изменений, например: **vil-qil; siğ-rığ; kində-kınqə**. Несомненно, что эти слова в первое время и по содержанию и по форме были одинаковыми: **vil** (цветок) – **vil çine** (рвать цветы), **qil** (рисунок выведенный с

цветка) – **qıl bekarde** (выводить рисунок), **qıl-qılınə şal** (цветочный, узорный платок); **siğ** (камень) – **riğ** (очень мелкий камень); **kındə** – **doy kındə** (пень дерева), **kınqə** – **aləfi kınqə**.

2. Упрощением сложных слов:

В талышском языке встречаются некоторые слова, которые были когда-то сложными, но превратились в простые слова в результате выпадения определенного звука, например: **vankarde** (звать). Образовавшись из слов **vanq** (звук) и **karde** (делать) с выпадением звука «q» оно превратилось в простое слово. **Dasor** (ручная мельница) – это слово, состоящее в основе из **das** (рука) и глагола «hor», в результате выпадения звука «h» в современном языке превратилось в простое слово. **Neqo** (бык), образовавшись из слов **niə** (самец) и **qo** (корова), в современном языке используется как простое слово.

3. Прибавление слов за счет диалектов и наречий

Диалекты и наречия играют важную роль в обогащении словарного состава талышского литературного языка, например, употребляющиеся в астаринском диалекте слова **yali** (один), **tile** (бежать), **hele** (вызов) часто встречаются в художественных произведениях.

Словообразование морфологическим путем в талышском языке очень плодотворно, особенно соматической лексики и образованные таким путем лексические единицы возникают путем прибавления к отдельным корням слов приставок и окончаний.

В талышском языке большинство словообразующих приставок обладает широкими возможностями в создании новых слов. В словах, образованных с помощью приставок, значительное место занимают глаголы, образованные от глаголов, и, частично, прилагательные, образованные от существительных и прилагательных, а также наречия, образованные от глаголов.

Приставки **pe**, **də**, **o**, **e**, **sə**, присоединяясь к глаголу, образуют новые семантические глаголы, например: **pekirne** (тянуть), **pevarde** (рвать), **dəvarde** (опередить), **dəşe** (входить), **odoy** (копать), **okışte** (гасить), **enəme** (нагибаться), **səqme** (гнать).

В талышском языке приставка **be** выступает как приставка, которая образует глагол из другого глагола, а также прилагательное из существительного, например: **beşe** (выходить), **beko** (безработный), **beşit** (безмолочный). Отметим, что приставка **be**, иногда присоединяясь и к другим частям речи, образуя новое слово. Примером этого может быть слово «beton» (наружная сторона), образовавшееся из наречия **ton** (сторона).

В талышском языке одной из словообразующих приставок является приставка **-no**. Прилагательные, образованные с помощью этой приставки из существительных и прилагательных с семантической стороны, соответствуют прилагательным, образованным с помощью приставки **-be**, например: **nomerd** (подлый), **norozı** (недовольный), **nohəx** (несправедливый).

Приставка **ənə**, присоединяясь к глаголам, образует наречия, выражающие движение, например: **ənəhit** (бессонный), **ənəhard** (без еды).

В талышском языке часть слов, образующихся морфологическим путем, как мы отметили выше, образуется с участием суффиксов. Этим суффиксов больше, чем приставок, и они занимают более активную позицию в образовании слов. Отметим также и то, что в талышском языке суффиксы в основном образуют названия. Они следующие:

- **ә** – **lonә** (гнездо), **rüәnә** (жироподобный), **vizzә** (жужжание), **ekizә** (кашель);
- **әti** – **merdәti** (мужество), **yoliәti** (старшинство), **nokәti** (прислуживать);
- **in** – **zivonin** (речистый), **rkin** (сердитый), **ovin** (водянистый), **tülin** (измазанный);
- **j** // **ij** // **voj** – **boküj** (бакинец), **lankonij** (ленкоранский), **divoj** (сельчанин);
- **li** – **moәli** (мамочка), **kinәli** (дочка);
- **von** // **әvon** – **molәvon** (пастух крупного рогатого скота), **osiovon** (мельник);
- **don** – **nimekdon** (солонка), **әğildon** (детство);
- **m** // **im** – **sem** (третий день траура);
- **ni** – **zinәni** (вчерашний), **ponәni** (прошлогодний);
- **nәni** – **şanqonәni** (ночной), **maştәnәni** (завтрашний);
- **mand** – **әğilmand** (умный), **hinәmand** (способный, храбрый);
- **i** – **tolşi** (по-талышски), **zımisoni** (арбуз), **bevәci** (зло);
- **çә** – **lefçә** (овражек), **vәçә** (козленок);
- **lә** – **çülә** (соломинка), **sükilә** (петушок);
- **çi** – **dükonçi** (магазинщик), **izimçi** (дровосек), **zivelçi** (угольщик);
- **hğ** – **şәylhğ** (подходящий), **salhğ** (сотня), **kinәlhğ** (падчерица);
- **minci** – **iminci** (первый), **daminci** (десятый), **saminci** (сотый);
- **әdә** – **әvәsorәdә** (весной), **pozәdә** (осенью);
- **vand** // **әvandi** – **vәyәvand** (хозяин свадьбы), **ğomәvand** (родственник);

Кроме указанных суффиксов в талышском языке имеются еще несколько суффиксов, обладающих более ограниченными словообразовательными возможностями **-kor**, **-әyz**, **-kü**, **-әn**, **-mon**, **-xo**, **-nok**, **-n**, **-ok**, **-o**, **-nә**, например: **tamәkor** (жадный), **ovәyz** (поток), **nünkü** (неблагородный), **hurdәn** (ребенок), **jmon** (жительство), **ğarzxo** (должник), **bәdxo** (жестокий), **ğozәbnok** (гневный), **diven** (жатва), **şәkkok** (скептик), **asbo** (конный), **tarso** (трусливый).

Производные и непроизводные суффиксы

В талышском языке суффиксы по возможности образования новых слов делятся на две группы: производные и непроизводные. Производные суффиксы, как правило, обладают большей возможностью словообразования и образуют слова с различным смыслом. У непроизводных суффиксов относительно производных, возможности словообразования ограничены, и они образуют, в основном, однозначные слова. Сравнивая возможности словообразующих суффиксов, различают продуктивные и непродуктивные суффиксы. Некоторые суффиксы, образующие имена существительные и глаголы, по своим широким словообразовательным возможностям являются продуктивными: **-ә**, **-әti**, **-in**, **-li**, **-çi**, **hğ**.

Что же касается приставок, образующих глаголы, то можно сказать, что по словообразовательным способностям они обладают широкими возможностями.

Относительно других способность к словообразованию суффикса **-sə** ограничена и поэтому он непроемкий суффикс. Приставка **be**, образующая как глаголы, так и прилагательные, по своим словообразовательным способностям является производной.

В талышском языке непроемких суффиксов также много, например: **-von/əvon**, **-vand/əvand**, **-don**, **-çə**, **-ni**, **-m/im**, **-mand**, **-ənə**, **-ədə**, **-nəm**, **-əyz**, **-o**, **-mon**.

Учитывая особенности всех словообразующих суффиксов талышского языка по образованию различных частей речи, имеющих отношение к соматической лексике, мы разделили их на три группы: 1) суффиксы, образующие имена существительные; 2) суффиксы, образующие глаголы; 3) суффиксы, образующие прилагательные.

Суффиксы, образующие имена существительные по возможностям словообразования можно разделить на производные и непроемкие.

Производные суффиксы, образующие имена существительные, следующие:

- **суффикс ə**, присоединяясь к существительным, прилагательным и подражающим словам, образует новые существительные, например: **dümə** (курдюк), **tümə** (торба, сумка), **lonə** (гнездо), **kümə** (конюшня), **rüə** (кишка), **rüjə** (пост, урза), **havzə** (дыня), **sipiə** (белый материал), **vizzə** (жужжание), **şırrə** (журчание), **ttppə** (стук, топот);

- **суффикс əti**, присоединяясь к существительным и прилагательным, образует существительные, выражающие название качества, характера, профессии, рода занятий, например: **merdəti** (мужество), **həmroəti** (товарищество), **lovğəti** (заносчивость), **reçinəti** (красота), **istoəti** (мастерство), **əvoməti** (невежество), **bekoəti** (безработица), **hisobdorəti** (счетоводство), **boəti** (братство), **hələləti** (благоприобретенный), **roziəti** (согласие), **səlomətəti** (здоровье, благополучно), **təmizəti** (чистота), **nokəti** (прислуживать);

- **суффикс li**, в основном присоединяясь к существительным, образует существительные в уменьшительно-ласкательной форме, например: **moəli** (мамочка), **kinəli** (дочурка), **piəli** (папенька), **hovəli** (сестренка), **boəli** (братик) (отметим, что этот суффикс, иногда присоединившись к другим частям речи, может образовывать слова и с уменьшительным смыслом. Б.В. Миллер, говоря об активности суффикса **li**, отмечает: «Очень интересно, что этот суффикс, присоединившись к личному местоимению **az** (я) «**azli**», присоединившись к количественному числителю «**i**» (один), образует слова в субстантивном смысле «**ili**» (маленький один), даже присоединившись к количественному наречию «**ənə**» (столько), образует слово «**ənəli**» (немножечко)» [1]);

- **суффикс in**, присоединившись к существительным, образует прилагательные качества и много слов с переносным значением, например: **ovin** (водянистый, жидкий), **dulin** (плавающий), **səln** (толковый), **rıkin** (сердитый), **rüənin** (жирный), **zivonin** (речистый), **dimin** (развязный), **vilin** (узорчатый), **donin** (зерновой), **qüjdin** (мясистый), **lozimın** (нужный), **nomüsin** (порядочный), **sevodin** (грамотный), **nünin** (хлебный);

- **суффиксы be** и **no**. Суффикс **be** присоединяется к существительным, а суффикс **no** как к существительным, так и к прилагательным, образуют

прилагательные, выражающие отсутствие предмета, например: **besə** (безголовый), **bekəş** (безрукий), **beko** (безработный), **behol** (бессильный), **beson** (бездетный), **besədo** (безголосый), **bezivon** (молчаливый), **nodil** (бессердечный), **nobələd** (незнакомый), **noinsəf** (бессовестный), **nəhəx** (несправедливый), **norozı** (недовольный), **nodine** (шалун), **nosoz** (нездоровый).

Непроизводные суффиксы, образующие имена существительные:

- суффикс **von//əvon**, присоединившись к именам существительным, образует новые существительные, связанные с названием профессии, занятия, например: **qələvon** (пастух), **oslovon** (мельник), **boğəvon** (садовник), **moləvon** (пастух крупного рогатого скота). Суффикс **von** используется также в составе некоторых топонимов, принадлежащих талышскому языку, например: **vilvon** (цветник), **qomişəvon** (буйволинник). Касаясь этимологии этого суффикса, можно отметить, что в Авесте он существует в виде «**pana**», в среднеперсидском языке – «**pan**», а в современном персидском языке – «**ban**»;

- суффикс **don**, присоединяясь к существительным, образует имена существительные с новым смыслом, например: **əğildon** (детство), **qüqdon** (матка у животных), **cümindon** (мочевой пузырь), **darzəndon** (подушечка для иголок);

- суффикс **vand//əvand**, присоединяясь к именам существительным, образует существительные, сообщающие о владении, иногда об определенном потомственном роде, например: **vəyəvand** (хозяин свадьбы), **kinəvand** (хозяин девочки), **ğoməvand** (хозяин родственника), **mirzəvand** (род мирзяли), **lətifəvand** (род лятифли);

- суффикс **j//ij/voj**, присоединяясь к существительным, образует существительные, касающиеся принадлежности к определенному месту, например: **masəllüj** (масаллинский), **vilvonij** (вильванский), **sığdastij** (сыгдашский), **divoj** (деревенский), **orandij** (оранджский), **zünij** (зувандский);

- суффикс **çə**, присоединяясь к существительным, образует существительные в основном с уменьшительным значением, например: **lefçə** (овражек), **timonçə** (рогожка), **vəçə** (козленок), **poçə** (голень);

- суффикс **lə** образует из существительного имя существительное и с семантической стороны отличается от уменьшительных существительных, образованных с помощью суффикса **-çə**, например: **kütlə** (щенок), **sükolə** (петушок), **qüqlə** (теленка), **çülə** (соломинка);

- суффикс **i**, присоединяясь, в основном, к прилагательным, а иногда и к существительным, образует новые составные существительные, например: **çoki** (доброта), **bevəci** (зло), **hıski** (засуха), **dizi** (воровство), **zimsoni//zimstoni** (арбуз);

- суффикс **m//im**, присоединяясь к числительным, образует сложные существительные, например: **sem** (третий день траура), **haftım** (седьмой день траура), **çilım** (сороковой день траура);

- суффикс **mand**, присоединяясь к существительным, образует сложные существительные, например: **zümənd** (сильный), **hınəmand** (способный), **dəvlətmənd** (государственный), **əğılmənd** (умный);

• суффиксы **ni//nəni**, присоединяясь к прилагательным, образуют сложные прилагательные, например: **zinəni** (вчерашний), **mrüjnəni** (сегодняшний), **ponəni** (прошлогодний), **çoştəni** (полуденный), **maştəni** (завтрашний).

Помимо этих суффиксов, в талышском языке с помощью суффиксов **-əyz**, **-ən**, **-o**, **-jor**, **-nok**, **-xo** образуется ряд существительных и прилагательных с различным смыслом, например: **ovəyz** (поток), **hirdən** (ребенок), **asbo** (конный), **ğəzəbnok** (разгневанный), **ğarzxo** (обязанный, должник).

Суффиксы, образующие имена существительные из глаголов, в талышском языке встречаются редко. Они следующие: суффикс **ə** в талышском языке является производным и образует существительные в основном из существительных, прилагательных и имитирующих слов, а также присоединяясь к глаголам, обладает способностью образовать имена существительные, например: **ekirə** (кашель), **dancə** (рубить, крошка), **sirə** (смех). Встречаются и другие суффиксы **-mon**, **-n**, **-əndə**, которые образуют имена существительные из глаголов, например: **jimon** (житье), **diven** (жатва), **pərəndə** (букашка).

Суффиксы, образующие глаголы:

В талышском языке суффиксы, образующие глаголы, как правило, представлены приставками. Они образуют из глаголов новые семантические глаголы, можно сказать, что все они – производные суффиксы.

Суффикс **pe-** присоединяясь к глаголу, образует глаголы, выражающие направление действия наверх, семантику, происходящую наверху, например: **pelarze** (содрогаться), **pekarde** (просыпаться), **penişte** (садиться), **peşe** (выходить), **perəşe** (добраться), **peküie** (запихивать), **penoy** (подпирать), **pebe** (зацепиться), **peçine** (заговорить), **pekırmı** (тянуть).

Суффикс **də-**, присоединяясь к глаголу, образует глаголы, создающие в основном семантику действия в направлении внутрь, например: **dənoy** (вставлять), **dəçme** (нагрузить), **dəsüie** (тереть), **dəşe** (входить), **dəje** (вонзить, воткнуть, болеть), **dəvarde** (пролезть, обогнать).

Суффикс **o-**, присоединяясь к глаголам, образует глаголы, выражающие направление и завершенность действия, например: **okarde** (открывать), **okırne** (тянуть), **okışte** (погасить), **oçme** (установить), **odoy** (копать), **ovaşte** (rükü ovaşte) – перейти (реку), **obırne** (отрезать), **oqarde** (вернуться), **oğande** (расстелить, развесить), **onoy** (ударить).

Суффикс **e-**, присоединяясь к глаголам, образует глаголы, выражающие действие по направлению вниз, происходящее внизу, например: **ebarde** (глотать), **eğande** (низвергнуть), **ekarde** (отливать, высыпать), **eturne** (сдирать, счищать), **evaşte** (бросить вниз), **eçəte** (сжимать, давить), **eroxne** (свешивать, спускать), **enəme** (наклониться), **eküie** (стряхнуть), **esüie** (мазать), **esie** (заблудиться), **eşe** (упасть).

В талышском языке с помощью приставок **be** и **sə** образуются глаголы с новым смыслом. Относительно указанных выше суффиксов у этих приставок возможность словообразования несколько ограничена. Суффикс **be**, присоединяясь к глаголам, придает действию семантику разобщения, изоляции и отдаления, например: **bevarde** (извлекать), **beşe** (**bə so beşe**) – выходить (во двор), **beğande** (**koykü beğande**) – прогнать. Суффикс **sə**, присоединяясь к глаголам, образует глаголы с различным

смыслом, например: **sənoy** (затопить), **səğande** (размножать), **səkarde** (kolo səkarde) – (класть шапку).

Суффиксы, образующие наречия:

В талышском языке суффиксы, образующие наречия, малочисленны и их словообразующие возможности относительно ограничены. Они следующие:

- **ənə**. Эта приставка образует из глаголов наречия образа действия, например: **ənəhit** (бессонный), **ənəhard** (**ənəhard mande**) – без еды;
- суффикс **kü//ikü**, присоединяясь к существительному, образует наречие причины и цели, например: **tarsikü** (испуганно), **sardikü** (с холода), **şoykü** (от радости);
- суффикс **ədə**, присоединяясь к окончаниям наречий, образует наречия с новым смыслом, например: **pozədə** (осенью), **əvəsorədə** (весной), **navədə** (вперед), **jintonədə** (внизу);
- суффикс **i**, присоединяясь к названиям народов, образует адвербиальные наречия, например: **tolşi** (по-талышски), **türki** (по-турецки), **farsi** (на фарси), **ürüsi** (по-русски).

Словообразование синтаксическим путем

Одним из средств, обогащающих словарный состав талышского языка, является словообразование синтаксическим путем. Лексические единицы, образованные этим путем, образуются путем слияния форм слов и образования нового смысла словосочетания. Обращая внимание на словарный состав талышского языка, становится ясно, что в этом языке возможности словообразования морфологическим путем относительно синтаксического пути ограничены, то есть словообразование широко распространилось, а усложнение развилось слабо, и количество сложных существительных и глаголов, созданных аналитическим путем, в талышском языке огромно.

Сложные существительные. В талышском языке правила образования сложных существительных различны. Учитывая это, сложные существительные по способу образования мы сгруппировали следующим образом:

а) сложные существительные, образованные путем слияния двух существительных и содержащие в первом компоненте суффикс **-ə**, например: **dıməkükə** (щека), **müəxolə** (коса волос), **küməkiyə** (воробей), **kəşəbin** (подмышки), **bümərişə** (морковь), **lefədim** (верх одеяла). Большинство географических названий Ленкоран-Астаринского региона со сложным составом, принадлежащих талышскому языку, образовались этим методом, например: **Şixəkon** (Шыхақыран), **Vizəmin**, **Rüəkəno** (Рудақынар), **Şiyəkon** (Шияқырян).

б) сложные существительные, образованные путем соединения двух имен существительных без помощи суффиксов, например: **şonəmi** (инструмент для чески шерсти), **lüədoy** (боль в животе), **avəviskə** (гром), **xəməncə** (гумно), **kübız** (тур), **sinəbad** (передний ремень седла), **sədoj** (головная боль). В талышском языке некоторые сложные существительные, выражающие понятие принадлежности, перешли из азербайджанского языка путем буквального перевода (калька), например: **mamüzə** (сын дяди по отцу), **dayzə** (сын дяди по матери), **xaləzə** (сын тети по матери).

в) сложные существительные, в первой части которых имеется суффикс -ə, во второй части – отглагольное существительное, например: **pəsəbelə** (блеяние), **moləbüre** (мычание), **avəqürre** (гром небесный), **büməlarzə** (землетрясение).

г) существительные, имеющие в первой части имя прилагательное с суффиксом -ə (при соединении со словом на гласную -ə выпадает), а во второй части – сложные существительные, например: **qijəpəni** (пастушья сумка), **siyokijə** (дрозд), **siasinə** (снегирь), **vəzəxüq** (кабан), **sardəpüş** (желтый цветок).

д) сложные существительные, возникшие путем соединения имени существительного и глагола, например: **pasnəsüt** (головня).

е) сложные существительные, первая часть которых состоит из причастия прошедшего времени, а вторая – из имени существительного, например: **zandəqo** (корова), **piəkəs** (влюбленный), **məsəkəs** (быть услышанным).

ж) сложные существительные, состоящие из компонентов, имеющих независимый смысл, а также близких или противоположных по смыслу слов, например: **bə šte-bolo** (телосложение), **kə-bə** (домашняя утварь), **çəş-bəv** (глаза-брови), **das-dim** (руки-лицо), **qəv-qüş** (рот-нос), **nün-nimek** (хлеб-соль), **das-po** (руки-ноги), **doğ-dəvo** (лечебные средства), **ləvə-rüə**, **düs-dişmen** (друзья-враги).

з) сложные существительные, вторая часть которых самостоятельно не употребляется, например: **mol-mələ**, **merd-münə**, **olət-molət**, **kitab-mitob**, **zivon-mivon**.

Сложные прилагательные. В талышском языке сложные прилагательные встречаются значительно реже и образуются они несколькими путями:

а) сложные прилагательные, первая часть которых – имя прилагательное (присоединяясь к словам на гласную, суффикс ə сохраняется), а вторая часть – сложное имя прилагательное, например: **sipiriş** (старейшина), **tənikədil** (мягкосердечный), **dırozəmü** (длинноволосый), **siodim** (виноватый), **sioçəş** (черноглазый);

б) сложные прилагательные, первая часть которых выражена именем существительным, а вторая часть – именем прилагательным, например: **sədəsivik** (легкомысленный), **sərdanq** (турецкие солдаты из регулярной части);

в) сложные прилагательные, первая часть которых состоит из имени существительного, а вторая – из причастия, например: **dıləsüt** (беспокоящийся), **ğurbə** (оборвавшийся), **ğırəkə** (истребитель);

г) сложные прилагательные, образованные путем слияния двух имен существительных, между которыми находится соединительный союз **bə**, например: **sığbəse** (несчастный), **mıştbəse** (оплеухий), **qıybəkül** (свернутая шея);

д) сложные прилагательные, образованные в результате повтора двух прилагательных, например: **çok-çok** (хороший-хороший), **reçin-reçin** (красивый-красивый), **dıroz-dıroz** (длинный-длинный), **bilnd-bilnd** (высокий-высокий).

Сложные глаголы. В словарном составе талышского языка сложные глаголы, образованные аналитическим путем, широко распространены. Такие глаголы образуются путем соединения именных вспомогательных глаголов и с этих позиций, возможно, что талышский язык отличается от других языков. В талышском языке почти все сложные глаголы образуются с помощью вспомогательных глаголов **karde**

«делать» и **be** «быть». Особенно важную роль в процессе глаголообразования играет глагол «**karde**», например: **ko karde** (работать), **diə karde** (смотреть), **sə karde** (заканчиваться), **lü karde** (снимать), **vilo karde** (разрушать), **qin be** (теряться, пропадать), **band be** (тонуть), **xəbə be** (просыпаться). Помимо этих двух глаголов талышского языка в образовании сложных глаголов участвуют и вспомогательные глаголы с ослабленной семантикой: **je** (ударять), **doy** (давать), **qəte** (ловить), например: **zikkə je** (кричать), **tənə je** (укорять), **qüş doy** (слушать), **xəbə qəte** (спрашивать).

Сложные наречия. В талышском языке сложные наречия образуются различными путями:

а) сложные наречия, образованные повторением одного и того же слова, например: **qədə-qədə** (тихо-тихо), **rə-rə** (быстро-быстро), **süte-süte** (рядом), **sire-sire** (смеясь), **tarse-tarse** (боязливо), **di-di** (поздно), **maştə-maştə** (утром-утром);

б) сложные наречия, образованные повтором одного и того же слова с помощью соединительного суффикса «**bə**», например: **dimbədim** (лицом к лицу), **dasbədəs** (рука об руку), **rüjbərüj** (день за днем), **kəbəkə** (дом за домом), **vəbəvə** (друг к другу);

в) сложные наречия, образованные с помощью антонимов, например: **şəv-rüj** (круглые сутки), **rə-di** (быстро-поздно), **imrü-maştə** (сегодня-завтра), **iyo-əyo** (сюда-туда), **vəşi-təşi** (голодный без воды).

В талышском языке сложных числительных и местоимений сравнительно мало и сложные слова среди этих частей речи, в основном, образуются аналитическим путем, например: сложные числительные: **i-di** (один-два), **penc-şəş** (пять-шесть), **da-ponzə** (десять-пятнадцать), **davi i** (одиннадцать), **visti se** (двадцать три), **sivi ço** (тридцать четыре), сложные местоимения: **ha ki** (кто-либо), **ha se** (что-либо), **filonkəs** (такой-то).

Выводы и перспективы. Таким образом, как показало проведенное нами исследование, прежде всего заслуживают пристального внимания семантические и формальные изменения словообразующих и формообразующих аффиксов талышского языка, принимающих участие в образовании соматической лексики. Изложенный материал представляет большой интерес не только с точки зрения изучения истории развития талышского языка, но и свидетельствует о необходимости детального, более углубленного анализа механизмов словообразования лексики, связанной с названием различных частей человеческого тела.

Список литературы

1. Миллер Б. В. Талышский язык / Б. В. Миллер. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1953.
2. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию / И. М. Оранский. – М., 1960.
3. Пирейко Д. А. Талышский язык / Д. А. Пирейко // Языки народов СССР. – Т.1. – М., 1966.
4. Spiegel F. Vergleichende Grammatik der Alt-Iranischen Sprachen / F. Spiegel. – Leipzig, 1882.

Умняшкін О. О. **Особливості утворення соматичної лексики талішської мови** // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.229-238.

Талішська мова є типовим представником північно-західної групи іранських мов, які існують на території історичної Великої Мідії. У роботі розглядаються особливості утворення соматичної лексики талішської мови.

Ключові слова: іраністика, талішська мова, словотвір, соматична лексика, частини мови.

Umnyashkin A. A. **Features of formation of somatic lexis of Tallish language** // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.229-238.

Tallish language is a typical representative of the north-west of the Iranian languages, to common in the historic Great Media. The paper discusses the features of formation of somatic vocabulary of Tallish language.

Key words: Iranian Studies, Tallish language, word formation, somatic vocabulary, parts of speech.

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 81–115

ПРОБЛЕМА ВИДІЛЕННЯ МІЖМОВНИХ ЛАКУН У ПРОЦЕСІ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

Філоретова Є.В.

*Кіровоградський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка,
м. Кіровоград, Україна*

*У статті визнаються способи виділення міжмовних лакун та важливість
вивчення лакунарності у процесі міжкультурної комунікації.*

Ключові слова: лакуна, лакунарність, міжкультурна комунікація.

У процесі міжкультурної комунікації між носіями мов виникає мовний бар'єр, що зумовлений національно-специфічними особливостями різних компонентів культур-комунікантів. С. Г. Тер-Мінасова до таких компонентів відносить: 1) традиції (або стійкі елементи культури), звичаї, обряди; 2) побутову культуру, тісно пов'язану з традиціями, тому її часто називають традиційно – побутовою культурою; 3) щоденну поведінку (звички представників певної культури, встановлені у певному соціумі, норми спілкування, а також пов'язані з ними мімічні та пантомімічні коди, що використовуються деякими носіями); 4) «національні картини світу», котрі відображають специфіку сприйняття навколишнього середовища, національні особливості мислення представників культур; 5) художню культуру, що відображає художні традиції певного етносу [8, с. 34-35].

Зв'язок мови і культури існує на лексико-семантичному рівні мови, одиниці якого реагують на зміни у всіх сферах людської діяльності. В основі семантичних систем різних мов лежать понятійні системи, сформовані у свідомості представників певної культури. В лінгвістичних дослідженнях зазначають важливість універсальних, загальнолюдських факторів для формування понятійних систем: єдність матеріального світу, фундаментальні умови життя і т. д.

Однак за умови існування загальних умов у когнітивній базі народу, існують і реалії культури, побуту, середовища, які в іншій культурі представлені повними або частковими пробілами. Такі невідповідності називаються лакунами. Міжмовна лексична лакуна в нашому розумінні – це певний смисл, що не має в досліджуваній мові однослівного найменування або найменування у вигляді стійкого словосполучення на фоні наявності подібних найменувань в мові зіставлення. Міжкультурна комунікація не може бути здійсненою у повній мірі без вивчення лексичної лакунарності та проблеми виділення міжмовних лакун, цим і визначається *актуальність* теми. *Метою статті* є визначення способів виділення лакун, які у подальшому будуть використані для аналізу матеріалу нашого дослідження. *Методика дослідження* передбачає комплексний підхід до вивчення проблеми, що

полягає у використанні наступних методів: теоретичний аналіз наукової літератури з теми дослідження та метод зіставного семантичного аналізу.

Важливість теоретичної розробки принципів системного виділення та опису лакун є важливим аспектом лінгвістики та теорії лакуарності, тому її вивченням займалися такі лінгвісти, як Г. В. Бикова, І. Ю. Марковина, З. Д. Попова, Ю. А. Сорокін, Ю. С. Степанов, І. А. Стернін, С. Г. Тер-Мінасова, О. О. Махоніна, А. М. Приходько, О. А. Крижко, Т. Д. Ніколаєва, Р. Л. Траск, Г. Шредер, А. Ертельт-Фіт, Ч. Хоккет.

Зіставлення семантичних просторів різних мов дозволяє побачити не тільки загальнолюдське, унікальне, але і виявити специфічне, національне, групове і індивідуальне в утворенні концептів, і семем, що виділяються з них, як певні сукупності ознак, їх структурації та вербалізації/невербалізації. Мова дозволяє виявити «значиму» відсутність неномінованих семем через систему словесно позначених значень як закономірно організований сукупності однорідних елементів одного рівня, що знаходяться у зв'язку один з одним, де кожен компонент існує в протиставленні іншим компонентам і характеризується притаманною тільки йому релевантністю. Таким чином, системний характер універсально непозначених семем (лакун) дозволяє розробити комплекс методів їх об'єктивного виявлення, оснований на системних властивостях мови.

Що стосується методу встановлення міжмовних лакун, то Ю. А. Сорокін вважає, що його можна інтерпретувати в термінах інваріанта і варіанта певної вербальної поведінки, властивій тій або іншій локальній культурі. Під інваріантом мовознавець розуміє всю сукупність вербальної поведінки людини, яка, реалізуючись у певному лінгвокультурному варіанті, має деякі відмінності і неспівпадіння в порівнянні з іншим лінгвокультурним варіантом поведінки. Іншими словами, в певному наборі правил вербальної поведінки виявляються відмінності та збіги інваріантного й варіантного характеру [6, с. 122].

Колектив учених у складі З. Д. Попової, Й. А. Стерніна і М. А. Стерніної називає основним методом виявлення міжмовних лакун зіставлення семантично-близьких лексичних одиниць різних мовних систем для виявлення факту існування еквівалентного перекладу цих одиниць іншою мовою. Якщо в мові, що зіставляється, відсутній перекладний еквівалент тому або іншому слову іншої мови, то в першій мові фіксується лакуна. Учені відзначають, що «сигналами» можливої лакуарності лексичної одиниці (слова, стійкого словосполучення, фразеологічної одиниці) є: розгорнена пояснювальна дефініція слова в перекладному словнику, примітка типу «в Україні», «у Росії», «у США», «у Великобританії» і т. п., пояснення слова в перекладацькому словнику через перелічувальний або синонімічний ряд [4, с. 155].

О. А. Рівліна для виділення як внутрішньомовних, так і міжмовних лакун, пропонує звернутися до аналізу метамовних коментарів, як один з додаткових методів виявлення лакун. Під метамовними коментарями розуміють особливого роду висловлювання, орієнтовані на код, наприклад, *інакше кажучи, правильніше сказати, якщо так можна висловитися* і тому подібне, в тих ситуаціях, коли мовці

намагаються компенсувати лакуни на інтуїтивному рівні. Лінгвіст підкреслює, що метамовна рефлексія носіїв мови може сприяти виявленню значного мовного матеріалу [5, с. 61].

Досліджуючи образи мовної свідомості людини, лінгвісти використовують асоціативні методики, що працюють з так званими асоціативними нормами, які дозволяють аналізувати не тільки семантичні зв'язки слів, що існують в психіці носіїв мови, але і отримувати інформацію про форму і організацію лексики людини. Услід за І. Ю. Марковіною і Ю. А. Сорокіним, мовознавці використовують асоціативний експеримент як спосіб виявлення інтрамовної лакунарності, який дозволяє виявити динаміку розвитку образів мовної свідомості, пов'язану із змінами в мові і менталітеті народу [3, с. 24].

Відзначимо те, що, незважаючи на існування численних способів виділення лакун, ця проблема до кінця не вирішена і вимагає подальшого уточнення. Як ми вже відзначали, під поняттям міжмовна лакуна ми розуміємо певний смисл, що не має в досліджуваній мові однослівного найменування або найменування у вигляді стійкого словосполучення на фоні наявності подібних найменувань в мові зіставлення. У зв'язку з вищесказаним, досить актуальним є питання про визначення ступеня стійкості словосполучень, представлених в словниках, як перекладацьких еквівалентів лексичних одиниць.

Слід зазначити, що стійкі словосполучення розглядалися багатьма дослідниками. С. В. Булавина відзначає, що стійкі словосполучення сконструйовані на основі вільних словосполучень на зразок тих або інших вільних синтаксичних конструкцій, що існують в мові в даний час або що існували у минулому [1, с. 19]. Як відзначає В. М. Телія, будучи «знаками вторинної номінації, характерною межею яких є образно-ситуативна мотивованість, яка безпосередньо пов'язана зі світосприйняттям народу-носія мови», стійкі словосполучення відображають «побутово-історичний, емпіричний і духовний досвід мовного колективу» [7, с. 23]. Проте наведені визначення, як і більшість інших, на жаль, не дають чіткої відповіді на питання, що ж можна вважати за «стійке словосполучення». Досить зручною для відмежування стійких словосполучень від вільних є концепція фразеологізму, запропонована М. М. Копиленко і З. Д. Поповою, згідно якої вільне поєднання виникає як сполучення лексем, що несуть семантику Д1Д1. Фразосполучення з семемами від Д1Д2 до КЗКЗ є не вільними, а, отже, стійкими [4, с.32-33]. Згідно з прийнятою концепцією, дволексемне сполучення *красива жінка* розглядається як вільне поєднання, оскільки його компоненти виступають в семемах Д1Д1, а поєднання *вибухова хвиля* повинно бути визнано стійким, тому що містить семантику Д1Д2.

Приблизно ці ж думки щодо характеру не вільного сполучення слів висловлювала і В. М. Телія, відзначаючи, що природа зв'язаного значення пов'язана з побічно-похідним його характером [7, с. 65].

Відзначимо, що при розгляді лакун методикою, засновану на аналізі двоскладних лексичних одиниць щодо стійкості або нестійкості сполучуваності вхідних в них компонентів, слід застосовувати не тільки до представлених в словниках перекладацьких відповідностей лексичних одиниць, але і до одиниць фонові мови.

Так, при вивченні російсько-англійських субстантивних лакун в нашу вибірку були включені не тільки прості, але і складені слова англійської мови, виділені в словниках окремою словарною статтею. Відзначимо, що дані складені слова графічно оформлені неоднаково: деякі пишуться разом, деякі – через дефіс, деякі – окремо. Спостерігаються випадки, коли в різних словниках одна і та ж лексема представлена по-різному: в одному словнику вона написана окремо, а в іншому – через дефіс або в одному словнику – через дефіс, а в іншому – разом, у зв'язку з чим інтерпретація цих одиниць як окремих лексем або словосполучень є досить складною. У практичному аналізі таких одиниць ми вважаємо за необхідне виходити з критерії цілооформленості слова [2, с. 20] і включати до вибірки одиниці, що мають хоч би в одному з розглянутих словників написання разом. Що ж стосується випадків написання окремо або через дефіс, то тут виникає необхідність визначення статусу даних одиниць, тобто чи є вони складеними словами, стійкими або вільними словосполученнями.

Безеквівалентними лексемами можуть бути визнані, згідно з нашим розумінням, лише одиниці перших двох категорій. Так, *dog days* – найспекотніші літні дні, *sand-glass* – тріщина на копиті у коня є стійкими одиницями, оскільки один з їх компонентів є переосмисленим. В той же час одиниці типу *apple pie* – яблучний пиріг, *knife-edge* – вістря ножа є вільними словосполученнями, оскільки їх компоненти виступають в семемах Д1.

Висновок. Запропонована нами методика виділення лакун представляється достатньо продуктивною і була успішно апробована нами при аналізі матеріалу і підготовці англо-українського словника безеквівалентної лексики. *Перспектива дослідження* полягає у подальшому вивченні проблеми та визначенні способів виділення лакун, які в майбутньому будуть використані для аналізу матеріалів досліджень з даної тематики.

Список літератури

1. Булынина М. М. Сегментная межъязыковая лакунарность и способы ее компенсации (каузированное перемещение в английском и русском языке) / М. М. Булынина // Язык. Этнос. Картина мира :- Кемерово: Графика, 2003. – С. 178-181.
2. Жирмунский В. М. О границах слова / В. М. Жирмунский // Вопросы языкознания. – М., 1961. – Вып. 3. – С. 3-21.
3. Марковина И. Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / И. Ю. Марковина. – М., 1982. – 148 с.
4. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Восток-Запад, 2007. – 320 с.
5. Ривлина А. А. Лакунарность как познавательный подход в межкультурных исследованиях / Ю. А. Сорокин, А. А. Ривлина. // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2003. – Вып. 2. – С. 183-189.
6. Сорокин Ю. А. Взаимодействие реципиента и текста: теория и практика / Ю. А. Сорокин // Функционирование текста в лингвокультурной общности. – М., 1978. – 156 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 236 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: [учебное пособие] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

Филоретова Е.В. Проблема выделения межъязыковых лакун в процессе межкультурной коммуникации // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.239-243.

В статье рассматриваются способы выделения межъязыковых лакун и значимость изучения лакунарности в процессе межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: лакуна, лакунарность, межкультурная коммуникация.

Filoretova E. The problem of identification of the interlanguage lacunas in the process of interlanguage communication // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.239-243.

The article deals with the ways of definition of the interlanguage lacunas and defines the importance of lacunas' studying in the process of interlanguage communication.

Key words: lacuna, interlanguage communication.

Поступила до редакції 15.04.2011 р.

УДК 811.161.1: 811.112.2

АНТРОПОНИМЫ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В РУССКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ XVIII ВЕКА

Чепурная Т. С.

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина

Статья посвящена рассмотрению прецедентных имён собственных и особенностям их функционирования в русском эпистолярном тексте 18 столетия в процессе освоения автором русского языка как иностранного.

Ключевые слова: *антропонимы, прецедентные имена собственные, эпистола, экстенциональная функция, интенциональная функция.*

Актуальность. Национальный корпус прецедентности является существенным элементом культурной грамотности, который меняется и расширяется со временем. Любая система онимов включает в себя прецедентные имена, представляющие определённый период исторического развития общества, являющиеся своеобразными памятниками общественной истории этноса, где прослеживается специфика знаковой системы и динамика языковых закономерностей [4, с. 216].

Цель. Рассмотрение прецедентных имён собственных и особенностей их функционирования в русском эпистолярном тексте 18 столетия в процессе освоения автором русского языка как иностранного.

Постановка проблемы. Состав прецедентных имён (в дальнейшем – ПИ) не является одинаковым в разных лингвокультурных сообществах, что обусловлено различиями в культурах и этническом сознании. В то же время ПИ совпадают в различных культурах. Это определяется большой распространённостью прецедентных феноменов во всех сферах деятельности человека и общества. Особенный интерес представляет функционирование антропонимов в письменной речи в процессе освоения автором иностранного языка. Прецедентный антропоним, бытуя в человеческой речи, может много сказать о его культуре, картине мира, его мировидении. Но со временем варьируется само понятие прецедентности.

Прецедентные имена делятся на универсальные, входящие в культурный фонд человечества; национальные, то есть те, которые разделяются только представителями более локальных культурных сообществ; социумно-прецедентные феномены, известные определённому социуму, и индивидуально прецедентные [3; 6].

Предметом нашего исследования являются прецедентные имена собственные и особенности их функционирования в русском эпистолярном тексте 18 века. Исследуемый материал представляет собой эпистолярный бытовой характер. Письма приближены к разговорной речи и составлялись автором самостоятельно без привлечения секретарей. Письма подразумевают личностное начало. Эмоционально-интимная дружеская переписка отражает стремление к раскрытию

личности, является своего рода откровением, сосредоточенным на внутренних переживаниях. Одной из характеристик подобных эпистол является обращённость к чувствам, впечатлениям автора. Эпистолярный обслуживает сферу общения, в соответствии с целью высказывания и прагматической установкой автора регулирует отношения между людьми и, следовательно, выполняет свойственные ему функции. Ведущей является функция сообщения в процессе личного общения [1, с. 16]. Письмо имеет свою специфику, свои характерные черты. К числу отличительных признаков принадлежит диалогичность, а в нашем исследовании это ещё и своего рода стимул для изъяснения на языке адресата. Письмо всегда двумерно, ибо отражает связь коммуникантов [1, с. 17]. Письма принадлежат перу императрицы российской Екатерине II, чьё имя само по себе уже стало прецедентным для русской истории. Её родным языком был немецкий, а русский она стала изучать лишь в пятнадцатилетнем возрасте и овладела им почти в совершенстве, преодолевая влияние немецкого языка. Определяя степень прецедентности имён собственных, употреблённых Екатериной в письмах, записках бытового характера и обращённых к Г. А. Потёмкину, опираемся на выводы, сделанные Л. П. Ивановой в статье «К проблеме заимствования прецедентных антропонимов»: не все прецедентные антропонимы остаются прецедентными для современного читателя. Если современный читатель с ним не знаком, это не значит, что данное имя теряет свою прецедентность и не может являться таковым. Его нужно рассматривать в контексте того времени [5, с. 60]. Екатерина в своих письмах употребляет много имён собственных, которые вряд ли скажут о чём-то важном нашим современникам, но имели огромное значение для России XVIII века.

Заняв своё место в художественном тексте, прецедентные имена функционируют в нём не только экстенционально (для именованного), но и интенционально (для характеристики), могут использоваться автором также в метафорической функции и в качестве имени-символа [9, с. 27]. Исследуемым материалом для нас служат тексты эпистолярного жанра любовно-бытового характера, в которых обиходно-разговорный стиль функционирует в сфере повседневного бытового общения и, как правило, реализуется в форме непринуждённой, неподготовленной, монологической речи на бытовые темы. В данных письмах наибольшую группу представляют антропонимы, называющие государственных деятелей: военных (Потёмкин, Суворов, Бибиков), политиков (Бестужев, Лопухин, Репнин), придворных (князь Голицын, граф Орлов, князь Вяземский). Отметим также, что приведённые примеры имён собственных в письмах употреблены автором именно в данной форме, т.е. чаще указаны только фамилии без инициалов либо придворный статус и фамилия. Большинство имён собственных относятся к социумно-прецедентному типу и, как правило, в тексте употребляются преимущественно фамилии, которые только именуют, но не несут коннотации или интенциональной функции. В. В. Красных отмечает, что ПИ, прежде всего, как любое другое индивидуальное имя, способно именовать предмет, указывая непосредственно на денотат. Это обуславливается характером и контекстом писем, а также, возможно, кругом интересов адресата Екатерины. Один

раз встречается в тексте ПИ, которое относим к типу национальных прецедентов. Это фамилия русского литератора екатериненской эпохи – *Фонвизин*. Данное ПИ, как и прочие, выполняет экстенциональную функцию: «*Чёрт Фонвизина к Вам привёл. Добро, душенька, он забавнее меня знатно...*». Высказанное недовольство в данной реплике проливает свет на сложные отношения между императрицей и писателем. В вопросах литературоведения и русского языка они были непримиримыми оппонентами. Попытки Фонвизина выступать в печати пресекались Екатериной II. В 1788 г. ему не разрешили издать ни пятитомное собрание своих сочинений, ни журнал «Друг честных людей, или Стародум» [7, с. 46]. Контекст приведённого примера и индивидуально-авторские коннотации выражают оценку автором писателя, а также дают основание говорить о том, что Екатерина интересовалась не только политикой.

В единичном употреблении встречается и универсальный прецедентный антропоним *Плутон*. В тексте он обладает эмоционально-экспрессивной коннотацией и используется в противительной конструкции «*Вы предстали предо мною, но отнюдь не в виде Плутона гневного, но снисходительного божка*». Плутон в греческой мифологии – одно из имён бога-владыки царства мёртвых Аида. В классической античности *Плутон* стал восприниматься как некая персонификация богатства. Предполагаем, что такая характеристика могла послужить Екатерине поводом для сравнения своего фаворита с античным богом, так как Григорий Александрович уже в 1762, на заре карьеры, имел в своём распоряжении 4 тыс. крепостных душ и обладал 10 тыс. рублей, а через двенадцать лет он назначен губернатором Новороссии, Азова и Астрахани. Таким образом, употреблённое для сравнения ПИ указывает и на социальный статус именуемого.

Положительными эмоционально-оценочными коннотациями с оттенками преклонения обладает ПИ Григорий Александрович Потёмкин. Поскольку письма имеют личный интимный характер и адресованы именно ему, то в них не упоминается его полное имя – Потёмкин Григорий Александрович. Автор использует такие модели именованности: имя + отчество, имя. Употребление каждой такой модели зависит от отношения автора к адресату в конкретный момент. Так, в начале своей переписки с Потёмкиным императрица обращается к нему исключительно по имени, по истечении двух лет чувства охлаждаются, и обращение осуществляется уже по имени-отчеству. К концу 1790 года Екатерина переходит на официальное обращение – *Князь Григорий Александрович*. Обращение по одиночному имени в русской традиции указывает на равенство коммуникантов, равный возраст и довольно высокую степень близости отношений. Полная форма имени может свидетельствовать о серьёзности разговора, натянутости отношений, придаёт коммуникации официальность.

Наряду со способностью передавать значимую информацию для реципиента, они обладают способностью делать ту же информацию закрытой для «непосвящённых» или для инокультурных реципиентов.

Для антропонимии особое значение приобретают категории уменьшительности и ласкательности. Ласкательность – особая категория, отражающая отношение говорящего к именуемому, независимо от семейных и других отношений.

Деминутивы характерны прежде всего для русской разговорной речи [2, с. 107]. Способ уменьшительности и выражение ласкательности в немецком словообразовании достигается при помощи добавления к основе лишь одного суффикса -chen, а значит, такой способ однообразен. В русском языке существует несколько способов для образования уменьшительно-ласкательных дериватов имён собственных. Екатерина экспериментирует с ПИ *Григорий*, образовывая ласкательно-уменьшительные формы этого имени собственного, а значит, овладевает русской культурой общения того времени: *Григорий* – *Гриша* – *Гришенька*. В русском языке краткие формы на **-ша** могут присоединять оба уменьшительных суффикса : -енька, -ечка. Форма на -енька более общеупотребительна и менее маркирована. А. Вежбицкая, исследуя функционирование уменьшительных суффиксов -очка/ -ечка и -енька/-онька, приходит к выводу, что формы на -енька обладают более интимными и личными коннотациями [2, с. 121-124].

Екатерина употребляет ещё один дериват от имени Григорий – *Гришён*к, выражая тем самым своё ласковое с оттенком покровительственности отношение к адресату. Формы на -енок присущи в большей степени существительным, обозначающим детёнышей животных.

Среди русских экспрессивных суффиксов суффикс **-ка** самый многосторонний и неуловимый [2; с. 137]. Он двойственен, многие авторы указывают на его пейоративность. А. Вежбицкая утверждает, что данному суффиксу присуще также положительное значение. В приведённых ею примерах встречаем и денотат имени Григорий – *Гришка*. Данное обращение может указывать как на близость и экспрессивность, так и на пренебрежительное отношение. Екатерина не употребляла форму обращения *Гришка*, она создала свои два производные этого имени: *Гришифушечка* и *Гришефишечка*. Оба именованья выражают положительную оценку. Благодаря мягким шипящим звукам создаётся эффект «сюсюканья» как с маленьким ребёнком, что вызывает положительные эмоции и определяет отношение автора к адресату.

Вывод. Из всего вышеизложенного приходим к заключению, что употребление прецедентных имён собственных в эпистолярном тексте выполняют следующие основные функции:

а) номинативную: прежде всего, ПИ, как любое другое индивидуальное имя, именуется предмет, указывая непосредственно на денотат, что обуславливается также характером текста; употребление ПИ может определяться кругом интересов и родом деятельности адресата;

б) эмоционально-оценочную функцию, которая характеризует отношение адресанта к адресату и его окружению; наличие деминутивов в эпистолярном тексте бытового характера может указывать на степень владения и умение мыслить на осваиваемом языке.

Список литературы

1. Антоненко С. В. Структура писем А.С. Пушкина: (Лингвостилистика текста) / С. В. Антоненко. – К.: Знання, 2000. – 154 с.

2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. [отв. ред. М. А. Кронгауз / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М., 2003.
4. Жапова Д. Н.-Д. Антропонимы как этноисторическое явление [Электронный ресурс] / Д. Н.-Д. Жапова. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics4/zhapova-04.htm>. – Название с экрана.
5. Иванова Л. П. К проблеме заимствования прецедентного антропонима / Л. П. Иванова // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2005. – Т.18 (57), №2. – С. 58 – 61. – (Серия «Филология»).
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1975.
8. Потёмкин Г. А. биографический указатель [Электронный ресурс] / Г. А. Потёмкин – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/potemkin_ga.php. – Название с экрана.
9. Яцура А. П. Антропонимикон современных поэтических и прозаических произведений А. Вознесенского и Е. Евтушенко (структурно-функциональный аспект): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.02 «русский язык» / А. П. Яцура. – К., 2009. – 434с.

Чепурна Т. С. Антропоніми як прецедентні імена в російському епістолярному тексті XVIII століття // Ученіе запискі Таврического національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина І. – С.244-248.

Стаття присвячена розгляду прецедентних імен та особливостям їхнього функціонування в російському епістолярному тексті 18 століття в процесі освоєння автором російської мови як іноземної.

Ключові слова: антропоніми, прецедентні імена, епістола, екстенціональна функція, інтенціональна функція.

Chepurna T.S. Anthroponyms as precedent nouns in the Russian epistolary text of the XVIII century // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part I. – P.244-248.

The article deals with consideration of precedential personal names and peculiarities of their functioning in the Russian epistolary text of the 18th century in the process of mastering of Russian as foreign language by the author.

Key words: anthroponyms, precedential personal names, epistle, extensional function, intensional function.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 811

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Шаклеин В. М.

Российский университет Дружбы народов, г. Москва, Россия

Автор статьи делает попытку выявить особенности формирования культурно-плюралистического общества, мультикультурного дискурса, приходит к выводу, что культурный плюрализм состоит во взаимодействии, взаимном проникновении и трансформации представителей разных лингвокультур.

Ключевые слова: мультикультурализм, язык, культурно-языковое пространство, культура, этничность, лингвокультура.

В самом начале 2011 года в Европе остро встал вопрос об отношении национальных обществ континента ко все увеличивающимся сообществам мигрантов. В этой связи некогда провозглашенная европейскими странами политика мультикультурализма стала подвергаться ревизии. Так, о провале политики мультикультурализма заявили канцлер Германии Ангела Меркель, президент Франции Николя Саркози и премьер Великобритании Дэвид Кэмерон. В Германии, как известно, проживает многочисленная турецкая община, во Франции и Великобритании – община уроженцев арабских стран. Саркози в интервью французскому ТВ сказал, что во всех демократических сообществах «уделяли слишком много внимания идентичности тех, кто приезжает в страну, и слишком мало внимания идентичности тех, кто их принимает. Все чаще во Франции слышится нефранцузская речь, что несет явную угрозу французскому языку и французской культуре» [<http://www.inoforum.ru/inostrannaya>]. Совокупную позицию руководителей стран Еврозоны по этому вопросу высказал Генсек Совета Европы Торбьерн Ягланд, поддержав позицию Германии и Франции, заявивших о провале политики мультикультурализма в Европе. Он также предупредил о рисках, связанных с существованием крупных обособленных культурных групп. «Мультикультурность способствует образованию параллельных культурных и языковых сообществ в одном государстве. Этому надо положить конец. Также ясно, что некоторые параллельные сообщества стали почвой для роста опасных и радикальных идей. Это для нас неприемлемо», – сказал Торбьерн Ягланд.

Актуальность подобной проблематики очевидна и для России, которая еще в большей степени, чем Евросоюз, подвержена наплыву иноязыких и инокультурных мигрантов. Наиболее показательным городом в этом смысле является столица России – Москва. Ежедневно москвичи сталкиваются с различными группами людей, явно отличающихся от них по культуре и языку. Воспитанные на позициях советского, а позже российского мультикультурализма, москвичи пытаются с пониманием отнестись к таким людям, исходя, главным образом, из впитанной с молоком матери концепции, согласно которой, единственная мера, которая позволит России сохраниться в своих нынешних границах и состоянии, – это ставка на

надэтническую идентичность, объединяющую всех живущих в России. Но наряду с этой же концепцией у людей возникает интуитивное неприятие чуждого им облика и невероятного многоязычия. Проблема здесь состоит в том, что за обилием африканских, центральноазиатских, юго- и восточноазиатских, латиноамериканских, кавказских языков и диалектов следует закрепление со стороны их носителей своеобразных культурных и социальных пространств и ниш, некогда занимаемых русскими. Это касается не только пространства духовного, но и сугубо физического: определенные бары, клубы, рестораны, кварталы, улицы, профессии (с соответствующими территориальными притязаниями) закрепляются за конкретными национальными сообществами как зона их уже традиционного обитания. Появление в таких зонах русского человека воспринимается новыми национальными сообществами по меньшей мере с недоумением. В таких зонах нормы поведения русских людей, русский язык (как впрочем и любой иной) не в ходу. Приветствуются лишь национальный язык и система поведения «коренного» национального сообщества данной зоны. В результате Москва стала буквально задыхаться от армянских, азербайджанских, вьетнамских, китайских кафе, клубов, рынков, общежитий, домов, дворов, улиц. При этом подобных территориально очерченных анклавов становится все больше. И, заходя куда-либо, коренной москвич задает вопрос, а туда ли он попал, к себе ли?

Также существуют немало проблем, связанных с этнической составляющей в школьных образовательных учреждениях.

В Москве традиционно проживали и говорили на родных языках многие народы. Недаром в Москве появились Татарская, Большая Грузинская улицы, Малая Ордынка, Армянский переулок, еврейский квартал между Маросейкой и Славянской площадью. И, несмотря на то, что татары, грузины, монголы, армяне, евреи и другие национальности всегда отличались яркостью и самобытностью, в культурном плане они никогда не претендовали ни на какую культурную или территориальную автономию внутри мегаполиса.

Говоря о москвичах, мы имеем в виду не только русских. По большому счету, Россия не страна иммигрантов. Народы и народности, проживающие на ее территории, имеют свои собственные исторически закрепленные за ними ареалы проживания, они прочными нитями традиций связаны со своим культурным и историческим прошлым. Но они одновременно связаны и между собой. За века совместного проживания они культурно адаптировались друг к другу. И чем дольше находился народ в составе России, тем эти связи становились прочнее.

Какие-то народы России ближе друг к другу, какие-то дальше. Подобные культурные и языковые дистанции всегда воспринимались хотя и не до конца, но с некоторой долей понимания. Нынешнее же культурно-языковое состояние российских городов нормой уже назвать нельзя.

Именно поэтому в России само слово «мультикультурализм» провоцирует недоразумения, несогласие и возмущение. Справедливости ради стоит отметить, что оно не было однозначным уже в пору своего возникновения, а за полтора десятилетия его использования в публичных дебатах сочленилось с самыми противоречивыми, вплоть до взаимно исключаящих, значениями: от критики либерализма до этноцентризма, до мотивированного изоляционизма.

Разумеется, вряд ли можно закрепить за этим термином какое-то одно значение и запретить его употребление в других значениях. Но в то же время можно попытаться провести хотя бы предположительно различие между двумя уровнями проблематики: социальной реальностью и высказываниями по поводу этой реальности. Как бы ни были эти уровни переплетены друг с другом, в аналитических целях совершенно необходимо различать, с одной стороны, порождаемые в ходе общественной жизни проблемы, а с другой – идеологическое отражение этих проблем.

Можно предположить, что проект культурно-плюралистического («мультикультурного») общества может быть реализован в качестве проекта либерально-демократического. Для этого его следует освободить от той части коннотаций, которые он приобрел в идеологии мультикультурализма.

В ряде исследований было замечено, что «мультикультурализм» – в значительной мере лишь риторическое обновление старых проблем: лишь переименование процессов, которые, начиная с 60-х годов XX века, осмыслялись в нашей стране в терминах «этнического возрождения». Категория «культура» пришла на смену категории «этничность» потому, что предлагала более широкую, более мягкую и более расплывчатую формулу для описания конфликтного современного общества. Закрывая глаза на структурные проблемы современных обществ и выдвигая на первый план «культурные» проблемы (или, скорее, перекодируя структурные проблемы в культурные), адепты мультикультурализма пошли либо по пути романтизации и морализации реальности, либо по пути отказа от аналитической строгости [1, с. 138-157].

Обращалось внимание и на инструментальный характер политик мультикультурализма (они же – «политики различия»). Даже в тех странах, где мультикультурализм был провозглашен официальной политикой (Канада и Австралия), его введение имело прежде всего функциональный смысл. В канадском случае это было продиктовано опасностью квебекского сепаратизма французов. Объявляя основной целью своего правления построение мультикультурного – но, подчеркнем, не мультинационального – общества, канадские власти пытались, с одной стороны, нейтрализовать сепаратистские устремления франкофонного Квебека, а с другой – смягчить обеспокоенность англоязычного большинства относительно национально-государственной целостности страны. В австралийском случае официальное введение мультикультурализма было вызвано, главным образом, оскудением иммиграционного потока к началу 70-х годов XX в., что могло повлечь за собой неблагоприятные последствия для демографической и экономической ситуации [2].

В Соединенных Штатах широкое распространение мультикультуралистской риторики связано с такой особенностью американского публичного дискурса, как невнимание к социально-классовой стратификации, тенденцией сводить общественные противоречия к противоречиям «ментальностей»; отсюда преувеличенное значение, придаваемое гармонизации, консенсусу, лучшему взаимопониманию и т.д. [3, с. 77-94].

Инструментальный характер мультикультуралистского дискурса демонстрирует случай Германии: первыми пропагандистами мультикультурализма здесь выступили представители промышленного капитала – крупные «хозяйственники», озабоченные

ухудшением ситуации на рынке труда (опять-таки вызванной слабым притоком свежей рабочей силы). Известно, что заслуга введения терминов «мультикультурализм» и «мультикультурное общество» в немецкоязычном пространстве принадлежит Хайнеру Гайсслеру, крупному функционеру ХДС/ХСС [4, с. 125-146].

Исследователи неоднократно говорили о методологических несообразностях и теоретических подводных камнях, связанных с введением в научный оборот понятий «мультикультурализм» и «мультикультурное общество». В каком смысле здесь можно вести речь о некоторой стране как мульти-культурной (многокультурной)? Поскольку культура есть символическая система, характерная для определенного общества и кодифицированная в институтах этого общества, то наличие в одном обществе множества культур, по всей видимости, весьма проблематично. Если различные социальные группы являются носителями особых, самостоятельных языков и культур, то не будет ли более правомерным вести речь не о многокультурности общества, а о сосуществовании внутри одного государства различных обществ? Культура и язык, помимо кодификации в институтах, предполагают также определенную систему знания и закрепления этого знания. В какой мере правомерно говорить о множестве культур, если их представители – благодаря единой системе образования и единой системе массовой коммуникации – разделяют друг с другом одну и ту же систему знания? Похоже, что сторонники мультикультурализма склонны вести речь о «культурах» там, где на деле имеют место субкультуры.

Кроме того, мультикультурализм исходит их тождества между этничностью и культурой (молчаливо предполагая, что различная этническая лояльность означает различную культурную лояльность). Это в некоторой степени справедливо для традиционных обществ, но вряд ли справедливо для современных индустриальных (и тем более постиндустриальных) обществ.

Достаточно очевидно, что понятие «культура» в его использовании мультикультуралистами выполняет компенсаторную функцию: социальные группы, лишенные власти (например, иммигранты первого и второго поколения) наделяются особой креативностью, выступая в качестве носителей особой «культуры». Это может быть лестно для отдельных представителей этих групп, но ничего или мало что меняет в их действительном положении в экономической и политической иерархии.

С отмеченным обстоятельством связан еще один нюанс, встроенный в идеологию мультикультурализма: она способствует расиализации и этнизации общественного дискурса. Осмысляя социально-классовые и социально-групповые различия в расовых и этнических терминах, мультикультурализм окончательно закрепляет дискриминацию. Тем самым он лишь углубляет и без того имеющую место геттоизацию меньшинств. Мультикультурализм перетолковывает противоречия (социальных, экономических, политических, региональных) интересов в противоречия (этнического, конфессионального) происхождения. Способствуя этнизации социальных конфликтов, мультикультуралистская идеология делает их неразрешимыми.

Выводы. Таким образом, опасения относительно политики культурного плюрализма («мультикультурализма») в том виде, как они были реализованы в ряде западных стран, вызваны этнической центрированностью этих политик. Поскольку термин «мультикультурализм» сегодня прочно связывается с этнически и конфессионально мотивированным изоляционизмом, вряд ли уместно пытаться его

удержать, освободив от негативных коннотаций и придав ему граждански-демократический смысл. Но если от проблематичного термина и можно отказаться, то отказаться от мероприятий по организации общежития в условиях культурной плюральности нельзя. Культурное различие есть конститутивный момент демократического общества. Поэтому вопрос не в том, поощрять или не поощрять культурное разнообразие, а в формах этого поощрения.

Культурное разнообразие – это не только и не столько этническое разнообразие. Это разнообразие жизненных стилей, культурных ориентаций и культурных тенденций. Культурный плюрализм состоит не в параллельном существовании автономных «идентичностей», а в их взаимодействии, что предполагает как их взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию.

Список литературы

1. Radtke F. O. Multikulturalismus – Regression in die Moderne? / F. O. Radtke // *Fliuchtpunkt Europa. Migration und Multikultur*. Hrsg. von Martina Fischer. Fr.am. – M., 1998. – S. 138-157.
2. Castles S., Kalatzis M., Cope B., Morrissey M. Mistaken Identity: Multiculturalism and the Demise of Nationalism in Australia / S. Castles, M. Kalatzis, B. Cope, M. Morrissey. – Sydney, 1992.
3. Puhle H. J. Multiculturalismus und der amerikanische consensus. – *Multikulturelle Gesellschaft: Modell America?* Hrsg. von B. Ostendorf / H. J. Puhle. – Muenchen, 1994. – S. 77-94.
4. Geissler H. G. Buerger, Nation, Republik – Europa und die multikulturelle Gesellschaft / H. G. Geissler // *Die multikulturelle Herausforderung. Menschen ueber Grenzen – Grenzen ueber Menschen*. Hrsg. von K. Bade. – Muenchen, 1996. – S. 125-146.

Шаклейн В.М. Мультикультуралізм і культурно-мовний простір // Ученіє запискі Таврічеського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.249-253.

Автор статті робить спробу виявити особливості формування культурно-плюралістичного суспільства, мультикультурного дискурсу, приходять до висновку, що культурний плюралізм полягає у взаємодії, взаємному проникненні та трансформації представників різних лінгвокультур.

Ключові слова: мультикультуралізм, мова, культурно-мовний простір, культура, етнічність, лінгвокультура.

Shaklein V. M. Multiculturalism and Language and Culture Environment // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.249-253.

The article reveals specific features of multicultural society and multicultural discourse. The author comes to conclusion that cultural pluralism concerns interaction and mutual transformation of the representatives of different cultures.

Key words: multiculturalism, language, language and culture environment, culture, ethnicity, linguistic culture.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 81'246.3'373.7

**ФРАГМЕНТ «ПРИСТАЛЬНО СМОТРЕТЬ» В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕМЕМЫ «ГЛАЗ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕЗГИНСКОГО, РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Шахбанова А.Р.

*Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия*

В настоящей статье описываются некоторые ментальные сущности каждого из цитированных языков. На материале разносистемных языков рассматриваются особенности видения мира через призму фразеологизмов с соматизмом «глаз» на лезгинском, русском и французском языках.

Ключевые слова: *межъязыковое фразеологическое пространство, внутренняя форма фразеологизма, национальные стереотипы, эквивалент.*

Постановка проблемы. В структуре межъязыкового фразеологического пространства семемы «глаз» лезгинского, русского и французского языков фрагмент «зрительная фиксация» представлен наибольшим числом единиц – соответственно, 19, 14 и 25 [4, с. 110].

Наибольшее число фразеологических единиц внутри фрагмента «зрительная фиксация» кодифицирует степень, глубину взгляда. При этом внутренняя форма фразеологизмов при идентичности фразеологических значений отчасти совпадает во французском и лезгинском языках, ср.: лезг. *вил вегьин* «глаз бросить» взглянуть, бросить взгляд; франц. *jeter l'oeil* «бросить глаз» взглянуть, бросить; рус. *одним глазом взглянуть* посмотреть, мельком взглядом (*oeil 161*).

Частичность совпадения внутренней формы межъязыковых коррелятов заключается в том, что в случае лезгинского языка глагол *вегьин* означает «бросить сверху вниз». В морфологии французского *jeter l'oeil* (бросить глаз) «взглянуть» глагольный компонент аналогичен русскому «бросить», и оба вместе соответствуют семантике лезгинского *гадарун* «бросить» ср.: лезг. *къван гадарун* бросить камень; франц. *jeter unepierre* бросить камень; рус. *бросить камень*, но лезг. *къван вегьин* «бросить камень сверху вниз».

В русском языке *одним глазом взглянуть* «посмотреть мельком» семантика фразеологизма избыточна: глагольный компонент «взглянуть» достаточно полно передает семантику «посмотреть мельком». Таким образом, при почти полной эквивалентности лезгинского и французского фразеологизмов русский коррелят выступает как частичный фразеологический эквивалент. В лезгинском языке фразеологическое «взглянуть» передается вариативно: *вил хуклун* (коснуть взглядом) «едва увидеть»; *вил акьун* (глаз стукнуть) «коснуться взглядом»; *вил хуькуьрун* (глаз ковырять) «смотреть украдкой». Семантический объем этих трех фразеологизмов лезгинского языка соответствует семантическому объему французского *risquer un oeil* (рисковать глазом) «взглянуть украдкой, кинуть быстрый взгляд» (*oeil 189*).

Все три языка репрезентируют ментальную сущность «внимательно, пристально смотреть». Однако при единстве фразеологического значения внутренняя их форма совпадает частично, ср.: лезг. *вилер(къве вил) атГумун* (глаза, два глаза упереть) «пристально смотреть»; франц. *avoir l'oeil (les yeux) sur* (иметь глаз, глаза на ком-либо) «пристально смотреть, следить» (*oeil 24*); рус. *в оба (два, три) глаза смотреть* «с напряжением, вниманием смотреть». В лезгинском языке *къве вил атГумун* (два глаза упереть) и русском языке *в оба (два) глаза смотреть* отражается почти одинаковое видение мира: различие во внутренние формы вносится глагольными компонентами: *упереть (два глаза)* в лезгинском языке и *смотреть в оба (два) глаза*. Такими же почти фразеологическими эквивалентами являются и корреляты: лезг. *вилер атГумун* (глаза упереть) и русс. *смотреть во все глаза* – пристально, внимательно смотреть. С иной внутренней формой то же фразеологическое значение «пристально смотреть» вербализуется и во французском языке, ср.: *Etre tout yeux* (полностью быть глаза) «смотреть во все глаза» (*0 -186*).

Как и лезгинский язык, русский и французский языки используют разнообразные экстралингвистические основы для репрезентации ментальной сущности «пристально смотреть». Во всех трех языках используется особенность поедания животным, которая метафорически переносится на глаза, ср.: лезг. *вилеривди тГуьн* (глазами поедать) «пожирать глазами»; рус. *пожирать глазами* «пристально смотреть»; франц. *manger des yeux* (есть, пожирать глазами) «жадно смотреть» (*oeil 165*).

При единстве фразеологического значения сравниваемые единицы отличаются экспрессивностью: наиболее выразителен русский коррелят (пожирать), которому соответствует французский вариант *devoorer des yeux* (пожирать глазами); лезгинский – *вилеривди тГуьн* (есть глазами) и французский *manger des yeux* менее экспрессивны. Это объясняется тем, что в лезгинском языке глагол *тГуьн* не различает «есть; кушать; пожирать». Во французском языке глагол *manger (des yeux)* стилистически нейтрален.

Русский и французский языки кодифицируют «пристально смотреть» как постоянную, неотрывную фиксацию объекта глазами: однако при единстве фразеологического значения сильнее отличается внутренняя форма, ср.: рус. *глаза не отрываются от кого-либо* «кто-либо пристально смотрит на кого -либо»; франц. *coller son oeil (les yeux) sur* клеить глаз (глаза) к чему-либо.

С этими фразеологизмами сравнимо лезгинское устойчивое сочетание *вил (вилер) атГумун* (глаз, глаза упереть) «пристально смотреть».

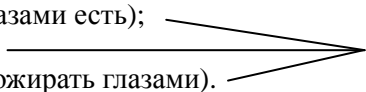
В отличие от русского и лезгинского языков, французский язык опирается на большее разнообразие объективной реальности, которая выступает как основа объективации «пристального смотрения», ср.: *se remplir l'oeil* (наполнить свой глаз) «вдоволь наглядеться» (*oeil 187*); *ne pas lever les yeux de dessus* (не поднимать глаз с поверхности) «не отрывать взгляда» (*oeil 164*); *avoir l'oeil (les yeux) sur* (иметь глаз, глаза на ком-либо) «пристально, внимательно смотреть» (*oeil 96*); *avoir qch devant les yeux* (иметь что либо перед глазами) «постоянно иметь перед глазами» (*oeil 92*).

Французская ментальность, в отличие от русского и лезгинского сознания, использует национальные стереотипы при репрезентации ментальной сущности «пристально смотреть», кодифицируемой фразеологическими средствами с семемой «глаз»: *Faire l'oeil americain* (делать американский глаз) «пристально смотреть, сверлить взглядом» (*oeil 44*) [1-4].

Выводы и перспективы. Таким образом, межъязыковой фрагмент «зрительная фиксация» в структуре семантического пространства соматизма «глаз» в лезгинском,

русском и французском языках отмечен единичными фразеологическими эквивалентами: лезг. *вил вегьин* «глаз бросить» бросить взгляд; фран. *jeter l'oeil* «бросить глаз» взглянуть.

Лезг. *вилеривди тІуьн* (глазами есть);
Русс. *пожирать глазами*;
Фран. *devorer des yeux* (пожирать глазами).



«пристально смотреть»

Основная масса фразеологизмов является переводными эквивалентами, объединенными семемой «глаз» при различной внутренней форме фразеологизмов.

Фрагмент «зрительная фиксация» в межъязыковом фразеологическом пространстве не содержит лакун, «сигналами которых являются развернутые объяснительные дефиниции».

Список литературы

1. Гюльмагомедов А.Г. Лезгинско-русский словарь / А.Г. Гюльмагомедов. – Ч.І. – Махачкала, 2003.
2. Попова З.Д. Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин, М.А. Стернина // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2002. – С. 155-170.
3. Французско – русский фразеологический словарь. – М., 1963.
4. Шахбанова А.Р. Общая характеристика межъязыкового фразеологического пространства семемы «глаз» в лезгинском, русском и французском языках / А.Р. Шахбанова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – №3. – Махачкала, 2010. – С. 110-113.

Шахбанова А.Р. Фрагмент «пильно дивитися» у міжмовному фразеологічному просторі семими «око» (на матеріалі лезгинської, російської та французької мов) // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.254-256.

У цій статті описуються деякі ментальні сутності кожної з цитованих мов. На матеріалі різносистемних мов розглядаються особливості бачення світу крізь призму фразеологізмів із соматизмом «око» лезгинською, російською та французькою мовами.

Ключові слова: міжмовний фразеологічний простір, внутрішня форма фразеологізму, національні стереотипи, еквівалент.

Shahbanova A. R. Fragment of "stare" in interlanguage phraseological space Semmes "eye" (on the basis of Lezgian, Russian and French languages) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.254-256.

This paper describes some of the experimental nature of each of the cited language. On the material of different systems of languages are considered especially seeing the world through the prism of idioms with somatizm "eye" on Lezgin, French and Russian language.

Key words: cross-language phraseological space, the inner form of idiom, national stereotypes, the equivalent.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 811. 35

ПРОЦЕСС МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ НАРЕЧИЙ В КАРБАЧИМАХИНСКОМ ГОВОРЕ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Шахбанова П.Г.

*Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия*

В данной статье исследуется процесс морфологического формирования наречий в карбачимахинском говоре даргинского языка. При необходимости приводится материал литературного даргинского языка.

Ключевые слова: *даргинский говор, производные наречия, суффиксы, структурные модели, сложные основы, грамматическая категория, словосложение.*

Постановка проблемы. При образовании наречий суффиксы и суффиксальные комплексы прибавляются к основам дейкtonимов, существительных, прилагательных, числительных. Отдельные именные основы и морфемы выступают в качестве словообразовательных основ и суффиксов целого ряда единичных наречий. Представлены также случаи внутренней конверсии, когда одна и та же именная основа путем прибавления разных словообразовательных суффиксов дает различные наречия, ср.: *гьетту* «туда», *гьет замана* «тогда» и т.д. [1-4].

Суффикс **-ли** – активный суффикс, присоединением которого образуется самое большое число наречий говора. Этот суффикс, по форме совпадающий с падежной формой эргатива.

Основы производных наречий в карбачимахинском говоре не одинаковы по своей структуре и делятся на простые и сложные.

Простые основы имеют следующую структуру: корень + суффикс, ср. *дуцI+ли* «бегом», *ишала+ли* «светло», *кам+ли* «меньше» и т.д.

Сложные основы наречий имеют несколько структурных моделей: основы, представляющие собой повторяющийся корень + суффикс **-ли**: *багъла-багълали* «медленно», *кам-камли* «мало-мало», *багъла-багълали* «медленно»; основы, представляющие собой два разных корня + суффикс **-ли**: *рах-махли* «изредка», *кам-гьамли* «изредка», *ара-сагъли* «здорово».

Путем прибавления суффикса **-ли**, **-к**, **-ан** основ прилагательных и числительных образуется большое количество разнообразных наречий, например: *багълали* «медленно» (ср. прилаг. *багълаци* «медленный»), *ванали* «тепло» (ср. прилаг. *ванаци*) и т.д.

В говоре наблюдается морфологическое явление – переход **-л** в **-р** на стыке морфем, если основа заканчивается на **-р**, а суффикс или окончание начинается с **-л**.

В качестве фонетического варианта морфемы **-ли** следует рассматривать и морфему **-ни** литературного языка, например: *къанни* «поздно», *лугъуьнни* «гладко».

Суффикс **-ра** достаточно распространен в говоре *гъатлара* «еще», *чуйнара* «несколько раз», *марлира* «действительно».

Суффикс **-ра** следует отличать от омонимичного союза **-ра** и усилительной частицы **-ра**, ср.: *аттара вачлиб* «и отец пришел». *Абазайхъалира абацхъалира бачлиб* «И тети и дяди пришли».

С помощью суффикса **-на** образуются счетные наречия. Для образования этих наречий суффикс **-на** присоединяется к числительным: *гъай* + *на* «трижды», *гъай* + *на* «двадцать раз», *цай* + *на* «одиножды», *дари* + *на* «сотни раз», *азир* + *на* «тысячи раз» и т.д.

Словообразовательным суффиксом наречий говора является суффикс **-ри**. В наречиях говора данный суффикс встречается всего в нескольких случаях: *хъари* «наверх», *хъхъари* «вниз». Эти наречия образовались от непроизводных наречий *чи* «на, наверх», *гу* «под, вниз».

Прибавлением к данным наречиям классного показателя **в, р, б** образуются локативные формы: *хъарив* «он наверху», *хъарир* «она наверху», *хъариб* «оно наверху»; *хъхъарив* «он внизу», *хъхъарир* «она внизу», *хъхъариб* «оно внизу».

Суффикс **-г1и**, распространенный в даргинском литературном языке, как свидетельствует наш материал, не получил своего развития в исследуемом нами карбачимахинском говоре. По мнению профессора М.-С. М. Мусаева: «Это было обусловлено как фонетическими процессами, которые ослабили его манифестацию, так и содержательными особенностями, характеризующими данный падеж слабым семантическим противопоставлением другим сериям латива. Последнее давало возможность в тех или иных случаях заменять контлатив прелативом, постлативом и контлативом на -шшу» [3, с.68], например, карбачимахинский говор: *ц1алишшу* даргинский литературный язык *ц1алиг1и* «у огня».

В исследуемом нами говоре звуки **г1** и **х1** не получили дальнейшего развития, а наоборот, подверглись редукции, не сохранились до сегодняшнего дня формы суффиксов **-г1и, -г1е**.

В говоре суффикс **-лиаь** широко используется для выражения как временных, так и пространственных отношений. Этот суффикс, как словообразовательный элемент наречий, показывает и отношения направленности действия вовнутрь, например, *ц1аббилиаь* «там, где темно», *буххарилиаь* «там, где холодно».

Суффикс **-в (р, б, д)**. Одним из многих характерных признаков исследуемого нами карбачимахинского говора и в целом даргинского языка, наречия является то, что целый ряд из них (в количественном отношении их довольно много) принимает варьирующие классные показатели, и грамматически согласуется с тем именем существительным, к действию или состоянию которого они относятся. В наречии *бих1хъе* «долго» **-б** является классно-числовым показателем: *вих1хъе* (м. р.), *рих1хъе* (ж. р.), *бих1хъе* (с.р.), *дих1хъе* (мн.ч.).

Наречия, в составе которых встречаются классный показатель, встречаются во всех диалектах даргинского языка. Например: **в (р, д, б)** *валк1унни* (м.р.), *ралк1унни* (ж.р.), *балк1унни* (ср.р.), *далк1унни* (мн.ч.) «криво».

Использование классных суффиксов в качестве словообразовательных, как правило, дает локативную семантику, ср.: *уркка* «середина», *урккав* (м.р.), *урккар* (ж.р.), *урккаб* (ср.р.), *урккад* (мн. ч.).

Суффикс **-ту**, как правило, присоединяется к указательным местоимениям всех разновидностей и образуется целая серия наречий. Такими являются следующие наречия говора: *иштту*, *гыиштту*, *гыилту*, *илтту*, *гыехьту*, *икту*, *гыекту*, *ихтту*, *итту*, *гьетту* «туда», различные направления типа «под, на, за».

Пространственная семантика является основной семантикой для наречий, образованной с помощью суффикса **-а**.

Суффикс **-а** встречается и в словах производных и также образованных от него топонимических названиях. Например: *ишии* «село» – *ишиа* «в село», *хьхьаришиа* «в нижнюю часть села», *хьхьаришиа* «в верхнюю часть села», *ттураишиа* «в чужое село».

Суффикс **-ла** в даргинском языке и в карбачимахинском говоре известен как показатель родительного падежа. Но этот суффикс способен быть носителем семантики еще целого ряда лексико-грамматических единиц, в том числе и наречия. Это значит, что здесь имеет место структурный параллелизм разных языковых единиц, их соотношение. Такие совпадения, как говорили и выше, ни в коем случае не являются исторически формами именных падежей.

Наряду с направлятельными падежами имен аддитивную семантику в языке представляют также пространственные наречия. К таким наречиям аддитивной семантики относятся следующие наречия с суффиксом- **ла**: *гьа-ла* «вперед», *гыи-ла* «назад», *сса-ла* «вперед».

Суффикс **-ни** в плане выражения совпадает с суффиксом эргатива **-ни**. В даргиноведении вопрос суффиксов **-ли** и **-ни** является до сих пор спорным.

Нет четкого правила, когда пишется в эргативной форме **-ли**, а когда пишется **-ни**, особенно тогда, когда слово заканчивается на гласный звук.

Преимущественно суффикс **-ни** функционирует в тех именных или наречных формах, которые заканчиваются на согласный **-н**. Конечный **-н** ассимилирует следующий за ним суффиксальный **-л-**, в результате чего вместо суффикса **-ли** мы имеем суффикс **-ни**: *диглаьнни* *диглаьнли* «тайно» *паиманни*, *паиманли* «грустно», в говоре используют обе формы.

Отдельную группу составляют наречия, образованные путем сложения одинаковых или разных основ. Сложные наречия образуются путем сочетания двух или более слов. Первыми компонентами таких сложений чаще всего выступают местоимения *гьет* «этот», *ит* «тот», *ил* «это».

Вторым компонентом выступают, главным образом, существительные, обозначающие время и пространство, а также наречия места и времени.

Часть таких образований представлена слитными наречиями: местоимение + существительное *иели* «сегодня», *ий* «этот» + *бари* «день», *ийдус* «в этом году», *ий* «этот» + *дус* «год»; числительное + существительное *цакьяйда* «одинаково» *ца* «один» + *кьяйда* «положение, состояние».

Ряд наречий даргинского языка образуются путем присоединения двух различных слов: соединяются антонимичные слова: *гьетту-гьаиштту* «туда-сюда»,

лакк-катI «вверх-вниз», гыла-ссала «взад-вперед»; составные, образованные путем соединения разных слов. Подобные сложения пишутся раздельно: *гыар чинаб* «везде и всюду», *гыар муснаб* «везде»: словосложения, вторая часть которых не имеет самостоятельного значения. Подобные образования пишутся через дефис. Например: *кам-гьамли* «малу-помалу»; некоторые наречия образуются путем присоединения определительных частиц к наречиям: *чина-бикьянни* «куда угодно», *чина-биххалра* «где-нибудь», *цен-биххалра* «как-нибудь».

Широко представлены в говоре редупликативные наречия. Наблюдается полная и частичная редупликация: полная редупликация: *багыла-багыла* «еле-еле», *ссала-ссала* «сначала», *замана-замана* «время от времени»; частичная редупликация: *мар-марли* «действительно», *багыла-багылалы* «потихоньку», *кам-камлы* «мало-мало», *хьар-хьарлыаьр* «с верхней части», *дел-декIкли* «тяжеловато», *шала-шишалы* «засветло».

Выводы и перспективы. Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что образование сложных наречий в исследуемом нами карбачимахинском говоре происходит по тем же моделям, которые характерны для структуры сложных имен существительных и прилагательных.

Список литературы

1. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка / С.Н. Абдуллаев // Фонетика и морфология. – Махачкала: ДГПУ, 1954.
2. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. III. Словообразование / З.Г. Абдуллаев. – М.: ДГПУ, 1993.
3. Гасанова У.У. Наречие в даргинском языке / У.У. Гасанова. – Махачкала: ДГПУ, 1997.
4. Мусаев М-С. М. Словоизменительные категории даргинского языка: Время, наклонение / М-С. М. Мусаев. – Махачкала: ДГПУ, 1983.

Шахбанова П.Г. Процес морфологічного формування прислівників у карбачімахинській говірці даргинської мови // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.257-260.

У даній статті досліджується процес морфологічного формування прислівників у карбачімахинській говірці даргинської мови. За необхідності наводиться матеріал літературної даргинської мови.

Ключові слова: даргинська говірка, похідні прислівники, суфікси, структурні моделі, складні основи, граматична категорія, словоскладання.

Shahbanova P.G. The process of morphological formation of adverbs in Karbachimahinsks dialect of Dargwa language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.257-260.

This article explores the process of morphological formation of adverbs in Dargwa dialects of karbachimahinsk. If necessary, the material is literary Dargwa language.

Key words: Darghin dialect, derivative adverbs, suffixes, the structural model, complex framework, grammatical category, word.

Поступила в редакцію 29.03.2011 г.

РАЗДЕЛ 3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА, КОММУНИКОЛОГИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 378.14

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ И ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Андрющенко Б. Н.¹, Асоян Л. В.²

¹*Украинская инженерно-педагогическая академия, г. Харьков, Украина*

²*Университет менеджмента образования, г. Киев, Украина*

В статье рассмотрены вопросы обоснования практических рекомендаций по формированию коммуникативной компетенции при проведении занятий в инофонной аудитории с использованием основных принципов психолингвистики.

Ключевые слова: *психолингвистика, логико-семантические структуры, коммуникативная компетенция, внутренняя мотивация, инофонная аудитория, вербальные опоры.*

Постановка проблемы. Совершенствование профессиональной компетенции основывается на достаточной лингвистической базе, которая активизирует участие студентов в учебном процессе. При проведении занятий с иностранными студентами, как правило, основная роль отводится речевым упражнениям в условиях проведения ситуативных занятий.

Актуальность. Формирование коммуникативной компетенции должно быть основано на реализации принципов психолингвистического подхода и направлено на сближение процесса обучения с реальным общением на неродном языке.

Анализ последних исследований по проблематике работы.

В инженерно-технических вузах неродной язык изучают не как теоретическую узкоспециальную дисциплину, а как повседневное средство реального общения в разных сферах человеческой деятельности. Основу новой парадигмы составляют научные результаты практических исследований в работах Е. В. Бондаревской, И. Ф. Исаева, Л. И. Парашенко, У. Риверса, С. А. Ракова и др.

Формирование практических навыков и умений коммуникативной компетенции начинаются уже с первых занятий при изучении языка обучения. При этом осуществляют проверку знаний изученного материала и умение студента репродуцировать усвоенный объем знаний, а также умение расположить

необходимые элементы речевой деятельности в определенной логической последовательности.

Коммуникативная компетенция определяет установление позитивных взаимоотношений с обучаемыми, правильных взаимодействий со всеми объектами педагогической системы, сообразование своей собственной деятельности с социальными и нормативными требованиями нашей действительности. Коммуникативная компетенция – это «способность решать средствами иностранного языка актуальные задачи общения из учебной, производственной и культурно-бытовой жизни» [1, с.109].

Проблемы коммуникативной компетенции успешно решаются при познавательном-развивающем комплексном воздействии на интеллектуальную и эмоциональную сферы обучаемых. Роль эмоционального фактора в условиях инофонного обучения отмечена в работах Й. Витмана, Л. С. Выгодского, А. А. Леонтьева, Р. Леффлера и др. Представители этой научной школы рассматривают концепцию обучения как соединение когнитивных и эмоциональных процессов обучения на неродном языке. Усиление эмоциональной составляющей возможно путем интеграции учебной информации, полученной от всех сенсорных систем человека (тактильной, речеслуховой, зрительной, пространственно-ориентационной) в когнитивную интенцию. На наш взгляд, происходит процесс психолингвистического характера, который стимулирует непосредственно сам учебный процесс и способствует использованию интегрированных учебно-познавательных дидактических методов.

Успешному решению коммуникативных задач способствует использование во время занятий фоновой, безэквивалентной лексики и ситуативных фраз, определяющих различные коммуникативные интенции.

Правильное использование лингвометодического аппарата во время проведения занятий дает возможность быстро «включить» иностранного студента в отработку логико-семантических коммуникативных задач.

Цель и задачи. Цель статьи – обосновать необходимость использования практических рекомендаций по формированию коммуникативной компетенции у иностранных студентов с учетом основных положений психолингвистики.

Изложение основного материала. Коммуникативная компетенция иностранных студентов в настоящее время занимает ведущее место в педагогической системе подготовки иностранных специалистов.

С психологической точки зрения коммуникативная компетенция – это «способность человека адекватно ситуации общения организовать свою речевую деятельность в ее продуктивных и рецептивных видах» [3, с. 11]. Поэтому и методика обучения в инофонной среде должна быть направлена на выработку способности у студента создавать смысловой научно-профессиональный текст.

В иностранной аудитории преподаватель решает две задачи: а) социальная адаптация иностранного студента к новым условиям получения знаний в непривычной для него инофонной среде обучения; б) правильный выбор мотивации в обучении иностранных студентов. Социальные, культурные, нравственные и правовые ценности, излагаемые на занятиях, не должны вступать в противоречия с основополагающими

постулатами, принятыми на родине иностранных студентов (вопросы религии, социально-правового положения женщины в обществе и др.) [2, с. 24]. В поликультурном социуме иностранной аудитории происходит познавательный процесс сравнения традиций, обычаев и норм родной культуры с одновременным усвоением традиций, обычаев, норм поведения и культуры других народов, т.е. осуществляется своего рода инкультурация [4, с. 193].

Формирование речевой компетенции невозможно без целенаправленного воздействия на мотивационно-побудительный процесс учебной деятельности. Фактор мотивации овладения неродным языком обучения является основополагающим в процессе формирования речевой компетенции и главным источником активации всего процесса обучения. Под мотивацией мы понимаем систему внутренних факторов, которые направляют обучаемого на достижение поставленной цели. Наиболее ярко выражены два вида мотивации: а) прагматическая – направлена на овладение языком как орудием для «добывания» необходимых профессиональных знаний; б) адаптивная – направлена на процесс адаптации иностранного студента в новых социокультурных условиях. Выбор типа мотивации существенно зависит от национально-культурных и психологических особенностей личности каждого студента в конкретной учебной группе.

Для обучения студентов на неродном языке необходимо закреплять воспринимаемую вербальную информацию невербальными средствами (компьютерные технологии, иллюстрации, картинки, фотографии и т.д.), что способствует лучшему пониманию иноязычной речи и формированию речевых навыков. Опора на формирование ассоциативных связей отдельных лексических единиц основана на вводе новой лексики совместно с другими дополнительными словами, которые должны быть объединены в виде общей группы лексических единиц с учетом особенностей изучаемого материала. Семантическое понимание студентами новых слов способствует эффективному формированию лексических ассоциаций. Психоллингвистика рекомендует использовать мнемотехнические приемы запоминания, которые требуют определенных усилий обучаемого и всегда находятся под его когнитивным контролем, что в значительной степени облегчает заучивание и воспроизведение нового материала.

Устойчивые навыки и умения при формировании коммуникативной компетенции образуются при одновременном участии всех сенсоров организма: тактильного, слухового, зрительного и речевого, которые подкрепляются моторикой руки.

Психоллингвистика, согласно [5, с. 15], утверждает, что ассоциативная память запечатлевает и воспроизводит предметы и явления не изолированно друг от друга, а в их тесной связи. По Сеченову, «чем в большее число разных точек соприкосновения может быть приведена данная вещь к другим предметам, тем в большем числе направлений она записывается в реестры памяти». Психоллингвистика утверждает, что посредством ассоциативной памяти в коре головного мозга возникают временные связи, служащие физиологической основой для запоминания и воспроизведения. В памяти остаются не только определенные профессиональные лексические единицы, но и конкретные логические конструкции.

Каждая конструкция должна иметь набор небольшого количества лексических единиц, по Костомарову, ограничение не должно превышать 15 новых слов за одно занятие. В изучении инженерных дисциплин иностранными студентами важное значение приобретают смысловые и содержательные вербальные опоры. Коммуникативные навыки являются результатом использования различных аспектов лингводидактической деятельности обучаемых: чтение, аудирование, говорение, письмо [3, с. 55] – “Qui scribit, bis legit”, утверждает латинская пословица («кто пишет, тот читает дважды»).

Опыт обучения иностранных граждан техническим дисциплинам показывает, что закрепление воспринимаемой вербальной информации невербальными средствами способствует лучшему пониманию иноязычной речи (текста), благоприятно сказывается на формировании речевых навыков и развитии умений. Необходимо изучать лексику с опорой на формирование различных ассоциативных связей отдельных лексических единиц, которое основано на вводе новых лексических единиц совместно с другими словами с учетом корреляционной связи на основе психолингвистических ассоциаций.

Выводы и перспективы дальнейших исследований.

Коммуникативная компетенция является основополагающим фактором успешной подготовки будущих иностранных специалистов, которая развивает у них умение свободно вести профессиональный научный диалог. Для повышения мотивации изучения украинского (русского) языка как иностранного необходима четкая организация нового учебного материала в виде групп определенных лексических единиц, сформированных с учетом реализации основных принципов психолингвистики.

Дальнейшие исследования необходимо сосредоточить на научно обоснованной разработке комплексного подхода к формированию коммуникативной компетенции иностранных студентов с использованием основных принципов психолингвистики, что даст возможности развивать у них креативные способности, воспитывать потребности творчества, повышать активность участия в образовательном процессе.

Список литературы

1. Азимов Э. Г. Словарь методических терминов /Э.Г.Азимов, А.Н. Шукин.– СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
2. Андрющенко Б. Н. О социальной адаптации студентов подготовительных факультетов (на материале текста) / Б. Н. Андрющенко //Сборник материалов XII научно-практической конференции.– Харьков, 2008. – С. 24-26.
3. Бибикина Э. В. Методика формирования иноязычной коммуникативной компетентности будущих экологов (на материале текстов) /Э. В. Бибикина //Сборник материалов научно-практической конференции. – Минск, 2006. – С.54-60.
4. Кравченко А. И. Культурология: [словарь] /А. И. Кравченко.– М.: Академический проспект, 2000. – 671 с.
5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики /А. А. Леонтьев.– М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287с.

Андрющенко Б. М., Асоян Л. В. **Формування комунікативної компетенції та психолінгвістика** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.261-265.

У статті розглянуті питання щодо обґрунтування практичних рекомендацій з формування комунікативної компетенції при проведенні занять в інофонній аудиторії з використанням основних принципів психолінгвістики.

Ключові слова: психолінгвістика, логікосемантичні структури, комунікативна компетенція, внутрішня мотивація, інофонна аудиторія, вербальні опори.

Andryushchenko B., Asoyan L. **Formation of Communicative Competence end Psycholinguistics** // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.261-265.

In the article recommendations about formation of communicative competence on the basis of the experience of preparation of foreign students are proved while conducting lessons in foreign language audience using the main principles of psycholinguistics.

Key words: psycholinguistics, logical semantic structure, communicative competence, internal motivation, foreign language audience, verbal support.

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 811. 161

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СОВРЕМЕННОМ СЛЕНГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОБРАЩЕНИЙ)

Балашова Л.В.

Саратовский государственный университет, г. Саратов, Россия

В статье анализируется метафорическая система вокативов в современном русском сленге. Указывается специфика формирования таких метафор и их функционирования.

Ключевые слова: *метафора, вокатив, сленг, языковая картина мира.*

Обращения как важная часть речевого этикета – системы знаков и правил их употребления, принятых в данном обществе и в данное время с целью установления речевого контакта между собеседниками [5; 8; 16] – играют большую роль в сленговой коммуникации. Значительное место среди них занимают метафоры: по материалам специальных словарей [4; 6; 9; 10; 11; 12] и записей речи носителей сленга – более 500 таких единиц. Например: – *Эй, пряник, айда рыбу ловить!*; – *Эй, ватрушки! налетайте!*.

Исследователи не раз подчеркивали, что способность имени выступать в позиции обращения не может быть напрямую выведена из его значения, а является особым лексико-прагматическим маркером конкретной лексемы [5; 16]. Вместе с тем сленговые метафоры-вокативы образуют определенную систему, что проявляется в выборе как источника для переноса, так и типа метафоризации. *Цель статьи* – анализ метафорической системы вокативов в современном русском сленге.

Так, в отличие от литературного языка, малопродуктивны в этом качестве семантическая сфера «Неодушевленные природные объекты» (1,5%) – преимущественно номинации веществ, малоценных, неприятных, причиняющих неудобства человеку в его обыденной жизни (ср.: *грязь, шалупень, сажка*) и «Флора» (7%) – обычно единицы, так или иначе связанные с обыденной жизнью человека (ср.: *луковица, морковь, редиска, персик, изюмчик, чернослив, фисташка*).

Напротив, как и в литературном языке, очень регулярно (более 18%) формируются метафоры-вокативы за счет членов СП «Фауна». Как и в предыдущей сфере, основная часть единиц непосредственно связана с обыденной жизнью человека – питомцы, домашние скот и птица, промысловые животные (ср.: *киса, барсик, барбос, жучка, шарик, свиноматка, поросенок, коза, козел, овца, телка, курица, петух, заяц, лось, хорек, фазан, карась, иука*). Как специфическую особенность сленга можно отметить более регулярное использование номинаций экзотических животных, терминологии (ср.: *анчоус, тарантул, тритон, бройлер, овцебык, муфлон, моллюск, бацилла, чешуйчатые*).

Чрезвычайно продуктивны в составе метафор-вокативов члены СП «Артефакты» (более 25%), что соответствует общеязыковым тенденциям. Почти половина из них – номинации предметов обхода (ср.: *авоська, бантик, веник, грелка, метелка, мочалка, подметка, сапог, тапочка, терка, утюг, чайник, чемодан, шкаф, шнурок*). Как сленговую специфику можно отметить более активное использование номинаций реалий, характеризующих современный быт (ср.: *плафон, пепельница, розетка, штепсель, энерджайзер, презерватив / гондон*). В то же время весьма примечательно, что достаточно широко употребляются как метафоры-вокативы номинации реалий традиционного быта, известных скорее по книгам, фильмам (ср.: *лапоть, салон, самовар, сундук, тулуп, фитиль, чурка*).

Около четверти СП «Артефакты» – номинации продуктов питания, преимущественно хлебобулочных и кондитерских изделий (ср.: *батон, бублик, буханка, вареник, ватрушка, кекс, крендель, пельмень, плюшка, пряник, рогалик, чебурек*) и традиционно русских блюд (ср.: *супчик, сосиска, сахар, паштет, шкварка, шашлык, шницель*).

В отличие от общеязыковых тенденций, в сленге почти не фиксируются как вокативы номинации средств передвижения, сооружений (ср.: *трактор, рефрижератор, тралыцик, чердак, плинтус, шпингалет*), зато значительно разнообразнее номинации социальных, экономических, культурных артефактов, причем преимущественно из «мира детства» (ср.: *матрешка, барби, кукла, неваляшка, погремушка, томагоча, букварь, фломастер*).

В соответствии с общеязыковыми тенденциями самой продуктивной в составе метафор-вокативов оказывается антропоморфная метафора (более 33%). Но, в отличие от литературного языка, почти нет интересующих нас переносов в СП «Человек как биологический организм» и «Человек как личность». В первой из них преобладают номинации реалий, так или иначе связанных с «животным низом», с болезнями, уродством (ср.: *задница, жопа, попа, какашка, пенис, заусенец, обломанный ноготь, перхоть, одноглазый, дистрофик, недодельши*); во второй как вокативы преимущественно используются номинации личностной идентификации – русский именослов (ср.: *Вася, Гаврила, Нюша*).

Абсолютное большинство антропоморфной метафоры связано с многочисленным и разнообразным по семантике СП «Человек как часть социума»:

- нация, раса¹, государственная принадлежность (ср.: *индеец, индус, негр, тунгус, турок, удмурт, синегал, монгол, хазары, чукча, эскимос*);
- родственники (ср.: *бацька, братан, мама, папа, сестренка, сынок*);
- профессиональная деятельность – преимущественно традиционная, хотя возможна и современная (ср.: *дворник, доктор, извозчик, кучер, морячок, пахарь, пекарь, скобарь, стюардесса, хлебопек, шансонетка*);
- социальная и должностная иерархия (ср.: *бригадир, мастер, шеф, доцент, профессор, кадр, командир, капитан, рядовой, хозяин, кормилец*);

¹ Номинация человека по расовой и национальной принадлежности может быть включена также в СП «Человек как биологический организм», однако данная характеристика, как правило, сочетается с отнесением лица к определенному социально организованному месту жительства, государственному образованию и т.п.

• асоциальные члены общества, оппозиционеры (ср.: *враг народа, басмач, контра, террорист, бродяга, мазурик, люмпик, урка*).

Зафиксирована метафоризация из групп «Социальная дифференциация (ср.: *интеллигент, крестьянин, кантри, пролетарий, мужик, колхозник, студент, бурсак*); «Служители культа» (ср.: *брахман, падре, поп, халдей, шаман*); «Политические и идеологические группы» (ср.: *жертва классовой борьбы / красного террора, жидомасон, пионер, комиссар, политрук*); «Группы по интересам» (ср.: *тимуровец, мичуринец, турист*).

Как показывает материал, метафоры-вокативы чаще отражают отечественную социальную систему, обычно прошлых эпох – социалистическую, монархическую. Но носители сленга демонстрируют достаточно хорошее знакомство с мировой историей и современной мировой социальной ситуацией. Аналогичный вывод можно сделать на основе анализа семантической сферы – «Прецедентные феномены» (около 15%). Использование такого рода лексики в целом характерная особенность современного сленга [1; 2]. Однако в нашу систему регулярно попадают единицы вполне конкретных групп: «Литература и кинематограф» (ср.: *Бандерлог, Дуремар, Братец Кролик, Карлсончик, Лошарик, Мурзилка, Пьеро, Пятачок, Золотая рыбка, почтальон Печкин, Слонопотам, Сова, Чебурашка, Чудо-Юдо, Ихтиандр, мушкетер, Паганель, Пятница, Рэмбо, Шурик*); «Исторические личности» (ср.:); «Сакральные и фольклорные тексты» (ср.: *Батый, Кулибин, Буденный, Котовский, Ленин, Троцкий, Ульянов, Бухарин, Дзержинский, Геббельс, Рокоссовский, Джек-Потрошитель, Кимирсен, Эзон, Достоевский, Пушкин*). Лишь в нескольких случаях зафиксировано обращение к другим группам, например живописи (ср.: *Джоконда*). Легко заметить, что большинство прецедентных феноменов так или иначе связаны с «миром детства», ограничиваясь уровнем «школьной программы» и массовой культуры.

В целом анализ источников формирования метафор-вокативов показывает, что языковая картина мира сленга, с одной стороны, ориентирована общеязыковую, во многом традиционную систему, а с другой – отражает многие современные реалии.

Если рассмотреть принцип формирования сленговых метафор-вокативов, то обращает на себя внимание их вторичность. Большинство членов данной системы лишь опосредованно связано с первичным (литературным или внелитературным – жаргонным, сленговым, диалектным) значением, послужившим источником метафоризации. Вначале формируется экспрессивно-оценочная метафора, получающая распространение в разных типах социальных идиомов (общий жаргон, арго, молодежный сленг), и уже этот ЛСВ становится основой для развития вокативного значения, как правило, с частичной десемантизацией, утратой ряда дифференциальных признаков, присущих исходной метафоре, например: *авоська* – разг. ‘сумка для продуктов, мелких вещей в виде сетки с ручкам’ → сленг. шутил., ирон. ‘жена, подруга’ → ирон. ‘обращение к женщине’; *мухомор* – ‘ядовитый пластинчатый гриб с красной или желтой в белых пятнышках шляпкой на тонкой ножке’ → разг. ‘о дряхлом старике’ → угол. пренебр. ‘милиционер’; угол. пренебр. ‘мужской половой член, не способный к эрекции’; сленг. ‘зануда, скучный, неприятный человек’ → сленг. ирон. ‘обращение к любому человеку’; *анчоус* – ‘мелкая морская рыба, употребляемая в пищу’ → мол. шутил. ‘мужчина, молодой человек’ → сленг. ирон. ‘обращение к любому человеку’.

Формируемые по такому принципу сленговые вокативы, как и литературные, выполняют апеллятивную и экспрессивную функции, причем вторая превалирует над первой. Выбор единицы, тип характеристики с ее помощью собеседника, с одной стороны, зависит от той концептуальной модели, с которой деривационно связан вокатив, а с другой – во многом определяется коммуникативной ситуацией, социально-этикетными правилами, свойственными данной субкультуре.

В частности, в отличие от литературного (этикетного) общения, большинство вышеуказанных обращений содержат негативную экспрессию. Поэтому даже если общая тональность коммуникации воспринимается как нейтральная, дружеская, шутливая и шутивно-ироничная, подобные вокативы отражают стремление говорящего доминировать над собеседником, выстроить отношения по принципу: говорящий – «высший», «уважаемый»; именуемый собеседник – «низший», «неуважаемый» / «менее уважаемый» (ср.: [7]). Например: – *Работай, негр* [о человеке, выполняющем чужую работу], *солнце высоко, зарплата далеко!*; – *Ах ты наш тамагоча!* [о человеке, который требует много заботы, внимания к себе] *Сейчас постелем тебе в коридоре!*; – *Развалились, плитуса!* [о пьяницах]; – *Ну ты, попа с ушами* [о непорядочном человеке], *кто ж тебя просил докладывать?*; – *Я хочу тебе помочь, лошарик* [о наивном, несообразительном человеке]; – *Ну что, Барби* [о симпатичной девушке], *я твой Кен, пошли потусуемся!*

Еще более ярко эти черты сленговой коммуникации проявляются при использовании десемантизированных метафор-вокативов, которые используются по отношению к любому лицу. Характерной особенностью сленгового общения является отсутствие четкого противопоставления положительной / отрицательной оценки собеседника, возможность использования одного и того же вокатива как при дружеском, так и конфликтном, бранном общении (ср.: *животное* – ‘дружеское или пренебрежительное обращение (в зависимости от ситуации)’; *жертва классовой борьбы / красного террора / аборта / пьяной акушерки / чахотки / ошибки акушера* – ‘обращение (руг. или ласк.-друж. в зависимости от ситуации)’; *лапоть* – ирон.-друж. ‘обращение’; *пенис* – ирон. или шутил.-друж. ‘обращение’; *катетер* – шутил.-бран. ‘обращение к любому человеку’; *курица мажорная* – шутил.-ирон. или пренебр. ‘обращение к девушке, женщине’).

Подобная амбивалентность типична для молодежного и других типов сленга [3; 13; 14]. Основная причина подобного феномена, как нам представляется, связана со стремлением носителя молодежного сленга уйти от излишней формализованности и жесткой этикетности литературной коммуникации в целом, противопоставить ей нестандартное, во многом игровое общение.

Выводы. Таким образом, с одной стороны, метафоры-вокативы отражают стремление говорящего к доминированию над собеседником (это проявляется в преобладании номинаций с отрицательно-агрессивной экспрессией), что соответствует общим тенденциям сленговой коммуникации. С другой стороны, метафорические сленговые обращения регулярно меняют тональность общения (по сравнению с литературными и другими сленговыми переносами) – с «+» на «-», и наоборот. В этом явно проявляется игровой характер такого общения, стремление носителя сленга дистанцироваться от формальности литературной коммуникации. Однако демонстративная «антиэтикетность» метафор-вокативов носит регулярный характер, что свидетельствует о создании собственной этикетной системы, в

которой, например, получает отражение присущий сниженным формам коммуникации «мужской» способ демонстрации дружеских отношений (грубость как проявление близости).

Список литературы

1. Балашова Л.В. Метафора и языковая картина мира носителя сленга (на материале прецедентного мира «Детство») / Л.В. Балашова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 2.
2. Балашова Л.В. Зарубежная литература как прецедентный феномен в современном русском сленге / Л.В. Балашова // Язык и общество в зеркале культуры. – Астрахань, 2010.
3. Балаян Э.В. Роль метафоры в формировании языковой картины мира (на материале современного молодежного жаргона): Дис... канд. филол. наук / Э.В. Балаян. – Саратов, 2006.
4. Белов Н.В. Словарь молодежного и Интернет-сленга / Н.В. Белов. – Минск, 2007.
5. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы / В.Е. Гольдин. – Саратов, 1987.
6. Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона / М.А. Грачев. – Москва, 2006.
7. Гуц Е.Н. К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка / Е.Н. Гуц // Жанры речи. – Саратов, 1997. Вып. 1.
8. Даниэль М.А. Звательность как дискурсивная категория. Несколько гипотез / М.А. Даниэль // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. – Москва, 2008.
9. Ермакова О.П. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. – Москва, 1999.
10. Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга / С.И. Левикова. – Москва, 2003.
11. Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Санкт-Петербург, 2001.
12. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь / Т.Г. Никитина. – Москва, 2009.
13. Розина Р.И. Семантические процессы при образовании жаргона / Р.И. Розина, О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. – Москва, 1999.
14. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол / Р.И. Розина. – Москва, 2005.
15. Рыжова Л.П. Коммуникативные функции обращения / Л.П. Рыжова // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин, 1981.
16. Янко Т.Е. Обращения в структуре дискурса / Т.Е. Янко // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. – Москва, 2010.

Балашова Л.В. Мовленнєвий етикет у сучасному сленгу // Ученіє запіски Тавричеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.266-270.

У статті аналізується метафорична система локативів у сучасному російському сленгу.

Ключові слова: метафора, локатив, сленг, мовна картина світу.

Balashova L.V. Speech etiquette in the modern slang // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.266-270.

In the article, the metaphor system of vocatives in contemporary Russian slang has been analyzed. The specific of the forming of such metaphors and their functioning has been discussed.

Key words: metaphor, vocative, slang, language picture of the world

Поступила в редакцию 22.03.2011 г.

УДК 811.161.1'0

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО АНЕКДОТА

Беретели Ю. Л., Тукова Т. В.

Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина

В статье рассматриваются языковые средства, отражающие эволюцию жанра анекдота. Описывается специфика невербальных средств коммуникации в устной реализации и в письменной фиксации анекдота.

Ключевые слова: *анекдот, устная и письменная формы речи, невербальные средства языка.*

Актуальность. Смех, как говорил Ф. Рабле, это спасательный круг на волнах жизни. Действительно, смех как реакция на различные раздражители окружающей действительности и развитое чувство юмора сопровождают человека всю его жизнь, помогают ему разрядить агрессию, способствуют социальной адаптации и, как установили гелотологи (исследователи влияния смеха на человека), избавляют от стрессов. Поэтому сегодня возрастает интерес к изучению юмористического творчества, которое, как правило, связано с разнообразными проявлениями игры. Это особенно *актуально* в связи с усилением агрессии современного мира, демократизацией языка, раскрепощенностью его носителей, ослаблением «внутреннего цензора» [4, с. 25].

Одним из жанров юмористического творчества является анекдот. Сегодня об анекдотах говорят многие. Огромное их количество знают как взрослые, так и дети, и ни одну сферу человеческой жизни не обходит стороной этот жанр народного творчества. Так как анекдот вызывает интерес общества, лингвистическая наука не может оставаться в стороне от этого уникального явления культуры. Анекдот обладает большим лингводидактическим потенциалом, так как помогает понять не только эволюционный характер явлений, но и увидеть компенсаторные возможности устной и письменной форм языка, взаимодействие двух форм языка.

К жанру анекдота обращались многие лингвисты и психолингвисты, среди которых В. З. Санников, К. Ф. Седов, Е. Я. Шмелева и А. Д. Шмелев, Е. А. Земская и А. Д. Кошелев и др. В своих работах они рассматривали жанровую специфику анекдота, его функционирование и структуру, тематику, а также своеобразие персонажей.

На сегодняшний день у лингвистов нет однозначного определения понятия анекдот, но никто из них не отрицает, что он представляет собой уникальное развитое и продуктивное явление культуры, что это – особый жанр речи.

Нельзя не согласиться с К. Ф. Седовым в том, что анекдот в пространстве русской словесности «находится в диффузном состоянии между повседневным общением и

художественной речью», что «это своего рода жанровый кентавр, который совмещает в себе признаки фольклора и разговорной речи. <...> Анекдот всегда пуповиной связан с реальным фактом. Даже если основные события его сюжета вымышлены, они проверяются действительностью: так могло бы быть» [6, с.3].

В нашем представлении анекдот – это речевое произведение (текст), особого рода небольшой игровой рассказ о комичной ситуации, представленный как своеобразный диалог с «двучастной структурой»: более длинный зачин переходит в короткий и неожиданный конец, который заставляет адресата переосмыслить начало [7, с. 131].

Современный анекдот может существовать как в письменной, так и в устной форме и имеет два аспектуальных проявления: 1) «по отношению к адресату» – рассмешить собеседника; 2) «по отношению к объекту изображения» – высмеять серьезное, используя для этого всевозможные средства языка [5, с. 15].

Известно, что среди невербальных средств коммуникации выделяют кинетические (жесты, позы, мимика), фонационные (пауза, темп речи, вокальные качества голоса, тембр, ударение, интонация) и графические средства.

Цель нашего исследования – выявление специфики использования невербальных средств общения в письменной форме существования анекдота, рассмотрение компенсаторных возможностей языка при письменной фиксации анекдота. Картоoteca собранного фактического материала создана из анекдотов, извлеченных из периодических изданий («Семья», «Телескоп», «Аргументы и факты») за 2006 – 2010 годы.

Е. Я. Шмелева отмечает, что «по своим языковым особенностям анекдот относится не к повествовательным, а скорее к «изобразительным» жанрам», ведь его воспроизведение это, своего рода, представление одного актера [7, с. 24]. Действительно, для достижения «коммуникативной удачи» при реализации многих анекдотов важную роль играет интонация, мимика и жестикуляция адресанта. Часто именно они помогают передать «соль» анекдота. В таких случаях при письменной фиксации трудно достичь комического эффекта, так как невербальные средства достаточно сложно представить в письменной форме. Однако это все же возможно.

Ср: Лекция в мединституте. Изучают строение мозга. На столе лежат образцы. Профессор вызывает студента, показывает на мозг с множеством извилин и спрашивает:

- Как вы думаете, чей это мозг?

- Не знаю.

- Это мозг профессора. А этот? (показывает на мозг с одной прямой извилиной).

- Ну, это, наверное, мозг студента.

- Правильно. А этот? (показывает на мозг с одной круглой извилиной).

- Не знаю.

- Это мозг военного.

- А извилина тогда откуда?

- Это не извилина, а след от фуражки! [Телескоп. – 2009. – № 8. – С. 35]

Или:

Идут два студента. Видят на балконе 5-го этажа палку копченой колбасы на веревке. Один остается на стреме, другой лезет по балконам вверх. К тому, что остался внизу подходит милиционер.

- Чего ты тут стоишь?

- Да вот – **(показывает пальцем на второго)** – подарки на Новый год вешаем.

- Так сейчас же июнь!

- Да? – **поднимает голову вверх, подставляет руку ко рту и кричит** – Васееееек! Снимай колбасу и слезай! Я же те говорил, что Новый год зимой!!!
[Семья. – 2008. – № 10. – С. 29]

Таким образом, анекдот можно сравнить с представлением, спектаклем, автор которого для реализации своего замысла на сцене, то есть в устной форме, прибегает к ремаркам. Аналогично и для передачи жестов, поз, мимики в самом тексте анекдота могут быть использованы описательные обороты, пояснения, ремарки. Необходимо отметить, что подобные конструкции будут хорошо «работать» при рассказывании анекдотов, то есть в устной форме, так как между коммуникантами будет налажен непосредственный личный контакт (прежде всего визуальный). Это в свою очередь поможет быстрее и точнее донести суть анекдота. В письменной же форме достижение желаемого результата – рассмешить, позабавить собеседника – затруднено громоздкими конструкциями, описаниями.

Различные виды комментариев могут применяться адресантом и при передаче фонациональных невербальных средств общения (тембр голоса, темп и громкость речи, способ произнесения – э, эм..., интонация). Например:

Приходит муж с работы и говорит жене:

- *Завтра сабантуйчик на работе, так что я пьяный приду.*

Жена (грозно):

- *Не пьяный, а выпивший!*

Муж (робко):

- *Всё, всё, всё... выпивший, понял.*

- *Не всё-всё выпивший, а просто выпивший!*

[«Телескоп». – 2006. – № 48. – С. 41]

Или:

- *Вася! Скажи гостям тост!*

- *Тост...*

- *Да, не такой, глупый, – длинный!*

- *То-о-о-ост!* [Аргументы и факты. – 2006. – № 33. – С. 15]

Так, для передачи громкости, темпа речи, ее эмоциональной окраски прибегают к комментариям типа: «громко», «тихо», «робко», «грозно», «раздражительно», «с надрывом в голосе», «оживленно» и т.д. Подаются они, как правило, в скобках или в виде обособленных причастных оборотов. Для передачи длительности произносимого могут использоваться специальные графические средства, как в приведенном выше примере, а также комментарии типа «протяжно», «нараспев», «выпалив скороговоркой» и др.

При рассмотрении графических средств невербальной коммуникации (графических дополнений к буквам и шрифтам, использования символов, знаков и проч.) необходимо отметить, что благодаря им в письменной речи, а в нашем случае – в письменно оформленном анекдоте компенсируется недостаточность кинетических и фонационных средств. Часто графические средства коммуникации сопровождаются перенасыщением, чрезмерным использованием знаков (*периергией*) [2, с. 463]. Так могут быть использованы многоточия, вопросительные и восклицательные знаки, игра со шрифтами.

Ср: – *Мама, посмотри! Внутри аквариума цапаины!*

- ???

- **ОНИ ПЫТАЛИСЬ БЕЖАТЬ!** [Семья. – 2008. – № 10. – С. 29]

В данном случае «???» обозначает недоумение, а большие печатные буквы – эмоциональное возбуждение персонажа анекдота.

Встречаются два школьных приятеля: один – новый русский, другой – торговец в ларьке. Новый русский:

- *Привет, братан! Как дела? Как жизнь?*

- *Да я вот...ну этот...как его...уличный торговец.*

- *О! Круто! И почему сейчас улица?*

Многоточие в данном случае передает замешательство при ответе.

Психолингвистами было замечено, что в ситуации, когда значение слова конкурирует с графической формой, у адресата возникает затруднение при чтении. Такое явление В. П. Белянин называет «эффектом Струпа», то есть «один из наиболее ярких примеров, иллюстрирующий явление интерференции (взаимовлияние разных факторов)» [1, с. 91]. Суть этого явления заключается в том, что задержка при восприятии слова вызывается активизацией в сознании человека сразу двух «логогенов», один из которых связан с его значением, а другой – с графическим оформлением. Ср.:

– *Здравствуйте, у вас есть коньяк «**Hennessy**»?*

– *Какой- какой коньяк?!*

– *Ну «**Hennessy**», его же все знают...*

– *Более 4-х лет работаю, ни разу не слышал...*

Мужик радостно вопит, указывая на верхнюю полку:

– *Вот же он! – достает со стойки бутылку «**Hennessy XO**»* [Телескоп. – 2007. – № 35. – С. 64].

При произнесении «**Hennessy XO**» адресат воспринимает их как самые обычные слова и может не оценить шутки рассказчика, но при их написании смысл комизма становится понятным.

– *Дорогой, вынеси мусор...*

– **Гудок!**

- ???

– **Good**, говорю, **ok**... [Телескоп. – 2006. – № 44. – С. 25]

Или:

Новый русский в заграничном отеле заходит в лифт. Вместе с ним заходит еще один мужчина:

- **Down?** (англ. – вниз)

- Сам ты **Даун!** [Телескоп. – 2008. – № 39. – С. 18]

Специфика подобных образований, по словам Т. С. Пристайко, в том, что «они воспринимаются только «на глаз», «визуально». Исследователь отмечает, что таким образом появляется ряд синонимов, обозначающих подобное явление: «визуальные неологизмы», «неологизмы-написания», «графические окказионализмы» и др. [3, с. 43].

Комический эффект, возникающий при межъязыковой омонимии, требует включения различных каналов восприятия информации (зрительного или слухового) в случае письменной или устной реализации анекдота. Ср.:

Поезд Вильнюс-Москва. В купе сидят русский и литовец. Ни тот, ни другой не знает языка своего попутчика. Едут час, два, три...Русский достает бутылку водки и два стакана, наливает по полстакана и протягивает один литовцу. Литовец посмотрел на русского и говорит:

- *Taip ir padvesti galima!* (по-русски – «так и умереть можно»).

На что русский ему отвечает:

- *Ну по 200, так по 200!* [Семья. – 2008. – № 28. – С. 29]

Вывод. Подводя итог, можем сказать: интерес к изучению анекдота связан не только с тем, что этот жанр юмористического творчества стал неотъемлемой частью многих сфер жизни общества, но и с его трансформацией, постепенным переходом в письменную форму существования, где начинает приобретать свои специфические средства достижения комического эффекта. Наше исследование показало, что в каких-то случаях достижение комического эффекта будет реализовано с равной степенью успешности как в устной, так и в письменной формах, в каких-то возможна лишь одна из них: либо устная, либо письменная.

На наш взгляд, исследование по данной теме значимо как в практическом, так и в теоретическом плане, так как обладает определенной новизной и актуальностью, потому как в таком аспекте анекдот еще не был исследован в русистике. Полученные сведения могут быть использованы для дальнейшей разработки в области лингвистики и психолингвистики, при подготовке спецсеминаров по прикладной лингвистике, а также в профессиональной деятельности преподавателей-русистов, обучающихся русскому языку как родному, так и иностранному.

Список литературы

1. Белянин В. П. Психолингвистика: [учебник] / В. П. Белянин. – М.: Флинта, 2003. – 232 с.
2. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / [ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
3. Пристайко Т. С. О метаязыке современной неологии / Т. С. Пристайко // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: материалы IV Международной научной конференции. 9-10. 04. 2009. – Днепропетровск: Пороги, 2009. – С. 40-45.
4. Попова Т. В. Неология и неография современного русского языка: [учеб. пособие] / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 168 с.
5. Санников В.З. Русская языковая шутка: от Пушкина до наших дней / В. З. Санников. – М.: Аграф, 2003. – 556 с.
6. Седов К. Ф. Психолингвистика в анекдотах: [учебное пособие] / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2007. – 112 с.

7. Шмелева Е. Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр/ Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.

Беретели Ю. Л., Тукова Т. В. Використання невербальних засобів у різних формах реалізації сучасного анекдоту // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.271-276.

У статті розглядаються мовні засоби, які відображають еволюцію жанру анекдоту. Описується специфіка невербальних засобів комунікації в усній реалізації та в письмовій фіксації анекдоту.

Ключові слова: анекдот, усна та писемна форми мовлення, невербальні засоби мови.

Beretely J. L., Tukova N. V. Use of nonverbal means in various forms of realization of a modern joke // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.271-276.

The article is dedicated to language resources which reflect the evolution of the anecdote as a genre. It deals with peculiarities of nonverbal communication in oral and written versions of anecdotes.

Key words: anecdote, oral and written forms of speech, nonverbal means of language.

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

УДК 811.161.1'233

СОЗДАНИЕ ОПТИМАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Беспалова Ю.В.

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

Рассматривается вопрос развития вторичной языковой личности при помощи формирования информационно-коммуникативной компетенции в условиях использования информационных технологий. Созданию информационной среды способствует применение программного обеспечения.

Ключевые слова: *вторичная языковая личность, компетенция, информационные технологии, программное обеспечение.*

Результатом любого языкового образования должна являться сформированная языковая личность, а «результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации» [1, с. 65].

Данная работа посвящена проблеме и механизмам формирования благоприятной информационной обстановки для развития вторичной языковой личности у студентов-иностранцев при обучении русскому языку как иностранному.

Наиболее глубокое и систематическое исследование понятия «языковая личность» изложено в работах Ю.Н. Караулова и его последователей (Г.И. Богин, В.П. Конецкая, О.Д. Митрофанова и др). Проведенные исследования послужили базой для возникновения концепции вторичной языковой личности, разработанной И.И. Халеевой. Концепт вторичной языковой личности стал одной из центральных категорий в методике обучения иностранным языкам (Н.Д. Гальскова, А.А. Ворожбитова, О.А. Митусова, З.Н. Никитенко и др).

Анализируя создание вторичной языковой личности в условиях иностранной аудитории, следует отметить два важных фактора: 1. Формирование и функционирование вторичной ЯЛ осуществляется в таких образовательных условиях, где в качестве субъектов (обучаемые и обучающие) выступают носители разных культур, более того, без языка-проводника (т.е. общего для обучающегося и обучаемого). 2. Первоначально учащиеся, изучая РКИ в обстановке образовательной организации, воспринимают изучаемый язык в отрыве от реальности, т.е. используют язык только в учебных целях.

Формирование такой информационной среды, в которой студент-иностранец сможет воспринимать русский язык как инструмент естественного общения и одолеть культурологическую дистанцию, – главная цель преподавания.

Цель и задачи настоящей работы – обратить внимание на создание условий для развития вторичной языковой личности учащихся при помощи формирования их информационно-коммуникативной компетенции для успешной социальной адаптации и самоопределения в условиях новой культуры.

Компонентами формирования языковой личности является выработка компетенции лингвистической (теоретические знания о языке), языковой (практическое владение языком), коммуникативной (использование языка в соответствии с ситуацией общения, навыки правильного речевого поведения), культурологической (вхождение в культуру изучаемого языка, преодоление культурного барьера в общении). Перечисленные компоненты формирования языковой личности при обучении чужому языку, как правило, осуществляются во взаимодействии, хотя коммуникативная и культурологическая компетенция у обучаемых развиваются позже первых двух.

Чтобы компоненты, формирующие языковую личность, были развиты в должной мере, необходимо создать соответствующую информационную среду. Информационная среда – совокупность технических и программных средств хранения, обработки и передачи информации, а также социально-экономических и культурных условий реализации процессов информатизации.

Социально-экономические и культурные условия реализации процессов информатизации окружают иностранных студентов, приезжающих изучать новый для них язык, с первых же дней. Но без знания языка и культуры коммуникация невозможна.

Использование информационных технологий в учебном процессе придает традиционной образовательной среде интерактивность и адаптивность. Применение различных интерактивных программ позволяет преодолеть не только лингвистические и языковые барьеры, но и коммуникативно-культурные. При помощи мультимедийных и Интернет-технологий учащийся, прежде всего, осваивает графику нового языка (набор на клавиатуре). Наиболее важный момент при изучении иностранного языка – произношение, отработать его помогут не только различные телекоммуникационные программы, но и простейшие озвученные презентации Power point. При этом решается и вопрос набора иноязычной лексики. Контроль произношения реализуется путем самопроверки – режим повтора за диктором. При наличии микрофона контроль осуществляют программы типа «EuroTalk», «Talk now». Контроль произношения и языковых навыков преподаватель может выполнить при программной поддержке Skype, Yahoo! Messenger, Google Talk, Sippoint Mini и т.п., которые обеспечивают прямое общение, в рамках всемирной сети.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать следующие *выводы*. Для последующих этапов развития вторичной языковой личности роль начального этапа в формировании коммуникативной культуры имеет решающее значение будущего для специалиста. Компьютеризация языкового обучения приобщает обучающихся к культурным ценностям, к ресурсам информации, что создает условия для реальной межкультурной коммуникации.

Информационные технологии не ограничивают непосредственное общение преподавателя и ученика, а гармонично дополняют это общение на всех этапах обучения: презентация нового материала, закрепление, реальное употребление и контроль. Помогают студенту быстрее адаптироваться в новой социально-культурной среде и стимулируют интерес к самостоятельному изучению языка.

Дальнейшие исследования в данной области должны осуществляться в тесном сотрудничестве лингвистов и разработчиков программных обеспечений. В частности, изучение русского и украинского языков как иностранных при помощи компьютерных технологий – это еще не разработанная область в отечественной методологической теории и практике.

Список литературы

1. Гальцова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: [учеб. пособие для студентов лингв. ун-тов и фак. ин. яз. вузов] / Н.Д. Гальцова, Н.И. Гез. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.
2. Митусова О.А. Компетентный подход к обучению и языковая личность / О.А. Митусова // Высшее образование сегодня. – М., 2008. – №6. – С. 26-28.

Беспалова Ю. В. Створення оптимального інформаційного середовища при формуванні вторинної мовної особистості // Ученіє записки Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.277-279.

Розглядається питання розвитку вторинної мовної особистості за допомогою формування інформаційно-комунікативної компетенції в умовах використання інформаційних технологій. Створенню інформаційного середовища сприяє вживання програмного забезпечення.

Ключові слова: *вторинна мовна особа, компетенція, інформаційні технології, програмне забезпечення.*

Bespalova Yu. Creating of optimal information environment for forming a secondary language personality // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.277-279.

The question of development of the secondary language personality by means of formation of the information-communicative competence, in the conditions of use of an information technology is considered. Creation of the information environment is promoted by software application.

Key words: *the secondary language personality, the competence, information technology, the software.*

Поступила в редакцію 15.04.2011 г.

УДК 811.161'373.21

СТРУКТУРА ПОЛИЛЕКСЕМНЫХ ДЕГИДРОНИМНЫХ ОЙКОНИМОВ ВОСТОЧНОЙ СЛАВИИ

Бойко Н.А.

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина

Рассматриваются полилексемные дегидронимные ойконимы, в которых со временем произошло упрощение структуры. Обычно многокомпонентные дегидронимные ойконимы представляют собой словосочетания. Определяются типы пространственных отношений, которые реализуются в описательных топонимах.

Ключевые слова: *апеллятив, гидроним, ойконим, оним, топоним.*

Дегидронимные ойконимы, как производные от водных объектов, представлены в языковом пространстве Восточной Славии. Они имеют свою специфику номинации, которая заключается в том, что: а/ название одного объекта (ойконима) объясняется через название другого объекта (гидронима); б/ линии топонимических номинаций, которые идут от географической и социальной среды, тесно переплетаются; в/ переходя в иной ряд, имя приобретает лексическую и морфологическую специфику, типичную для своего окружения.

Среди наименований поселений преобладают однокомпонентные образования. Можно предположить, что в некоторых изначально многокомпонентных названиях со временем произошло упрощение структуры. Полилексемные ойконимы имеют определенную традицию изучения [2; 6]. Однако структурные модели дегидронимных ойконимов требуют детального рассмотрения, так как именно в них содержится информация об отличительных свойствах локализации объекта. Локализация объекта является основным пространственным параметром в ойконимии.

Ойконим (название населенного пункта) отражает знание о фрагменте географического пространства. Ойконимы являются наименованиями географических объектов, созданных человеком, поэтому в них выражаются отношения и связи между реалиями действительности и человеком. Данные онимы можно рассматривать как варианты отражения реально существующих явлений, свойств географических реалий и как выражение явлений, свойств, связей, существование которых зависит от субъекта номинации.

Расположение (место) одного объекта относительно другого – один из важнейших номинационных признаков в пределах ойконимии. Эта универсальная константа топонимической картины мира была унаследована с древних времен ойконимической системой Восточной Славии. Данный принцип учитывает определенные традиции, образцы, способы номинации предыдущих эпох, т.е. действует под влиянием определенной модели имятворчества в каждом конкретном языке.

Основным пространственным параметром в ойконимии является локализация объекта, который позволяет определить точку зрения номинатора по отношению к пространственным объектам.

Дегидронимные ойконимы, отличающиеся языковой привязкой к водному объекту (реке, озеру и т.д.), предполагают объективацию и вынесение точки отсчета вовне, что соответствует современной научной гидрографической системе. *Цель статьи* – рассмотреть типы пространственных отношений, являющиеся отличительными свойствами локализации объекта.

Реализация данного признака наблюдается в топонимах, которые носят описательный характер. Называемый объект, как правило, меньше по размерам и менее значим, чем объект, по которому происходит наименование [3, с.134]. Это названия небольших поселений: деревень, погостов, починков. Для географических наименований такого типа характерны полилексемные ойконимы. Обычно они представляют собой словосочетания. Рассмотрим модели таких словосочетаний.

1. Модель «согласованное определение + определяемое слово». В данной модели описательных ойконимов определениями выступают прилагательные *верхний/нижний* (*Верхняя Тура – Нижняя Тура*), *правый/левый* (*Правый Бизяр – Левый Бизяр*). Определение при определяемом слове подчеркивает косвенную характеристику, которая выступает в роли дифференцирующего признака. Уточняется место расположения относительно водного объекта, место расположения относительно течения реки, позиции номинатора. Указанные прилагательные являются базовыми параметрами локализации объекта в пространстве [1, с. 85].

Наиболее многочисленную группу составляют дегидронимные ойконимы, содержащие пару *верхний/нижний*. Образования таких моделей представлены в ойконимиконе России, Украины. Например: н.п. *Верхний Ломов* – н.п. *Нижний Ломов*, н.п. *Верхний Тагил* – н.п. *Нижний Тагил* н.п. *Верхние Серьги* – н.п. *Нижние Серьги*, н.п. *Верхняя Сальда* – н.п. *Нижняя Сальда* (Россия) [5, с. 289, 290]; н.п. *Верхний Рогачик* – н.п. *Нижний Рогачик*, н.п. *Верхняя Дуванка* – н.п. *Нижняя Дуванка* (Украина) [10, с. 32, 38]. Названия, содержащие прилагательные *верхний/нижний*, образуют соотносительные ряды, которые являются самыми частотными. При этом выражается абсолютный признак – расположение объекта в верховьях или низовьях рек и относительный признак – расположение объекта выше или ниже другого по течению.

Кроме рассмотренных дегидронимных названий населенных пунктов, в ойконимиконе Восточной Славии встречаются наименования, построенные по модели «отгидронимное прилагательное с суффиксом *-ск-* + географический термин». По данным «Списков населенных мест Российской Империи», только в бывшей Псковской губернии зафиксированы названия деревень *Северское Устье*, *Ситенское Устье*, *Шапинское Устье* [8, с. 339, 341, 352], погоста *Бельское Устье* [8, с. 362]. Модель с постпозицией отгидронимного прилагательного с суффиксом *-ск-* наблюдается в наименовании *Волок Ламский*, современный город *Волоколамск* [5, с. 103].

2. Предложно-падежная конструкция. Предложные конструкции, формирующие различные модели топонимов имеют определенную традицию изучения [4; 6; 9]. В зависимости от предлога предложные конструкции формируют различные

ойконимные модели. Так, модель «предлог + географический термин + гидроним» представлена в наименовании поселений Восточной Славии. Наиболее многочисленную группу составляют наименования с предлогом *по* (230 единиц). Среди дегидронимных ойконимов преобладают конструкции с дательным падежом. Наименования поселений представлены двумя моделями: 1) «по + географический термин в дательном падеже единственного числа + гидроним в дательном падеже». Например: н. п. *По речке Бадезю*, н.п. *По речке Пыжманке* и т.д. [11, с. 287 – 291]; 2) «по + географический термин в дательном падеже множественного числа + гидроним в дательном падеже». Например: н.п. *По речкам Адамке и Сапаршуре*, н.п. *По речкам Полдневой и Песьяной* [11, VII (2), с. 287]. Образования таких структурных типов преобладают на территориях Вятской и Пермской губерний. Дегидронимные ойконимы с предлогом *по* на территории Украины и Белоруссии нами не обнаружены. Однако префиксальные модели с префиксом *по-* широко представлены в наименованиях поселений на территории Восточной Славии. Ср.: сс. *Порече* в Львовской области (Украина) [7, с. 287].

Дегидронимные ойконимы с предлогом *при* образуют две модели: 1) «при + географический термин в предложном падеже единственного числа + гидроним в предложном падеже» (240 наименований). Например: н.п. *При речке Каменке*, н.п. *При речке Плеснице* и т.п.; 2) «при + географический термин в предложном падеже множественного числа + гидроним в предложном падеже» (23 наименования). Например: н.п. *При речках Светлой и Быстрой* и т.п. Данные образования зафиксированы в бывшей Вятской губернии (Россия) [11, VII (2) с. 378-384]. На территории Украины и Белоруссии встречаются префиксальные образования.

Описательные дегидронимные ойконимы с предлогом *на*, построенные по модели «существительное в именительном падеже + на + гидроним в предложном падеже», представлены единичными примерами на территории Восточной Славии. Ср.: н.п. *Верфь на Ингуле* (1788 г.) – сейчас г. *Николаев* (Украина), г. *Комсомольск-на-Амуре*, г. *Николаевск-на -Амуре*, г. *Ростов-на-Дону* (Россия) [5, с. 291, 212, 356]. Данная модель конкретизирует место локализации населенного пункта на реке.

Модель дегидронимных ойконимов с предлогом *над* выражает типовое значение различителя – «расположение населенного пункта на высоком берегу или вдоль объекта». Например: *Над речкой Переходницей*, займище (1876 г.) – с 1944 г. *Мураши* (Кировская область, Россия) [5, с. 277, 281]. На территории Восточной Славии встречаются образования с приставкой *над-*. Ср.: с. *Надречное* в Тернопольской области, с. *Надречное* в Одесской области (Украина) [7, с. 169].

Выводы. Рассмотренные полилексемные дегидронимные ойконимы отражают два типа пространственных отношений: 1) располагаться по какой-либо линии; 2) находиться вблизи, рядом с чем-либо.

Модели описательных дегидронимных названий поселений представляют собою застывшие отрезки текста, синтагмы, которые выполняют номинативную роль, но они не получают для этого специального оформления. Для наименований такого типа прослеживается тенденция трансформации многословных ойконимов в однословные, что свидетельствует о том, что все они воспринимаются как цельное и целостное понятие. Переходя в однословные образования, они получают морфологические показатели, типичные для определенной топонимобразующей модели, обусловленные спецификой топонимной системы региона.

Проблема отражения географического пространства, представленного в ойконимиконе, имеет свои особенности. Оно определяется спецификой его отражения в языке, набором семантических полей, конструированием моделей слов и т.д.

Список литературы

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е.Л. Березович. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 328 с.
2. Богачева М.В. Структурные модели полилексемных ойконимов Пермской области / М.В. Богачева // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. – С.294-296.
3. Ковалева Н.Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике / Н.Б. Ковалева // Ученые записки Уральского государственного университета. №144. Серия филологическая. Выпуск 18. Вопросы топониматики № 5. – Свердловск, 1871.
4. Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы / Н.В. Подольская. – М., 1988.
5. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь / Е.М. Поспелов. – М.: Русские словари, Астрель, Аст, 2002. – 512с.
6. Скрипниченко А.З. Ойконимическая модель «существительное + предлог + существительное» в славянских странах / А.З. Скрипниченко // Перспективы развития славянской ономастики. – М., 1980. – С.148-150.
7. Словарь географических названий Украинской ССР. – М. – Т 1. – 111.
8. Списки населенных мест Российской Империи: Псковская губерния. – СПб., 1885. – Т. 34.
9. Суперанская А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология / А.В. Суперанская. – М., 1969.
10. Україна. Оглядова мапа. Пояснювальний текст. – К., 1994.
11. Russisches geographisches Namenbuch. – Wiesbaden, 1974. Bd. Y11 (1-2).

Бойко Н.О. Структура полілексемних дегідронічних ойконімів Східної Славії // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.280-283.

Розглядаються полілексемні дегідронічні ойконіми, в яких з часом відбулося спрощення структури. Звичайно полілексемні дегідронічні ойконіми є словосполученнями. Визначаються типи просторових відношень, які реалізуються в описових топонімах.

Ключові слова: *апелятив, гідронім, ойконім, онім, топонім.*

Boiko N.A. Models of composite proper names of East Slavonic hydronimic toponyms // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.280-283.

The author examined models of composite proper names of East Slavonic Hydronimic toponyms. The types of spatial relations that are realized in the descriptive toponyms are defined.

Key words: *common noun, the proper name, toponym, oikonim, hydronim*

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 811.161.1>37

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ МЕДИАТЕКСТА «СОВЕТ»: ЯВНЫЕ И СКРЫТЫЕ ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Бондаренко Л. И.

*Национальный транспортный университет им. академика В. Лазаряна,
г. Днепропетровск, Украина*

В статье проведено исследование психолингвистических параметров медиатекста «Совет», анализируются коммуникативные интенции, освещаются особенности порождения и рецепции данного текстотипа.

Ключевые слова: медиатекст «Совет», коммуникативные интенции, воздействие, психолингвистика, реципиент.

Вторая половина 20 и начало 21 веков обозначены стремительным увеличением новой сферы текстопотребления в массовой коммуникации. Изучение современных средств репрезентации текста, безусловно, требует пристального лингво-прагматического наблюдения, что и определяет *актуальность* заявленной темы. В данной статье в общем виде ставится *проблема* исследования психолингвистических параметров медиатекста «Совет» для выявления явных и скрытых целей высказывания. Следует отметить, что анализу влияния медиатекстов на мировоззренческую и поведенческую деятельность отдельного человека и общества в целом посвящено множество лингвистических работ Ю. Бидзили [1], О.В. Зернецкой [2], С. Г. Кара-Мурзы [3], В.З. Когана [4], А.А. Тертычного [8, 9], А. Л. Факторовича [10], М. Д. Феллера [11] и др. Однако, несмотря на возрастание заинтересованности проблемами воздействия медиатекстов на психику реципиента и на манипулирование общественным сознанием, психолингвистические параметры такого популярного газетного жанра, как «Совет», насколько нам известно, еще не получил и достаточного освещения в научной литературе.

Цель данной статьи – с одной стороны, выявить и охарактеризовать особенности порождения и рецепции медиатекста «Совет»; а с другой — описать психолингвистические параметры данного текстотипа. Цель предполагает решение следующих *задач*:

- а) охарактеризовать субъектно-объектные отношения в данном виде коммуникации;
- б) выявить особенности рецепции медиатекста «Совет»;
- в) рассмотреть явные и скрытые цели высказывания, преследуемые авторами советов.

Создавая текст, автор, как никто другой, должен знать и четко осознавать те функции, которые будет выполнять его текст, в частности влияние на общественное

мнение и сознание читателей. Результатом этого влияния может быть смена взглядов и поведения человека. И чрезвычайно важно, чтобы это влияние было позитивным, конструктивным, порождающим добро. Речевое воздействие в психолингвистическом плане состоит в том, что на основе двойного моделирования смыслового поля реципиента (наличного и желаемого его состояния) и на основе своего представления о соотношении смыслового поля и системы значений коммуникатор кодирует желаемые изменения в смысловом поле реципиента в виде речевого и аргументированного сообщения. Реципиент же, воспринимая это сообщение, декодирует его и «извлекает» из него скрытую глубинную информацию, значимую для его личности и деятельности. Это значит, что коммуникатор должен уметь не только объективно выразить в словах и конструкциях то или иное содержание, но и сделать это единственно целесообразным или оптимальным способом [7]. Каким же образом идет процесс воздействия и взаимодействия между коммуникантами в исследуемом нами жанре «Совет»?

Рассмотрим субъектно-объектные отношения в данном виде коммуникации. В связи с субъектом речи советы будем исследовать с позиции явных и скрытых целей высказывания (иллокутивных сил);

Цель речевого воздействия – это определенная организация деятельности людей. Воздействуя на аудиторию или реципиента, мы стремимся выделить факторы, влияющие на эту деятельность, и избирательно воздействовать на них. Но ясно, что при таком понимании психологическое воздействие не есть пассивное подчинение чужой воле: оно предполагает борьбу и сознательную оценку значимости мотивов, более или менее осознанный выбор из ряда возможностей. Речевое воздействие служит для облегчения осознания ситуации, ориентировки в ней, подсказывает реципиенту известные основания для выбора, осуществляет сдвиг в его системе ценностей, убеждений и социальных установок. Одним словом, оно осуществляет изменения в деятельности через изменения в личности [6, с. 46-48].

Цель сообщения является мотивацией, порождающей текст. В процессе речевой деятельности концепция автора приобретает содержательную четкость, выкристаллизовывается в конкретной цели текста. Стремясь к реализации, автор уделяет большое внимание предмету описания, теме, а также приемам лингвистической комбинаторики. Но главным выступает не то, о чем говорится и как говорится в тексте (эти всем известные способы предметно-содержательного анализа текста также интересны и эффективны сами по себе), а почему и для чего, зачем, ради чего в тексте вообще что-нибудь говорится.

Рассмотрим, какие цели могут преследовать авторы советов, представленных в периодической печати. Поскольку «Совет» — жанровая разновидность информационной заметки, то и цель, преследуемая её автором, соответственно, заключается в сообщении и передаче некоторой значимой для обеих сторон коммуникативного процесса информации.

Советы туристам

Тем, кто собирается на отдых в экзотические страны, специалисты советуют:

Купленные на рынке экзотические фрукты нужно либо чистить, либо варить. Употребляйте в пищу только те продукты, которые прошли термическую обработку. Сырые заморские деликатесы — не для вас. Отправляясь на пляж, не забудьте взять полотенце и тапочки. Ходить босиком, ходить и лежать на тропическом песке опасно. То же самое относится и к купанию в кишасящих паразитами тропических пресноводных водоёмах. Если после возвращения из экзотического вояжа вам нездоровится, не тяните — идите к врачу (Аргументы и Факты, 2008, № 29).

В вышеприведённом совете сообщается важная и значимая информация для туристов, которые собираются посетить экзотические страны.

Анализируя советы, можно увидеть, что иногда их автор преследует цель передать мнение специалиста или опытного человека:

Советует юрист

Право на получение налогового кредита

«За обучение сына в высшем учебном заведении платил отец, но сын в конце года получал доходы. Имеет ли право отец на налоговый кредит?»

В соответствии с Законом Украины «О налоге с доходов физических лиц», с изменениями и дополнениями, право на получение кредита имеют члены семьи первой степени родства.

Доходы граждане могут получать на основании договоров гражданско-правового характера и в соответствии с КЗОТом. В случае если доход был получен по договорам гражданско-правового характера, право на получение налогового кредита имеют только члены семьи первой степени родства. Если доход получен сыном в соответствии с КЗОТом, то члены семьи первой степени родства теряют право на налоговый кредит, и студент должен сам за себя подавать декларацию (Вечерний город, 2008, № 38).

В данном тексте совета мы находим доказательство вышеизложенного факта, когда целью автора совета является передача мнения опытного специалиста-юриста. Как видим, совет может содержать не только базовую, новую, но и нормативную информацию. Нормы представляют собой требования, адресованные обществом социальным группам или отдельным личностям. Общественные нормы, представленные в совете, многообразны по своей классификации: юридические, экономические, моральные, технические, медицинские и т.д. Значимость норм для человека заключается в устранении случайных, непреднамеренных «столкновений» гражданина в процессе удовлетворения своих потребностей с государством или другими гражданами.

Исследование показало, что коммуникативные интенции авторов советов нацелены также на предупреждение читателя о непредвиденных неприятностях:

Советы бывалого

Даже сидя в припаркованной машине, окна держите закрытыми. Уберите всё, что может соблазнить воришек. При случайном или подозрительном разговоре не покидайте автомобиль. А если всё-таки решили выйти, предварительно закройте окна и двери машины.

Не забывайте: любое зрелище, которое привлечёт ваше внимание на отдыхе, может оказаться инсценировкой мошенников (Комсомольская правда в Украине, 2008, № 36.)

Советом делится бывалый в таких ситуациях и имеющий опыт читатель, он ставит перед собой цель предупредить и уберечь от неприятностей во время отдыха беспечных автолюбителей. Анализируя содержательный аспект данного совета, можно констатировать, что в процессе общения могут передаваться не только фрагменты информации, но и социальный опыт, происходит изменение сущности взаимодействующих субъектов, происходит социализация личности.

Убедить, ссылаясь на личный опыт:

Советует читатель читателю

Чтобы хвори быстрее ушли, хочу дать хороший совет, который помогает всегда в таких ситуациях, проверено неоднократно, можете убедиться сами, выполнив следующее:

не торопясь, пейте освящённую в храме воду по следующей схеме: три глотка перед завтраком, двенадцать перед обедом и семь перед ужином, предварительно осенив себя крестным знаменем и сказав: «Господи, пошли исцеление» (Магия, 2008, № 27).

В данном совете читатель не просто даёт рекомендацию, но и пытается доказать его действенность, ссылаясь на эффективность этого способа при многократном использовании автором лично.

Воодушевить (побудить) к чему-либо:

Советы тем, кто хочет сократить расходы на бензин вдвое

Заправская экономия

Первым делом проверьте воздушный фильтр. Снимите его и поднимите на просвет — если свет не проходит, фильтр нужно заменить. Из-за этого сжигается на порядок больше топлива. Используйте «лёгкие» моторные масла с низкой вязкостью на основе синтетики или полусинтетики, они почти на 6% снижают потребление топлива.

Проверьте давление в шинах. Недокачанные скаты повышают сопротивление, из-за чего расходуется больше топлива (Горожанин, 2008, № 21).

Автор данного совета призывает автолюбителей быть бережливыми, побуждает их к сокращению расходов на бензин и рассказывает о существующих правилах, которые помогут добиться этого.

Обобщая все сказанное, можно утверждать, что главная цель отправителя речи во всех приведённых нами советах – сделать все возможное, чтобы адресат принял на его точку зрения, его систему оценок.

Авторский замысел советов сводится к следующим коммуникативным интенциям:

- сообщить и передать значимую для обеих сторон коммуникативного процесса важную информацию;
- передать мнение специалиста или опытного человека;
- предупредить читателя;

- убедить, ссылаясь на личный опыт;
- воодушевить, побудить к чему-либо.

Рассматривая средства массовой коммуникации в прагматическом аспекте, В. П. Конечкая [5] указывает, что в плане «конверсии» тексты средств массовой информации, в том числе и советы, воздействуя на взгляды и мнения реципиента, способны:

- 1) вызывать изменения намеренно и ненамеренно;
- 2) вызывать незначительные по форме и интенсивности изменения;
- 3) усиливать существующее мнение, не изменяя его;
- 4) предотвращать возникающие изменения;
- 5) способствовать возникающим изменениям.

Выводы. Обобщая эти характеристики советов, можно сказать, что они, с одной стороны, отражают происходящие изменения в обществе, с другой стороны, влияют на эти изменения с различной степенью интенсивности. Эта взаимозависимость базируется на функциональной основе массовой коммуникации и актуализируется в конкретных социальных условиях, характерных для различных сфер деятельности людей [5].

Перспективы данной работы видятся в следующем: рассмотрение использования в советах языковых кодов как средств коммуникативного воздействия на массовое сознание широкого круга потребителей.

Список литературы

1. Бідзіля Ю. Масова комунікація і проблема насилля над масовою свідомістю [Электронный ресурс] / Ю. Бідзіля. – Режим доступа: [hptt://www.franko.lviv.ua./mediaeco/zurnal/№2/Ekran_nasyl/bidzilj_komunik](http://www.franko.lviv.ua./mediaeco/zurnal/№2/Ekran_nasyl/bidzilj_komunik)
2. Зернецкая О. В. Новостийные медиа в политическом дискурсе / О. В. Зернецкая // Методология исследования политического дискурса. Вып. 2. – Минск : БГУ, 2000. – С. 137-145.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – К. : Оріони, 2000. – 448 с.
4. Коган В.З., Уханов В.А. Человек: информация, потребность, деятельность. Текст / В. З. Коган, В. А. Уханов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 165 с.
5. Конечкая В. П. Социология коммуникации [Электронный ресурс] / В. П. Конечкая. – Режим доступа: www.vusnet.ru/biblio/.../04.aspx
6. Леонтьев А. А. Психолингвистическая проблематика массовой коммуникации / А.А. Леонтьев // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М.: Наука, 1974. – С. 28-52.
7. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ. Деятельность СМИ в системе процессов общения [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: evartist.narod.ru/text12/06.htm
8. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика: познавательного-психологический подход / А. А. Тертычный. – М.: Гендальф. – 256 с.
9. Тертычный А. А. Публицистическая аргументация: резервы эффективности (социально-психологический аспект) / А. А. Тертычный // Тенденции развития массовых информационных процессов. – М.: Ун-т дружбы народов, 1991. – С. 52-61.
10. Факторович А. Л. Публицистический стиль как пространство речевых стратегий / А. Л. Факторович. – Краснодар: КубГУ, 2000. – 92 с.
11. Феллер М. Д. Текст як модель комунікативного акту. – Нариси про текст. Теоретичні питання комунікації і тексту / Різун В. В., Мамалига А. І., Феллер М. Д. – К.: РВЦ "Київський університет", 1998. – 336 с.

Бондаренко Л.І. Психолінгвістичні параметри медіатексту «Порада»: наявна та прихована мета висловлювання // Ученые записки Таврического национального университета им. В.І. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.284-289.

У статті проведено дослідження психолінгвістичних параметрів медіатексту «Порада», аналізуються комунікативні інтенції, висвітлюються особливості створення та реценції даного текстотипу.

Ключові слова: *медіатекст «Порада», комунікативні інтенції, вплив, психолінгвістика, реципієнт.*

Bondarenko L.I. The psycholinguistic parameters of the media-text "Advice": clear and hidden objectives of the utterance // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.284-289.

The article deals with the investigation of psycholinguistic parameters of a mediatext "Advice", communicative intentions are analyzed, the peculiarities of generation and reception of the textotype are elucidated.

Key words: *media-text "Advice", communicative intentions, influence, psycholinguistics, receiver.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 811.161 + 81-112 +81-11

К ВОПРОСУ О СИНЕСТЕТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ В ДИАХРОНИИ

Василькова Н.И.¹, Коч Н.В.²

¹ Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского,
г. Николаев, Украина

² Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина

В статье рассматривается вопрос формирования синестетической метафоры в диахронии и особенности ее языкового воплощения в памятниках письменности восточных славян XI-XVII вв.

Ключевые слова: синестетическая метафора, диахрония, языковая презентация.

В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» обосновывается точка зрения, согласно которой когнитивная метафора является важнейшим звеном процесса освоения мира, обеспечивающим перенос понятийных сфер сенсорных знаний (биологически и исторически сформированных ранее) на абстрактные сферы познания [3]. Когнитивные метафоры, которые облегчают процесс мышления, предоставляют сенсорный опыт, помогающий осваивать инновационные абстрактные концепты, и выступают в качестве «подсказки» для усвоения отвлеченных категорий, о чем пишут в своих работах Э. Рош, М. Тернер. С помощью совокупности метафор, лежащих в основе мышления, формируется сеть абстрактных концептов, «укореняющихся» в индивидуальном опыте человека, который в свою очередь проецирует субъективные характеристики своей когнитивной карты на всякого рода абстракции. Следовательно, метафора, с позиций когнитивистики, это *двусторонняя (сенсорно-интеллектуальная) промежуточная репрезентация опыта, первоначальным компонентом которой является сенсорное звено.*

Существующая в языке так называемая *синестетическая метафоризация*, основанная на психологическом процессе синестезии (установлении ассоциаций между разными системами восприятий), является демонстрацией такого рода репрезентации. *Цель данного исследования – установить особенности формирования в диахронии синестетической метафоры, презентированной в памятниках письменности восточных славян лексическими средствами.* Синестезия, которая рассматривается как способ невербального мышления, имеет в языке огромное количество своих воплощений – *синестетических метафор*, многие из которых уже не воспринимаются нами как образные выражения.

Семантические дериваты, возникшие в результате переинтеоризации внешней информации во внутреннюю, имеют метафорическую природу и, как правило,

основываются на таком типе ассоциативных отношений между денотатами, как сходство или отличие. В основе определения этих видов ассоциации лежат противопоставления природного и культурного характера. Значение метафоры формируется на основе типичных характерных признаков называемого класса объектов и их аналогов, которые соотносятся с субъектом метафоры. При этом характерной семантической трансформацией является переход от конкретного, чувственно воспринимаемого понятия к абстрактному.

Осмысление абстрактных сфер познания, которые задаются системой неосознанных метафор, обусловлено первоначальными чувственными представлениями. Сенсорный опыт человека является основой, прототипической ситуацией для формирования метафорических структур ядра и информационного поля концепта или метафор-концептов. Один из способов выявления таких единиц мышления состоит в исследовании их репрезентаций средствами естественного языка. При этом язык выступает как важный источник данных о том, что представляет собой понятийная система мышления. Языковая картина мира, создаваемая при участии такой метафоры, имеет обратное действие – влияет на мировосприятие человека.

Современные исследования по когнитивной лингвистике, базирующиеся на научных достижениях физиологов и психологов, подтверждают положение о необходимости выделения сенсорного компонента как составляющей наших первоначальных ментальных представлений объектов действительности. А.А. Залевская, цитируя И.М. Сеченова, изучавшего пути формирования мысленных абстракций из чувственных впечатлений, подчеркивает роль сенсорики в начальном образовании концептов [2, с. 40]. Профессор И.А. Стернин, описывая структуру концепта, определяет его основной базовый слой как «чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу в УПК, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки» [5, с. 58].

Широта семантики древнерусского слова объясняется наличием в нем культурно-исторического, социального и эмотивного компонентов. Нам представляется возможным также выделить в слове такую важную познавательную структуру, которая является фундаментом наших первичных знаний о мире, как *чувственный (сенсорный) компонент*. Презентация такого компонента осуществляется через семантику концептообразующего слова, план содержания которого проецирует свой чувственный слой на информационное поле концепта [4, с. 57-62]. Метафорические значения слов в большей степени, чем первичные, сохранили в себе реликты пралогической и мифологической сенестезии, которая наиболее ярко представлена в «*телесно ориентированных*» метафорах.

Исследователи мифологии, фольклора и письменных источников отмечают межкультурную универсальность уподобления частей тела человека объектам и явлениям живой и неживой природы и наоборот. Например, земля и ее пространственные категории, небо и вода, а также различные материальные строения мыслились в телесных категориях. Так, одним из значений слова «голый» в древнерусском языке являлось значение «незастроенный», что отразилось в

географических названиях того времени (СлДРЯ, II, с. 351). В строительном деле древнерусские зодчие использовали названия составных частей сооружения – *голова, шея* (Кочин, с. 422, 423). Лексема *губа* означала «район, территориальная административная единица» (ср. *губной староста*) (Кочин, с. 78) Кроме значения «внутренние органы», «внутренняя полость в теле», «середина, сердцевина», слово *нутро* (*нутрь, нутрь*) означало – «внутренняя часть чего-либо», «внутренняя отделка, внутреннее оборудование помещения» (*нутренний городъ* «внутренняя городская крепость», *нутренний человекъ* «духовная сущность человека»; ср. *показал свое нутро*) (СлРЯ, XI, с. 448-450). *Нэдро(а)* в значениях «лоно», «грудь». «живот; нижняя часть живота», «пазуха» переосмыслилось в сочетании *недра земные* «глубинные запасы полезных ископаемых» (ср. *недро (лоно) Авраамле* «место захоронения праведников», *недра отчие* «единосущность Троицы») (СлРЯ, XI, с. 106-107).

Центральными синестетическими метафорами древнерусской культуры являлись метафоры «церковное тело» и «социальное (мирское) тело», уподоблявшиеся телу человека. Расширенная метафора болезни одного сустава нашей физической оболочки сопоставляется в проповеди святого Дионисия Ареопагита (в форме аллегории) с разладом социальным: *Чресь чина егда въ тэлэ единь съставъ превъзмагаеть, безчиние бываеть ... рекше несмэрение* (ВМЧ, Окт. 1-3 (Дионисий Ареопаг), 494. XIV в.~XV в.).

Сакральное «тело» имело и свои предметные воплощения. Что может сказать наш современник, услышав слова Христа «*Я есмь дверь овцам?*» Неверующий останется в недоумении, верующий и знающий основы христианского учения воспримет метафоричность и символичность фразы. Исследователь религиозных дискурсов, привлекая фоновые знания и метод диахронии, объяснит простую и одновременно сложную аллегорию как поэтапное образование по схеме: буквально – узкая дверь в загоне для овец, которую закрывал собой пастух, чтобы хищные животные и воры не похитили стадо → буквально: *человек (пастух) – дверь* → метафора-символ *Христос – дверь овцам* || *Христос – овчий пастух* || *учение Христа – вход «внутрь», в истинную веру*.

Очень важным в сенсорном представлении человека являлся не только внешний, но и «внутренний» портрет. Понимание «внутри» было непосредственно связано с представлением о закрытом пространстве и его связи с защищенностью телесной (ребенок находится *во чреве/лоне* матери) и защищенностью духовной (мирянин чувствует себя спокойно *внутри* церкви с ее твердыми устоями веры). Выход за пределы своего пространства предвещает угрозы, беды, скитания (см. тексты *хожений* в заморские страны, средневековую литературу об иных измерениях (временах), о выходе души из тела и т.п.). Можно вспомнить и образцы сказочного фольклора, где положение внутри является позитивным, а вне – отрицательно маркированным (сказки «Теремок», «Рукавичка»). Неслучайно слово «вон» с первоначальной семантикой «снаружи; за пределами» постепенно приобретает ярко выраженную негативную коннотацию. Концептуально понятие «внутренний» было тесно связано с понятием «дом» (*дом* как материальное строение, как семья и как состояние души: см. например, сочинение преподобного

Дорофея «О созидании и совершении *душевнаго дома* добродетелей» в его «Душеполезных поучениях»).

Черев в значении «живот», «внутренности» этимологически связано с праславянскими формами с семантикой «тело, живот», «мясо, тело», «шкура, кожа», «низ живота, кишка»: ... *разневавъся на мя преторже черев* руками (ЛЛ, с. 123), отсюда – *черевик*, *черевья* «обувь» (ср. диал. *черевко* «ребенок», *очереветь* «забеременеть», блр. *черовы* «родные дети», совр. *чреват* *последствиями*) (Фасмер, IV, с. 337). В терминологических сочетаниях типа *подчеревная пошлина*, *подчеревные деньги* «налог на рождение внебрачного ребенка» закреплена тесная сенсорная связь конкретного телесного понятия с абстрактным понятием «налог».

Диалектное архангельское (шенк.) *черев* «изгиб реки» (по сведениям А. Подвысоцкого) указывает на связь со значением «кишка», которая визуалью имеет сходство с червем (ср. диал. *черев* «червь» (Фасмер, IV, с. 335-337). Метафоризация и символизация номинации *червь* связана с вхождением обозначаемого в круг понятий, репрезентирующих идею постоянного методического действия или душевного негативного состояния (ср. *червь сомнения*, *точит червь вины*, *червоточина*). В данном случае явны телесные ориентиры ощущения внутреннего дискомфорта на уровне середины тела (зона сердца, солнечного сплетения, живота).

Синестетичность метафорического воплощения *телесного двигательного опыта* отразилась не только в отдельных словах, но и в создании терминологических сочетаний, обслуживающих самые важные сферы жизнедеятельности человека. Так, в дипломатической и юридической терминологии зафиксировано: *наступить на наследие* «стать наследником, получить наследство» (Корм. Балаш., с. 587. XVI в.) *наступить на ряд* «нарушить договор частного или государственного характера» (ГВНП, с. 280. 1315-1322 г.), *наступить на целование* «то же» (ГВНП, с. 34. 1375 г.); *беглая выть* «складная доля, единица, оставшаяся после бежавшего» (АЮБ, II, с. 303. 1623 г.) и т.п.

Фиксируя в *устойчивых сочетаниях слов* телесно ориентированные метафоры, человек «утверждает» первичность своего телесного опыта. Например, в «Русско-греко-латинском лексиконе» Ф. Поликарпова 1704 г. зафиксированы такие выражения: *набиваю уши словами* «нашептываю, докучаю» (л. 179), *на руку мне сіе* «угодно или в пользу» (л. 185). *Въ ногу несудна* означало «далеко не ровня» (*несудный* «негодный») (СлРЯ, XI, с. 312). Семантическое развитие паремии могло быть долгим и отражало путь от буквального понимания до переносного: *ни в зуб ногой* «при надобности даже дать зуботычину не умеет» → «ничего не умеет» → «ничего не понимает». Лексема *зуб* могла иметь то же метафорическое значение, что и слово *голова* – «единица счета людей». В Новгородской летописи записано: *А сокровища их изыскаша и поимаша беицисла, а избытък разделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу* (ЛНовг., I, с. 191). «Пропасть» от частного к общему, от конкретного к абстрактному, от единичного к типичному устраняют метафорические образно-иносказательные, отвлеченные от первоначального смысла устойчивые формулы.

Выводы. Идея функционирования телесно ориентированной когнитивной метафоры, развитая в концепции «воплощенного разума», манифестируется в памятниках письменности на материале лексики. Когнитивная метафора как механизм освоения и осознания действительности человеческим мышлением отвечает за перенос знаний, данных в сенсорном физическом опыте, в абстрактные сферы познания. Возможности телесно ориентированной метафоры воплощались на протяжении многих столетий и закреплялись в номинациях самых различных лексико-семантических групп, деловой терминологии и устойчивых сочетаниях слов, формируя мировидение «человека говорящего» во всех его ипостасях: внутренних, психологических, и внешних, социальных.

Список литературы

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / Арон Яковлевич Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
2. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: [сб. научн. тр.] под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 182 с. – С. 36-44.
3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры: [сборник] / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-416.
4. Пруткая Н.В. Роль сенсорного компонента семантики слова в формировании языкового сознания восточных славян / Н.В. Пруткая // Проблемы межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве. – Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. – 396 с. – С. 57-62.
5. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: [сб. научн. тр.] [Под ред. И.А. Стернина]. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 182 с. – С. 58-65.

Список сокращений первоисточников

- АЮБ** – Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изданы Археогр. комиссией под ред. Н. Качалова. – СПб., 1857-1884. – Т. 1-3.
- ВМЧ** – Великие минеи четы, собранные всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археогр. комиссией: октябрь, дни 1-31. – СПб., 1870-1880.
- ГВНП** – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С. Валка. – М.–Л., 1949.
- Корм. Балашова** – Кормчая Балашова // Рукопись БАН, 21.5.4.
- Кочин** – Материалы для терминологического словаря Древней России / Сост. Г.Е. Кочин [Под ред. Грекова Б.Д.] – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 487 с.
- ЛЛ** – Летопись Лаврентьевская, владимирский летописный свод 1305 г., по сп. 1377 г. // ПСРЛ, т. 1. – Л., 1926-1927.
- ЛНовг. I** – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [Под ред. и с предисл. А. Нанасова]. – М. – Л., 1950.
- СлДРЯ** – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: в 10 тт. / Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Русский язык, 1988. – Т. II.
- СлРЯ** – Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 1-26 / [Гл. ред. Д.Н. Шмелев] – М.: Наука, 1988. – Т. XI.
- Фасмер** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. / Пер. с нем.; доп. О.Н. Трубачева. – [4-е изд., стер.] – М.: Астрель; АСТ, 2004. – т. IV.

Василькова Н.І., Коч Н.В. До питання про синестетичну метафоризацію у діяхронії // Ученіє запискі Таврічського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.290-295.

У статті розглядається питання формування синестетичної метафори у діяхронії та особливості її мовного втілення у пам'ятках писемності східних слов'ян XI-XVII ст.

Ключові слова: синестетична метафора, діяхронія, мовна презентація.

Vasilkova N.I., Koch N.V. To the problem of synthetical metaphORIZATION in diachrony // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.290-295.

The article deals with the problem of synthetical metaphor in diachrony formation and the peculiarities its language usage in the Eastern Slavs of the XI-XVII cc. written monuments.

Key words: synthetical metaphor, language usage, diachrony.

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.

УДК 801'612:811.111

ТЕМПОРАЛЬНА СПЕЦИФІКА МАСМЕДІАЛЬНОГО ДИСКУРСУ У ГЕНДЕРНОМУ АСПЕКТІ

Власік Н.В.

Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов, м. Горлівка, Україна

Стаття присвячена дослідженню темпоральної специфіки масмедіального дискурсу «прогноз погоди» з урахуванням гендерної дихотомії. Виявлено варіативність часових параметрів при актуальному членуванні дискурсу представникам двох макросоціальних груп. Подано статистичні показники за результатами перцептивного та акустичного видів аналізу.

Ключові слова: *гендерна дихотомія, часовий механізм, темп, швидкість.*

Зорієнтованість сучасної лінгвістики на дослідження комунікаційної поведінки мовців обумовлює пошук механізмів варіювання мови під впливом соціального контексту. Головними векторами соціолінгвістичних досліджень залишаються проблеми мовної ситуації, мовного колективу, соціальної диференціації мов залежно від різноманітності соціальних шарів (стратифікаційна) і соціальних ситуацій (ситуативна) [13]. Ситуативна варіативність, зокрема, пов'язана зі стилістичною диференціацією мови і включає поняття сфери суспільної діяльності (освіта, суспільно-політична діяльність, масова комунікація) та детермінує виконання мовцем певної соціальної ролі. Поняття соціальної ролі включає статус мовця, що поєднує в собі соціальні та індивідуальні характеристики особистості того, хто говорить: належність до певного класу чи прошарку, рід занять чи професія, освіта, вік і гендер. Відповідно до цього протиставлення чоловічого та жіночого мовлення обумовлюється реалізаціями мовної системи представниками різної статі. Комплексний підхід щодо функціонування мови враховує як лінгвістичні, так і надлінгвістичні аспекти мовленнєвої діяльності індивіда, тобто орієнтується на особливості формування «індивідуального мовного варіанту». Серед різноманітних факторів надлінгвістичного характеру, що зумовлюють специфіку мовленнєвого коду комуніканта, одне з провідних місць посідає фізіологічний та психічний фактор диференціації за статевим цензом, тобто гендерні особливості [10].

Слід зазначити, що будь-яке висловлення розглядається як комплексна мовленнєва одиниця, що включає фізіологічну, психологічну й інтелектуальну активність адресанта та як соціолінгвістичний продукт віддзеркалює поєднання його індивідуальних, соціальних ознак із ситуативними, каузальними, соціальними та іншими ознаками акту комунікації в цілому [12, с. 264]. Таким чином, особистісно-соціальні особливості мовців жіночої та чоловічої статі є значущими у сенсі визначення манери спілкування, специфіки композиційного оформлення

дискурсу та комплексу засобів, за допомогою яких «створюється конфігураційна динаміка репрезентації комунікативної події» [15, с. 154].

Розвідки щодо формування гендерних стереотипів у масово-інформаційному, новинному, публіцистичному дискурсах, у кроскультурних, етно- та лінгвокультурологічних дослідженнях репрезентовані у гендерній лінгвістиці [1; 3; 4; 9].

На сьогодні мова йде не про те, яка стать домінує у мовленні, а про те, які засоби її вираження є в мові, у якому прагматичному та комунікативному контексті відбувається вербалізація гендерного стереотипу, обумовленого над- та інтерлінгвістичними факторами [4]. Слід зазначити, що специфіка просодичної реалізації дискурсу різних жанрових характеристик привертає увагу як вітчизняних та зарубіжних лінгвістів, але багато питань, пов'язаних з гендерною роллю комуніканта щодо формування просодичної партитури дискурсу залишаються відкритими. На нашу думку, представники двох макросоціальних груп володіють особливим інвентарем фонетичних (супрасегментних) засобів для здійснення комунікативного наміру.

Мета. У межах цієї статті представлено певні розвідки щодо часового механізму реалізації гендерного стереотипу дискурсу.

Судячи з усього, просодичне аранжування дискурсу засобів масової інформації (ЗМІ) обумовлено специфікою мовленнєвої діяльності, що відбувається в межах масмедіального простору. Реалізація інтенції мовця, вирішення завдання адекватного донесення інформації до реципієнта ускладнюється специфічною формою комунікативної взаємодії між адресантом та адресатом, оскільки в ній активний зв'язок відправника інформації із співбесідником (аудиторією) носить односторонній характер. Вербальне забезпечення комунікативного задуму тісно пов'язане з їх цільовою установкою: використовуючи канали комунікативного зв'язку, не лише донести (по можливості без втрат) інформацію до максимально широкої аудиторії, але й, створюючи на потенційного адресата емоційне, психічне, ідеологічне враження, досягнути бажаного перлокутивного ефекту. Комунікація з боку адресата передбачає не лише декодування семантики мовних знаків, але й розкриття глибинних значень мовленнєвої події.

Слід зазначити, що ефективність декодування поданої інформації реципієнтом великою мірою залежить від цілісності контексту, що передбачає семантичну та смислову єдність тексту на його глибинному рівні, а зв'язність виявляється через забезпечення формально-структурної єдності завдяки встановленню взаємозв'язків компонентів поверхневої структури тексту [6, с. 49]. Комунікативна цілісність розглядається як ієрархія комунікативно-прагматичних програм [11], що знаходить своє відображення у діалектичному взаємозв'язку тенденцій надлишковості та економії [7].

Дискурс ЗМІ постає як чуйна динамічна система, що націлена на розгортання комунікативного задуму репрезентанта задля досягнення певного перлокутивного ефекту завдяки фатичним особливостям просодичних (супрасегментних) засобів мовної системи. Звукове мовлення характеризується певною динамікою просодичної виделенності своїх семантичних складових [7], оскільки будь-яка інформація інтерпретується в термінах значущості та надлишковості та передбачає відповідну

семантизацію інформаційно-сислового поля. Опис структури будь-якого об'єкту можливий після того, як проведено сегментацію образу, виділено основні (ключові) відрізки, визначено співвідношення між базовими і фоновими складовими дискурсу [12, с. 269]. Необхідність коректного смислового членування тексту, зокрема визначення темпоральних характеристик реалізації звукового сигналу, обумовлена принаймні двома факторами. З одного боку, разом з іншими просодичними підсистемами часовий комплекс корелює зі смисловим квантуванням, з іншого боку – регулює процес смислосприйняття запропонованої інформації. Таким чином, темпоральні характеристики сприяють розрізненню інформаційних квантів мовленнєвого континууму.

В межах цієї статті запропоновано результати наших спостережень щодо темпоральної специфіки масмедіального дискурсу «прогноз погоди» з урахуванням гендерної дихотомії.

Слід зазначити, що темп як часовий елемент є невід'ємною частиною комунікації та модифікується відповідно до виду комунікативної діяльності, умов її реалізації та цілеспрямування. Відносні темпоральні величини дозволяють в цілому визначити за диференційними ознаками комунікативні види висловлень і встановлювати певний структурно-семантичний зв'язок між ними у дискурсі [2]. Цікавим і ґрунтовним представляється функціональний підхід Л.К. Цеплітіса до розгляду темпу. Автор розрізняє темп як семантичний (інтелектуальний, емотивний, образотворчий засіб) і асемантичний. Інтелектуальні значення виявляються в уповільненні темпу при передачі найбільш важливого кванту інформації. Емотивні – відтворюють прискорення й уповільнення темпу під впливом певних емоцій і, нарешті, образотворчі значення семантичного темпу спостерігаються при імітації мовлення. Темп як асемантичний засіб може бути конститутивним, тобто обумовленим особливостями мовлення, ситуативним, залежним від елементів мовної ситуації і індивідуальним, до якого звик адресат і вважає для себе зручним, нормативним [14]. Пофразовий темп певною мірою обумовлює сприйняття глобального темпу дискурсу [8].

Часові характеристики передачі смислу виражаються за допомогою певного темпового оформлення, про що свідчать зміни тривалості синтагм, у зв'язку з чим ми вважаємо необхідним дослідити характеристики часової підсистеми англійського дискурсу масової комунікації – «прогноз погоди», враховуючи специфіку делімітації мовленнєвого континууму гендерних реалізацій на перцептивному та акустичному рівнях.

Вслід за Ю.О. Дубовським, ми виокремлюємо наступну дискретизацію темпу, що передбачає дві міри уповільнення і прискорення в порівнянні з середнім темпом – лентіссимо (максимально повільний), ленто, модерато, алегро, алегріссимо (максимально швидкий) [8]. Результати наших спостережень показали, що існує певна варіативність модифікацій темпу серед синтагм з різним семантичним навантаженням. Уповільнення темпу відбувається на комунікативно та інформативно найбільш вагомих ділянках в чоловічих та жіночих презентаціях, що свідчить про семантичну і прагматичну зумовленість добору темпу у «прогнозі погоди». Так, домінуючим синтагмам притаманний темп модерато (43%), на

другому місті – алегро (29%) та алегрисимо (28%) в жіночих презентаціях та в чоловічих – модерато (60%), алегро (20%), ленто (10%) та аллегрисимо (10%). Серед рецесивних синтагм превалюють синтагми з темпом аллегрисимо (64%), алегро (21%) в чоловічому, та модерато (38,5%), аллегрисимо (38,5%) і алегро (15%) в жіночому дискурсах. Таким чином, помітна певна варіативність у оформленні фраз у чоловічих та жіночих презентаціях. Контраст уповільнення та прискорення темпу більш помітно в чоловічому дискурсі, що сприяє чіткому формуванню комунікативних центрів задля адекватного сприйняття повідомлення та полегшення реципієнту виокремлення вагової та надлишкової інформації.

Наприклад:

MG

*A *lot of *clouds of Vic*toria / and / *South Au*stralia / *One or two

*showers coast *Southern and most *parts of *Western Au*stralia / but

*generally further *North on the *coast of Au*stralia it'll be / *fine and

*sunny through the *weekend /
-----*

(BBC World News, 2008)

У цьому прикладі на фоні темпу модерато (— —) та ленто (— — —) відбувається прискорення на четвертій та п'ятій синтагмах (алегрисимо ...), що пов'язане з презентацією інформації, яка вже відома адресанту, тому має надлишковий характер.

FG

*India's monsoon rains will bring some wet weather to the North East of

India and Bangladesh / over the next day or so / Also we could see some

pretty heavy downpours / through Northern Arica. As well there it is / on the

graphic system you can see as well some heavy rains from Mumbai further

South /
-----*

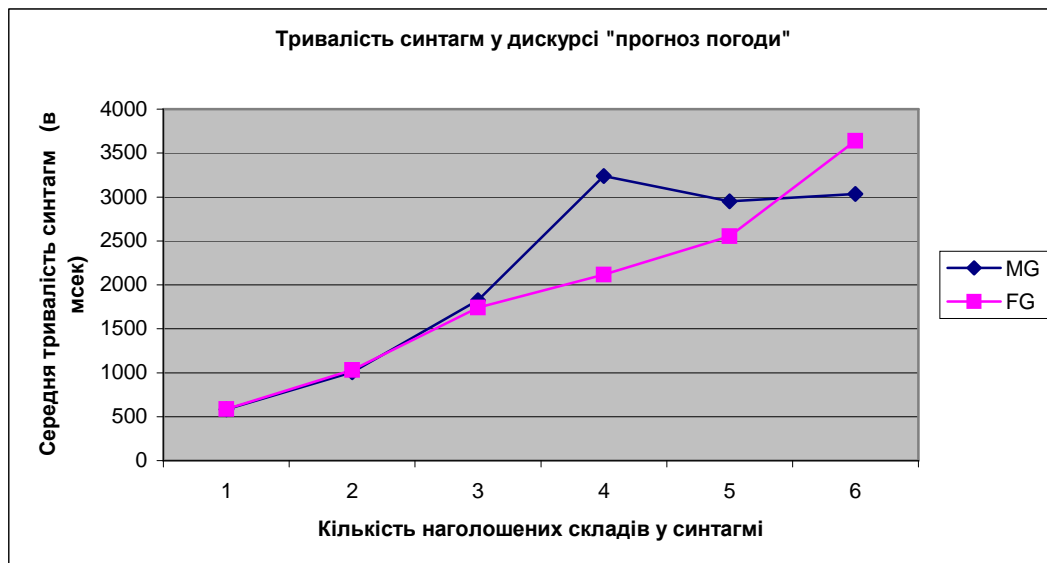
(BBC World News, 2008)

У жіночих презентаціях помітно чергування синтагм середнього темпу (модерато — —) з максимально швидким (алегрисимо), але уповільнення темпу на домінувальних синтагмах не завжди носить рекурентний характер, що сприяє зміщенню або злиттю інформаційних блоків, розмитості структурної організації дискурсу.

Розглядаючи темп як акустичне явище, його можна визначити як кількість складів, вимовлених за певну одиницю часу. Завдяки вимірюванню тривалості озвучених відрізків мовлення можна отримати данні стосовно швидкості артикуляції, Таким чином необхідно розрізняти абсолютний та загальний темп

мовлення. Абсолютний темп можна визначити як швидкість вимовлення складів в хвилину з вирахуванням перерв у звучанні, загальний темп – з врахуванням паузації. Враховуючи класифікацію Р. Ферманна, ми з'ясували акустичні показники п'яти різновидів темпу: лентіссимо – 1,7 складів/сек., ленто – 2,95 складів/сек., модерато – 4,2 складів/сек., алєгро – 5 складів/сек., алєгріссимо – 5,8 складів/сек. Наші спостереження щодо середньої швидкості жіночої презентації дискурсу дорівнює 5,8 складів/сек, а в чоловічому – 5,4 складів/сек., що дорівнює алєгріссимо та алєгро відповідно, що свідчить про більш прискорений темп мовлення жінок та повільний в чоловіків. Помітно певну варіативність щодо швидкості реалізації звукового сигналу у домінувальних та рецесивних синтагмах. Згідно наших розвідок, домінувальні синтагми вимовляються представниками жіночого гендеру зі швидкістю 5,2 складів/сек., а чоловічого – 4,8 складів/сек. Стосовно реалізації рецесивних синтагм, то в жіночому і в чоловічому представлені вони реалізуються зі швидкістю 5,9-6 складів/сек. Таким чином, як для жінок, так і для чоловіків характерне вповільнення темпу в домінувальних (рематичних) та прискорення у рецесивних (тематичних) частинах, що пов'язане з оцінкою мовцем важливості, актуальності повідомлення, тобто ступеня інформативності повідомлення, що є інваріантною ознакою.

Слід підкреслити, що темп великою мірою залежить від кількості наголошених складів, що є своєрідними «бітами» англійського ритму та перекроюють і перебудовують висловлення таким чином, що воно немовби прилаштовується під особливості людського сприйняття [5, с. 140]. Аналіз «прогнозу погоди» дозволив виявити певну закономірність між кількістю наголошених складів у синтагмі й показниками тривалості часу звучання для синтагм із відповідною акцентною будовою.



Розвідки, які представлені у діаграмі, показують, що тривалість синтагм з одним, двома, трьома наголошеними складами є схожою в чоловічих і жіночих репрезентаціях. Однак певні розбіжності з'являються при вимові синтагм, що нараховують чотири, п'ять, шість наголошених складів. Чоловіки прискорюють темп, тим самим зменшуючи тривалість таких синтагм. Слід зауважити, що такі синтагми у більшості випадків є рецесивними, тобто несуть надлишкову, не важливу для реципієнта інформацію. Дані щодо тривалості цих одиниць представлені в таблиці 1.

Таблиця 1. Співвідношення тривалості синтагм (мсек)

Тип синтагми	Кількість акцентованих складів у синтагмі						
		1	2	3	4	5	6
Домінувальні	MG	820	1375	2376	2600	–	–
	FG	635	1126	1800	2200	2700	3450
Рецесивні	MG	390	720	1460	3240	2950	3050
	FG	400	680	870	1480	2410	–

Аналіз значень абсолютної тривалості синтагм показав, що вони реалізуються в широкому діапазоні 390-3050 мсек в чоловічому представленні, 400-3240 – в жіночому, причому діапазон домінувальних синтагм перевищує діапазон рецесивних синтагм (у середньому 300-400 мсек). Пролонгація домінувальних синтагм в жіночому представленні свідчить про намагання дикторів даної статі більш детально представити нову інформацію, максимально її конкретизувати, що призводить до збільшення акцентного об'єму цих синтагм. Чоловічий раціоналізм, фактуальність знаходять своє відображення в більш коротких домінувальних синтагмах, концентрація лише на інформативних центрах, додаткова інформація, що сприяє більш адекватному сприйняттю та декодуванню інформації, подається в рецесивних синтагмах, збільшуючи їх акцентно-складовий склад.

Таким чином, наші спостереження над часовою підсистемою дискурсу у гендерному аспекті дають змогу дійти *висновків*, що гендер як вагомий соціолінгвістичний фактор обумовлює варіативність реалізації комунікативного задуму, що віддзеркалює специфіку темпоральної організації дискурсу, яка, як підсистема просодії, відіграє питому роль у забезпеченні адекватної реалізації мовлення різної стилістичної спрямованості.

Список літератури

1. Александрова Е.С. Гендерная маркированность англоязычного новостного текста (на материале современной британской прессы): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «германские языки» / Е.С. Александрова. – Волгоград, 2007. – 18 с.
2. Багмут А.І. Інтонація як засіб мовної комунікації / А.І. Багмут, І.В. Борисюк, Г.П. Олійник. – К.: Наукова думка, 1980. – 244 с.
3. Банков А.С. Гендерный фактор в просодическом оформлении речи коммуникантов (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «германские языки» / А.С. Банков. – Нижний Новгород, 2008. – 20 с.

4. Белова Т.М. Гендерная метафора как отражение культурного концепта «маскулинность» во французском языке: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Т.М. Белова. – Кемерово, 2007. – 22 с.
5. Васік Ю.А. Ритмічна організація англomовного політичного дискурсу (експериментально-фонетичне дослідження на матеріалі промов сучасних політиків Великої Британії): дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «германские языки» / Ю.А. Васік. – Горлівка, 2007. – 234 с.
6. Воробйова О.П. Текстові категорії і фактор адресата: [Монографія] / О.П. Воробйова. – К.: Вища шк., 1993. – 200 с.
7. Дворжецкая М.П. Сегментная и просодическая специфика ключевых слов текста / М.П. Дворжецкая // Сб. научных трудов: Взаимодействие сегментного состава и просодии текста. – Киев КГПИИЯ, 1986. – С. 5 – 13.
8. Дубовский Ю.А. Анализ интонации устного текста и его составляющих / Ю. А. Дубовский. – Мн.: Вышэйшая школа, 1978. – 140 с.
9. Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации / А.В. Кирилина // Гендер как интрига познания. – М.: Изд-во “Рудомино”, 2000. – С. 47-81.
10. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А.Д. Петренко. – К.: Рідна мова, 1998. – 254 с.
11. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика: [учебное пособие]. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 600 с.
12. Петренко І.В. Лінгвоакустичні характеристики паузації в сучасному англomовному лекційному дискурсі (експериментально-фонетичне дослідження чоловічого і жіночого мовлення в дидактичній сфері): автореф. дис... канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «германські мови» / І.В. Петренко. – К., 2000. – 18 с.
13. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми / О.О. Селіванова. – Полтава, 2008. – 712 с.
14. Цеплитис Л.К. Анализ речевоц интонации / Л.К.Цеплитис. – Рига:Знатне, 1974. – 272 с.
15. Штакіна Л.О. Гендерна дихотомія як фактор просодичного акценту / Л.О. Штакіна // Актуальні проблеми менталінгвістики: [збірник наукових статей за матеріалами VI Міжнародної наукової конференції]. – Черкаси: Ант, 2009. – С. 154 -156.

Власик Н.В. Темпоральная специфика массмедиального дискурса в гендерном аспекте // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.296-302.

Статья посвящена исследованию темпоральной специфики массмедиального дискурса с учетом гендерной дихотомии. Выявлено вариативность временных параметров при актуальном членении дискурса представителями двух макросоциальных групп. Поданы статистические данные по результатам перцептивного и акустического видов анализа.

Ключевые слова: *гендерная дихотомия, временной механизм, темп, скорость.*

Vlasik N. Temporal specifics of mass-media discourse within the framework of gender dichotomy // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.296-302.

The article reveals the temporal specifics of mass-media discourse within the framework of gender dichotomy. It has been proved that the representatives of two macrosocial groups expose variability of temporal parameters within the actual division of the discourse with the help of auditive and acoustic analysis of the data obtained.

Key words: *gender dichotomy, time mechanism, tempo, speed.*

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 811.161.1

**НАИМЕНОВАНИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ГОВОРОВ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Ганичева С.А.

Вологодский государственный педагогический университет, г. Вологда, Россия

В статье делается попытка исследования на материале лексики одного из районов Вологодской области.

Ключевые слова: *диалектная языковая картина мира, парцеллирование объектов познания, прагматичность, утилитарность, образность, мотивировочные признаки.*

Лингвокультурологический анализ языковых единиц – одна из актуальных задач современного языкознания, ориентированного «на изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [1, с. 5]. Результатом лингвокультурологического исследования является реконструкция тех или иных участков языковой картины мира (ЯКМ), под которой понимается способ отражения языком реальной действительности, предметов и явлений, окружающих человека. Сосуществование в пределах одного языка его разновидностей, используемых в общении той или иной социальной группой, обуславливает наличие разновидностей ЯКМ: профессиональных, возрастных, региональных. Среди последних наибольший интерес представляет диалектная ЯКМ (ДЯКМ): диалект является наиболее архаичным сравнительно с литературным языком способом освоения действительности, позволяет эксплицировать наиболее древние черты народного сознания, отражающиеся в других разновидностях языка имплицитно. Исследователи (О. А. Радченко, Н. А. Закуткина, Т. И. Вендина и др.) выделяют большое количество черт ДЯКМ. Это естественный характер, отсутствие кодификации, проявление главным образом в устной речи, парцеллирование (дробление) объектов познания, эмоциональная окрашенность номинации, конкретность, склонность к преувеличениям, склонность к грубоватому, фамильярному способу выражения, прагматичность, утилитарность, образность и другие [4, с. 38-43].

Реконструировать ДЯКМ можно, опираясь на данные разных языковых уровней, однако, как отмечает Т. В. Топорова, «в наибольшей степени апеллирует к смысловым (и, добавим) ценностным параметрам окружающего мира» лексика (цит. по: [1, с. 6]).

Цель данной статьи – попытка прокомментировать особенности ДЯКМ на примере слов тематической группы «Водные объекты». Предметом исследования

являются семантическая организация этой тематической группы и лежащие в основе номинации мотивационные признаки. *Материалом для наблюдения* послужила лексика Кирилловского района Вологодской области, собранная в ходе диалектологической экспедиции под руководством Е. Н. Шабровой в 1996 году. Лексика была собрана в соответствии с Программой Лексического атласа русских народных говоров, в которой словам интересующей нас тематической группы посвящено более 100 вопросов.

Как известно, окружающий нас мир континуален. В отличие от него, понятийное пространство языка дискретно, оно является своеобразным трафаретом, накладываемым человеческим сознанием на окружающий мир. Форма и размер ячеек этого трафарета являются разными в разных языках и в разных разновидностях одного языка. Существуют также закрытые участки, когда предмет или явление по той или иной причине не имеет языкового обозначения. Это легко увидеть, сравнивая материал кирилловских говоров с предлагающейся в Программе ЛАРНГ схемой дробления участков окружающего мира, связанных с водными объектами. Так, в нашем материале из-за отсутствия реалии нет обозначения незамерзающих источников (вопрос №482 Программы ЛАРНГ). Описательно (словосочетанием) обозначается болото, поросшее лесом (вопр. №420), крутой берег (вопр. №501), река с крутыми берегами (вопр. №477). Кроме того, часть вопросов Программы вообще оставлена без ответа (№419 «Кочки на болоте», №470 «Пороги», №512 «Первый лёд в период ледостава» и др.) [3].

В целом, в кирилловских говорах обозначается, во-первых, характер водного объекта: *река, озеро, грунтовые воды (родник, ключ), болото, лужа*. Во-вторых, маркируются особенности и части водоёмов, а также объекты, пространственно смежные с водоёмами. Больше всего номинаций связано с рекой или озером. Маркируется, во-первых, размер реки. При этом особое название есть только для небольшой речки (*ручей, ручеёк*), большая река не имеет однословной номинации. Во-вторых, обозначается глубина водоёма, причём особая номинация существует как для глубокого участка (*омут*), так и для мелкого (*намоина*; это слово обозначает также нанос песка в реке, то есть, возможно, значение следует формулировать как 'песчаная мель'). Языковое сознание носителя кирилловских говоров выделяет некоторые разновидности мелких участков реки. Так, словом *каменик* называют каменистую мель (ср.: *намоина*), а словами *мелководица* и *брод* – мелкое место, по которому переходят реку. В-третьих, сельский житель обращает внимание на характер течения. При этом маркируются наличие быстрого течения (*быстрица*) и водоворота (*вьюн, водоворот*). В-четвертых, обозначаются такие части реки, как начало (*исток*) и конец (*устье*), а также излучина (*кривуль*). У озера словом *плешь* маркируется наличие части, вдающейся в сушу, залива. Обозначается также огороженная часть водоёма (реки, озера), прилегающая к пастбищу – *заводь*. В-пятых, маркируется состояние поверхности водоёма. Существительное *рябь* называет «мелкое волнение водной поверхности» [2, с. 690]. Ряд слов связан с замерзанием водной поверхности: *шух* – 'мелкий лёд', *льдина* (то же, что в литературном языке), *зотор* – 'нагромождения льда, торосы', *ерик, наслуг* – 'вода на льду во время оттепели', *полынья* – 'незамёрзшее место на реке, озере', *пролубь* –

‘прурубь’, *ледянка* – ‘дорога по льду’. Весенний ледоход, взлом льда называется *располицей*. В-шестых, обозначаются объекты прибрежной зоны. Для называния ‘края земли около воды’, как и в литературном языке, используется слово *берег*. Маркируются низкие части прибрежной зоны, заливаемые водой (*пойма* – ‘низкий, низменный, обычно затопляемый берег’, *залив* – ‘низкое, заливаемой место на лугах или на пашне’); высокие берега не имеют однословного обозначения. Существует отдельное название для части суши, вдающейся в водоём – *мыс*.

Номинаций, связанных с болотами, в кирилловских говорах меньше. Могут маркироваться виды болота в зависимости от поверхности: *кочковатик*, *кочурник* – ‘кочковатое болото’, *травник* – ‘болото, поросшее травой’. Кроме того, обозначаются объекты, связанные с проходимостью болота: топкое место на болоте (*лыва*) и сухой островок (*гряда*).

В целом, хотя схема членения участков окружающего мира, связанных с водными объектами, в кирилловских говорах проще, чем в программе Лексического атласа, она более дробная, чем в литературном языке, в котором нет отдельных слов для обозначения каменистой мели, воды на льду во время оттепели, разновидностей болота и др. В этом проявляется такая черта ДЯКМ, как парцеллирование объектов познания. Носители диалекта выделяют в окружающем мире только те части, которые значимы для нормальной жизнедеятельности, причём это значимость может быть как положительной (*мелководица* – место, по которому можно перейти реку; *залив* – огороженная часть водоёма, из которой скот не выбежит при водопое), так и отрицательной (в *лыву* на болоте лучше не попадать, как и в *польню*; *зотор* может привести к наводнению и др.). Это свидетельствует о прагматичности и утилитарности языкового сознания сельского жителя. Наконец, отсутствие обозначений для тех реалий, которых нет в жизни крестьянина (незамерзающий родник) выявляет такую черту ДЯКМ, как тесная связь с действительностью.

Рассмотрим теперь мотивировочные признаки номинации водных объектов, опираясь на классификацию, данную Т. И. Вендиной. Как отмечает исследователь, эти признаки «являются, по сути дела, гносеологическими параметрами концептуальной модели семантических отношений в той или иной сфере» [1, с. 205]. Для ДЯКМ характерна прагматическая направленность мотивационных признаков, основой номинации становится та часть или характеристика предмета или явления, которая оказывается значимой «в сложном процессе постижения и освоения человеком мира природы, что связано с биологической ценностью его биологического выживания» [1, с. 218]. Можно выделить 10 разновидностей признаков: качественно- или предметно характеризующие (указывают на физические свойства предметов или явлений), локативные (указывают на место или направление), экзистенциальные (указывают на состояние, способ существования, применения, передвижения), темпоральные (указание на время), квантитативные (указание на меру), функциональные (указание на назначение), акциональные (указание на производимое действие), акторные (указание на результат действия), реляционные (указание на отношения, например, родство или принадлежность), партитативные (актуализируют значение части). В ряде анализируемых слов актуализируются некоторые из данных признаков. Выявить эту актуализацию можно как на уровне

современных словообразовательных связей, так и этимологически. При этом надо учитывать, что наиболее ярко ДЯКМ характеризуют признаки, проявляющиеся на уровне современного словообразования.

Чаще всего в основе слов тематической группы «Водные объекты» лежат **качественно- или предметно характеризующие признаки**. Это, во-первых, особенности поверхности: *кочковатик, кочурник, травник, камешник, ледянка, рябь* (от *рябой*). Сюда же, вероятно, относится слово *попынька*, образованное от **поль* 'открытый' [5, т. 3, с. 320]. Во-вторых, признак может относиться к особенностям формы: *кривуль, плешь, устье* (от *уста* 'губы' [5, т. 4, с. 172]). В-третьих, в основу номинации могут быть положены особенности структуры: *льдина* (из льда). **Акциональные признаки**, указывающие на действие, совершаемое предметом, лежат в основе слов *исток* (букв. 'то, что истекает') и *вьюн* (букв. 'то, что вьётся'). Возможно, сюда относятся также существительные *располица* (ср.: *располоть* 'разрезать пополам' от **поль* 'открытый' [5, т. 3, с. 444], т. е. *располица* букв. 'время, когда река разрезается, открывается') [5, т. 2, с. 548]). **Акторные признаки** указывают на то, что объект возник (возникает) в результате некоторого действия. Они лежат в основе таких слов как *намоина* (букв. 'то, что намыто'), *залив* (букв. 'то, что оказывается залитым'), *затор* (от *затереть* 'начать тереть'), *прорубь* (от *прорубить* с заменой фонемы <р> на <л>). **Квантитативные признаки**, связанные с мерой, лежат в основе существительных *ручeёк* (значение небольшого размера выражено суффиксом -ок-), *мелководица, мель* (значение небольшой степени глубины выражено корнем -мел- // -мел'-), *быстрица* (значение высокой скорости выражено корнем -быстр'-). **Локативный признак**, указывающий на место расположения, видимо, лежит в основе существительного *гряда*: М. Фасмер отмечает, что развитие значения этого слова, вероятно, шло в направлении «бревно, возвышение, отмель, грядка» [5, т. 1, с. 467].

В целом, существование довольно большого количества слов с яркими мотивировочными признаками (*плешь, быстрица, кочковатик* и др.) подтверждает выводы учёных об образности диалектной языковой картины мира. Характер признаков, ставших основой для номинации (физические свойства предметов, действия, совершаемые объектами или над объектами, количественные характеристики и место расположения), свидетельствует о прагматичности и утилитарности сознания диалектоносителя, выделяющего в окружающих предметах стороны, наиболее значимые с точки зрения биологического выживания.

Выводы. Таким образом, анализ структурной организации слов тематической группы «водные объекты» и особенностей их мотивационных признаков позволил нам прокомментировать некоторые черты ДЯКМ. Представленная попытка лингвокультурологического рассмотрения данных существительных может быть расширена за счет анализа семантической структуры отдельных слов, особенностей их контекстуального употребления и др. Кроме того, можно увеличить территорию обследования, охватив несколько районов Вологодской области.

Список литературы

1. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – М.: Индрик, 1998.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Рос. акад. наук, Ин-т русс. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2001.
3. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Часть 1: [научно-методич. пособие] / отв. ред. И. А. Попов. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994.
4. Радченко О. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / О. А. Радченко, Н. А. Закуткина // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25-48.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – В 4-х тт. Т. 1 – 4.; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М.: Астрель : АСТ, 2003.

Ганичева С.О. Найменування водних об'єктів у лінгвокультурологічному відношенні (на матеріалі говірок Кирилівського району Вологодської області) // Ученіє записки Тавричського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.303-307.

У статті робиться спроба дослідження на матеріалі лексики одного з районів Вологодської області.

Ключові слова: *діалектна мовна картина світу, парцелювання об'єктів пізнання, прагматичність, утилітарність, образність, мотивувальні ознаки.*

Ganicheva S. The nomination of water bodies in lingvocultural aspect (the dialects of Kirillov district, Vologda oblast) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.303-307.

The features of the dialect linguistic picture of the world can be picked out according to the semantic and structure of the word of separate lexical sets, particularly, the nomination of water bodies. The research is based on the material of vocabulary of one of the Vologda oblast district.

Key words: *the dialect linguistic picture of the world, the parceling the object of cognition, pragmatism, utility, figurativeness; the motivating markers.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 811.161.1'42

КОНЦЕПТ СОБОРНОСТЬ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В МЫ-ДИСКУРСЕ

Грищенко Е.В.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина

В статье рассматривается мы-дискурс как способ реализации концепта соборность.

Ключевые слова: *концепт, мы-дискурс, концептосфера, соборность.*

Постановка проблемы. Изучению различных концептов в русской культуре и в русском языковом сознании посвящено много работ. Лингвистами определены и охарактеризованы центральные концепты, представляющие русскую концептосферу и русскую языковую картину мира (воля, душа, тоска, жизнь, свобода, дружба, любовь, труд, правда, истина, ложь, счастье, радость, толерантность, туманное утро, зимняя ночь, юродивый, русскость и многие другие). Многообразие подходов к изучению и определению концептов обуславливает множественность описания данных «единиц сознания» [15; 1], поскольку используются разные методики (алгоритмы) описания концептов. Являясь ментальными единицами, категориями ненаблюдаемыми, одни и те же концепты могут выявлять их различные вербальные репрезентанты, разнообразные средства их языковой представленности, что подтверждает мысль о том, что концепт не может быть определённой «дефиницией и набором некоторых признаков... он изменчив, текуч, подчас неуловим» [12, с. 84].

Анализ последних исследований по проблематике работы. В когнитивной лингвистике называют несколько подходов к пониманию концепта, среди которых лингвокультурный (Ю. С. Степанов, С. Г. Воркачëв, В. И. Карасик, В. А. Маслова), лингвокогнитивный (З. Д. Попова, М. В. Пименова, И. А. Стернин, В. Н. Телия), когнитивно-дискурсивный (Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачëв, Л. Н. Синельникова) и др.

Зарубежными когнитивисты выделяют четыре теории исследования концепта: классическую, «теорию вероятности», «теорию теории» и концептуальный атомизм [23]. Называют устойчивые и неустойчивые концепты [7, с. 91], универсальные и этноцентрические [12, с. 83], научные и культурные [13, с. 116], этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные [8, с. 98].

Лингвисты выделяют разные концепты, составляющие русскую концептосферу. Концепт *соборность* является одним из ключевых концептов русской культуры, на что обращено внимание в работах Д. Кобринского, И. С. Колесовой, А. Ю. Чернышевой и др.

Цель статьи – охарактеризовать *мы-дискурс* как способ реализации концепта *соборность*.

Существует множество определений концепта. Приведём в качестве примеров некоторых из них. Концепт – это «семантическое образование, отмеченное

лингвокультурной спецификой; «свёрнутый» текст» [12, с. 50-51]; «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека» [15, с. 34]; «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [8, с. 91]; «национально-маркированный образ культуры, имеющий языковое выражение» [22, с. 125]; «сгусток культуры в сознании человека» [21, с. 43]; «синтезирующее лингвоментальное образование» [6, с. 19]; «алгебраическое» выражение значения, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи» [10, с. 318].

Д. С. Лихачёв вводит понятие концептосферы и определяет её как «потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека... и всего языка в целом», «всю сферу концептов» [10, с. 321, 328].

Утверждение в национальной картине мира понятия *соборность* связано с работами русских философов. Представленное и обоснованное в работах А.С. Хомякова, понятие *соборность* использовалось в рамках религиозных текстов и относилось к учению о Церкви как органическом целом. Позже обращение к данному понятию находим в трудах величайших русских мыслителей XIX – XX века – В. С. Соловьёва, В. В. Розанова, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и М. К. Мамардашвили и многих других.

Идея *соборности*, соборного сознания и соборной культуры является одной из центральных в философском дискурсе Н. А. Бердяева. У В. С. Соловьёва идея *соборности* трансформировалась в учение о *всеединстве*, сущности всемирного единства. Для В. В. Розанова определяющими являются темы *христианства*, *семьи* и *Космоса* как «целого». У С. Н. Булгакова – это учение о Софии, *софиология*, которое связано с системой всеединства. У М. К. Мамардашвили – это проблемы объединительной духовности и философии.

Трудами философов *соборность* утверждается в качестве центральной категории философии, представляющей интерес для многих других наук. В итоге *соборность* квалифицируется как одно из проявлений русской ментальности и занимает значимую позицию в русской концептосфере. Концепт *соборность* тесно связан с понятиями «совместности», «коллективности», «общинности», «общительности», «солидарности», «коммунальности», которые полностью отражают тип русской культуры – коллективистской (интересы «мы» выше, чем интересы «я»; ярко выражен «мы-образ», в отличие от индивидуалистский культуры, где центральный образ – «я-образ») [9].

Мы относим концепт *соборность* к универсальным концептам (стремление к совместности выражено вербально в разных языках, представлено в разных культурах). Однако необходимо отметить, что структура и параметры описания подобных концептов могут отличаться. Концепты группируются и вербализуются в разных языках по-разному. Русская культура – «мы»-культура, отражающая альтерэгоцентрическое языковое сознание [18, с. 56], – представляет широкий спектр выражения совместности, которая заложена в концепте *соборность*.

По нашему мнению, концепт *соборность* наибольшим образом реализуется посредством *мы*-дискурса, который мы определяем как способ идентификации человека с группой лиц, на основе использования *мы*-включений. «Местоимение

может быть одним из показателей дискурса личности», а следовательно, и дискурса общества, представляющего определённую культуру [8, с. 46].

Для выявления содержания концепта *соборность* сквозь призму *мы*-дискурса мы обратились к работам русских философов. В философских текстах местоимение *мы*, образующее *мы*-дискурс, представлено набором сем, где *мы* обозначает множественность:

1) Обобщающе-ограничительное *мы* (указывает на группу людей, в которую входит и говорящий; говорящий и группа объединены по какому-либо общему социальному, возрастному, территориальному или иному признаку).

2) Совместно-ограничительное *мы* (объединение автора и читателя, в данном случае является ограниченным, поскольку основная функция исполнения лежит на авторе).

3) Обобщённо-личное *мы* (*мы*, основанное на древнем архетипе «*мы*» = «мир», которое относится к каждому человеку, ко всем людям; «*мы*» – это «весь мир, все люди, всё человечество»).

Приведём примеры на каждый тип отношений:

1) «**Мы**, русские...»; «**Мы** здесь – государство, религия, нравственность, старая семья...» [17, с. 142, 235]; «**Мы** должны любить свой народ...» [19, с. 358]; «**Мы** вот говорим по-русски, русский язык – европейский язык»; «И если **мы** этого не осознаём, а дело это, конечно, прежде всего интеллигенции, то грош нам цена»; «**мы** – советские люди», [11, с. 64, 210]; «Русская мысль в отношении к полу и любви очень отличается от морали западной. **Мы** всегда были в этом отношении свободнее западных людей»; «**Мы**, русские, апокалиптики или нигилисты потому, что устремлены к концу...»; [2, с. 106, 124]; «**Мы** жили ещё в патриархальных нравах... (о семье)»; «У нас, русских, это менее выражено»; [3, с. 19, 84]; «До сих пор **мы**, русские, мало чем обогатили мировую философскую литературу, и единственным нашим оригинальным философом остаётся пока Влад. Соловьёв»; «Из всей галереи типов этого романа этот образ нам, русской интеллигенции, самый близкий, самый родной...» [5, с. 16, 17].

2) «**Мы** не будем вдаваться в обсуждение доводов...»; «Если **мы** разложим на простейшие, то **мы** увидим...»; [16, с. 6, 43]; «**Мы** приходим к следующему общему заключению»; «**Мы** видели, что в этом идеале, несомненно, есть истина»; [19, с. 110, 153]; «**Мы** вот с вами, например, беседуем по-русски...» [11, с. 196]; «**Мы** увидим, что...»; «Так и **мы** можем сказать, что...»; [2, с. 20, 152]; «Как **мы** отмечали это и ранее...»; «**Мы** знаем из непосредственного опыта»; [4, с. 293, 301].

3) «**Мы** вступили в мир, как разумное сознание; **мы** хотим не только господствовать...» [16, с. 383]; «Как **мы** лучшие после страдания?»; «**Мы** рождаемся для любви» [17, с. 51, 158]; «Есть ли у нашей жизни вообще какой-нибудь смысл?» [19, с. 83]; «Между тем вся наша действительность, **мы** сами и тот мир, в котором **мы** живём, одинаково далеки и от чистой мысли, и от чистого механизма» [20, с. 329]; «Что такое Вселенная, в которой **мы** все находимся?»; «**Мы** вечны, если живы, и нужно идти к тому, чего в принципе нельзя знать» [11, с. 64, 374]; «Но есть тайна, перед которой **мы** останавливаемся именно

от глубины познания»; [3, с. 94]; «*Мы так привыкли к смерти, к самой идее смертной жизни, что нас уже не поражает это противоречие...*» [4, с. 82].

Выводы. Таким образом, проанализированные философские тексты свидетельствуют о высокой активности *мы-дискурса* как носителя семантики совместности. *Мы-дискурс* – когнитивная детерминанта концепта *соборность*. Основные категории учений русских мыслителей (*соборность, софийность, всеединство*) отражают особенности русской культуры и проявляют сущность русской ментальности. В этом отношении русское языковое сознание в его традиционном измерении возможно назвать сознанием совместным, соборным.

В новых дискурсивных практиках концепт *соборности* модифицируется, и *мы-дискурс* приобретает ряд новых функций.

Список литературы

1. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – 512 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – Харьков : Фолио ; М. : ООО «Издательство АСТ», 2000. – 400 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. – М. : Книга, 1991. – 446 с.
4. Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии / С.Н. Булгаков. – М. : Изд-во «Наука», 1993. – 603 с.
5. Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Избранные статьи. – М. : Изд-во «Наука», 1993. – 752 с.
6. Воркачёв С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация / С.Г. Воркачёв // Язык. Культура. Коммуникация [Текст] : материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 18-20 апреля г. : в 3 ч. Ч. 1 / ВолГУ. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2006. – С. 18-23.
7. Данильев А. А., Синельникова Л. Н. Изменчивая вербальная среда как поле манипуляций / А.А. Данильев, Л.Н. Синельникова // Личность – слово – социум : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., 28-29 апреля 2008 г., г. Минск : в 2 ч. / отв. ред. Т. А. Фалалеева. – Минск : Паркус плюс, 2008. – С. 90-94.
8. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
9. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации (Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций) [Электронный ресурс] / Т.В. Ларина. – Режим доступа : <http://depositfiles.com/files/5228wrakd>
10. Лихачёв Д.С. Избранные работы по русской и мировой культуре / Д.С. Лихачёв. – СПб. : Изд-во СПб ГУП, 2006. – 416 с.
11. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию... / М. К. Мамардашвили / Сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – М. : Прогресс, 1992. – 409 с.
12. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : [учеб. пособие] / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
13. Матвеева Т.В. Учебный словарь : русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 116-117.
14. Пименов Е. А., Пименова Е. Е. Когнитивная лингвистика на современном этапе / Е.А. Пименов, Е.Е. Пименова // Язык. Культура. Коммуникация [Текст] : материалы Международной научной конференции, Г. Волгоград, 18-20 апреля 2006 г. : в 3 ч. Ч. 1.- Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2006. – С. 52-61.
15. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
16. Розанов В.В. О понимании. Опят исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / В.В. Розанов. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. – 540 с.

17. Розанов В.В. Уединённое / В.В. Розанов / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николокина. – М. : Политиздат, 1990. – 543 с.
18. Синельникова Л.Н. Местоимение в дискурсе: [Научная монография] / Л.Н. Синельникова. – Луганск, 2008. – 476 с.
19. Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1 / В.С. Соловьёв / Сост., общ. ред и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги ; Примеч. С.Л. Кравца и др. – М. : Мысль, 1988. – 892 с.
20. Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / В.С. Соловьёв / Общ. ред. И сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева ; Примеч. С.Л. Кравца и др. – М. : Мысль, 1988. – 822 с.
21. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
22. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц / А. Н. Щукин. – М., 2007. – 125-126.
23. Margolis E., Laurence S. Concepts / E. Margolis, S. Laurence // Encyclopedia of Language and Linguistics. 2nd Edition. – USA, 2006. – С. 817-820.

Грищенко О.В. Концепт соборність і його реалізація в ми-дискурсі // Ученіє запискі Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.308-312.

У статті розглядається ми-дискурс як засіб реалізації концепту соборність.

Ключові слова: *концепт, ми-дискурс, концептосфера, соборність.*

Grischenko E.V. Concept sobornost and its manifestation in we-discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.308-312.

We-discourse as a way of manifestation of the concept sobornost is studied in the article.

Key words: *concept, we-discourse, concept-sphere, sobornost.*

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 811.161

АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ «РЕЧЕВОЙ ЖАНР И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»

Дементьев В.В.

Саратовский государственный университет, г. Саратов, Россия

В статье рассматриваются аспекты проблемы «жанр и языковая личность»: типы речевых жанров, используемых разными языковыми личностями, типы личностей по речежанровой компетенции, речевые жанры в творчестве писателей.

Ключевые слова: *речевой жанр, языковая личность, речежанровая компетенция.*

Когда М.М. Бахтин в своей широко известной статье «Проблема речевых жанров» дал определение речевого жанра и тем самым заложил основы будущей теории речевых жанров, в этой будущей теории им уже был намечен личностный аспект речевого жанра [4, с. 180-181]. Как представляется, главные жанрово-персонологические идеи Бахтина могут быть сведены к следующим: личность говорящего проявляет свою (относительную) свободу с формальной стороны – в варьировании формы высказываний в пределах, заданных жанром (Бахтин отмечал, что у разных жанров эти пределы разные, например у военной команды и непринужденной беседы); личность слушающего – с содержательной стороны: его свобода – это свобода интерпретации сказанного говорящим, и тоже в пределах, заданных жанром. Слушающий решает, когда говорящий уже раскрыл тему («тему речевого жанра», по Бахтину), а значит, «можно» отвечать.

Подобно языку [12], жанр выступает для личности в двойной роли: с одной стороны, дает чрезвычайно богатые возможности для общения и самовыражения, с другой – неизбежно ограничивает индивидуальность, заставляет «говорить как все».

К сожалению, несмотря на то, что данный аспект периодически затрагивается в работах общежанроведческого характера [3; 10; 19; 21; 22; 23] либо общеперсонологического характера [6; 14; 15; 18; 30; 31; 32], задачи персонологической генристики как самостоятельного направления теории речевых жанров еще никем не были четко сформулированы. *Цель статьи* – рассмотрение аспектов проблемы «жанр и языковая личность».

По нашему мнению, к важнейшим следует отнести **теоретическую** задачу дискурсивного моделирования и типологизации (персонологическая генристика вводит в обиход общей дискурсивной теории два основания дискурсивной классификации, соответствующие двум основным аспектам проблемы «жанр и языковая личность», – речевой жанр через призму языковой личности и языковая личность через призму речевого жанра) и **практическую** задачу описания речевого материала.

В классификации, построенной на основании «**речевой жанр через призму языковой личности**», выявляются типы РЖ в зависимости от того, что они, так сказать, дают языковой личности. С этой точки зрения важнейшими признаками РЖ будут, с одной стороны, степень предоставляемой данным жанром свободы / самовыражения, с другой стороны, наоборот, степень ограничения самовыражения, а также ограничения восприятия мира / ситуации общения / собеседника. Жанрово-дискурсивная классификация, основанная на общей степени жесткости жанровой модели, очевидным образом пересекается с другими классификациями РЖ – например, такими широко известными, детально разработанными в современном жанроведении классификациями, как деление речевых жанров на *первичные* и *вторичные* (в разных пониманиях «вторичности»), *прямые* и *косвенные* (о них можно сказать то же самое) либо деление коммуникативно-речевых единиц по степени абстракции на *речевые жанры, стратегии, тактики* и т.д.

В классификации, построенной на основании «**языковая личность через призму речевого жанра**», выявляются типы языковых личностей в зависимости от умений / способностей / предпочтений / репертуара используемых РЖ. На первый план выходят объем и более детальные характеристики речежанровой коммуникативной компетенции языковой личности [25; 26].

Является значимой связь данной классификации с существующими горизонтальными / вертикальными классификациями языковых личностей.

Горизонтальная модель в лингвоперсонологии предполагает фиксацию набора используемых, известных и предпочитаемых данной языковой личностью жанров, реконструкцию данного набора в виде поля с центром и периферией, соотнесение с другими лингвоперсонологически значимыми полями. На этом основании языковая личность относится к определенному типу – социальной группе (возраст, профессия), собственно лингвистической группе (идиолект, лексикон, грамматикон). Следует отметить, что такая фиксация – обязательная составляющая речевого портретирования [13; 23].

Вертикальная модель в лингвоперсонологии предполагает не «простую» фиксацию, а определение уровня культуры, владения языком / речью (объем языковой и коммуникативно-речевой компетенции), а также нравственного развития данной языковой личности [7]. Это в большей степени аксиологическая / оценочная, стадийная или онтологическая классификация языковых личностей, где за выделением разных типов стоит идея «роста», совершенствования – ср. такие типы, как элитарная – среднелитературная языковая личность; кооперативная – конфликтная; эгоцентрик – конформист – актуализатор. Многие классификации и выделяемые в них типы языковых личностей естественным образом имеют речежанровое выражение: *креативные личности* владеют «творческими жанрами», такими как жанры художественной речи, занимательный рассказ, изощренный тост, и способны к творческому переосмыслению жанров, *кооперативные* – используют жанры кооперативного, гармоничного взаимодействия, *инициативные* – используют большое число жанров и способны быстро переходить от жанра к жанру и т.д.

Оба аспекта проблемы «жанр и языковая личность» – речевой жанр через призму языковой личности и языковая личность через призму речевого жанра – наиболее наглядно проявляются в представлениях об **образцах, эталонах**.

Это показывают, например, исследования коммуникативных / коммуникативно-речевых *концептов* (особенно – образного и понятийного компонентов данных концептов), которые чаще всего представляют собой когнитивные проекции тех или иных речевых жанров или близких им коммуникативных феноменов. Исследования конкретных коммуникативных концептов выявляют наличие двух базовых ориентаций: на жанр либо на личность [9; 29].

Именно на идее образца, эталона основывается **теория лингвокультурных типажей**. Базовым для данной теории является понятие *модельной языковой личности* как наиболее репрезентативной в своем коммуникативно-речевом (в частности – речежанровом) выражении. Описанием отдельных лингвокультурных типажей, или типов модельных языковых личностей, и разработкой соответствующей теории активно занимаются в Волгоградском педагогическом университете: к настоящему времени, например, описаны национальные типажы *американский адвокат, американский гангстер, американский ковбой, американский супермен, английский аристократ, английский бизнесмен, английский дворецкий, английский колониальный служащий, английский рыцарь, английский сноб, звезда Голливуда, калмыцкий кочевник, российский предприниматель, русский дворянин, русский интеллигент, французский буржуа*, а также «типаж как характер» (*коллекционер*), «типаж как протест» (*шпана*), «типаж как диагноз» (*разгильдяй*) и т.д. [1; 20]. В сущности, коммуникативный аспект «типажа» есть не что иное, как особенности типичной (для данного типажа) речежанровой компетенции, то есть владения набором жанров и использования их [16, с. 21-22]. Таким образом, на первый план выступает речежанровое представление типажа.

В этой связи следует назвать еще один естественный и в каком-то смысле традиционный аспект проблемы «жанр и языковая личность», непосредственно пересекающийся с проблемой жанрово-ролевых сценок, – речевой жанр через призму языковой личности **писателя**. Традиционно широко изучен литературоведческий аспект данной проблемы – ср. проблему «новаторства» писателя, создающего вместе с новым произведением новый литературный жанр.

С точки зрения лингвистики, лингвоперсонологии и персонологической генристики, исследование речевых жанров через призму языковой личности писателя возможно в двух аспектах: (1) анализ речевых жанров в произведениях данного писателя – как часть общего изучения «языка писателя», идиостиля или словаря (например, *светская беседа* у Толстого, *исповедь и скандал* у Достоевского, жанры фатического общения у Шукшина); (2) выделение среди персонажей, изображенных данным писателем, наиболее интересных – ярко и подробно изображенных или наиболее типичных для некоторого изучаемого социума, вплоть до выделения среди них модельных личностей и типажей (ср. описание коммуникативного поведения персонажа А.П. Чехова [27; 28], персонажа Л.Н. Толстого [2], лирических героинь А.А. Ахматовой и М.И. Цветаевой [17]). В результате становится возможным изучение еще одного аспекта, непосредственно

пересекающегося с проблемой «жанр и личность», – (3) корреляции жанрового своеобразия художественного произведения с изображаемыми в нем персонажами, а также образом автора и адресата.

Пожалуй, ни один другой аспект теории речевых жанров не имеет столько, как персоналогическая генристика, точек **соприкосновения с психолингвистикой и социоллингвистикой**. Целый ряд наиболее принципиальных теоретических и практических вопросов теории речевых жанров ставится и решается на основе теории и методологии данных внешнелингвистических дисциплин:

- что происходит в сознании отдельного человека, общающегося в рамках определенного речевого жанра (а иначе общаться и нельзя)?

- как особенности индивидуальной психики, опыта, биографии влияют на особенности речежанровой компетенции, состав и полевую структуру жанров (речь идет о возможности выделения некоего центра наиболее естественных или предпочтительных для данной языковой личности жанров), а также на варьирование коммуникативно-речевых средств в пределах жанра?

- как варьируются эти и другие особенности речежанровой компетенции в различных социальных группах: как используют речевые жанры люди, в каких-либо отношениях сходные; как демонстрация определенной речежанровой компетенции используется для распознавания «своих»; наконец, как можно сравнивать разные социальные группы с точки зрения используемых (или запретных) речевых жанров?

- в какой степени определяется группой и внутригрупповыми правилами не только использование, но и интерпретация речевых жанров, вплоть до фактически превращения их в интерпретации адресата речи в другие жанры – процесс, сходный с образованием вторичных РЖ?

Наконец, персоналогическая генристика (пожалуй, как ни один другой аспект теории речевых жанров) имеет **прикладной** аспект, объективно наиболее обращенный к человеку. К сожалению, до настоящего практического использования, раскрытия всех персоналогических потенциалов теории речевых жанров (как и теории речевых жанров в целом) еще очень далеко, хотя было бы несправедливо утверждать, будто в этой области ничего не делается (см., например, исследования, имеющие яркую практическую направленность [8; 18]). Появляются практические разработки, в которых реализована одна из наиболее очевидных идей теории речевых жанров: есть жанры, которым необходимо обучать – прежде всего детей. Речь идет не только о, например, умении написать элементарное сочинение или эссе для ЕГЭ, простейший документ или поздравительную открытку или умении выступать публично – понятно, что всем этим вещам необходимо обучать [5]. Следует подчеркнуть, что такая практика – часть любой подготовки к нормальной социализации, при этом обучение жанрам (порождению, распознаванию, интерпретации) естественным образом распространяется на этику межличностных отношений и школьную психологию, подготовку к будущей семейной жизни, изучение ее психологии и этики, умение вести себя в группе, строить отношения с коллегами и начальством в рабочем коллективе, начальную военную подготовку и т.д.

Выводы. Пока проблема «жанр и языковая личность» не относится к числу наиболее разработанных в теории речевых жанров: почти не было систематических исследований общего характера, посвященных аспектам данной проблемы. Это

кажется тем более странным, что по своему масштабу и актуальности данная проблема вполне сопоставима с проблемой «язык и (языковая) личность», которая активно и успешно решается в современной лингвистике.

Список литературы

1. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград, 2005.
2. Алексеева В.Е. Эстетическая оценка в мире языковой личности (на материале творчества Л.Н. Толстого): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Е. Алексеева. – М., 2009.
3. Балашова Л.В. Образ автора и образ адресата в торжественной оде и любовной лирике XVIII века / Л.В. Балашова // Жанры речи. Вып. 2. – Саратов, 1999.
4. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста / М.М.Бахтин // Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М., 1996.
5. Векшин Г.В. Жанр и функциональный стиль: языковое и речевое (о некоторых двусмысленностях в функциональной стилистике) / Г.В. Векшин // Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык. – Саратов, 2009.
6. Голев Н.Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности / Н.Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул; Кемерово, 2006.
7. Гольдин В.Е. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. Вып. 25. – Саратов, 1993.
8. Горбач Л.В. Жанры в образовательной деятельности. По материалам проблемно-целевых семинаров в школе № 149 / Л.В. Горбач, С.А. Минеева. – Пермь, 2000.
9. Горбачева Е.Н. Спор как лингвокультурный концепт: автореф. дис.... канд. филол. наук / Е.Н. Горбачева. – Волгоград, 2006.
10. Гуц Е.Н. К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка / Е.Н. Гуц // Жанры речи. Вып. 1. – Саратов, 1997.
11. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М., 2010.
12. Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык. – Саратов, 2009.
13. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Е.В. Иванцова. – Томск, 2002.
14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик. – Волгоград, 2002.
15. Карасик В.И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения / В.И.Карасик // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. – Волгоград, 2004.
16. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В.И.Карасик, О.А.Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи. – Волгоград, 2005.
17. Кудрякова А.С. Речевое поведение лирических героинь А. Ахматовой и М. Цветаевой: автореф. дис.... канд. филол. наук / А.С. Кудрякова. – Уфа, 2005.
18. Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н.А. Лемяскина. – Воронеж, 1999.
19. Леонтьев В.В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности: Автореф. дис.... канд. филол. наук / В.В. Леонтьев. – Волгоград, 1999.
20. Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности. – Волгоград, 2010.
21. Орлова Н.В. Коммуникативная ситуация – речевой жанр – языковая личность (на материале «Книги отзывов и предложений») / Н.В.Орлова // Жанры речи. Вып. 2. – Саратов, 1999.
22. Сахарова О.В. Реализация языковой личности в жанрах семейного общения / О.В. Сахарова // Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык. – Саратов, 2009.
23. Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: Дис.... докт. филол. наук / К.Ф. Седов. – Саратов, 1999.
24. Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) / К.Ф. Седов // Вопросы стилистики. Вып. 28. – Саратов, 1999.

25. Седов К.Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 7. – Саратов, 2007.
26. Седов К.Ф. Модель коммуникативной компетенции (онтологический, аксиологический, гносеологический аспекты) / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 10. – Саратов, 2010.
27. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А.Д. Степанов. – М., 2005.
28. Трещалина И.В. Языковая личность персонажа в прозе А.П. Чехова конца 80-х – начала 90-х годов: Лексико-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Трещалина. – Тверь, 1998.
29. Фенина В.В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: Автореф. дис.... канд. филол. наук / В.В. Фенина. – Саратов, 2005.
30. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., 1991.
31. Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград, 1996.
32. Языковая личность: жанровая речевая деятельность. – Волгоград, 1998.

Дементьев В.В. Аспекти проблеми «мовленнєвий жанр і мовна особистість» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.313-318.

У статті розглянуто аспекти проблеми «жанр і мовна особистість», наприклад, типи мовленнєвих жанрів, що використовуються різними мовними особистостями.

Ключові слова: мовленнєвий жанр, мовна особистість, мовленнєвожанрова компетенція.

Dementyev V.V. Aspects of the problem “Speech genre and personality” // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.313-318.

In the article, aspects of the problem “speech genre and speaking personality” have been discussed: the types of speech genres which the personalities use, the types of personalities from the point of view of the genre competence, the speech genres in the writers’ works

Key words: speech genre, speaking personality, speech genre competence

Поступила в редакцію 29.03.2011 г.

УДК 811.161. 1'33 : 395.6

ЭКСПЛИКАЦИЯ МАКСИМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В АДРЕСАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

Джигалюк Н. Ю.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассматриваются особенности реализации максим лингвистической вежливости в ситуациях речевого этикета (обращениях), прагматика их использования как коммуникативно успешных стратегий вербального поведения.

Ключевые слова: *речевой этикет, обращение, лингвистическая вежливость, коммуникативная ситуация.*

Лингвистическую вежливость как социальное явление традиционно связывают с культурой речи и вербальным этикетом. Сопоставление вежливости с отдельной научной проблемой, к которой обращаются специалисты многих гуманитарных наук, таких как психология, этнопсихология, культурология, антропология, психолингвистика, социолингвистика, прагматика, прикладная лингвистика и др., связана с тем, что «данная категория может рассматриваться только на междисциплинарном уровне и в межкультурном аспекте... имеет важное значение для систематизации и объяснения различий в коммуникативном поведении представителей различных культур, для повышения эффективности межкультурного взаимодействия. В связи с этим интерес, проявляемый к данной коммуникативной категории в последнее время, представляется *актуальным* и обоснованным» [9].

Целью данной статьи является установление экспликационного потенциала лингвистической вежливости в формулах речевого этикета (на примере обращений), с указанием на прагматику использования переключения кода как коммуникативной стратегии в полилингвокультурном обществе.

Практическим материалом, который послужил средством верификации интеркорреляции позитивной и негативной вежливости с парадигмой речевого этикета (на примере обращений) стали данные социолингвистического анкетирования, в котором приняли участие студенты Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Крымского государственного медицинского университета и прочие респонденты, проживающие в Крыму. Темпоральные рамки обозначены 2010 – 2011 гг.

Гендерная дифференциация представлена следующим соотношением: маскулинных респондентов – 40%, феминных – 60%.

Этническая репрезентация характеризуется неоднородностью, в анкетировании приняли участие: русские, украинцы, крымские, казанские татары, армяне, белорусы; при этом родным языком большинство информантов назвали русский.

Возраст анкетированных варьировался от 18 до 60 лет.

Вопросы, на которые предстояло ответить информированным, представлены следующим образом (им предшествовали также альтернативные стимулы и варианты недифференцированного свободного выбора относительно формул обращений): *Как Вы обращаетесь к незнакомому мужчине, женщине?, Какие формы обращения Вы используете?, Какие формы обращения Вы используете чаще всего?, Как бы Вы хотели, чтобы к Вам обращались незнакомые люди?, Как вы обращаетесь к незнакомым сверстникам?, Как Вы обращаетесь к родителям?, Как родители обращаются к Вам?, Какие национально-специфичные обращения Вы знаете на др. языках (украинском, крымскотатарском и др.)?*

Этикетные ситуации адресации в сопоставлении с категориями максим лингвистической вежливости в широком смысле избраны как наиболее репрезентативно-валидный источник установления взаимосвязи интенций коммуникантов с их речевым поведением, в силу того, что в данном случае присутствует непосредственная направленность на лицо, отображение его вербального образа в тех или иных формулах обращения (демаркация *ты, Вы* и прочих номинативных единиц).

Обращение является одной из наиболее значимых ситуативно-тематических групп в парадигме речевого этикета (такого мнения придерживается ряд ученых: А.А. Акишина, А.А. Балакай, А.Г. Балакай, В.Е. Гольдин, Н.И. Формановская и прочие), «поскольку с помощью такой единицы устанавливается и поддерживается речевой контакт с собеседником, регулируются представления о ситуации общения в целом и о ролевых позициях партнёров, их социальных и личных взаимоотношениях» [2]. В.Е. Гольдин характеризует данные единицы как «одно из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения, для установления связи между высказываниями и субъектами общения, для интеграции разных сторон и компонентов ситуации общения в единый коммуникативный акт» [6, с. 4]. Непосредственно *этикетные обращения* были рассмотрены нами, вслед за А.А. Балакай, следующим образом – «это слова и устойчивые словесные формулы, обладающие синтаксически обусловленными и ситуативно связанными, нередко идиоматичными значениями, узуально употребляемые в общении с целью призыва адресата (собеседника), установления или поддержания с ним речевого контакта в эмоционально положительной (вежливой, доброжелательной) или официальной тональности в соответствии с коммуникативной ситуацией» [2].

Ответы на вопросы, указанные в анкетах, представлены преимущественно использованием стилистически нейтральных единиц, но степень вариативного потенциала актуализации многообразия этикетных средств эксплицированы недостаточно, владение ресурсами русского речевого этикета, возможно, сопоставимо с пассивным регистром знания либо не было воспринято информантами как коммуникативно-ценные навыки для установления контакта. Коммуникативная стратегия нивелирования всего богатства вербального церемониала, проявившаяся лишь в использовании части общеупотребительных обращений, с незначительным в процентном соотношении обращении к окказиональным и заимствованным формулам, не может быть, на наш взгляд, расценена как положительное явление. Из вышесказанного не следует, что позитивной динамикой нами было бы воспринято присутствие в речи

просторечных, девиантных обращений и так далее, но знание, контекстуально уместное применение различных адресативных моделей значительно бы обогатило культуру речи коммуникантов.

В целом ответы могут быть расценены как вежливые, неконфликтные стимул-реакции на контекстуально обусловленную коммуникативную ситуацию, которая презентована как «совокупность социальных, психологических и лингвистических условий общения, определяющих прагматические правила выбора и употребления этикетных обращений [2]», опосредованная приоритетным использованием определенных речевых стратегий, средств субъективации высказывания.

Среди прочих компонентов коммуникативной ситуации (адресант адресат, обстановка общения, способ, цель и тональность [2]), на наш взгляд, в случае с парадигматической экспликацией речевого этикета в употреблении формул обращений, в данный список возможно добавить категорию лингвистической вежливости.

«Вежливость – универсальная коммуникативная категория, представляющая собой сложную систему национально-специфических стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера; вежливость – это соблюдение оптимального баланса, равновесия между дистантностью и близостью, между формальностью и фамильярностью, который является ситуативно и культурно вариативным, т.е. точка этого равновесия варьируется не только в зависимости от конкретного коммуникативного контекста, но и от типа культуры в целом» [9].

По мнению Р. Уоттса, речевое поведение делится на три типа: вежливое (*polite*), невежливое (*impolite*) и социально приемлемое (*socially appropriate* или *politic*), немаркированное; но более часто обращение к биполярной модели *вежливость/невежливость*, что, в значительной мере, соответствует и русской ментальности [9].

Результаты анкетирования указывают на качественное преимущество реализации первого полюса (в данном случае к задачам коммуникантов относят акцентуацию стратегий вежливости, коррелирующую с социально-культурными нормами и ожиданиями адресанта и адресата, с чем, по нашему мнению, справились реципиенты, принимающие участие в анкетировании).

Нечастотные проявления невежливости, связаны в большинстве случаев не с узуальными, а окказиональными формулами адресации.

П. Грайс, Р. Лакофф, Дж. Лич и их последователи рассматривали лингвистическую вежливость как парадигму речевых максим, принцип кооперации, который первоначально включал четыре постулата (количества, качества, отношения и манеры речи), но со временем модифицировался, до расширения, спецификации своего состава (аппликаторные категории Дж. Лича: *максима такта, великодушия, одобрения, скромности, симпатии*). В данной статье нами предложено использовать генерализованный образ максим, реализующихся в прагматике экспликаций лингвистической вежливости в ситуативно-тематической группе обращений. Вышеназванные теории риторической прагматики коррелируют с концепцией П. Брауна и С. Левинсона сохранения лица, подобно *социальному имиджу* и демаркации позитивной и негативной вежливости.

Основная функция вежливости солидарности (вовлеченности) – сближение партнеров по коммуникации; негативная (почтения, независимости) соответственно акцентируется на почтении, формальности, уважении автономии собеседников, соблюдении дистанции [9]. Соотношение этих двух типов представлено в процентном соотношении как 60% – вежливость сближения и 40% – дистанцирования, несмотря на взаимообусловленность этих явлений, на первый план выступает стремление вовлеченности в личную коммуникативную сферу в неформальной обстановке общения и тенденции к проявлению пиетета в противоположном случае.

Подтверждением вышесказанного служит использование стратегий вежливости дистанцирования в адресативных ситуациях речевого этикета, когда имя адресата не известно (*Как Вы обращаетесь к незнакомому мужчине, женщине?*). Данная тенденция проявилась в указании на общеупотребительные единицы русского речевого этикета такие, как: *молодой человек* (40%), *девушка* (35%), *мужчина* (8%), *женщина* (7%), с препозицией *извините, простите* (4%), *Вы* (3%), *господин* (1%) и прочих (2%).

На вопрос *Какие формы обращения Вы используете?* были даны следующие ответы: *по имени* (38%), *по имени и отчеству* (19%), *с суффиксом -ка-* (17%), *с уменьшительно-ласкательным суффиксом* (14%), *по фамилии* (8%), *кличка* (2%), *вы* (1%) и *в зависимости от отношений между мной и человеком, ситуации* (1%).

Подобного рода коммуникативные реакции позволяют судить об интенсификации градации вежливости – от негативной или дистанцирования (ответ *по имени и отчеству, по фамилии*) до позитивной (сближения): *с уменьшительно-ласкательным суффиксом, с суффиксом -ка-, кличка*.

Нейтрально-вежливыми, на наш взгляд, являются формы обращения *по имени, вы, в зависимости от отношений между мной и человеком, ситуации*, но следует отметить, что, как и в двух прочих случаях, разграничение весьма условно и интендно-контекстуально обусловлено, то есть то, что будет в одном случае проявлением формально-субординационных отношений не сопоставимо с другими коммуникативными ситуациями, например, обращением по фамилии к субъекту учебного процесса или в семейном кругу, то есть они противоположны в этикетно-прагматическом смысле.

Квантитативное преимущество частотности (*Какие формы обращения Вы используете чаще всего?*) представлено как: *по имени* (28%), *по имени и отчеству* (24%), *с уменьшительно-ласкательным суффиксом* (23%), *с суффиксом -ка-* (11%), *по фамилии* (6%), *зай, курочка, чудовище* (6%), *кличка* (1%), прочее (1%).

Обращает внимание тот факт, что респондентами не были полностью продублированы ответы из предыдущей графы, присутствуют этикетные единицы более неформального характера, некоторые окказиональны. Последний фактор стал причиной того, что данные формулы не включены в Словарь русского речевого этикета А.Г. Балакая [1].

Этикетные экспектации информантов были репрезентованы в графе *Как бы Вы хотели, чтобы к Вам обращались незнакомые люди?* (наиболее предпочтительны речевые клише *девушка* (46%), *молодой человек* (40%), менее – неконкретизированные формы: *на вы* (1%), *на ты* (1%); *не знаю, «девушка» не очень устраивает* (1%), отсутствие ответа (2%) и прочее (5%); встречаются также паралингвистические доминанты: *уважительно, нефамильярно, в приемлемой форме, ласково* (4%), что характеризует акцентуацию имплицитной вежливости

реципиентами как «соблюдение норм общения путем использования коммуникативных стратегий, которые отражают социально-культурные ценности и соответствуют коммуникативным ожиданиям партнера» [9].

Информанты в свою очередь, обращаясь к незнакомым сверстникам, использовали подобные формулы: *девушка* (34%), *молодой человек* (30%), *Вы* (8%), *ты* (5%), *извините...* (4%), *Привет!* (4%), *молодые люди* (3%), *парень* (3%), *по имени* (1%), *ребята* (1%), *использую данные, которые мне известны о нем (например, переводчики)* (1%), *не подскажешь...* (1%), *Вы, ты (от ситуации)* (1%), *уважительно* (1%), кроме нескольких девиантного характера: *девчонки* (2%), *чувак* (1%), *э-э-э* (1%).

Сфера личного общения представлена экспликациями позитивной лингвистической вежливости, реализованной экспрессивами и диминутивами, например, адресация к родителям осуществляется с помощью следующих обращений: *мама* (36%), *папа* (24%), *ты* (7%), *мамочка* (6%), *по имени* (5%), *мам* (2%), *мамулька* (2%), *мамуля* (2%), *пап* (2%), *привет* (2%), *доброе утро* (2%), *мамулечка* (2%), *папочка* (2%), *папулечка* (1%), *папуль* (1%), *папулька* (1%), *бабуля* (1%), *масик* (1%), *по имени и отчеству (в шутливой форме)* (1%).

Ответные реплики, на которые ссылались респонденты, наделены такими же характеристиками, как и упомянутые выше обращения к родным, в речи которых были выделенные следующие номинации: *по имени* (57%), *с суффиксом -еньк, -очк* и тому подобные (10%), *ты* (7%), *доченька* (5%), *доця* (3%), *дочь* (3%), *привет* (3%), *доня* (2%), *доца* (2%), *иногда ласковое прозвище, ласковое слово* (2%), *солнышко* (2%), *баламка (ребенок)* (2%). По сравнению с предыдущей графой актуализировалось влияние языковой интерференции, наиболее прослеживаются тенденции этнической самоидентификации, например, в номинативных единицах *доня, баламка*, что обусловлено локализацией в гетерогенной по своему генезису полилингвокультурной ситуации.

Поликультурная позитивная вежливость, направленная на этническую консолидацию, проявляется в переключении кода и использовании формул обращений, относящихся к ситуации речевого этикета адресата, например, *пан, пані, баламчик, Mr, Mrs*. Данные адресативные варианты могут также выступать в роли компонентов языковой игры, отображать интенции говорящего продемонстрировать уровень коммуникативной эрудиции, осведомленности о речевых клише в других языках; либо быть оппозиционально направленными маркерами иронии, пренебрежения к ценностям прочих культур.

«Говоря о межкультурной коммуникации, следует добавить, что коммуникативная стратегия определяется социокультурной ситуацией общения и коммуникативным сознанием участников диалога, от которого зависит выбор средств достижения той или иной коммуникативной цели» [9].

Национально-специфичные обращения, упомянутые анкетирруемыми, возможно разделить на локально близкие (*пан, пані, пане* (10%), *пани, панове* (3%), *добрий день, добридень* (5%), *къизым, къызлар* (4%), *мамо, мати, матуся* (4%), *тато, татко, татку* (4%), *селям алейкум* (4%), *балам, баламчик* (3%), *анна* (3%), *привіт* (3%), *баба* (1%), *вітаю* (1%), *дівчина* (1%), *синку* (1%) и дистантные, например: *Hello, Helloy, hi* (10%), *bonjour, бонжур* (3%), *Mr, Mrs* (3%), *buon giorno* (1%), *Good morning!* (1%), *What's up?* (1%), прочие – 9%. В последнем случае нередко

присутствовали орфографические ошибки, что может быть связано с отсутствием частого использования подобных единиц в письменной речи, но многократном восприятии формул на слух, что позволяет судить о неполной адаптированности подобных клише в русском речевом этикете.

Влияние западноевропейской вербальной культуры как коммуникативно-престижной отобразилось в использовании соответствующих формул приветствия по отношению не к носителям данных языков.

Отказ от ответа на данный вопрос (22%) либо заявление о собственной неосведомленности, на наш взгляд, позволяет судить о нивелировании этнокультурных различий коммуникантами или о недостаточной открытости эксперименту.

Естественная осведомленность о собственных формулах речевого этикета каждой из этнических групп проявилась в качественном аспекте, так носители языка или лица, принадлежащие к украинской или татарской национальности, но назвавшие русский родным, указывают в анкетах вариативные альтернативы обращениям, взятые из собственной коммуникативной культуры.

Заслуживает внимания также нечеткая демаркация информантами обращений и приветствий, что может быть также связано с недостаточным языковым чувством контекстуально уместного использования определенных формул речевого этикета, нивелированием стратегий коммуникативного поведения, связанных с постулатами вежливости.

Выводы. Лингвистическая вежливость, представляющая собой социальное явление, рассмотренная в аспекте социально-культурных отношений [9], в большинстве случаев была эксплицирована в формулах речевого этикета, что является коммуникативно-успешной стратегией в полилингвокультурном обществе, тем не менее, вариативный потенциал не использован информантами в достаточной мере, сфера актуализации формул речевого этикета ограничена классом общепотребительных обращений.

Список литературы

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета / А.Г. Балакай. – М.: АСТ-пресс, 2001. – 670 с.
2. Балакай А.А. Этикетные обращения [Электронный ресурс]: Функционально-семантический и лексикографический аспекты : дис.... канд. филол. наук : 10.02.01. – М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки)
3. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г.Ю. Богданович. – Симферополь: Доля, 2002. – 392 с.
4. Безноса А.П. Граматичні індикатори вираження ввічливості (з історії вивчення питання) [Электронный ресурс] / А.П. Безноса. – Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Ls/2008_17/beznosa.pdf
5. Белашова Л.А. Речевой этикет как лингвистическое явление [Электронный ресурс] / Л.А. Белашова. – Режим доступа: <http://abiturient.ncstu.ru/Science/conf/past/2006/10region/theses/ped/04.pdf>
6. Гольдин В.Е. Речь и этикет / В.Е. Гольдин. – М.: Просвещение, 1983. – 109 с.
7. Девлетов Р.Р. Русский речевой этикет сквозь призму крымскотатарского / Р.Р. Девлетов // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 1998. – №3. – С. 327-330.
8. Зеленин Н.Б. Речевой этикет сегодня [Электронный ресурс] / Н.Б. Зеленин. – Режим доступа: <http://www.xserver.ru/user/reets/>

9. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации [Электронный ресурс] / Т.В. Ларина. – Режим доступа: <http://www.litru.ru/bd/?b=120239>
10. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М.: Аспект пресс, 2000. – 207 с.
11. Форманова С.В. Формування національної мовної картини світу формами та засобами вираження етикету (на матеріалі української та англійської мов) / С.В. Форманова, Н.М. Кислицина // Культура народів Причорномор'я. – 2002. – №48, Т.1. – С. 122-124.
12. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М., 2002. – 216 с.
13. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст / Н.И. Формановская. – М., 2002. – 160 с.
14. Фабіан М.П. Етикетна семантика в лексичних системах української, англійської та угорської мови / М.П. Фабіан // Автореф. дис. д-ра філол. наук: 10.02.15 Київ. ун-т ім. Т.Шевченка. – К., 1998. – 32 с. (<http://www.lib.ua-ru.net/inode/p-2/3621.html>)
15. Macek J.F. Aspects of linguistics politeness in Sheng [Электронный ресурс] / J.F. Macek. – Режим доступа: <http://www.fflch.usp.br/dl/wocal6special/downloads/Macek.pdf>
16. Rash F. Linguistic Politeness and Greeting Rituals in German-speaking Switzerland [Электронный ресурс] / F. Rash. – Режим доступа: http://www.linguistik-online.de/20_04/rash.html
17. Yanagiya K. Face, Place and linguistic Politeness: a Reexamination of “Face-work Phenomenon” [Электронный ресурс] / К. Yanagiya. – Режим доступа: http://www.flet.keio.ac.jp/~colloq/articles/backnumb/Col_20_YanagiyaKeiko.pdf
18. Watts J. R. Politeness [Электронный ресурс] / R. J. Watts. – Режим доступа: <http://www.cjsonline.ca/pdf/politeness.pdf>

Джигалюк Н.Ю. Експлікація максимум лінгвістичної ввічливості в адресативних ситуаціях російського мовленнєвого етикету // Ученіе записки Тавричського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.319-325.

У статті розглянуті особливості реалізації максимум лінгвістичної ввічливості у ситуаціях мовленнєвого етикету (звертаннях), прагматика їх функціонування як комунікативно успішних стратегій вербальної поведінки.

Ключові слова: мовленнєвий етикет, звертання, лінгвістична ввічливість, комунікативна ситуація.

Dzhigalyuk N.Y. Explication of linguistic politeness maxims in the addressing situation of Russian speech etiquette // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.319-325.

The peculiarity of linguistic politeness in the situation of speech etiquette is analysed in the article. The formulae of address, pragmatic of function as communicative successful strategy are discussed.

Key words: speech etiquette, address, linguistic politeness, situation of speech.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 81

КОРПУСНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КРОССКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ЛЕКСЕМЫ "КОНСИЛИУМ")

Дикарева С. С., Ушакова Е. В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

*Анализируется инструментарий корпусной лингвистики как новой парадигмы теории языка, показывается приложение корпусных технологий к задачам кросскультурных лингвистических исследований на примере употребления лексемы „консилиум“ по данным Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>) и лексем *concilium/consilium* по данным Британского национального корпуса (<http://natcorp.ox.ac.uk>).*

Ключевые слова: *кросскультурный анализ лексики, корпусное исследование, семантический профиль лексемы, сфера употребления.*

Актуальность. Преимуществом корпусных методик является возможность рассмотреть реальные контексты словоупотребления, т.е. **языковой материал** в триаде Л.В. Щербы: языковая деятельность – языковая система – языковой материал [3, с. 17]. При этом под языковой системой понимается «то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, которые возникают под влиянием этого языкового материала» [8, с. 27].

Цель статьи состоит в позиционировании методов и исследовательских приемов корпусной лингвистики как **новой парадигмы теории языка**. Корпусная парадигма предлагает возможные траектории навигации для более полного описания лексического слоя современного языка и дает возможность получить **достоверные** результаты.

Основным инструментом исследования в корпусной лингвистике является лингвистический корпус текстов. В учебном пособии В.П. Захарова «Корпусная лингвистика» под **лингвистическим, или языковым, корпусом текстов** понимается большой (не менее 100 млн. словоупотреблений) массив языковых данных, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач [5].

Исследователи в области корпусной лингвистики аргументируют создание корпусов рядом фактов:

1) достаточно большой (репрезентативный) объем корпуса гарантирует типичность данных и обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений;

2) данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме, что создает возможность их всестороннего и объективного изучения;

3) однажды созданный и подготовленный массив данных может использоваться многократно, многими исследователями и в различных целях;

4) спрос на корпусные данные совпал с появлением соответствующих технических возможностей [5].

В данной статье инструментарий корпусной лингвистики иллюстрируется на примере описания семантического профиля кросскультурной лексемы „консилиум“ в устном, письменном и электронном дискурсе. Термин „семантический профиль понятия“ употребляется В.З. Демьянковым для обозначения совокупности денотативных компонентов лексического значения, проявляемых в зависимости от контекста [2, с. 198]. При этом Интернет выступает одновременно и объектом и средством исследования.

В контексте кросскультурной коммуникации устоявшиеся во многих западноевропейских языках понятия получают новое звучание. С другой стороны, особенности языковой среды Интернет проявляются на всех уровнях языковой системы: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, что приводит к модификации самой системы [10, р. 8-9].

Результаты лексикографического анализа

В корпусной лингвистике широкое распространение получили онлайн-исследования словарного запаса языка. К числу наиболее популярных языковых ресурсов относят онлайн-словари и открытые корпуса текстов [4, с. 3-12].

Сравнение динамики функционирования слов, близких по плану выражения в нескольких европейских языках, позволяет дополнить образ лексемы в исходном языке кросскультурной составляющей. Для анализа взята лексема „консилиум“ в современном русском языке, которая входит в лексико-семантическую группу «коммуникативное событие». Протокол описания лексем со значением «коммуникативное событие» представлен в статье Е.В. Ушаковой «Семантический профиль синонимического ряда «собрание группы лиц» [7, с.438-449].

В этимологическом словаре украинского языка имеется указание на то, что латинское слово *cōnsilium* происходит от латинского слова *cōnsulo* «советуюсь, обсуждаю», образованным от приставки *con-* (*con-*) «вместе-» и корневой основы **sel* («взять, брать; схватить»). Ср. с древнегреческим глаголом *ἐλεῖν* «брать» [9, с. 554]. Несмотря на наличие схожего по звучанию корня в древнегреческом языке, лексема „консилиум“ в новогреческом языке не употребляется. Данное понятие переводится описательно как *ιατρικό συμβούλιο* (буквально „медицинский совет“) [6, с. 490].

Известный исследователь в области английской филологии Филипп Деркин утверждает, что в латинском языке существовало два отличных слова *concilium* и *consilium*. Латинское слово “*concilium*” (префикс *con-* «вместе» + глагол *calere* – «звать») имеет значения „собрание, ассамблея, созыв, встреча, союз, объединение“. Собрание или ассамблею созывали с целью консультации, и в данном значении слово “*concilium*” частично совпадает со значением слова “*consilium*” –

„рекомендация, план действий, принятый в результате совещания, совета, консультации; специальный совещательный орган, государственный, военный совет и т.д.; советник“ (тот же префикс *con-* «вместе» + элемент неясной этимологии). Очевидно, что значения этих двух слов были спутаны при последующем заимствовании во французский язык. Лат. *consilium* > фр. *conseil* с тем же спектром значений и лат. *concilium* > фр. *concile* – „церковное собрание“. Эти же ошибочные сведения перекочевали в английский язык. Английское слово “council” (совет; совещание; церковный собор) восходит скорее к латинскому слову *consilium* нежели к *concilium*, в то время как английское “counsel” (совет, рекоменда-ция) передает только часть значений латинского слова “*consilium*” [11, p. 86-88].

В определении, приведенном в Толковом словаре Даля, совмещены оба значения латинских слов [<http://www.slovari.ru>].

„**КОНСИЛИУМ** м. консультация ж. лат. совет, совещанье, особ. врачебное“.

Если сравнить перевод данного слова на другие европейские языки в словарях ЯНДЕКС.РУ, то увидим аналогичные межъязыковые соответствия „совет“ (англ. *council*, франц. *conseil*, укр. *нарада*) и „консультация“ (англ. *consultation*, ит. *consulto*):

Английский **council of physicians, consultation**

Немецкий **Ärzt konsilium**

Французский **conseil de médecins**

Итальянский **consulto**

Испанский **concilio médico**

Украинский **консилиум, -у, нарада** [<http://lingvo.yandex.ru>]

В современном русском языке толкование лексемы „консилиум“ сведено буквально к следующему: «совещание врачей для уточнения диагноза заболевания и определения способов лечения» [1, с. 286]. Этот факт отчасти объясняется тем, что латинский язык в силу исторических причин является международным языком общения во врачебной среде.

Между тем, по данным Национального корпуса русского языка, видно, что данное слово вышло за рамки медицинской терминологии, и встречается уже в текстах общенаучной тематики. Пример 1. *Срочно собранный консилиум из планетологов и специалистов по обработке снимков пришел к заключению, что над поверхностью Ио поднялся громадный столб дыма, газов и других продуктов, выброшенных извержением.* (Б.И. Силкин. Странный мир Ио // «Химия и жизнь», 1982) [<http://ruscorpora.ru>]. В английском языке видим схожую ситуацию. Пример из Британского национального корпуса свидетельствует о проникновении лексемы “*consilium*” в язык программистов. Пример 2. **CONSILIUM TAKES THE PLUNGE WITH WORKSTREAM OPEN FOR HP UNIX** (Unigram x. APT Data Services Ltd., 1993). *На совещании предпринимаются решительные меры по внедрению операционной системы HP UNIX* [<http://natcorp.ox.ac.uk>].

О расширении сферы словоупотребления лексемы «консилиум» в русском языке свидетельствует также устойчивое словосочетание „педагогический консилиум“,

обозначающее один из методов работы психологической службы, совещание лиц, участвующих в учебно-воспитательной работе, для постановки педагогического диагноза и выработки коллективного решения о мерах педагогического воздействия на учащегося [<http://www.uroki.net/docdir/docdir83.htm>]. В художественной литературе слово „консилиум“ встречается в значении „совет, совещание“. Пример **3. Строили город Прессбург, на Переяславле корабли сваливали, сколь вздору было, сколь ребячества. Нынче же государственный консилиум, господа совет! Засмеялся и поднял кружку за корабельное строение на Белом море, за корабельщиков Апраксина с Иевлевым, за добрые успехи на новых верфях** (Ю. П. Герман, Россия молодая. Часть первая (1952) [<http://ruscorp.org.ru>])

Отмечается проникновение лексемы „консилиум“ в сферу электронной коммуникации. Так, одна из форумных площадок сайта civ.icelord.net носит название «Консилиум». Здесь ведутся дискуссии по вопросам истории и хронологии.

Таким образом, прослеживается возрождение первоначального значения слова «консилиум» в жанре письменного и электронного дискурса.

Результаты корпусного анализа

Основные результаты поиска в корпусном массиве данных касаются:

а) лексико-грамматических явлений; б) стилевой принадлежности и относительной частоты употребления исследуемых словоформ и словосочетаний [12, р.204]. Проанализируем встречаемость лексической единицы „консилиум“ в различных функциональных стилях русского языка.

Табл. 1. Распределение лексемы „консилиум“ в подкорпусе официально-деловой литературы

Результаты поиска по запросу:	НКРЯ, 5 марта 2011 г.			
	основной корпус размер: 176 226 551 N текстов абс. частота	ipm	официально-деловой подкорпус размер: 3 578 238 N текстов абс. частота	ipm
консилиум	125 178	1.01	1 5	1.3

Табл. 2. Распределение лексемы „консилиум“ в подкорпусе учебно-научной литературы

Результаты поиска по запросу:	НКРЯ, 5 марта 2011 г.			
	основной корпус размер: 176 226 551 N текстов абс. частота	ipm	учебно-научный подкорпус размер: 23 967 672 N текстов абс. частота	ipm
консилиум	125 178	1.01	4 5	0,2

Величина *ipm* (items per million) указывает на относительную частоту употребления в корпусе анализируемой лексемы. По сравнению с абсолютной частотой словоупотреблений в корпусе, или общим количеством случаев словоупотребления в корпусе, *ipm* отражает частоту употребления слова на 1 миллион словоупотреблений в корпусе. Это позволяет сравнить частоту употреблений в корпусах разного объема. Таким образом, относительная частота лексемы „консилиум“ в основном корпусе составляет 1.01, в подкорпусе официально-деловой литературы – 1.3, в подкорпусе учебно-научной литературы – 0,2 по состоянию на 5 марта 2011 г. Превалирует встречаемость лексемы „консилиум“ в официально-деловом подкорпусе.

Выводы. Применение корпусных технологий помогает решить лексикографу ряд практических задач:

- уточнить и дополнить значение словарной дефиниции;
- сравнить случаи словоупотребления заданной лексемы в различных типах дискурса;
- выяснить стилевую принадлежность слова.

Список литературы

1. Булыко А. Н. Большой словарь иноязычных слов / А. Н. Булыко. – М.: Мартин, 2004. – 704 с.
2. Демьянков В. З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке / Под общим руководством и редакцией Н. Д. Арутюновой / В. З. Демьянков. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.193-270.
3. Дикарева С. С. Технологии иноязычного образования в эпоху электронных корпусов текстов / С. С. Дикарева // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. – 2011. – Т. 24 (63), № 1. – С. 17-23. – (Часть 1. Филология. Социальные коммуникации).
4. Дикарева С. С. Когнитивные модели обучения в виртуальном Web-пространстве / С. С. Дикарева // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. – 2002. – Т. 15 (54), № 1. – С. 3-12. – (Серия «Педагогика»).
5. Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие / В. П. Захаров. – СПб., 2005. – 48 с.
6. Логотетис К. Большой русско-греческий словарь / К. Логотетис // В 6 томах. – Афины, 1987. – Т. 2. – 269 с.
7. Ушакова Е. В. Семантический профиль синонимического ряда «собрание группы лиц» / Е. В. Ушакова // Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології: MegaLing-2009: зб. наук. пр. – К.: Довіра, 2009. – С. 438-449.
8. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании/ Л. В. Щерба //Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 24-39
9. Этимологический словарь украинского языка / Институт языковедения им. А.А. Потемби // В 7 томах. – К.: Наукова думка, 1982- 2006. – Т. 2. – 573с.
10. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. – 272 p.
11. Durkin P. The Oxford Guide to Etymology / P. Durkin. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. – 360 p.
12. Kennedy G. An introduction to corpus linguistics / G. Kennedy. – London: Longman, 1998.

Дікарева С. С., Ушакова Є. В. Корпусний інструментарій кросскультурних досліджень (на прикладі семантичного профілю лексеми "консиліум") // Ученіє запискі Таврічєского національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.326-331.

Аналізується інструментарій корпусної лінгвістики як нової парадигми теорії мови, показується застосування корпусних технологій для виконання завдань кросскультурних лінгвістичних досліджень на прикладі вживання лексеми "консиліум" за даними Національного корпусу російської мови (<http://ruscorpora.ru>) і лексем concilium/consilium за даними Британського національного корпусу (<http://natcorp.ox.ac.uk>).

Ключові слова: *кросскультурний аналіз лексики, корпусне дослідження, семантичний профіль лексеми, сфера слововживання.*

Dikareva S. S., Ushakova Y. V. Corpus tools and methods of cross-cultural investigations (on the example of semantic profile of lexeme "concilium/consilium") // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.326-331.

In the article is given review of tools for Corpus Linguistics as new Paradigm for language theory. The application of Corpus Technologies to tasks of cross-cultural linguistic investigations is shown (case study of Russian lexeme „консиліум“ from data of the National corpus of Russian language (<http://ruscorpora.ru>) and English lexems concilium/consilium from data of the British National Corpus (<http://natcorp.ox.ac.uk>)).

Key words: *cross culture lexical analysis, corpus investigation, semantic profile of lexeme, word range.*

Поступила в редакцію 17.03.2011 з.

УДК 811.161.1-81'276.6:34

КОНСТАНТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ УБЕЖДЕНИЯ В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СУДЕБНЫХ РЕЧЕЙ В РОССИИ ЗА ПЕРИОД XIX, XX И НАЧАЛА XXI СТ.)

Диомидова Е. Ю.

*Национальный университет «Юридическая академия имени Ярослава Мудрого»,
г. Харьков, Украина*

Статья рассматривает константные элементы в стратегиях и тактиках убеждающих речей на судебных заседаниях в России за период XIX, XX и начала XXI ст. Выявлены константные элементы диспозитива доказывания, не поддающиеся эволюции.

Ключевые слова: *судебный дискурс, диспозитив доказывания, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, эволюция, убеждающая речь.*

Развитие научной мысли в конце XX – начале XXI ст. характеризуется не только дифференциальными процессами, а также интеграционными. Таким образом, на границах между определенными отраслями знания возникают новые дисциплины, это касается и филологической и юридической сфер, в недрах которых зародилась и продолжает активно развиваться юридическая лингвистика. Проблематика исследований эволюционных процессов, которые происходят на языковом уровне в убеждающих судебных речах юристов XIX – XXI ст. в Российской империи, Советском Союзе и странах постсоветского пространства, является продолжением филологических изысканий в сфере судебного дискурса.

В современной науке активно разрабатываются также новые комплексные направления исследований языка как феномена законотворческого, влияющего на судопроизводство, процесс принятия решений и, в конце концов, судебное решение присяжных заседателей. Именно таковой комплексной дисциплиной и является сегодня юридическая риторика. Это системная дисциплина, использующая новую методологию выбора и использование языкового материала в речевой практике, а также учитывающая системность знаний в современной юриспруденции, во многом соприкасающаяся с логикой и философией, психологией и историей.

Роль языковых средств убеждения, аргументации как инструментов эволюции судебной речи, а также в языковой деятельности вообще рассматривалась преимущественно в связи с процессами убеждения-внушения, часто безотносительно судебной практики. Исследования О. М. Беловой, К. Бредемайера, В. З. Демьянкова, Е. Н. Зарецкой, А. А. Ивина, Д. Карнеги,

Л. И. Мацько, П. Сопера и др. сегодня являются перспективными и ценными для отечественной филологии. Однако языковая деятельность является особым явлением, именно в юридическом дискурсе имеет свои особенности, этот аспект обоснован и доказан в работах А. С. Александрова, М. Д. Голева, Ю. Ф. Прадида, В. С. Третьяковой, В. И. Честных.

В данном контексте Н. Д. Голев указывает на две фундаментальные, взаимосвязанные проблемы, лежащие в основании всех юрислингвистических исследований. Во-первых, это проблема соотношения языковых законов (норм, кодификаций и установлений и т.п.) с юридическими законами (нормами, установлениями и т.п.) на шкале юридизации. Во-вторых, проблема соотношения естественного и юридического языков, противопоставляемых в аспекте антиномии непосредственно-отражательного и условного [3, с. 56-63]. Полностью разделяя позицию, отметим, что, на наш взгляд, к сфере юрислингвистики логично включить и проблемы соотношения речевых стратегий общего и юридического дискурсов, используемых с одними и теми же целевыми установками. В этой связи важными являются и данные сопоставления стратегий убеждения в общем и юридическом дискурсах, которые рассматриваются в настоящей работе.

Также Н. Д. Голев обращал внимание на то, что «с позиций юрислингвистики данные проблемы (точнее их объективная основа) имеют непрерывно-эволютивный характер, описываемый в градуальных параметрах» [3, с.56-63]. Это положение не вызывает сомнений, однако отметим, что исследование эволюции юридического языка не должно ограничиваться градуальными аспектами – не менее важное значение имеют и собственно качественные параметры.

Так, в исследованиях А. С. Александрова указано, что между субъектом деятельности и объектом, на который она (деятельность) направлена, находятся закон, право, власть, мораль, с одной стороны, и профессиональная цель, с другой – понятие, которые нельзя не учитывать под создания языковой стратегии и при выборе определенной тактики. В таком контексте исследование диспозитивов доказывания в механизме уголовного судопроизводства проводит А. С. Александрова. Исследователь дает определение диспозитива доказывания, переводя его из области философии в область юридической логики и юридической лингвистики; называет и анализирует техники и технологии доказывания, создающие диспозитив: «... диспозитив доказывания, устроенный в языке уголовного судопроизводства, есть комбинаторная механика по сцеплению означающих в объективное знание в преступлении и преступнике. Язык говорит речедеятелями в суде» [1, с. 148].

Будем считать, что в таком дискурсе, который называется судебным, каждое из указанных понятий претерпевает существенные изменения в зависимости от социальных условий, и задача исследователя заключается в том, чтобы выяснить, что же составляет константу судебного убеждающего дискурса. То есть *целью* данной *статьи* является выявление закономерности, константной составляющей, на

которой основаны стратегии и тактики речи-убеждения в российском судебном дискурсе за период с XIX ст. – начала XXI.

Согласно поставленной цели, *задачей* данной статьи является описание константных элементов, присущих языковым стратегиям и тактикам убеждения на суде в указанный период в Российской империи, в Советском Союзе и странах постсоветского пространства в таком контексте указать специфику стратегии и тактики диспозитива доказывания в суде.

Для выполнения данной задачи необходимо исследовать особенности убеждающих судебных речей, которые создавались в условиях разных социальных контекстов: разных ситуаций в рамках одной национальной коммуникативной культуры, но разных временных срезов.

Публичное выступление в суде присяжных может быть причислено к новым и актуальным и сегодня умениям квалифицированного юриста. При анализе публичного выступления в суде выделим модель понятийную, которая является первоосновой публичного выступления и создается логическими и сублогическими (семиотическими) методами, и языковую модель, которая репрезентирует в знаках языка модель понятийную.

Также следует учитывать экстралингвистические (паралингвистические) факторы реализации речевой деятельности юриста в суде, которые в значительной мере диктуют условия выбора определённых языковых средств, определённой языковой тактики. Так, например, характерным является процедурное вмешательство участников судебного процесса в речь юриста. Однако замечания и комментарии судьи, истцов, ответчиков и т.д., прерывающие речь, не должны мешать продолжению рассуждений и выводов, что является одним из важнейших условий успешного выступления юриста в суде, например:

Прокурор Чекмачева Н.В.:

В том, что газовое оружие Дикин М.В. именно спрятал (надо вещи называть своими именами, а не как пытается увернуться от ответа в суде Дикин М.В. – хранится в нужном месте), свидетельствуют оглашенные здесь в суде документы – т. 26 л.д. 100 – оружие искали в ходе следственных действий, не нашли.

Подсудимый Дикин М.В.:

- Я не мог выдать пистолет, так как нахожусь в камере в СИЗО. Сколько можно об этом говорить.

Председательствующим сделано замечание подсудимому Дикину М.В. за нарушение порядка в судебном заседании во время выступления государственного обвинителя в судебных прениях.

Государственному обвинителю – прокурору Чекмачевой Н.В. предложено продолжить выступление в судебных прениях» (с. 29)

Все названные уровни, составляющие речь, создают «трехслойную» структуру убеждающего речевого акта в современном суде присяжных заседателей. Языковые средства убеждения в структуре речи на суде присяжных направлены исключительно на коллективного реципиента и

ориентированы более на законы логики, потому в процедуре суда предусмотрено приведение доказательств обвинения и защиты. Кроме определенной логической организации текста, убеждающая публичная речь использует также синтаксический, грамматический и лексико-семантический потенциал языка.

Выводы. Суммируя сказанное выше, следует заметить, что риторичность убеждения и реализация дискурса власти на судебном заседании сегодня, как и столетие тому, опирается на ценности, идеологию и моральные нормы современного общества, мультикультуру мирового уровня и национальные традиции – константные элементы убеждающего судебного дискурса. Также следует назвать такие константы, как зависимость от социального контекста; полифункциональность убеждающей речи; синкретичность жанров убеждающей и информирующей речи.

Необходимо также отметить наличие социальных константных факторов, которые предопределяют стратегию и тактику убеждения в суде:

- исторический контекст с его конкретными социальными условиями: степенью демократизации общества, наличием ограничений и свобод, соотношением истины и права и т.п.;

- наличие или отсутствие института присяжных, адресация речи специалистам-юристам или непрофессионалам-присяжным;

- степень соответствия тезисы убеждения постулатам законов и власти;

- достаточность или недостаточность фактов для обоснования истины;

- степень соответствия тезисов убеждения моральным нормам общества.

Перспективными, по нашему мнению, являются дальнейшие исследования относительно выявления константных составляющих судебной убеждающей речи, ее социальных факторов и элементов, а также их взаимосвязи с ситуативными факторами. Сегодня проведение исследований в сфере юрислингвистики следует рассматривать как социальный запрос современности.

Список литературы

1. Александров А. С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права / А. С. Александров // Проблемы юридической техники : [сб. ст.]. – Н. Новгород, 2000. – С. 101-108.
2. Белова Е. Н. Структура и семантика аргументативного дискурса : (на материале слушаний ком. и подком. Конгресса США) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Н. Белова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 1995. – 18 с.
3. Голев Н. Д. Постановка проблемы на стыке языка и права / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 56-63.
4. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 8-40.
5. Прадід Ю. Ф. У царині лінгвістики і права / Ю. Ф. Прадід. – Сімферополь. : Ельїньо, 2006. – 255 с.

Диомидова О. Ю. **Константні елементи стратегії і тактики переконання у сфері судової діяльності (на матеріалі судових промов у Росії за період XIX, XX і початку XXI ст.)** // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.332-336.

Стаття присвячена дослідженню константних елементів у стратегіях і тактиках переконувальних промов на судових засіданнях у Росії за період XIX, XX і початку XXI ст. Виявлено константні елементи диспозитива доведення, притаманні мовним стратегіям і тактикам переконання.

Ключові слова: *судовий дискурс, диспозитив доведення, комунікативна стратегія, комунікативна тактика, еволюція, переконувальна промова.*

Diomidova O.Yu. **Strategy and tactics evolution of persuasion in the judicial sphere** // *Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios»*. – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.332-336.

The article is devoted to research of constant elements in strategy and tactics of persuasion speeches in the trials in Russia for the period of the end of XIX, XX and the beginnings of XXI century. The author revealed constant elements of the evidence dispositiv, inherent in speech strategy and tactics of persuasion.

Key words: *judicial discourse, evidence dispositiv, communicative strategy, communicative tactics, evolution, persuasion speech.*

Поступила в редакцію 06.04.2011 з.

УДК 81'282.4

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Дорофеев Ю.В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассматриваются закономерности применения принципов описания вариативности, разработанных в социолингвистике на материале германских и романских языков, к анализу состояния современных славянских языков.

Ключевые слова: *языковая вариативность, социолингвистика, развитие языка.*

Вариативности языка отводится ведущее место при изучении развития языка и изменений, происходящих в нем: «Вариативность языка есть проявление процесса эволюции и ее результатов, с одной стороны, и с другой – тот материально-идеальный субстрат, который служит основой направленных изменений языка в развивающемся обществе» [11, с. 289]. Поэтому понятие языковой вариативности является одной из ключевых проблем лингвистики в целом и может рассматриваться в разных аспектах. Но, поскольку «в языке от тончайших оттенков фонемы до тончайших оттенков стиля нет ничего, что не было бы общественно обусловленным» [2, с. 259], истолкование вариативности в функциональном аспекте возможно только с опорой на социолингвистические категории. Как отмечает К. Ажеж: «Если лингвистика родилась в результате осознания существования инвариантов, то теперь она в значительной мере становится наукой, изучающей варьирование на фоне инвариантов. Это такая наука, которая отныне изучает «тождественное» не просто «в себе», а в образе тысячи лиц «другого»; имя этой науки – социолингвистика» [3, с. 91].

Анализ ключевых работ в области социолингвистики позволяет утверждать, что в центре ее внимания находится вариативность использования языка в различных условиях [4; 5; 7; 12; 13], то есть вариативность рассматривается как языковая реальность, и всякие попытки редуцировать или игнорировать ее приводят к отказу от социального содержания речевой деятельности [3, с. 216].

В связи со всем сказанным в моей работе ставится *цель* рассмотреть вариативность как способ проявления социальной природы языка и перспективы изучения этой категории применительно к славянским языкам.

Достижение этой цели предполагает решение следующих *задач*:

- анализ особенностей социолингвистического описания языковой вариативности;
- сопоставление разных точек зрения на языковую вариативность;
- определение перспектив анализа языковой вариативности в области славянского языкознания.

Социоллингвистика как важнейшее направление современного языкознания представляет не только теоретическую базу для анализа языковой вариативности, отражающей территориальную, региональную, социальную, этническую и культурную дифференциацию соответствующего общества, но также позволяет сформулировать методологические основы для изучения сопоставления различных экзистенциальных форм языка и разработать непротиворечивый категориальный аппарат, позволяющий дать последовательное описание этих форм.

Целью социоллингвистики как науки является исследование проблем, связанных с социальной обусловленностью языка, взаимодействием общества и языка: «Проблема социальной детерминации языка является основной методологической проблемой социоллингвистики» [12, с. 56]. Поэтому изучение языка в данном аспекте должно идти таким образом, чтобы ясно обозначились все многообразные связи языка «с объективной действительностью, с жизнью общества, со всей культурой, со всем духовным миром человека» [2, с. 263].

Такая целевая установка свидетельствует о том, что социоллингвистика развивается на стыке ряда наук, и обуславливает дискуссионность применения социоллингвистических категорий к анализу языковой вариативности, отражающей дифференциацию соответствующего социума.

В отечественном и зарубежном языкознании существует несколько неоднозначных определений понятия «социоллингвистика» и различных трактовок ее объекта и предмета исследования. В работе А.Д. Швейцера представлен глубокий анализ различных подходов к социоллингвистике как особому направлению языкознания, который позволяет ученому сделать следующий вывод: «Характерной чертой современной социоллингвистики является, на наш взгляд, не просто механическое соединение соответствующих разделов языкознания и социологии, а объединение их на основе единой теории, единого понимания объекта и целей исследования, единого понятийного аппарата и общей совокупности исследовательских процедур» [12, с. 58]. История формирования круга проблем, исследуемых этой наукой, дает возможность определить те языковые формы и факторы, которые подлежат социоллингвистическому описанию. Среди них центральное место отводится всей совокупности форм языка, системе его вариантов, так как эти формы и это варьирование обусловлены не внутривидовыми факторами, а различными воздействиями на язык, идущими от социума [12, с. 64].

Интерес к проблеме языковой вариативности обусловлен, в частности тем, что на смену упрощенному представлению о языке как единому монолитному образованию пришло понимание гетерогенности языковой структуры, обусловленной лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Об особой актуальности проблемы вариативности языка, вызванной социальными, функциональными и территориальными факторами, свидетельствует целый ряд работ в отечественном и зарубежном языкознании [5; 11; 12; 13 и др.]. Академик Г.В. Степанов даже отмечал, что «Изучение эволюции систем и подсистем языков в единстве с их общественной функцией заслуживает быть представленным в качестве относительно автономного направления в теоретическом освоении идеи развития языка» [11, с. 289].

Следует отметить, что интересы большинства исследователей связаны с вопросами вариативности таких языков, как английский, испанский, французский, что объясняется неоднородностью и сложностью их состава, особенностями функционирования в различных языковых ситуациях и территориальных ареалах. Отечественные и зарубежные лингвисты, работающие в области вариантологии языка, занимаются такими проблемами, как возникновение сходств и различий между территориальными вариантами на различных языковых уровнях, взаимовлияние вариантов, их специфика, особенности лингвистической ситуации в отдельных странах. Благодаря этому выработаны понятийный аппарат и методика исследования, которые, несомненно, могут быть положены в основу изучения особенностей вариативности других языков в других ареалах.

Истории всех национальных языков Европы похожи. По тем или иным причинам языковое сообщество всегда представляет собой совокупность некоторых идиомов, один из которых принимается в качестве предпочтительной или желательной формы речи [10, с. 218]. Более того, «Ни один из известных языков (если только он искусственно не культивировался для ритуальных или каких-либо других не общепринятых целей), насколько мы знаем, не устоял против тенденции распада на диалекты, каждый из которых в конце концов мог приобрести статус отдельного языка» [10, с. 217]. И в наши дни «единый литературный язык продолжает «дробиться» на многообразные формы своего существования» [8, с. 53]. Такое дробление имеет социальную природу: язык является регистратором общественных процессов и отношений. И любые перемены, сдвиги, колебания как между соседними коллективами, так и внутри одного коллектива находят отклик в языке, «ибо язык и родился для выражения этих отношений» [1, с. 280]. Поэтому вполне естественно, что не существует жесткой границы между различными формами одного языка.

Говорящие по-разному используют ресурсы языка, вследствие чего их позиция в сфере речевой деятельности оказывается несходной [8, с. 54], а направление общего движения языка определяется никем не контролируемой речью народной массы [10, с. 145]. И каждый вариант, соответственно, является не просто пространственной проекцией языка, но также и социальной, культурной и исторической. Поэтому правильная оценка всех этих факторов, обуславливающих сложность и самобытность различных языковых ситуаций, с необходимостью должна базироваться на плодотворном представлении о языке «как о совокупности пересекающихся частных систем, спаянными воедино «общим ядром» и противопоставленных друг другу маркированными элементами» [12, с. 26].

В своей работе я исхожу из того, что современные славянские языки (в основном речь будет идти о русском и украинском языках, однако это не значит, что в других языках отмеченные тенденции не действуют) в ряде отношений находятся в такой же ситуации интенсивного формирования различного типа вариантов внутри единого национального языка, как и английский, испанский, португальский, арабский и др. языки. Проявление целого ряда региональных особенностей, свойственных украинскому и русскому языку, расширение сферы действия социолектов, интенсивность проявления интерферируемых форм свидетельствуют о том, что в этих языках, при сохранении некоего общего ядра, проходят значительные преобразования, отражающие их функционирование в языковом обществе в условиях полилингвизма. Фактически, при этом наблюдается процесс, характерный для всей истории развития человечества: языки

смежных и контактирующих групп с самого начала не пошли по линии сближения, унификации и слияния. Мы до сих пор видим, как самые мелкие и мельчайшие языковые группы с поразительной цепкостью держатся за родную речь, хотя коммуникативные нужды повелительно толкают их на путь языковой ассимиляции и объединения с соседями. Язык здесь выступает в этнодемаркационной функции [1, с. 277]. В то же время носители разных языков находятся в ситуации постоянного контакта (например, на территории Крыма) и поэтому прибегают к помощи языка-посредника (такowymi в Украине в разных условиях выступают два языка: русский и украинский), при помощи которого выражается не только фактическое содержание речи, но и когнитивное, а также национальное. В этой ситуации язык с неизбежностью начинает варьироваться, отражая региональную, социальную и национальную специфику общения. То есть различные идиомы выступают не как хорошие или плохие по своей внутренней сути формы речи, а как на символы социальных отношений [10, с. 220].

Актуальность интегрированного описания проблемы языковой вариативности на материале славянских языков нашла свое отражение в работах крымских лингвистов. Исследования под руководством А.Н. Рудякова направлены на выявление вариативности, обусловленной языковыми контактами и проявляющейся в систематической интерференции и заимствованиях [9]. Исследования под руководством Г.Ю. Богданович носят этноцентрический характер, то есть языковые явления анализируются в их детерминированности условиями этноценоза (природного и культурного пространств), что, в частности, позволяет выявить расхождения между содержанием базовых концептов одного языка в зависимости от этнической и культурной принадлежности людей, использующих данный язык [6]. Каждое из этих направлений характеризуется вниманием к определенным фактам и их описанию в соответствующем аспекте, однако в любом случае закономерность «региональность культуры – местная речь» становится понятной и необходимой, и дает нам новый ракурс освещения языковых вопросов.

Подведем *итоги*. Природа человеческого языка состоит не только в том, что он проявляет себя в виде конкретных языков, но и в вариативности каждого языка. Такое многообразие выступает источником нашего проникновения в сущность человеческого языка. Поэтому закономерным и объяснимым является интерес современных ученых к вариантным формам языка, которые отражают процесс его использования, функционирования.

Решение задач, возникающих при описании вариативности, требует интеграции достижений в области описания разрозненных социолингвистических явлений, прежде всего систематизации описаний разных типов идиомов, связанных с дифференциацией общества. Дальнейшее развитие этой области исследований связано с определением предметной области, проблематики, методологических основ и места данного направления лингвистики, разработкой типологических принципов описания вариантных форм языка. Возникает и проблема уточнения терминов, используемых для описания явления вариативности (социолект, региолект, этнолект / идиомы и т.п.), понятийного содержания, вкладываемого в данные термины. От решения названных задач зависит и разработка категориального аппарата специальных исследований вариативности на базе социолингвистики, формулирование системы конкретных понятий, разработка специфической терминосистемы, принципов и методов сбора и анализа данных.

Список литературы

1. Абаев В.И. О происхождении языка / В.И. Абаев // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет: [сб. статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам]. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 271-283.
2. Абаев В.И. Языкознание – общественная наука / В.И. Абаев // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет: [сб. статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам]. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 257-264.
3. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. Пер. с фр. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 304 с.
4. Беликов В.И. Социоллингвистика: [учебник для вузов] / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.
5. Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы / Р.Т. Белл. Пер. с англ. В.А. Виноградова / Под ред. доктора филологических наук, проф. А.Д. Швейцера. – М.: Международные отношения, 1980. – 320 с.
6. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г.Ю. Богданович. – Симферополь: Доля, 2002. – 392 с.
7. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика: [учеб. пособие для студентов пед. ин-ов по спец. № 2101 «Русс. яз. и лит.»] / В.Д. Бондалетов. – М.: «Просвещение», 1987. – 160 с.
8. Будагов Р.А. Человек и его язык / Р.А. Будагов. – М.: Издательство Московского университета, 1974. – 264 с.
9. Георусистика. Первое приближение: [сб. науч. ст.] / Под редакцией А.Н. Рудякова. – Симферополь: Антика, 2010. – 152 с.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. Ст. А.Е. Кибрика. – 2-е изд. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2002. – 656 с. – (Филологи мира).
11. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки / Г.В. Степанов. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
12. Швейцер А.Д. Современная социоллингвистика: Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.
13. Labov W. The social stratification of english in New York City / W. Labov. – The Edinburgh Building, Cambridge University Press, UK, 2006. – 485 p.

Дорофеев Ю.В. Соціолінгвістика й аналіз мовної варіативності // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.337-341.

У статті розглянуто закономірності застосування принципів опису варіювання, розроблених у соціолінгвістиці на матеріалі германських та романських мов, до аналізу стану сучасних слов'янських мов.

Ключові слова: *варіант мови, зміни в мові, функціоналізм.*

Dorofeev Yu. Sociolinguistics and the analysis of language variation // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.337-341.

In article laws of application of principles of the description of the variation, developed in sociolinguistics on a material of the German and Romance languages, to the analysis of a condition of modern slavic languages.

Key words: *language variation, sociolinguistics, language development.*

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.

УДК 811.161.2: 82-84/92

КОМУНІКАТИВНИЙ ПОТЕНЦІАЛ ПРЕЦЕДЕНТНИХ РЕКЛАМНИХ СЛОГАНІВ ІЗ ФРАЗЕОЛОГІЧНОЮ ПРАОСНОВОЮ

Каїка Н. Є

Донецький інститут соціальної освіти, м. Донецьк, Україна

У статті проаналізовано рекламні слогани із фразеологічною праосною. Охарактеризовано структурну, семантичну та функціональну близькість фразеологізма та слогана. Обґрунтовано комунікативну ефективність використання слоганів із фразеологічною праосною у сучасній рекламі.

Ключові слова: *реklamний слоган, фразеологізм, фразеологічна праоснова, комунікативний потенціал.*

Реклама є феноменом сьогодення. З одного боку, акумулюючи досвід суспільства, вона віддзеркалює соціальні, економічні, політичні, духовні, ідеологічні процеси та відносини, з іншого – формує стратегії розвитку усіх цих процесів. Сучасна реклама розглядається не як універсальний, а як унікальний тип комунікаційного процесу, якому притаманні власні джерела інформаційних контактів, особлива організація соціальних взаємовідносин, специфічне функціональне навантаження в суспільстві, своя морфологія, багаторазовий стиль спілкування мікросоціальних груп та інші характеристики. Лише такий підхід дозволяє визначити онтологічні підвалини комунікативних процесів у цій сфері [6, с. 6].

Актуальною проблемою сучасної комунікативістики є дослідження ефективних стратегій рекламної комунікації. Особливо значущими залишаються пошуки умов, критеріїв, факторів її підвищення, методів вимірювання, способів аналізу і впливу різних секторів діяльності та продуктів цієї діяльності на ефективність, принципи розробки рекомендацій щодо оптимізації рекламування [7, с. 1].

У вирішенні зазначених питань важливу роль відіграють дослідження рекламних текстів з точки зору їх комунікативної ефективності.

Рекламні тексти як головний компонент рекламного повідомлення та їх стилістичні особливості розглянуто в роботах Шатіна Ю. В., Назайкіна А. Н., Фещенко Л. Г. та ін. Функціонування рекламного тексту в лінгвокультурному просторі вивчали Сметаніна С. І., Костомаров В. Г., Авраси В. Н., Добробабенко Н., Імшинецька І., Кара-Мурза Є. С. Аналізу особливостей прецедентного тексту та прецедентного феномену в різних аспектах присвячені роботи Гудкова Д. Б., Евтюгіної А. А., Караулова Ю. М., Красних В. В., Мельник Ю. А., Слишкіна Г. Г., Болдирева Н. Н., Титова В. Т., Балахонської Л. В., Захаренко І. В., Костомарова В. Г. Прецедентні феномени з позиції їх функціонування в мас-медіа, в тому числі в рекламі, досліджувалися в роботах Евтюгіної А. А., Земської Є. А., Пікулевої Ю. Б.

Зважаючи на велику кількість наукових робіт, присвячених рекламі, суттєво недостатніми є дослідження, спрямовані на вивчення рекламного слогана (РС) як

найважливішого структурно-семантичного компонента рекламного звертання. Пошуки „ядерних” компонентів рекламного девізу, передусім, його „ядерної” праоснови, що спроможні згенерувати „надпотужний” з точки зору комунікативної ефективності слоган, постають актуальною проблемою.

Мета статті: аналіз прецедентних рекламних слоганів із фразеологічною праосновою; обґрунтування комунікативної ефективності їх використання у сучасній рекламі.

Фактологічним матеріалом дослідження стали 200 російськомовних та україномовних рекламних слоганів із фразеологічною праосновою, актуалізовані у медійному просторі України кінця ХХ – початку ХХІ ст.

Ефективність комунікативного впливу рекламного повідомлення як константної одиниці рекламної комунікації, насамперед, залежить від змістового навантаження, що вимірюється оригінальністю творчої ідеї, використанням адекватної рекламної стратегії, мотиваційної логіки тощо. Фразеологізм, якому природно притаманна образність, семантична трансформація компонентів, виразність, багатозначність, самобутність, якнайкраще може акцентувати провідну ідею рекламного звертання. Фразеологія має великий потенціал для створення комунікативно ефективних рекламних слоганів, що впливає передусім із структурної, семантичної та функціональної близькості фразеологічної одиниці (ФО) та слогана.

Фразеологізм (фразеологічна одиниця) – це синтаксично, семантично та функціонально стійке словосполучення або речення з повним або частковим семантичним перетворенням компонентів [3, с. 18]. На основі цієї дефініції визначаємо десять структурно-семантичних розрядів, тобто десять фразеологічних розрядів [3, с. 18-19]. Приклади використання рекламних слоганів із фразеологічною праосновою у порівнянні із відповідними ФО наведено в таблиці 1.

Як бачимо, за структурним параметром і слоган, і фразеологізм є сполученням слів або реченням. Пор.: *ФО – бросать вызов чему-л.; РС – «EA Games»: Бросай вызов всему; ФО – до останньої краплі; РС – "Maxwell House" – Чудовий смак до останньої краплі; ФО – брати за горло; РС – Льодяники "Стрепсілс": Коли простуда бере за горло; ФО – Розумний в гору не піде, розумний гору обійде; РС – «Toyota»: «Розумний в гору не піде, розумний в гору поїде». У функціональному плані фразеологізм – це одиниця мови, якій притаманна синтаксична та семантична усталеність, а також усталеність вживання. При цьому під синтаксичною усталеністю ФО розуміється тісний зв'язок її компонентів, їх частотність "вживання", тобто, відтворюваність у мовленні саме в такому складі; під семантичною – усталеність образу, завдяки якій ФО не розпадається, не зважаючи на можливі трансформації в процесі її функціонування. Лексичні компоненти і ФО, і РС (один або декілька) зазнають більшої або меншої семантичної трансформації. Усталеність вживання – це показник того, що фразеологізм є одиницею мови, суспільним надбанням в даному мовному колективі, а не індивідуальним зворотом, що вживається тим чи іншим автором. Щодо РС, то йому теж притаманна певна синтаксична і семантична усталеність, адже весь період функціонування (але, безумовно, значно коротший, ніж „вік” ФО) в рекламному просторі слоган відтворюється в усталеному вигляді. Окрім того, через усталеність, образність, своєрідність, яскравість, повторюваність – значно більшу за рахунок ЗМІ – можливий зворотній процес, а саме: рекламний слоган, створений не на*

фразеологічній базі, набуває другого життя, тобто фразеологізується та переходить в категорію або фразеологічних інновацій, або у власне фразеологізм. Наприклад: *Gala*: *Навіщо платити більше? „Рошен“: Зроблено з любов'ю.* «Марс»: «*Все буде в шоколаді*». *Philips*: *Змінимо життя на краще*. Усі ці рекламні вислови і багато подібних широко використовуються у повсякденному мовленні сьогодні, зазнають семантичного зрушення, набувають іншого смислу і/або іноді іншого стилістичного забарвлення. Надзвичайно вдалим є, наприклад, рекламний слоган донецького ювелірного салону „Кристал”: „*Время собирать камни!*” В основі РС є відомий біблійний вислів. Комунікативну ефективність у даному випадку спричиняють зіткнення прямого і переносного сенсу виразу. Акцентування рекламованого продукту ґрунтується на грі слів, коли спрацьовують і пряме, і переносне значення, спостерігаємо в РС «*Nuts*»: «*Мицний горішок*», «*Українське насіння*»: «*Що посієш, те й пожнеш*».

Таблиця 1

№	Розряд ФО	Приклади ФО	Приклади РС
1	Ідіоми	Быть в своей тарелке	<i>Helmens майонез: Всегда в своей тарелке</i>
2	Прислів'я	Розумний в гору не піде, розумний гору обійде	<i>Toyota: Розумний в гору не піде, розумний в гору поїде</i>
3	Приказки	На вкус и цвет товарища нет	<i>Напитки Фрукттайм: На вкус и цвет – один ответ</i>
4	Афоризми	В здоровом теле – здоровый дух	<i>Орбит: В здоровых яснах – здорові зуби</i>
5	Компаративні фразеологічні одиниці	(Мягкий, нежный) как (словно) бархат	<i>Туалетная бумага Клинекс (Kleenex). Клинекс мягкий словно бархат!</i>
6	Тавтологічні фразеологічні одиниці	<i>Від серця до серця</i>	<i>Roshen: Від серця до серця</i>
7	Унілатеральні фразеологічні одиниці	Райское наслаждение	<i>Баунті: Райська насолода</i>
8	Одновершинні фразеологічні одиниці	Не гальмуј!	<i>Snikers: Не гальмуј! Снікерсуј!</i>
9	Мовленнєві штампи, кліше	На страже (чего-л.)	<i>Гель для душа Safeguard. Safeguard: На страже здоровья.</i>
10	Формули мовленнєвого етикету	<i>Спокойной ночи!</i>	<i>Средство от насекомых «Рейд». Raid: Спокойной ночи!</i>

У спрямованого на реалізацію певної комунікативної мети слогана є свої функції. Так, рекламний слоган повинен резюмувати основний рекламний текст [2, с. 36]. Якщо розглянути, як виконують цю функцію РС із фразеологічною праосновою, то очевидно, що за своєю природою ФО якнайкраще реалізує цю функцію, оскільки і є тією одиницею, якій притаманні кумулятивність, щільність інформації, яка поширюється й на відповідний РС. Крім того, лаконічність, стислість, семантична

емність фразеологічної праоснови активно сприятимуть поширенню смислових асоціацій, які викликає відповідний РС. Пор.: ФО – *Все буде добре*; РС – *Coca-Cola: "Все буде Coca-Cola"*. Асоціативне сприйняття бренду позитивне: *Coca-Cola* = „добре”. Аналогічний приклад: *Все будет „Русское радио!”* Статусність бренду підкреслено в слогані відомих швейцарських годинників: *Raymond Weil: Время мечтать*. Утворений на основі біблійного вислову слоган справляє позитивне враження, до чого, враховуючи «епохальність» Біблії як Книги книг, додається асоціативне відчуття значущості бренду: *Raymond Weil* = „значущий, класичний, основа основ”. Відомий не транслітерований слоган *Samsung: Digitally Yours/Цифрено Ваш* (гра слів; РС утворений на основі англійської формули мовленнєвого етикету *Faithfully yours; Sincerely yours* – *искренне вам*). Асоціативне сприйняття бренду за рахунок ключового компонента фразеологічної праоснови теж позитивне: *Samsung* = „искренний”, „бренд, которому можно доверять”.

Слоган має формувати розпізнаваність товару, яка може досягатися завдяки частим повторенням. Фразеологізм є одиницею, яка відома адресату. Отже, його розпізнаваність поширюється на розпізнаваність товару, що рекламується РС із фразеологічною праосновою.

Критеріями “гарного”, креативного, успішного, ефективного слогана, як стверджує Н. Л. Коваленко, є наступні: запам'ятовуваність, практичність, зв'язок з характеристиками рекламованого товару, його об'єктивними якостями та функціями; унікальність, виражена відмінними від інших характеристиками бренда; стислість [4, с. 6]. Імплицитний зміст фразеологізму поширюється на рекламований продукт, нібито включаючи його в поле асоціацій, які викликаються. Фразеологізму притаманні своєрідність, неповторність, а значить, створений на його базі рекламний слоган має унікальні характеристики в плані форми та змісту. З погляду структури фразеологізм є сполученням слів або достатньо коротким реченням, тобто витримується вимога стислості та лаконічності рекламного слогана. Ще одним аргументом на користь комунікативної ефективності слоганів із фразеологічною праосновою є те, що в силу своєї природи фразеологізмові притаманна експресивність. Оскільки сучасна реклама орієнтована не на логіку, а здебільшого на емоції адресата, використання таких експресивних слоганів може бути достатньо впливовим, напр.: «*Копіса*»: «*Тримай руку на пульсі*».

Нарешті, надамо у цифрах аргумент, який доводить комунікативну ефективність слоганів із фразеологічною праосновою: із 200 рекламних слоганів, які, за оцінками експертів, визнано найкращими слоганами останніх десятиліть [5], 134 РС, тобто близько 70%, мають фразеологічну праоснову.

Рекламні слогани, розроблені на базі фразеологізмів, переважно відрізняються високим творчим рівнем, що дозволяє інтерпретувати та втілювати рекламну ідею в багатомірний діапазон соціальних практик і формувати позитивний потенціал її сприйняття [1, с. 13].

Висновки. Аналіз рекламних слоганів, утворених на базі фразеологізмів, демонструє здатність фразеологічної праоснови згенерувати надпотужний слоган із релевантними ознаками з точки зору притаманності йому амбівалентних функцій і віддзеркалення реальності, зокрема соціокультурної, і її формування з метою забезпечення його комунікативної ефективності.

Перспективами подальших досліджень є порівняльний аналіз російськомовних, україномовних та англійськомовних рекламних слоганів із прецедентною праосною з метою обґрунтування їх комунікативної ефективності в умовах глобалізації комунікативного простору, а також формування корпусу прецедентних рекламних текстів.

Список літератури

1. Васильєва Л. А. Соціально-філософська концептуалізація реклами: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук: спец.: 09.00.03 / Л. А. Васильєва. – Х., 2005. – 20 с.
2. Имшинецкая И. Я. Креатив в рекламе /И. Я. Имшинецкая. – М.: РИП-холдинг, 2006. – 172 с.
3. Каїка Н. Є. Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов = Le Dictionnaire des Equivalents phraséologiques russes-français: [16000 русских фразеологизмов и более 23000 французских фразеологических эквивалентов] / Н. Е. Каїка, Л. П. Кофанова. – Донецк: ООО “Юго-Восток, Лтд”, 2005. – 548 с.
4. Коваленко Н.Л. Лінгвістична позначеність слогана в структурі рекламного тексту: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: 10.02.02 / Н. Л. Коваленко. – Дніпропетровськ, 2006. – 17 с.
5. Креативный обзор [Електронний ресурс]. – Режим доступу до сайту: http://www.AdMe_ru. – Назва з екрану.
6. Лященко А. В. Реклама як соціокультурне явище в системі масової комунікації: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. наук із соціальних комунікацій: 27.00.06 / А. В. Лященко. – К., 2009. – 13 с.
7. Шмига Ю. І. Ефективність телереклами в Україні (комунікативний аспект): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: 10.01.08 / Ю. І. Шмига. – К., 2006. – 13 с.

Каїка Н. Є. Коммуникативный потенциал прецедентных рекламных слоганов с фразеологической праосновой // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.342-346.

В статье проанализированы рекламные слоганы с фразеологической праосновой. Охарактеризована структурная, семантическая и функциональная близость фразеологизма и слогана. Обоснована коммуникативная эффективность использования слоганов с фразеологической праосновой в современной рекламе.

Ключевые слова: рекламный слоган, фразеологизм, фразеологическая праоснова, коммуникативный потенциал.

Kaika N. E. Communicative potential of precedent advertising slogans with the phraseological foreground // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.342-346.

Advertising slogans with the phraseological foreground are under analyses. The structural, semantic and functional closeness of phraseologism and slogan has been described. Communicative efficiency of using slogans with the phraseological foreground in the modern advertising has been grounded.

Key words: advertising, slogan, phraseologism, phraseological foreground, communicative potential.

Поступила до редакції 15.04.2011 р.

УДК 811.161.2'371

ФУНКЦІОНУВАННЯ ОНІМА ЮЛІЯ У ХУДОЖНЬОМУ ДИСКУРСІ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО

Карпенко Н. А.

*Харківський національний педагогічний університет ім. Г. С. Сковороди,
м. Харків, Україна*

Стаття присвячена аналізу концепт-антропоніма Юлія, який функціонує у межах художнього дискурсу П. Загребельного. Виокремлено та схарактеризовано семантичні компоненти власних назв, що вербалізують відповідний концепт і забезпечують наявність у ньому ціннісної складової. Акцентуємо увагу на ролі оніма у смисловій організації дискурсу.

Ключові слова: *концепт, власна назва, художній дискурс.*

Постановка проблеми. Мовний образ сьогодення окреслюється відповідно до принципів прагмалінгвістики, яка активно розвивається як окремий напрямок мовознавства. Мовна система є наскрізно прагматичним явищем, а погляд на неї зумовлений загальною тенденцією лінгвістики до функційного аспекту мовного вияву, тому мовний знак у контексті актуалізованих нині антропоцентричної та дискурсцентричної парадигм постає функціональною одиницею комунікативного процесу, що у своїй структурі містить емоційно-оцінний компонент значення, а вживання конкретної мовної форми є ситуативно-зумовленим.

У цій розвідці сфокусовуємо увагу на функціональному аспекті антропоніма *Юлія*, роль якого розглядаємо у межах художнього дискурсу П. Загребельного.

Актуальність дослідження вбачаємо у відповідності поставленої проблеми сучасним проблемам лінгвоконцептології, ономасіології та дискурслінгвістики.

Метою розвідки є виявлення смислів концепту-антропоніма *Юлія*, що забезпечують його функціонування як аксіологічно маркованої одиниці.

Додаткові конотації власних назв, яких набувають у соціальному контексті, зумовлюють низку досліджень, присвячених відповідній проблемі. Серед них розвідки таких українських лінгвістів, як Л. Дука, В. Ільченко, Т. Можарова, Т. Стасюк, М. Торчинського та ін. Безперечно, цінним для лінгвістики є напрацювання В. Калінкіна [3] та Є. Отіна [12], які зробили значний внесок у розвиток вітчизняної ономастики.

Лінгвоконцепт є однією з таких категорій, які сьогодні найчастіше обирають як об'єкт дослідження у мовознавстві. Традиційно розвідки у сфері лінгвоконцептології здійснюють у двох напрямках – лінгвокогнітивному та лінгвокультурологічному. Дослідження, здійснювані у першому напрямі, не акцентують уваги на ціннісному компоненті змісту концептів, останні ж не зосереджують уваги на їх психологічній природі.

Лінгвокультурологічний підхід до вивчення концепту передбачає наявність у його структурі ціннісного складника, що відображає оцінку явища чи предмета та реалізовується конотаціями як основним засобом вираження *категорії оцінки* [8]. Окрім ціннісних, характерними ознаками концепту є наявність поняттєвих та образних складників, динамічність, варіативність, тематична закріпленість і дискурсивна зумовленість [5, с. 26]. Вияв цих ознак уможливлений лише «у комунікації (на рівні дискурсивної реалізації), тому вивчення концептів (їх структурно-змістове моделювання, типологізація) слід здійснювати з урахуванням не лише ментально-психічних характеристик, але й їх функційно-комунікативного виміру» [11, с.69]. Отже, повноцінне дослідження концепту можливе за умови врахування дискурсивної зумовленості засобів його вербалізації.

У цій розвідці зосереджуємо увагу на вербалізації концепту *Юлія*, смисли якого виокремлюємо у межах, окреслених художнім дискурсом П. Загребельного.

У зв'язку з потенційними можливостями власних назв уміщувати певний квант етнокультурної інформації, Т. Космеда пропонує виокремлювати групу *концептів-власних назв*, «що відображають історію, традиції, ширше – культуру певної країни, народу» [9, с. 56].

Концепт-антропонім *Юлія*, засоби вербалізації якого виокремлюємо у межах художнього дискурсу П. Загребельного, є концептом-образом, оскільки формується внаслідок образного, креативного мислення письменника.

У дискурсі П. Загребельного виокремлюємо концепт *жінка-мрія* [7], позначений гендерною специфікою сприйняття жінки чоловічою статтю. Антропонім *Юлія* є засобом вербалізації концепту *жінка-мрія*, оскільки констатуємо наявність спільних смислів у структурі відповідних концептів. Отже, концепт-антропонім *Юлія* та концепт-образ *жінка-мрія*, мовну реалізацію яких розглядаємо у межах, окреслених художнім дискурсом письменника, є тотожними у плані їх смислового наповнення.

У статті зосереджуємо увагу на потенційних можливостях онімів набувати конотативної маркованості. Під впливом низки соціальних чинників власні назви можуть переходити у загальні, тим самим послаблюючи свою основну функцію – диференційну. Потрапляючи у сферу конкретного інституційного чи особистісного дискурсу, імена набувають додаткових конотацій, їх семантика розширюється, вони стають поліапелятивними. Оніми вже не лише виконують номінативну функцію, а й характеризують людину за певними соціальними та психологічними параметрами [12].

Власні назви, які забезпечують референтне співвіднесення образу, конструйованого мовцем, із реальним суб'єктом, називають ремінісцентними іменами (PI), прецедентними [6]. Наголошують також на такій властивості PI, як індекс ремінісцентності [13], що залежить від того, наскільки відомим є ім'я загальній аудиторії реципієнтів. Вважаємо, що є усі підстави зараховувати ім'я *Юлія* до ремінісцентних онімів, проте концепт-антропонім *Юлія* у колективній свідомості українців сформований під впливом політичного дискурсу. У романі П. Загребельного антропонім набуває концептуальних ознак і функціонує як концепт-антропонім, проте смисли, що становлять його зміст не є тотожними тим, які формують структуру концепту *Юлія* у колективній свідомості українців. Проте активно функціонуючи у сучасному політичному дискурсі українців, власна назва набуває ремінісцентності. Хронологічні межі написання роману (1993-1994) не

дають підстав говорити про вплив політичного дискурсу на особистісний дискурс письменника, що сформувався на період написання роману.

Для розкриття змісту концепту *Юлія* доцільно використовувати методику дослідження концептів, запропоновану В. Карасиком і Г. Слишкіним [4], що дає змогу виявити смисли, які утворилися у процесі еволюції відповідної одиниці свідомості. Зазначена методика полягає у дослідженні змісту концепту в діахронії та синхронії, що дає змогу простежити смислову еволюцію концепту на кожному з етапів його існування у свідомості. Зміст концепту аналізуємо з огляду на етимологію, тобто дослідження внутрішньої форми імені концепту, та у виявленні смислів, що нашаровувалися із часом на поняттєве ядро концепту.

Онім *Юлія* грецького походження – від. гр. «*хвиляста, пухнаста*». Внутрішня форма імені відображає суто зовнішні характеристики жінки. Функціонуючи у дискурсі П. Загребельного, ім'я наповнюється низкою смислів, що зумовлюють його функціонування як аксіологічно маркованої одиниці.

Онім *Юлія* у дискурсі П. Загребельного набуває символічного змісту, відповідні порівняння відображають позитивну інформацію, що закладена в антропонімі: *Бо ви і ваше ім'я – це для мене як віднайдений рай* [2, с. 322]. Лексема *рай*, очевидно, вжита в одному зі своїх переносних значень: *насолада, блаженство, щастя* [1, с. 1199], яка відображає приємність відчуттів від насолоди спілкування із жінкою.

Концепт-образ *жінка-мрія* – це узагальнений портрет жінки, яка є омріяним образом для чоловіка, своєрідним ідеалом. У романі власна назва *Юлія*, уособлюючи у собі характеристики такого ідеалу, мислиться вже як певне поняття, символ: *...одне слово: Юлія для нього це був шифр, знак, символ на ціле життя, на смерть і безсмертя*. [2, с. 176]; *Всі ті жінки, які для нього значилися ім'ям Юлія, власне, були й не жінками...* [6, с. 320]. Отже, онім *Юлія* бере на себе роль ідентифікатора тієї єдиної жінки.

П. Загребельний намагається відобразити доленосне призначення жінки та свого роду містифікацію, що пов'язана з її іменем: *Ставши на ціле життя забобонним щодо жіночого імені Юлія...* [2, с. 342]. Переживання чоловіка, які були пов'язані з іменем конкретної жінки, залишають відбиток у його свідомості, й у подальшому зовнішня форма може викликати ті пережиті відчуття, що зафіксувала свідомість.

Проте ім'я *Юлія* не є єдиним для вербалізації концепту-образу *жінка-мрія*. Поруч з іменем *Юлія* функціонують такі оніми, як *Оля* й *Уля*, вони також набувають символічного змісту, очевидно, підставою для цього є схожість у звучанні цих слів: *Хай її звать не Юля, а Оля, одна літера, один-єдиний звук, хіба це важить, хіба може відібрати в нього надію, адже жінка та сама, та сама вогнепальна краса, і той самий поваб у ній, що й тоді в Азії...* [2, с. 149].

Побачивши риси, притаманні жінці, яка є втіленням його ідеалу в іншій, чоловік певним чином співвідносить її з ним. Проте первинним, таким, яке асоціюється із мрією, все ж таки є *Юлія*: *...і її справжнє-несправжнє ім'я тепер зовсім нічого не важило, бо вона повинна була зватися тільки Юлією і бути Юлією, і вона була нею...* [2, с. 168], воно накладається на усі подібні до нього за формою, що вербалізується прикладками-власними назвами: *...ним ще й досі володіли знебавзяті чари Ули-Юлії...* [2, с. 97]; *Лише тепер Шульга згадав, що не встиг навіть спитати Олю-Юлію...* [2, с. 151].

Очевидно, на формування концепту-образу *жінка-мрія* впливає психологічний фактор, що полягає у формуванні стереотипізованого образу жіночого ідеалу, співвідносного з тією жінкою, з якою чоловік мав перший у своєму житті фізичний контакт. Підтвердженням цьому є складний прикметник, утворений П. Загребельним для характеристики почуття найвищої насолоди, яке важко висловлювати: *...для означення, яких немає слів, згодом до цих, сказати б первісно-юліанських відчуттів...* [2, с. 176].

Власна назва *Юлія* викликає приємні відчуття тепла, ніжності, що виявляються у порівнянні імені із *сонячним променем*: *...він підсвідомо шукав порятунку в дарованій йому сліпим випадком...жінці з ласкавим, як сонячний промінь, іменем Юлія...* [2, с. 190].

Розглядаючи проблему тематичної організації дискурсу та засобів, які забезпечують його цілісність і членування на фрагменти, мовознавці розмірковують про роль заголовків, підзаголовків, назв текстів. Назва твору може функціонувати як відправна точка для подальшого сприйняття повідомлюваного адресатом, оскільки те, що мовець виносить на передній план, безумовно, впливатиме на сприйняття того, про що йтиметься далі. Заголовок як сильна позиція використання слова окреслює межі та виокремлює простір інтерпретації текстової інформації, яку подає мовець. При розв'язанні питання тематичної організації дискурсу, наприклад, Дж. Браун і Дж. Юл доводять, що назва твору може репрезентувати, проте не завжди, головну ідею та тему тексту. Назва формує очікування адресата, є початком сприйняття тексту, довкола якого структурується подальша інформація і, разом із тим, він функціонує як засіб звуження інтерпретацій висловлюваного [12, с. 139].

Онім *Юлія* міститься у сильній позиції – функціонує як назва роману. Вже заголовком роману «Юлія або запрошення до самогубства» письменник скеровує думку реципієнта у відповідному напрямку. Події, які відображені в тексті, розгортаються довкола суб'єкта референції, до якого апелюють іменем *Юлія*, з яким пов'язані певні трагічні моменти життя конкретної особи, негативні переживання.

Отже, власна назва *Юлія* є засобом тематичної організації фрагмента художнього мовлення, що забезпечує її функціонування у позиції назви роману, а його конотативна маркованість розкриває потенційні можливості відповідного образу-концепту, сформованого у свідомості П. Загребельного

Висновки. Онім *Юлія* є концептом-антропонімом, який одночасно репрезентує та втілює смисли, що становлять зміст концепту *жінка-мрія* та відображають специфіку гендерних відносин.

Матеріал дослідження може бути використаний для укладання словника онімів, зокрема й конотонімів, який розроблений в Україні Є. Отіним щодо онімів російської мови, натомість українські конотоніми також потребують лексикографічного опису.

Список літератури

1. Великий тлумачний словник української мови / [уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел]. – К. : Ірпінь: ВТФ «Перун», 2007. – 1736 с.
2. Загребельний П. А. Юлія або запрошення до самовбивства / П. А. Загребельний. – Х : Фоліо, 2006. – 352 с.

3. Калинин В. М. Психолингвистические аспекты семантики собственных имен художественных произведений (коннотация поэтонимов) / В. М. Калинин // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Общие вопросы. Лексикология. Семантика частей речи и других номинативных классов. – Харьков, 1989. – Вып. 3, ч. 1. – С. 154-156.
4. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методология современной лингвистики: сборник статей. – Москва; Барнаул: Издат. Алтайского университета, 2003. – С. 50-58.
5. Карасик В. И. Языковые ключи: [моногр.] / Владимир Ильич Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: [моногр.] / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
7. Карпенко Н. А. Мовна свідомість П. Загребельного: вербалізація концепту *жінка* (на матеріалі «живого» мовлення письменника) / Н. А. Карпенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» [научный журнал]. – Симферополь: Таврич. нац. ун-т им. В. И. Вернадского, 2010. – Т. 23 (62). – 1. – с. 76-80.
8. Космеда Т. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки: [моногр.] / Тетяна Космеда. – Львів : ЛНУ ім. І. Франка, 2000. – 349 с.
9. Космеда Т. А. Лінгвоконцептологія: мікроконцептосфера святки в українському мовному просторі: [моногр.] / Тетяна Анатоліївна Космеда, Н. В. Плотнікова. – Львів: ПАІС, 2010. – 408 с.
10. Олешков М. Ю. Дискурс, концепт, жанр: [коллективная монография] / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – 428 с.
11. Словарь коннотативных собственных имен / [автор Е. С. Отин]. – 3-е изд., перераб. и доп.. – Донецк: Юго-Восток, 2010. – 518 с.
12. Фомин А. А. Имя как прием: реминисцентный оним в художественном тексте / А. А. Фомин. – Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 28. – С. 167-181.
13. Brown G., Yule G. Discourse analysis G. Brown, G. Yule – Cambridge University Press, 1983 – 288 p.

Карпенко Н.А. Функционирование онима Юлия в художественном дискурсе П. Загребельного // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.347-351.

Статья посвящена анализу концепта-антропонима, который функционирует в пределах художественного дискурса П. Загребельного. Выделены и охарактеризованы семантические компоненты имен собственных, которые вербализируют соответствующий концепт и обеспечивают наличие ценностной составляющей. Акцентируем внимание на роли онима в смысловой организации дискурса.

Ключевые слова: *концепт, имя собственное, художественный дискурс.*

Karpenko N. A. The function of the proper name Juliya the P. Zagrebelniy's poetic discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.347-351.

The article is devoted to the analysis of the concept Juliya that is distinguished within P. Zagrebelnyi's poetic discourse. The semantic elements that verbalize the corresponding concept and provide the presence of the evaluation component in its structure were defined. The attention is focused on the functioning of the proper name as a means of the discourse organization.

Key words: *concept, proper name, poetic discourse.*

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 801

ПРАГМАТИКА ОСЛЫШКИ ЛИБО НЕДОСЛЫШКИ В ПРОЕКЦИИ НА СИТУАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Космеда Т. А.

*Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко,
г. Дрогобыч, Украина*

В статье характеризуется актуальное для речевой деятельности явление возникновения коммуникативных девиаций, характерное прежде всего для педагогической коммуникации, что связано с настоящими либо имитированными ослышками либо недослышками, мотивированными нарушением норм орфоэпии, дефектами артикуляции, рече-поведенческими тактиками, нацеленными на ведение коммуникации в соответствующем русле, а также с учетом запланированного, ожидаемого результата коммуникации. Недослышка может быть основанием языковой игры.

Ключевые слова: коммуникативная девиация, ослышка, недослышка, педагогическая коммуникация, рече-поведенческая тактика, языковая игра.

Понимание жизни как коммуникации вызвало потребность в исследованиях, направленных на коммуникативную интерпретацию речевого поведения, что и мотивировало возникновение одной из основных задач коммуникативной прагматически ориентированной лингвистики, активно развивающейся в русле современной парадигмы лингвистических знаний. В этой области сегодня особенно активно работают такие украинские и русские ученые, как Ю. Апресян, Н. Арутюнова, Ф. Бацевич, Т. Булыгина, В. Демьянков, И. Стернин, А. Шмелев и др.

Актуальность. Проблема непонимания в процессе коммуникации также активно исследуется, в частности в русле коммуникативной девиатологии. По мнению Ф. Бацевича, «непонимание в коммуникации – это неумение или неспособность адресата в силу разных причин декодировать (понять, правильно интерпретировать, определить коммуникативный смысл и под.) речевого и/или неречевого, паралингвального сообщения адресанта» [2; с. 120]. Безусловно, непонимание может быть истинным. В этом случае следует искать причину такого непонимания. Причины коммуникативных девиаций подробно описаны в украинистике Ф. Бацевичем [1]. Однако непонимание может быть и ложным, то есть может быть выражением запланированной рече-поведенческой тактики. В свете сказанного, как представляется, недостаточно описана прагматика ослышки либо недослышки. Отсутствуют определения этих коммуникативных явлений и в словаре Ф. Бацевича «Словник термінів міжкультурної комунікації», хотя в сфере межкультурной коммуникации данное явление имеет специфику своего выражения, не рассматривает данные явления и П. Донец [5].

Таким образом, *цель* настоящей статьи – привлечение внимания к выделенной проблеме, так как описание ослышки и недослышки в аспекте прагматики весьма важно для современной теории коммуникации, в частности для описания коммуникации педагогической.

В толковом словаре В. Даля сказано, что ослышка – это ошибка слуха по недослышке или по невниманию. Здесь же приводятся пословицы, которые указывают, что это явление частотно в речи, но в народном сознании оно осуждается, получает отрицательную оценку, ср.: *Ослышка да спотычка на кого не живет. Ослышки да обмолоки не к добру ведут* [4, с. 1811].

В словаре галицко-русских пословиц, собранных и описанных И. Франко, также представлено явление ослышки либо недослышки в отрицательной оценке народа, ср.: *глухий німець* – данное высказывание И. Франко объясняет: «не глухой, а не понимает, что ему говорит Русин» либо подобное – *Говори до нього, коли він Німець!* – это выражение негодования относительно поведения человека, который не хочет понимать слов, обращенных к нему [3, с. 604].

Частично явления ослышки и недослышки изучала О. Сиротинина, которая подчеркивала, что «в разговорной речи нет четкости произношения. Этот факт послужил причиной для противопоставления полного и разговорного стиля произношения. ...» [6, с. 233], однако ослышки объясняются не только разговорным стилем произношения. Видимо, ослышки можно определить как ситуации невосприятия коммуникации из-за артикуляционной нечеткости либо ошибок, связанных с нарушением орфоэпических норм, а также имитации непонимания для реализации определенных рече-поведенческих тактик, осуществляемых путем переспроса для уточнения, снятия сомнения, выражения своего мнения и под. Таким образом, при ослышке или недослышке возникает потребность в переспросе. Подобные ситуации особенно часто возникают и в процессе учебной деятельности в том случае, если преподаватель или ученик недостаточно владеют орфоэпическими нормами либо имеет дефекты речи, либо планируют непонимание, вступая в определенную языковую игру, имитируя такое непонимание.

О. Сиротинина справедливо отмечает, что «в ряде магнитофонных записей разговорной речи, сделанных в Саратове, зафиксированы переспросы при достаточно четком произношении, не вызывающем никаких сомнений у аудиторов даже при прослушивании отдельных слов или фраз вне контекстов всего разговора: Очевидно, здесь ведущую роль играет семантическое ожидание, т.е. семантическое прогнозирование собеседника...» [6, с. 234]. Данное явление можно объяснить так: в ситуации коммуникации слушатель прогнозирует определенный ответ и ему кажется, что именно такой ответ он получает. Если же ответ не оправдывает ожидания, то слушатель решается переспросить, надеясь все же услышать ожидаемый ответ хотя бы при повторном озвучивании определенного вопроса, т.е. возникает попытка изменить ход коммуникации. Ср. пример, приведенный О. Сиротининой: «Разговор об устройстве на работу прерван приготовлением кофе. На стол ставится торт, в чашку наливают кофе. А. *А какой оклад ей положили?* – Б. *Я с тортом буду. А ты что спросил?* – А. *Какой оклад ей положили?* – Б. *А-а. А мне послышалось: Сколько сахару положить*». Ослышка

вызвана не фонетической общностью произнесения *какой оклад* и *сколько сахару*, а влиянием ситуации, т.е. опять-таки семантическим прогнозированием...» [6, с. 234]. Как видим, семантическое прогнозирование бывает сильнее слухового восприятия.

Ситуация ослышки может возникать и тогда, когда слушатель преднамеренно хочет изменить ход коммуникации и делает вид, что он услышал то, что хотел услышать. В таком случае коммуникант не собирается переспрашивать, а продолжает разговор так, как ему удобно, имитируя ситуацию полного понимания. Такая ситуация часто возникает и в процессе педагогического общения: преподаватель либо ученик «играют» в ослышку.

О. Сиротинина предлагает разграничивать ослышки и недослышки, расшифровывая свои магнитофонные записи, лингвист обнаружила такой диалог: «А. *А дог – это хорошая, да. Такая породистая.* – Б. *У Нины Ивановны.* – А. *А я видела ее, видела собаку такую.* – Б. *И я видела.* – В. *Я к ним ходила.* – Б. *А теперь девочка там есть, она в первом классе сейчас учится, она говорит: Я вот в цирк пойду, его позову, он убежит оттуда.* – А. *Откуда оттуда?* – Б. *Из цирка.* – А. *А-а.* – Б. *Купили у них.* – А. *Ну да. Цирк.* При прослушивании записи слово «цирк» слышно совершенно отчетливо, но семантически цирк оказывается неожиданным и вызывает переспрос. Характерна реакция переспросившего (А-а. Ну да. Цирк), свидетельствующая о том, что слово *цирк* он слышал, но **усомнился** в правильности восприятия слова» [6, с. 235]. Следовательно, функция переспроса в этом случае – по-настоящему развеять сомнения.

Переспрос можно рассматривать и как своеобразный перевод на обычную номинацию, если слово, словосочетание непонятно. Такая ситуация также часто возникает в педагогической коммуникации, когда ученик не понимает вопроса. Иногда и преподаватель, сомневаясь в ответах своих учеников, переспрашивает, чтобы уточнить ответ, развеять сомнения, убедиться в том, что ответ он понимает правильно. В таком случае недослышки, неточности в ответах вызывают потребность уточнить ответ. В таких ситуациях часто имеет место речеповеденческая тактика переспроса-поправки, что особо характерно для педагогической коммуникации.

О. Сиротинина делает вывод о том, что возникающие ослышки и недослышки свидетельствуют о значительной роли семантического торможения, с одной стороны (услышанное кажется невозможным, возникает сомнение в правильности услышанного), и о наличии в процессе общения прогнозирующей работы нашего сознания – с другой стороны. Нарушение ожидания вызывает либо ослышку, либо недослышку. «Частичная общность фонетического состава слов вряд ли играет при этом большую роль, так как иначе мы фактически в условиях разговорной речи просто не могли бы понимать друг друга. Вместе с тем непонимание – явление чрезвычайно редкое. При расшифровке магнитофонных записей оно, наоборот, наблюдается часто, так как семантическому прогнозированию и семантическому торможению мешает отсутствие предметов, о которых идет речь, разная апперцепционная база аудитора и участников разговора» [4, с. 236].

По мнению психолингвистов, обобщение и категоризация – это не установка на исчерпывающее использование информации, а наоборот – на выбрасывание

ненужного для достижения конкретной цели, в частности Р. Фрумкина отмечает, что «еще в середине 1960-х годов было сделано следующее заключение: при распознавании любой входной информации человек справляется с ней не путем исчерпывающей обработки поступившего сигнала, а на основе **выбрасывания несущественной информации**. Что существенно и что несущественно – мы определяем практически неосознанно, в соответствии со спецификой нашего жизненного опыта и особенностями конкретной задачи» [7, с. 89]. Р. Фрумкина размышляет об эгоцентрическом языке детей, «во время которого каждый собеседник говорит для самого себя, не обращая внимания на других и не отвечая им. Стало быть, функция этого эгоцентрического языка состоит в том, чтобы озвучить свою мысль или свою активность» [7, с. 222], т.е. в основе ослышек и недослышек может быть и проявление некоего языкового эгоцентризма либо эгоцентрической речи, в частности речи молодых преподавателей, которые не сразу начинают понимать, что лекции нужно адаптировать, учитывая уровень знания студентов. Трудности в понимании эгоцентрической речи мотивированы двумя основными причинами: во-первых, таким типом речи, который не приводит к разумной взаимности, во-вторых, типом речи, который не учитывает мнения других. Именно при таких типах речи умышленные или мнимые ослышки и недослышки могут проявляться чаще. Очевидно, выделенные причины следует разграничивать.

Представляется, что ослышки и недослышки могут касаться не только вербальной речи, но и невербальной, ведь можно заметить либо не заметить важное, «говорящее» движение, жест, взгляд и т.п. Не замечать можно и другие знаки, важные для общения, т.е. в этом случае речь должна идти о расшифровке определенной апперцепционной базы, ибо это условие восприятия и понимания не только разговорной речи, но и самых разных культурных и коммуникативных феноменов – от жестов и ритуалов до различной символики, например, цвета.

Видимо, ослышки и недослышки можно понимать в узком и широком значении, т.е. в проекции на вербальную речь и речь невербальную с учетом знаков культуры.

Вывод. Таким образом, ослышки и недослышки можно рассматривать и как установки говорящего на определенную цель, достижению которой ненужная или даже вредная информация может помешать. Ее можно умышленно не услышать или сделать вид, что услышано то, что необходимо. Ослышки и недослышки могут быть истинными, когда они на самом деле имеют место в результате отсутствия четкости дикции, определенных слуховых помех, барьеров, а могут быть и ложными, что объясняется спецификой человеческого сознания не замечать ненужное, точнее делать вид, что не замечаешь то, что мешает решению определенных задач в любой сфере человеческой деятельности в процессе коммуникации. Прежде всего, это последовательно выражается в педагогической коммуникации. Это своего рода маленькие «хитрости» тех, кто обучается, и тех, кто обучает.

Очевидно, что в современной коммуникативной лингвистике возникла необходимость изучить ослышки и недослышки более подробно для представления их полной прагматической характеристики с описанием конкретных ситуаций и их типологией с учетом разных сфер общения и задач коммуникации.

Список литературы

1. Бацевич Ф. С. Основы коммуникативной девиатологии / Ф. С. Бацевич. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. – 236 с.
2. Бацевич Ф. С. Словник термінів міжкультурної комунікації / Ф. С. Бацевич. – К. : Видавництво «Довіра», 2007. – 205 с.
3. Галицько-руські народні приповідки: [у 3 т.] / [зібрав, упорядкував і пояснив Др. Іван Франко]. – Львів: ВЦ ЛНУ ім. І. Франка, 2006. – 2-е вид. – Т. 2. – 813 с.
4. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4-х т.] / [авт. Даль В. И.]. – М.: Терра–Книжный клуб, 1998. – Т. 2. – 1024 с.
5. Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации / П. Н. Донец. – Харьков : Штрих, 2001. – 384 с.
6. Сиротинина О. Б. Ослышки в разговорной речи / О. Б. Сиротинина // Теория языка, методы его исследования и преподавания. – Л.: Наука Ленинградское отд., 1981. – С. 233-236.
7. Фрумкина Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.

Космеда Т. А. Прагматика помилок слуху чи недочування у ситуаціях педагогічної комунікації // Учене записки Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.352-356.

У статті характеризується актуальне для мовлення явище виникнення комунікативних девіацій, яке передусім характерне для педагогічної комунікації та пов'язане зі справжніми чи імітованими помилками слуху чи недочування, що мотивовано порушенням норм орфоєпії, дефектами артикуляції, мовленнєво-поведінковими тактиками, обраними для ведення комунікації у відповідному руслі, а також із запрограмованим, очікуваним наслідком комунікації. Недочування може бути основою відповідної мовленнєвої гри.

Ключові слова: комунікативна девіація, помилка слуху, недочування, педагогічна комунікація, мовленнєво-поведінкова тактика, мовленнєва гра.

Kosmeda T. A. Pragmatik of hearing mistakes or mishearing in the situations of pedagogical communication // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.352-356.

The article deals with the communicative deviations that is typical for pedagogical communication. This problem is connected with real or imitatiive mistakes of hearing or mishearing and is motivated by defects of articulation, speaking and behaviour tacts which are to kondukt communication in right way and with programme, expected result of communication Mishearing can be the base of some communicative game.

Key words: communicative deviations, mishearing, pedagogical communication, speaking and behaviour tact, communicative game.

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 811. 161. 2: [398 + 34]

ЛІНГВОКОНЦЕПТУАЛЬНІ ОБРАЗИ ЗЛОЧИНІВ ПРОТИ ЖИТТЯ (НА МАТЕРІАЛІ УКРАЇНСЬКИХ БАЛАД)

Лавриненко С.Т.

Ізмаїльський державний гуманітарний університет, м. Ізмаїл, Україна

У статті розглянуто зафіксовані баладним масивом лінгвоконцептуальні образи народних уявлень про нанесення жертві тяжких тілесних ушкоджень та умисне вбивство людини.

Ключові слова: мовний знак, злочин, народна балада.

Дослідження вербального підґрунтя правових феноменів національної культури визначається потребами осягнення закодованих мовною системою світоглядних засад та ціннісних орієнтирів української спільноти.

Аналіз фольклорного слова, як носія лінгвокультурної інформативності сфери права, представлено у наших попередніх дослідженнях, здійснених на матеріалі українських казок, пісень, дум [6; 7; 8 та ін.]. Метою цієї статті є моделювання лінгвоконцептуальних образів злочинів проти життя і здоров'я людини, відтворених народними баладами. Баладний масив містить широкий спектр народних уявлень про способи насильницького позбавлення життя і завдання шкоди здоров'ю людини шляхом протиправного втручання в її особисту сферу. Спроба філологічного осмислення зазначеного сегменту фольклорного концептопростору здійснюється вперше.

Злочини проти життя і здоров'я – суспільно небезпечні діяння, які посягають на порядок суспільних відносин щодо забезпечення недоторканності життя і здоров'я особи [5, с. 313]. Баладний масив вербалізує елементи народного знання про умисне вбивство; доведення до самогубства; нанесення тяжких тілесних ушкоджень (побої, мордування, катування); залишення людини в небезпеці; ненадання допомоги особі, котра перебуває у загрозовому для життя стані.

Широкий спектр уявлень про різновиди умисного вбивства реалізується фіксаціями фактів позбавлення життя шляхом застосування холодної чи вогнепальної зброї, отруєння, обмеження можливостей вільного дихання (удушення, потоплення): «Ой як вхвativ гострий ніж, // Зняв голівоньку із пліч. // Покотилась голова аж до панського двора» [3, с. 64]. «Вдовин син стрілив – прямо в серце вцілив: // – Ой то ж тобі, побратиме, молода дівка, – // В твоїм серці золота стрілка» [3, с. 54]. «Брат з рушницi стрілив, // Всіх трьох разом вцілив» [3, с. 212]. «З пістолика жарнув. // Покотилась голівонька // Так, як маківочка, // Вилетіла душа з тіла // Так, як ластівочка. // Розлилась кров гаряча // Так, як жар по печі, // Посипались русі кудрі // Аж по правому плечі» [3, с. 229]. «Я, мамо, не спився, ні з

дороги збився, – // Тільки в теї чорнявої отрути напився» [3, с. 45]. «На широкім полю висока тополя, // Ходило дівчатко до милого двора, // А як ся то мати милого дізнала, // Вона свого сина замурувать дала» [3, с. 37]. «Взяли Рейзю попід боки і кинули в став глибокий» [3, с. 82]. Наведені контексти фіксують уявлення про спосіб вчинення злочинів, містять характеристики їх негативних наслідків, індексують наявність ініціатора протиправної дії та жертви, називають атрибути та артефакти злочинної практики.

Сегменти текстів, семантика яких співвідноситься з народними поглядами на злочини проти життя, реалізують різні схеми протиправної поведінки. Найпоширеніші баладні фіксації замахів на життя відтворюють поведінку та внутрішній стан учасників конфлікту. 1. Чоловік вбиває дружину: «– Сесе, синку, на пам'ятку, // Що зрубає нянько мамку. // Єще слова не вповіла, // Вже голова одлетіла» [3, с. 230]. 2. Дружина вбиває чоловіка: «Ой узяла си Стефна молода острый ніж та сокиру, // Вона істяла, вона зрубала Андрусикові шию» [3, с. 169]. 3. Мати вбиває сина й невістку: «Ой рада я, сину, рада я тобою, // Та не рада, сину, твоєю жоною. – // Посадила сина за столом в рядочку, // Молоду невістку в сінях у куточку. // Наливала сину солодкого меду, // А молодій невісточці зеленого яду, // А вони теє знали, докупи зливали, // Свої голівоньки докупи схиляли, // Докупи схиляли й разом помирали» [3, с. 173-174]. 4. Свекруха вбиває невістку: «Велів єї годувати з перцем каплуном, // А вона ї годувала лютим ящуром. // Велів єї наповати медом та вином, // А вона ї наповала гірким полином. // Ой а за дня Марусенька ще кужіль пряла, // А звечора Марусенька дитя купала, // Опівночі Марусенька та й застогнала, // Ой у курях Марусенька вже ісконала» [3, с. 179]. 5. Дівчина отрує хлопця: «Із суботи на неділю новина ся стала, // Бо молода Марусенька хлопця вчаровала. // Кой хотіла чаровати, зачала кликати: // – Ходи, ходи, легінику, щось ти маю дати. – // Прийшов Іван до дівчини. Стоїть склянка пива. // – Випий, випий, мій миленький, бо я уже пила. – // Випив єдну, випив другу: – А третю не хочу, // Бо я знаю, що ти даєш лютого отрою!» [3, с. 46]. 6. Брати вбивають кривдника сестри: «Синове не мешкали, // Лем шаблички забрали. // А Янічка рубали. // До Дунаю метали» [3, с. 209]. 7. Чоловік вбиває суперника чи ворога: «– Ой турчине, турчиночку, // Позволь мені лучка свого, // Най я уб'ю два голуби. // Один буде, пане, тобі, // Другий буде пані твоїй, // Пані твоїй, жінці моїй. – // А турчин сі не здогадав, // Іванові лучок подав, // Ой а Іван як ізмірив, // Турчинові в серце вцілів» [3, с. 239]. 8. Розбійники розправляються із жертвами: «– Ой ти, сучий син, розбійник, // Ти розбійничий син: // Убив брата ти мого // Та ще й шурина свого! // – Не я його убивав, – // Вбила його темна ніч: // Як я їхав, то свистав, // Щоб з дороги він звертав! // Зверни, зверни, шурячок, // Хоч на лівий бочок!» [3, с. 229].

Баладні інтерпретації злочину проти життя у формі дітозгубництва фіксують обставини вбивства матір'ю своєї новонародженої дитини: «Породила Маріянна білу дитиночку. // Як она ї породила, на ручки возьмила, // Та вна пішла попри воду, // На Дунай пустила [3, с. 75]. Деталізація етапів дітозгубництва свідчить про завчасне осмислення шляхів реалізації злочинного наміру: «Дівка дитину вродила, // В кленовий лист угорнула, // Барвіночком поповила, // В тихий Дунай упустила» [3, с. 107]. «Вийшла вдова молода. // Породила сини два, // Два сини породила, // В китай

чистий вповила, // В тихий Дунай спустила» [4, с. 25]. «Сорок неділь тому було, от як одну динку, // А Варварка учинила во плоті дитинку. // Але й вона учинила, гадку погадала, // Роз'єла коралики, роток затикала. // Она роток затикала та й швидко побігла, // А відти си завернула, на колінах лізла. // Але она його вергла у студену воду» [3, с. 112].

Доведення людини до самогубства як форма провокативного злочину проти життя у баладах представлене фактами навмисного створення умов, за яких потенційна жертва приймає рішення про нанесення собі тілесних ушкоджень, несумісних із життям, або виявляє намір назавжди залишити цей світ (втопитися чи отруїтися): «Взяла Галонька да виделочка, // Устромила собі коло сердечка» [3, с. 98]. «Сама скочила у сине море. // Як потопаала та й промовляла: // Не беріть води йа з синього моря, // Бо та вода – Ганнина сльоза» [3, с. 88]. Суб'єкт суїциду часто самостійно формулює думку про свій фатальний вибір, а наратор додатково фіксує факт самогубства: «Стій, калино, не лякайся, // Ой я тебе не рубаю, // Лиш під тобов умираю. // Рукавцем си вна накрила, // Ніж у серце забуртила» [3, с. 245]. «Піду туди, де вітер віс, // Дніпрова хвиля скелі рве, // Шукати щастя під водою, // А він нехай собі живе. ...// Козак на скелі дожидає, // А дівчинонька вже не йде. // Лежить вона в Дніпрі широкім, // А вітер шепче козаку: // – Кохать – кохаєш, сам не знаєш, // За що живих кладеш в труну» [3, с. 70]. Причинами прагнення людини звести рахунки з життям можуть бути різноманітні протиправні дії щодо неї, зокрема обман і зловживання довірою: «Ой на горі, горі // Корчомочка стояла. // А у тій корчмочці Хайка шинкувала. // Козаки стояли, // Хайку підмовляли: // – Ой ти, Хайка, Хайка, // Поїдьмо із нами, // З нами, козаками. // З нами, козаками, // Із трьома хурами. // Що первая хура – // Все срібло та злото, // А другая хура – // Скрині та перини, // А третя хура – // Сама Хайка сіла. // Сама Хайка сіла // З козаком Іваном, // Та й повезли Хайку // К тихому Дунайку: // – Хоч, Хайко, втопись, // Хоч назад вернися. // – Ой я не вернуся, – Батенька боюся. // Нехай мої коси // Тихий Дунай носить, // Нехай мої ноги // Та й поїдять соми, // Нехай мої руки // Поїдять гадюки...» [3, с. 81-82]. Самогубства у баладах часто є наслідками статевих насильницьких злочинів чи легковажної втрати вінка: «А де ж ти, дочко, да ночувала, // Що свій віночок да потеряла? // – У коршмонці, у новесенькій, // З воєводенком молодесеньким. // Ой дай мати, да ключа до скрині, // Да й украяти полотенечка // Воєводечку на сорочечку. – // Ой не вкраяла полотенечка, // Да й украяла свого сердечка. // Усі дівочки да із церкви йдуть. // А Немирівну да ховать несуть» [3, с. 97]. Приводом для самогубства може бути знущання, жорстоке поводження, збиткування оточуючих, що веде до трагічних наслідків: «У неділю рано, рано пораненку // Та послала мати Ганну жито жати. // – Ой жни, вража Ганно, жни не розхилайся, // На свою дитину та не видивляйся! // Розхилилась Ганна, – вже сонце низенько, // Вже сонце низенько, вже вечір близенько. // Ой прибігла Ганна із поля додому, // Та й убігла Ганна у світлицю нову, // Та й здоїла Ганна чотири корови, // До п'ятої Ганна стала присідати. // Ой виходе злая свекруха із хати: // – Ой де, вража Ганно, дитину поділа? // – Ой злая свекрухо, у полі забула! – // Ой побігли Ганна густими лозами // Вмивається Ганна дрібними сльозами. // Та зустріла Ганна орла-сизокрильця: – Чи не бачив, орле, моєї дитини? // – Ой твою дитину три няньки колише: // Ой первая

нянька очиці виймає, // А другая нянька кишечки мотає, // А третя нянька кісточки глитає! – // Ой побігла Ганна із поля додому, // Та й убігла Ганна у світлицю нову, // Та схопила Ганна тонке полотенце. // – Ой дай, зла свекрухо, дай гострого ножа, // Дай бо перерізати тонке полотенце! // – Та попала Ганна сама собі в серце!» [3, с. 175]. Поштовхом до самогубства може бути небажання вступати у шлюб із завойовником-поневолювачем: «– Ой Романе, Романочку, // Що то в полі за димове: // Чи то вірли крильми ся б'ють, // Чи вівчарі турми гонять? // – Ой Олено, сестро моя, // Ні то вірли крильми ся б'ють, // Ні овчари турми гонять, // Лиш то турки і татари, – // А всі твої суть бояри. – // До світлиці хутко впала, // Меч вхопила, шию стяла. // – Ой Олено, сестро моя, // Нащо ж ти ся уродила, // Нащо ж собі шию стяла? // – Лучче тутка погирати, // Ніж з татарами пробувати» [3, с. 241]. У баладах представлено народне осмислення самогубства як протестної дії, метою якої є заперечення посягань на особисті права і свободи людини: «– Ой загину, моя матінко, загину, // Бо не люблю Шкандибенка, покину! ... // Ой побігла Лимерівна тернами, // А за нею Шкандибенко конями. // – Ой дай мені, Шкандибенко, гострий ніж // Повиймати чорний терен з білих ніг! – // Не влучила Лимерівна в ніженьку, // Та влучила Лимерівна в серденько: // – Кипи, кипи, моє серденько, на ножі, // Аніж в того Шкандибенка на дворі!» [3, с. 62].

Злочин проти життя у формі умисних тілесних ушкоджень, побоїв зазвичай фіксується самою жертвою: «Ой нелюбок мій п'є // Та й собі співає. // А на мені молоденькій // Тіло потерпає» [3, с. 139]. «Що ж ти, мужу, та й гадаєш, // Що ти п'єш та гуляєш, // Прийдеш додомоньку – // Мене б'єш, проклинаєш?» [3, с. 146]. Ініціаторами мордувань можуть бути як чоловіки, так і жінки: «Молода старого із гробу будила. // – Встань, старий, встань, глянь на мої рани, // Що мені поробив мій молод коханий» [3, с. 141]. Особливо жорстоких катувань завдає зла мачуха малолітнім сиротам: «Взяла она собі // Два пруги тернові. // Так она їх біла, – // Пруги поламала» [3, с. 223]. «Ще мені мачуха головки не мила, // Вже мене мачуха не раз, не два біла» [4, с. 419]. «Як ми, тату, до тину, // То мачуха у спину; // Як ми, тату, на поріг, // То й мачуха за батіг; // Як ми, тату, за шматок, // То мачуха за ціпок» [4, с. 412].

Баладний масив фіксує народні уявлення про злочин у формі ненадання допомоги людині. Проявом такого порушення права людини на життя є залишення особи, що потерпає, у небезпеці: «– Потонай, сестро, потонай, // За миленького не думай. // – Втонаю, сестро, втонаю, // За миленького думаю. // На тобі, сестро, поясок, // Витягни з моря на пісок. // – Не буду брати поясок // І не витягну з моря на пісок... // – Втонаю, сестро, втонаю, // За миленького думаю. // На тобі, сестро, обручку, // Витягни з моря за ручку. // Не буду брати обручку // І не витягну з моря за ручку» [3, с. 57]. Суб'єктами, що відмовляють потерпілому у допомозі, можуть бути близькі родичі й чужі люди: «– Що ж буду робити, що муж мене б'є? // Жодна родина мя не жалує. // Моя хата на помості, // Приїдь, приїдь, ньеньку, в гості, – // Пожалуй мене! // Ненько приїжджає в нові ворота, // А на нім шапочка з самого золота. // – Ой бий, зятю, дочку мою, // Гарапником пірви шкіру, // Бо вона твоя! // – Що ж буду робити, що муж мене б'є? // Жодна родина мя не жалує. // Моя хата на помості, // Приїдь, приїдь, мамко, в гості, – // Пожалуй мене! // Мамка приїжджає в

нові ворота, // А на ній хусточка з самого золота. // – Ой бий, зятю, дочку мою, // Гарапником пірви шкіру, // Бо вона твоя!» [3, с. 214]. «Пливай, дівчино, пливай, дівчино, // Та й від краю до краю, // Коли-с не знала, коли-с не знала // Козацького звичаю. // Пливай, дівчино, пливай, дівчино, від трості до трості. // Коли-с не знала, коли-с не знала // Козацької злості» [3, с. 81]. Мовними сигналами ненадання допомоги людині, що перебуває у загрозовому для життя і здоров'я стані, виступають імперативні і заперечні конструкції.

Предикативний ряд, пов'язаний з уявленнями про злочини, представлений у аналізованих текстах одиницями: «убив», «згубив», «утопив», «забив», «зарівав», «струїв» та ін. Убити – позбавити життя (ударом чого-небудь, вогнепальною або холодною зброєю і т. ін.); умертвити [10 (10, с. 352)]. «А коли ж ти убив жінку, як сосну красеньку, – // То ти би й мене вбив, удову бідненьку» [3, с. 165]. Згубити – призвести до загибелі, позбавити життя; убити [10 (3, с. 525)]. « – Ой згуби, чуро, ти пана свого, // Тобі дістанеться вороний кінь його» [3, с. 157]. Зарізати – убити ножом або взагалі чим-небудь гострим [10 (3, с. 292)]. «Жена мужа ножичком зарізала» [4, с. 102]. Утопити – зануривши, кинувши у воду, примусити потонути; потопити [10 (1, с. 775)]. «Ой ходила Марисуна по луці, // Носила си біле дитя на руці. // Прийшла вна ся до сестриці радити: // – А що мені з малим дитям робити? // – Возьми, возьми, Марисуно, утопи // І сама ся, Марисуно, погуби. – » [3, с. 31]. Струїти – позбавити життя, умертвити отрутою [10 (5, с. 811)]. « – Невістко, невістко, що ж ти наробила, // Що ти ми, невістко, синонька струїла?» [3, с. 174]. Забити – позбавити життя, убити кого-небудь [10 (3, с. 19)]. « – Кароль, Кароль, що ти зробив, ... // Що-сь си руки покровавив? // – Ой забив я Вуляночку, // Власну свою коханочку» [3, с. 68].

Висновки. Таким чином, тексти українських балад відтворюють народні знання про порушення права людини на природне існування й фізичну недоторканність. Концептуалізація зазначених уявлень спирається на індексації суб'єктів, об'єктів, предикатів, атрибутів та артефактів злочинів проти життя і здоров'я. Сміслові комплекси, співвідносні з народними інтерпретаціями різних способів завдання жертві тяжких тілесних ушкоджень та позбавлення її життя, постають із контекстів, семантику яких можна узагальнити правовими поняттями «вбивство», «побої», «мордування», «катування».

Перспективи дослідження пов'язуються з аналізом представлених у текстах українських народних балад лінгвоконцептуальних моделей покарання злочинців.

Список літератури

1. Антологія концептів [словарь] / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
2. Бартминський Е. Языковой образ мира. Очерки по этнолингвистике / Е. Бартминський. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
3. Балади: [збірник текстів / упорядники О.І. Дей, А.Ю. Ясенчук, автор вступної статті О.І. Дей]. – К.: Дніпро, 1987. – 318 с. – (Серія «Бібліотека української усної народної творчості».)
4. Балади. Родинно-побутові стосунки: [збірник текстів / упорядники О.І. Дей, А.Ю. Ясенчук, А.І. Іваницький]. – К.: Наукова думка, 1988. – 522 с. – (Серія «Українська народна творчість».)

5. Великий енциклопедичний юридичний словник / [Ю.С. Шемшученко, В.П. Горбатенко, Ю.Я. Касяненко та ін.]; за ред. Ю.С. Шемшученка. – К.: Юридична думка, 2007. – 990 с.
6. Лавриненко С.Т. Вербалізація смислових контурів права в українській чарівній казці / С.Т. Лавриненко // Семантика мови і тексту: Матеріали X міжнародної наукової конференції. – Івано-Франківськ: Третьяк, 2009. – Ч. 2. – С. 164-167.
7. Лавриненко С.Т. Мовні маркери сфери права у народних піснях чумацького циклу / С.Т. Лавриненко // Наукові записки. Серія: «Філологічні науки» (Мовознавство). – Кіровоград: КДПУ ім. Володимира Винниченка, 2009. – Вип. 81 (3). – С. 127-131.
8. Лавриненко С.Т. Вербалізація смислових контурів права в українських народних думках / С.Т. Лавриненко // Мовознавчий вісник. – Черкаси: Брама, 2010. – Вип. 11. – С. 231-235.
9. Мойсієнко А.К. Мова як світ світів. Поетика текстових структур: [наукове видання] / А.К. Мойсієнко. – Умань : РВЦ «Софія», 2008. – 280 с.
10. Словник української мови: [у 11 т.] / [редкол.: І.К. Білодід (голова) та ін.] – К.: Наукова думка, 1970-1980. – Т. 1 – 1970. – 827 с. – Т. 3. – 1972. – 741 с. – Т. 5. – 1974. – 839 с. – Т.10. – 1979. – 657 с.
11. Язык культуры. Семантика и грамматика / отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2004. – 496 с.

Лавриненко С.Т. Лингвоконцептуальные образы преступлений против жизни (на материале украинских баллад) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.357-362.

В статье рассмотрены зафиксированные в текстах украинских баллад лингвоконцептуальные образы народных представлений о нанесении жертве тяжких телесных повреждений и преднамеренном убийстве.

Ключевые слова: языковой знак, преступление, народная баллада.

Lavrynenko S. Lingual conceptual types of felonies against life (based on Ukrainian ballads) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.357-362.

In the article fixed in ballad massive lingual conceptual images of folk ideas about causing corporal damage and premeditated murder of man are presented.

Key words: language sing, felony, folk ballad.

Поступила до редакції 02.03.2011 р.

УДК 811.161.2

ВЗАЄМОЗВ'ЯЗОК ЕТНОКУЛЬТУРНИХ НОМЕНІВ-СИМВОЛІВ «СЛОВО» ТА «ПІСНЯ» У ПОЕТИЧНІЙ ТВОРЧОСТІ ЛЕСІ УКРАЇНКИ

Лебеденко Ю. М.

*Харківський національний педагогічний університет ім. Г. С. Сковороди,
м. Харків, Україна*

У статті проведено аналіз етнокультурних номенів-символів «слово» та «пісня», з'ясовано їхній взаємозв'язок, а також функції у поезії Лесі Українки.

Ключові слова: *номен-символ, вербальний символ, етнокультурний символ.*

Різні за своєю природою типи символів знаходять концентроване вираження у вербальних символах, адекватне сприйняття яких єдино можливе за умови знання та освоєння духовних цінностей національної культури. *Актуальність.* Упродовж віків українська мова виробила свій символічний код, у силовому полі якого перебувають різні шари її лексичного складу – кольороназви, топоніми, хрононіми, назви реалій рослинного та тваринного світу тощо. Синтетичний характер відповідних вербальних символів виявляється у впливі на різні складники внутрішнього життя людини: вольові, емоційні, естетичні, моральні та ін.

Мета – аналіз етнокультурних номенів-символів «слово» та «пісня», з'ясування їх взаємозв'язку, а також функції у поезії Лесі Українки.

Символ, як писав О. Ф. Лосєв, – модель. Тобто це таке співвідношення первинного та похідного значень слова, яке далі моделюється, копіюється в семантичній структурі слів, пов'язаних з опорним символом спільністю мікроконтексту. У цьому полягає джерело символізації не тільки основних, опорних об'єктів художнього твору, а й численних деталей [2].

Вербальні символи в їх культурній значущості, зв'язку з концептуальною картиною світу, поетичними ідіолектами привертають увагу вітчизняних дослідників А. Мойсієнка, Ю. Лазєбника, В. Кононенка, М. Філона, Н. Варич, які продовжують традиції вивчення цих тропів, започатковані М. Костомаровим, М. Максимовичем та О. Потебнею. Попри пильну увагу дослідників до означеної проблеми, окремі важливі теоретичні та практичні питання досі з'ясовані ще недостатньо.

Під поняттям «номен» ми розуміємо формально утворену структуру, яка має номінативне значення, а глибинна семантична структура містить певну етнокультурну або міфологічну символіку. Так, В. В. Жайворонок на позначення цієї одиниці послуговується поняттям «знак», нам же більш прийнятним видається поняття «номен».

Задля детального лінгвістичного аналізу творів Лесі Українки нами було розглянуто 150 етнокультурних номенів-символів, уживаних у творчості автора, які використовуються до 370 разів. Номен-символи, які є найбільш активними у творчості Лесі Українки, становлять кольоропозначення; часопростір; назви реалій рослинного та тваринного світу; символи на позначення частин тіла людини або тварини; назви житла та членів родини; обрядово-релігійні символи; номен, що позначають емоції (позитивні та негативні) тощо.

Нашим завданням є дослідження авторського вживання слів-символів. Аналізуючи символи у творчості Лесі Українки, ми спирались на тлумачення етнокультурних символів, поданих у словнику Віталія Жайворонка «Знаки української етнокультури», щоб з'ясувати, в яких випадках смисл, покладений у номен Лесею Українкою, відповідає загальноновизначеному, а де вона надає їм іншого, ширшого, власного значення.

Надзвичайно виразними у творчому доробку Лесі Українки є інформативні символи, зокрема номен «слово» та «пісня». Поетеса надає вагомому значення слову, як основному джерелу інформації, як засобу впливу на маси (як позитивного, так і негативного). Пісня – це синтез слова й мелодії, вона містить згусток емоцій, думок, переживань тощо. Через пісенні мотиви виявляється свідчення високих моральних, етичних ідеалів українського народу. Мистецька глибина мислення в тандемі з мелодійним поєднанням, підкреслюють геніальний творчий вияв, який вражає своїм поетичним почуттям і колоритністю: *У кожного люду, у кожній країні Живе такий спогад, що в його в давнині Були золоті віки, Як пісня і слово були у шанобі В міцних сього світу; не тільки на гробі Складались поетам вінки* («На столітній ювілей української літератури»).

За В. Жайворонком, слово (зменшено-пестливі – слівце, словце, словечко, словечечко, словонько) – мовна одиниця як вираження поняття про ту чи іншу реалію об'єктивного світу; також мова, мовлення або висловлення, фраза; споконвіку людина вірила в чудодійну силу слова (звідси поважання всіляких волхвів, ворожбитів, гадалок і т. ін.) [1, с. 465]. У цілющу силу слова вірить і ліричний герой поезії «Одно слово»: *А він сказав: «Я знаю, я від того вмираю, що у вас ніяк не зветься, хоч єсть його без міри в вашім краю, а те, від чого міг би я ожити, не зветься теж ніяк, немає слова, але й його самого в вас нема... якби було хоч слово, може б, я ще й жив би з вами...»* («Одно слово»).

Давня людина не відділяла слова від речей, і тому за словом, за назвою речі йшла сама річ; віра в матеріалізацію слова збереглася й до сьогодні, бо саме на ній тримається віра в замовляння, побажання, прокляття (вимовити слово, що називає річ, рівнозначне її викликанню чи творенню); звідси табу на назви демонологічних істот: *Від одного слова Розкрилася в душі моїй труна.* («Порвалася нескінчена розмова...»); *Чому на спогад сих покірних слів рука стискає невидиму зброю, а в серці крики бойові лунають?..* («Якби вся кров моя уплинула отак»).

Слово, вірили українці, лікує, приносить добро (звідси виникло слово «благословення»); кажуть: «Добре слово дорожче багатства», «Добре слово не коштує нічого, а допоможе багато». Ця традиція відображається й у Лесиній поезії:

Я, може, навіки іду в чужий край... Прощай, – добрим словом мене спогадай! («У путь»).

Слово, також знали, сильно шкодить, особливо сказане ворожбитом; слова можуть наслати хворобу, а можуть і лікувати, отже, може збутися погане та добре слово; відгомін віри в силу слова залишився й у привітаннях і побажаннях, у традиційних застільних тостах і примовках, у впевненості, що збудеться вчасно сказане слово. Леся Українка також щиро вірить у силу слова, яке застерігає від негараздів не лише окрему людину чи родину, а й цілу націю, народність, як, наприклад, у вірші на пошану Тараса Шевченка: *Щоб між нами не вгасало Проміння величне, Ти поставив «на сторожі» Слово твоє вічне* («На роковини Шевченка»).

Невчасно сказане слово, навпаки, може зашкодити, тому кажуть: «Скажи слово, а нещастя готово». Леся також застерігає: *«Не кажи так, милий побратиме, бо живий живе гадати мусить* («Віла-посестра»).

На вірі в силу слова засновані всі закляття; цілющу силу слова проповідує і церква, бо в Біблії сказано: «Воно [Слово] в Бога було на початку. І життя було в Нім»; тому молитва як звернення людини до Бога є Божа мова, Боже слово: *Так говорив Господь через свого пророка, І слово божєє лунало сумно Серед пустині* («У пустині»).

У Біблії слово ототожнюється і з Богом-Отцем, і з Богом-Сином; слово, втілене в Ісусі Христі, споконвіку йде від Бога-Отця, як слово народжується з думки та живе в людському серці: *Хоч слів тих ніхто на щиті не носив, Та в серці носив до загины* («Роберт Брюс, король шотландський»).

Поетеса також робить слово живим, надаючи йому сили природи, порівнюючи з хвилями, сльозами та квітами: *В її речах слова котились, наче хвилі, мов сльози по її замучених братах, в вінку, здавалось, блідли квіти білі, і в'янули слова журливі на устах* («Забуті слова»).

Слово у Лесиній поезії виконує роль зброї, яка допомагає їй боротися за правду: *Слово, моя ти єдина зброє, Ми не повинні загинуть обое!* («Слово, чому ти не твердая криця...»).

Поряд із номеном «слово» Леся Українка використовує номен-символ «пісня». Пісня (зменшено-пестливе – пісенька) – словесно-музичний твір, призначений для співу; за жанрами пісень багато, як ритуальних (обрядових), так і звичайних (ліричних, жартівливих, чумацьких, історичних тощо); співучість народу споконвіку творила його веселу й ліричну вдачу [1, с. 456]: Українська пісня містить яскравість висловів, описує життєві події народу, їхні думки, погляди та переживання: *І не був поет самотній, – До його малої хати Раз у раз ходила молодь Пісні-слова вислухати* («Давня казка»).

Пісня супроводжує Лесю з дитинства, у праці, в думках про життя: *Я на гору круту крем'яную Буду камінь важкий підіймать І, несучи вагу ту страшную, Буду пісню веселу співать* («*Contra spem spero!*»); *Та коли вже надто тяжко Туга серце обгортала, То співці співали пісню, Пісня тугу розважала...* («Давня казка»).

У поезіях Лесі Українки яскраво простежується загальноновизнана думка про те, що пісня є душею народу, є символом щирості та правди: *Довго щирими сими*

словами До людей промовлятиму я; Я загину, – та довго між вами Гомонітиме пісня моя! («Місячна легенда»).

Пісня розповідає про зміни в житті людини й народу, про природу й сутність людини, про можливі кардинальні зміни в житті, про скороминучість усього суцього. Усі ці символи втілюються й у творах Лесі Українки: *Спочиваєш ти, наш батьку, Тихо в домовині, Та збудила твоя пісня Думки на Вкраїні* («На роковини Шевченка»); *Чи не здається їм, що принесуть з собою Новії, ще не співані пісні, Що в краю темному, сповитому журбою, Блиснуть пісні, мов блискавки ясні* («Поворіт»).

У Лесі Українки пісня символізує життя, і коли обривається життя, закінчується й пісня: ... *Дівчина Зірвала лавровий вінець І в хвилях шумливого моря Знайшла своїй пісні кінець* («Над хвилями моря, на скелі...»).

Висновки. Символ «слово» міцно переплетений в поезії Лесі Українки із символом «пісня». В одних випадках слово наділяється властивостями живої істоти, в інших – відіграє роль міцної зброї. Пісня ж символізує в поезії Лариси Косач людське життя, переплетене надіями та сподіваннями, болем і радощами, щастям і горем. Весь смуток втрат і радість перемог як найкраще передає саме пісня.

Перспективу дослідження становить подальший аналіз номенів-символів зі метою цілісного вивчення ідіостилю Лесі Українки.

Список літератури

1. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури: [Словник-довідник] / В. В. Жайворонок. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.
2. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство [Текст] / А. Ф. Лосев. – 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.

Лебеденко Ю. Н. Взаимосвязь этнокультурных номен-символов «слово» и «песня» в поэтическом творчестве Леси Украинки // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.363-366.

В статье осуществлен анализ этнокультурных номен-символов «слово» и «песня», выяснена их взаимосвязь, а также функции в поэзии Леси Украинки.

Ключевые слова: *номен-символ, вербальный символ, этнокультурный символ.*

Lebedenko Ju. M. The bond an ethnocultural nomen-symbol of "word" and "song" in the poetry of Lesya Ukrainka // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.363-366.

The article analyzes the ethnocultural nomen-symbol of "word" and "song", to determine their bond and function in the poetry of Lesya Ukrainka.

Key words: *nomen-symbol, verbal symbol, the ethnocultural symbol.*

Поступила до редакції 29.03.2011 р.

УДК 81'23. 811.111

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА В МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ КОНЦЕПТА «ИСТИНА»

Линникова О.В.

Горловский государственный институт иностранных языков, г. Горловка, Украина

В статье исследуются когнитивные особенности метафорической репрезентации концепта ИСТИНА, которые формируют отрицательную оценку данного концепта. Автор анализирует, какие именно метафорические образы несут в себе негативную окраску и создают отрицательное отношение к этому сложному морально-этическому феномену.

Ключевые слова: *концепт «истина», метафора, оценка, отрицательная коннотация.*

Концепт истины как критерия знания и цели познания централен и фундаментален, без преувеличения, для всех моделей мира, в том числе обыденного сознания, являясь регулятором взаимодействия человека с действительностью и другими людьми. Во всех языках концепт истины зафиксирован в слове или группе слов, которыми «истина «говорит» в повседневной речи и в художественных текстах, в Священном Писании и в языке науки» [2, с. 3]. Поэтому представление концепта истины невозможно без указания на способ явления истины – языковой. Изначально предмет исследования философов и логиков, в последнее время истина привлекает всё большее внимание лингвистов по вышеупомянутой причине: истину проявляет естественный язык.

Исследования концептов ПРАВДА, ИСТИНА предпринимались на материале русского языка Н.Д. Арутюновой (1998), В.В. Колесовым (2002), С.Е. Никитиной (1995), М.В. Пименовой (2003), Ю.С. Степановым (1972, 1997), А.Д. Шмелевым (2002). В английском языке концепт TRUTH являлся предметом исследования Т.А. Хромовой (2000, 2002), Ж.Е. Гостевой (2004), М.И. Агиенко (2006), на материале произведений В. Шекспира слово TRUTH изучалось А.И. Полторацким (1995). Слово TRUTH в свете лингвистических проблем изучалось D.L. Bolinger (1973), A. Gupta (1987), G.L. Hallett (1988), H.Kamp (1981), E.L. Keeran (1983), G. Lakoff, M. Gohnson (1980), R.M. Martin (1958), J.M. Sadock (1977), F. Sommers (1969), K. Taylor (1998), R.H. Thomason (1976).

Несмотря на многочисленность исследований и публикаций на тему языкового исследования феномена истины, данный концепт не был изучен с позиции категории оценки. Одним из способов проявления оценки в языке является метафора, поэтому, изучив метафорическую репрезентацию ИСТИНЫ в английском языке, можно будет делать выводы о том, какое место занимает это понятие в английской системе ценностей.

Традиционно истина имеет положительную оценочную коннотацию, так как «посредством истины обеспечивается сохранение основных условий существования человека – мира вещей и духовных ценностей. Гармония и порядок совпадают с истиной в самом широком диапазоне, обнаруживая связь и организацию во времени и пространстве» [5, с. 216].

Однако в контексте же нравственного сознания, нормативной этики «истина» как «добро» не дефинируется. Но дело в том, что истина и этика, по словам Н.Д. Арутюновой, связаны через феномен человека [3, с. 557]. Поэтому однозначно заявить положительное «направление» оценки для номинаторов истины не удаётся. Метафора является одним из способов выражения оценки в языке, так как любая метафора несет в себе эмоциональную окраску. Исследование метафоризации концепта *истина* в англоязычных текстах показало, что не всегда данный морально-этический феномен имеет положительную окраску, так как ложь иногда оберегает человека от психологической травмы и на самом деле люди иногда хотят быть обманутыми.

Объект исследования – метафорические высказывания концепта «Истина», то есть слова, словосочетания, идиомы, пословицы, контексты, включающие метафорические модели.

Предмет исследования – когнитивные и оценочные особенности метафорических моделей представления концепта ИСТИНА.

Базовое положение когнитивной лингвистики заключается в том, что базовые категории языка и сознания реконструируемы на лингвистическом уровне. Одним из ближайших путей к реконструкции этих категорий в структурном аспекте является действие метафорических моделей категоризации действительности, модели «перехода от пропозициональных моделей или схематических моделей образов одной области к соответствующей структуре другой области» [7, с. 32]. Учение о метафоре в современной лингвистике приобретает когнитивную, этнопсихолингвистичную и коммуникативную ориентацию, поскольку «метафора служит тем орудием мышления, с помощью которой удастся достичь самых отдаленных уголков нашего концептуального поля [6, с. 68-81]. Э. Маккормак трактует метафору как вполне обычный творческий процесс человеческого познания, которое объединяет понятия (референты), в норме не связанные, в значительной мере не сопоставимые. Такое положение вещей, как считает автор, вполне оправданно, поскольку метафора «призвана создавать некоторый новый смысл, т. е. обладать суггестивностью» [4, с. 359]. Исследование метафоризации как когнитивного механизма связано с работами М. Блэка, М. Бридели, Д. Дэвидсона, Дж. Лакоффа, Дж.А. Миллера за рубежом и с работами Н.Д. Арутюновой, В.В. Петрова, В.Н. Телия – в России.

Формализация категории оценки в семантике метафоры основывается на том, что оценка включается в семантическую структуру метафоры как компонент «оценочность». Оценочность метафоры можно отнести как к денотативному, так и к коннотативному аспекту значения метафоры. В метафоре оценочные потенциальные или дифференциальные семы исходного значения слова актуализируются, замещая архисему или редуцируя ее. Оценочность метафоры реализует оценочное отношение человека к объекту оценки по типу «хорошо / плохо». Семантика исходного значения слова и контекст влияют на знак оценки метафоры.

По результатам наших исследований, образы метафорической репрезентации истины в большинстве случаев имеют положительную оценочную семантику, так как человек стремится к истине, хочет познать законы жизни и мироздания, чтобы использовать их себе во благо. Отсюда и образы с положительной коннотацией, такие как ИСТИНА есть СВЕТ, ДРАГОЦЕННОСТЬ, ОГОНЬ, ВЫСОТА. Однако не всегда истина отождествляется с добром для человека, особенно если это касается межличностных отношений, и ложь в таких случаях призвана уберегать от неприятных и разрушительных последствий. *In human relations kindness and lies are worth a thousand truths/ Greene/.*

Целью данной статьи является выявление образов, несущих негативную семантику, поэтому остановимся на них. Довольно часто концепт TRUTH имеет антропоморфные признаки, то есть предстает в метафорических образах, связанных с человеком. Наличие данных образов свидетельствует не только о том, что человек воспринимает мир через себя, наделяя его теми чертами, которые имеет сам. «TRUTH – абстрактный концепт. Он не материализуется в вещах, находящихся в обиходе человека. Способность находить в абстрактных понятиях свои черты свидетельствует о том, что человеку знакома эта область абстракции, что человеку свойственна реальная соотнесенность с космосом, самого человека именуют микрокосмом» [1, с. 129].

Как и человек, TRUTH имеет много отрицательных черт характера. Она жестокая: *He couldn't tell her the brutal truth /Maugham, Of human bondage/; There is none, – he said, sadly regarding her from the face downward as he pondered how to lay the cruel truth bare /Hardy, The Woodlanders/.* Истина может быть предательской: *We call this pretty treachery truth. /Thackeray/.* Она так агрессивна, что может убить: *When truth kills truth. /Shakespeare/; Truth slays and forgives /Algernon, Swinburne/.* Она дерзкая и льстивая: *Truth is always bold /Dickens, Barnaby Rudge/ If I may trust the flattering truth of sleepe /Shakespeare/.* Скупость и нецеломудренность тоже свойственны TRUTH: *Then niggard truth would willingly impart /Shakespeare/. Truth virtuelessly prevailed /Hardy, A pair of blue eyes/.*

В приведенных примерах отрицательная коннотация метафоризации концепта TRUTH обусловлена представлением его в образе человека, который, как существо дуальное, имеет как положительные, так и отрицательные черты характера. Следовательно, и концепт TRUTH также наделяется как положительными, так и отрицательными качествами при метафорической репрезентации.

TRUTH наделяется не только чертами характера, которыми обладает человек, но также присущими ему эмоциональными состояниями. TRUTH грустная: *And the sad truth which hovers o'er my desk Turns what was once romantic to burlesque /Byron, Don Juan/; She dared not tell the sad truth at once /Eliot/.* Как и человек, может быть несчастной, печальной и подавленной: *How can you help it; you who know the miserable truth as well as I? Now, tell me /Dickens, Dombey and Son Charles/. Thus it is a mournful truth. Coleridge. The notebooks. A Lie accidentally useful to the cause of an oppressed Truth /Coleridge, The notebooks/.* Она мрачная – вызывает депрессию и приводит в уныние *I felt the truth, the disheartening truth /Collins, The woman in white/. I felt this very trite but melancholy truth in all its force the other day... /Scott, Chronicles of Cannongate/. He tried a glass of grog; but melancholy truth was at the bottom of that well, and he couldn't finish it. Dickens. Dombey and Son.* Слова *sad,*

miserable, mournful, oppressed, disheartening, melancholy обладают отрицательной коннотацией, поскольку несут в себе значение печали, грусти, уныния – тех состояний, когда человек несчастен и причиной тому стала правда, которая открылась человеку. Поэтому в этих случаях TRUTH имеет отрицательную окраску.

Нагота правды также оценивается негативно как нечто непристойное, так как наготу принято скрывать: *The truth appeared so naked on my side /Shakespeare/. TRUTH, которая нуждается в переодевании, как на маскараде, приравнивают ко лжи, отсюда и негативная оценка. *The truth in masquerade; can't do otherwise than lie, but do it So well, the very truth seems falsehood to it /Byron, Don Juan/.**

TRUTH есть ВЕЩЕСТВО. Особое вещество – лекарство. Однако лекарство обычно горькое, а если передозировать его, то является смертельным ядом: *Alas that youthful love and truth should end in bitterness and bankruptcy /Thackeray, The great Hoggarty Diamond/. Even truth becomes deadly poison /Coleridge, The notebook/. You have never heard of the wise, cynical French duke who said that with two lovers there is always one who loves and one who lets himself be loved; it is bitter truth to which most of us have to resign ourselves; but now and then there are two who love and two who let themselves be loved /Maugham, Red/. If your truth happens to be such medicine as Holt's Pills and Elixir, the less you swallow of it the better,' said Felix /Eliot, Felix Holt/.*

В этих примерах лекарство является горьким и даже может быть смертоносным, что вызывает неприятные эмоции и ассоциации, отсюда негативная оценка.

В художественных произведениях встречается метафорическая репрезентация концепта TRUTH в образе СОБАКИ. *You know, I believe I understand that play now. The sleeping dog was the truth, do you see, and that man – the husband – insisted upon disturbing it /Priestley, Dangerous corner/. Truth is a dog that must kennel /Shakespeare, King Lear/.*

Слово DOG, который метафорически представляет концепт TRUTH в данных случаях, призван выразить отрицательное отношение к истине, так как собака несет угрозу, опасность. В этом случае ее не следует тревожить и лучше всего оставить ее в своей будке, то есть не выявлять, не раскрывать каких-то фактов, которые могут иметь необратимые разрушающие последствия для людей.

Выводы. Таким образом, активное изучение метафоры в парадигмах когнитивной лингвистики показывает: метафора является необходимым, неизбежным элементом языка и мышления, так как она представляет собой такой способ созерцания мира, без которого человек не может обойтись. Особенно это касается такого сложного абстрактных концепта как ИСТИНА, представление и отношение к которому формируется посредством метафорических образов. Наше исследование показало, что не всегда концепт ИСТИНА имеет положительную оценочную окраску и трактуется как добро для человека. Образы, представляющие ИСТИНУ в негативном свете в английском языке, – это человек и свойственные ему отрицательные черты характера, периоды грусти и депрессии, также нагота и переодевание; горькое лекарство, способное стать смертельным при передозировке; ИСТИНА в образе собаки представляет собой угрозу и опасность. Во всех этих ментальных образах проводится одна мысль: с ИСТИНОЙ следует обращаться осторожно, так как она полезна лишь в определенных дозах и тех сферах, где это действительно необходимо, иначе из ценности она может превратиться в разрушительную силу.

В дальнейшем мы планируем исследовать другие образы метафорического представления Истины, посредством которых формируется соответствующее отношение к этому сложному морально-этическому феномену у носителя языка.

Список литературы

1. Агиенко М.И. Структуры концептов «правда», «истина», «truth» в сопоставительном аспекте : дис.... канд. филол. наук : 10.02.20 / М.И. Агиенко. – Екатеринбург, 2005. – 220 с.
2. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. Сб.ст. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К.Рябцева. – М.: Наука, 1995. – С. 3-6.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
4. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 358-386.
5. Маслова В.А. Когнитивная Лингвистика: [учебное пособие] / В.А. Маслова – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры.– М.,1990. – С. 68-81.
7. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, London: The Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.

Ліннікова О.В. Негативна оцінка у метафоричних образах концепту «істина» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.367-371.

У статті досліджуються когнітивні особливості метафоричної репрезентації концепту ІСТИНА, які формують негативну оцінку даного концепту. Автор аналізує які саме метафоричні образи несуть у собі негативне забарвлення і створюють негативне ставлення до цього складного морально-етичного феномену.

Ключові слова: *концепт «істина», метафора, оцінка, негативна конотація.*

Linnikova O. V. Negative evaluation in the metaphorical images of the concept «truth» // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.367-371.

The cognitive peculiarities of the metaphoric representation of the concept TRUTH which form the negative evaluation of the given concept are observed in the article. The author analyses what particular metaphoric images bear the negative colouring and create negative attitude to the given complex moral-ethical phenomenon.

Key words: *the concept TRUTH, metaphor, evaluation, negative connotation.*

Поступила в редакцію 22.03.2011 г.

УДК 811' 161

КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Литвин И.Н.

Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, г. Черкассы, Украина

Статья посвящена лингвокультурному исследованию сравнительных фразеологизмов со значением психоэмоционального состояния человека в русском, украинском и польском языках.

Ключевые слова: *фразеологизм, мотивация, когнитивно-ономасиологический анализ.*

Одним из знаковых репрезентантов этноса является фразеология, которая вбирает традиции народа, его культуру, наивные представления о мире. Фразеологические единицы сохраняют, по определению Е. А. Селивановой, «в устойчивой форме представления этноса о мире, культурную, историческую и мифологическую интериоризацию действительности и внутреннего опыта народа» [1, с. 11]. Фразеологизмы являются своеобразной этнокультурной рефлексией говорящего в коммуникативной ситуации, поскольку он сознательно или несознательно соотносит личное эмоционально-оценочное отношение и ценностную ориентацию с содержанием знака, а образное содержание оборота с эталонами и стереотипами национально-культурного восприятия и понимания мира [1, с. 9]. На современном этапе различным аспектам фразеологизмов уделяют внимание В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, Е. А. Селиванова, В. Д. Ужченко, Л. Г. Авксентьев, Н. Ф. Алефиренко, В. Г. Гак, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Т. З. Черданцева и др.

Цель данной статьи – лингвокультурное исследование сравнительных фразеологизмов со значением психоэмоционального состояния человека в русском, украинском и польском языках. Данный класс единиц не являлся предметом комплексного когнитивно-ономасиологического исследования, что позволяет говорить о *новизне* работы.

На наш взгляд, основную роль в определении номинативной сущности фразеологической единицы может сыграть когнитивно-ономасиологический анализ, который позволит определить мотивационные особенности данного класса языковых единиц. Е. А. Селиванова отмечает, что когнитивно-ономасиологический анализ мотивационных процессов во фразеологии предусматривает два этапа: интерпретацию ономасиологической структуры оборота и концептуальное моделирование его мотивационной базы.

Для анализа мотивации фразеологизмов, вслед за Е. А. Селивановой, используем модель ментально-психонетического комплекса (концепта), которая включает структуру

истинностных знаний об обозначаемом (уровни диктума), его оценку (модус), ассоциативно-терминальный компонент, сформированный на основе связей диктума с другими ментально-психонетическими комплексами, а также множественные реляции с другими психическими функциями и проявлениями: ощущениями, чувствованиями, интуицией, образами и т.д. В зависимости от статуса фрагмента ментально-психонетического комплекса, который избирается в роли мотивационной базы фразеологизма, выделено пропозитивно-диктумную, ассоциативно-терминальную, интегративно-сравнительную, модусную и смешанную мотивацию фразеологических оборотов [1, с. 32; 2, с. 643].

Предмет нашего исследования – сравнительные фразеологизмы – являются знаками ассоциативно-терминальной сферы ментально-психонетического комплекса наряду с метафорически мотивированными. Однако операции сравнения и метафоризации отличаются друг от друга. Е. А. Селиванова отмечает, что фразеологизмы функционально базируются на сравнении как разграниченном соединении двух концептосфер, в отличие от метафоры, представляющей собой целостное сочетание [1, с. 52]. Разграничивает сравнительные и метафорически мотивированные фразеологизмы и А. И. Федоров, выделяя «три типа образного представления фразеологических значений: метафорический, метонимический и сравнительный...» [5, с. 15].

При образовании сравнительных фразеологизмов со значением психоэмоционального состояния используются средства сравнения с диктумным компонентом концепта-донора, операторами включения являются сравнительные союзы: русск. *как, как будто, словно, точно*; укр. *як, мов, немов, неначе, наче*; польск. *jak, jako*. Реципиентом сравнения выступает концепт ЧЕЛОВЕК, его психоэмоциональное состояние, а донором становятся различные концепты: ЖИВОТНЫЕ, РАСТЕНИЯ, ПРИРОДА, ВЕЩЕСТВЕННЫЙ МИР и др.

Основным принципом сравнительного образования фразеологических единиц в русском, украинском и польском языках, обозначающих психоэмоциональное состояние человека, является *зооморфизм*. Человек рассматривает свое психическое состояние по аналогии с другими живыми существами: животными, птицами, рыбами, насекомыми и т.п. На базе сравнения концептуальных сфер ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ сформировались фразеологизмы: русск. *как собака* // укр. *як собака, як пес* // польск. *jak pies* [9, с. 314] – «очень сильно, до крайности (устал, надоел, злой)» [6, с. 442]; *как угорелая кошка* – «в исступление, бессмысленно (бегать, метаться и т.п.)» [6, с. 210]; польск. *biegać, latać jak kot z pecherzem* – «biegać szybko, perwowo» [9, с. 166]; русск. *тише мыши, как мышь (сидит)* укр. *як миша (сидить)* // польск. *cicho jak mysz pod miotłą* – «zachowywać się cicho, w obawie, żeby nie zwrócić na siebie uwagę» [9, с. 236]. В роли объекта сравнения выступает концепт РЫБА во фразеологизмах: русск. *как рыба в воде* // укр. *як риба в воді* // польск. *jak ryba w wodzie* [9, с. 398] – «свободно, непринужденно (чувствовать себя где-либо)» [6, с. 403]. В украинском языке это же значение имеет фразеологическая единица *як пташка в повітрі* (объект сравнения – ПТИЦА). Медлительного, вялого, неторопливого человека, делающего что-либо еле-еле [6, с. 256], в славянской фразеологии сравнивают с мухой: русск. *как сонная муха* // укр. *як сонна муха (як сонна, як сонний)* // польск. *jak senna mucha, jak mucha w smole* [9, с. 234].

Переинтерпретация знаков словосочетаний имеет, как правило, диффузную или диффузно-сценарную природу. Дж. Серль характеризовал диффузность как отсутствие алгоритма переноса. В. Н. Телия определяет такой комплекс ассоциаций как ассоциативный ореол [3, с. 37]. Е. А. Селиванова считает, что «диффузно-сценарная переинтерпретация фразеологизма характеризуется уподоблением когнитивного сценария реципиентной концептосцеры сценарию донорской» [1, с. 44]. Так, сценарий *отношение людей* уподоблен сценарию поведения животных во фразеологизмах: русск. *(жить) как кошка с собакой* // укр. *(жити) як кішка (кіт) із собакою* // польск. *(żyć z kimś) jak pies z kotem* [9, с. 167] – «в постоянной ссоре, вражде» [6, с. 210]; русск. *как с цепи сорвался* (вариативны сравнительные союзы *будто, словно, точно*) // укр. *як (мов, неначе, немов, наче) з ланцюга (з прив'язі) зірвався* – «потеряв выдержку, самообладание, перестав сдерживаться, дошел до крайности в своих действиях, поступках» [6, с. 447].

Е. А. Селиванова отмечает, что большинство таких фразеологизмов используют в роли вспомогательного фрагмента модус ментально-психонетического комплекса, поскольку сфера ощущений и восприятий достаточно аксиологична и эмотивна [1, с. 49]. Модус – оценочный компонент ментально-психонетического комплекса – «применяется как мотивационный компонент при образовании большинства фразеологизмов, потому его можно назвать стержнем их образования» [1, с. 56]. В. Н. Телия подчеркивает, что оценочное отношение «наслаивается на дескриптивное отражение обозначаемого в виде модальной рамки, которая передает информацию о чувстве, отношении» [3, с. 5]: русск. *как [словно, будто, точно] муху проглотил* – «недоволен, имеет кислый вид» [6, с. 361], русск. *надулся как [будто, словно, точно] мышь на крупу* – «очень сильно обижен, сердит, недоволен чем-либо. О человеке, выражающем своим видом недовольство, обиду» [6, с. 262] // укр. *як жаба на купині* зі словом *надутися, напрудитися* дуже, надто («про пихату, набундючену людину») [7, с. 288]. Интересно, что в русской фразеологии образ недовольства ассоциируется с надутой мышью, в украинской – лягушкой. Не зафиксирован ни один фразеологизм с компонентом *жаба* во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (в разговорной речи встречается *жаба давит (задавила)*), чаще встречается этот компонент в польской фразеологии; а во фразеологических словарях украинского языка зафиксировано с данным компонентом значительное количество фразеологических единиц, имеющих отрицательную оценочность: *жаба цицьки (циці, пити) дасть, як у жаби пір'я* и др.

В роли сравнения выступают объекты растительного мира: назойливость у русских ассоциируется с баннным листом: *как [будто, словно, точно] банный лист пристал* – «неотвязно, назойливо, надоедливо» [6, с. 226]; у украинцев – с репеем или смолой: *(пристав) як реп'ях (до кожуха)* [7, с. 734] (*реп'ях* – в переносном значении: «причіплива людина» [7, с. 762]), *(пристав) як смола до воза, (пристав) як шевська смола* [7, с. 217]; у поляков – также с репеем: *(przyczepił się) jak rzep do psiego ogona* [9, с. 401]. Уставшего человека и русские, и украинцы сравнивают с выжатым лимоном: русск. *как выжатый лимон* // укр. *як видушений (вичавлений) лимон, як видушена (вичавлена) цитрина*; в польском языке *wycisnąć kogoś jak cytrynę* (jak gąbkę) – «wykorzystać kogoś całkowicie i bez skrępułów» [9, с. 560]. Вариативные объекты сравнения наблюдаются в различных языках во фразеологизмах со значением «краснеть»: русск. *красный как клюква (как рак)* //

укр. *червоний як (мов) буряк (рак)*. Особенно богат вариативный ряд в польском языке: *być czerwonym jak burak, rak, piwonია, indyk, upiór itp* [9, с. 24].

Во фразеологизмах со значением психоэмоционального состояния человека основой сравнения служат сенсорные процессы, например, вкусовые ассоциации высвечиваются во фразеологизмах: русск. *как горькая редька (хуже горькой редьки)* // укр. *як гірка редька (набриднути надокучити)* – «невыносимо, очень сильно надоест, осточертеть и т.п.» [6, с. 388] (ср.: польск. *mieć kogoś po same uszy* [9, с. 218]). Тактильные ощущения стали основой сравнения во фразеологизмах: русск. *как на [горячих] углях* // укр. *як на жару; як на гарячій сковорідці (сидіти)* // польск. *(siedzieć) jak na rozżarzonych węglach* [9; с. 393]– «в состоянии крайнего беспокойства, волнения (быть, сидеть, чувствовать себе и т.п.)» [6, с. 489]; русск. *как в воду опущенный* // укр. *як у воду опущений, як намочений (намоклий)* – «подавленный, чем-то угнетенный, удрученный» [6, с. 297]; русск. *как [будто, словно, точно] на иголках* // укр. *як на голках, як на шпильках, як на шпичках, як на терню, як на жару* // польск. *jak na szpilkach* [9, с. 461] – «в состоянии крайнего волнения, нервного возбуждения, беспокойства (быть)» [6, с. 177].

Основой сравнений становятся таксоны культуры ситуационной (сценарной) природы в следующих фразеологизмах:

русс. *как черт ладан* – «очень сильно бояться кого-либо или чего-либо» [6, с. 519]. Ладан – ароматическая смола, компонент христианских богослужений, используется в различных культурах, в том числе славянской, для выкуривания злых духов [8, с. 258]. С этим же значением употребляется польский фразеологизм *jak diabeł święconej wody, а также Bać się (kogoś, czegoś) jak (morowej) zarazy, jak ognia;*

русс. *как маслом по сердцу* // укр. *як (мов, неначе, немов, наче) маслом (медом) по душі (по серцю, по губах)* – «очень приятно, доставлять большое удовольствие, наслаждение» [6, с. 238]. Использован модус положительной оценки и прототип *масла* – символа зажиточности, богатства в славянской культуре (ср.: русск. *как по маслу, как сыр в масле кататься*; укр. *як вареник у маслі*; польск. *jak rączek w maśle (czuć się)* [9, с. 305]);

русс. *как у себя дома* // укр. *як удома (бути почувати себе)* // польск. *(czuć się, zachowywać się) jak (u siebie) w domu* [9, с. 66] – «непосредственно, свободно, без стеснения (чувствовать)» [6, с. 143]. В славянской культуре понятие *дом* намного шире, чем в других культурах: для славян это прежде всего домашний очаг, символ тепла, уюта, защищенности, сокрытости от чужого глаза [4, с. 66].

Основой сопоставления сценариев концептосфер ДЕРЕВО – ЧЕЛОВЕК во фразеологизмах: русск. *как осиновый лист (дрожит, трясется)* // укр. *як (мов, неначе, немов, наче) осиковий лист (осикове листя, осичина) тремтить (дрижить)* // польск. *(trząść się, drżeć) jak liść (osiki)* [9, с. 194] – «очень сильно дрожит, трясется, обычно от волнения, страха и т.п.» [6, с. 226] – служит один из вариантов христианской легенды: 1) узнав, что крест для распятия будет сделан из осины, ее листья задрожали от ужаса; 2) узнав о распятии, все деревья склонили верхушки, одна осина стояла ровная, за это ее листья все время вынуждены дрожать [см.: 8, с. 354].

Интегративно-сравнительная мотивация может соотноситься с гиперболой и мейозисом, «которые повышают экспрессивность оборотов на фоне неожиданного, парадоксального соединения образов, чувств, сценариев поведения» [1, с. 50]: русск. *как будто [будто, словно, точно] гора с плеч (с сердца, с души)* // укр. *як камінь з*

серця (з плечей, пліч) спав (звалився); як гора с плечей звалилася (спала) // польск. *kamień (ciężar) spadł z serca (z piersi)* [9, с. 429] – «рассеялись тревоги, сомнения; наступило полное облегчение после избавления от забот, обязанностей» [6, с. 116].

Таким образом, исследованный материал позволяет сделать *вывод* о подобных базовых механизмах переинтерпретации знаков словосочетаний в русском, украинском и польском языках: сценарно-диффузной природе сравнений, основывающихся на принципах зооморфизма, природо- и бытоцентризма; о сенсорной базе порождения психоэмоционального состояния; выявить стереотипы сценарных структур этносазнания, которые служат фразеологической номинацией эмоций, чувств в исследованных славянских языках. Контрастивное изучение славянских языков – перспективное направления исследований.

Список литературы

1. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О. О. Селіванова. – К. – Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.
2. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: [термінологічна енциклопедія] / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
3. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 26-52.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: МГУ, 2004.
5. Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология / А. И. Федоров. – Новосибирск, 1980.
6. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1986. – 543 с.
7. Фразеологічний словник української мови / Уклад. : В. М. Білоноженко та ін. – К. : Наукова думка, 1993. – 984 с.
8. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 495 с.
9. Słownik frazeologiczny PWN // Opracowanie Anny Kłosińskiej. – Wydawnictwo naukowe PWN. – Warszawa, 2010. – 654 s.

Литвин І. М. Контрастивне дослідження фразеологізмів психоемоційного стану в лінгвокультурному аспекті // Ученіе запіскі Таврічского національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.372-376.

Статтю присвячено лінгвокультурному дослідженню порівняльних фразеологізмів із значенням психоемоційного стану людини в російській, українській і польській мовах.

Ключові слова: *фразеологізм, мотивація, когнітивно-ономасіологічний аналіз.*

Litvin I. Contrastive linguistic-cultural analysis of idioms denoting emotional state // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.372-376.

The article provides linguistic-cultural analysis of comparative Russian, Ukrainian and Polish idioms denoting emotional state of a person.

Key words: *idiom, motivation, cognitive-onomasiological analysis*

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

УДК 11.111'342:808.51

ТЕМПОРАЛЬНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ БІЗНЕСОВОГО ДИСКУРСУ У ГЕНДЕРНОМУ АСПЕКТІ

Лозовий Д.В.

Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов, м. Горлівка, Україна

У статті проаналізовано темпоральні характеристики англомовного бізнесового дискурсу у гендерному аспекті, виявлено варіативність характеристик просодичної системи мовлення комунікантів бізнесової презентації та їх зв'язки із гендерною приналежністю адресанта.

Ключові слова: *гендер, просодія, темпоральні характеристики мовлення.*

Антропоцентрична парадигма сучасної лінгвістичної науки зумовлює перебування людини як суб'єкту мовленнєвої діяльності у фокусі досліджень, орієнтованих на комунікативні потреби та можливості сучасного людства. Важливим внеском у поглиблення знань про закони функціонування мови, співіснування мовлення та людини є експериментально-фонетичні дослідження, які ставлять за мету виявлення закономірностей функціонування просодичного шару мовлення та його взаємодії із іншими шарами. Результатом досліджень фонетики та фонології є виникнення нових концептуальних елементів, моделей та методів дослідження. У цьому плані вивчення жанрових особливостей дискурсу є, з одного боку, зануренням у мовленнєву структуру, спробою її детальної класифікації, з іншого – відкриття законів-універсалій мовної системи, що є відображенням її уніфікації; зазначені процеси є окремим вираженням дихотомії світу та людської сутності.

Мета статті – дослідження темпоральних характеристик англомовного бізнесового дискурсу як різновиду ділового мовлення у гендерному аспекті, виявлення та відтворення моделей чоловічої та жіночої реалізації зазначених явищ, спираючись на інваріантні характеристики мовлення носіїв. Досліджувана проблема має велике теоретичне значення внаслідок того, що вивчення модифікацій просодичних підсистем мовлення пов'язане із вивченням проблеми мовної варіативності, яка виявляється однією з базових властивостей мови взагалі.

Інтонація мовлення в загальному вигляді складає певну систему просодичних характеристик із властивими їм внутрішніми та зовнішніми зв'язками, що забезпечують її функціонування у взаємозв'язку з іншими лінгвістичними системами, що утворюють, у свою чергу, єдину гіперсистему мовлення [5, с. 96]. Явище темпу є параметричною ознакою просодичної системи мовлення водночас із тональною та динамічною підсистемами.

Темп мовлення – відносна швидкість висловлювання, яка вимірюється частотністю послідовності складів і кількістю та довжиною пауз у реченні [7, с. 193].

Він залежить від мети й комунікативних стратегій, від типу й стилю звукового тексту, способу спілкування, від важливості/неважливості того, що вимовляється, від обставин мовлення, наявності комунікативного шуму та ін. [8, с. 721].

Як компонент просодії темп може розглядатися у якості особливостей мовлення певного комуніканта та як елемент варіативності реалізації авторського задуму в звуковому мовленні. Наше дослідження фокусується переважно на другому аспекті, адже той факт, що комуніканти бізнесового дискурсу володіють певними навичками публічного виступу та риторики, дозволяє зробити припущення щодо нерелевантності виявів впливу особистісних станів мовця на мовленнєву фонацію.

Оскільки фонетичний шар в усному мовленні грає ключову роль в донесенні інформації до адресата, аналіз його просодичних характеристик у такій сфері, як ділове мовлення, дозволить виявити механізми реалізації функції переконання.

Наше дослідження є фрагментом вивчення темпоральних характеристик бізнесового дискурсу на перцептивному рівні, його метою є характеристика принципів фонації з урахуванням темпорального компонента просодії. Під час аналізу отриманих експериментальних даних за основу було взято класифікацію темпу мовлення А.А. Калити, яка вирізняє: повільний темп мовлення – 2-4 склади на секунду, помірний темп мовлення – 5-6 складів на секунду, швидкий темп мовлення – 10-12 складів на секунду [5]. Відповідно, у нашому дослідженні графічно представлений темп вербальних відрізків – повільний (_ _ _), помірний (_ _ _) та швидкий (.....).

За попередніми розрахунками, середньостатистична швидкість фонації адресанта англomовного бізнесового дискурсу стає приблизно 4 склади на секунду, що можна охарактеризувати як повільний темп мовлення. Цей показник можна вважати інваріантним для такого різновиду дискурсу, як бізнесова презентація через її природу та прагматичну спрямованість.

Повільний темп мовлення має на меті досягнення бажаного перлокутивного ефекту та уникнення комунікативної невдачі, спричиненої перешкодами на шляху декодування акустичного каналу інформації, що реалізується шляхом:

1) поступового помірною викладу інформації задля полегшення осмислення та уникнення перенавантаження адресата великою кількістю нової інформації за короткий проміжок часу;

2) чіткої дикції, яка усуває комунікативний шум на акустичному рівні – чинник непорозуміння або невірною тлумачення слів.

Принципи фонації адресанта бізнесової презентації мають свої відмінності під час їх пред'явлення представниками чоловічого та жіночого гендеру. Ці відмінності виражені різними темпоральними моделями розгортання дискурсу, гендерні реалізації якого відрізняються варіативністю частотності використання повільного та прискореного темпу мовлення та різним діапазоном швидкісних характеристик темпу презентації під час виступу.

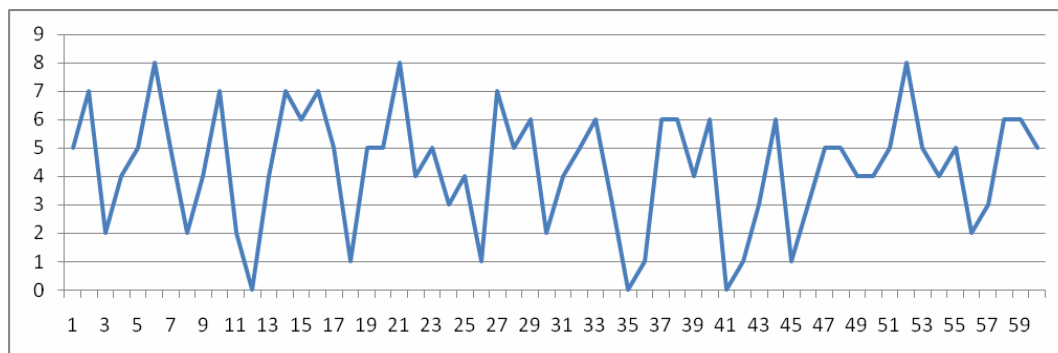


Рисунок 1. Графік зміни темпу реалізації МГ

Презентації, пред'явлені чоловічим голосом (МГ, рисунок 1), вирізняються помірним та пришвидшеним темпом мовлення переважно у діапазоні від 6 до 8 складів на секунду та прискоренням до 9 складів на секунду разом із поверненням до помірного темпу у 4 склади на секунду, частотними є також ступінчасті підвищення та зниження рівня темпу мовлення, наприклад: *“First of all, thank you very much for coming here today. My name’s Tom Southern and I’m the marketing manager for Meta International. Let me briefly take you through what we’ll be discussing today. First, we’re going to be analyzing the current scenario with particular regard to direct marketing. Then we’ll take a look at a few problems I believe some of you have been having, such as targeting consumers and cross-selling products...”* [9].

Подібна динаміка розгортання виступу постійно тримає увагу реципієнта, адже є відомим, що людина здатна на більший термін концентрації уваги на варіативні дії, ніж на однотипні. Обрана тактика швидкості реалізації задуму також дозволяє групувати інформацію у тематичні блоки відповідно до концептуальної структури бізнесового дискурсу, що значно полегшує сприйняття та запам’ятовування інформації. Структура просодичного страту дискурсу бізнесової презентації відповідає здатності короткочасної пам’яті людини до сприйняття суб’єктивно членованої інформації. Зокрема, Джордж Міллер шляхом експериментальних досліджень довів, що людина здатна утримати у короткочасній пам’яті 7 ± 2 одиниці інформації, наголошуючи на тому, що механізм запам’ятовування при цьому працює краще, якщо надану інформацію групувати блоками [6], у даному випадку її вже поділено адресантом відповідно до його прагматичних інтенцій. Більш того, спираючись на обґрунтований проф. А. В. Букаловим ефект квантування психоінформаційного простору на осередки різної розмірності, внаслідок чого обсяг уваги, пам’яті і мислення людини має ієрархічну структуру, що відповідає структурі психічних функцій як функцій інформаційного метаболізму [3], можна говорити про відповідність когнітивної та просодичної структур бізнесової презентації головним законам функціонування людської психіки.

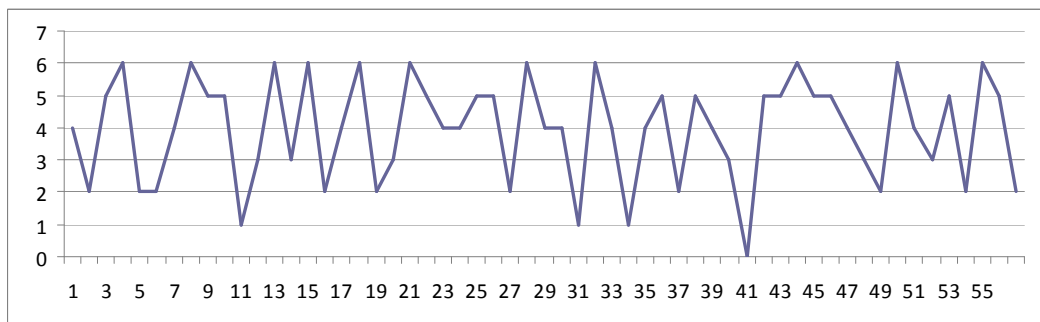


Рисунок 2. Графік зміни темпу реалізації WG

Попереднє дослідження зразків бізнесових презентацій, пред'явлених жіночим голосом (WG), дозволяє говорити про низку відмінностей щодо темпоральних характеристик виступу. Так, середній діапазон темпу мовлення у комунікантів WG характеризується як помірний та повільний – діапазон частотності темпу мовлення варіюється від 2 до 6 складів на секунду, він ширший за діапазон частотності темпу мовлення комунікантів MG, також треба звернути увагу на різні характеристики фонації. Темпоральна модель бізнесових презентацій, пред'явлених адресантом WG, відрізняється, насамперед, відмовленням від значного прискорення темпу мовлення, а також ступінчастих підвищень/знижень темпу мовлення разом із більш частотним його прискоренням (рисунок 2). Тактика фонації виступу адресантом-жінкою – помірний виклад інформації із зниженням темпу мовлення у ключових моментах замість розподілу виступу на блоки шляхом зупинки фонації із подальшим прискоренням темпу мовлення задля компенсації витраченого часу, наприклад: *“BICC plc is a large multinational with about forty thousand employees worldwide and a turnover of approximately four billion pounds. The group's main activities are construction and the manufacture of cables”* [10, с. 183]. Вищезазначені факти дають підстави стверджувати, що чоловіки та жінки тяжіють до використання різного темпу мовлення під час проведення бізнесових презентацій – комуніканти MG користуються широким спектром швидкостей темпу мовлення, від уповільнення та зупинки фонації до його підвищення; у свою чергу комуніканти WG тяжіють до стабільно нормального або уповільненого темпу мовлення без значних змін темпу протягом фонації. Перелічені відмінності гендерних моделей мовленнєвої поведінки адресанта є безпосереднім результатом формування мовленнєвого простору під впливом різних психологічних типів мислення, базовим стрижнем яких є ідентифікація комунікантів із чоловічим або жіночим гендером. Гендер виявляється потужним засобом, який продукує, репродукує та впливає на вибір та межі, які є визначеними категорією статевої приналежності людини [4], у цьому плані комунікативні дії представників MG та WG є не виключенням, а частиною загальної парадигми гендерних відмінностей.

Шляхом співставлення характеристик темпу у мовленні адресанта дискурсу бізнесової презентації ми приходимо до висновків, що темпоральний компонент просодії відображає регламентованість вербалізованої форми персуазивного

мислення у форматі бізнесового дискурсу, котрий, за описом деяких лінгвістів, і є феноменом комунікативної дії – концептуальний стрижень виступу подано адресатові у максимально доступній формі, членованій на блоки інформації для полегшення сприйняття як на семантико-синтаксичному, так і на просодичному рівнях. Поглиблюючи аналіз просодичного шару мовлення бізнесової презентації із акцентом на гендерний аспект мовлення, ми приходимо до *висновків*, що чоловіки та жінки керуються різними тактиками фонації – чоловіки членують інформацію на великі блоки із високою варіативністю прискорення та уповільнення темпу мовлення, жінки у свою чергу тяжіють до розподілу інформації на невеличкі блоки водночас із зниженням темпу мовлення у ключових моментах. Таким чином, позицію MG під час мовленнєвої фонації можна інтерпретувати як більш активну, впевнену та домінуючу, що виражається у прагненні володіти увагою реципієнта від початку до кінця презентації, уникнути монотонності викладу інформації, внести елементи варіативності і, як результат, використання широкого спектру швидкостей темпу фонації та його комбінацій. У цей самий час WG прагне дотримуватись іміджу жінки-лідера, копіювати поведінку MG, парадигма якої у бізнесовому дискурсі є інваріантною, перебудувати гендерний психотип шляхом стримування емоційності, прагнення підвищення раціональної оцінки повідомлень, що виражається в уповільненні темпу фонації, невеликому доборі швидкостей темпу. Виявлені принципи гендерної диференціації мовлення відповідають стереотипним уявленням про гендерні характеристики людської психіки. При цьому надмірна акцентуація як типових маскулінних, так і типових фемінних рис набуває вже надмірної негативної маркованості: типовими негативними якостями чоловіка визнаються грубість, авторитаризм, надмірний раціоналізм тощо, жінок – формалізм, пасивність, надмірну емоційність [1, с. 152]. Специфічні моделі комунікативної поведінки адресантів MG та WG є відображенням відповідного гендерного стереотипу у дискурсі бізнесової презентації, адже дослідження у сфері психології гендеру доводять, що роль лідера висуває певні вимоги до індивіда. Оскільки, завдяки стереотипам, ця роль є маскулінною, жінки-лідери відчуватимуть конфлікт між гендерною та лідерською позицією [2], що у нашому випадку виражається у прагненні перебудувати гендерну модель поведінки адресантом WG шляхом компенсації надмірної емоційності, підкреслення доказовості та фактологічності своєї позиції під час мовленнєвої фонації; стереотипна роль лідера у дискурсі бізнесової презентації є інваріантною для адресанта MG, про що й свідчить його активна домінуюча позиція під час мовленнєвої фонації.

Подальші *перспективи дослідження* пов'язані із визначенням специфіки кореляції швидкості та паузації як складових часової підсистеми просодії, що, на нашу думку, специфічно маркують гендерні моделі комунікантів бізнесового дискурсу.

Список літератури

1. Агеев В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов/ В.С. Агеев // Вопросы психологии. – 1987. – № 2. – С. 152-158.

2. Бендас Т.В. Гендерные исследования лидерства [Электронный ресурс] / Т.В. Бендас. – Режим доступа : http://liderorg.at.ua/index/gendernye_issledovaniya_liderstva/0-885
3. Букалов А.В. Феномен квантования психоинформационного пространства коллектива / А.В. Букалов // Соционика, ментология и психология личности. – К., 1998. – №1. – С. 23-28.
4. Горошко Е.И. Гендерные исследования в языкознании [Электронный ресурс] / Е.И. Горошко. – Режим доступа : <http://www.genderstudies.info/lingvo/lingvo1.php>
5. Калига А.А. Фонетичні засоби актуалізації смислу англійського емоційного висловлювання: [Монографія] / А.А. Калига. – К.: Видавничий центр КДЛУ. – 2001. – 351 с.
6. Миллер Дж. магическое число семь плюс, минус два / Дж. Миллер // Инженерная психология. – М.: Прогресс, – 1964. – С. 192-225.
7. Парашук В.Ю. Теоретична фонетика англійської мови: [навч. посібн. для студ. фак. іноземн. мов.] / В.Ю. Парашук. – Вінниця: Нова книга, 2009. – 232 с.
8. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2010. – 844 с.
9. Adrian Wallwork. Business Options: Student's Book / W. Adrian. – Oxford: Oxford University Press. – 1999. – P.184
10. Viki Hollett. Business Objectives / H. Viki. – Oxford: Oxford University Press. – 1999. – P.183.

Лозовой Д.В. Темпоральные характеристики бизнес-дискурса в гендерном аспекте // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.377-382.

В статье проанализированы темпоральные характеристики англоязычного бизнес-дискурса в гендерном аспекте, выявлена вариативность характеристик просодической системы речи коммуникантов бизнес-презентации и их связи с гендерной принадлежностью адресанта.

Ключевые слова: *гендер, просодия, темпоральные характеристики речи.*

Lozovy D. V. Business discourse temporal characteristics gender specifics // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.377-382.

The business discourse gender temporal characteristics specifics are analysed in the article, the business presentation communicants' temporal variability and the addressee's gender markedness are revealed.

Key words: *gender, prosody, speech temporal characteristics.*

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 800(082)

КОНЦЕПТЫ И ЦЕННОСТИ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ, ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Маслова В.А.

Витебский государственный университет, г. Витебск, Республика Беларусь

Ценностью является для человека все, что имеет для него определенную значимость, личностный или общественный смысл. Культурные ценности – это культурно значимые отношения человека к миру, служащие его ценностными ориентирами. В статье дифференцируются термины «концепт» и «ценность», выявляется специфика их языковой репрезентации.

Ключевые слова: *концепт, ценности, антиценности, культурные ценности, смысл, справедливость, благородство, труд.*

В каждом обществе складываются свои уникальные парадигмы духовности, типы мышления и символы общественного сознания. Так, в античной Греции превалировало эстетическое отношение к миру, т.е. эстетические ценности; в средневековой Европе доминировала религиозная духовность, т.е. религиозные ценности, в современном обществе утвердились, скорее, антиценности – богатство, наслаждение, насилие во всех формах. И даже ценности научного прогресса, под влиянием необузданного потребления, могут превратиться в антиценности.

Человека интересует не просто истина, которая бы представляла объект таким, каким он является сам по себе, а значение объекта *для человека*, для удовлетворения его потребностей. В этой связи человек *оценивает* факты своей жизни по их значимости, реализует ценностное отношение к миру. Специфика человека как раз и состоит в ценностном отношении к миру. *Ценностью является для человека все, что имеет для него определенную значимость, личностный или общественный смысл.* С ценностью мы имеем дело там, где речь идет о родном, святом, предпочтительном, дорогом, совершенном, когда мы хвалим и ругаем, восхищаемся и возмущаемся, признаем и отрицаем.

Слово «ценность» было хорошо известно уже древним грекам. Тем не менее, только в XX веке философы сумели развить учение о ценностях. Ценности – это универсальный регулятор социального поведения, они отражают социальное и культурное значение определенных явлений действительности. На уровне общественного сознания ценности закрепляются в установках и оценках, императивах, табу и целях.

Культурные ценности – это культурно значимые отношения человека к миру, служащие его ценностными ориентирами; они представляют собой систему, в которой можно выделить универсальные и индивидуальные, доминантные и дополнительные смыслы. Они находят отражение в языке, точнее, в значениях слов

и синтаксических единиц, во фразеологизмах, в паремиологическом фонде и прецедентных текстах (по Ю. Н. Караулову). Например, во всех культурах осуждаются такие человеческие пороки, как жадность, трусость, неуважение к старшим, лень и др., но в каждой культуре они комбинируются по-разному, т.е. имеют разную комбинаторику признаков. Для каждой культуры можно разработать параметры, которые будут своеобразными координатами культуры. Такие параметры будут считаться исходными ценностными признаками. Культурные доминанты формируют национальную языковую личность, с их помощью можно объяснить специфические проявления этнического менталитета, а также особенности мировосприятия конкретной языковой личности. Таким образом, лингвокультурологический взгляд на проблему дает возможность по-новому оценить традиционные взгляды на явления культурной жизни и их закреплённости в языке.

На каждом этапе развития общества формируется своя иерархия ценностей, что выражается в ценностных ориентациях, которые воздействуют на мотивацию поступков, мировоззрение людей.

Был проведен эксперимент с белорусами (возраст от 20 до 45 лет, т.е. это наиболее активная часть общества): научно-пропагандистская литература утверждает, что главные ценности белоруса – бескорыстие, коллективизм, «памяркоунасць», патриотизм. В эксперименте был дан список ценностей, предлагалось подчеркнуть 3 из них, которые больше всего хотелось бы иметь ему самому. На первом месте – материальное благополучие (собственное и детей), в то же время стремление к богатству (если требовалось подчеркнуть по 3 слова, наиболее подходящих к белорусам вообще) стоит чуть ли не на последнем месте. Антиценностью отмечена и бедность, и алкоголизм. Белорусу не чужд и индивидуализм: 70% реципиентов считают личные интересы главными для человека. Патриотизм и отсутствие мыслей об эмиграции.

Ценности изменчивы, их статус меняется от поколения к поколению, от человека к человеку.

Концепт тесно связан с ценностью, более того, многие концепты типа *семья, дружба, труд, здоровья*, описанные в литературе по когнитивной лингвистике как концепты, являются также и ценностями. Что это – путаница в терминологии или же смешение мыслительных и языковых явлений? *Цель данной статьи* состоит в попытке разобраться в данном вопросе.

Мы понимаем концепт, вслед за Ю. С. Степановым, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюновой, как «понятие, погруженное в культуру», обладающее эмотивностью, коннотациями, аксиологичное и культурно-специфичное по своей природе образование. Не вдаваясь в анализ многочисленных определений концепта, примем его рабочее определение. Концепт – это лингвоментальное образование, вербализованный культурный смысл, имеющий имя/имена в языке и включающий в себя в редуцированном виде значение, понятие и образ, лежащий в основе наименования (ВФ).

Рассмотрим один из важнейших концептов в русской культуре – *справедливость*, которая являет собой одну из самых важных этических ценностей в

русской ментальности, которая теснейшим образом связана с целым рядом других. Так, для русских она напрямую связана со счастьем, для которых счастье в справедливости. Слова «*Как судить: по закону или по справедливости?*» не могут быть переведены на другие европейские языки, в которых *справедливость* и *законность* – синонимы.

Справедливым для русских является человек, который занимается распределением благ или наказаний и делает это честно: начальник, а не подчиненный, преподаватель, а не студент, судья, не подсудимый. Для поляков *справедливость* более симметрична: справедливым может быть и начальник и подчиненный. Соблюдение ценностных ориентаций в обществе – это тоже справедливость. Но фактически справедлив, прежде всего, тот, кто осуществляет справедливый суд – Бог.

Важнейшие ценности в русской культуре Вера, Надежда, Любовь, Всепрощение, а их соблюдение рождает **справедливость**, которую Э. Скобелев назвал главной ценностью Русской земли.

С данным концептом связан еще один **благородство** – моральное качество, характеризующее поступки с точки зрения возвышенных мотивов, которыми они продиктованы. Оно включает в себя такие качества, как самоотверженность, верность высоким идеалам, мужество, великодушие, гуманность (Словарь по этике). Благородство – это соизмерение своей победы с ценой, которую за нее заплатят другие.

Труд также является и концептом и ценностью, которая занимает одно из центральных мест в системе ценностных ориентиров русской культуры. Как ценность, *труд* непосредственно связан в сознании русских с такими ценностями, как «справедливость», «достаток», «свобода личности», «независимость», «богатство».

С. И. Ожегов дает следующее определение значения слова «труд»: «1) целесообразная и общественно полезная деятельность человека, требующая умственного и физического напряжения; 2) множественное число занятия, работа; 3) усилие, направленное к достижению чего-л; 4) результат деятельности, работы, производство».

По мнению российских философов (Н. Н. Зарубина), труд в русской культуре является важнейшей ценностью и основой предметно-преобразующей деятельности. Ценность труда, в первую очередь труда крестьянина, вероятно, сформировалась еще на ранних этапах существования русского этноса. Феномен страды, являющейся неперенной частью российской крестьянской жизни в зоне рискованного земледелия, требовал особого настроения, трансформировавшего самый тяжелый труд в радость.

Н. Н. Зарубина полагает, что именно феномен страды превращал кульминационный момент труда земледельца «в праздник в древнейшем смысле слова, т.е. в подлинно космогоническое действо» [3, с. 441].

В русской поэзии труд, несмотря на его тяжесть, предстает как священнодействие, а само слово – священным:

*В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут,
Золотых, стальных, алмазных,
Нет священной слова «труд»*

(Н. Заболоцкий).

В русской картине мира труд – важнейшая черта человека, о чем свидетельствуют пословицы, поговорки, афоризмы, фразеологизмы о труде: *Дерево сильно корнями, а человек трудом. Деревья смотрят в плодах, а человека в делах* и т.д.

Ассоциативный словарь русского языка раскрывает следующие характеристики труда. Ассоциаты «тяжелый», «непосильный», «адский», «каторжный», «легкий», «нелегкий», «тяжкий», «нелегкий», «в поте лица», «невыполнимый», «мучение» – привычные для русской культуры характеристики степени тяжести труда. Высокий социальный статус ценности «труд» находит подтверждение в таких ассоциатах как «облагораживает», «на благо», «полезный», «радость», «обязанность», «честный», «радостный», «благо», «великий», «доблестный», «на благо Родины», «необходим», «свободный», «созидательный», «благородный», «всеми голова», «общественно полезный», «полезен», «почетный», «праведный». Следует подчеркнуть, что эти характеристики ценности «труд» в значительной мере были утверждены в речевой практике и, соответственно, в русском языковом сознании усилиями социальных институтов по формированию общественного мнения.

Выводы. Таким образом, концепт – это комплексные единицы сознания, которые показывают нам, как структурированы наши знания о мире, поэтому в концепт также входят и такие знания, которые лежат за пределами языкового значения. О том, что только часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», а другая ее часть представлена в психике принципиально иным образом, т.е. ментальными репрезентациями другого типа – образами, картинками, схемами, лингвисты писали и ранее [1, с. 34-36; 2, с. 91-100]. Значительная часть концептуальной системы человека, представлена концептами культуры. Именно концепты культуры своим ядром имеют ценности, потому что человека интересует не просто истина, которая бы представляла объект таким, каким он является в реальности, а значение данного объекта *для человека*. Поэтому человек *оценивает* факты своей жизни по их значимости, реализует ценностное отношение к миру. Специфика человека как раз и состоит в ценностном отношении к миру. Ценностью является для человека все, что имеет для него определенную значимость, личностный или общественный смысл. С ценностью мы имеем дело там, где речь идет о родном, святом, предпочтительном, дорогом, совершенном, когда мы хвалим и ругаем, восхищаемся и возмущаемся, признаем и отрицаем.

Следовательно, мы можем рассматривать ряд концептов как ценности, и средства их языковой репрезентации (объективации) совпадают, но если языковые знаки представляют концепты в коммуникации, то для ценностей важнее интенция языковой личности, это интерпретационный конструкт.

В качестве перспективы исследования нужно видеть в будущем не только антологию концептов культуры, но энциклопедию ценностей, по созданию которой сейчас ведется работа.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – М., 1997.
3. Зарубина Н. Н. Труд в русской культуре / Н. Н. Зарубина // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: [энц. словарь] / [ред. кол.: Мчедлов М. П. и др.; авт. кол.: Андреев А. А. и др.] – М., 2001. – 544 с.

Maslova V. A. Концепти та цінності: зміст понять, мовна репрезентація // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.383-387.

Для людини цінністю є все те, що має для неї певне значення, особисте чи громадське. Культурні цінності – це культурно значущі відношення людини до світу, що є його ціннісними орієнтирами. У статті диференціюються терміни «концепт» і «цінність», виявляється специфіка їхньої мовної репрезентації.

Ключові слова: *концепт, цінності, антицінності, культурні цінності, зміст, справедливість, благородство, праця.*

Maslova V. Concepts and values: the contents of meanings and their language interpretation // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.383-387.

Value is something that is very important for a person: private or public sense. Cultural values are culturally meaningful attitudes of a person towards the world, which stand for his values of orientation. In the article terms "concept" and "value" are differentiated and specified features of them are revealed.

Key words: *a concept, values, antivalues, cultural values, sense, justice, nobleness, labour.*

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.

УДК 81'373.2:008

УРБАНОНИМИЯ КАК ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

Мезенко А.М.

Витебский государственный университет, г. Витебск, Республика Беларусь

В исследовании на основе анализа славянской урбанонимии выявлены культурные коды, эксплицирующие культурно маркированную и прагматически значимую информацию.

Ключевые слова: *урбаноним, урбанонимия, культурный код, культурно маркированная информация, прагматически значимая информация.*

Известный американский языковед и этнолог Э. Сепир, выдвинувший гипотезу о воздействии языка на формирование системы представлений человека о мире, легшую в основу этнолингвистики, сравнивал язык с путеводителем, приобретающим все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры [2, с. 437]. Выполнение языком коммуникативной функции содействует впитыванию в него национального духа этноса, его ментальных особенностей; кумулятивной функции – закреплению и хранению концептов и установок культуры; транслирующей – воспроизведению этих концептов и установок в менталитете народа, а следовательно влиянию на способ миропонимания.

Ориентированная на различные виды кодирования культурно маркированной и прагматически значимой информации ментальная сфера носителей языка, обусловленная этнокультурной природой знаний о мире, находит отражение в культурных кодах

Коды культуры, построенные на символизации действительности, окружающей человека, особенно четко проявляются в именах собственных, в частности в урбанонимах, рассматриваемых как составные элементы изменяющейся системы и отражающие культурные представления использующего их общества. В названиях внутригородских объектов фиксируется историческое прошлое и настоящее народа, его мировидение и мироощущение.

Внутригородские названия как особый фрагмент языковой картины мира представляют собой способ языкового воплощения различных культурных кодов.

Целью настоящего исследования является установление комплекса культурных кодов, реализации которых служит урбанонимия.

Актуальность его определяется широким интересом к проблеме связи языка и культуры, возникшим в науке XX в., развивающимся в настоящее время и проявляемым к рассмотрению ономастического материала «в аспекте участия языка

в создании духовной культуры и участия духовной культуры в формировании языка» [1, с. 25].

Урбанонимия – это самый подвижный и изменяющийся пласт топонимической лексики, являющийся зеркалом национальной культуры, содержащий информацию о традициях и устоях, характеризующих то или иное языковое сообщество. В семантике урбанонимов отражены ценностные культурные представления этносоциумов, историческая смена культурных и ценностных стереотипов общества.

Анализ внутригородских названий славянских стран свидетельствует о том, что в урбанонимии реализуются следующие культурные коды:

- *топоморфный*, который эксплицируется при помощи годонимов, агоронимов, указывающих на другой объект, относительно которого номинируется внутригородской. Это может быть архитектурный объект (культовое сооружение, учебное, лечебное, спортивное, зрелищное заведение, промышленное предприятие, торговая точка, городская служба и т.п., например, *Церковная ул., Больничный пер., Заводская ул., Базарная пл., Вокзальный бульвар*), другой внутригородской линейный объект (улица, проспект и т.п., например, *Днепровский пер., Днепровский проезд, 1-я Городокская ул., 2-я Городокская ул., 3-я Городокская ул.* (относительно Днепровской улицы и Городокской улицы) и подобн.), другой населенный пункт (город, село или их часть, например: *Несвижская ул.* в Минске), другой водный, горный, небесный объект (*Двинская ул.*). Показательно, что нередко подобные урбанонимы создаются в результате трансонимизации (например, *пер. Шейпичи*, появившийся в Минске на месте бывшей деревни Шейпичи, *пл. Бангалор*, названная в честь индийского города-побратима Минска и т.д.), что свидетельствует о тесной взаимосвязи единиц разных топонимных субполей;

- *антропоморфный*, который объективируется при помощи отантропонимных годонимов, агоронимов, ойкодомонимов, экклезионимов: *ул. Янки Купалы, пл. Ванеева, Катерининская церковь* (Минск), *ul. Józefa Poniatowskiego, skwer Olgi i Andrzeja Maikowskich* (Варшава), *ул. Найчо Цанов, бул. Никола Й. Вапцаров* (София) и др. В сознании народа как символы культуры присутствуют прежде всего ключевые имена культуры, изучение которых способствует постижению духа языка, специфики его использования представителями различных лингвокультур. Именно этот культурный код чаще всего эксплицируется при помощи внутригородских названий. Так, по данным Ю.Л. Никитиной, на долю отантропонимных урбанонимов в Минске приходится 39,8 %, в Варшаве – 23,7 %, в Софии – 32,2% названий. Из всех существующих разновидностей антропонимов (личное имя, отчество, фамилия, псевдоним, прозвище) наиболее характерным для восточнославянской урбанонимии является использование в качестве названий внутригородских объектов фамилий и псевдонимов. У западных славян названием улиц иногда становились и личные имена, в основном художественных персонажей (ср.: *ул. Wacława* – Зелена Гура, Польша и подобн.);

- *физико-географический*. Выразителем кода являются названия, характеризующие внутригородской объект с точки зрения размера, конфигурации, физико-географических особенностей его возникновения: *Великая ул., Широкая ул., Кривая ул., Торфяной пер., Горная ул.* и подобн.;

- *флористический*, или *ботанический*, который объективируется при помощи названий внутригородских объектов, указывающих на характер растительного ландшафта или отдельные виды растительности. В Беларуси такие урбанонимы появились в XVI в. В основу номинации легли наименования флоры, характерной для данной территории. В XXI в. урбанонимикон почти каждого города включает названия, соотносимые с названиями растительного мира, типа *Липовая ул., Сосновая ул., Березовый пер., Кленовая аллея, Грушевый пер., Крапивная ул., Тополевая ул., Вишневый проезд, Вербовая ул., Дубовый пер., Сиреневая ул.* и др.;

- *фаунистический*, который эксплицируется при помощи названий, содержащих в своей основе наименования фауны, характерной для данной территории. В отличие от флористических фаунистические названия внутригородских объектов в восточнославянской урбанонимии появились позже, чем в западнославянской. В Беларуси, например, они функционировали прежде всего в тех городах, которые либо входили в состав Польши, либо граничили с ней. Такие фаунистические названия, как *Козловая ул., Воловья ул., Орлиная ул., Голубиная ул., Журавлиная ул., Вороний пер.*, в начале XX в. существовали в Белостоке, Бресте, Барановичах, а в 1919 г. и в Минске. В настоящее время данный культурный код западноориентированный. Практически тяжело отыскать польский город, в котором бы не было фаунистических названий внутригородских объектов, данных как бы в честь определенного вида животных, причем не только того, который распространен на данной территории (ср.: *Vociania ul., Borsucza ul., Czaplia ul., Kacza ul., Kozia ul., Kukiicza ul., Josiowa ul., Owczka ul., Lisia ul., Pawia ul., Rysia ul., Sarnia ul.* (детеныша косули), *Lisia ul.*), но и типа *Smocza ul.* (Драконья ул.);

- *эмоционально-характерологический*. Выразителем кода являются урбанонимы, способные оказывать эмоциональное воздействие, вызываемое особенностями и свойствами деталей внутригородских объектов, ими называемых. Это такие названия, как *Спокойная ул., Кроткая ул., Дикая ул., Тихий пер., Скромный пер., Веселая ул.* (ведет к кладбищу), *Холодная ул., Ясная ул.* и др. Как и предыдущий, данный культурный код наиболее активно реализуется в польской урбанонимии.;

- условно *цветовым* можно назвать культурный код, который объективируется в наименованиях внутригородских объектов, метафорически соотносимых с названиями цвета. В пределах славянских урбанонимикон нам встретились все названия общекультурной цветовой триады «белый – красный – черный». Так, в начале XIX в. в Варшаве существовали *Белая ул., Зеленая ул., Золотая ул.* Цветовая гамма урбанонимов Минска конца XIX в. включала названия *Красная ул., Серебряная ул., Черная ул.* Черный переулок зафиксирован в 1913 г. в Белостоке,

входившем в то время в состав Беларуси. В начале XXI в. на картах крупнейших белорусских городов находим *Багряную ул.* (Минск), *Голубую ул.* (Брест), *Зеленую ул.* (Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Минск, Орша), *Красную ул.* и *Красный пер.* (в советский период прилагательные, входившие в состав данных названий линейных объектов городов Брест, Гомель, Гродно, Минск, Могилев, Орша, имели значение 'революционный'), *Серую ул.* (Брест). Возможно, метонимически соотносится с цветом и название улицы *Сиреновой* в Могилеве. Интерес к живописным названиям улиц вдохновлял номинаторов во все времена: «цветовые» прилагательные в пределах урбанонимии крайне редко носили цветовые значения. Красота или революционная символика стали основой номинации *Красных ул.*, интенсивность движения, приводящая к грязи (черноте), становилась причиной появления *Черных улиц*, и т.д. Признак, по которому сравнивался внутригородской объект и объект-носитель признака, как правило, имплицировался. Данный вид кодирования культурно маркированной информации более свойствен западнославянской урбанонимной системе;

- *темпоральный*, который эксплицируется при помощи урбанонимов, приблизительно указывающих на время существования внутригородского объекта (давно существующий или относящийся к ближайшему времени): *Старая ул.*, *Новая ул.* Чаще это названия бинарной оппозиции с морфемами *старо-* и *ново-*: *Старовиленская ул.* – *Нововиленская ул.* (Минск).

Признаки, легшие в основу номинации внутригородских объектов, могут семантически преобразовываться. При этом при помощи средств различных кодов можно передавать одно и то же значение.

Выводы. В урбанонимии при экспликации культурно маркированной и прагматически значимой информации находят реализацию различные культурные коды – *топоморфного*, *антропоморфного*, *физико-географического*, *флористического*, *фаунистического*, *эмоционально-характерологического*, *цветового*, *темпорального*, – которые являются универсальными для всей системы славянских внутригородских наименований. При этом урбанонимное пространство каждого языка, являясь незамкнутой лексической подсистемой, определяется моделью мира, существующей в представлении конкретного народа. Отсюда у разных славянских народов перечисленные культурные коды реализуются с разной степенью интенсивности. Выражение их в урбанонимном контексте обусловлено прагматически. Урбанонимия служит объективации таких понятий, как линейный, территориальный, точечный внутригородской объект, прагматическая значимость и др., что имеет отношение к культурно маркированному концепту «адрес».

Результаты исследования можно использовать в административно-общественной практике при номинации новых внутригородских объектов. Исследованный материал может использоваться в лексикографической практике при создании специальных урбанонимических словарей. Он будет полезен для дальнейшего изучения проблемы номинации внутригородских объектов, становления и функционирования урбанонимов.

Список литературы

1. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В. И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.25-33.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.

Мезенко Г.М. Урбанонімія як мова культури // Ученіе запискі Таврічського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.388-392.

У дослідженні на основі аналізу слов'янської урбанонімії виявлені культурні коди, що експлікують культурно марковану та прагматично значущу інформацію.

Ключові слова: урбанонім, урбанонімія, культурний код, культурно маркована інформація, прагматично значуща інформація.

Mezenko H. Urbanonymy as language of culture // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.388-392.

In the research cultural codes explicating culture marked and pragmatic significant information have been revealed on the basis of the analysis of Slavic urbanonymy.

Key words: urbanonym, urbanonymy, cultural code, culture marked information, pragmatic significant information.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 82-21(410.1):81'42

**ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА РЕБЕНОК
И ФОРМИРОВАНИЕ ПЕССИМИСТИЧЕСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ
В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА**

Мороз Е. Л.

Херсонский государственный университет, г. Херсон, Украина

В статье определена структура кластерного концепта СЕМЬЯ, предложена фреймовая модель концепта РЕБЕНОК и проанализирована его объективация в американских поэтических текстах с пессимистической тональностью, установлена взаимосвязь тональности поэтических произведений и феномена эмпатии личности.

Ключевые слова: *концепт, фреймовая модель, тональность, эмпатия, идентификация, аффективно-когнитивное восприятие.*

В конце XX столетия основной научной парадигмой гуманитарного знания становится антропоцентрическая, функциональная парадигма, которая ориентирована на человека как активного субъекта познания. Это обусловило появление и развитие такой междисциплинарной отрасли знания как когнитивная лингвистика. Экстраполяция лингвокогнитивной парадигмы на художественный текст позволяет рассматривать семантику текста как ментальную репрезентацию действительности [2; 5]. Именно в рамках лингвокогнитивной парадигмы становится возможным более детальное изучение всех категорий художественного текста, а именно модальности (Арутюнова Н. Д., Марчишина А. А., Смушинская И. В.), эмотивности (Воробьева О. П., Гладь С. В.), эмоциональности (Болотов В. И., Вежбицкая А., Гнездилова Я. В.) и тональности. Всё это определяет *актуальность* нашего исследования.

В рамках нашего исследования под тональностью поэтического произведения понимаем такую текстовую категорию, которая базируется на авторских эмоциональных интенциях, актуализируется в поэтическом тексте с помощью присутствующих в нем эмоциогенных знаний об окружающем мире, которые моделируют возможную эмоциональную реакцию читателя на воспринятую текстовую действительность. Мы считаем возможным существование трех основных видов тональности поэтического текста: оптимистической, пессимистической и комической [10, с. 98].

Целью нашего исследования является определение механизмов формирования пессимистической тональности американских поэтических текстов XX столетия. Достижение этой цели предполагает решение таких заданий:

- определить структуру кластерного концепта СЕМЬЯ;
- реконструировать фреймовую модель концепта РЕБЕНОК;

- установить особенности объективации концепта РЕБЕНОК в текстах с пессимистической тональностью;

- определить функциональный механизм эмпатического реагирования при восприятии текстов с пессимистической тональностью.

В последнее время исследователей все больше интересует специфика произведений словесного искусства как целостной системы, которая обуславливает актуальность исследования художественных текстов в широких культурологических связях. Развитие такого подхода к изучению художественного произведения осуществляется в рамках лингвистической синергетики. При этом особая роль в художественном творчестве принадлежит «эмотивной модальности мироощущения» [11, с. 18]. Именно эмоционально-оценочное авторское отношение к изображаемому определяет целостность произведения искусства.

Как указывает В. Гумбольдт, «поэт настраивает душу, большее же не может входить в его намерения» [3, с. 176]. Такое признание важной роли эмоционально-содержательной доминанты художественных произведений, а также развитие синергетических студий сделали возможным распространение метафоры «резонанса», который составляет основу так называемой связи-отклика или связи-отголоска [1, с. 72; 7, с. 121-122]. Выражая свои мысли по поводу идеи резонанса в лингвистических исследованиях, профессор Воробьева О.П. отмечает, что одну из самых важных ролей при этом играет явление сопереживания, эмпатии [1, с. 75].

Мы поддерживаем такую точку зрения и считаем эмпатию одним из основных экстралингвистических факторов формирования тональности поэтических текстов, которая представляет собой эмоциональный отклик читателя на прочитанное стихотворение. Феномен эмпатии исследовался в рамках психологии личности (Даймонд Р., Либхарт Э., Сидмен Дж.), социальной психологии (Дэниел С., Сильва А., Сперофф Б.), детской психологии (Валлон А., Штерн В.), психологии искусства (Липпс Т., Маркус С.). Необходимость рассмотрения эмпатии в терминах лингвистики эмоций объясняется тем, что эмпатия является когнитивно-аффективным феноменом, который неразрывно связан с эмоциями и языком. Язык как средство осознания эмоций становится инструментом исследования эмоциональной картины мира [8, с. 20].

Поскольку ключом к познанию индивидуально-авторской картины мира считаются текстовые концепты, которые доминируют в творчестве и определяют когнитивный стиль писателя [6, с. 6], то изучение текстовых концептов считаем важным при исследовании тональности поэтических произведений и механизмов эмпатического реагирования на них.

В рамках нашего исследования мы поддерживаем взгляды представителей онтологического направления исследования концептов, которые рассматривают концепт как продукт умственно-речевой деятельности человека, ментальную репрезентацию-проекцию действительности в семантику речи (Баранов А. Н., Болдырев Н. Н., Жаботинская С. А., Кубрякова Е. С.).

Анализ поэтических произведений американских авторов XX столетия показал, что концепт СЕМЬЯ является одним из немногих концептов, которые объективируются в стихотворениях с разной тональностью, что и обусловило выбор именно этого концепта для дальнейшего анализа в рамках всего диссертационного исследования. Концепт СЕМЬЯ считаем кластерным, который включает в себя такие концепты как: РОДИТЕЛИ (отец, мать), РЕБЕНОК, МУЖ/ЖЕНА, БРАК.

Учитывая ограничения рамками статьи, считаем целесообразным остановиться только на способах объективации концепта РЕБЕНОК и фреймовой модели его репрезентации в поэтических текстах с пессимистической тональностью.

Актуализация концепта РЕБЕНОК в американских поэтических произведениях XX столетия происходит как эксплицитно, при помощи употребления лексем, обозначающих РЕБЕНОК, так и имплицитно. Наиболее часто используемыми лексемами в произведениях американских авторов являются *children, child, kid, little boy, little girl, baby, newborn, daughter, a six-year-old*. Имплицитная актуализация концепта РЕБЕНОК происходит путем ситуативного изображения событий или использования лексем, которые ассоциируются с детьми: *the midwife slapped your footstoles (S. Plath "Morning Song"), he appears – in his baseball pajamas (G. Kinnell "After making love we hear footsteps"), when you were born and you took your first step (F. Wright "To"), you lay inside my body; have lodged inside me once (R. Hadas "Twelfth birthday")*.

Вслед за Кагановской Е. М., считаем соответствующие типы фреймов, выделенные Жаботинской С.А. [4, с. 3-11], концептуальной основой для исследования динамики развертывания текстовых концептов художественных произведений [5, 45]. Проанализировав стихотворения американских авторов XX столетия, мы предлагаем представление этого концепта в виде межфреймовой сети:

**есть ТАКОЙ
испытывает ЧТО-ТО
КТО-ТО чувствует себя ТАК потому что РЕБЕНОК чувствует себя ТАК
существует ТАК
делает ЧТО-ТО**

Первый фрейм предложенной сети является самым важным для определения типа тональности поэтического произведения, так как он отражает то, как в тексте описано эмоциональное состояние человека в свете его отношений с ребенком. Для текстов с пессимистической тональностью основным эмоциональным настроением являются горе, страдание, тоска, печаль, скорбь. Причины такого настроения отражены обычно во фреймах **РЕБЕНОК есть ТАКОЙ, РЕБЕНОК делает ЧТО-ТО, РЕБЕНОК испытывает ЧТО-ТО**.

Поскольку тональность определяется нами как такая категория, которая находит свое отражение в эмоциональной реакции читателя на воспринятое стихотворение, то кроме языковых механизмов важным условием ее формирования считаем и эмпатию, как экстралингвистический фактор. В структуре эмпатии принято выделять интуитивную, когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы [9, с. 35-37]. Актуализация определенной сферы эмпатического взаимодействия связана с тем функциональным механизмом, на котором она основывается. Вслед за Басиным Е. Я., Борисенко С. Б., Менджеричкой Ю. А., Гавриловой Т. П. мы считаем основными механизмами эмпатии идентификацию/заражение, проекцию, рефлексии и децентрацию.

Анализ американских стихотворений XX столетия показал, что во время восприятия стихотворений с пессимистической тональностью активируется интуитивная сфера эмпатии. Она возникает на основе функционального механизма идентификации, при котором читатель подсознательно переносит себя в ситуацию лирического героя (рассказчика) и сопереживает его горю.

Рассмотрим стихотворение «Больной ребенок» Т. Кергиса ("Sick Child" Tony Curtis). Концепт РЕБЕНОК актуализируется эксплицитно при помощи

номинативной единицы *child* и имени собственного *Sophie*. Активация концепта БОЛЕЗНЬ осуществляется при помощи прилагательного *sick* и существительного *tuberculosis*. В первой строфе стихотворения актуализируется концептуальная метафора БОЛЕЗНЬ ЭТО МОРСКАЯ СТИХИЯ, которая вымывает из маленькой девочки жизнь. Стилистический прием сравнения в конце строфы изображает Софи как пустую ракушку: *Red-haired Sophie / Pillowed in bed, wrecked / Against the headboard. / Caught in the undertow of a treacherous tide, / Her blood swirls in a wash of the sea. / Tuberculosis has scoured her out like a shell.*

Уязвимость ребенка перед настигшей его болезнью подчеркивается обращением к ней как «хрупкой актинии» (*frail anemone*). Цветовая гамма постельного белья и описание мебели в комнате способствуют дальнейшему расширению метафоры БОЛЕЗНЬ ЕСТЬ МОРСКАЯ СТИХИЯ и появлению новой концептуальной метафоры БОЛЕЗНЬ ЕСТЬ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ: *Frail anemone the child against the coral pillow, / Weed-green the bedcover, / Driftwood the table and cupboard.*

Проекция признаков корабля на мебель и окружающую обстановку комнаты, силы морской стихии на силу болезни, а также сравнение маленькой девочки с вымытой ракушкой и хрупкой актинией дают возможность читателю понять, что болезнь ребенка неизлечима, никто не в состоянии с ней бороться и люди бессильны перед ней.

На языковом уровне тональность этого стихотворения создается концептуальными метафорами, сравнениями и выбором семантических единиц, семантика которых выражает болезнь, горе, отчаяние. Идентифицируя себя с героями стихотворения, читатель благодаря активации интуитивной сферы эмпатии заражается чувствами отчаяния и горя и эмоционально переживает общую трагическую тональность произведения.

Выводы по исследованию. Предложенная фреймовая модель концепта РЕБЕНОК отражает то, как в поэтических текстах изображено определенное эмоциональное настроение, которое влияет на формирование тональности поэтического произведения. На языковом уровне пессимистическая тональность формируется при помощи использования номинативных единиц, семантика которых выражает смерть, болезнь, горе, страдание, а также различных образных средств и стилистических приемов. Эмпатия, как экстралингвистический фактор, также играет важную роль при формировании тональности поэтических произведений. Основным функциональным механизмом эмпатического реагирования при восприятии стихотворений с пессимистической тональностью считаем идентификацию. Дальнейшая перспектива исследования состоит в определении механизмов формирования разных типов тональности в стихотворениях, в которых объективируются остальные компоненты кластерного концепта СЕМЬЯ.

Список литературы

1. Воробйова О. П. Ідея резонансу в лінгвістичних дослідженнях / О. П. Воробйова // Мова. Людина. Світ: До 70-річчя професора М. П. Кочергана: [зб. наук. статей]. – К.: Видавничий центр КНЛУ, 2006. – С. 72-85.
2. Гладь С. В. Эмоциональность художественного текста: семантико-когнитивный аспект (на материале современной англоязычной прозы): дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / С. В. Гладь. – К., 2000. – 223с.

3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / В. фон Гумбольдт. – 2-е. изд. – М.: Прогресс, 2000. – 398с.
4. Жаботинская С. А. Когнитивная лингвистика: Принципы концептуального моделирования / С. А. Жаботинская // *Лінгвістичні студії*. – Вип.2. – Черкаси, 1997. – С. 3-11.
5. Кагановська О. М. Текстові концепти художньої прози: когнітивна та комунікативна динаміка (на матеріалі французької романістики середини ХХ сторіччя): Дис. д-ра філол. наук: 10.02.05 / О. М. Кагановська. – К., 2003. – 502 арк.
6. Каратеева Г. М. Текстовий концепт ПОДОРОЖ у французькій постмодерністській прозі (на матеріалі творів Ле Клезіо): автореферат канд. філол. наук. – 10.02.05 / Г. М. Каратеева. – Київ, 2008. – 20с.
7. Князева Е. Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: КомКнига, 2005.
8. Козяревич Л. В. Вербальні й невербальні засоби емпатизації діалогічного дискурсу (на матеріалі англомовної прози ХХ століття): дис. канд. філол. наук: 10.02.04 / Л. В. Козяревич. – К., 2006. – 191 арк.
9. Лопсан Ч. И. Социально-психологические условия формирования эмпатии социального педагога в учебно-воспитательном процессе в вузе: дис. канд. психол. наук: 19.00.05 / Ч. И. Лопсан. – М., 2003. – 193 с.
10. Мороз О. Л. Тональність як текстова категорія: онтологічний аспект / О. Л. Мороз // *Нова філологія*. Збірник наукових праць. – Запоріжжя, 2010. – №43. – С. 94-99.
11. Семенець О. О. Синергетика поетичного слова / О. О. Семенець. – Кіровоград: Імекс ЛТД, 2004. – 337 с.

Мороз О. Л. Об'єктивація концепту ДИТИНА та формування песимістичної тональності в американській поезії ХХ століття // Ученіє записки Тавричського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.393-397.

У статті визначено структуру кластерного концепту РОДИНА, запропоновано фреймову модель концепту ДИТИНА та проаналізовано його об'єктивацію у американських поетичних текстах з песимістичною тональністю, встановлено взаємозв'язок між тональністю поетичних творів та феноменом емпатії особистості.

Ключові слова: *концепт, фреймова модель, тональність, емпатія, ідентифікація, афективно-когнітивне сприйняття.*

Moroz O. Objectification of the concept CHILD and formation of the pessimistic tonality in the XX century American poetry // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.393-397.

The article defines the structure of the cluster concept FAMILY, suggests the frame model of the concept CHILD and gives examples of its objectification in American poetry with pessimistic tonality, determines connection between text's tonality and empathy.

Key words: *concept, frame model, tonality, empathy, identification, affective-cognitive perception.*

Поступила в редакцію 15.04.2011 г.

УДК 811.111'42

ПРАГМАСЕМАНТИЧНІ ТИПИ ІНФОРМАТИВНИХ МОВЛЕННЄВИХ АКТІВ АНГЛОМОВНОГО БІЗНЕС-ДИСКУРСУ

Науменко Л. П.

*Інститут філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка,
м. Київ, Україна*

Стаття присвячена прагмасемантичному аналізу мовленнєвих актів інформативного характеру англомовного бізнес-дискурсу за основними комунікативними ознаками: інтенцією, функцією, комунікативним завданням, темою, правдивістю інформації, перлокутивним ефектом, часовою перспективою та медіумом повідомлення.

Ключові слова: *мовленнєвий акт, інформатив, ілокутивна функція, жанрова форма.*

Актуальність. Незважаючи на те, що інформативну ілокуцію висвітлювали у своїх працях такі дослідники, як Дж. Ліч [1, с. 104], К. Бах [2, с. 245], В. В. Богданов [3, с. 57], вона не знайшла належного вивчення в сучасних мовознавчих студіях. *Мета* нашого дослідження полягає у вивченні ілокутивної інтенції інформування, типологізації її різновидів і репрезентації в жанрових формах англомовного бізнес-дискурсу. Матеріалом дослідження послужили веб-сайти та веб-сторінки 100 провідних американських і британських компаній, з яких були виокремлено такі жанрові форми: *information letter, notice / notification letter, announcement, memo, press-release, job description, mission statement, C.V., presentation, minutes, annual report, business plan.*

Аналіз мовленнєвих актів інформативного характеру англомовного бізнес-дискурсу за основними комунікативними ознаками: інтенцією, функцією, комунікативним завданням, темою, правдивістю інформації, перлокутивним ефектом, часовою перспективою та медіумом повідомлення.

Як відомо, інформатив належить до класу репрезентативів, ілокутивна мета якого – надати інформацію, довести до відома адресата певні факти позамовної та мовної дійсності. Серед ознак, окреслених у таксономії Дж. Сьорля, репрезентативам притаманні ілокутивна мета й ілокутивна функція, співвіднесеність з реальним станом речей, правдивість / неправдивість, часова перспектива. Згідно з психосемантичними дослідженнями, до ознак комунікативного впливу відносять зміну категоріальної структури індивідуальної свідомості шляхом введення до неї нових категорій, упорядкованих і класифікованих подій навколишньої предметної та соціальної дійсності або зміну ставлення суб'єкта до об'єкта (аксіологічний аспект без зміни категоріальної структури індивідуальної свідомості) [4, с. 141], що у значній мірі характерне саме

для репрезентативів. Фактори ілюктивної сили та залежності / незалежності адресанта від адресата не є визначальними, оскільки ці акти безпосередньо не впливають на поведінку учасників спілкування.

Ілюктивна мета мовленнєвого акту (МА) інформативного типу в бізнес-дискурсі – надати адресату важливу, на погляд мовця, інформацію / відомості; “обмін інформацією, встановлення офіційних, службових контактів між підприємствами, організаціями, установами, фірмами, а також акціонерами та клієнтами компанії” [5, с. 105]. Інформатив передбачає наявність у адресата інформаційної лакуни, яка є передумовою для його реалізації. Мотивом інформатива є бажання мовця заповнити інформаційну лакуну адресата.

Пропозиційний зміст цього акту відображає референтну ситуацію реальної позамовної дійсності, звідси надзвичайно важливі правдивість, якість і релевантність інформації, тобто змістова складова. Для переконливості у широті та правдивості інформативного повідомлення адресант послуговується цифровими даними, напр.: *Our gain in net worth during 1998 was \$25.9 bn, which increased the per-share book value of both our Class A and Class B stock by 48.3%* (Berkshire Annual Letter // <http://www.oppapers.com>), посиланнями на регуляторні документи, напр.: *By way of background, Cargill Meat Solutions Corporation implemented the USDA Pathogen Reduction HACCP regulation in January 1998 and the USDA Standard Sanitation Operating Procedures (“SSOP’s”) in 1997* (Cargill Info Letter // <http://www.gurrente.com>), підтвердженням власної думки даними з компетентних джерел, напр.: *Despite the worldwide economic recession, microprocessor unit shipments for the industry were up 6% in 2009, according to Mercury Research – illustrating how essential computing has become in our lives* (Letter from CEO // <http://www.walmart.com>).

Часова перспектива інформатива залежить від його пропозиційного змісту, орієнтованого на минулий або теперешній час, напр.: *Just a year ago, Marriott International was struggling through the economic uncertainty created by the financial crisis and global recession* (Shareholders letter // <http://investor.shareholder.com>); *Today, more than 1 bn personal computers around the world run Windows* (Open letter // <http://www.microsoft.com>).

Передбачуваний перлюктивний ефект, на який розраховує адресант повідомлення, – усвідомлення та прийняття до відома адресатом важливої, на думку адресанта, інформації.

Інформатив в англomовному бізнес-дискурсі представляє мовленнєвий жанр *information letter*, мотивом якого є бажання адресанта довести до відома адресата потрібну інформацію, напр.: *I write with exciting news. This morning, Altria Group, Inc. (Altria) and UST Inc. (UST) announced that they have entered into a definite agreement for Altria to acquire all outstanding shares of UST* (Altria / CEO Letter to Employees / <http://www.zimbio.com>). Комунікативне завдання полягає в інформуванні адресата, прагматичне – відсутнє. Інформатив може бути як ініціативним, так і реактивним актом; адресант зацікавлений в його реалізації, бенефіціантом є адресат повідомлення.

До різновидів інформатива належать: інформатив-повідомлення (у жанрових формах *notice / notification letter, announcement, memo, press-release, job description*), інформатив-презентація (у жанрових формах *mission statement, C.V., presentation*), інформатив-опис (у жанровій формі *minutes*), інформатив-звіт (у жанровій формі *report*) та інформатив-план (у жанровій формі *business plan*).

Ілокутивна функція **інформатива-повідомлення** – ознайомити якомога більшу кількість слухачів з важливими, на погляд мовця, фактами, відомостями, даними тощо. Мотивом повідомлення є бажання адресанта довести до відома адресата важливу, на його погляд, інформацію. Комунікативне завдання полягає в інформуванні. Деякі дослідники називають повідомлення прихованим запрошенням [5, с. 325] через присутнє в ньому прагматичне завдання отримати дієву реакцію адресанта. Адресант зацікавлений в успішній реалізації повідомлення, бенефіціантами якого є обидва комуніканти. Пропозиційний зміст цього акту як правило стосується організаційних питань роботи компанії. Тема залежить від того, на кого розраховане повідомлення. Якщо адресатом виступають акціонери компанії, темою найчастіше є загальні збори акціонерів, напр.: *Notice is hereby given that an Annual General Meeting of the Shareholders of Farm Pride Foods Limited (the Company) will be held at Morgan's at 401, Mezzanine Level Function Room, 401 Collins Street, Melbourne, Victoria on Tuesday, 26 November 2009 at 10.00 am (AEDT) for the purpose of transacting the business as set out in this Notice (<http://www.bourseinvestor.com.au>)*.

Іntenцію повідомлення в англomовному бізнес-дискурсі втілює мовленнєвий жанр *notice / notification letter*, ілокутивна функція якого – проінформувати про майбутні події [6, с. 198]; “a speech act that conveys information” [7].

Мовленнєвий акт повідомлення зазвичай має майбутню часову перспективу, напр.: *Esso (Thailand) Public Company Limited (“Company”) will be holding its 2010 Annual General Meeting of the Shareholders (“2010 AGM”) in April 2010 (<http://esso-th.listedcompany.com>)*. Передбачуваний перлокутивний ефект, на який розраховує адресант, – прийняття до відома реципієнтом пропонованої інформації.

До різновидів повідомлення належать мовленнєві жанри *announcement* (оголошення), *memo / memorandum* (службова записка), *press-release* (прес-реліз) та *job description* (опис функціональних обов'язків).

Ілокутивна функція **інформатива-презентації** – надати інформацію про компанію, її діяльність, продукцію та сфери оперування. Це – офіційне повідомлення, адресоване одному або кільком слухачам, що надає чітку, структуровану інформацію (“a formal talk to one or more people that “presents” ideas or information in a clear, structured way” [8]), напр.: *Virgin, a leading branded venture capital organisation, is one of the world's most recognized and respected brands (<http://www.authorstream.com>)*. В англomовному бізнес-дискурсі ілокутивну функцію презентації втілює жанрова форма *business presentation*. Відповідно до мети розрізняють чотири різновиди презентацій – інформативну, переконуючу, мотиваційну та для підтримання репутації і зв'язків фірми (“In terms of purpose, there are four kinds of business presentations, i.e., informative, persuasive, motivational, and goodwill” [8]).

Основним мотивом бізнес-презентації є стимулювання інтересу, попиту та формування відданості компанії та її марці, продукції, напр.: *As the largest U.S. retailer of consumer electronics Best Buy has a responsibility to help consumers make safe and smart decisions when disposing of the devices they use in their daily lives* (<http://www.energystar.gov>).

Комунікативне завдання інформатива-презентації полягає у створенні позитивного іміджу, підтриманні репутації та зв'язків фірми, позиціонуванні діяльності фірми як такої, що відповідає інтересам суспільства, напр.: *Our job – our duty to shareholders – is to protect and grow this client franchise that is the lifeblood of Golden Sacks. Our client franchise is the core of our business model and strategy, and its quality and depth is shaped by the skill, talent and collaboration of our people* (<http://www2.gov>), прагматичне завдання – у привабливості інвесторів і клієнтів.

Ініціатором і бенефіціантом презентації є адресант, який зацікавлений в її успішній реалізації. Перлокутивний ефект полягає у зміні ставлення суб'єкта до об'єкту, залежить від волі та бажання адресата, часова перспектива – теперішній час; медіум передачі повідомлення – безпосереднє або опосередковане засобами Інтернету усне мовлення.

Ілокуцію інформатива-презентації в англomовному бізнес-дискурсі втілюють також жанрові форми *mission statement* (офіційна заява) та *C.V. / resume* (резюме).

Ілокутивною функція **інформатива-опису** є письмова фіксація перебігу подій або діяльності суб'єкта. Інформатив-опис в англomовному бізнес-дискурсі представляє жанрова форма *minutes* (протокол), мета якого “зафіксувати хід і результати проведення зборів, конференцій, засідань, нарад” [5, с. 291]; “an official record of the proceedings of a meeting, conference, convention, etc.”

Мотивом написання протоколу є бажання документально зафіксувати прийняті рішення, які в окремих випадках мають юридичну силу, що також сприяє формалізації цього типу повідомлення та його офіційній тональності. Комунікативне завдання полягає в письмовій фіксації подій. Зміст протоколу може відображати подію, що відбулася (як в наступному прикладі), або констатувати стан речей на момент здійснення МА.

Адресант є одночасно і адресатом, і бенефіціантом МА, який здійснюється від 3-ї ос. од. / мн. з посиланням на адресанта, напр.: *The following resolution, as submitted by the President and General Counsel, was unanimously adopted* (<http://www.nyra.gov>).

Інформатив-опис має такі ознаки: адресант є одночасно і адресатом, бенефіціанти опису – усі його учасники, перлокутивний ефект здійснюється одночасно з реалізацією МА, пропозиційний зміст – комунікативна діяльність, часова перспектива – теперішній час. Тональність опису офіційна, медіум передачі повідомлення – письмове мовлення.

Ілокутивна функція **інформатива-звіту** – підвести підсумки діяльності та фінансового стану компанії за певний період часу, зазвичай за минулий рік (*intended to give information about the company's activities and financial performance throughout the preceeding year*) [9]. В англomовному бізнес-дискурсі ілокуцію цього акту

репрезентативна жанрова форма *report* (тж. *annual report / Form-10-K, Am. / wrap report, Am., quarterly report, sustainability report*).

Мотивом написання звіту є бажання адресата переконати цільову аудиторію в дієздатності та надійності компанії. Комунікативне завдання – створити позитивний імідж компанії, засвідчити її ефективність, стабільність і перспективність; прагматичне – в утриманні та привабленні нових акціонерів, залученні капіталовкладень від інвесторів та клієнтів.

Звіт належить до формального типу повідомлення, має офіційну тональність, про що свідчить усталена структура, рубрикація та нумерація розділів, виноска та цитування, ілюстрації у формі таблиць, графіків та схем, виклад від 3-ї ос. од. / 1-ї ос. мн., складнопідрядні речення, професійна галузева термінологія, вставні конструкції, лексичні звороти, характерні для письмового книжного мовлення, архаїчні та складні прийменники, капіталізація загальних назв, напр.: *In addition, we sell our products to the worldwide aftermarket for replacement parts, including GM's Service and Parts Operations ("GM-SPO") and to other distributors and retailers ("Independent Aftermarket"). The following table shows this breakdown of our total net sales for each of the last three years (<http://www.getfiling.com>).*

Інформатив-звіт зазвичай орієнтований на минулі події, про що свідчить форма присудка та відповідні обставини часу, напр.: *Worldwide manufacturing productivity improved significantly. With a 25% total return, including dividends, Kodak closed the year as the best performing stock among companies that make up the Dow Jones Industrial Average (<http://kodakexpress.nl>).*

Інформатив-звіт має такі ознаки: адресант є ініціатором і бенефіціантом МА, зацікавлений в його успішній реалізації. Мотивом є бажання адресанта підвести підсумки діяльності, комунікативне завдання полягає в письмовій репрезентації діяльності, прагматичне – у переконанні адресата у дієздатності компанії, привабленні інвесторів і клієнтів. Пропозиційний зміст відображає суб'єкта діяльності, перлокутивний ефект полягає у зміні ставлення об'єкта до суб'єкта (створенні та підтриманні позитивного іміджу компанії в органів влади та широкої громадськості), віддалений у часі, залежить від волі та бажання адресата, має офіційну тональність, минулу часову перспективу. Медіум передачі повідомлення – письмове мовлення, зокрема інтернет, для чого у США передбачена спеціальна форма звіту *Form 10-K*, яка надається Міністерству безпеки та Економічній комісії для загального ознайомлення.

Ілокутивна функція *інформатива-плану* – окреслити перспективи діяльності компанії, визначити мету та засоби ділової активності (to summarize operational and financial objectives for the near future and to show how they will be achieved) [10], (a formal statement of a set of business goals, the reasons why they are believed attainable, and the plan of reaching these goals) [9]. В англomовному бізнес-дискурсі ілокуцію цього акту репрезентує жанрова форма *business plan* (тж. *marketing plan, operational plan*).

Мотивами бізнес-плану є бажання адресанта визначити потенційні можливості підприємства, полегшити прийняття рішень. Комунікативне завдання – окреслити

перспективи; прагматичне полягає в переконанні акціонерів та інвесторів у потенційних можливостях організації, полегшенні управління підприємством.

Бізнес-план належить до формального типу повідомлення, має офіційну тональність, про що свідчать складнопідрядні речення, професійна та книжна лексика, термінологічні звороти та архаїчні прийменники, капіталізація загальних назв, напр.: *At its core, this Plan is a blueprint for creating a new General Motors, one that is lean, profitable, self-sustaining and fully competitive; The requested restructuring plan (hereafter the "Plan") is respectfully set out below; Given the very significant operating leverage in the automobile business, this means a restructured GM would realize healthy profits in a more typical 16 mn unit year and be able to self-fund its operations long-term* (<http://banking.senate.gov>).

Інформативний акт у формі бізнес-плану зазвичай орієнтований на майбутнє, про що, зокрема, свідчать форми присудка та обставини майбутнього часу, напр.: *The net effect of the operational and financial restructuring elements contained in the Plan will be a company that is profitable (at an EBIT basis) in a U.S. industry with annual sales between 12.5-13 mn units* (<http://banking.senate.gov>), дієслова, що виражають прогнозовану або плановану дію, напр.: *The Company intends to utilize its limited current assets, equity securities, debt securities, borrowings or a combination thereof in effecting a Business Combination with a Target Business which is the Company believes has significant growth potential* (<http://www.pacificalliancecorp.com>).

Інформатив-план має такі ознаки: адресант є ініціатором і бенефіціантом МА, зацікавлений в його успішній реалізації. Пропозиційний зміст відображає прогнозовану суб'єктом діяльність, перлокутивний ефект полягає у зміні ставлення об'єкта до суб'єкта, віддалений у часі, залежить від волі та бажання адресата. МА має офіційну тональність, майбутню часову перспективу, медіум передачі – письмове мовлення, зокрема Інтернет.

Висновки. У реальному комунікативному середовищі бізнес-дискурс виявляє себе в типових жанрових формах, досліджених нами згідно з їх ілокутивною метою та функцією, мотивом і завданнями, ініціативністю / реактивністю, спрямованістю в інтересах мовця чи слухача, тональністю, темою або пропозиційним змістом, перлокутивним ефектом, часовою перспективою, медіумом передачі повідомлення. Серед досліджуваних жанрових форм були виокремлені: інформатив-повідомлення (*information letter, announcement, notice / notification letter, memo, job description, press-release*), інформатив-презентація (*mission statement, C.V. / resume, business presentation*), інформатив-опис (*minutes*), інформатив-звіт (*report*), інформатив-план (*business plan*). Опис-модельовання жанрових форм за їх прагмасемантичними ознаками планується застосувати до інших типів МА англомовного бізнес-дискурсу.

Список літератури

1. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – Amsterdam: Publisher's House "Benjamins", 1980.
2. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика: [учеб. пособие] / И. П. Сусов. – Винница: Нова книга, 2009.
3. Богданов В. В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты: [учеб. пособие] / В. В. Богданов. – Л.: Издательство ЛГУ, 1990.
4. Селіванова О. О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд) / О. О. Селіванова. – К.: Видавництво Укр. фітосоціолог. центру, 1999.

5. Шевчук С. В. Українське ділове мовлення: [підручник] / С. В. Шевчук. – К.: Видавництво “Літера ЛТД”, 2003.
6. Паламар Л. М. Українське ділове мовлення: [навч. посібник] / Л. М. Паламар, Г. М. Кацавець. – К.: Видавництво “Либідь”, 1997.
7. The Free Dictionary [Електронний ресурс] / The Free Dictionary. – Режим доступу: <http://www.thefreedictionary.com>. – Назва з екрану.
8. Business Presentations [Електронний ресурс] / Business Presentations. – Режим доступу: www.englishclub.com. – Назва з екрану.
9. Wikipedia, the free encyclopedia [Електронний ресурс] / Wikipedia, the free encyclopedia. – Режим доступу: <http://en.wikipedia.org>. – Назва з екрану.
10. Business Plan [Електронний ресурс] / Business Plan. – Режим доступу: <http://www.history-society.com>. – Назва з екрану.

Науменко Л. П. Прагмасемантические типы информативных речевых актов англоязычного бизнес-дискурса // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.398-404.

Статья посвящена прагмасемантическому анализу речевых актов информационного характера англоязычного бизнес-дискурса по основным коммуникационным признакам: интенцией, функцией, коммуникативным заданием, темой, правдивостью информации, перлокутивным эффектом, временной перспективой и медиумом сообщения.

Ключевые слова: *речевой акт, информатив, иллокутивная функция, жанровая форма.*

Naumenko L. P. Pragmasemantic Types of Informative Speech Acts of the English Speaking Business Discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.398-404.

The article deals with pragmatic semantic analysis of speech acts of informative character of the English speaking business discourse according to the main communicative features: intention, function, communicative task, topic, felicity condition, perlocutionary effect, time perspective and medium of the message.

Key words: *speech act, informative, illocutionary function, genre form.*

Поступила до редакції 06.04.2011 р.

УДК 801:371.122.1

SMS-ОБЩЕНИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Павловская О. Е.

Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, Россия

В статье рассматривается SMS-общение как репрезентация прагматического уровня языковой личности студента со средним профессиональным образованием и анализируются такие языковые особенности SMS-сообщений, как разговорность, эмоциональность, использование форм обращений и невербальных сигналов.

Ключевые слова: *SMS-общение, SMS-сообщение, репрезентация, прагматический уровень, языковая личность.*

Актуальность. Необходимость изучения языковой личности обусловлена потребностями целого ряда наук: коммуникативистики, психолингвистики, семиотики, социологии и др. В научных работах исследуется когнитивный уровень языковой личности, охватывающий его интеллектуальную сферу и дающий возможность выхода через язык к знанию, сознанию, процессам познания человека. Прагматический уровень модели языковой личности, согласно концепции Ю.С. Караулова, включает описание ее сфер общения, коммуникативные роли, в которых языковая личность реализует деятельностно-коммуникативные потребности [2, с. 56]. Одной из таких сфер является SMS-общение. *Цель статьи* – рассмотрение SMS-общения как репрезентацию прагматического уровня языковой личности студента среднего профессионального образования и анализ таких языковых особенностей SMS-сообщений, как разговорность, эмоциональность, использование форм обращений и невербальных сигналов.

Рассматривая языковую личность в узком смысле как представителя той или иной лингвокультурной общности, мы выделяем студента среднего специального образования (СПО) в качестве представителя социальной группы, именуемой «молодежью». Молодежная субкультура – это частичная культурная подсистема внутри системы «официальной», базовой культуры общества, определяющая стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей [3, с.33]. Составной частью молодежной субкультуры является студенчество СПО, представляющее собой многочисленную социальную категорию российской молодежи: будущие инженерно-технические работники, рабочие высокотехнологических производств, специалисты налогово-бюджетной, социальной и других сфер. Краснодарский край находится на 6 месте в Российской Федерации по количеству обучающихся в

учреждениях СПО, при этом динамика роста данного контингента студентов за последние годы составила 160 %. Такая статистика подчёркивает необходимость и основание для изучения языковой личности студента именно этой сферы профессионального обучения и обуславливает актуальность исследования SMS-общения как одной из его характеристик.

К факторам, влияющим на формирование языковой личности студента СПО, относятся экстралингвистические особенности жизни (социальное положение родителей студентов, особенности семейного воспитания, интеллектуальный состав контингента обучающихся в учреждениях СПО, влияние средств массовой информации); психологические особенности возраста (социализация личности, развитие интеллекта за счет активной коммуникации, формирование профессионального мышления); гендерная принадлежность, отражающая специфику молодежной коммуникации.

В период взросления очень важен мотив аффилиации – эмоциональная потребность в общении с членами своего сообщества, в эмоциональных контактах, дружбе, в создании, сохранении и восстановлении положительных эмоциональных взаимоотношений с другими людьми. SMS-общение полностью отвечает этой потребности и является одним из символов современной молодежной жизни, её неизменным атрибутом.

Материал для исследования SMS-сообщений студентов СПО был получен методом анонимного анкетирования, проведенного в период с 2007 по 2009 гг. среди студентов 6 учреждений СПО Краснодарского края в ходе подготовки и написания кандидатской диссертации аспиранткой Демидовой Татьяной Валериевной [1]. В ходе анкетирования студентам было предложено переписать из своих телефонов по 10 исходящих и входящих SMS-сообщений. Всего в анкетировании участвовали 1310 учащихся, общее количество полученных SMS-сообщений составило 12 638 текстов, использованных в качестве языкового материала для лингвистического анализа.

Тексты SMS-сообщений отражают определенные моменты жизни, участки мира в языковом сознании их авторов, а именно: взаимоотношения между коммуникантами, отношение к учебному труду, к другим людям, нравственные ориентиры (понятие о духовных и материальных ценностях). Реализация SMS-текстов в электронном виде предполагает онлайн-общение, что дает основание отнести их к одному из видов компьютерного дискурса, который, согласно К.С. Цибизову, является «проявлением массовой коммуникации в условиях технической глобализации» [7, с. 9].

Изучение компьютерного дискурса еще достаточно ново в лингвистике, однако уже представлено рядом исследований: М. Ю. Авдониной, Н. С. Андриановым, Н. К. Ивановым, Е. В. Медведевой, С. А. Никитиным, Е. А. Савельевым, К. С. Цибизовым, Л. Ю. Шипициной и другими. Являясь своеобразным видом компьютерного дискурса, тексты SMS-сообщений служат средством выражения прагматики высказывания языковой личности конкретной социальной группы.

Популярность SMS-сообщений среди студентов обусловлена способностью SMS реализовывать в общении основные функции языка: а) информационную

(мамуля, я уже дома; норма всё; с учёбой не очень, а так всё пойдёт; завтра три пары); б) агитационную (купи мне пиццу; вставай; позвони в 18.00; возьми трубку); в) эмотивную (я уже очень скучаю по твоему голосу; я тебя люблю; ну и дурак; доброе утро); г) метаязыковую (у меня всё болит, тошнит, плохо; фотограф, монтажёр, сборщик окон, почти юрист и маркетолог. Не пропадёшь); д) фатическую (почему молчишь? Ты где?; гуляю с сестрой, а ты чем занимаешься?; привет, как спалось?).

Поскольку SMS-сообщение является продуктивным видом письменной речи, это позволяет рассматривать тексты SMS и как результат письменной речевой деятельности, в которой проявляются языковые явления и характеристики личности. Говорящий строит свое высказывание таким образом, чтобы все языковые средства в наибольшей степени способствовали адекватному восприятию всей совокупности содержащейся в тексте информации. Монологические тексты отдельных SMS-пользователей являются реакцией на предыдущие сообщения и стимулом для последующих, что делает эти тексты в высшей степени диалогичными. Письменная по форме речь близка к устной: будучи обычно спонтанной или частично неподготовленной, она исправляется на ходу, содержит повторы, оговорки, поправки, самоперебивы, уточнения, добавления, то есть характеризуется прерывистостью. В процессе анализа определяются характерные признаки разговорной речи, создающие особый стиль SMS-сообщений:

– упрощение орфоэпических норм, часто сознательное и в форме игры, которое реализовано в письменной речи (*споки ноки; спать хоцца; лю лю оч тя; лизь щёчку; чмок; хош; чё; тя*);

– использование разнообразных внелитературных элементов и просторечных форм языка (*братан; блин; технарь (техникум); запрусь*);

– действие закона «экономии речевых средств» (*фотик; мэйл; днюха; прива, прет* (привет); *тетр* (тетрадь); *пирс* (пирсинг); *ок* (окей); *телек*);

– разнообразие фразеологических оборотов (*только не в мою сторону ветер; пытать его каленым железом; темнота – друг молодёжи*);

– употребление суффиксов субъективной оценки со значениями ласкательности, неодобрения, увеличенности и др. (*спасибки, спасибочки; солнышко, зайка, котёнок; медвежонок; ёжик; кисюня; малявка; макаронина*).

Большое влияние на разговорный стиль SMS-сообщений оказывает ситуация общения – реальная обстановка речи, позволяющая сокращать высказывания вплоть до исчезновения отдельных компонентов, что, однако, не мешает правильно воспринимать фразы или их смысл (*ау...; ☺; ...; !!!; ???*).

К языковым особенностям SMS-сообщений студентов СПО следует отнести прежде всего чрезмерное проявление различных эмоций, которые, по мнению В. И. Шаховского, «...представляют разновидность человеческих страстей, ... пронизывают все сферы жизни человека и отражаются на всех уровнях его языка, поэтому не только лексика языка, но и фонетика, и грамматика также пронизаны эмоциональными обертонами» [8]. В передаче эмоций в текстах SMS-сообщений участвуют единицы разных уровней языка: фонетические (*Скажешь фто фсё фигня...; Прривет!; Даров!;* лексические (*Мои джинеёр едут☺; Хай!!!; Найди мне*

песни! Плиз!!!; Фотки СУПЕР!; Ок!); грамматические (*Привет, дурацел!; Все чики-пуки!; Привет, обманушка!; Сосатку придешь и заберешь☺; Хорошо, мамусик-кукусик!; Ты самая...самая...; Салют! Бегу-бегу! Да тут я! Бегу-бегу*) [4].

Наблюдения Т. В. Демидовой показали, что проявление эмоциональности в SMS-сообщениях уменьшается по мере взросления студентов. Кроме того, эмоциональная сфера юношей развивается неравномерно, в отличие от постоянной эмоциональной сферы девушек. Проявление эмоций как положительного, так и отрицательного характера сопровождается использованием оценочных слов, которые, помимо оценочной нагрузки, выражают эмоциональное отношение к предмету разговора и логически заканчивают высказывание, например, *Ну ништяк!; Супер!; Молодца!; Ты молодец! ☺; Нормуль!; Все пучком!; Та норм!; Забей!; Опять косяк! и др.*

Для восполнения отсутствующей в сетевой коммуникации традиционной невербалистики в SMS-сообщениях в качестве невербальных эмоциональных сигналов активно используются смайлы, «специальные пиктограммы, ... выражающие разные чувства в виде улыбающихся и нахмурившихся рожц» [6, с. 649]. При анализе анкет были выявлены следующие типы смайлов: ☺ – радость; :-)) – большая радость; ☹ – уныние, недовольство; :-* – поцелуй; :-(– большое уныние, большое недовольство; :-o – большое удивление, недоумение; (P – игровой, поддразнивающий смайл.

По данным анкет Т. В. Демидовой, смайлы составляют 45,4% эмоционально окрашенных SMS, из них – отрицательно направленных всего 12,5%, что говорит о положительной эмоциональной роли смайлов в SMS-общении. В гендерном отношении использование смайлов у девушек в три раза чаще, чем у юношей, причем к четвертому курсу использование смайлов в качестве эмоционального показателя у юношей уменьшается, а у девушек увеличивается [1].

Представляют собой интерес данные по использованию в SMS-сообщениях речевого этикета, поскольку формулы речевого этикета опосредованно имеют связь с моральными качествами человека и, являясь частью языковой ментальности молодежной субкультуры, позволяют составить представление о специфике студенческой коммуникации. Анализ текстов SMS-сообщений показал, что формулы речевого этикета содержатся в 20,3% от общего количества SMS-сообщений.

Большую часть в приведенных примерах составляют формулы приветствия и прощания, часто видоизмененные различными лингвистическими приемами, например: *привет, доброе утро, приветик, приветос, дароф, привэд, споки ноки, поки доки* и др. Причем юноши употребляют формулы приветствия в 2 раза реже девушек, в 3,5 раза реже – формулы прощания и активнее пользуются заимствованными формами (*хай, хэллоу, хэви, салам, гутен таг* и др.). Настораживающим моментом при анализе анкет является факт регрессии в использовании студентами формул речевого этикета от первого курса обучения к четвертому, что находит подтверждение и в гендерном аспекте. По-видимому, влияние на данный факт оказывает не только юношеский максимализм, но и общее снижение речевой культуры общества в целом.

К языковым особенностям SMS-сообщений следует отнести используемые формы обращения к партнеру по общению. По мнению А.И. Стернина, система

обращений в современном русском языке отличается неустойчивым характером, содержит существенные лакуны и борьбу конкурентных форм [5, с. 55-59]. Для студенческого SMS-общения характерен процесс обезличивания однополого партнёра по коммуникации, однако к противоположному полу имеется разнообразный ряд обращений: *солнышко* – 10%; *любимый (ая)* – 9%; *зай, солнце* – по 7%; *зайка* – 6%; по имени – 5%. Обращения являются грамматически и интонационно обособленными компонентами высказывания, отражающими степень близости коммуникантов и гендерную специфику характера речевого взаимодействия. К гендерным особенностям обращения можно отнести следующие: к представительницам своего пола студентки СПО предпочитают обращаться по именам, единичны формулы обращения *моя ты золотая, дорогая, дубинушка, Дуська, Маруська, подружайка, бедняжка* и др. (до 29%); в обращении к юношам используются суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением (*Евгеша, Стасюня, Лешечка* и др.) и разнообразные единичные формулы (*сладкий, ежик, хомячок, мишка, малыш, зайчонок, мой золотой, красавчик, роденький мой, любимый, дружок* и др.) – 33%. Обращения юношей друг к другу не отличаются разнообразием: обращения по имени, единичные формулы (*красавчик, брат (братан), друг, дружище*), активно используются суффиксы *-он, -ян (Димон, Васян, Костян, Вован, братан* и др.). В обращениях юношей к девушкам наблюдается большее разнообразие единичных формул: *любовь моя, радость моя, моя сладкая, милая, дорогая, родная, роденькая, малютка, умница, пупсик, лапочка, малышка, киска, зайчонок, рыбка, мой цыпленочек, принцесса, девочка моя, секси, сладенькая моя, мой пушистик* и др. – до 37 %. В целом формулы обращения, используемые юношами и девушками, идентичны на 44%, что является доказательством присутствия единой специфики молодёжного языка студентов СПО, которая объединяет молодых людей в особую социальную группу.

К особенностям речевого поведения студентов СПО можно отнести употребление фразеологических сочетаний, поговорок (*грызть гранит науки; идет как по маслу*); строки из современных песен (*Гудбай, Америка, большие не пиши никогда!* – известная песня В. Бутусова); рекламные слоганы (*страна чудес молочных* – в значении «в жизни все хорошо»); *лови позитив*); высказывания из кинофильмов и названий передач (*Доброе утро, страна!* – название телепередачи в 90-е годы; *тоска зеленая* – мультфильм «Летучий корабль»); использование (чаще девушками) окказиональных слов (*у меня грузняки; маякни; алекни; спасибоще; мамусик-кукусик*); вторичных форм русского языка (жаргонизмов, территориальных диалектизмов, просторечных выражений (*плющить, маяться, тупить, байда, слухай, шо, приходи*)); использование обценной лексики, которая, хотя и не превышает 1,5%, однако используется как юношами, так и девушками независимо от возраста.

Вывод. Таким образом, проведенный эксперимент и его результаты дают основание репрезентировать тексты SMS-сообщений как ментальное воплощение модели прагматического уровня языковой личности студента СПО, отражающие экстралингвистические, психологические, социокультурные характеристики

конкретной социальной группы студенчества (СПО) в рамках молодежной лингвокультурной общности.

Список литературы

1. Демидова Т. В. Концептуальная репрезентация языковой личности студента среднего профессионального образования (когнитивный и прагматический уровни): автореф. дис. ... к. филол. наук / Т. В. Демидова. – Майкоп, 2011. – 24 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
3. Левикова С. И. Молодежная субкультура: [учеб. пособие] / С. И. Левикова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – С. 29-30.
4. Павловская О. Е. Вербальные и невербальные проявления эмоций в SMS-общении студентов среднего профессионального образования / О. Е. Павловская, Т. В. Демидова. – Краснодар, Кубанский гос. ун-т, 2009. – С 194-196.
5. Стернин А. И. Что происходит с русским языком: Очерк изменений в русском языке конца XX века / А. И. Стернин. – Туапсе, 2000. – 71 с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [под ред. М. Н. Кожинной]. – М.: Флинта : Наука, 2003. – 696 с.
7. Цибизов К. С. Самопрезентация языковой личности в немецком молодежном чат-дискурсе: собственно молодежное и национально-специфическое: автореф. дис. ... к. филол. наук / К. С. Цибизов. – Саратов, 2009. – 23 с.
8. Шаховский В. И. Лингвистика эмоций / В. И. Шаховский. – 2007. – № 5. – С. 3-12.

Павловська О. Е. SMS-спілкування як репрезентація прагматичного рівня мовної особистості студента середньої професійної освіти // Ученіє записки Таврицького національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.405-410.

У статті розглядається SMS-спілкування як репрезентація прагматичного рівня мовної особистості студента з середньою професійною освітою та аналізуються такі мовні особливості SMS-повідомлень, як розмовність, емоційність, вживання форм звертання та невербальних сигналів.

Ключові слова: SMS-спілкування, SMS-повідомлення, репрезентація, прагматичний рівень, мовна особистість.

Pavlovskaya O. E. SMS-communication as Representation of the Pragmatic Level of the Linguistic Personality of a Vocational Training College Student // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.405-410.

The article deals with SMS- communication as representation of the pragmatic level of the linguistic personality of a vocational training college student and includes an analysis of such peculiarities of SMS-messages as their conversational and emotional nature, usage of addressing forms and non-verbal signals

Key words: SMS-communication, SMS-message, representation, pragmatic level, linguistic personality

Поступила в редакцію 17.03.2011 г.

УДК 372.461:378

МЕТОДИ ОПИСУ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ ПЕДАГОГА

Палиця Г.С.

*Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка,
м. Дрогобич, Україна*

У статті схарактеризовано особливості педагогічного мовлення, потенційні можливості педагога як мовної особистості. Репрезентована структура моделі мовної особистості педагога та продуктивні аспекти і методи її дослідження. Це такі аспекти, як ретроспективний, проспективний і синхронний. Окремо розглянуто анкетування як ефективний метод опису «живого» мовлення педагога.

Ключові слова: педагогічне мовлення, мовна особистість педагога, ретроспективний, проспективний, синхронний аспекти, анкетування, «живе мовлення».

Постановка проблеми в загальному вигляді та її зв'язок із важливими науковими чи практичними завданнями. У сучасному суспільстві педагог посідає ключову позицію, оскільки йому відведена важлива роль щодо формування молодого покоління, готового до викликів і випробувань, що диктує час. Це вимагає від нього обізнаності в усіх сучасних тенденціях і процесах, що активно діють у суспільстві, адже педагог стоїть на службі в державі, що є замовником освітніх послуг, тому своєю професійною діяльністю він повинен пропагувати її ідеї та цінності. Крім цього, будучи членом суспільства, педагог і сам піддається впливам останнього, воно формує його як особистість, визначає світогляд і поведінку.

Педагог реалізує завдання, що ставить перед ним суспільство, за допомогою різних засобів, серед яких найважливішим є мова. У педагогічному процесі вона виконує пізнавальну, естетичну та виховну функції, розкриваючи перед тим, хто навчається, красу думки, красу мислення як радість людського буття [9, с. 457], тому слово (мовлення) стає найважливішим (якщо не головним) інструментом діяльності вчителя, головним засобом реалізації всіх завдань власне методичного та дидактичного характеру [2, с. 77]. Саме спілкування набуло з розвитком інформаційних технологій різноманітних форм, вимагаючи від педагога володіння новими, ефективними тактиками та стратегіями, що відповідають вимогам часу. Ці фактори змусили лінгвістів по-новому інтерпретувати поняття «мовна особистість педагога» (далі МО педагога), враховуючи вплив епохи, культури, суспільних умов на її формування.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Проблема МО, основи якої були закладені ще В. Виноградовим та розвинуті Ю. Карауловим, на сьогоднішній день отримала висвітлення з різних позицій, зокрема психолінгвістики (С. Сухих, М. Ляпон, К. Сєдов, Л. Лисиченко, Т. Скорбач, І. Павлова та ін.), з урахуванням комунікативної компетенції особистості (Т. Кочеткова, О. Сиротиніна, К. Сєдов та

ін.), етнолінгвістики (Ю. Караулов, Т. Снітко, В. Маслова та ін.), соціолінгвістики (О. Бакумова, Г. Беспям'ятнова, Т. Космеда, Т. Нікітченко, А. Гафарова та ін.) тощо. У рамках соціолінгвістичного напрямку вивчення цієї проблеми, можливо, найбільш фрагментарно досліджена МО педагога, з іншого боку, на сьогодні практично цілком не розроблена методика її опису, саме тому частковому вирішенню цього питання присвячено дану наукову розвідку, в чому вбачаємо її *актуальність* і новизну.

Мета статті полягає в розкритті продуктивних аспектів і методів аналізу МО педагога.

Окреслена мета вимагає виконання таких *завдань*:

1) схарактеризувати навчально-виховний процес як специфічну сферу використання мови;

2) дати визначення понять «абстрактна МО педагога» і «конкретна МО педагога»;

3) описати ретроспективний, проспективний і синхронний аспекти аналізу МО педагога та анкетування як ефективний метод дослідження «живого» мовлення.

Не викликає сумніву те, що вимоги до МО у різних сферах людської діяльності специфічні. Це зумовлене ключовими параметрами кожної окремої сфери. У навчально-виховному процесі мова слугує не лише засобом комунікації, каналом передачі інформації, але й засобом навчання та виховання: «без слова людина залишилася б дикуном серед найвитонченіших витворів мистецтва, серед машин, карт і т. ін., хоча б бачила на ділі застосування цих предметів, тому що важко вчити нічим прикладом навіть наукам, які потребують наочності, як передати без слів такі поняття, як наука, істина та ін.» [7, с. 155]. Мабуть, саме тому дослідники завжди приділяли велике значення зазначеним проблемам і продовжують загострювати свою увагу на питаннях іміджу вчителя, зосереджуючись при цьому на його риторичності, на формуванні риторичної культури особистості в школі нового типу, формуванні риторичної культури особистості у сфері вищої школи, у процесі відродження національної школи красномовства тощо [8, с. 167]. Інформація, яку передає адресант, за допомогою найефективніших мовних засобів, повинна не тільки бути донесена до адресата, але й засвоєна ним. Вона повинна збагачувати його духовно, інтелектуально, що, без сумніву, вимагає наявності відповідних знань і умінь у педагога. Саме тому вчитель / викладач повинен досконало володіти не лише знаннями з конкретного предмета, але й мовою, за допомогою якої він передаватиме ці знання. Зазначена вимога в усі часи була однією з найголовніших [1, с. 52]. На думку Н. Голуб, мова «забезпечує стійку мотивацію, творчий характер, переконання і результативність навчально-виховного процесу» [3, с. 99], що надає їй нового – навчально-педагогічного – статусу, який визначається умовами та цілями навчально-виховного процесу, його специфікою та характеристиками учасників.

МО педагога характеризується набором типових психологічних і мовленнєвих рис, притаманних представникам цієї професії, а також індивідуальних рис, що роблять кожному МО педагога неповторною, хоча кожна вишукана МО є неповторною. Вичерпний аналіз МО педагога повинен відбуватися з огляду на певні критерії, до найважливіших із яких зараховуємо: 1) проміжок часу і територію проживання МО (хронотоп); 2) психологічний портрет досліджуваної МО; 3) суспільне тло, що здійснювало (-є) вплив на її формування; 4) характеристика властивих йому вербальних і невербальних засобів спілкування. Як бачимо, більшість компонентів,

що лежать в основі МО педагога, відносяться до екстралінгвальних факторів, містяться за межами мови. Це засвідчує їх важливість у формуванні педагога як МО. Саме тому дослідження МО загалом базується на міждисциплінарному підході, з урахуванням досягнень не лише мовознавства, але й психології, соціології, етнолінгвістики, педагогіки.

МО педагога може виражатися не лише через тексти, засоби, що використані в них, але й у конкретних мовленнєвих ситуаціях, тобто через «живе» мовлення. МО педагога можна розглядати як конкретне та абстрактне поняття, дослідження яких, вочевидь, різняться підходами та принципами аналізу. Абстрактна модель МО педагога – збірний образ, що характеризується сукупністю типових рис і ознак, властивих представнику цієї професії, відповідає найбільш поширеному уявленню про нього та репрезентує типове для своєї сфери діяльності мовлення.

Конкретна модель МО – це реальна особа, педагог, що характеризується конкретним хронотопом, з індивідуальним, неповторним «набором» психологічних рис і рівнем комунікативної компетенції. Опис кожної конкретної МО педагога відбувається в кожному разі індивідуально, але з подальшою проекцією результатів на «шаблон», що існує у свідомості людства стосовно представника цієї професії з метою виокремлення типових та індивідуальних, неповторних рис досліджуваної МО.

Наукова методологія та методи мовознавства, як відомо, обирають з огляду на предмет, об'єкт, мету та специфіку використання конкретного дослідницького матеріалу. Жодне явище природи і суспільства, зокрема й мова (мовлення), не може одночасно існувати і функціонувати у трьох хронологічно розмежованих планах – минулому, сучасному і майбутньому, тому сучасна лінгвістична методологія, спроектована на вивчення функційного розвитку окремих мов з урахуванням їх прагматики, повинна базуватися на ретроспективному, синхронному, порівняльному і проспективному аспектах. Саме така єдність підходів забезпечує всебічність, комплексність, багатогранність і послідовність дослідження [6, с. 31].

Ретроспективний аналіз використовується для характеристики МО, професійна мовленнєва діяльність якої відноситься до минулого, близького чи далекого. Ретроспекція як методологічна основа дослідження опрацьована Т. Космедою у проекції на «живе» мовлення Івана Франка. В її основу дослідниця ставить факти, «щаслива зустріч» з якими в автора монографії «Комунікативна компетенція Івана Франка» відбулася тричі: по-перше, з виданням, праці, де досить повно (з урахуванням попередніх збірників) репрезентовано спогади про письменника широкого кола громадських і культурних діячів, спогади рідних, близьких, приятелів, добрих знайомих і учнів, спроектовані як на вербальну, так і на невербальну комунікативну поведінку письменника; по-друге, з фактологічним матеріалом (документами, власними спогадами письменника тощо); по-третє, з теоретичними дослідженнями щодо мови творів письменника [6]. Ретроспекція як метод аналізу МО, можливо, найбільш піддається «ризикам», оскільки, базуючись на фактах, що не завжди підлягають перевірці, може з'явитися суб'єктивне сприйняття матеріалу, його суб'єктивна інтерпретація. Для дослідника важливо відмежувати об'єктивну інформацію від суб'єктивної, правильно, без упередженості чи, навпаки, прихильності, інтерпретувати той чи той факт з метою отримання адекватного опису МО.

Проспективний аналіз, на відміну від ретроспективного, має на меті прогнозування мовленнєвої поведінки майбутнього педагога. Особливість його полягає в тому, що він здійснює синхронний зріз мовлення особистості з метою проєкції на майбутню професійну діяльність. У цьому ракурсі предметом дослідження може стати мовлення студента на заняттях з методики викладання предмету, що лежить в основі його майбутньої кваліфікації, чи практиканта під час педагогічної практики, що дає можливість виявити не лише рівень володіння навчальним матеріалом, але й рівень його комунікативної компетенції, психологічний портрет, характер, тому врахування всіх цих складових корисне для корекції (якщо в цьому є потреба) певних аспектів, що складають мовленнєвий і психологічний портрет майбутнього педагога. Оцінка МО майбутнього педагога, безумовно, повинна бути обов'язковою складовою в підборі кадрів як у середні, так і вищі навчальні заклади з метою визначення їхньої професійної придатності. На сьогоднішній день такий підхід не опрацьований взагалі, тому може стати об'єктом майбутніх наукових пошуків у галузі проспективної лінгвістичної персонології з метою його подальшого впровадження в повсякденну практику.

Синхронний аналіз «живого» мовлення сучасників відрізняється від усіх інших тим, що враховує вплив соціальних чинників на функціонування мови, більше уваги приділяє свідомому впливу суспільства на мову. «Живе» мовлення людини..., як і кожне мовне явище, вимагає інтерпретації, а тому однією з найважливіших проблем мовознавства є проблема методології та методів дослідження такого явища [6, с. 32]. Синхронний аналіз, як і проспективний, має перевагу в тому, що спостерігати за МО можна безпосередньо, тому він може бути кваліфікований як найбільш об'єктивний, оскільки дає змогу найточніше схарактеризувати особистість педагога-сучасника.

Ефективним методом ретроспективного, а особливо синхронного і перспективного, аналізів МО є анкетування. Для ретроспективного дослідження воно має сенс у разі характеристики МО, що відноситься до недалекого минулого за умови наявності адресатів, на яких була спрямована її професійна мовленнєва діяльність. У цьому ракурсі дослідження розглядає мовлення, що вже склалося й було апробоване в професійній діяльності МО в певний проміжок часу, що відноситься до минулого. Саме цим відрізняється анкетування в ретроспективному аналізі від синхронного та проспективного аналізу МО, де предметом дослідження стає, відповідно, «живе» мовлення педагога-сучасника чи майбутнього педагога. Метою анкетування при проспективному аналізі є прогнозування мовленнєвої поведінки майбутнього педагога у тій чи тій педагогічній ситуації, вдосконалення та корекція певних аспектів МО.

Висновки. Педагог – дзеркало суспільства, представник певної епохи та певної культури, що здійснюють свій відбиток на його становленні та розвитку, а відтак, – і на професійній діяльності. Оскільки ці чинники передбачають різний матеріал дослідження, то він повинен підлягати аналізу за допомогою різних аспектів, серед яких найбільш продуктивними є ретроспективний, проспективний і синхронний аналізи. Ефективним методом аналізу «живого» мовлення як з огляду на ретроспекцію, так і на проспекцію, як діахронічного, так і синхронного дослідження МО, є анкетування.

Подальші перспективи дослідження. Проблема МО педагога може бути доповнена цінним матеріалом за рахунок вивчення досвіду передових українських і зарубіжних педагогів сучасності.

Список літератури

1. Вдович С. Красномовство викладача – передумова успіху його діяльності / С. Вдович // Сучасна педагогічна риторика: теорія, практика, міжпредметні зв'язки: [збірник наукових праць за матеріалами наукового семінару / за ред. Т. А. Космеда]. – Львів : ПАІС, 2007. – С.51-61.
2. Голуб Н. Б. Самостійна робота студентів з риторики: [навчально-методичний посібник] / Н. Б. Голуб. – Черкаси : Брама Україна, 2008. – 232 с.
3. Голуб Н. Б. Риторика у вищій школі : [монографія] / Н. Б. Голуб. – Черкаси: Брама, 2008. – 400 с.
4. Космеда Т. Комунікативна компетенція Івана Франка: міжкультурні, інтерперсональні, риторичні виміри / Тетяна Космеда. – Львів: ПАІС, 2006. – 328 с.
5. Космеда Т. Ретроспекція як методологічна основа дослідження «живого» мовлення Івана Франка / Т. Космеда // Мовознавство. – 2008а. – № 6. – С. 28-33.
6. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – К.: СИЭНТО, 1993. – 192 с.
7. Сагач Г. М. Риторика: [навчальний посібник для студентів середніх і вищих навчальних закладів], вид. 2-е, переробл. і доповн. / Г. М. Сагач. – К.: Ін. Юре, 2000. – С.165-209.
8. Сухомлинський В.Ю. Вибрані твори: [у 5 т.] / В. О. Сухомлинський. – К.: Радянська школа, 1976. – Т.1. – 654 с.

Пальця Г.С. Методы описания языковой личности педагога // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.411-415.

В статье охарактеризованы особенности педагогической речи, потенциальные возможности педагога как языковой личности. Репрезентирована структура модели языковой личности педагога и продуктивные аспекты и методы её исследования. Это такие аспекты, как ретроспективный, проспективный и синхронный. Отдельно рассмотрено анкетирование как эффективный метод описания «живой» речи педагога.

Ключевые слова: педагогическая речь, языковая личность педагога, ретроспективный, проспективный и синхронный аспекты, анкетирование, «живая» речь.

Palytsya G. S. Methods of Description of Language Personality of a Teacher // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.411-415.

The article deals with the peculiarities of pedagogical speech, potential abilities of a teacher as a language personality. The structure of a language personality model and productive aspects and methods of investigation have been represented. The following aspects have been represented: retrospective, prospective and synchronous. Questionnaire has been analyzed as an effective method of description of a "live" speech of a teacher.

Key words: pedagogical speech; language personality of a teacher; retrospective, prospective, synchronous aspects; questionnaire; live speech.

Поступила до редакції 02.03.2011 р.

УДК 811.161.2

НАУКОВІ РОЗВІДКИ М. СТЕЛЬМАХА В АСПЕКТІ ВІДОБРАЖЕННЯ В НИХ БАЗОВИХ КОНЦЕПТІВ-ОБРАЗІВ ЙОГО ПОЕЗІЇ

Пікалова А.О.

Харківський гуманітарно-педагогічний інститут, м. Харків, Україна

У статті проаналізовані наукові роботи М. Стельмаха. На підставі аналізу було простежено, що джерелом ключових поетичних концептів-образів автора є фольклор; виявлено вплив наукової роботи письменника на формування базових концептів-образів.

Ключові слова: *фольклор, народна пісня, дума, концепт-образ, картина світу, ідіостиль.*

Кожний визначний національний поет передусім є носієм національної культури. При цьому визначний поет є і носієм тих культурних цінностей, що виокремлюють його серед інших.

М. Стельмах – поет української культури з її фольклорною стихією, народним підґрунтям, емоційністю, душевною відкритістю. Важливо, що проблеми, яких торкається М. Стельмах, він розв'язує відповідно до ментальності українця, його національного характеру.

Унікальне світорозуміння і життя створюють унікальну картину світу митця. М. Стельмах як поет розвивається всередині конкретного культурного простору, він з дитинства засвоює досвід, що накопичений народом, досвід певного світосприйняття, світобачення і світорозуміння і формує на цій основі власні індивідуальні смисли, які й утворюють художню (поетичну) картину світу митця. Як відомо, у процесі лінгвокультурологічного дослідження біографічні чинники, які формують специфіку поетичного світобачення, світосприйняття та світорозуміння, відіграють важливу роль і проектуються вони на мову. Це і визначає *актуальність роботи.*

Мета статті – схарактеризувати відображення наукової роботи М. Стельмаха у процесі формування художніх концептів його поетичного мовлення.

Серед характерних рис ідіостилю поета такі дослідники, як Д. Білецький, І. Білодід, П. Гриценко, Є. Гуцало, Д. Павличко, Й. Кисельов, Н. Сидяченко, Н. Шумати та ін., передусім виокремлюють народність поезії. Народність «завжди відзначається науковцями як одна із найхарактерніших ознак своєрідного стилю» М. Стельмаха [5, с. 32]. Основним джерелом інтертекстуальності його творів як у справжнього поета української культури є фольклорні тексти, зокрема народні перекази, легенди, думи, пісні, різні за тематикою, а також коломийки, щедрівки, замовляння, казки, прислів'я та приказки, небилиці, народні дотепи тощо.

Факти з біографії М. Стельмаха підтверджують, що фольклор приваблював не лише його душу і серце, але й розум, оскільки письменник прагнув поглиблювати свої знання в галузі фольклористики протягом свого життя. Деякий час він працював науковим співробітником в Інституті мистецтвознавства, фольклору й етнології.

З аналізу наукових статей М. Стельмаха можна зробити висновок, що джерелом його ключових поетичних концептів-образів є саме фольклор. Наукові праці М. Стельмаха зокрема свідчать, що поет добре усвідомлює концепцію О. Потебні, обізнаний з постулатами психологічної та міфологічної шкіл у мовознавстві [1]. Крім того, свої базові концепти-образи поет черпав передусім з української думи та пісні, слухно вважаючи, що дума – це один із найрепрезентативніших жанрів українського героїчного епосу, де якнайбільше виявляється національна своєрідність українців. У творчому доробку митця знаходимо назву циклів поезій «Пісні», також назви окремих поезій «Партизанська дума», «Дума про плугатаря», «Купальська», «Передвесільна», «Весільна», «Колискова» і т.ін. М. Стельмах наголошує, що саме «історія життя українського народу – душа нашого епосу» [2, с. 552]. Письменник вважає, що думи «за своїм письмом – це глибоко реалістичні твори, на яких не позначились сліди ні міфології, ні фантастики. В деяких із цих дум епос глибоко переплітається з лірикою, а в реалістичну основу іноді закономірно входять елементи перебільшення...» [2, с. 555]. Поет-науковець виокремлює основні теми дум, що мотивували появу його базових концептів-образів, по-перше, це думи про боротьбу козаків з турками і татарами (порівн.: «Думи про неволю та боротьбу з турками і татарами займають чільне місце в українському епосі...» [2, с. 555], звідси концепт-образ *козака, воїна-визволителя* та конкретизація концепту-образу *ворогів – турки, татари і польська шляхта* (порівн.: «добре місце по кількості творів у нашому українському епосі займають думи про боротьбу українського народу з польською шляхтою» [2, с. 556]); по-друге, концепти-образи *вірність товариству, святість родинних стосунків, висока моральність українця* (порівн.: «у... думах оспівується вірність товариству і святість родинних відносин, розповідається про горе розлуки і лихо від сімейних чвар. І тут яскраво виявляє себе народне розуміння обов'язку людини і перед громадою, і перед родиною, народні поняття совісті і моралі у великому і малому» [2, с. 557]); по-третє, морально-етичні концепти, що представляють дихотомію, засновану на концептах *добро* і *зло* (порівн.: велику «групу українських дум умовно можна назвати побутовими і морально-повчальними» [2, с. 557]); по-четверте, концепт-образ *пам'яті, наслідування добрих традицій* (порівн.: «українські думи є не тільки художнім літописом минулих віків – вони й зараз силою людяності і поезії виховують в нас любов до рідної країни, ненависть до всякого гніту і поневолення» [2, с. 558], а також: «кипучою історією України, дійовою любов'ю до рідного краю ткалася безсмертна тканина нашого героїчного епосу, який увібрав у себе не тільки народні сльози і кров, але й волелюбність народу, його гуманізм, народну силу і віру в майбутнє» [2, с. 558]).

Зазначене вище простежуємо в поетичних текстах, які включено до циклів поезій «Шляхами війни», «Рідня». Так, наприклад: у вірші «Вугляр» [4, с. 12-13] для репрезентації *ворога* поет використовує полонізми, а також типові для польської

шляхти лайливі слова, порівн.: «*Пшекленний хлоп!*» – *хтось тиче шаблю в спину*... «*Підводься, бидло, шлях нам показати!*» [4, с. 13]. Крізь метаконцепт *пам'ять* реперезентує М. Стельмах і концепт-образ *козака*. Найбільш яскраво цей концепт відображено в поемі «Мак цвіте» [4, с. 7-9], яка заснована на легенді, що само по собі реперезентує концепт *пам'ять*. У цій легенді поет вербалізує концепт-образ *козака*, який урятував юну дівчину від рабства, натомість, він вимостив «*долину чужинським трупом, як умів, як вчився в Січі і в братів, на славнім Доні у поході*» [4, с. 7].

Як зауважує М. Стельмах, «цілком зрозуміло, що українська лірика переплелася з епосом, і соки історії живлять вічнозелене дерево» [4, с. 570]. На такому принципі базується і поезія самого митця.

М. Стельмаху належить також дуже точне визначення пісні. Як відомо, цей жанр став улюбленим жанром його поезії, порівн.: «Лірична пісня – це душа народу, це безмежне поле, засіяне зернами історії і завітчане людськими надіями, це незміряна, воістину народна любов до своєї дідизни і ненависть до її ворогів, це достойна людська гідність і людське страждання, це стихійний блиск селянської коси над одичалою панською головою» [3, с. 570]. М. Стельмах зацентровував увагу на широкій і різноманітній тематиці «ліричної пісні, бо вона невід'ємна частина духовного світу народу, який звертається до неї і творить її в часи роздумів над своєю долею і в дні суворих випробувань, і в дні перемог, і в пору важкої праці, і в години світлого кохання. Наша пісня – людська порадиця і повірниця, народна совість і мораль» [3, с. 571]. Поет вважає, що українську лірику «по праву можна назвати нашим національним скарбом і перлиною світової народної творчості» [3, с. 571], тому і наслідуює її традиції.

Концепт-образ *пісні*, що постійно функціонує у поезії М. Стельмаха, набуває стосовно матері смислового відтінку – *захист* («*І далина озветься щедрістю пісень, що рідна мати слала в узголов'я*» («Куди не йду, чи спать лягаю, чи встаю...»)) [4, с. 63]). Концепт-образ *дівчини* своєрідно реперезентується через концепт *пісня*, порівн.: «*Не для тебе пісня в лузі*», тобто «не для тебе ця дівчина» («Засівав зерном я ниву...»)) [4, с. 163-164].

Окремо характеризує митець козацькі пісні, наголошуючи на тому, що «з великою художньою силою в козацьких піснях вирізьблюється образ простого воїна, який списом і шаблею боронив життя своєї батьківщини» [3, с. 573]. Одним із ключових концептів-образів поезії М. Стельмаха став саме макроконцепт *воїн-визволитель*.

Особливо послідовно у поезії М. Стельмаха виявляється такий прийом, як діалогічність, про цей прийом як один із найхарактерніших в українській ліриці він зокрема писав: «Розповідь в народних піснях вільно переходить у діалог і навпаки, що створює настрій безпосередності і щирості. Образні засоби народних пісень узяті прямо з природи. В піснях багато паралелізмів, які об'єднані в нерозривне ціле, як і нерозривним було життя людини і природи» [3, с. 579]. Тут маємо вказівку на суперконцепт *природа*, який також може виступати і метаконцептом при дослідженні образу *людини*. Так, наприклад: у поетичній картині світу М. Стельмаха суперконцепт *природа* вербалізується в концепті-образі *жінки-матері*, порівн.:

«Вона його вгорнула, наче *мати*» [4, с. 136] і навпаки, зокрема це стосується вияву семантико-синтаксичного паралелізму, коли поет послуговується порівняннями на позначення концепту-образу *матері*, що характерні для усно-поетичного мовлення, передусім це назви-фольклоризми з символічним значенням, наприклад, концепт-образ *тополі*, порівн.: «*І наші сиві матері заждались нас, немов тополі*» [4, с. 82].

На основі аналізу наукових розвідок М. Стельмаха дійшли висновку, що його наукова робота має неабиякий вплив на формування авторського світобачення і світорозуміння, що спричиняє створення власних індивідуальних смислів, які й утворюють поетичну картину світу митця. Також даний аналіз підтверджує думки науковців щодо характерних рис ідіостилю поета. Серед яких виокремлюється народність поезії, її ліро-епічний характер, відображення у ній фольклору та фольклорних традицій, категорії інтимізації, що мотивує наявність відповідних художніх засобів, особливості концептосфери.

Список літератури

1. Стельмах М. П. Голосіння / М. П. Стельмах. – К.: Держлітвидав УРСР, 1963. – Т. 5. – 1963. – С. 559-569.
2. Стельмах М. П. Думи / М. П. Стельмах. – К.: Держлітвидав УРСР, 1963. – Т. 5. – 1963. – С. 551-558.
3. Стельмах М. П. Народна лірика / М. П. Стельмах, І. О. Синиця. – К.: Держлітвидав УРСР, 1963. – Т. 5. – 1963. – С. 570-579.
4. Стельмах М. П. / М. П. Стельмах. – К.: Дніпро, 1984. (Твори: в 7 т.). – Т. 7. – 1984. – 647 с.
5. Шумада Н. Фольклор у романі Михайла Стельмаха «Кров людська – не водиця» / Н. Шумада // Народна творчість та етнографія. – 2005. – № 5. – С. 32-39.

Пикалова А.А. Научные работы М. Стельмаха в аспекте отображения в них базовых концептов-образов его поэзии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.416-419.

В статье проанализированы научные работы М. Стельмаха; подтверждено, что основным источником ключевых поэтических концептов-образов является фольклор; также в статье раскрывается влияние научной работы писателя на формирование базовых концептов-образов.

Ключевые слова: фольклор, народная песня, дума, концепт-образ, картина мира, идиостиль.

Pikalova A.A. The scientific works of M.Stelmah in the aspect of reflection of the main concept-images // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.416-419.

The scientific works of M.Stelmah were analyzed in the article. From this analysis it was clearly that resource of key poetic concept-images of the author was folklore. The writer's scientific works had the influence on the formation of the main concept-images.

Key words: folklore, folk song, дума, concept-images, the pictures of the world, the idiostyle.

Поступила до редакції 22.03.2011 р.

УДК 811.161.1'373.4

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Плотникова Л. И.

Белгородский государственный университет, г. Белгород, Россия

В статье исследуется механизм выбора и создания новых слов в определенном коммуникативном акте. Теоретические положения подтверждаются результатами проведенного лингвистического эксперимента с информантами. Полученный языковой материал свидетельствует о разнообразии словообразовательных моделей и средств, обусловленных особенностями индивидуальной картины мира.

Ключевые слова: *лексические инновации, лингвистический эксперимент, процесс номинации, этапы выбора слова.*

Актуальность. Механизм выбора необходимой единицы в соответствии с коммуникативным заданием очень сложен и зависит от многих факторов. «В этих поисках движущими силами оказываются не только задания узко семантического характера (выразить некое значение), но и смысловые задания (выразить это значение для чего-либо)» [2, с. 110]. Безусловно, каждое слово выбирается говорящим не само по себе, оно является строительным материалом фразы, текста, в составе которых неизбежно вступает в связи с другими словами. Их выбор, как и выбор грамматической модели фразы, обязательно определяется замыслом.

В определенном коммуникативном акте наряду с выбором уже имеющихся в языке (и в индивидуальном лексиконе) «готовых» лексических единиц может осуществляться и *конструирование лексической инновации*. «Собственно номинативный аспект высказывания не сводим к простому лексическому заполнению конструкции: он носит творческий характер отнюдь не потому, что чаще всего представляет собой действительно поиск слова. <...> Процедура, которую в психолингвистике называют поиском слова, являет собой не столько выбор единицы из числа существующих, сколько – в целях оптимального решения задачи – творческий акт создания новой единицы номинации» [1, с. 16].

Не вызывает сомнения, что введение лексической инновации в структуру создаваемого предложения происходит по несколько иным правилам, чем введение слова узального. Новое слово требует особого оформления, соответствующего его будущей позиции в схеме синтаксической структуры. Более того, это особое оформление должно соответствовать и семантической интенции всего создаваемого предложения. Естественно, что это требует более сложного и более длительного

периода, соответствующего согласованию слова с синтаксической схемой предложения.

Известно, что содержание компонентов мышления различно у разных индивидов, «в языке постоянна лишь его внешняя форма; внутреннее же его содержание, его психическая значимость или интенсивность меняется в зависимости от того, на что обращено внимание, каково направление умственной деятельности, а также, разумеется, в зависимости и от общего умственного развития» [6, с. 36]. Личностные смыслы индивидуума перекодируются в языковое значение, которое выражается определенными языковыми формами. Роль семантического компонента, по справедливому замечанию А. Э. Левицкого, способствует «высвечиванию» основных семантически значимых элементов ситуации. Подобное «высвечивание» сугубо индивидуально. В его результате происходит именование предметов, явлений, состояний и т.п., которое представляет собой не только процесс обозначения, но и одновременно процесс познания и коммуникации [3, с. 14].

Итак, выбирая необходимую единицу, говорящий идет от содержания, которое ему необходимо выразить, к языковой форме реализации. В поиске нужного слова индивидум в первую очередь обращается к лексикону как хранителю готовых языковых средств, то есть для выражения определенного смысла им подбирается соответствующая языковая форма. Если поиск не приносит необходимого результата, он «выступает импульсом создания надлежащей единицы номинации» (выделено нами. – Л. П.) [3, с. 14], то есть в данном случае «включается» механизм словопроизводства и конструируется инновация в соответствии с требованиями определенного коммуникативного акта.

Предмет функциональной ономазиологии состоит в том, чтобы дать системное описание соотношенности производных слов и синонимичных с ним в определенных условиях развернутых номинаций, то есть получить одно деривационное значение разными способами. Коммуникативные эквиваленты представляют собой определенную систему, которую, по мнению В.М. Никитевича, можно рассматривать как особую полевую организацию. Таким образом, рассматривая группу номинативных единиц различных уровней, характеризующихся функциональной соотносительностью и коммуникативной эквивалентностью, мы, вслед за В. М. Никитевичем, представляем их как *номинативное поле*.

Номинативное поле реализуется в номинативном ряду (НР) – «системе единиц, которые, различаясь своей образующей структурой, соотносимы с одним и тем же денотатом, поэтому могут служить названием одного и того же предмета, явления и, следовательно, способны замещать друг друга, выступая как коммуникативные эквиваленты» [5, с. 116]. Таким образом, элементы номинативного ряда совпадают по смыслу, в формальном выражении они, как правило, имеют общий знак, который указывает на родство с производящей единицей. Образующие формы номинативного ряда обозначаются В. М. Никитевичем специальными терминами: 1) словообразующая форма; 2) детерминирующая форма; 3) транспонирующая форма; 4) преципирующая форма.

Положения, касающиеся особенностей выбора необходимого слова, можно проверить экспериментальным путем, так как «наиболее глубокое и всестороннее постижение процессуальной стороны словопроизводства <...> возможно, по мнению многих исследователей, лишь при постановке психолингвистического эксперимента с информантами» [4, с. 77].

Эксперимент проводился в форме группового теста. В роли информантов выступили 100 студентов старших курсов Белгородского государственного университета. Цель эксперимента – определение составляющих механизма выбора и создания необходимого слова. Задача, поставленная перед информантами: подобрать пропущенное слово (словообразующую форму) к имеющимся в номинативном ряду детерминирующей и предизирующей формам (учитывая, что транспонирующая форма, наряду со словообразующей, также является однословной номемой, она в номинативный ряд нами не включалась).

Рабочая гипотеза исследователя: механизм выбора необходимого в определенной речевой ситуации слова представляет сложный мыслительный процесс, направленный на выбор компонентов, относящихся к разным полям: 1) *номинативному* (вслед за В. М. Никитевичем, считаем, что оно реализуется в единицах номинативного ряда; из разных означающих одного НР говорящий выбирает одно, наиболее приемлемое в данной ситуации); 2) *ономасиологическому*, которое реализуется в соотнесении объекта с определенной категорией (категорией класса слов, грамматической категорией и так называемой функциональной категорией, основанной на интеграции лексических и грамматических значений слов, представленных в нашем случае в номинативном ряду); 3) *когнитивному*, которое реализуется в наборе базовых, элементарных концептов; 4) *словообразовательному*, которое реализуется в наборе словообразовательных средств и моделей, являющихся, с точки зрения информантов, наиболее подходящими для объективации индивидуально-авторского концепта.

Выбор пропущенного слова осуществлялся на основе методики «стимул – реакция». Стимулами явились детерминирующая и предизирующая формы номинативного ряда.

В ходе эксперимента информантам было предложено 10 номинативных рядов (НР), составленных нами на основе материалов из различных текстов.

Представим для примера один из НР (в нем выделена пропущенная в анкете словообразующая форма, которую необходимо было подобрать информантам):

«Лжепредприниматель»

ненастоящий (липовый) предприниматель

тот, кто ненастоящий (липовый) предприниматель

В результате проведенного эксперимента были получены следующие слова-реакции: *лжепредприниматель* (24), *псевдопредприниматель* (16), *лжебизнесмен* (12), *аферист* (9), *ложнопредприниматель* (8), *липа* (4), *лжематерь* (2), *липодел* (2), *липопредприниматель* (2), *липовицик* (2), *не-предприниматель* (2), *липочка* (1), *липняк* (1), *липочник* (1), *супербломист* (1), *Мавроди* (1), *антипредприниматель* (1).

Созданные информантами слова – это тот языковой материал, который позволяет исследователю моделировать процесс словопроизводства. При этом имеется в виду подход к слову как средству доступа к индивидуальной системе знаний, следовательно, слова-реакции можно рассматривать как *отражение когнитивной базы* информантов.

Детерминирующая и предидирующая формы НР, предложенные информантам в качестве стимулов, накладывают довольно жесткие ограничения на выбор и создание необходимого слова. Они диктуют и направляют процесс выбора, особенно наглядно это проявляется в выборе составляющих ономаσιологического и когнитивного поля. Так, имеющиеся компоненты номинативного ряда влияют на соотнесение понятия с определенной категорией: все созданные слова являются субстантивами со значением лица. Соответственно далее актуализируются определенные предметные области, и осуществляется выбор необходимых первичных или базовых концептов: лицо и выполняемое им действие, лицо и его характеристика и т.д. На основе интеграции создается индивидуально-авторский концепт, для репрезентации которого выбираются необходимые с точки зрения информанта языковые средства.

«Ожидаемое» слово *лжепредприниматель* было представлено в 24-х ответах. Концепт лица в большинстве случаев репрезентирован готовым словом *предприниматель*, названным в номинативном ряду: *лжепредприниматель*, *псевдопредприниматель*, *ложнопредприниматель*, *липопредприниматель*, *непредприниматель*, *антипредприниматель*.

Девять человек назвали «ненастоящего предпринимателя» узуальным словом *аферист*, в других ответах – *лжебизнесменом*, именем собственным *Мавроди* (президент общества МММ, известного своей финансовой недобросовестностью), окказиональным словом *суперобломист* (ложный предприниматель – тот, кто очень сильно провел, «наказал», «обломал» кого-либо). Представленный в номинативном ряду признак «липовый» объективирован в разных по структуре производных: *липодел*, *липопредприниматель*, *липовщик*, *липняк*, *липочник*. Лицо выражено в таких словах суффиксами или узуальным словом «предприниматель».

Выводы. Языковой материал, полученный от информантов, – это «слова-самodelки», «слова-экспромты», создание которых было запрограммировано экспериментальной ситуацией. Они различны по своей структуре, отдельные из созданных слов представляют собой самые невероятные конструкции. И все же, на наш взгляд, в условиях эксперимента они являются ценным и незаменимым материалом и оказывают большую помощь исследователю, так как на примере таких образований можно продемонстрировать отдельные особенности процесса словотворчества.

Номинативный ряд, который ставит информанта в условия жестко ограниченного выбора, в то же время задает основное направление и мотив поиска. Его можно условно считать искусственно созданным мотивационно-побуждающим этапом, своеобразным «мотивом-стимулом». На формирующем этапе замысел

превращается в определенную смысловую структуру. Во внутренней речи из смыслов складывается значение, которое репрезентируется на этапе реализации.

Формирующий и реализующий этапы в порождении слова можно назвать *этапами выбора*. Мыслительный процесс направлен на выбор компонентов разных пространств или полей. Так, выбор компонентов *ономазиологического поля* в эксперименте был ограничен разрядом существительных, обозначающих лицо. Во всех без исключения ответах информантов слова были правильно соотнесены с данными категориями и субкатегориями.

Созданные в ходе эксперимента слова позволили воссоздать компоненты *когнитивного поля*, мысленный выбор и интеграция которых обусловили в свою очередь выбор и интеграцию необходимых словообразовательных средств, представляющих *словообразовательное поле*.

Таким образом, создание нового слова в первую очередь связано со стратегией выбора. Насколько он будет удачным, зависит от многих факторов (таланта говорящего, особенностей ситуации и т.п.).

В выборе готовых языковых средств и конструировании необходимой для данного коммуникативного акта новой единицы проявляются творческие возможности индивидуума. Как показали результаты эксперимента, в использовании словообразовательных моделей и средств отмечалась избирательность. Из преципирующей формы информантом, как правило, выделялось то, что представлялось ему наиболее важным, то есть проводился выбор основных *семантически значимых* элементов ситуации. Это нашло выражение в том, что из составляющих когнитивного поля информант выбирал лишь те, которые соответствовали его индивидуальным знаниям, связанным с личным опытом, его интеллектом, творческими способностями. Каждый человек по-своему представляет мир посредством языка. Этим, на наш взгляд, объясняется «разброс» ответов информантов, полученных для каждого номинативного ряда. Разнообразие созданных информантами слов свидетельствует о том, что мысленный выбор компонентов каждого условно выделенного поля и его результат – созданное новообразование – зависят как от особенностей национально-культурной картины мира, так и от особенностей индивидуальной картины мира в сознании творца нового слова.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. О номинативном компоненте речевой деятельности / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1984. – №4. – С. 13-22.
2. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991.
3. Левицкий А. Э. Коммуникативно-когнитивные аспекты номинативной деятельности индивида / А. Э. Левицкий. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – С. 13-15.
4. Малеева (Зайченкова) М.С. Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте / М. С. Малеева (Зайченкова). – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983.

5. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск: Высшейшая школа, 1985.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс. Изд. Группа «Универс», 1993.

Плотнікова Л. І. Психолінгвістичний аспект дослідження лексичних інновацій // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.420-425.

У статті досліджується механізм вибору та створення нових слів у певному комунікативному акті. Теоретичні положення підтверджуються результатами проведеного лінгвістичного експерименту з інформантами. Отриманий мовний матеріал свідчить про різноманітність словотворчих моделей і засобів, зумовлених особливостями індивідуальної картини світу.

Ключові слова: лексичні інновації, лінгвістичний експеримент, процес номінації, етапи вибору слова.

Plotnikova L. Psycholinguistic aspect of research of lexical innovations // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.420-425.

In article the mechanism of a choice and creation of new words in the certain communicative certificate is investigated. Theoretical positions prove to be true results of the spent linguistic experiment with informants. The received language material testifies to a variety of word-formation models and the means caused by features of an individual picture of the world.

Key words: lexical innovations, linguistic experiment, the process of nomination, stages of choice of a word.

Поступила в редакцію 29.03.2011 г.

УДК 811.161. 2'373 : 398.3

МЕТОДИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛІЗУ ЛІНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТУ

Плотнікова Н. В.

*Харківський інститут фінансів Українського державного університету
фінансів і міжнародної торгівлі, м. Харків, Україна*

У статті розглядається комплексний аналіз концептів, що проходить в три етапи: 1) побудова номінативного поля концепту та встановлення його номінативної цільності; 2) виділення та опис структурних елементів концепту; 3) моделювання його польової структури.

Ключові слова: *концепт, концептополе, номінативне поле, номінативна цільність, елемент смислу.*

Розуміння концептів досить варіативне в сучасній лінгвістиці. Оскільки термін концепт з'являється у лінгвістичній семантиці завдяки взаємодії лінгвістики з філософією, психологією, культурною антропологією, то, відповідно, «концепт розглядається у різних векторах, у межах яких виділяють численні дефініції разом із цілими комплексами специфічних конкретизаторів» [5, с. 27], тому можна виділити кілька підходів до інтерпретації концепту, що докладно розглянуті у працях М. Агієнко, О. Бунєвої, С. Дроздової, В. Іващенко, В. Карасика, А. Костіна, Ж. Краснобаєвої-Чорної, В. Маслової, Т. Монахової, І. Палашевської, О. Прохвачової, Н. Слухай, Тянь Цзюнь, О. Цапок. Запропоновані науковцями підходи не вичерпують поняття «концепт», але дають змогу глибше пізнати його природу. Слід визнати, що всі наявні теорії часто виступають як перехресні, співвіднесені, та є комплексними, тому, зробивши аналіз теоретичної літератури, робимо висновок, що осмислення природи концептів можливе тільки за умов міжпредметного, комплексного підходу, розробка структури якого є метою цієї розвідки.

У працях сучасних науковців такий підхід отримав різні, проте синонімічні назви: універсальний (О. Мальцева, О. Прохвачова), комплексний (О. Клименко, О. Мальцева, Т. Монахова, О. Прохвачова), диференційний (О. Тряпціна), інтегративний / інтегральний (М. Агієнко, О. Бабаєва, В. Карасик, Ж. Краснобаєва-Чорна, І. Палашевська). Безперечно, дослідити концепти можна лише інтегруючи знання та методи багатьох наук, тому називаємо такий підхід інтегративним. Уперше *інтегративний підхід* до розуміння концепту був запропонований С. Ляпіним [7, с. 19]. Представники Волгоградської лінгвістичної школи теж дотримуються цього підходу, зокрема Г. Слишкін наголошує, що концепт є «одиноцею, що пов'язує наукові дослідження у галузі культури, свідомості та мови, оскільки він належить свідомості, детермінується культурою та опредмечується у мові» [14, с. 9]. З огляду

на те, що представники інтегративного підходу підкреслюють наявність культурної складової концепту, *актуальність* теми зумовлена необхідністю розробки повної структури аналізу саме лінгвокультурного концепту.

Для того щоб отримати повне уявлення про концепт, недостатньо вказати його основні параметри, оскільки повне уявлення про концепт ми можемо отримати, лише проаналізувавши його виникнення та динаміку розвитку всіх проєкцій семантичного простору. Детально дослідити концепт можна за допомогою методики концептуального аналізу, що набула значної популярності у сучасних розвідках та є надійним інструментом виявлення походження деяких важливих термінів сучасної культури. Як зазначає Т. Космеда, «слід наголосити на неоднозначності, що виникла при використанні термінологічного словосполучення «концептуальний аналіз» у сучасному лінгвістичному обігу» [4, с. 136]. Уперше на цей факт звернула увагу С. Нікітіна, порівн.: «Словосполучення «концептуальний аналіз» може означати аналіз концептів і певний спосіб їх дослідження, а саме аналіз за допомогою концептів або аналіз, що має своїми граничними одиницями концепти, на відміну від елементарних семантичних ознак при компонентному аналізі» [9, с. 117]. Зауважимо, що у розвідці концептуальний аналіз – це дослідження, для якого концепт є об'єктом аналізу.

Під час концептуального аналізу використання тих або інших методів, методик, прийомів і способів дослідження залежить не лише від складності концепту, але й від мети та завдань, які ставить перед собою дослідник, а також від характеру лінгвістичних джерел, що становлять матеріал дослідження. Відповідно, у сучасній науковій літературі репрезентовано декілька методик концептуального аналізу, пріоритетними серед яких є теорія фреймів, теорія семантико-когнітивного поля, теорія метафори та лінгвокультурологічні теорії В. Карасика і С. Воркачова.

Перегляд чинних методик концептуального аналізу дав змогу зробити узагальнення: попри їхні розбіжності, всі вони спираються на однакові дослідницькі процедури – етимологічний аналіз, компонентний аналіз, контекстуальний аналіз та інтерв'ювання, тому, враховуючи постульований інтегративний підхід, під час аналізу лінгвокультурного концепту пропонуємо використовувати комплексну методику, спрямовану на висвітлення різних аспектів концепту, основні етапи якої мають такий вигляд:

І. Побудова номінативного поля концепту та встановлення його номінативної щільності. Концепт «може бути описаний через аналіз засобів його мовної об'єктивації» [12, с. 66]. Оскільки концепт «розсіяний» у мовних знаках, які об'єктивують його, то заради побудови структури концепту, на думку М. Піменової, «треба дослідити весь мовний корпус, яким репрезентується концепт ...» [11, с. 9]. Сукупність мовних засобів, що об'єктивують концепт у конкретний період розвитку суспільства, З. Попова та І. Стернін визначають як **номінативне поле концепту** [12, с. 66].

Номінативне поле концепту культури будуємо шляхом суцільної вибірки мовних репрезентантів концепту з енциклопедичних, етимологічних, культурологічних, міфологічних, тлумачних і церковних словників, оскільки словники репрезентують усю сукупність знань людини про світ; словникові дефініції містять вербалізовані людські уявлення, поняття, концепти, з яких складається сама сутність картини

світу, а також з етнографічних джерел, в яких засобами мовного вираження описані певні явища культури. У запропонованій структурі аналізу до номінативного поля відносимо лише прями номінації концепту, їхні синоніми та деривати.

Як зазначають З. Попова та Й. Стернін, наявність великої кількості номінацій того чи іншого концепту свідчить про високу номінативну щільність даного фрагменту мовної системи, що відображає актуальність вербалізованого концепту в народній свідомості. Термін «**номінативна щільність**» увів В. Карасик, який під цим поняттям розуміє ступінь детальності мовної репрезентації конкретного концептуального простору, тобто деталізацію «позначуваного фрагмента реальності, множинне варіативне позначення та складні смислові відтінки позначуваного» [3, с. 136].

Вираховуючи номінативну щільність концептів, науковці замість кількісних показників уживають прикметники *висока* та *низька* [12, с. 147], але попри те, що номінативна щільність є досить відносним показником, вважаємо, що точніше та правомірніше було б її визначати в цифровому еквіваленті. Цифровий еквівалент пропонуємо називати коефіцієнтом номінативної щільності. Під **коефіцієнтом номінативної щільності** розуміємо *числовий показник об'єму номінативного поля концепту*. Коефіцієнт номінативної щільності обчислюємо за формулою $Q_{nd} = \frac{NF_c}{NF_{mcs}}$, де Q_{nd} – це коефіцієнт номінативної щільності, NF_c – загальна кількість одиниць номінативного поля концепту, NF_{mcs} – загальна кількість одиниць номінативного поля того концептополя, до якого належить концепт.

II. **Виділення та опис структурних елементів концепту**. Згідно з методикою аналізу культурних концептів Ю. Степанова, в структурі концепту виділяємо дві складові – культурну та поняттєву [15, с. 41].

1. *Культурна складова концепту* містить три шари: історичний, етимологічний та актуальний, що охоплюють сукупність діахронічно перемінних і сталих семантичних характеристик і способів вербалізації.

A. *Історичний шар*. В історичному шарі концепту на матеріалах етнографічних джерел, енциклопедичних, міфологічних і церковних словників описуємо й аналізуємо конкретне явище в усіх його виявах. Мета цих процедур – довести, що згадане явище є концептом української культури, що може не вживатися поза межами певного концептополя або може набувати специфічних рис, якщо належить до універсальних концептів.

B. *Актуальний шар*. Враховуючи те, що концепти мають мовне вираження, і, відповідно, підлягають семантичному аналізу, а парадигматичний аспект є складовою частиною семантичного аналізу лексики, метою дослідження актуального шару концепту є аналіз лексичних і словотвірних ознак його мовних репрезентантів.

а) *Лексичні ознаки*. Лінгвістичний аспект дослідження передбачає як розгляд основної номінації концепту, так і її синонімів, бо світогляд мовця як індивіда може відображати те ж саме поняття по-різному і називати його різними словами. Основну номінацію концепту виявляємо шляхом структурування наявних лексем у синонімічні ряди, супроводжуючи цей процес виділенням домінанти ряду, яку й визнаємо назвою концепту.

б) *Словотвірні ознаки*. За свідченням О. Іпанової, «концепт закладений не у слові, а у корені слова та реалізується у всій словотвірній парадигмі» [2, с. 358]. Отже, актуальним постає аналіз усіх лексем, що є спільнокореновими з основним мовним репрезентантом конкретного концепту. Метою цього комплексного словотвірного аналізу є встановлення факту приналежності конкретного деривату до номінативного поля відповідного концепту, тобто виявлення складу та частотності словотвірної парадигми, що дає змогу детальніше описувати концепти. Першим етапом такого аналізу є виявлення форманта та словотвірного типу. Другий етап – визначення способу словотворення. Третій етап – встановлення типу словотворення.

В. *Етимологічний шар*. Детальний аналіз концепту передбачає встановлення етимології позначуваного знаку – імені концепту. Для встановлення внутрішньої форми в дослідженні послуговуємось етимологічним лексикографічним описом засобів мовного вираження концептів, що сприяє аналізу етимологічного шару концепту та дає змогу визначити не лише первинний сенс досліджуваних лексем, але й прослідкувати розвиток концептів у діахронії та встановлення механізмів їх формування.

II. *Поняттєва складова концепту*. Поняттєву складову концепту «виявляють шляхом аналізу значень слова – основного репрезентанта концепту», тобто «на цьому етапі застосовують метод опису концепту за допомогою словникових значень слів-репрезентантів концептів» [1, с. 124]. Методом дослідження словникових дефініцій є компонентний аналіз, суть якого полягає в розщепленні значення слова на складові компоненти – семи. За свідченням Л. Лисиченко, «за градацією сем у всякому лексичному угрупованні ... виділяються архісеми, гіперсеми і гіпосеми» [6, с. 90]. Оскільки метою диференціації сем є групування синонімів у синонімічні ряди, послуговуючись класифікацією Л. Лисиченко, виділяємо **архісеми** – *спільну ознаку, що об'єднує синоніми* [6, с. 89]. З метою встановлення домінант цих синонімічних рядів, тобто імен виокремлених концептів, у семантичних структурах синонімів виділяємо **гіпосеми** – «семи, які відрізняють значення синонімів» [6, с. 73].

Враховуючи те, що часто засоби мовного вираження концептів є полісемантами, на особливу увагу заслуговує їх семантична структура. Семантична структура полісеманта встановлюється шляхом виявлення у тлумачних словниках його лексико-семантичних варіантів (ЛСВ). Метою вичленовування ЛСВ у семантичних структурах лексем є доведення наявності в цих лексем значення, що вказує на їхню приналежність до конкретного концептополя, а також виявлення смислових елементів як складників концептуальних структур концептів, що об'єктивуються згаданими лексемами.

III. *Моделювання польової структури концепту*. Будь-який концепт відповідає фрагменту концептуальної системи, яка репрезентує певну предметну галузь, тобто концептуальну сферу тотожну тематичному полю, на позначення якої А. Приходько вживає термін концептополе. Розподіляючи концептополя на концептополе макро- і мікрорівня, А. Приходько до перших зарахував ті, що включають множину концептів, в той час, як концептополе мікрорівня «можна умовно вважати ідіополем окремо взятого концепту» [13, с. 214]. Визнаючи польову структуру концепту, погоджуємось із З. Поповою та Й. Стерніним, які зазначають, що «польовий опис

робиться з опорою на дані про яскравість, актуальність тих чи інших когнітивних ознак у структурі концепту» [12, с. 214]. Представники Воронежської та Кемеровської лінгвоконцептологічних шкіл називають ознакою або когнітивною ознакою найменшу одиницю концепту. Говорячи про концепт як зміст поняття й смисл (а частіше комплекс смислів) слова, В. Жайворонок, Т. Космеда під смислом також розуміють найменшу одиницю концепту. Оскільки когнітивний та етноконцепти складаються з атомів смислу або комплексу смислів, то на позначення найелементарнішої одиниці лінгвокультурного концепту в роботі вживаємо словосполучення **смысловий елемент** або **компонент смислу**. Якщо, згідно з М. Піменовою, структура концепту – це сукупність узагальнених ознак, необхідних і достатніх для ідентифікації предмета чи явища як фрагмента картини світу, то концептуальна структура лінгвокультурного концепту – це сукупність смислових елементів.

Польова організація концепту – це ієрархія смислових елементів, що складається «з ядра і різних зон периферії у структурі концепту» [12, с. 290]. Виділяємо у структурі концепту ядро, приядерну зону та периферію. Реконструкція концептуальної структури, на думку М. Піменової, реалізується шляхом найповнішого виявлення ознак, тобто смислових елементів. З огляду на те, що «ядро концептів складають найголовніші, актуальні ознаки» [8, с. 53], зазначимо, що «в ядерну зону концепту входять поняттєва складова, репрезентована узагальненою інформацією про об'єкт, та знакова складова, що виражена ім'ям концепту» [10, с. 168]. Поняттєву складову досліджують шляхом вичленювання й опису сем, зокрема «семи, що збігаються або близькі за змістом, що були виокремлені в одиницях номінативного поля концепту, узагальнюються (тобто зводяться до однієї ознаки) й інтерпретуються як єдина когнітивна ознака концепту» [12, с. 201]. Щодо приядерної зони, то вона складається із суттєвих, але не основних уявлень, а периферійні елементи становлять власне зміст інших концептів [8, с. 53]. До приядерної та периферійної зон входять смислові елементи культурної складової концепту, що так само, як і когнітивні ознаки, отримані з різних джерел «шляхом когнітивної інтерпретації значень» [12, с. 270] засобів мовного опису конкретних явищ, уніфікуються, тобто отримують лаконічне формулювання. Підсумком моделювання польової організації концепту в межах лінгвоконцептологічного дослідження є «словесна та графічна репрезентація змісту концепту у вигляді польової структури» [12, с. 215].

Висновок. Запропонована методика комплексного аналізу концептів може бути використана для вивчення лінгвокультурних концептів, які є перспективними у сучасний період, коли простежуємо помітне посилення уваги до національної самобутності української культури.

Список літератури

1. Агиенко М. И. Правда и Истина // Антология концептов: [в 5 т.] / [под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина]. – Волгоград, 2006. – Т. 3. – С. 118-138.
2. Ипанова О. А. Жизнь / О. А. Ипанова // Антология концептов: [в 5 т.] – М., 2007. – Т. 1-2. – С. 356-370.

3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: [монография] / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002.
4. Космеда Т. А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки / Т. А. Космеда. – Львів, 2000.
5. Краснобаева-Чорна Ж. В. Интегральный підхід до інтерпретації концепту (філософський та лінгвокультурологічний вектори) // Лінгвістичні студії: збірник наукових праць / [укл. А. Загнітко]. – Донецьк, 2006. – Вип. 14. – С. 27-31.
6. Лисиченко Л. А. Лексико-семантична система української мови / Л. А. Лисиченко. – Харків, 1997.
7. Ляпин С. Х. Концептологія: к становленню підхода / С. Х. Ляпин. – Архангельск, 1997. – Вып. 1. – С. 11-35.
8. Моспанова Н. Ю. Добро и зло // Антология концептов: В 5 т. / [под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина]. – Волгоград, 2005-2008. – Т. 3. – С. 53-67.
9. Никитина С. Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка: культурные концепты: [сб. ст.] / [Редкол.: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) и др.]. – М., 1991. – С. 117-123.
10. Передриенко Т. Ю. Бог и дьявол // Антология концептов: [в 5 т.] / [под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина]. – Волгоград, 2005-2008. – Т. 3. – С. 167-184.
11. Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику / [под ред. М. В. Пименовой]. – Кемерово, 2004.
12. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М., 2007.
13. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя, 2008.
14. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М., 2000.
15. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997.

Плотникова Н. В. Методика концептуального анализа лингвокультурного концепта // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.426-431.

В статье описывается комплексный анализ концептов, который проходит в три этапа: 1) построение номинативного поля концепта и определение его номинативной плотности; 2) выделение и описание структурных элементов концепта; 3) моделирование его полевой структуры.

Ключевые слова: *концепт, концептополе, номинативное поле, номинативная плотность, элемент смысла.*

Plotnikova N. V. Conceptual analysis methods of lingvoculturological concept // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.426-431.

We describe the technique of the analysis of the lingvoculturological concepts suggested in this work which consists of 3 stages: 1) formation of the nominative field of concept and definition of its nominative density; 2) separation and description of the structural elements of the concept; 3) modeling of its field structure.

Key words: *concept, conceptofield, nominative field, nominative density, element of sense.*

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 330:159.9

ДОСЛІДЖЕННЯ РІВНЯ ЕМОЦІЙНОГО ІНТЕЛЕКТУ В СТУДЕНТІВ-ФІЛОЛОГІВ

Руда О. В.

Львівський національний університет імені Івана Франка, м. Львів, Україна

У статті проведено комплексний аналіз емоційного інтелекту в студентів філологічних дисциплін.

Ключові слова: *емоційний інтелект, комунікаційна компетентність, емоційна компетентність, керування емоціями*

Вивчати емоційний інтелект (англ. EQ/укр. EI) розпочали зарубіжні вчені, трактуючи його по-різному: спочатку – з позиції психології (П. Саловей, Дж. Майер, Г. Гарднер, Е. Торндайк, Р. Стернберг, Д. Гоулман), а пізніше – соціологічного підходу (у працях Т. Купріної). Проблема емоційного інтелекту не є новою в психології, оскільки проблема «єдності афекту та інтелекту» досліджувалася ще в класичних роботах П.К. Анохіна, Л.С.Виготського, С.Л. Рубінштейна [6]. Введення поняття емоційного інтелекту у психологічний тезаурус сприяло інтенсивному зростанню кількості досліджень, спрямованих на функціонування емоційно-інтелектуальної моделі (І. Андрєєва, О.Власова, Г. Гарскова, Д. Карузо, Д. Люсін, Дж.Д. Майер, Е. Носенко, Р. Робертс, П.С. Саловей), дослідження адаптивних функцій та адаптаційного потенціалу емоційного інтелекту (І. Аршава, Н. Коврига, Т. Кумскова, В. Овсянникова, Г. Юсупова), виявлення зв'язку між складовими емоційного інтелекту та лідерськими, управлінськими якостями (Д. Гастелло, Д. Гоулман, В. Єрмаков, Т. Купріна, А. Мітлош, А. Петровська), розвиток емоційного інтелекту та його складових (М. Манойлова, С. Мінасян, М. Нгуен, О. Приймаченко, К. Саарні). Однією з перспективних областей дослідження емоційного інтелекту є сфера освіти (Е. Аронсон, С. Дерев'янка, М. Манойлова) [5, с. 4]. *Мета статті* – аналіз емоційного інтелекту в студентів філологічних дисциплін.

За останні роки суспільство переосмислило значущість багатьох соціальних категорій. Емоційному інтелекту приділяється багато уваги й у сучасній економічній, соціологічній, психологічній, педагогічній, лінгвістичній літературі. Передусім це праці Т. Осіпової [13], В. Борисенко [1], Т. Купріна [8]. Українські дослідники А. Гаврилюк, О. Мельник, Е. Носенко та Н. Коврига вважають, що термін “емоційний інтелект” можна пояснити за допомогою поняття “розумність”, яке не тільки “підіймає нас над нашими пристрастями та слабкостями, а й допомагає скористатися з наших переваг, талантів та добродійності” [11, с. 23]. Емоційний інтелект можна визначити як рівень розвитку здатності людини успішно застосовувати зважені судження і обґрунтовані міркування з метою адекватної

емоційної поведінки, а також її оцінки у себе та інших людей. Емоційний інтелект (EI) також передбачає рівень розвитку емоційних реакцій, що базуються на раціональних переконаннях, а також чітку оцінку і розмежування неадекватних або “ірраціональних” та “раціональних” емоцій. Людина з високим рівнем емоційного інтелекту в різних ситуаціях демонструє адекватні “раціональні” емоції. Відповідно, такі емоції є мотивом до розважливої соціально прийнятної поведінки [10, с. 129]. Незважаючи на певні розбіжності науковців у визначеннях EI, практично всі дослідники схиляються до того, що наявність розвинутого емоційного інтелекту – це неодмінна умова успішного лідерства [2; 4; 8; 11; 12].

У працях початку XXI ст. емоційний інтелект розглядають насамперед як здатність людини аналізувати свої емоції, керувати ними, уміння визначати емоції інших та уміння керувати емоціями інших людей [13, с. 178]. Адже, на думку сучасних психологів та соціологів, успішність у професійній сфері на 85% залежить від емоційного інтелекту, однак ще 15 років тому коефіцієнт IQ вважали визначальним показником професійної компетентності у кадровій справі, зокрема для керівників вищого рівня. Однак дослідження доводять, що люди з добре розвинутою емоційною сферою можуть краще налагодити стосунки з тими, хто довкола них, швидше знайдуть вихід зі складного становища, здатні більш цілеспрямовано керувати своїми емоціями.

Існує також ряд визначень, що таке емоційний інтелект. Так, О. Горяїнов дотримується думки, що емоційний інтелект – це здатність людини до усвідомлення, прийняття й регуляції емоційних станів і почуттів інших людей і себе самого. У структурі емоційного інтелекту, він виділяє два аспекти: внутрішньо особистісний й міжособистісний, або соціальний (іншими словами, здатність управляти собою й здатність управляти відносинами з людьми) [3, с. 26]. На думку І. Філіппової [14], актуальність вивчення EI зумовлена ще й тим, що емоційний інтелект є однією з головних складових у досягненні максимального успіху в житті та відчуття щастя. Якщо в XX столітті в дипломатії, управлінні та бізнесі важливим був логічний інтелект, то в XXI столітті, коли процес глобалізації охопив усі сфери життя, актуальним є емоційний інтелект і пов'язані з ним форми практичного і творчого інтелекту. Українська дослідниця Н. Коврига запропонувала ієрархічну структуру рівнів сформованості емоційного інтелекту, яка виявляється в залежно від характеру його внутрішніх опосередковувальних компонентів [7]. Вона стверджує, що найнижчому рівню сформованості емоційного інтелекту відповідає здійснення емоційного реагування за механізмом умовного рефлексу (реактивна дія); ініціювання активності на сенсорно-перцептивному рівні; здійснення активності з переважанням зовнішніх компонентів над внутрішніми, на низькому рівні її усвідомлення, при низькому виявленні самоконтролю, з високою ситуативною зумовленістю, а середньому рівню сформованості емоційного інтелекту відповідає здійснення зовнішньої активності (діяльності, спілкування) довільно, на підставі уявлень (мислення), із застосуванням певних вольових зусиль, що відповідним чином відбиватиметься у свідомості на рівні емоційних переживань; переважання внутрішнього над зовнішнім; високий рівень прояву самоконтролю, поєднання у переважаючій поведінці стратегії концентрації зі стратегією емоційного реагування,

з відбиттям на рівні відчуття психологічного благополуччя позитивного ставлення до себе як суб'єкта життєдіяльності та спілкування [7]. Найвищий рівень сформованості емоційного інтелекту відповідає, на думку Н. Ковриги, найвищому рівню розвитку внутрішнього світу людини. Він базується на наявності у суб'єкта відповідного настановлення щодо можливих для нього особисто альтернатив поведінки у конкретних ситуаціях життєдіяльності. Ці настанови відбивають індивідуальну систему цінностей суб'єкта, яка чітко усвідомлена ним [7].

За спостереженнями Н. Ковриги, активність зароджується на рівні уявлень людини про те, як треба поводитись у цілому класі подібних ситуацій життєдіяльності, що свідчать про наявність у неї системи знань про розумну особистісну поведінку [7]. Такий етап розвитку емоційного інтелекту характеризується гармонійним співвіднесенням внутрішнього і зовнішнього, бо людина відчуває себе звільненою від безпосередніх ситуаційних вимог. Вибір характеру поведінки, адекватного ситуації, здійснюється нею без надмірних зусиль волі, бо він відбиває систему соціальних навичок, які сформувались під впливом переконань на рівні свідомості [7]. Мотивування такої поведінки, зазначає Н. Коврига, здійснюється суб'єктом не ззовні, а зсередини, тобто достатній рівень самоконтролю має інтернальний локус і людина у зовнішній поведінці виявляє досить помірний рівень сензитивності до можливих емоціогенних подразників та інтенсивності реагування на них [7]. Н. Коврига також підкреслює, що самооцінка суб'єкта, який володіє високим рівнем емоційного інтелекту, є досить високою у всіх аспектах її прояву. «Людина відчуває також досить високий рівень психологічного благополуччя як форми відбиття у свідомості власного оцінювання адекватності своєї поведінки, уявлення про те, як її треба здійснювати розумно у гармонії з іншими людьми. В цьому виявляється стресозахисна й адаптивна функції емоційного інтелекту. Людина з високим рівнем емоційного інтелекту відчуває певну незалежність від ситуації у виборі стратегій подолаючої поведінки, бо ці стратегії базуються на настановах, які сформувались і закріпились у досвіді» [7]. У ході емпіричного дослідження Н. Коврига підтвердила наявність вищезазначених трьох рівнів прояву емоційного інтелекту. Емпіричне дослідження дозволило їй продемонструвати зв'язок емоцій з інтелектом у різних ситуаціях життєдіяльності людини і практичну можливість і доцільність цілеспрямованого формування емоційного інтелекту [7]. Н. Коврига, також встановила, що розбіжності у рівнях сформованості емоційного інтелекту найбільш контрастно виявляються в показниках, що характеризують ставлення людини до себе як суб'єкта життєдіяльності [7]. На другому місці в цій своєрідній ієрархії, за спостереженнями Н. Ковриги, перебувають розбіжності, що виявляються у ставленні суб'єкта до інших як партнерів по спілкуванню і взаємодії, і найменш суттєво суб'єкти з різними рівнями сформованості внутрішніх ознак емоційного інтелекту відрізняються в аспекті ставлення до світу і оцінювання зовнішніх подій [7].

Дане експериментальне дослідження було проведено в 2010 р. на базі Львівського національного університету ім. І. Франка. Дослідженням було охоплено 30 студентів (із них 4 чоловічої та 26 жіночої статі) 3-х курсів гуманітарної спеціальності віком від 20 до 22 років, що склали окремі вибірки дослідження,

сформовані за курсом навчання та за основними параметрами репрезентативності (віком, статтю, професійною спрямованістю). Аналіз даних, отриманих за допомогою тестів «Self-scoring emotional intelligence tests», дозволив виділити дві основні групи: з усієї кількості опитаних студентів 20 досліджуваних увійшли до групи з високим рівнем емоційного інтелекту, 7 досліджуваних – до групи з середнім та 3 досліджуваних – до групи з низьким рівнем прояву емоційного інтелекту. Тест 1. – 26,8%; Тест 2. – 27,5%; Тест 3. – 21,3%; Тест 4. – 24,7%; Тест 5. – 24,1%; Тест 6. – 21,7%; Тест 7. – 25,1%; Тест 8. – 28,4%. Загальний бал – 24,95%. Таким чином, можна сказати, що для даної групи студентів характерний другий (середній) рівень емоційного інтелекту, близький до верхньої межі (20-27 балів). Однак дуже близько до третього рівня (високого) наближаються дані тесту 2 – 27,5% і 8 – 28,4% (28-36 балів), що вказує на позитивну самосвідомість. Студенти реально оцінюють свої можливості, те відчуття комфорту, яке вони мають, передається іншим. Дані тесту 8 – 28,4% також відповідають третьому (високому) рівню, що свідчить про низький рівень мінливості, тобто студенти можуть піти на певні поступки з елементом гри, що корелює з даними тесту 5, які відповідають образу «дорослого-дитини». Слід відзначити й дані тесту 1 (26,8%), тобто наближення до верхньої межі другого рівня, що вказує на достатньо високі спроби керування своїми як позитивними, так і негативними емоціями. Найнижчі бали за тести 3 (21,3%) і 6 (21,7%). Однак, за даними тесту, 3 нижчі бали вважаються швидше більш позитивним результатом, який свідчить про більшу екстраверсію, що є необхідною для даної групи студентів при широкому спектрі комунікацій, а дані тесту 6 свідчать про те, що досліджуваній групі слід розвивати їх задатки лідерства. Вони трудолюбиві, добросовісні, серйозно ставляться до виконуваної роботи.

С. Дерев'янка виявила також гендерні відмінності у рівнях прояву внутрішньоособистісного регулятивного компоненту емоційного інтелекту: більш високий рівень здатності до управління власними емоціями та контролю експресії виявлено у юнаків [5, с. 11-12]. Однак у нашому дослідженні таких відмінностей не виявлено, можливо через незначний відсоток представників чоловічої статі. Дані, отримані С. Дерев'янка, відповідають загальним гендерним уявленням про експресивність жінок та емоційну стриманість чоловіків і відкривають перед науковцями нові горизонти для досліджень, оскільки викладання іноземної мови є основою для розвитку міжкультурної комунікативної компетенції й емоційної компетентності як її складової та передбачає вдосконалення не тільки лінгвістичних навичок, але й також комунікативних в полікультурному контексті.

Список літератури

1. Борисенко В.М. Емоційний компонент у структурі освіти вищого навчального закладу на сучасному етапі. [Електронний ресурс] / В.М. Борисенко. – Режим доступу: http://www.bdpu.org/scientific_published/pedagogics_4_2009/borysenko.pdf
2. Гаврилюк А.М. Природа резонансного лідерства та якісні ознаки сучасного лідера-управління. [Електронний ресурс] / А.М. Гаврилюк. – Режим доступу: <http://www.nbu.gov.ua/e-journals/Dutp/2007-2/txts/07gamslu.htm>
3. Горяїнов О.М. Методичні вказівки до практичних занять і самостійної роботи з дисципліни «Основи логістичного консультування» (для студентів напряму підготовки 0502 (6.030601))

- “Менеджмент” спеціальності 8.050208, 7.050208 «Логістика»): [навчальне видання] / О.М. Горяїнов. – Харків: ХНАМГ, 2009. – 36 с.
4. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта: [Пер. с англ.] / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 301 с.
 5. (а) Дерев'яно С.П. Емоційний інтелект як чинник соціально-психологічної адаптації особистості до студентського середовища: автореф. дис. канд. психолог. наук: спец. 19.00.05 «Соціальна психологія; психологія соціальної роботи» / С.П. Дерев'яно. – Київ, 2009. – 23 с.
 6. (б) Дерев'яно С.П. Управління емоціями як регулятивний компонент емоційного інтелекту [Електронний ресурс] / С.П. Дерев'яно. – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vchdpu/2009_74_1/31.pdf
 7. Коврига Н.В. Стресозахисна та адаптивна функції емоційного інтелекту: автореф. дис. канд. психолог. наук: спец. 19.00.01 «Загальна психологія, історія психології» / Н.В. Коврига. – Київ, 2003. – 20 с.
 8. Куприна Т.В. Эмоциональное лидерство – новая модель менеджмента аудитории / Т.В. Куприна // Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве. – Екатеринбург: УРФУ, 2011. – С. 86-91.
 9. Куприна Т.В. Управление эмоциями в зеркале кросс-культурных исследований: [Монография] / Т.В. Куприна, С.М. Минсян, О.В. Руда. – Ереван: Лимуш, 2010. – 151 с.
 10. Мельник О.Г. Емоційний інтелект і критичне мислення / О.Г. Мельник // Наукові Записки Національного університету “Острозька академія”: [зб. наук. праць]. – Серія “Психологія і педагогіка”. – Випуск 12. – Тематичний випуск: “Сучасні дослідження когнітивної психології”. – Острог, 2009. – С. 122-131.
 11. Носенко Е.Л. Емоційний інтелект: концептуалізація феномену, основні функції: [монографія] / Е.Л. Носенко, Н.В. Коврига. – К.: Вища школа, 2003. – 126 с.
 12. Орбан-Лембрик Л.Е. Психологія управління: [навч. посіб.] / Л.Е. Орбан-Лембрик. – Івано-Франківськ: Плай, 2001. – 695 с.
 13. Осіпова Т. Комунікативний кодекс українців: відображення дії закону поглинання емоцій в українському паремійному фонді / Т. Осіпова // Лінгвістичні студії. – Випуск 18. – 2009. – С. 178-181.
 14. Філіппова І. Емоційний інтелект як засіб успішної самореалізації [Електронний ресурс] / І. Філіппова. – Режим доступу: <http://www.politik.org.ua/vid/magcontent.php3?m=6&n=72&c=1686>

Руда О.В. Исследование уровня эмоционального интеллекта у студентов-филологов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.432-436.

В статье проведен комплексный анализ эмоционального интеллекта у студентов филологических дисциплин.

Ключевые слова: *эмоциональный интеллект, коммуникативная компетентность, эмоциональная компетентность, управление эмоциями.*

Ruda O.V. The investigation of the emotional intelligence of language students // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.432-436.

The article is concerned with a comprehensive study of the emotional intelligence of students-philologists.

Key words: *emotional intelligence, communication competence, emotional competence, emotion management.*

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 801

ВИТОКИ Й ОСОБЛИВОСТІ СУЧАСНОЇ ПОЛІТИЧНОЇ РИТОРИКИ

Рудик І.М.

Житомирський державний університет ім. І. Франка, м. Житомир, Україна

У статті розглянуто риторичну систему наук Ф. Бекона, де їй відведено місце одного з розділів логіки. Встановлено функції й мету риторичної діяльності в суспільстві. Виявлено, що сучасна політична комунікація перетворюється з риторичного засобу на засіб маніпулювання виборцями.

Ключові слова: *риторика, політичні лозунги, маніпуляція.*

Останні дослідження у сфері прагмалінгвістики, соціолінгвістики, психолінгвістики свідчать про зростання інтересу фахівців різних галузей до вербальних засобів впливу на адресата, на його переконання, бажання й емоції. Доктор філологічних наук, професор Йосип Абрамович Стернін (Росія) навіть говорить про формування в сучасному науковому просторі нової інтегральної науки – мовленнєвого впливу, науки про ефективне спілкування. Але чи справді це нова наука? *Предметом* нашої статті, таким чином, буде мовленнєвий вплив, дослідження якого становить *актуальний* напрямок сучасної лінгвістики. *Метою* представленого дослідження є простежити витоки науки про мовленнєвий вплив, а також визначити особливості останнього на сучасному етапі.

У своїй фундаментальній праці «Велике відродження наук» («Instaurationis Magnae Scientiarum») Френсіс Бекон, філософ і лорд-канцлер Англії (у 1618-1621 рр.), розробляє власний «глобус» наук. При цьому дослідник стверджує, що метою усіх наук є пізнання людиною самої себе, й зводить усі науки до вчення про людину. В межах цього вчення автор пропонує розмежовувати дві частини – філософію людини, яка досліджує людину як таку, й громадянську філософію, яка досліджує людину стосовно суспільства. В свою чергу, філософію людини утворюють науки, які стосуються людського тіла, й ті, які стосуються людської душі [1, с. 251-252]. Аналізуючи науки першої категорії, філософ зазначає, що «в период рождения и роста государств процветает воинское искусство, в эпоху их наивысшего развития – свободные искусства, когда же они начинают клониться к упадку и гибели, расцветают искусства, служащие сладострастию» [1, с. 279].

Водночас Ф. Бекон стверджує, що всі науки вийшли зі вчення про людську душу, яке він поділяє на дві частини – логіку й етику. Логіка, за словами дослідника, вивчає процеси розуміння й судження, а етика – волю, прагнення й афекти [1, с. 291]. Без сумніву, найбільший інтерес у Ф. Бекона викликає логіка як наука про мислення: «...науки, изучающие мышление, безусловно, являются ключом ко всем остальным. И точно так же как рука является орудием орудий, а душа – формой форм, так и эти науки являются науками наук» [1, с. 293].

Логіку, на думку Ф. Бекона, утворюють чотири розділи:

- мистецтво дослідження чи відкриття;
- мистецтво оцінки чи судження;
- мистецтво збереження чи пам'яті;
- мистецтво висловлення чи повідомлення [1, с. 293].

Саме останній, четвертий розділ логіки опікується проблемами передачі й повідомлення знань і охоплює всі науки, які стосуються, за словами Ф. Бекона, слова й мовлення [1, с. 330]. На наступному етапі автор поділяє мистецтво повідомлення на три частини:

- вчення про засоби повідомлення;
- вчення про метод повідомлення;
- вчення про ілюстрацію (прикрашання) викладу.

Під вченням про засоби повідомлення дослідник має на увазі граматику й виокремлює в ній дві частини, які, відповідно, стосуються усного й письмового мовлення. Що стосується вчення про метод повідомлення, його Ф. Бекон називає «мудрістю повідомлення» [1, с. 342], адже саме від того, який метод обрано для передачі знань, залежить їх глибина, істинність і подальший розвиток.

Третій розділ логіки, вчення про ілюстрацію викладу, називається риторикою, чи ораторським мистецтвом. Цікавим є бачення Ф. Бекона завдань цього вчення: «...задача и функция риторики состоят прежде всего в том, чтобы указания разума передавать воображению для того, чтобы возбудить желание и волю». Отже, саме риторика і є наукою про ефективне спілкування. Метою ж риторики вчений вбачає у тому, щоб заповнити уяву такими образами, які б допомагали діяльності розуму, а не пригнічували його. На відміну від Платона, який відносив риторику до «розважливих мистецтв», стверджуючи, що «... она подобна поварскому искусству, которое так же много портит полезной пищи, как много вредной делает съедобной благодаря применению всякого рода приправ и специй», Бекон, погоджуючись з Аристотелем, прирівнює риторику до політики й зазначає, що красномовство, якому навчає риторика, силою переконання наближає до нас віддалене майбутнє, тим, що робить його чітко видимим і ясним, ніби воно знаходиться у нас перед очима [1, с. 351-353].

По суті, у наведеній вище цитаті Платон говорить про використання мови з метою маніпуляції. Ф. Бекон же як вчений займає іншу позицію: покликання будь-якого справжнього вченого він вбачає не в служінні власним корисливим інтересам. Кінцевою метою науки взагалі він вважає винаходи й відкриття, метою яких, в свою чергу, є покращення життя людей. Водночас Ф. Бекон не заперечує того, що риторика вміє представити низьку справу у вигідному світлі. Так, він порівнює риторику з діалектикою, наукою про складання софізмів, стверджуючи, що діалектика б'є кулаком, а риторика – долонею. Однак розмірковуючи над призначенням оратора, Ф. Бекон застерігає його не піддаватися бажанню прикрасити словами підлі вчинки; натомість, оратору слід уподібнюватися музиканту, який пристосовується до смаків своїх слухачів, і вміти відшукувати особливі слова, щоб говорити про одне й те ж з різними людьми [1, с. 353].

На нашу думку, однак, вміння використовувати різні вербальні засоби для впливу на різних адресатів набуло в сучасних умовах більш негативного характеру й

стало підмурком маніпуляції, оскільки метою цього навмисного й прихованого психологічного впливу є збудження в адресата неусвідомлених і безпідставних для нього переконань, бажань і емоцій.

Сучасні політики й риторичні (часто в одній особі) розглядають цільову аудиторію як складний соціальний конгломерат, окремі фракції у складі якого різняться не лише за віком, статтю, національною чи професійною приналежністю, але й за певним сталим набором улюблених чи «особливих» (за Ф. Беконом) слів. У другій половині ХХ століття з'являється нова категорія фахівців, завданням яких є вивчити цільову аудиторію шляхом опитування й визначити її уподобання, упередження, цінності, а також найбільш і найменш улюблені слова. В англійській мові на позначення таких фахівців існує окремий термін – *pollsters* (від *poll* – опитування), виникнення якого датується 1935-1940 роками.

Таке «препарування» аудиторії та використання отриманих результатів для політичних маніпуляцій почалося, за словами Джо Кляйна, американського політичного журналіста й письменника, у 1968 році, під час передвиборчої кампанії тоді ще кандидата у президенти США Річарда Ніксона. Керівник його передвиборчої кампанії передбачав ще тоді: *“This is the way they'll be elected forevermore. The next guys up will have to be performers”* [5].

І насправді, всі наступні учасники президентських перегонів у США (і не лише) прагнули й прагнуть забезпечити себе й в усьому покладатися на своїх консультантів чи, у вітчизняному контексті, радників. У своїх зверненнях до виборців вони торкаються тих тем, які, за результатами опитування, є актуальними для даної аудиторії, та використовують ті слова, які, за результатами того ж таки опитування, є «особливими» для цієї аудиторії.

Іншою особливістю політичної комунікації II половини ХХ – початку ХХІ століття є її «телевізійність». Взаємодія сучасних політиків з виборцями більше нагадує рекламу, в якій роль рекламних слоганів виконують політичні лозунги. Фактично, сучасні політичні перегони перетворюються на війни лозунгів, що не дивно, якщо взяти до уваги той загальновідомий факт, що людина в середньому чує 70%, розуміє 60%, а запам'ятовує не більше 20% сказаного. Лозунги являють собою ідеологічно, соціально чи політично значимі тексти, оформлені як короткі наказові або оцінні вирази, метою яких є зміна поведінки чи цінностей адресата. У світлі сказаного вище очевидно є обумовленість лозунгів очікуваннями цільової аудиторії, які виявляють консультанти політичних діячів за допомогою соціологічних досліджень.

Так, результати останніх соціологічних досліджень свідчать, що нині громадян України передусім турбують такі проблеми, як подолання корупції, боротьба з бідністю, підвищення соціальних стандартів, забезпечення енергетичної безпеки України, реформа судової системи, відродження та розвиток української культури [3, с. 1]. По-іншому виглядала ситуація в українському суспільстві напередодні президентських виборів 2004 року. Проблеми, позначені «полстерами» як актуальні на той час, стосувалися свободи, регіональної самостійності, культурної ідентичності [2]. Відображення цих проблем знаходимо в гаслах прихильників В. Ющенка 2004 року:

Разом нас багато; Один народ, одна нація, одна держава; Бандитам – тюрми!

Щодо гасел, якими змагалися учасники президентських виборів 2010 року, то вони також відображають швидше очікування колективного адресата, ніж погляди чи програмні заяви адресантів:

З Богом – вперед!; Україна для людей; Сильна економіка – успішна країна; Почую кожного; Я йду, щоб перемогти бідність; Я знаю. Я прийду (В.Ф. Янукович).

Я вірю в Україну; Обери новий шлях; Вони блокують – вона працює. Вони балакають, вона – працює. Вони заважають, вона – працює. Вона – це Україна. Україна переможе. Україна – це ти! (Ю.В. Тимошенко).

Порівняймо наведені гасла з деякими лозунгами кандидатів у президенти США. Провідний лозунг передвиборчої кампанії 2008 року демократа Барака Обами звучить як *“Yes, we can!”*. Стрижнем його кампанії є ідея зміни, яка простежується в лозунгах: *Hope; Change; Progress; Vote for Change*. У кандидата від Республіканської партії Джона МакКейна подібна провідна ідея відсутня; лозунги його команди є швидше запевненнями у власній порядності: *Country First; Ready From Day One; Straight Talk; Time For a Real Hero*. Один із лозунгів Дж. МакКейна дещо відрізняється від інших за змістом: *Reform – Prosperity – Peace*. В його складі знаходимо комбінацію не пов’язаних між собою лексичних одиниць, які позначають базові цінності будь-якої цільової аудиторії в XXI столітті.

За даними аналітиків [6], разом із лозунгом Барака Обами *“Yes, we can!”*, іншими вдалим лозунгами кандидатів у президенти США є *“It’s Morning Again in America”* (Рональд Рейган, 1980), *“Are You Better Off Than You Were Four Years Ago?”* (Рональд Рейган, 1980), *“A New Deal for the American People”* (Франклін Делано Рузвельт, 1932), *“I Like Ike”* (Дуайт «Айк» Ейзенхауер, 1952).

Викладені аргументи дозволяють зробити *висновок* про те, що відомі й досі популярні в США політичні лозунги, на відміну від лозунгів вітчизняних політиків, не лише покликані змінити поведінку адресата (що притаманно лозунгам взагалі за наведеним вище визначенням), а й підпорядковані провідній меті риторики, яка, нагадаємо, полягає у тому, щоб заповнити уяву адресата такими образами, які б допомагали діяльності розуму, а не пригнічували його; щоб силою переконання наближати до нас віддалене майбутнє. Лозунги як риторичні засоби спроможні не лише вплинути на виборця, а й об’єднати, надихнути націю, сформувати у неї впевненість у кращому майбутньому й надати сили будувати його.

З іншого боку, повернення лозунгів до площини риторики – завдання не лише політиків і їх консультантів. Джо Кляйн закликає виборців ставити під сумнів сумлінність політика і перевіряти її за допомогою «тесту Беннетта» (на ім’я автора ідеї, республіканця Вільяма Беннетта): *“... if a candidate tells you only things you want to hear, if he asks nothing of you, then give him nothing in return, certainly not your vote, because he is not telling you the truth”* [4].

Список літератури

1. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Том I (перевод Н. А. Федорова, Я. М. Боровского) / Ф. Бэкон. – М.: Мысль, 1971. – 588 с.

2. Кондратова В. PR-уловки для избирателя. Главные лозунги предстоящих выборов [Электронный ресурс] / Валерия Кондратова. – 23.07.2009. – Режим доступа: <http://news.liga.net/articles/NA090223.html>
3. Погребна О. Аналітичне дослідження Канадського Товариства Приятелів України [Електронний ресурс] / Олена Погребна, Леся Груніна, Леся Шимко. – Торонто, 2010. – 11 с. – Режим доступу: http://www.canadianfriendsofukraine.com/election_projects/2010_Presidential_analysis_ukrainian_version/Election%20Analysis%202010.pdf
4. Klein J. Mitch Daniels: the rare politician telling it like it is [Електронний ресурс] / Joe Klein // Time, 17.02.2011. – Режим доступу: <http://www.time.com/time/politics/article/0,8599,2049703,00.html#ixzz1Ec4VS6zf>
5. Klein J. Pssst! Who's behind the decline of politics? [Consultants] [Електронний ресурс] / Joe Klein // Time, 09.04.2006. – Режим доступу: <http://www.time.com/time/columnist/klein/article/0,9565,1181593,00.html>
6. Vittachi N. The world's greatest, worst political slogans [Електронний ресурс] / Nury Vittachi // The Jakarta Post, 05.02.2010. – Режим доступу: <http://www.thejakartapost.com/news/2010/05/02>.

Рудик И.Н. Истоки и особенности современной политической риторики // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.437-441.

В статье рассматривается риторика в системе наук Ф. Бэкона, в которой ей отводится место одного из разделов логики. Определены функции и цель риторики в обществе. Установлено, что современная политическая коммуникация превращается из риторического средства в средство манипулирования избирателями.

Ключевые слова: *риторика, политические лозунги, манипуляция.*

Rudyk I.M. Sources and features of modern political rhetoric // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.437-441.

The article studies rhetoric in F. Bacon's system of sciences, where it is positioned as a branch of logic. The author outlines the functions and objective of rhetoric in society, and argues that modern political communication seizes to be a rhetoric tool becoming instead a tool for manipulating voters.

Key words: *rhetoric, political slogans, manipulation.*

Поступила до редакції 27.04.2011 р.

УДК 811.161.1'373.7+81.373.612

ДОСЛІДЖЕННЯ ДИНАМІКИ ЖІНОЧИХ ІМЕН НА ПОЧАТКУ ХХІ СТОЛІТТЯ

Садова Г. Ю.

Миколаївський національний університет ім. В.О. Сухомлинського, м. Миколаїв, Україна

Стаття присвячена комплексному дослідженню фоносемантичних ознак власних імен за допомогою комп'ютерної програми ВААЛ шляхом співставлення отриманих у результаті комп'ютерного аналізу оцінок зі ступенем розповсюдженості імен у суспільстві.

Ключові слова: фоносемантичні ознаки, власне ім'я, звук.

Магія імені з давнини привертала увагу допитливих людей. Поступово склалося тверде переконання, що ім'я впливає на характер людини, допомагаючи її розвитку або, навпаки, гальмуючи його. Цей вплив складається з усвідомлюваного значення імені, а також з фоносемантичного компоненту.

Власні імена – це не тільки звичайні найменування конкретних осіб, у їх звучанні часто відчуваються особливе семантичне наповнення і виразне забарвлення. Як свідчать сучасні дослідження, у людській підсвідомості кожен мовний звук має певне значення, може впливати на її, спонукає до певних емоцій, тобто звуки здатні стимулювати ті чи інші асоціації.

Метою нашої статті є дослідження динаміки жіночих імен в аспекті фоносемантичного їх наповнення. Для її реалізації необхідно вирішити такі завдання: дослідити особливості фоносемантики власних імен; проаналізувати причини розповсюдженості імен у суспільстві; виявити специфіку жіночих антропонімів, найпопулярніших у ХХІ столітті.

Матеріалом дослідження стали жіночі імена, розповсюджені у Миколаївській області у першому десятиріччі ХХІ століття, що зафіксовано в актових книгах реєстрації народжень дітей міського відділу РАЦС Миколаївського міського управління юстиції.

Власні імена звернули на себе увагу ще давньоєгипетських, давньогрецьких та давньоримських вчених, проте ономастика як наука, що вивчає власні імена, отримала науковий статус лише у 30-х роках ХХ ст. [6, с. 88]. Останніми роками пріоритетним став фоносемантичний аспект дослідження власного імені, але явище фоносемантичного впливу на сьогодні висвітлене недостатньо повно.

Фоносемантика – нова прогресивна наука, що потребує систематизації, поглибленого вивчення та практичної перевірки різноманітних фоносемантичних гіпотез. Останнім часом до проблем фоносемантики звертається велика кількість дослідників, які в своїх роботах розглядають як загальні питання фонетичного значення, так і окремі його аспекти. Це теорія фоносемантичного поля (С. Міхальов), фоносемантичні властивості звуків у поетичній мові (Н. Красовська),

фоносемантична етимологізація (Т. Бузанова), емоційно-семантичні параметри фоносемантичної системи (Д. Романов), експресивно-стилістичні можливості фонетичної системи сучасної російської мови (Н. Старцева), прояв фоносемантичних особливостей звуків у різних функціональних стилях (С. Степанова), колірні й ознакова символіка звуків (С. Бондар, Л. Прокоф'єва), фоносемантичний аспект антонімії (О. Бурська).

Теорія фоносемантичного впливу детально викладена у працях С. Вороніна [1], Л. Дорожної [2], О. Журавльова [3], В. Кушнерик, О. Найдеш [4], Н. Львової [5] тощо і, більш того, реалізована у ряді комп'ютерних програм типу «ДІАТОН» [7], «ВААЛ» [8]. Завдяки цим програмам можна відстежувати інформацію, що є недоступною для свідомості та впливає на людину через сферу несвідомого. Вони здійснюють фоносемантичний аналіз слова або тексту за допомогою списку якостей (ознак), з якими асоціюється певне слово з визначенням ступеня асоціації. Програми дозволяють виявити фонетичне значення тексту – за 20-тьма шкалами, слова – за 25-тьма, частоти вживання звуків і відхилення цих частот від норми, параметри високих та низьких звуків тощо. Крім цього, за допомогою програм відбувається аналіз звуко-колірних асоціацій і визначення місця золотого перетину [7; 8].

«Психолінгвістична експертна система ВААЛ – 2000» (скорочено ВААЛ), робота над якою ведеться з 1992 року, дозволяє прогнозувати ефект неусвідомлюваного фоносемантичного впливу слів та текстів на масову аудиторію, аналізувати їх з погляду такої дії, скласти тексти із заданим вектором впливу, виявляти особистісно-психологічні якості авторів тексту, проводити поглиблений контент-аналіз тощо. Існує спрощена версія ВААЛ-міні – програма для проведення фоносемантичної експертизи слова або тексту, яку ми використовуємо у нашому дослідженні для визначення фоносемантики того чи іншого імені [8].

Аналіз актових книг реєстрації народжень міського відділу РАЦС Миколаївського міського управління юстиції дав підстави виділити три групи жіночих імен за ступенем розповсюдженості у період 2000-2010 рр. До першої групи ми віднесли найпопулярніші (імена, що входять до трійки лідерів кожного року у ХХІ столітті). Другу групу складають імена, які займають 4-20 місця у рейтингу. Третя група містить імена, вживаність яких приблизно 25 та менше разів. Перші дві групи складають словник постійно вживаних імен. Проаналізуємо їх.

Перед цим слід зазначити, що зростання чи спад популярності імен залежить від наступних факторів:

1) від суспільного розвитку: *Валентина (Терешикова), Людмила (Кучма), Раїса (Горбачова), Юлія (Тимошенко)*;

2) багато імен перекладено з російської мови способом транслітерації: *Альона, Алєся, Валєрія, Крістіна* тощо;

3) помітно впливають на вибір імені західна та східна культури: *Аріна, Елеонора, Ельвіра, Сабіна* та інші;

4) популярність імен змінюється від популярності серіалів: *Анастасія («Бідна Настя»), Катєрина, Кіра («Не родись красивою»), Роза/Розалія («Дика Роза»)*;

5) вагомим залишається також вплив радянзації: *Владлена, Нінель, Октябрина, Сталіна* тощо;

б) сьогодні популярними є імена, утворені від ласкавих слів: *Зірка, Ласка, Принцеса* тощо;

7) помітний вплив відчувається з боку Біблії та релігій, наприклад *Марія, Магдалина* (вже існує як самостійне ім'я), *Євангеліна* та інші;

8) користуються популярністю імена або псевдоніми естрадних співаків: *Азіза, Ані (Лорак), Земфіра, Лоліта, Тіна (Кароль)* та інші;

9) внаслідок численних міграцій збільшилась кількість подвійних імен, що існують в різних зарубіжних країнах, зокрема у США: *Келлі Ірина, Крістіна Марі, Лаура Енн, Тетяна-Марія* тощо.

Отже, популярність імен нерозривно пов'язана із суспільством та змінами, що виникають у ньому. Але разом з цим, на нашу думку, істотними є фоносемантичні особливості імені.

Як показав проведений нами аналіз, першу за розповсюдженістю групу складають імена *Анастасія, Дар'я, Катерина, Марія, Софія*.

Найпопулярніше ім'я *Анастасія* не має виражених фоносемантичних характеристик. Похідні від нього імена – *Настуся, Настусенька* також мають нейтральне забарвлення. Але знаменитих людей з іменем *Анастасія* багато: балерина *Анастасія Волочкова*, тенісистки *Анастасія Мискіна* та *Анастасія Родіонова*, олімпійські чемпіонки *Анастасія Давидова* та *Анастасія Єрмакова*, акторка *Анастасія Заворотнюк*.

Друге за популярністю ім'я *Дар'я* справляє, за результатами програми ВААЛ, враження чогось швидкого, сильного, твердого. Похідні форми від цього імені зберігають ідентичні фоносемантичні характеристики: *Даринка* оцінюється ВААЛ як щось велике, швидке, холодне, сильне, тверде, *Даруся* – як щось тверде.

Наступні розповсюджені імена несуть такі ознаки: *Марія* охарактеризоване ВААЛ як щось швидке, холодне, сильне, темне, тверде. Розглянувши особливості зафіксованих похідних форм від цього імені, ми також виявили, що ім'я *Марійка* зберігає свої фоносемантичні властивості (щось швидке, холодне, сильне, темне, тверде), форма *Маруся* повторює ознаку чогось твердого, а ім'я *Маруня* здобуває нейтральності.

Ім'я *Софія*, що тричі зустрічалось у списках лідерства, несе у собі наступні якості: щось маленьке, тепле, слабке, у формі *Софійка* теж справляє враження чогось маленького, теплого, слабкого, м'якого.

Отже, фоносемантичні особливості найпопулярніших офіційно зареєстрованих імен та їх форм, що вживаються у побуті та у розмовному стилі мовлення, здебільшого співпадають.

Імена другої за популярністю групи досить часто вживаються у мові: *Анна, Аліна, Валерія, Єлизавета, Ірина, Карина, Катерина, Ксенія, Христина Соф'я*. Такі імена теж носять світові відомі особистості, але на відміну від першої групи, похідні форми від цих імен набувають зовсім інших фоносемантичних ознак.

Анна справляє враження чогось великого, швидкого, сильного, темного, твердого. Варіанти *Анаїт* – чогось великого, сильного, темного, твердого; *Аннушка* – швидкого, сильного, темного, твердого; *Аня* – теплого, світлого, м'якого; *Ганна* – великого, холодного, сильного, темного, твердого. *Аніта* – характеризується ВААЛ

як щось тепле; *Анетта* – має знаки чогось великого, сильного, темного, твердого; *Анні* – сприймається як щось тепле.

Розглянемо інші варіанти імен цієї групи, які зареєстровані як офіційні. *Катерина* охарактеризоване програмою ВААЛ як щось швидке, холодне, сильне, темне, тверде, але за зразком російської мови – *Єкатерина* набуває ознак чогось теплого і м'якого. При написанні *Єкатеріна* антропонім набуває наступних ознак: маленьке, тепле, слабке, світле, м'яке. Запозичена форма *Катрін* не має яскравих фоносемантичних ознак.

Як бачимо, фоносемантичні варіанти імені за зразком української та російської мов значно різняться. Так, ім'я *Софія*, що тричі входило до трійки лідерів за 2000-2010 рр. справляє враження чогось маленького, теплого, слабкого, м'якого. Такі самі характеристики має ім'я *Софья*. Але популярна форма *Соф'я* справляє враження чогось великого, холодного, сильного, твердого і темного.

Ім'я *Христина* охарактеризоване як щось велике, холодне, сильне, темне, тверде, а калька з російської мови *Крістіна* – як щось м'яке. *Карина* охарактеризоване ВААЛ як щось швидке, сильне, темне, тверде, але *Каріна* не несе яскравих фоносемантичних ознак. Нейтральне за своєю характеристикою ім'я *Ксенія* набуває ознаки чогось теплого при написанні і вимові за зразком російської мови – *Ксенія*.

Лише деякі антропоніми першої та другої груп зберігають спільні фоносемантичні характеристики в усіх формах. Так, ім'я *Єлизавета* програма ВААЛ характеризує як щось тепле, м'яке, варіанти *Єлисавета*, *Єлізавета* – також як тепле, м'яке. *Дар'я* за аналізом ВААЛ – щось швидке, сильне, тверде; *Дарина* – велике, швидке, холодне, сильне, тверде; *Даріна*, *Дарія*, *Дарья* несуть ознаки нейтральності; *Дар'яна* – охарактеризоване ВВАЛ як щось швидке, сильне, тверде.

Ірина не має яскравих фоносемантичних характеристик, є нейтральним. Його варіанти *Ірена*, *Ірен* також не виділяються певними фоносемантичними характеристиками. Але це ім'я носять: політичний діяч *Ірина Хакамада*, співачки *Ірина Алегрова*, *Ірина Салтикова*, *Ірина Білик*, фігуристки *Ірина Родніна*, *Ірина Слуцька*. Незважаючи на свою нейтральність, ім'я дуже популярне.

Висновки. Отже, як показує проаналізований матеріал, популярність жіночих власних імен обумовлена як соціальними, так і фоносемантичними факторами. Поряд з традиційними іменуваннями розповсюдженими є різноманітні їх варіанти. Це явище пов'язане, з одного боку, з тим, що у сучасних умовах набуває популярності офіційна фіксація пестливо-зменшувальних похідних форм імені, з іншого – впливом російської мови та відповідним бажанням батьків зберегти звучання імені у тому вигляді, в якому воно зустрічається у російській мові. Офіційно зареєстровані імена та похідні їх форми різняться фоносемантикою. Але найпопулярнішими залишаються ті, що мають спільні фоносемантичні характеристики в усіх варіантах та формах.

Проведений аналіз сприяє виявленню феномену фоносемантичного впливу, що на сьогодні досліджено недостатньо, та відкриває *перспективи* поглибленого вивчення інших власних імен у фоносемантичному аспекті.

Список літератури

1. Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании / С. В. Воронин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 200 с.
2. Дорожная С. С. Тень содержания в звуке. Введение в русскую фоносемантику : [учебное пособие] / С. С. Дорожная. – Пермь : Принт, 2003. – 190 с.
3. Журавлев А. П. Звук и смысл. / А. П. Журавлев. – [2-е изд., испр. и доп.] – М. : Просвещение, 1991. – 160 с. – (Книга для внеклассного чтения учащих старших классов).
4. Кушнерик В. І. Фоносемантика та лексико-семантичні групи / В. І. Кушнерик, О. В. Найдеш // Матеріали І-ої Міжнародної наукової конференції «Мови європейського культурного ареалу: проблеми розвитку і взаємодії». – Київ: Вид-во Київського ун-ту, 1995. – С. 62-63.
5. Львова Н. Л. Вимірювання фонетичного значення тексту / Н. Л. Львова // Науковий вісник Чернівецького університету: збірник наукових праць. – 2005. – Вип. 234. – С.38-46. (Серія «Германська філологія»).
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 187 с.
7. Програма ДІАТОН [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.diatone.ru>
8. Про систему ВААЛ [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.vaal.ru/prog/rukov.php>

Sadovaya A. Ю. Исследование динамики женских имен в начале XXI века // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.442-446.

Статья посвящена комплексному исследованию фоносемантических признаков собственных имен с помощью компьютерной программы ВААЛ путем сопоставления полученных в результате компьютерного анализа оценок со степенью распространенности имен в обществе.

Ключевые слова: *фоносемантические признаки, собственное имя, звук.*

Sadova A. Investigation of the dynamics of women's names in the beginning of the XXI century // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.442-446.

The article is dedicated to the complex research of the phonosemantic attributes of the proper names. The research was conducted with help of the computer program VAAL by comparing the received estimates of the computer analyzes with the degree of spreading the proper names in the society

Key words: *phonosemantic attributes, proper name, sound.*

Поступила до редакції 02.03.2011 р.

УДК 80/81

ФОРМИ МІКСАЦІЇ МОВ: СОЦІОЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ

Селіванова О.О.

Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького,
м. Черкаси, Україна

Стаття присвячена обґрунтуванню статусу змішаних мов як форм міксації мов. Розглянуто головні ознаки змішаних мов порівняно з формами існування мови. Охарактеризовано головні типи змішаних мов і їхні диференційні параметри.

Ключові слова: форма міксації мов, форма існування мови, піджин, креол, змішана мова, суржик.

Актуальною проблемою сучасної соціолінгвістики є з'ясування статусу та параметрів форм міксації мов як засобів обміну інформацією, створених шляхом змішування двох або більше мов. Такі форми міксації можуть ставати повноцінними мовами або деструктивними мовними утвореннями щодо мов, на базі яких вони сформовані. Метою нашої статті є обґрунтування специфічних рис, умов, причин і соціолінгвістичної бази виникнення форм міксації мов, установлення їхньої типології.

Проблема змішаних мов у соціолінгвістичних студіях виникла насамперед у зв'язку з проблемою форм існування мови як зрозумілих усім носіям мови різновидів її функціонування, що передбачають системну організацію й комунікативно-прагматичну орієнтацію, відповідні до потреб певної сфери спілкування чи застосування. Ще у 1987 р. В. Бондалетов зазначав, що немає однозначного позначення форми існування мови (уживаними були терміни «мовне утворення», «компонент соціально-комунікативної системи», «мовна єдність», «ідіом», «лінгвема»), не розроблено єдині принципи виокремлення форм мови, слабо висвітлені проблеми типології окремих різновидів форм тощо [5, с. 44-45]. Головними формами існування мови, які практично не викликають заперечень у жодного із сучасних соціолінгвістів, є літературна мова (стандарт), народно-розмовна мова, койне, територіальні діалекти. До складу форм існування мови деякі дослідники необґрунтовано залучали піджини та креольські мови. Так, В. Аврорин указував на їхню близькість до койне за соціальним призначенням [1, с. 53]. Учений розглядав механізм формування піджинів і креолів як штучну гібридизацію й механічне спрощення. В. Бондалетов підкреслював соціальну функцію цих примітивних засобів спілкування – об'єднувальну як мов міжнаціонального спілкування [5, с. 45]. Однак ані піджин, ані креол не є різновидами якоїсь окремої мови, тому не можуть кваліфікуватися як форми її існування. З огляду на це виникає нагальна потреба розмежування форм існування окремої мови і гібридів двох або більше мов. З цією метою ми вводимо термін «форма міксації мов» і надаємо такий статус піджину, креолу, креолізованій мові, змішаній мові, суржикові та трасянці [13; 14].

Дослідники мов Півночі, Сибіру та Далекого Сходу натомість пропонують поняття контактних мов, до яких відносять піджини та креольські мови (див. «Контактологический энциклопедический словарь-справочник», опублікований у Росії у 1994 р.). Ці мови міжетнічного спілкування розглядають в окремій галузі соціолінгвістики, названій контактологією, або креолістикою, підгрунтя якої закладене ще у ХІХ ст. німецьким лінгвістом Г. Шухардтом. Проте, крім піджинів і креолів, існують інші форми міксації мов, відмінні за причинами, умовами свого формування і структурно-функціональною специфікою, наприклад, так звана змішана мова – мовне утворення в умовах двомовності. У 1994 р. соціолінгвіст П. Баккер у своїй дисертації ввів цей термін (*mixed language*), яким позначив мову, що виникла в умовах поширеного білінгвізму. Дослідник охарактеризував як таку мову мічиф, що є результатом змішування французької мови з мовою аборигенів Канади крі. Мічиф поширена у штатах Манітоба, Саскачеван і має 500-1000 носіїв. Структура мови мічиф унікальна: лексика у ній французька, а граматику належить мові крі. Головна відмінність змішаної мови від піджину полягає в тому, що перша виникає в умовах повної двомовності, коли представники групи добре володіють обома мовами і здатні створити повноцінну мову з фіксованими правилами. До того ж існують й інші форми змішування мов, приміром, такі, як суржик і трасянка, умови і причини формування та способи функціонування яких відрізняються від піджинів, креолів і змішаних мов. Тому термін «контактні мови», на наш погляд, не відповідає сутності всіх інтегрованих нами форм міксації мов і може мати небажану омонімію зважаючи на поняття мовних контактів.

Інтегральними рисами окресленого нами кола форм міксації мов можна вважати, по-перше, поєднання у них різних рівневих рис не менше, ніж двох мов; по-друге, наявність певної екстралінгвальної мотивації змішування; по-третє, відповідне функціональне призначення мовного утворення. Цікаво, що шлях дальшої трансформації форми міксації мов загалом можна визначити на підставі втрати первинної мотивації змішування через успадкування вже готового результату мовного змішування та дальшого перерозподілу його функціонального навантаження. Кожна форма міксації мов має власну специфіку, визначену її диференційними параметрами, що впливають з інтегральних рис.

Піджин є формою міксації мов, не рідною для користувачів й утвореною на різномовній території з метою виконання обмежених функцій інформаційного обміну в бізнесі, торгівлі тощо. Термін утворено від викривленого англ. *business* – діло, справа. Н. Мечковська вказує на три риси, що відрізняють піджини від звичайного мовного змішування: 1) інтенсивність, швидкість процесу («мовний мінімум», що дає змогу різномовним людям розуміти один одного, формується протягом ліченої кількості років або навіть місяців); 2) рівневий розподіл: у піджина туземні фонетика, граматику, словотвір, але 95% лексики європейської; 3) редукція (спрощення) граматичної структури та словника [10, с. 178].

Традиційно вважають, що термін виник із метою позначення спрощеного різновиду мови, який утворився шляхом змішування англійської й китайської мов у багатомовних портах Південного Китаю у 1807 р., хоч Д. Кристал наводить 6 етимологій слова з китайської, іврити, яванської, англійської, португальської [19, с. 335]. Найдавнішим типом піджина була мова, що використовувалася принаймні з ХІІ ст. у контактах

європейців з арабами, а пізніше з турками – створений на південно-романській лексичній базі середземноморський сабір. Із неєвропейських піджинів найстарішим є чинукський жаргон, поширений у низов'ях річки Колумбія, пізніше він використовувався від Каліфорнії до Аляски. В. Дьячков розглядає кілька умов створення піджини: 1) нерівноправність контактуючих мов; 2) спорадичність контактів й обмеженість сфери спілкування усним мовленням; 3) відсутність соціальної потреби у місцевих жителів вивчити правильну європейську мову; 4) відсутність контактної мови-посередника; 5) обмежені можливості розуміння між носіями європейської мови й аборигенами [8, с. 123].

Першою стадією формування піджинів дослідники вважають ранні, або нестабільні піджини, що виникають як компроміс між погано засвоєною другою мовою білінгвів-початківців і «регістром для іноземців», створеним тими, для кого мова є рідною. Вибір мови, на базі якої формується ранній піджин, визначений суто прагматичними чинниками, зокрема, більшою ефективністю у процесі спілкування. Така мова в креолістиці названа лексифікатором, тобто мовою, лексика якої стає базою для піджини [4, с. 117]. Перетворення раннього піджини на стабільний піджин залежить від регулярності мовних контактів та його поширення.

Дослідники диференціюють піджини на такі, що виникли на підставі однієї мови або споріднених мов певного регіону, і такі, що утворилися на базі неспоріднених мов (наприклад, мов місцевого населення та європейських мов, приміром, піджин північних поморів *ruska-norsk*, що склався на підставі суміші російських, норвезьких, німецьких й англійських слів, або китайське наріччя російської мови). Піджини не є результатом природного розвитку мови, а лише наслідком вторинного перетворення мов шляхом етномовних контактів. Розрізняють піджини й піджинізовані мови (останні не набувають статусу окремої мови й не відриваються від мови-джерела).

Субстрат піджини передбачає міжривневу диференціацію змішування: фонетика та граматики запозичена з однієї мови, викривлена лексика належить іншій. Формування піджини передбачає спрощення складних граматичних систем мов (дієслівного формотворення, відміни й дієвідміни), розвиток аналітичного способу передачі граматичних значень, руйнування тонової системи, зникнення деяких категорій звуків. Піджини зазвичай виникають у місцях перебування кількох етнічних груп через міграцію, урбанізацію, торгівлю тощо (у портових містах, на плантаціях із сезонними робітниками, на острівних територіях), тому вони найбільш поширені в Південно-Східній Азії, Океанії, Африці, Карибському басейні. Європейськими мовами для формування піджинів переважно є англійська, французька, іспанська, португальська. Піджин може ставати навіть офіційною мовою (наприклад, у Папуа – Новій Гвінеї такими є ток-пісин, який має англійську мовну базу з елементами німецької, португальської та австронезійських мов, 3-4 млн. носіїв й обслуговує носіїв більше 700 мов у країні; хірі-моту, що виник на базі робочої мови плантацій, первісно морського піджини бічлармар; а також кріо в Сьєра-Леоне).

Піджин може стати основою творення креольської мови, яка є засобом спілкування представників певного етносу й формується в результаті етнічного процесу інтеграції (міксації). Піджин перетворюється на повноцінну, хоч і вторинну субстратну мову. Термін походить від португальського *stioulo* – африканський невольник, народжений в Америці. Креолізація піджинів здебільшого відбувалася у

змішаних родин, на плантаціях, серед невольників-утікачів. Деякі дослідники вважають, що креолізація могла здійснюватися ще на стадії раннього піджина. Вони вбачають соціолінгвістичну відмінність між піджином і креолом у складі їх носіїв: піджин є соціальним, а креол – етнічним субстратом. Піджин не є рідною мовою етносу, а креольська мова обслуговує новий етнос, утворений у результаті інтеграції, етнотрансформаційної консолідації чи міксації [7, с. 47].

Креольська мова має власну лексику, граматику й розвивається відповідно до власних законів. Граматичний рівень більшості цих мов характеризується відсутністю словозміни: граматичні відношення передаються за допомогою фіксованого порядку слів, службових слів, пауз. Більшість слів одноморфемні та сформовані на базі мови-джерела. Дослідники називають такі риси креольських мов, як однотипність дієслівної системи; широке використання редуплікації для вираження множини чи інтенсивності; вживання іменника зі значенням «річ» як питального займенника що; спрощення фонетики мови-джерела; наявність омонімії [5, с. 61]. Креольські мови використовують понад 10 млн. людей у світі. На сьогодні зафіксовано понад 60 креолів. Креоли стають рідними найчастіше вже для другого покоління людей, що застосовували піджин.

На підставі генеративної концепції нативізму Дж. Бікертоном було висунуто гіпотезу біопроеграми (bioprogram hypothesis), що пояснює формування креольських мов, згідно з якою саме діти створювали таку мову, трансформуючи штучні піджини у природні мови завдяки універсальній уродженій мовній здатності, чим пояснюється простота та схожість усіх креолів. Головними креольськими мовами світу є мови островів Тихого, Індійського океанів, сформовані на базі англійських, франкомовних, іспаномовних і португаломовних піджинів. У рідких випадках креол створюється шляхом міксації уже сформованих раніше креолів (приміром, англокреольська мова в Гамбії, Екваторіальній Гвінеї).

Креольська мова може руйнуватися, а на її основі формується стандартна «посткреольська» мова. Таке явище отримало в креолістиці назву «декреолізація». Посткреольська мова створюється за умов конкурування в побутовому спілкуванні креольської мови з мовою-лексифікатором, якою звичайно була європейська мова, у результаті чого виникає так званий посткреольський континуум. Модель такого континууму розроблена У. Стюартом, який розмежував базилект як найбільш віддалену від мови-лексифікатора креольську мову, мезолект – креол проміжного типу, й акролект – креольську мову, найбільш близьку до лексифікатора [20].

У креолістиці розмежовують креоли та креолізовані мови. Останні частково схожі за структурними ознаками із креольською, але сформовані в результаті взаємодії між мовою-джерелом й іншою (місцевою) мовою без піджинізації. До таких мов віднесені деякі мови Африки (санго, китуба й ін.) та Нової Гвінеї (хірімоту). Креолізовані мови інколи отримують навіть статус національної (санго у ЦАР).

За причинами виникнення до креолів найбільш наближена введена П. Баккером змішана мова. Класичною змішаною мовою є мідновська мова – мова алеутів острова Мідний в Росії – нащадків шлюбів російських промисловців й алеуток ще за часів Російської імперії. Мідновська мова стала мовним маркером нової етнічної групи, яка мала більш високий соціальний статус порівняно з алеутами. До змішаних мов деякі дослідники відносять суржик і трасянку, однак всі змішані мови

виникали за умови контактів неспоріднених мов. Суржик є засобом спілкування певної частини населення України, результатом штучного й неприродного поєднання елементів російської та української мов, що порушує норми української літературної мови; трасянка є таким самим явищем у білоруській мові.

За даними Київського міжнародного Інституту соціології суржиком спілкуються від 11 до 18 % населення України (на Західній Україні – 2,5 %, в областях Лівобережної України – 21%, в південних областях – 12,4%) [21]. Термін є метафоричним перенесенням від первинного значення суржику як суміші зерен пшениці й жита, жита й ячменю, ячменю й вівса та борошна з такої суміші. Суржик переважно має пейоративне забарвлення як негативне явище мовного функціонування, крайній вияв інтерференції. Б. Антоненко-Давидович саме так і описував це явище: «Недобре, коли людина, не знаючи гаразд української чи російської мови або тої й тої, плутає обидві ці мови, перемішує їхні слова, відмінює слова однієї мови за вимогами другої, бере якийсь притаманний саме цій мові вислів і живосилом тягне його в іншу мову, оминаючи традиції класичної літератури й живу народну мову. Так створюється мовний покруч, чи, як кажуть у нас, на Україні, суржик» [3, с. 12].

Деякі лінгвісти вважають суржик територіальним діалектом з огляду на наявність зон мовної дифузії. Однак поза зонами такої дифузії, зважаючи на природу пристосування до рідного діалекту слів престижної в місті або в засобах масової інформації мови, суржик не може отримувати статусу діалекту. В. Труб розглядає його як форму підлеглої мови, яка є результатом мало усвідомленої спроби мовця наблизитися до опанування першої домінуючої мови [16, с. 52]. Загалом, дослідник кваліфікує суржик як форму просторіччя. Безперечно, мотивація виникнення суржику є саме такою, однак питання виникає стосовно наявності у нього параметрів окремої форми мови. На нашу думку, суржик є формою міксації двох споріднених мов, подібним до одного з різновидів піджину, і результатом окресленого вище ціннісного конфлікту. Однак, як відомо, піджин є насамперед соціальним субстратом, мовою спілкування певної соціальної групи, суржик же характеризує мовлення жителів села, що переїхали до міста в першому поколінні. Якщо зважати на те, що ці люди є певною соціальною стратою, то суржик є типом піджину на етапі створення, хоч і не набуває статусу засобу міжетнічного спілкування. Спрощення й редукція, властиві граматиці піджину, в суржику відсутні, оскільки піджини утворюються на базі місцевої та здебільшого аналітичної мови (приміром, англійської). Суржик не може позбутися синтетизму граматики російської та української мов.

О. Тараненко в енциклопедії «Українська мова» кваліфікує суржик як форму просторіччя [15, с. 499] співвідносно з думкою автора статті «Суржик» К. Ленець [9, с. 616]. Дійсно, суржик відповідає всім ознакам просторіччя, крім однієї – він не є лексичною підсистемою української мови, а результатом змішування двох мов. Виникнення суржику, порівняно із просторіччям, має інше соціальне та психологічне підґрунтя і зовсім іншу мотивацію формування в мовленні індивіда. Суржик іноді ототожнюють з напівмовністю (англ. *Semilingualism*) – явищем засвоєння першої та другої мови в обмеженому обсязі. При цьому лексичний склад двох мов обмежений, а їхні граматичні системи спрощені. Естонський діяч культури М. Хінт причиною напівмовності вважав насамперед погано організоване раннє навчання другій,

нерідній мові. Р. Фрумкіна вбачає одну з причин напівмовності в зануреності до «напівкультури», що виникає тоді, коли відповідна культурно-побутова традиція переривається, відбувається злам культури для особистості, унаслідок чого неминуче породжується ціннісний конфлікт. Дослідниця зауважує: «Будь-який мігрант є напівкультурним – і той, що потрапляє силою обставин до урбаністичного світу, і той, хто змінив за власним вибором світ давніх традицій і цінностей на високоцивілізоване, але зовсім не висококультурне оточення» [17, с. 166].

Деякі сучасні дослідники пов'язують суржик із проблемою деструкції особистості, духовною деградацією, зведенням мислення до примітиву [2, с. 6-7]. Американська соціолінгвістка Л. Біланюк цілком слушно наголошує на тому, що «для деяких українців суржик – рідна мова, мова їхніх батьків, прищеплена в дитинстві, носіями якої є переважно урбанізовані мешканці села» [18, с. 113]. Тим самим підкреслено, що формування суржику з наведених вище мотивів є ознакою першого покоління; наступне ж покоління лише наслідує мові батьків без якоїсь соціальної мотивації. На цьому етапі суржик не можна кваліфікувати як різновид піджини. Можливо, він є особливою піджинізованою мовою, яка не має статусу мови й не відривається від мови-джерела.

Чинниками стійкості суржику є: 1) здатність до наслідування, що виявляється у перемиканні мовних кодів (приспосованні мови села під мову міста) із метою підвищити статус власного «обличчя»; 2) адаптивні властивості людини (приїхавши до міста, людина прагне якнайшвидшої соціальної адаптації, що позначається й на мовленні); 3) устрій, культура мовлення сім'ї, яка передається від батьків до дітей; 4) мовна ситуація в країні й мовна політика держави тощо. Суржик може ставати деструктивним чинником для національної мови, тому боротьба з ним – необхідна умова збереження рідної мови й підвищення загальної культури мовлення. На жаль, одним зі шляхів поширення суржику є засоби масової інформації, література й мистецтво, де він може застосовуватися як засіб створення комічного ефекту, іронії, стилізації мовлення персонажів. Викорінення наслідування поганим зразком мовлення – складова освітніх і виховних програм. Але це не скасовує потреби вивчення суржику мовознавцями як феномена, оскільки встановлення його механізму, мотивації і виявів прискорить його усунення з мовленнєвої практики етносу. До того ж перспективним для досліджень сучасної соціолінгвістичної ситуації в Україні є вияв й опис інших типів форм міксації мов, як-от: українсько-польського, українсько-словацького, українсько-білоруського й інших мовних субстратів, – які також засмічують національну мову українців і характеризуються власною специфікою формування й функціонування.

Список літератури

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
2. Антисуржик / За ред. О. Сербенської. – Львів : Вид-во Львівського ун-ту, 1974. – 126 с.
3. Антоненко-Давидович Б. Як ми говоримо / Б. Антоненко-Давидович. – К., 1991. – 345 с.
4. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Российский гуманитарный университет, 2001. – 439 с.
5. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.

6. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолінгвістика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – СПб. : Издательский центр «Гуманитарная академия», 2004. – 336 с.
7. Виноградов В. А., Коваль А. Н., Порхомовский В. Я. Социолінгвістическая типология: Западная Африка / В. А. Виноградов, А. Н. Коваль, В. Я. Порхомовский. – М. : Наука, 1984. – 128 с.
8. Дьячков В. М. Специфика процессов пиджинизации и креолизации языков / В. М. Дьячков // Вопросы языкознания. – 1988. – № 5. – С. 123–129.
9. Ленець К. Суржик / К. Ленець // Українська мова. Енциклопедія. – К. : Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2000. – С. 616.
10. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта-Наука, 2006. – 312 с.
11. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
12. Новое в лингвистике. Языковые контакты. – М. : Прогресс, 1972. – 535 с.
13. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
14. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : напрями та проблеми / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.
15. Тараненко О. О. Просторіччя / О. О. Тараненко // Українська мова. Енциклопедія. – К. : Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2000. – С. 499.
16. Труб В. М. Явище «суржик» як форма просторіччя в ситуації двомовності / В. М. Труб // Мовознавство. – 2000. – № 1. – С. 52–57.
17. Фрумкина Р. М. Психолінгвістика / Р. М. Фрумкина. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 320 с.
18. Bilaniuk L. Purity and power: The geography of language in Ukraine / L. Bilaniuk // Michigan Discussions in Anthropology. – 1998. – Vol. 13. – P. 113–117.
19. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of language / D. Crystal. – Cambridge : CUP, 1989.
20. Stewart W. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism / W. Stewart // Reading in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. – The Hague, Paris, 1968. – P. 134–140.
21. Wikipedia: The Free Encyclopedia [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://en.wikipedia.org/>.

Селіванова Е.А. Формы миксации языков: социолінгвістический аспект // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.447–453.

Статья посвящена обоснованию статуса смешанных языков как форм миксации языков. Рассмотрены основные признаки смешанных языков по сравнению с формами существования языка. Охарактеризованы основные типы смешанных языков и их дифференцирующие параметры.

Ключевые слова: форма миксации языков, форма существования языка, пиджин, креол, смешанный язык, суржик.

Selivanova O.O. Mixed languages in sociolinguistic aspect // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.447–453.

The article is focuses on a ground of a mixed languages status. The main distinguishing feature of mixed languages are considered comparatively with the types of language existence. The main types of the mixed languages and their differential parameters are described.

Key words: type of mixed language, type of language existence, pigin, creole, surszik.

Поступила до редакції 22.03.2011 р.

УДК 811.161.1`42

О НАУЧНОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ»

Синельникова Л. Н.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина

В статье определяются возможности дискурсивного подхода в описание языковой личности, позволяющие синтезировать экстралингвистические факторы и языковые манифестации. Акцентируется внимание на задачах „новой“ социолингвистики, призванной на основе экспериментальных методик описывать разнообразные дискурсивные практики носителей языка, которые порождают и проявляют языковую личность, превращая её в дискурсивную личность.

Ключевые слова: *языковая личность, дискурс, дискурсивная личность, дискурсивная психология, персонология, лингвокультурный типаж, социолингвистика.*

Постановка проблемы. Постнеклассическая модель научного знания утверждает антропный характер научных теорий и практик. Необходимость выхода за пределы языковой системы осознана современной лингвистикой и утверждена исследовательской практикой во многом благодаря операциональной продуктивности понятия «дискурс». Язык в самом себе и для себя – прошлая парадигма. На смену пришла «лингвистика языкового существования» (Б.М. Гаспаров), максимально приближенная к реальным речевым практикам. Дискурсивная теория речевого поведения способствует формированию новой онтологии анализа языкового сознания, складывающейся в условиях разноголосицы и разнонаправленности векторов развития общества.

Человеческое поведение манифестируется множеством дискурсивных практик, организующих, архивирующих и интерпретирующих социокультурную реальность. Увеличение масштабов и разнообразия человеческой деятельности, усиление её воздействия на природную и социокультурную среду, широкое распространение новых информационных технологий лишает науку возможности фиксировать состояние коммуникационной среды в простых и ясных терминах имманентной лингвистики. Постнеклассическая социальная реальность требует описания скорее с помощью понятий синергетики, предметом которой являются самоорганизация, вариативность развития, культ спонтанности, постоянного балансирования между порядком и хаосом.

Лингвиста всегда интересовал язык, извлекаемый из письменного текста. Несмотря на то, что призывы быть внимательными к реальным языковым процессам вошли в хрестоматийный фонд лингвистического знания (В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Л. Витгенштейн, Л.В. Щерба и др.), инструментарий анализа естественно возникающих языковых структур всё ещё не выработан, и

такого рода действия, по сути, остаются бесхозными, не закреплёнными за конкретной гуманитарной наукой.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Проблема личности рассматривается с разных сторон и в разных научных парадигмах. В гуманитарных науках доминирующие позиции занял модус перехода от общества к личности и от личности к обществу. Постнеклассическая психология ориентируется на тезис: язык и психика неразделимы. Дискурсивная психология рассматривает психологические процессы, осуществляемые в интеракциях, которые фиксируют многообразие социальных практик. При этом подчёркивается языковая и коммуникативная природа психических процессов, поскольку последние воплощаются и реализуются в языке. Психические феномены неотрывны от субъектов интеракций. Идентичность в дискурсивной психологии квалифицируется как результат позиционирования субъекта в дискурсе и выявляется в языковом устройстве интеракции. Коммуникант в интеракции раскрывается во множестве социальных идентичностей [12, с. 3].

Психологи отработывают методологию объяснения личности как культурного объекта, формирующегося в контакте с текстами культуры [17]. Язык – способ существования и хранения знаний о мире. Это семиотическая система, которая соотнесена и с говорящим субъектом. В этом случае речь идёт о семиотической индивидуальности (семиотической личности), то есть о реализации коммуникативных процессов в пространстве культурного семиотического единства. Для успешной коммуникации адресант и адресат должны представлять одну и ту же семиотическую личность, иметь идентичные коды. Несимметричные отношения, при которых каждая личность имеет свой код, ведут к сбоям в общении.

Интегративные процессы в области гуманитарного знания проявились в особом внимании к когнитивным (семантико-когнитивным) и социальным (социально-психологическим) процессам. Такие понятия, как языковое сознание личности, языковая ментальность, языковая способность, языковая компетентность сформировались в контексте такого рода интеграции.

Под «языковой личностью» понимается любой носитель языка или группа носителей, охарактеризованных с точки зрения использования средств языка для отражения действительности (картины мира). Исходным параметром в описании языковой личности является порождаемый текст, проявляющий, по Ю. Н. Караулову, вербально-семантический уровень – владение языком, когнитивный – фиксация мировоззренческого параметра и мотивационный (прагматический), выявляющий цели, мотивы, интересы, проявленные в речевой деятельности [5]. Языковая личность квалифицируется как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений. Языковая способность определяется на основе анализа произведённых текстов, фиксирующих представления о языке и функционировании его единиц, и оценивается по факту готовности и возможности создавать и воспринимать произведения речи [2]. Способность порождать «я-тексты» оценивается как нарративная компетентность.

Привычный для лингвистов путь анализа языковой личности по языковым «уровням» можно оценить как возможность (и желание) сохранить традиционный имманентный подход, перенеся его в новую парадигму с некоторым набором инструментария, заимствованного из смежных с лингвистикой наук. Семантико-синтаксический уровень свидетельствует о предпочитаемых принципах организации лексикона; разговорный компонент в высказываниях и тексте может вывести на систематизацию стилистических предпочтений; индивидуальные нормы словоупотребления могут свидетельствовать об особенностях идиостиля или быть стимулом для классификаций ошибок, для прогноза в области эволюции норм и т.д. Но, изучив фонетические, грамматические, стилистические признаки речи, мы не можем составить адекватное представление о языковой личности: тезаурус как когнитивная категория проявляется в дискурсе. «Языковая личность характеризуется не только тем, что она знает о языке, а и тем, что она может с языком делать» [20, с. 55]. Компонент цитаты «что она может с языком делать» не соответствует понятию «языковая»: термин «языковая личность» оказывается избыточным, поскольку «безъязыковой личности» не бывает (понятие языка включается в понятие личности). Языковая личность на самом деле оказывается речевой личностью.

Научный концепт «языковая личность», так много давший лингвистам, социолингвистам, педагогам, «потерял свой эвристический заряд в свете накопившихся разысканий в области анализа дискурса» [1, с. 30]. Внимание к разным видам проявления личности в языке, увеличение набора компетенций, позволяющих личности функционировать в сложном социально-культурном контексте, не могло не изменить представление о языковой личности.

Цель статьи – обратить внимание на резервы дискурсологии в описании личностно типизированного коммуникативного пространства как отражения состояния общественного сознания, опирающегося как на культурно-исторические основания, так и на новую (модернистскую) систему ценностей.

Дискурс даёт возможность подключать к анализу языковой личности факторы широкого диапазона: ментальные, психологические, прагматические и др. Языковая личность проявляет себя в дискурсивных действиях. В дискурсе она выявляет свои этнические, профессиональные, возрастные, половые признаки. Именно в дискурсе личность может обнаружить важное для организации общения эмоциональное состояние [19].

Описание дискурсивной личности может опираться на такие характеристики дискурса: дискурс – это общение посредством текста; способ организации языка в речи; коммуникативное событие, проявляющее интересубъектность; функциональный выбор и осуществление речеповеденческих установок; совокупность всего высказанного и произнесённого. Важен также учёт таких постулируемых дискурсологией позиций: лингвистика дискурса отличается от лингвистики текста, дискурс в отличие от функционального стиля не имеет принудительного характера; дискурс – субстанция, которая не имеет чёткого контура и объёма и находится в постоянном движении [13]. Язык в дискурсе действует как

когнитивная система, в которой человек участвует как языковая личность, трансформирующаяся в дискурсивную личность.

В основе понятия «дискурсивная личность» лежит ментальный фактор: мыслительная деятельность детерминирует выбор языковых структур и средств. Ментальное обоснование имеют деонтические нормы как принятые в обществе условия общения. Этически ориентированные установки, такие как эмпатия, толерантность, конфликтность и т. д. также основываются на ментальных доминантах и стереотипах.

Дискурс – важнейший элемент социальных действий и интеракций. Языковая личность в интеракционном контексте и есть дискурсивная личность, которая формируется на пересечении коммуникативных и когнитивных факторов. Дискурс потребляется и производится дискурсивной личностью.

Дискурсивная личность может быть описана с учётом комплексной информации. Такая информация содержится в дискурсивных действиях. Наиболее значимым оказывается когнитивный параметр, включающий семантико-когнитивный и социально-психологический вектор. Когнитивисты, рассматривая вопрос о том, как и когда индивид отбирает из языка те или иные средства [3], ориентируют исследователей на моделирование именно дискурсивной личности.

Переход категорий событий в языковые категории осуществляется в дискурсе. Дискурсивные личности – участники коммуникативных событий, в условиях которых и происходит выбор соответствующих средств – лексических, грамматических, стилистических как тактических действий, соответствующих речевой стратегии. Варьирование языковых средств и категорий может свидетельствовать о смене ролей (говорящий – слушающий), о поиске адекватных намерениям форм обратной связи и т.д.

В дискурсе обнаруживается принципиальная (онтологическая) диалогичность языкового сознания. Диалог универсален и характерен для всех форм общения [9]. Языковая личность в диалогическом общении становится дискурсивной личностью: дискурс исходно соотносился с диалогической парадигмой, с тем, что реализация *я* невозможна без соотношения с *ты*. Интеракция, трансакция, диалогическое единство – основные единицы дискурс-анализа и существенно значимые проявители дискурсивной личности. В интеракциях реализуются разные смысловые модусы и в разном стилевом наполнении. Происходит реализация личности в её отношениях с миром (*я-в-мире* как включённость в социальные отношения).

В интерактивном контексте проявляется коммуникативная компетенция. Если иметь в виду, что в диалоге говорящий осуществляет дискурсивное действие, то и коммуникативная компетенция в этом случае может быть означена как дискурсивная. Диалог как процесс речевого взаимодействия социально маркирован, подчиняется принятым в том или ином обществе правилам, изменения в нём сигнализируют об изменении ситуации, тональности общения. Дискурсивная компетенция помогает менять тональность общения, учитывать не только свои интересы, но и интересы адресата. Диалог – смыслопорождающая реальность. Будь это межличностное взаимодействие, взаимодействие с культурой, культурными текстами или с самой собой.

В дискурсе личность позиционирует себя через комплекс сигналов – вербальных и невербальных, вступающих в идентификационное взаимодействие [15, с. 96-104]. Невербальный код входит в структуру семиотической личности, что наиболее ощутимо в межкультурном дискурсе.

Дискурсивная личность – это коммуникативная (интерактивная) личность, обладающая «коммуникативным паспортом» (И. А. Стернин) как совокупностью индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации.

Социокультурный мир представляет собой широкое дискурсивное пространство с большим набором дискурсивных действий и практик, проявляющих как нарративы культуры, так и личные нарративы. Изменение содержания концепта «языковая личность» под влиянием дискурсологического фактора прослеживается в такой области исследований, как лингвоперсонология [11]. В русле лингвоперсонологии, опирающейся на лингвокультурную концептологию, описываются лингвокультурные типажи как функционально обусловленные типы языковых личностей. Лингвокультурные типажи – обобщённые образы личностей, коммуникативное поведение и ценностные ориентации которых оказывают определённое влияние на лингвокультуру и служат индикаторами этнического и социального своеобразия общества. Широкий реестр лингвокультурных типажей представлен исследователями, работающими в русле двух научных школ – Волгоградской (В. И. Карасик) и Воронежской (И. А. Стернин). Описаны лингвокультурные типажи: российский предприниматель, американский адвокат, американский гангстер, английский дворецкий, английский сноб, китайский врачеватель, аристократ, политик, комсомолец, пижон, разгильдяй, злая свекровь и др. [8]. Уделено внимание представителям виртуальной субкультуры, что значимо для понимания семиотики и семантики этого вида коммуникации. Большинство номинаций, утвердившихся в этой сфере, мало знакомы непосвящённым и отсутствуют в словарях. Концептуализация многих понятий, осуществлённая в субкультуре, опережает лексикографическую обработку – факт, который можно воспринять как стимул для описания дискурсивных личностей нового времени.

Постмодернистская дискурсивная личность демонстрирует комплекс и наложение множества социальных ролей. Показательный пример – лингвокультурный типаж «ламер». Ламер: пол – мужской; возраст, как правило, до 26 лет; внешность, имитирующая хакера; интеллектуальные характеристики – знает мало, не способен к обучению из-за завышенной самооценки, любит окружение, которое восхищается им. Это отрицательно маркированный типаж, для которого главным является видимость, а не суть. В то же время общение с ламерами может быть полезным, поскольку позволяет оценить уровень собственной компетентности и учесть возможные ошибки в поведении [10]. Для описания вновь сформированной языковой личности автор учитывает перцептивно-образные представления респондентов: «Ламер – это пользователь, который о себе много чего мнит, а на самом деле он ноль, пользователь-недоучка, мнящий себя гением». Как видим, в анализе лингвокультурного типажа сошлись социолингвистические,

лингвокультурологические, этически-оценочные (деонтические) подходы. Это пример описания не языковой, как по традиции заявляет автор, а дискурсивной личности.

Критерий фиксации лингвокультурного типажа – функциональное существование в социальном контексте. Лингвокультурный типаж может конкретизироваться как в реальном индивидууме, так и в персонаже текста. Описание лингвокультурного типажа осуществляется с помощью специальных приёмов (алгоритма) социолингвистического и лингвокультурологического анализа [4]. Теория лингвокультурных типажей представляет собой развитие теории языковой личности в рамках культурологии, психологии, социологии, социолингвистики и синтезирует достижения этих наук. Факт синтезирования – весомый аргумент в пользу легитимизации научного концепта «дискурсивная личность».

Всплеск исследовательского интереса к описанию виртуальной личности, её онтологии (оппозиция «реальное – нереальное», произвольная связь между реальной и онлайн-личностью) объясним вниманием к коммуникативному поведению личности в киберпространстве. Номинации: виртуальная идентификация, виртуальная персонификация, виртуальная персона, виртуальный характер – свидетельствуют о моделировании идентификаций через создание собственных текстов и особые знаки коммуникативных действий. Виртуальное сообщество, формирующее свой опыт виртуализации, – предмет интереса психологов, социологов, психолингвистов и социолингвистов. Дискурсивные практики виртуальных личностей рассматриваются в дискурсологии как междисциплинарной области знания. Виртуальная личность – это личность дискурсивная. Она представляет собой комплекс знаков и комплекс мыслей, идей, переживаний, косвенных смыслов, то есть проявляет особые личностные качества. Творя воображаемые миры, виртуальная личность так или иначе отражает реальное положение дел в языке и в обществе. Это положение дел закладывается в интерактивную природу виртуального общения, в характер обратной связи.

Дискурсивная персонология опирается на психологию (характер и темперамент проявляются в коммуникации), социологию (языковые индикаторы социальной идентичности), культурологию (лингвокультурные типажи), лингвистику (коммуникативная компетенция, креативное и стандартное языковое сознание). Изучение лингвокультурных типажей как функционально обусловленных типов языковой личности способствует выработке категориального аппарата, необходимого для описания дискурсивной личности. Объединение экстралингвистических показателей с лингвистическими манифестациями, классификация выявленных элементов по вербально-семантическим, лингво-когнитивным и мотивационным показателям, характеристика зон креативности, выявление стабильности мотивационных признаков и их эволюции [14] можно отнести к категориальным показателям дискурсивной личности.

Лингвоперсонология обозначила особый подход к описанию языковой личности. В.И. Карасик использует понятие «дискурсивная персонология» как особый аспект изучения языковой личности с точки зрения коммуникативной тональности общения. Под коммуникативной тональностью понимается

эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения[6].

Специфику менталитета и национального характера отражает понятие «коммуникативный идеал». Коммуникативное сознание народа складывается на основе национального представления о коммуникативном идеале. «Под коммуникативным идеалом понимается стереотипное представление об идеальном собеседнике, присутствующее в сознании народа» [16, с. 53]. Собеседник – атрибут дискурсивной личности. Признаки идеального собеседника включаются в содержание понятия «коммуникативный идеал». Методом направленного ассоциативного эксперимента был выявлен ряд признаков идеального собеседника. На первом месте – толерантность (умеет слушать, вежливый, воспитанный, тактичный) и ум (широта интересов, качества речи, умеет убеждать и доказывать) [16]. Коммуникативный идеал может быть представлен в сознании части этнического коллектива, объединённого каким-либо социальным, возрастным, профессиональным, гендерным признаком. В этом случае речь может идти о групповом коммуникативном идеале.

Дискурсивная личность должна рассматриваться как концепт, описывать который можно через средства репрезентации языкового сознания в языковом поведении. Для изучения дискурсивных личностей необходим большой корпус текстов – как письменных, так и устных, в том числе представленных в новых коммуникационных средах и жанрах. Расширение материала не может не сопровождаться расширением методик его исследования, прежде всего экспериментальных (свободный и направленный ассоциативный эксперимент, методика субъективных дефиниций, метод когнитивной интерпретации текста и др.). Портретирование дискурсивной личности должно опираться на широкий круг словарей, представляющих разные области гуманитарного знания (культурологические, психологические, социологические, философские, аспектные лингвистические словари – жаргонные, профессиональные и т.д.). Публицистика и художественный текст помогают объективировать показатели социолингвистических экспериментов.

Социолингвистику интересует социальная дифференциация языка. Традиционный подход ориентирован на социальную стратификацию общества и по большей части на моделирование личности на основании письменных текстов, новый – основывается на учёте статусных и ролевых характеристик носителей языка как участников разных видов коммуникаций. Новая социолингвистика проявляет интерес к естественной вербальной и невербальной коммуникации, что позволяет расширить представление о нормах социальной дифференциации и вариативности. В соотношении традиционных и новых подходов сохраняется научный принцип дополнительности.

Типы личностей, существующие в социуме, обладают чертами, свойственными социуму. Их образ жизни, ролевое поведение проявляются в моделях речевого поведения, в отношении к нормам общения. Так социолингвистическая модель описания личности связывается с дискурсологией.

Дискурс проявляет социальный контекст. Дискурсивный подход способствует релевантности социолингвистической информации. Так, социальная обусловленность мускулиной и феминной дискурсивной личности обнаруживается в гендерных стереотипах, выработанных культурой и обществом и проявленных в институциональных и ритуализованных дискурсах. Гендерные когнитивные ресурсы общества и отдельной личности – также параметр дискурсивной личности, который отражается на коммуникации [18]. Сотрудничающий тип женского дискурса проявляется в большей степени ориентации на собеседника через поддержание контакта, в разнообразии эмоциональных интонаций, обилии косвенных речевых актов, преобладании эмотивных средств на всех языковых уровнях, в коммуникативной динамичности и гибкости. Но и здесь надо учитывать роль социального статуса, отнесённость к референтной группе, уровень образования, ситуативный контекст и т.д. Не исключено, что при учёте такого рода социальных факторов наличие гендерлекта может быть подвергнуто сомнению.

Описание дискурсивных личностей – путь к сознательному совершенствованию и контролю учебно-гуманитарного процесса, одна из основных целей которого преодоление ментальной и вербальной ограниченности и формирование насыщенного, гибкого мышления, продуцирующего смыслы и свидетельствующего о языковой, речевой и дискурсивной развитости личности. Дискурсивное сознание поддерживается акцентированным участием в общении. «Сильная языковая личность» – это дискурсивная личность, обладающая энциклопедическими, лингвистическими и интеракционными знаниями. Такая личность имеет большой «культурный капитал», на основе которого определяется степень социализации человека и делается «взнос» в категорию социального статуса.

Подведём *итоги*. Дискурсология как приоритетная лингвистическая парадигма требует продуцирования новых подходов и версий. Осуществлять процедуры описания дискурсивной личности только на базе «уровневого» анализа языковых средств значит ослаблять целостность дискурса и дискурсивных действий типизированной или индивидуальной личности.

Одна из основных задач социолингвистики – проведение как можно большего количества эмпирических исследований, на основе которых вырабатываются критерии классификации дискурсивной личности. «Речевая биография человека» (К. Ф. Седов), его «коммуникативный паспорт» (И. А. Стернин) как дискурсивные показатели могут быть установлены в условиях системного подхода, с учётом общего и индивидуального.

Дискурсивный подход раскрывает новые возможности для конструктивного наполнения понятия языковой личности. Дискурсивная личность проявляет себя как личность речевая, коммуникативная, словарная, этносемантическая. В дискурсе обнаруживаются психологические черты личности, философско-мировоззренческие установки, этно-национальные и историко-культурные особенности.

Для выстраивания типологии дискурсивных личностей необходим мониторинг дискурсивных практик с обязательным учётом устного модуса дискурса. Цель дискурс-анализа в социолингвистике – рассмотрение дискурсивной деятельности как проявления социальной активности языковой личности.

В дискурсивных практиках реальность конструируется и интерпретируется. Дискурсивная личность – носитель реального жизненного опыта. Описание дискурсивной личности невозможно без внимания к фреймовой структуре общения, то есть к способам организации повседневного опыта человека, его действий в социокультурной среде.

Дискурсивная личность – субъект социальных действий и интеракций. Социальное действие имеет смысл только в системе разделяемых социальных знаний. Процесс становления дискурсивной личности – это процесс формирования идентичностей, в том числе новых социальных идентичностей, возникающих в изменяющихся условиях жизни. Происходит расширение дискурсивного пространства личности, которое должно быть превращено в культурное пространство.

«Слово кратко, дискурс бесконечен» [7]. Дискурсивная личность – многопараметральный феномен, это гибкий конструкт, постоянно трансформируемый в ходе социального взаимодействия. Мотивационный параметр проявляется в коммуникации и определяется потребностями, которые могут изменяться и трансформироваться в изменяющемся мире ценностей.

Список литературы

1. Баранов А. Г. Семиотическая личность : кодовые переходы // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности : тезисы докладов XV Междун. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / А. Г. Баранов. – Москва – Калуга, 2006. – С. 30-31.
2. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику / Г. И. Богин. – М. : Психология и бизнес ОнЛайн, 2001. – 516 с.
3. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
4. Дмитриева О. А. Алгоритм описания лингвокультурного типажа // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире : [сб. статей] / О. А. Дмитриева. – Волгоград, 2007. – С. 22-25.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Караулов. – М.: Наука, 2004. – 264 с.
6. Карасик В. И. Дискурсивная персонология [Электронный ресурс] / В. И. Карасик. – Режим доступа : <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?gtree>.
7. Кашкин В. Б. Сопоставительное исследование дискурса // Концептуальное пространство языка / В. Б. Кашкин. – Тамбов : ТГУ, 2005. – С. 337-353.
8. Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности: Коллективная монография. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 228 с.
9. Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. – М. : Индрик, 2010. – 472 с.
10. Лутовинова О. В. Лингвокультурный типаж «ламер» // Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности : Коллективная монография / О. В. Лутовинова. – Волгоград : Парадигма, 2010. – С. 155-164.
11. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению
12. статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод : [сб. науч. тр. Московского лингвистического университета] / В. Нерознак. – М., 1996. – № 426. – С. 112-116.
13. Переверзев Е. В. Дискурсивная психология // Современный дискурс-
14. анализ. Методология: концептуальные обоснования. Электронный журнал. Режим доступа : <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url> / Е. Переверзев. – 2009. – Вып. 1. – Т. 1.
15. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика / О. Г. Ревзина. – Вып. 8. – Новосибирск, 2005. – С. 66-78.

16. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.
17. Солощук Л. Невербальні аспекти матримоніального діалогічного дискурсу / Л. Солощук // Висник СумДУ. – Сер. «Філологія». – № 1. – Сумы, 2008. – С. 96-104.
18. Стернин И. А. Экспериментальное изучение категории русский коммуникативный идеал / И. А. Стернин // Мир русского слова. – 2003. – № 2. – С. 53-55.
19. Чепелева Н. В. Понимание и интерпретация социокультурного опыта в контексте постнеклассической психологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url>.
20. Фомин А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: дис. д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 / Фомин Андрей Геннадьевич. – Барнаул, 2004, – 357 с.
21. Шаховский В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В. И. Шаховский // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 43-47.
22. Эйгер Г. Язык и личность : [учебное пособие] / Г. Эйгер, И. Раппопорт. – К., 1991. – 79 с.

Синельнікова Л. М. Про наукову легітимність поняття «дискурсивна особистість» // Ученіе записки Таврического національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.454-463.

У статті визначаються можливості дискурсивного підходу в описі мовної особистості, що дозволяють синтезувати екстралінгвістичні фактори й мовні маніфестації. Акцентується увага на задачах „нової” соціолінгвістики, яка закликає на основі експериментальних методик описувати різноманітні дискурсивні практики носіїв мови, що породжують і проявляють мовну особистість, перетворюючи її на дискурсивну особистість.

Ключові слова: *мовна особистість, дискурс, дискурсивна особистість, дискурсивна психологія, персонологія, лінгвокультурний типаж, соціолінгвістика.*

Sinelnikova L. N. Scientific legitimacy of the notion “discursive personality” // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatio». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.454-463.

Resources of a discursive approach in the description of a linguistic personality, which enable to synthesize extralinguistic factors and language manifestations, are defined in the article. The main focus is the objectives of „new” sociolinguistics which on basis of experimental techniques should describe discursive practices of informants, practices that create and reveal a linguistic personality turning it into a discursive personality.

Key words: *linguistic personality, discourse, discursive personality, discursive psychology, personology, linguocultural type, sociolinguistics.*

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.

УДК 81'371

СПЕЦИФІКА МОВНОГО ВИРАЖЕННЯ КОНЦЕПТУ *ВОДА* У ТВОРЧОСТІ МАРІЇ ЛЮДКЕВИЧ

Слюніна О. В.

*Харківський національний педагогічний університет ім. Г. С. Сковороди,
м. Харків, Україна*

Стаття торкається проблем експлікації архетипового концепту вода в поетичному мовомисленні Марії Людкевич. Простежується наступність лінгвального вираження архетипових уявлень та індивідуально-авторська лінгвопоетична інтерпретація концепту.

Ключові слова: *концепт, вода, метафора, семантичне наповнення.*

Дослідження поетичної творчості неможливе без звернення до мовних аспектів, адже в метатексті кожного майстра слова присутній синтез форм лінгвального вираження та смислового наповнення. *Актуальність роботи* зумовлюється тим, що розвідка присвячена аналізу одного з важливих фрагментів мовної картини світу у світлі новітніх підходів: лінгвокогнітології та лінгвокультурології у творчості відомої львівської поетеси М. Й. Людкевич, яка своїм пером продовжує кращі традиції української літератури. Про художній метод та високу майстерність поетеси висловилися М. М. Ільницький, І. М. Калинець, М. С. Якубовська, які належно оцінили внесок майстрині слова в розвиток української літератури. Аналізуючи творчість талановитої художниці слова, М. С. Якубовська зазначає: «Поетеса висвічує реалії буття із несподіваного боку – і відомі речі в її інтерпретації набувають свіжого, неузвичаєного трактування. Вона ставить поряд несподівані образи – дощів і левів, смутку і повені, козацького відгоміння і думи. Це поєднання створює світ, у якому світлою зорею пульсує філософське начало – безперервності життєвого колообігу» [12, с. 454-455].

Поезія М. Й. Людкевич – це цілий світ, який і досі зберігає в собі таємниці та загадки, адже її творчість не була предметом окремих мовознавчих досліджень. Тому вважаємо, що навіть увага до окремих концептів поетичної картини світу цієї талановитої поетеси може пролити світло на самотність та неповторність художнього ідіостилю авторки. Мовний матеріал для статті був дібраний методом суцільної вибірки з таких книг: «Теплі гнізда» (1981), «Червнева повінь» (1983), «Продовження літа» (1986), «На білій горі» (1990), «Старий годинник» (1991), «Коротке літо в раю» (1995). Загальна кількість картотеки налічує 232 мікроконтексти.

Велику увагу поетеса приділяє зображенню природи, що є характерним для поезії взагалі. Важливість парадигми природних описів у поетичному ідіостилі М. Й. Людкевич засвідчується частотністю, а також глибиною окремих

конституентів цієї парадигми. Одним із таких ключових елементів є концепт *вода*. Отже, метою цієї розвідки є спроба розглянути способи вербалізації концепту *вода* як структурно та системно значимого елементу в мозаїчному полотні поетичної картини світу М. Й. Людкевич з визначенням загальномовної та індивідуально-авторської специфіки. Зазначимо, що дослідженням особливостей лінгвального вираження природної стихії вода займалося чимало науковців. Найбільшу цікавість викликають роботи А. М. Боюн, Т. В. Ковтун, О. І. Сімович, Н. М. Сиромлі, Н. О. Меженської. У межах етнолінгвістики концепт *вода* частково досліджує В. В. Жайворонок, а культурна складова концепту привернула увагу Ю. С. Степанова та К. А. Віслової.

У поезії М. Й. Людкевич мовний світ стихії вода репрезентований лексемами *вода*, *джерело*, *річка*, *море*, *криниця*, *потік*, а також назвами річок. Традиційним, словниковим можна вважати смислове наповнення *вода* – *рідина*. Функціональне призначення *води* як *рідини* виявляється в мікроконтекстах, де експлікується семантична ознака «для тамування спраги»: «*Як смак води джерельної з криниць*» [5, с. 12], «*Ми н'ємо воду з сивого Дніпра*» [5, с. 43], «*Тут Євка фартушком сльозу з очей / Змахне, джерельною наповнить кухлики*» [6, с. 24]. Варто також звернути увагу на епітет *джерельна*, який поетеса досить часто використовує при характеристиці води. В українській культурі за джерельною водою традиційно закріплена позитивна конотація, що зумовлена чистотою та цілющими властивостями джерельних вод – перш ніж вийти на поверхню, підземні води проходять фізичну та хімічну фільтрацію, тож на поверхню виходить чиста прохолодна вода.

У мовотворчості М. Й. Людкевич пейзажну функцію покликани передавати семантичні наповнення *вода* – *водний простір* та *вода* – *водна поверхня*. Змальовуючи природу, поетеса вживає лексеми на позначення водоймищ з метою введення просторових координат, тим самим локалізуючи місце перебування, або вживає лексеми, які містять алюзію на час перебування біля водоймищ: «*Вже скресає ріка, і поколена крига*» [4, с. 30], «*Біжить до моря донечка моя, / Збиваючи коліна*» [7, с. 76], «*Надвечір вийду в поле над рікою*» [6, с. 13], «*Поснули луни в квітах тиші. / Ми їм слова людські залишим, / Прийдемо разом до ріки*» [5, с. 61]. При актуалізації семантичного наповнення *вода* – *водний простір* натрапляємо на метафори, де надзвичайно поетично описуються, наприклад, картини настання зими: «*Шум сосон зимових, що роблять суворим пейзаж, / І море, замкнене морозом на білі ключі*» [7, с. 111].

До ядерної зони концепту слід відносити семантичне наповнення *вода* – *водна маса*. У поетичному ідіостилі М. Й. Людкевич така лінгвоментальна візія забезпечується синтагматичними зв'язками ключового слова-імені з традиційними епітетами, які переважно апелюють до зорових вражень, містячи у своїй семантичній структурі ознаку за кольором або рухом. Сполучаючись з лексемою *вода* в одній синтаксичній конструкції, ці епітети допомагають точніше змалювати стихію, унаочнити образ: «*Текла вода, студена, синювата*» [6, с. 52], «*Води прозорі, мов дзвін, чорні і сині*» [7, с. 63], «*Риба пливе між камінням / В чистій і бистрій воді*» [9, с. 79].

Фізична властивість водної поверхні відзеркалювати реалії зовнішнього світу сприяє розвитку семантичного наповнення *вода – дзеркальна поверхня*. Часто поетеса поєднує водну та небесну стихію, при чому небесні реалії зазвичай майстринею слова персоніфікуються: «**В прозорій хвилі відіб'ються хмари, / І крила птиць, і крила літака, / Стихія неба, що водою марить**» [6, с. 72], «**Місяць застиг між хмарами, / Заглядає у хвилі прозорі**» [9, с. 79], «**Вранці сонце водою дзвінкою пливло / І сміялось, іскристе, в блакиті**» [4, с. 40]. Подібні уявлення, на думку В. М. Топорова, можна трактувати як «споглядання неба, що викликає образ моря і думки про безсмертя, іноді – на контрасті із самим собою, своєю мало значущістю та смертністю» [11, с. 586]. А ось Р. В. Кісь пропонує такі семантичні опозиції інтерпретувати як поєднання чоловічого та жіночого начала, завдяки чому відбувається «вічне самовіднайдення первісної цілісності космічного океану у мікрокосмі єднання... у всеохопних потоках життя» [3, с. 97].

Вода осмислюється поетесою також як *внутрішній світ людини*. Показовим у цій сфері є порівняння душі з колодязем як вмістилищем води: «**О, нам лячно і темно! / Душа – мов колодязь**» [9, с. 62] – або звукова метафора, створена дієсловом *клекаче*, яка засновується на порівнянні виру емоцій з шумом океану: «**Лиш тільки б вірить – / Океан клекаче / В душі отій, що спокою не має**» [7, с. 97]. Для правильної смислової інтерпретації порівняльних конструкцій слід також зважати на епітети, оскільки художнє означення до об'єкта порівняння може виконувати певну конотативну функцію. Так, наприклад, епітет *темний* до слова *колодязь* у компаративній структурі «**Знаю, в темний колодязь дивитися лячно, / Так мов душу чужу намагатись збагнути**» [9, с. 63] передає не фізичну особливість штучного водойму, а слугує маркером незрозумілості чужих переживань і містить алюзію до народної мудрості, яка стверджує, «чужа душа – темний ліс».

Лейтмотивом у мовомисленні М. Й. Людкевич можна вважати тему кохання. Відповідно, й концепт *вода* в поетичній палітрі віршів художниці слова також отримує смислове наповнення *кохання*. В основі такої інтерпретації лежить метафора, виражена через поєднання лексеми *ріка* зі словами на позначення почуття, вжитими в родовому відмінку: «**Несе мене у даль ріка кохання**» [5, с. 45], «**Тече ріка любові в ранки сині**» [5, с. 39]. Використовуючи такі конструкції, авторка ніби акцентує увагу на якісному наповненні ріки. Індивідуалізації поетичного мовлення М. Й. Людкевич сприяє також вживання художніх означень при розвитку семантичного наповнення *вода – кохання*. Авторка сполучає лексеми – репрезентанти концепту з епітетами *жива* та *розвесняна*. Показовим у цьому плані є вірш «Передчуття любові»: «**Ми ще чужі, та це не має значення, / Коли така розвесняна вода**» [4, с. 55]. Читаємо далі: «**Стежина, сонце, полини, й роса, / І почуттів розвесняні потоки**» [4, с. 32], «**Яка вона, невпізнана любов, / Жива вода миттєвостей і років?**» [7, с. 119]. Прикметник *розвесняна* можна вважати авторським неологізмом. Він визначає ознаки весни як пори молодості та виру почуттів, опоетизовує почуття кохання, надає його зображенню піднесеності та урочистості. Ототожнення гірського потоку з почуттям через орудний відмінок простежується в мікроконтексті, де поетеса апелює до звукового образу стихії:

«Двоє... / Їх гойдає на хвилях весняна мелодія, / **І шумує потоком гірським почуття**» [7, с. 132]. Для вираження емоційного стану закоханості М. Й. Людкевич використовує образ ріки й у таких рядках: «Думала, що зможу звільнитись / Від дзвінкого плину, шалу і лету... / Я зайшла добровільно в **ріку**, / Але вийти з неї – не в змозі... / Ця залежність мене вимучує. / Я силуюсь вирватись з течії / Знаю, що **це любов!**» [9, с. 42].

Концепт **вода** в поетичній картині світу М. Й. Людкевич передає також й інші почуття: ніжність, печаль, горе, схвильованість тощо. Такі інтенції у мові віршів художниці слова вербалізуються через валентність лексеми *океан*, яка містить семантичну домінанту «великий за розміром», зі словами-назвами відповідних почуттів у родовому відмінку: «**Ми, як дві риби блискучі, / Пливе в океані ніжності**» [6, с. 95], «**Краплина щастя й океан журби**» [5, с. 30], «**Я не знаю, хто ти: / Бог у центрі мого всесвіту / Чи не ввіймана риба / В океані розбурханої уяви**» [9, с. 95]. Подібне лінгвоментальне розуміння концепту присутнє в мікроконтексті, де почуття горя, печалі передано за допомогою лексеми *сльози*: «**Як плаче мати, замовкають птаці... / Дорослим дітям по світах не спиться, / В думках летять, немов вітри сюди. / До синього вікна, де **море сліз****» [4, с. 52-53], «**Заб'ється рибою в руках моїх печаль / І вислизне в **солоне море сліз****» [8, с. 51]. Тут варто відзначити накладання смакових вражень – солоність моря та солоність сліз.

На окрему увагу заслуговують ілюстрації, у яких порівняння почуття з водою репрезентується через форму орудного відмінка: «**Хоч сум водою сочиться з глибин**» [4, с. 45], «**Струмком дзвінка схвильованість хлюпоче**» [6, с. 13], «**Тільки, душу виймаючи, зло / Не зуміло печалі зламати. / Нею зранена, в серці на дні / Доброта джерелом заспіває**» [5, с. 22]. Усі наведені вище мікроконтексти акцентують увагу на слуховому сприйнятті стихії, яке поглиблюється й евфонічним малюнком віршу через звукові повтори «с». Можна припустити, що М. Й. Людкевич через поєднання слів *сум*, *сочиться* в одному уривку та слів *струмком*, *схвильованість*, *хлюпоче* в іншому мікроконтексті прагне відтворити плескіт води, засобами звукопису посилити слуховий образ.

При лінгвоментальному осмисленні *води як щастя, радості* М. Й. Людкевич підкреслюється така ознака води, як швидкість, вербально виражена через сполучуваність з епітетами-характеристиками води: *бистра*, *стрімка*: «**Лиш жіноче щастя – як омана, / Що водою бистрою спливе**» [6, с. 17], «**Водою стрімкою спливають радощі наші**» [8, с. 23]. Подібні думки, очевидно, навіяні мотивом швидкоплинності щасливих моментів у житті людини.

У поетичних текстах М. Й. Людкевич **вода** часто «оживлюється». Безпосередню вказівку на воду як на живу істоту несуть анімалістичні порівняння: «**А хвиля – / Як приручене звіря, / До ніг її все лащитьс'я й гуде**» [7, с. 76], «**І бистрі води, мов підземні коні**» [8, с. 54].

Найчастіше вода «олюднюється» через метафори, в яких стихія отримує фізіологічну будову: «**І дихнула на повні груди / Ріка повновода**» [7, с. 19], «**Води об камінь січуть **світі** стомлені **скроні****» [7, с. 45]. «Олюднюватися» стихія в мовотворчості авторки може також через вживання дієслівних метафор, які апелюють до слухових вражень: «**Сміялись з нами світлі **води****» [5, с. 61],

«*І хлюпочеться голосно / Втомлений став*» [6, с. 88], «*Щось рідне в долині шептатиме довго потік*» [6, с. 74]. Заслужують на увагу також оригінальні дієслівні персоніфікації, засновані на перенесенні емоційних переживань та здатності води виконувати дії, притаманні людям: «*Кадка тремтить, захлинається в гніві ріка*» [7, с. 45], «*І миє чорні береги ріка*» [5, с. 53], «*Так ріка вицілює уста берегам, / А потім захлинається піском золотим чи намулом*» [9, с. 79]. Антропоморфізація води може здійснюватися й на підставі наділення стихії здатністю переживати людські психоемоційні стани. У мовотворчості М. Й. Людкевич такі інтенції представлені переважно синтагматичними зв'язками лексем на позначення водного простору з епітетами: «*Тоді найкраще посидіти / На лавочці біля моря, / Дивитись на мокрий жовтий пісок / І сиві втомлені хвилі*» [9, с. 83], «*Як море після штормової години – / Знесилене і приборкане, / Розмліле від пристрасті втоми*» [7, с. 122], «*Стрімголов спішать шалені води, / Звільнені від крижаних наруг*» [6, с. 66], «*Вода, втишена і заспокоєна*» [9, с. 49].

Образ води в поетичному мовомисленні М. Й. Людкевич може зливатися в одне ціле з формою власного «Я» поетеси, завдяки чому можливе виокремлення семантичної площини ідентифікації *я – вода*. У мові ця сфера знаходить вираження в ототожненні ліричної героїні зі стихією через порівняльні конструкції, виражені формою орудного відмінка: «*З роздуки солоної, / з дороги далекої, / з листопаду печалі... / до тебе спішу / водою джерельною / в спрагли уста*» [4, с. 17], «*Я була рікою голубою / На тонкій межі добра і зла. / І ридала хвиля за тобою, / Не було човна ані весла*» [5, с. 61]; порівняльні сполучникові конструкції: «*Бунтую, мов річка у горах*» [8, с. 41].

Дальший розвиток семантичної структури концепту зумовлений міфопоетичними уявленнями давніх людей. Інтерпретація *вода – життя* ґрунтується на розумінні важливості води для життєдіяльності організмів. Ще в часи античності видатні натурфілософи проголошували воду першопричиною виникнення Всесвіту. Розглянемо, які ж мовні засоби обирає поетеса для вербального втілення подібних інтенцій. Так, мовомислення М. Й. Людкевич відображає семантичне наповнення *вода – життя* через порівняльні конструкції типу: «*Ми пливемо життям, мов пливемо рікою*» [6, с. 86], «*І з життя, мов із хвиль ріки, / Кінь червоний / Стане іржати*» [6, с. 36]. Традиційним є усталений вираз *океан життя*, представлений у мікроконтексті: «*В океані життя – ти в своїй стихії. / О, тобі гарно і легко – бо ти вільний!.. / Я заплющую серце – / І в обійми бере / ОКЕАН*» [9, с. 7-8].

Семантичне наповнення *вода – час*, що зумовлене усталеною метафорою *плин води – плин часу*, в мовному світі М. Й. Людкевич вербалізовано через актуалізацію фразеологізму *скільки води втекло – скільки проминуло часу*: «*А ось тут наші діти біжать. / Скільки в море води вже втекло!*» [6, с. 8], «*Скільки хвилин пропливло за водою*» [6, с. 79]. «Невипадково, – говорить В. В. Жайворонок, – плин часу у наших предків асоціювався саме з водою, що тече безперервно, безперестанку, як людські роки, як саме людське життя. Тому й кажуть: «Час, як вода, все йде вперед»; «Було, та водою сплигло»; «Багато води уплине, заки людина до того доживе» [2, с. 169].

Таким чином, акцент робиться на семантиці плинності, що зазвичай виражається дієсловом.

Яскравою ілюстрацією до лінгвального вираження смислової площини **вода – час** може слугувати мікроконтекст: «*і твориться час – / Людський, неповторний, джерельно-глибокий*» [6, с. 31], де епітетом-характеристикою до слова *час* виступає складний прикметник *джерельно-глибокий*. Читаємо в іншому місці: «*Ходить пісня, носить світлу бинду... / З глибини криниці, із віків*» [7, с. 52]. Отже, в мовосвіті художниці слова розуміння **води як часу** зумовлюється наділенням останнього таким параметром, як глибина, що є властивим водним об'єктам.

Дієслівні метафори творять у поетичному світі М. Й. Людкевич семантичне наповнення **вода – зникнення**: «*Змиває хвиля слід піщаний*» [4, с. 23], «*Лиця відбиток печальний / Вода кудись віднесла*» [6, с. 68], «*Не бачив і не чув / Амур про нас з тобою. / Пішло все за водою. / А все-таки ти був...*» [9, с. 74]. Яскраво в цих мікроконтекстах представлена семантика проминання.

Магічна сила води як рідини, що здатна зцілювати, спричинює виникнення такого семантичного наповнення в мовному світі М. Й. Людкевич, як **вода – цілюща сила**: «*Я носила з долин різні трави цілющі, / Я хотіла її захистити від біди. / Я сходила б усі полонини і пуці, / Лиш би краплю дістати живої води*» [7, с. 51], «*І передасть, немов молитву, свято / Коханим дітям в спадок – / Назавжди – / Із кров'ю й молоком щаслива мати / Цілющу міць джерельної води*» [7, с. 15]. Традиційні епітети *жива, джерельна, цілюща*, які супроводжують ключове слово в мікроконтекстах, де реалізується аналізоване семантичне наповнення, зумовлені вірою давніх слов'ян у цілющість водної стихії: «Як жива вода весняних дощів просвітляє туманне небо, відроджує природу і тому сприймається як божественний напій, що виганяє демонів, дарує красу, молодість, здоров'я, так ці ж животворчі властивості поєднують народні вірування з водою взагалі – тим більше, що вона дійсно має властивість освіжати тіло й відновлювати сили... Переважно цілющі властивості приписувалися джерельній воді» [1, с. 196-197].

Епітет *жива* супроводжує ключове слово й у семантичному наповненні **вода – натхнення**: «*я не зникну, не помру. / Бо є жива вода на пісню й на слово*» [7, с. 14], «*Жива вода! / Її б знайти скоріше – / Росинку, краплю, голубий ковток, / Щоб оживити нею душі й вірші – / Ото би був духовності урок!*» [7, с. 14]. Якщо звернутися до витоків, то семантичний зміст протиставлення води живої воді мертвій, за твердженням Ю. С. Степанова, ґрунтується на уявленні про мертву воду як про першу воду «розталого льоду та снігу, вона змитає лід та сніг, однак ще не дає зелені-життя; *жива вода* – вода перших весняних дощів, вона пробуджує землю до життя, від неї прокидаються й починають зеленішати дерева, кущі, трави та квіти» [10, с. 192]. Так само *жива вода* у творах М. Й. Людкевич дає життя новим ідеям, від неї починають творитися нові вірші. Таким чином, дуже легко простежити дальший розвиток концепту – в мові творів поетеси виокремлюємо споріднене семантичне наповнення **вода – поезія**, яке репрезентоване через порівняння поетичної творчості з хвилею та джерелом: «*Розквітлий луг і молоді надії, / Поезії цілюще джерело*» [5, с. 47], «*А що лишилось? Вірші – наче хвиля, / Дивись і слухай, слухай і дивись*» [8, с. 84].

Суб'єктивні асоціації, засновані на метафоричному перенесенні, спричинюють появу авторської інтерпретації *вода – люди, народ*. У творах поетеси таке смислове навантаження передається через порівняльні конструкції: «*Ми чекаєм, / А черга струмочком – за нами*» [7, с. 71], «*Немов ріка, що вийшла з берегів / І хоче на шляху усе зітерти, – / Так натовп цей святково-буїно брів – / Безпечно, самовпевнено і вперто*» [7, с. 59]. Такі порівняння побудовані на метафоричній основі, зумовленій подібністю: зовнішньою – ланцюга черги з тоненьким струмочком, або функціональною – натиском натовпу з рікою, що виходить із берегів.

Поодинокими семантичними трактуваннями можна вважати розуміння *води* як *однієї зі стихій*: «*Той чоловік притишений і ніжний, / І щось у нім є від вогню й води*» [9, с. 62], «*Приймаю все таким, як є в природі. / Благословенні твердь, вогонь, вода*» [7, с. 27].

І вже майже одиничними є мікроконтексти, в яких *вода* ототожнюється з *небесним простором* та *настанням літа*: «*Бачу: / Наче вітрила, розгортаються сині сувої, / І встають світлі замки, ніби мушлі в океані небеснім*» [9, с. 31], «*А над землею літо проплива, / Червнева повінь – і нема вагання*» [5, с. 45]. Вербалізуються такі інтенції через метафоричні сполуки. Так, епітетна метафора *червнева повінь*, вочевидь, пов'язана з буянням зелені та розливами літнього тепла, а ототожнення небесного шатра з океаном здійснюється на основі зорових вражень: подібності за кольором та безмежністю. Ось що з цього приводу говорить О. М. Афанасьєв: «Під впливом зазначеної метафори, згідно із зоровими враженнями, де небозвід обіймає землю, народилася впевненість, що земля «заснована на водах», що її поверхня є великим колом і що її з усіх боків обтікає кільцем просторовий океан» [1, с. 187].

Висновки. Розгляд засобів вербалізації концепту дає змогу говорити, що стихія води в поетичному ідіостилі М. Й. Людкевич відбиває як нормативні, усталені значення, так й елементи народних, міфопоетичних уявлень, а також естетичні цінності особистої лінгвоментальної свідомості художниці слова. Ядро концепту *вода* в мові творів М. Й. Людкевич складають такі семантичні наповнення: *водний простір, рідина, водна поверхня, водна маса*. Здебільшого вони відіграють важливу роль у художньо-композиційному плані вірша як засіб естетичного розгортання пейзажних картин. До арсеналу семантичних наповнень концепту входить також розуміння *води* як *дзеркальної поверхні, однієї зі стихій, цілющої сили, життя*. Розгортається структура концепту і через персоніфікацію води, що дає змогу окреслити такі смислові наповнення, як *вода – жива істота* та *вода – я*. Продовжують авторські інтерпретації трактування *води* як різного роду *почуттів, кохання, натхнення, неба, поезії, народу, часу*. Таким чином, у поетичній мовній картині світу М. Й. Людкевич реалізується практично вся традиційна семантика концепту *вода*, а також додаються суб'єктивні авторські асоціації. *Перспективою* подальших розвідок можуть стати особливості вербального втілення концепту вода в інших представників традиційної лірики 80 – 90-х років ХХ століття.

Список літератури

1. Афанасьев А. Н. Древо жизни : [избранные статьи] / А. Н. Афанасьев. – М. : Современник, 1982. – 464 с.
2. Жайворонок В. В. Українська етнолінгвістика : нариси : [навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл.] / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2007. – 262 с.
3. Кісь Р. В. Ерос і водна стихія (Первісна семіотичність шлюбної магії) / Р. В. Кісь // Сучасність. – 1994. – № 1. – С. 83-98.
4. Людкевич М. Й. Теплі гнізда : [поезії] / М. Й. Людкевич. – К. : Радянський письменник, 1981. – 72 с.
5. Людкевич М. Й. Червнева повінь : [поезії] / М. Й. Людкевич. – Львів : Каменяр, 1983. – 71 с.
6. Людкевич М. Й. Продовження літа : [поезії] / М. Й. Людкевич. – К. : Радянський письменник, 1986. – 103 с.
7. Людкевич М. Й. На білій горі : [поезія] / М. Й. Людкевич 1990. – 142 с.
8. Людкевич М. Й. Старий годинникар : [поезії] / М. Й. Людкевич. 1991. – 103 с.
9. Людкевич М. Й. Коротке літо в раю : [книга інтимної лірики] / М. Й. Людкевич – Львів : Каменяр, 1995. – 126 с.
10. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
11. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : [избранное] / В. Н. Топоров. – М. : Изд. группа «Прогресс» ; Культура, 1995. – 623 с.
12. Якубовська М. С. У дзеркалі слова : Есеї про сучасну українську літературу / М. С. Якубовська. – Львів : Каменяр, 2005. – 751 с.

Слюнина Е. В. Специфика языкового выражения концепта вода в творчестве Марии Людкевич // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.464-471.

Статья касается проблемы экспликации архетипического концепта вода в поэтическом языковом сознании Марии Людкевич. Отслеживается последовательность выражения архетипических представлений и индивидуально-авторская лингвопоэтическая интерпретация концепта.

Ключевые слова: *концепт, вода, метафора, семантическое наполнение.*

Sljunina O. V. Specific of lingual expression of the concept water in poetry by Maria Ludkevich // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.464-471.

The article focuses on the problem of the explication of the archetypical concept water in poetical language of Maria Ludkevich. The succession of the lingual expression of archetypical ideas and author's linguapoetical interpretation of the concept are analyzed.

Key words: *concept, water, metaphor, semantic filling.*

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 811.161.1'42

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ-ПИСАТЕЛЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АФОРИСТИКИ

Туранина Н.А.

Белгородский государственный университет, г. Белгород, Россия

В статье раскрывается специфика образа автора, языковой личности через его язык.

Ключевые слова: *Токарева, афоризм, языковая личность, образ автора, словарь.*

Исследование человеческого фактора в языке, языковой личности тесно связано с проблемой изучения и описания картины мира, которая выражает специфику человека, его взаимоотношения с миром в целом, его существования в центре Вселенной, согласно антропометрическому принципу «Человек – мера всех вещей». Антропоцентричность картины мира носителя языка проявляется в его представлениях об окружающей действительности, этот принцип нашел отражение в лексической системе языка, стал основным принципом современных исследований, рассматривающих языковые явления в диаде «Язык – человек».

Исследования последних лет (М.М. Бахтин, А.Н. Васильева, А. Вежбицкая, Ю.Н. Караулова) подтвердили важность и *актуальность* проблемы познания личности автора через специфику его языка. Однако совсем немного работ, делающих акцент на современной женской прозе, которая является особым явлением русской культуры.

Целью нашей работы является представление языковой личности писателя В. Токаревой, проблематики ее произведений на основе анализа афоризмов. *Задачей* статьи является описание основных направлений афористики писателя.

Современная женская литература дает нам представление о картине мира писателя, помогает постичь специфику языковой личности женщины-писателя, особый интерес в этом плане представляют произведения В. Токаревой, особенно ее афористика. Для В. Токаревой афоризм становится универсальным способом создания авторского образа мира, наполненного яркой лиричностью и глубоким философским содержанием, ключевым средством решения эстетических и мировоззренческих задач. Мастерство в обобщении, извлечении из действительности основного и типичного, умение выразить обобщенный материал в немногих словах, компактно – отличительная черта прозы В. Токаревой. Афоризмы писательницы глубоки в своих суждениях, богаты по тематике, метки и красочны, что обуславливает их эмоциональную действенность. Сами же высказывания настолько удачно вплетены в канву повествования, что читатель не всегда выделяет

их из текста, поражаясь лишь глубине мыслей и оригинальности изложения. Афоризмы Викторией Токаревой представляют собой сгусток человеческой мудрости и влияют на нас отнюдь не только оригинальной формой, но и глубокой внутренней правдой: *Первый – один. Как Жанна д'Арк или Михаил Кутузов. А всё остальное войско – вторые. Один, даже если он первый – ничего не сделает. Мир наполнен вторыми (Одна из многих); Люди делятся не на хороших и плохих, а на своих и чужих (Птица счастья)*. Афоризмы В. Токаревой – это осмысление старых, но важных истин, которые порой забыты или, наоборот, настолько привычны, что их перестали замечать: *Любят не только хороших, любят всяких (Уик-Энд);...судьба помогает и даёт тогда, когда ты от неё уже ничего не ждёшь. Вот когда тебе становится всё равно, она говорит: «На!» (Перелом)*. Эти истины обретают современный оригинальный словесный портрет, мысль, содержащаяся в них, привлекает внимание и закрепляет её в памяти читателя:... *сорокалетние тоже могут быть любимыми и любить сами. И... на станции "Любовь" стоят самые разные поезда (Ни сыну, ни жене, ни брату)*. Тематика афоризмов В. Токаревой отражает «вечные» проблемы, афористические высказывания писательницы освещают различные стороны человеческой личности. В них важнейшие для человека вопросы о смысле жизни, о счастье и несчастье, о жизни и смерти, об искусстве, о быстротекущем времени, о самосовершенствовании. Именно человек с его неповторимой индивидуальностью, сложным внутренним миром и непрерывными духовными исканиями в центре внимания в афоризмах В. Токаревой. Человек – центр мироздания. Афоризмы помогают раскрыть взаимоотношения человека и социума, человека и природы, человека и культуры.

Особенностью афоризмов В. Токаревой является их логичность, компактность, хотя встречаются афоризмы с неожиданными выводами, не совпадающими с общепринятым мнением: *Полный разрыв – это тоже отношения. (Почём килограмм славы); Наша жизнь – это не только то, что мы сделали. Но и то, что не сделали: не пошли на зов любви, не вспахали грядку под огурцы, не родили ребёнка (Почём килограмм славы)*.

Семантика афоризмов поражает разнообразием и оригинальностью. Более того, некоторые высказывания передают противоположные суждения. *Судьба не любит, когда от неё что-то очень требуют. Судьба любит, когда ей предоставляют право выбора (Длинный день) – Судьба не любит, когда ОЧЕНЬ хотят (Перелом) – Нельзя хотеть ОЧЕНЬ, судьба не любит (Система собак)*. Приведённые афоризмы не содержат противоречащих друг другу мнений. В то время как афоризм *Чтобы добиться в жизни успеха, надо уметь хотеть. Желать страстно (Где ничего не положено)* выражает противоположное суждение. Или другие примеры: *Страдания иссушают душу (Между небом и землёй) – Страдания формируют душу (Между небом и землёй) –...одни страдания заставляют душу трудиться и созидать... (Звезда в тумане)*. В различных произведениях В. Токаревой встречаются тождественные афоризмы: *Если любишь человека, надо жить его интересами (Инструктор по плаванию) – Осуществлённая мечта – уже не мечта (Северный приют), (О том, чего не было)*. Можно выделить афоризмы, выражающие один смысл, различные по структуре: *Старость надо готовить смолоду. Она является*

быстрее, чем вы думаете (Стрелец) – Старость смолоду готовить надо. А потом поздно будет (Центр памяти). Порой такие афоризмы переосмысливаются, получают дополнительные разъяснения: *Люди делятся не на хороших и плохих. А на своих и чужих (Птица счастья) – Книги делятся не на «хорошие» и «плохие», а на свои и не свои. Как дети. Свои – нравятся, а не свои – оставляют равнодушной, хоть все вокруг находятся от восторга (Одна из многих).*

Афоризмы В. Токаревой содержат в себе ссылки на другие тексты или явления культуры, проявляющиеся в более или менее узнаваемых формах. Именно интертекстуальные отсылки в этих высказываниях способствуют более полному раскрытию информации в силу своей значимости для интерпретации всего афоризма. Особый интерес вызывают интертекстуальные включения, представляющие собой трансформацию пословиц и фразеологизмов: *Сплетни заменяют людям творчество, когда у них нет настоящего. В пустой жизни и драка – событие. На пустом лице и царापина – украшение. Обыватели не любят выдающихся над ними и стремятся принизить, пригнуть до своего уровня (Сентиментальное путешествие); Сплетни заменяют людям творчество, когда у них нет настоящего. Когда их жизнь пуста (Лошади с крыльями).* В этих текстах В. Токаревой использованы высказывания, представляющие собой пословицы, которые являются элементами фольклора русского народа, что говорит об общезначимости утверждения, содержащегося в афоризме. В. Токарева прибегает к цитированию пословиц, которые по сути представляют собой конгломерат народной мудрости. Вследствие возникающей при этом параллели при интерпретации данного афоризма у читателя возникают определённые установки, согласующиеся с его ментальным статусом личности, воспитанной на примерах родственного ему фольклора. Таким образом, культурно значимые явления предшествующей среды оказывают влияние на семантическое значение всего афористического текста, обогащая его новыми смыслами, привнесёнными творческой личностью автора. Весь афористический материал В. Токаревой можно представить по следующим разделам:

1. Современный человек и нравственно-философские ценности

1.1. Истина, правда

- ... если врать в мелочах, по инерции соврётся и в главном (День без вранья)
- ... за пределами жизни есть истина куда вернее и важнее всего, что может дать тело (Антон, надень ботинки!)
- ... нельзя найти окончательной истины (Лошади с крыльями)
- ... трудно провести грань между правдой и сплетней (Пять фигур на постаменте)
- Говорить правду можно только в том случае, если живёшь по правде (День без вранья)
- Есть много правд: правда любовной вспышки, когда человек слепнет, и правда прозревшего (Стрелец)
- Истина – в незнании истины (Лошади с крыльями)
- Кто не прав, тот не живёт (Сказать – не сказать)

- Людям совершенно не обязательно заранее знать плохую правду. Плохая правда придет сама и о себе заявит. Людям надо подкармливать надежду (Старая собака)

- Можно показывать фокусы на сцене, а в жизни показывать фокусы нельзя (Закон сохранения)

- Очень часто рациональное кроется в иррациональном (Розовые розы)

- Слухи живут отдельно от людей и не имеют к ним никакого отношения (Закон сохранения)

- Чего нет, в том и истина (Лошади с крыльями)

- Человеку свойственно чувствовать себя правым (Сказать – не сказать)

1.2. Искусство

- В искусстве главное – чувство меры (Стрелец)

- Вся эта культура, которую придумало человечество, – надстройка. А базис – сам человек, его биология и инстинкты (Одна из многих)

- Жизнь залавливает человеческое, а музыка достаёт (Сказать – не сказать)

- Искусство и вдохновение меняют человека (Неромантичный человек)

- Кинематограф действует вширь. Вглубь действует проза (Всё нормально, всё хорошо)

- Книги делятся не на «хорошие» и «плохие», а на свои и не свои. Как дети (Одна из многих)

- Музыка – это высшее из искусств, потому что она не конкретна, музыка и любовь должны быть вне слов. Во всяком случае – вне вопросов (Между небом и землёй)

- Музыка объединяет души в одну (Лиловый костюм)

- От хорошей музыки в человеке поднимается человеческое (Сказать – не сказать)

- Среди произведений искусства люди должны выглядеть соответственно (Стрелец)

1.3. Добро и зло

- ... Люди больше замечают зло, а добро считают чем-то само собой разумеющимся. Как солнце на небе (Сентиментальное путешествие)

- Воры, по всей вероятности, необходимы в общем вареве жизни – для того, чтобы люди умели отличить Добро от Зла, ценить одно и противостоять другому (Плохое настроение)

- Добро порождает добро. Так же, как зло высекает зло (Ни сыну, ни жене, ни брату)

- Добрые дела имеют особенность: можно сто раз сделать для человека, один раз не сделаешь – и ты враг (Сказать – не сказать)

- Душа питается от доброты. От безоглядности (Лиловый костюм)

- Зло, которое вырабатывает человек, опускается на его же собственную голову (Я есть)

- Злые силы так же сильны, как и добрые. Бог и дьявол – равновеликие соперники (Свиньяча победа)

- Милость угодна Богу, как творчество, как любовь (Стрелец)
- Человек – это маленькая энергостанция. Может вырабатывать добро, а может зло (Я есть)

Разнообразие тематики произведений В. Токаревой позволяет сделать *вывод* о том, что язык автора является богатым, экспрессивным, образным.

Перспективой дальнейшей работы может быть анализ других образных средств писателя и сопоставление с авторами различных периодов русской прозы.

Список литературы

1. Туралина Н.А. Словарь афоризмов Виктории Токаревой / Н.А. Туралина, Л.В. Коротенко. – Белгород: ЛитКараВан, 2008. – 72с.

Туралина Н.А. Мовна особистість жінки-письменника крізь призму афористики // Ученіє записки Тавричського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.472-476.

У статті розкрита специфіка образу письменника, мовної особистості за допомогою його мови.

Ключові слова: Токарева, афоризм, мовна особистість, образ автора, словник.

Turanina N. A. Linguistic identity, women writers through the prism of aphoristics // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.472-476.

The article reveals the specifics of the image of the author's linguistic identity through its language is aphoristics, reflecting the characteristic features of the writer.

Key words: Tokareva, aphorism, linguistic identity, the image of the author's vocabulary.

Поступила в редакцію 15.04.2011 г.

УДК 81'23; 811.111

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА ПАРЦЕЛЯЦІЯ НОМІНАТИВНОГО ПРОСТОРУ ТА МОДЕЛЮВАННЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЇ СТРУКТУРИ КОНЦЕПТУ ТЕРОРИЗМ У СУЧАСНІЙ АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Фатьянова І.В.

Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов, м. Горлівка, Україна

У статті зроблено спробу змодельовати концептуальну структуру концепту ТЕРОРИЗМ у термінах фреймової семантики. Використовуючи семантичний аналіз лексеми terrorism та інших одиниць номінативного простору «тероризм», встановлено номенклатуру фрагментів, їхніх значень, що заповнюють слоти фрейму на різних рівнях генералізації. Деталізована структура концепту ТЕРОРИЗМ дозволила виявити концептуальні основи організації субстантивного лексико-семантичного поля «тероризм», механізмів вторинного означення концепту, встановити сполучуваність одиниць на його позначення та їхніх взаємозв'язків у межах лексико-семантичної системи англійської мови.

Ключові слова: *концепт, лексема, сема, лексико-семантичне поле, номінативний простір, парцеляція, фреймова модель.*

Актуальним напрямком розвитку сучасного мовознавства є вивчення когнітивних структур свідомості людини шляхом аналізу їхнього мовного відбиття (Р. Водак, Дж. Лакофф, Т. ван Дейк, Е. Гоутлі та ін.). У сучасній антропоцентричній функціонально-когнітивній парадигмі фокус уваги дослідників все більше переміщується у напрямку міждисциплінарного синтезу. Будучи злободенним феноменом сучасності, тероризм є об'єктом вивчення різних соціо-гуманітарних наук, що намагаються виявити суть цього явища, відмежувати його від подібних явищ, визначити причини, правові рамки і способи боротьби з ним (І. Александер, У. Лакер, Б. Гофман, З. Івіаньски, Ю.М. Антонян, В.П. Ємельянов, О.В. Будницький, В.В. Витюк, С.А. Зелінський, О.М. Шемет, М.Є. Целуйко та ін.). Тим важливішою є спроба зрозуміти, як у свідомості сучасної людини організовано знання про це явище і яким чином воно передається.

Актуальність дослідження зумовлена як значущістю його об'єкта, концепту ТЕРОРИЗМ, у життєдіяльності сучасного соціуму, у тому числі й англомовного, про що свідчить зростаюча поширеність імені концепту в інформативному просторі англомовного політичного дискурсу, так і відповідністю його методологічного та методичного підґрунтя когнітивно-дискурсивній парадигмі, що займає пріоритетне місце у сучасних лінгвістичних студіях. Попри статус міждисциплінарного об'єкта аналізу, концепт ТЕРОРИЗМ ще не був об'єктом комплексного лінгвістичного дослідження у когнітивно-дискурсивному ракурсі, що визначає *новизну роботи.*

Мета розвідки полягає у визначенні тематичних секторів номінативного простору та моделюванні концептуальної структури концепту ТЕРОРИЗМ. Поставлена мета передбачає необхідність розв'язання наступних завдань: 1) з'ясувати методикою аналізу засобів вираження концепту ТЕРОРИЗМ у сучасному англomовному дискурсі, якими послуговується сучасне мовознавство; 2) провести семантичний аналіз лексеми *terrorisim* як найбільш узагальненого позначення концептуалізованого англomовною спільнотою явища «тероризм», що має виявити специфіку наповнення вершинних вузлів модельованої фреймової структури; 3) виявити концептуальні основи організації субстантивного лексико-семантичного поля «тероризм», встановити сполучуваність одиниць на його позначення та їхніх взаємозв'язків у межах лексико-семантичної системи сучасної англійської мови.

Вивчення концепту ТЕРОРИЗМ як ментального уявлення про фрагмент сучасної дійсності передбачає звернення до основних понять когнітивної науки. У центрі уваги когнітології стоїть когніція, під якою розуміють сукупність ментальних процесів, що слугують цілям обробки і переробки набутих знань на підставі внутрішнього рефлексивного досвіду, мовної інтерпретації та переінтерпретації інформації, яка поступає зовні. Когнітивна лінгвістика як одна із складників когнітології займається вивченням кореляцій між когнітивними структурами та одиницями, що їх об'єктивують, вивченням структур представлення знань, пояснення ролі мови у пізнавальній діяльності людини, в процесах концептуалізації та категоризації людського досвіду [8, с. 218-220]. Одним із основних понять когнітології є «картина світу», що лежить в основі світогляду людини, тобто виражає істотні властивості світу в розумінні людини в результаті її духовної і пізнавальної діяльності. Мовна картина світу (МКС) є відображенням засобами мови образ свідомості-реальності, модель інтегрального знання про концептуальну систему уявлень, що репрезентуються мовою. МКС прийнято відмежовувати від концептуальної або когнітивної моделі світу, яка є основою мовного втілення, словесної концептуалізації сукупності знань людини про світ [8, с. 365-367].

Складові частини концептуальної картини світу (ККС) – сукупність концептосфер, домени, концепти – знаходять своє відображення в одиницях МКС, об'єднаних у лексико-семантичні поля [8, с. 259-260]. Лексико-семантичне поле (ЛСП) – це певна модель реальної картини світу, а отже мовна репрезентація концептосфери. ЛСП тлумачиться як ієрархічно організована сукупність номінативних одиниць, що об'єднуються на підставі спільного для них інваріантного значення, відтворюючи у мові певну поняттєву категорію та виявляючи парадигматичні зв'язки різного типу. ЛСП включаються до цілісних номінативних просторів мовної системи, виступаючи способом упорядкування лексичних одиниць у їхніх межах. Номінативний простір розглядається як результат лексичної інтерпретації реалій світу. Конститутивними елементами ЛСП є парцели – дрібні тематичні угруповання лексичних одиниць, які представляють окремі субфрейми вербалізованого концепту [8, с. 281-282].

Когнітивною репрезентацією тероризму є концепт ТЕРОРИЗМ, під яким розуміємо складну, динамічну структурно-сміслову, етнічно та культурно зумовлену

ментальну одиницю людської свідомості, яка є способом і результатом категоризації знання й має вербальне вираження. Концепт ТЕРОРИЗМ структурується як складна ядерно-периферійна конфігурація знань про прототипові та непропотипові поняттєві, образні та ціннісні ознаки явища «тероризм». Складний характер структурної організації концепту передбачає різні формати знання. Спроби репрезентації внутрішнього знання про явище або об'єкт світу здійснюються шляхом побудови когнітивної моделі відповідного концепту. Дослідники виявляють різні ментальні моделі, метонімічні моделі, фрейми, сценарії, плани. При вивченні концепту ТЕРОРИЗМ ми звертаємося до фреймового моделювання концепту.

Когнітивно орієнтоване ономасіологічне дослідження мовних засобів репрезентації концепту ТЕРОРИЗМ, сутність якого спрямована на об'єктивацію знань тієї концептуальної структури, що знаходить відображення в семантичній структурі номінативної одиниці [2, с. 18], необхідно виступає двонаправленою процедурою. З одного боку, виконується семасіологічний аналіз виділеного фрагменту лексику з метою виявлення структури вербалізованого ним концепту. З іншого – модель структури концепту використовується як інструмент пояснення явищ і перетворень, наявних в семантиці досліджуваного корпусу його репрезентантів [5, с. 9-11].

Отже, пропонуване лінгвокогнітивне дослідження засобів мовної експлікації концепту ТЕРОРИЗМ має користуватися складною комбінацією описаних вище методик дослідження концептуально-семантичної структури номінативної одиниці, що у загальному вигляді трактується як концептуальний аналіз. Зокрема, моделювання інформативної структури концепту ТЕРОРИЗМ виконується у термінах фреймової семантики [3]. Йому передує семантичний аналіз лексеми terrorism як найбільш узагальненого позначення концептуалізованого англійською мовою спільнотою явища «тероризм», що має виявити специфіку наповнення вершинних вузлів модельованої фреймової структури.

Концепт ТЕРОРИЗМ як складне ментальне утворення структурується у фрейм. На першому етапі реконструкції фрейму проводиться аналіз словникових дефініцій центральної лексеми, яка називає концепт, з метою визначити найбільш значимі ознаки та об'єм поняття. Аналіз лексеми terrorism показує, що семантичними складниками поняття «тероризм» є насилля, залякування, політична мотивація, систематичність та організованість. Фрейм концепту ТЕРОРИЗМ, який було побудовано на підґрунті словникових дефініцій, структурує найбільш типову інформацію про явище «тероризм», тобто представляє концепт у найбільш загальному вигляді: [АГЕНС (СУБ'ЄКТ ТЕРОРИЗМУ – ТЕРОРИСТ) є ТАКИЙ (мотивований егоцентричною потребою досягнення певної мети] діє ТАМ (в інституціональній (політичній) сфері) діє на ПАЦІЕНСА (ОБ'ЄКТА ТЕРОРИЗМУ – ГРОМАДЯНСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО, УРЯД) діє задля МЕТИ/РЕЗУЛЬТАТУ (деморалізація/ залякування/ підкорення) діє ТАК (застосовуючи певні методи: бомбардування/ стрілянина/ викрадення людей/ залякування).

Використовуючи семантичний аналіз (СА) інших одиниць номінативного простору «тероризм», маємо на меті встановити номенклатуру фрагментів, їхніх

значень, що заповнюють слоти фрейму на різних рівнях генералізації. Деталізована структура концепту ТЕРОРИЗМ дозволяє виявити концептуальні основи організації частиномовних ЛСП «тероризм», механізмів вторинного означення концепту, встановлення сполучуваності одиниць на його позначення та їхніх взаємозв'язків у межах лексико-семантичної системи англійської мови.

Парцели ЛСП «тероризм» утворюються на основі принципу інваріантності, причому, на відміну від поля, об'єднання одиниць у парцелу забезпечує не архисема, а одна з видових, субкатегоріальних сем їх значень. Завдяки здатності відтворювати своєю семантикою спільний поняттєвий конструктор [1, с. 42-43], елементи парцел уможливають моделювання концептуальної структури концепту ТЕРОРИЗМ, окремі субфрейми якого «задають» онемасіологічні схеми об'єднаних у парцели номінативних одиниць. Отже, семантика одиниць окремої парцели спирається на єдину концептуальну структуру як частину загальної інформаційної конфігурації ККС.

Лексико-семантичний каркас номінативного простору «тероризм» утворюють 192 іменникових лексеми, закріплені в узусі сучасної англійської мови. Семантичний аналіз дав змогу виділити ряд парцел ЛСП «тероризм», а саме:

ФЕНОМЕН ТЕРОРИЗМУ. Парцела є представленою:

- назвами основних форм тероризму, згрупованими навколо синонімічних домінант (СД) **terrorism, violence, war, lawlessness** (кількість 129 одиниць);
- антонімічний основним номінаціям тероризму синонімічний ряд (СР) (29 лексем) з синонімічною домінантою **peacefulness** – a situation or a period of time in which there is **no war or violence** in a country or an area (ситуація або період часу, в якому немає війни або насильства в країні або області) [9, с. 970].

Концептуально-семантичне тлумачення цієї зони враховує те, що за номінантом «тероризм» стоїть соціально-політична ситуація, макрополлями якої виступає феномен тероризму, суб'єкт/ об'єкт терористичної діяльності та результати скоєного акту тероризму. Семантичний аналіз номінантів феномену тероризму показав, що англійський лексикон фіксує наявність розгалуженої системи назв його форм, які знаходяться у гіперо-гіпонімічних відношеннях з лексемою *terrorism*, функціонуючи як еквоніми. Тому концептуальну ділянку, що вербалізується іменниками парцели ФЕНОМЕН ТЕРОРИЗМУ, можна змоделювати у вигляді фреймової мережі [ХТОСЬ агенс – суб'єкт ТЕРОРИЗМУ діє на пацієнса – об'єкта ТЕРОРИЗМУ; діє ТАМ політична сфера; діє задля МЕТИ/ РЕЗУЛЬТАТУ деморалізації/ залякування/ підкорення; діє ТАК, застосовуючи певні методи (бомбардування/ стрілянина/ викрадення людей)], у якій роль ядерного фрейму відіграє акціональний фрейм.

АГЕНС. До парцели входять назви особи, яка використовує насильство задля досягнення політичної мети. Імена діяча концептуалізують знання про ситуацію дії та інтерпретуються відповідно до особливостей виконуваної діяльності та характеру участі в ній самої людини [6, с. 62]. Наведений критерій дозволяє виділити серед імен діяча аналізованої парцели номінації осіб щодо особливостей поведінки у певній соціально-політичній ситуації:

- CP (12 одиниць) з СД **terrorist** – a person who takes part in terrorism (людина, яка бере участь у тероризмі) [9, с. 1396];

- CP (8 лексем) з СД **anarchist** – a person who believes that laws and governments are not necessary (людина, яка вірить у те, що закони та уряди не є необхідними) [9, с. 42];

- CP (7 лексем) з СД **alarmist** – one who raises alarm (той, хто сіє страх та занепокоєння) [9, с. 35].

На концептуальному рівні подані одиниці виявляють схему [ХТОСЬ: агент (СУБ'ЄКТ ТЕРОРИЗМУ) є ТАКИЙ (умотивований егоцентричною потребою досягнення певної мети) діє ТАМ (в інституціональній (політичній) сфері) діє на ПАЦІЄНСА (ОБ'ЄКТА ТЕРОРИЗМУ – ГРОМАДЯНСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО, УРЯД) діє задля МЕТИ/ РЕЗУЛЬТАТУ діє ТАК].

ВИДИ ТЕРОРИСТИЧНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ. Парцелу складають 20 одиниць з

- СД **bioterrorism** – terrorism involving the intentional release or dissemination of biological agents (bacteria, viruses, or toxins), that may be in a naturally-occurring or in a human-modified form (використання біологічної зброї у терористичних актах) [10], напр. **cyberterrorism** – the use of Internet based attacks in terrorist activities, including acts of deliberate, large-scale disruption of computer networks, especially of personal computers attached to the Internet, by the means of tools such as computer viruses («кібертероризм», інформаційний, інтернетівський тероризм – навмисна, політично вмотивована атака на інформаційні, комп'ютерні системи, програми і дані) [11].

- СД **mega-terrorism** – the hope of killing many thousands in a single blow (сучасний тероризм з реальною загрозою використання зброї масового знищення) [12], напр. **WMD-terrorism** – тероризм із використанням зброї масового знищення [4, с. 353].

Концептуально-семантична структура парцели має вигляд: [ТАКИЙ ХТОСЬ: агент (СУБ'ЄКТ ТЕРОРИЗМУ – ТЕРОРИСТ) діє ТАК з результатом (ТАКИЙ/ЩОСЬ)].

РЕЗУЛЬТАТИ ДІЯЛЬНОСТІ. Склад парцели утворюється з тематичної групи у 12 лексем з інваріантом «деморалізація або залякування/ підкорення»: напр. **demoralization** (ЛСВ 1) – destroying the moral basis for a doctrine or policy (знищення моральних основ заради доктрини чи політики) [13]; **Islamophobia** – жах загрози терористичних актів з боку ісламістів [4, с. 204]; **terrornoia** – залякування урядом народу загрозою тероризму [4, с. 325]. Схема такої семантичної групи має вигляд [ТАКИЙ ХТОСЬ: агент (СУБ'ЄКТ ТЕРОРИЗМУ – ТЕРОРИСТ) діє ТАК з РЕЗУЛЬТАТОМ (ТАКИЙ/ЩОСЬ)].

Подані парцели ЛСП «тероризм» перетинаються з фрагментами концептосфери ЛЮДИНА. Їх перелік відтворює зони концептуальної диференціації концепту ТЕРОРИЗМ. Виведені шляхом концептуального аналізу іменників концептуальної структури парцел ЛСП «тероризм» дають змогу судити про структуру виявлених референційних блоків інформаційної структури концепту ТЕРОРИЗМ. Отже, можемо констатувати, що БЛОК ФЕНОМЕНУ ТЕРОРИЗМ моделюється у вигляді

акціонального субфрейму [ХТОСЬ: агенс (СУБ'ЄКТ ТЕРОРИЗМУ) діє ТАК на пацієнса (ОБ'ЄКТА ТЕРОРИЗМУ) з ЩОСЬ: результат].

БЛОК РЕАКЦІЇ на терористичні акти (**ПРОТИДІЯ ТЕРОРИЗМУ**) містить інформацію про дії, спрямовані на боротьбу з тероризмом: напр. **biodefence** – захист від використання біологічної зброї [4, с. 90]; **backscatter** – техніка виявлення зброї, схованої на тілі людини, за допомогою спеціального рентгенівського апарата [4, с. 86]. У зв'язку з цим його концептуальна структура має вигляд акціонального субфрейму [ТАКИЙ ХТОСЬ : агенс (ЛЮДИНА/ УРЯД/ ГРОМАДЯНСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО) діє ТАК з результатом (ТАКИЙ/ ЩОСЬ (вчинок)].

Висновки. Таким чином, ЛСП «тероризм» загальною кількістю 700 одиниць розчленовується за референційним параметром на п'ять парцел, кожна з яких фіксує окрему ділянку (слот та підслот) семантичної структури концепту ТЕРОРИЗМ. Наведені фреймові моделі найбільших концептуальних блоків концепту ТЕРОРИЗМ окреслюють вершинну конфігурацію загальної інформаційної структури концепту. Встановленню особливостей специфікації слотів субфреймів слугуватиме концептуальний аналіз інших елементів виявлених парцел ЛСП «тероризм».

Отримані концептуальні структури виступають базою для побудови значень слівних репрезентантів концепту ТЕРОРИЗМ різної частиномовної приналежності. Проте концепт ТЕРОРИЗМ оновлюється не тільки слівними, але й надслівними видами номінації, аналіз яких надасть змоги уточнити як змодельовану структуру концепту, так і змістовне наповнення її окремих вузлів. До *перспектив дослідження* відносимо детальний аналіз прикметникового, прислівникового, дієслівного ЛСП «тероризм» а також фразового представлення номінативного простору «тероризм» сучасної англійської мови.

Список літератури

1. Вальчук В.Г. Мовне втілення концепту «Європейська інтеграція»: семантико-когнітивний аспект (на матеріалі англомовних документів Євросоюзу та публікацій газети The Times): дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 / В.Г. Вальчук. – К., 2003. – 211 с.
2. Демчук О.В. Колоративна композита в англійській мові: когнітивно-ономасіологічний аспект: дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «германські мови» / О.В. Демчук. – К., 2003. – 240 с.
3. Жаботинская С.А. К вопросу о принципах построения концептуальной модели языковой номинации / С.А. Жаботинская // Имя, слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка). – К.: ИСИО, 1993. – С. 48-56.
4. Зацний Ю.А. Інновації у словниковому складі англійської мови початку XXI століття: англо-український словник / Ю.А. Зацний, А.В. Янков. – Нова Книга, 2008. – 360 с.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знания о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. Кубрякова Е.С. Новые пути исследования феномена значения в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы изучения. Тезисы докладов международной конференции. – Ч. 1. – М.: РУДН, 1997. – С. 60-62.
7. Мартинюк А.П. Концепт у дискурсивній парадигмі / А.П. Мартинюк // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2006. – №725. – С.9-12.
8. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: [термінологічна енциклопедія] / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля – К., 2006. – 716 с.

9. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: University Press, 2000. – 972 p.
10. <http://en.wikipedia.org/wiki/Bioterrorism>
11. <http://en.wikipedia.org/wiki/Кибертероризм>
12. <http://www.danielpipes.org/blog/2004/04/failed-attempts-at-mega-terrorism>
13. <http://www.thefreedictionary.com/demoralization>

Фатьянова И.В. Лексико-семантическая парцелляция номинативного пространства и моделирование концептуальной структуры концепта ТЕРРОРИЗМ в современном английском языке // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.477-483.

В статье сделана попытка смоделировать концептуальную структуру концепта ТЕРРОРИЗМ в терминах фреймовой семантики. Используя семантический анализ лексемы terrorism и других единиц номинативного пространства «терроризм», установлена номенклатура фрагментов, их значений, заполняющих слоты фрейма концепта ТЕРРОРИЗМ на разных уровнях генерализации. Детализированная структура концепта позволила выявить концептуальные основы организации субстантивного лексико-семантического поля «терроризм», установить сочетаемость единиц на его обозначение и их связей в рамках лексико-семантической системы английского языка.

Ключевые слова: концепт, лексема, сема, лексико-семантическое поле, номинативное пространство, парцелляция, фреймовая модель.

Fatyanova I. V. Lexical-semantic parcelation of nominative unit and modeling of the conceptual structure of the concept TERRORISM in Modern English // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.477-483.

The article presents an attempt to model the conceptual structure of the concept TERRORISM in terms of frame semantics. Using semantic analysis of the lexeme 'terrorism' and other items naming unit 'terrorism', it has been established range of items, ones that fill the frame slots at different levels of generalization. Detailed structure of the concept TERRORISM allowed to reveal the conceptual foundations of substantive lexical-semantic field of terrorism, set combinations of units and its designation and their interconnections within the lexical-semantic system of English.

Key words: concept, lexeme, seme, lexical semantic field, nominative unit, parcelation, frame model.

Поступила до редакції 02.03.2011 р.

УДК 811.161.2'366.5

МОВНА СВІДОМІСТЬ ЕТНОСУ: КОНФЛІКТ МІЖ КАТЕГОРІЯМИ ПОШАННОСТІ ТА ІНТИМІЗАЦІЇ (МАНІПУЛЯЦІЯ КАТЕГОРІЄЮ ЧИСЛА)

Халіман О. В.

Національний фармацевтичний університет, м. Харків, Україна

У статті на матеріалі фольклорних, художніх, епістолярних, публіцистичних текстів і даних лінгвістичного експерименту проаналізовано особливості функціонування форм множини пошанної; досліджуваний засіб схарактеризовано як форму, що архаїзується, виходить із повсякденного вжитку в сучасній комунікації, зокрема не реалізується в проєкції на вираження відповідних родинних стосунків через схильність до їх інтимізації.

Ключові слова: *множина пошанна, інтимізація, текст, лінгвістичний експеримент, комунікація.*

Актуальність дослідження. У сучасній лінгвістиці все більшу увагу зарубіжних і вітчизняних мовознавців привертають функціональні особливості мови, які експлікуються в комунікативному процесі. Серед інших розвідок у ракурсі прагмалінгвістики вагоме місце посідають численні дослідження категорії оцінки, елементи якої обов'язково містить процес комунікації [див. про це: 7]. Оцінка – наслідок співвіднесення мовцем будь-якого поняття зі своїм, а частіше – загальноприйнятим досвідом аксіологізації світу.

Сутність лінгвофілософської категорії оцінки та характер її мовної презентації активно вивчали вітчизняні та зарубіжні мовознавці. Дослідження вчених стосувалися особливостей вираження оцінки одиницями різних мовних рівнів (лексико-семантичного – Т. Вільчинська, В. Іващенко, Т. Космеда, Н. Левадна, Ф. Моїсеєнко, В. Труб, словотвірного – І. Ковалик, Т. Космеда, Л. Летюча, В. Лопатін, А. Нелюба, О. Олексенко, Л. Родніна, Т. Черторизька, В. Шинкарук, Л. Шутак, фразеологічного – В. Ужченко, Л. Авксентьев, А. Івченко, Н. Грозьян, Т. Космеда, С. Олійник, специфіки частиномовного розшарування лексики з оцінною семантикою – Т. Денисюк, О. Жижома, І. Кононенко, Т. Космеда, Н. Левадна, Л. Мацько, Г. Монастирецька, О. Наконечна, С. Равлюк, Г. Серпутько, С. Педченко, В. Ткачук та відповідних синтаксичних конструкцій – В. Мараховська, М. Ретунська, О. Семенюк, П. Ткач, С. Шабат, І. Шкіцька), оцінки як текстової (дискурсивної) категорії (О. Вольф, Т. Космеда, молоді науковці М. Кайки, М. Михальченко) у дискурсах різного функційного призначення, напр., у художньому – У. Соловій, епістолярному – Н. Павлик, публіцистичному – Л. Гусліста, Н. Кочукова, С. Равлюк, І. Онищенко, науковому – Ж. Краснобаєва-Чорна, політичному – К. Серажим, рекламному – В. Зірка, Ю. Булик, розмовному

мовленні – В. Труб; концептів як репрезентантів аксіологічної інформації (Т. Вільчинська, Т. Космеда, Н. Плотнікова, А. Приходько, Ю. Шамраєва) та ін.

Функціонально-прагматична спрямованість сучасних лінгвістичних досліджень відкрила можливості для вивчення нових аспектів категорії оцінки. Аналіз функціональної специфіки граматичних одиниць дав змогу мовознавцям зацентувати увагу на їхній прагматичній значущості в комунікативному процесі. Спираючись на засади лінгвістичного функціоналізму, які є основою граматики активного типу (праці В. Виноградова, Л. Щерби, Р. Якобсона, О. Бондарка, Ф. Бацевича, І. Вихованця, К. Городенської, Н. Гуйванюк, Г. Золотової, А. Загнітка, Т. Космеда, О. Кубрякової, О. Ремчукової та ін.), вчені почали досліджувати граматичні одиниці як засоби вираження оцінки, співвідносячи їх структурні особливості з комунікативним процесом. Такі дослідження мотивують необхідність розробки «граматики оцінки» – всебічного аналізу системи граматичних засобів вираження оцінних значень (ОЗ) з урахуванням їх прагматичних характеристик, що й зумовлює *актуальність досліджень* у цьому ракурсі. Для створення відповідного ефекту в комунікативних ситуаціях мовці залучають численні особливості мови, зокрема й потенціал числових граматичних одиниць.

Оцінне, передусім пейоративне метафоризоване вживання форм множини, маючи народно-розмовні витоки, реалізується у текстах художнього, публіцистичного, епістолярного стилів і розмовного мовлення. Породження оцінки за участю множинних числових форм вже було проаналізовано автором цієї статті [14; 15; 16; 17], де представлено огляд лінгвістичних досліджень у ракурсі, що розглядається (праці О. Потебні, Д. Арбатського, О. Безпояска, Ю. Князева, О. Красильникової, А. Пеньковського, І. Ревзіна та ін.), а також описано способи виникнення ігрем (механізмів мовної гри) для вираження оцінки як вторинної функції граматичних одиниць (множина гіперболічна, узагальнювальна множинність), що ґрунтуються на екстралінгвальних чинниках, взаємодії відповідних лінгвофілософських категорій. Описані механізми схарактеризовано як архетипи мовної свідомості українців, що, незважаючи на історичні зміни співвідносних із граматичними категоріями стереотипів, зберігаються в мовній свідомості етносу, відтворюються в мовленні. Все ж спостерігаємо і деякі зміни у використанні досліджуваних механізмів.

Мета цього наукового дослідження – аналіз специфіки вираження оцінних значень формами множини пошанної, їх актуальність у сучасній комунікації. Матеріал дослідження – фольклорні зразки, художні тексти XVIII-XXI ст. (Т. Шевченко, Панас Мирний, Остап Вишня, Г. Косинка, Ю. Яновський та ін.), епістолярій (Ю. Яновський, О. Довженко), Інтернет-публіцистика, а також дані лінгвістичного експерименту (512 респондентів), який проводився для виявлення індивідуальних поглядів анкетованих на наявність оцінних відтінків у конкретних контекстах та актуальності аналізованих засобів у сучасному мовленні українців.

Своє відображення в мові української художньої літератури знайшли форми так званої множини пошанної, в яких «знаходить свій вираз особлива шана до батька, матері, баби, діда, до старших тощо. Це форма своєрідного величання старших, що традиційно склалась в усній народній мові» [1, с. 66]. У фольклорних зразках

знаходимо: *Мамуню ж мої рідненькі, Мамусенько! Дайте ж мені раду, Бо я хлопець молоденький* [цит. за: 2, с. 72]; *А я бачив, як дідусь наші, ще як були живі, якісь папери ховали* [цит. за: 2, с. 72].

Про стилістичне функціонування граматичної категорії числа в живому мовленні свідчать і діалектологічні записи. І. Верхратський вказував на таке явище в говорі галицьких лемків: для вираження поваги, коли йдеться про старших осіб або при звертанні до таких же осіб, вживається присудок у множині, хоча підмет стоїть в однині (множина пошання): *Ой мали ми штирі воли, та тато продали, Оженили мя малого та на пусті хати, І казали: тепер, сину, почни й газдувати* [2, с. 72].

Отже, форми множини вживаються для вираження позитивного ставлення, «шанобливої ввічливості до співрозмовника, для вираження офіційної діловитості і конкретної привітності» [3, с. 136]. Основою для такого вживання, припускає Б. Успенський, є твердження, що співрозмовник за своєю силою чи значенням подібний до багатьох людей, перевищує мовця [13, с. 24]. Як бачимо, для українців природним було вживання пошанної множини не тільки до знайомих, старших за віком людей, але й до батьків. При цьому форма множини поширюється не тільки на другу особу, але й на третю, а також на дієслівні форми минулого часу, напр.: – *Як мати скажуть.. – одмовляє [Мотря] батькові (Панас Мирний); У вільний час я дуже любив книжки читати, отож завжди надокучав батькові, щоб купили мені в Києві яку-небудь книжку...* (Г. Косинка). Водночас дії батьків мовець може оцінювати і негативно, тоді множинна форма виступає своєрідною даниною традиції, відображає прийнятій стереотип, якому суперечить семантика або конотація предиката: – *І чого вони шастають раз у раз? – сам себе поспитав. Нічого, здається, не бояться так мати, як їхнього парубкування!* (Г. Косинка) [цит. за: 21, с. 25]. Звертання на «Ви» функціонує у листах українських письменників: *Дорога мамо! Щось од Вас досі немає листа* (Ю. Яновський до матері, 28 грудня 1943 р.) [20, с. 331]; *Даруйте, дорога моя старенька мамо! Христос Воскрес!* (О. Довженко до О. Є. Довженко, 13 квітня 1947 р.) [5, с. 363].

Пошання множина може виражатися й займенником *вони*, множинними формами прикметників та дієслів, що сполучаються з іменниками й займенниками однини [див. про це: 9, с. 151], виражаючи при цьому повагу, проте набуваючи іноді й «відтінку насмішкувато-негативного ставлення, відтінку зневажливості» [6, с. 54], порівн.: *Мої тато, а твій дід Юхим, на торговицю сюди їздили. Таких ярмарків, як у Лебедині, на всю округу не було* (С. Колесник). На порівнянні форм множини пошаної і однини базується моделювання антитези на основі протиставлення ОЗ. Порівн. такі приклади: *Вони дуже тендітні. Такі завжди чистенькі, платтячко випрасуване, комірцець білесенький, черевички охайні, – тими підборами, як маком, дріботять – тук та тук. Ось уже двадцять років, як я з ними в одній школі – вони вчителька, я – коло вішалки. А й до мене Ганна Антонівна дітей вчили, – років двадцять ще до мене* (Ю. Яновський) [цит. за: 9, с. 151].

У такій же формі виражається і «тон особливої самопошани, чванливості та пихи, коли він звучить із уст саме таких чванливих осіб» [1, с. 66], через що читач сприймає їх як негативних персонажів, порівн.: *Іде додому уночі п'яленький сотник, а йдучи Собі веселий розмовляє: – Нехай і наших люди знають! – Нехай і сивий і*

горбатий, А ми!.. хе! хе! а ми жонаті! А ми!... – Насилу вліз у хату (Т. Шевченко) [18, с. 396]. Така удавана пошанність є джерелом породження іронії, негативної оцінки, коли особа, не маючи належних позитивних якостей, претендує на певну значущість. Сюди також можна віднести використання СФ *які ми + прикм. у мн.* (*які ж ми + прикм. у мн.*), що стосується однієї особи. Оцінка породжується на основі числової невідповідності, прикметник називає ту ознаку, над якою іронізує мовець, напр.: *які ж ми всі милі* [19]; *Ой, які ми ніжні! Так вже створена природа – одні поїдають інших. Людина по-суті теж хижак* [11]; *«Ой, який у нас гарний смак, які ми розумні, ну прямо обрані...а всі інші очима кліпають...і так їх шкода...» Це що, вибачте, за ставлення до людей? Праворуч – із гарним смаком, ліворуч – з поганим?* [4]; *Які ми розумні! А чого ж ми не були такі розумні у 2004 році???* [12].

Невідповідне вживання пошанної множини породжує негативну оцінку. Автор «створює контраст, уживаючи пошанну множину там, де в цьому немає потреби» [10, с. 75]. Замість семантики звеличення створюється семантика зневажливості: *«Цар самі про це знають»; «Сумні владика»; «Барин у кучі... Кабанюга годований... Куча на гарбі як баня на церкві, а він, «барин», роздяглися й нервово хрюкають»* (Остап Вишня) [цит за: 10, с. 75].

Категорія пошанності є способом вираження позитивної ввічливості; ця категорія розкриває наміри мовця передати шанобливе або ж регламентоване етикетом ввічливе ставлення до адресата мовлення та фіксується в мові системою спеціалізованих звертань. Зауважимо, що мовленнєвий етикет, зберігаючи традиційну структуру етикетних виразів, не є закритою системою, йому властива динаміка і гнучкість, наприклад, частина формул мовленнєвого етикету поступово архаїзується. У сфері сімейного спілкування, зокрема звертання молодших до старших на *«Ви»* спостерігається все рідше. Серед опитаних учасників експерименту до 18 років *Ви*-номінацією послуговуються лише 6%, тоді як серед їх батьків – 18%. 24% опитаних цього віку зауважили, що звертаються на *«Ви»* у своїй родині до старшого покоління – бабусі, дідуся, прабабусі, прадідуся. Респонденти наголосили, що *«Ви»*-звертання здається неприродним для широкого загалу (порівн.: *«Ми були так здивовані, коли дізналися, що Олена до батьків на «Ви» звертається!»* [студентка про одnogрупницю] (Я. Адрова, м. Луганськ); *«Та він якийсь доісторичний! Ви уявляєте, він до своїх батьків на «Ви» звертається»* [респондент про розповідь племінниці] (Л. Баранова, м. Сімферополь). Більшість юнаків переконані, що навчатимуть своїх дітей *ти*-звертанням, що сприятиме уникненню дистанції у спілкуванні, інтимізації стосунків, та не погоджуються з твердженням, що звертання на *«Ви»* забезпечить більшу повагу дітей до батьків. Зустрічаємо коментарі щодо *ти/Ви*-звертань у спогадах дітей І. Франка, які наголошують на відмінностях у звертаннях до батьків, зокрема однією з ознак близьких стосунків з батьком діти вважають звертання на *«ти»*, порівн.: *ми, діти, говорили завжди до тата «ти», а до матері «Ви»* [див.: 8, с. 99].

Висновок. Отже, як бачимо, своєрідний конфлікт між категоріями пошанності та інтимізації пов'язаний із використанням числових форм. Схильність до інтимізації родинних стосунків, як підтвердив експеримент, зумовлює поступову архаїзацію «множини пошанної» як засобу вираження оцінки. Пошанна форма звертання

зберігається на сьогодні для репрезентації відповідної субординації. Вибір стандарту мовленнєвої поведінки, етикетних формул залежить від соціальних якостей (статусу, віку, освіти) адресата мовлення щодо якостей автора висловлювання, від характеру взаємин між комунікантами, ступеня їх знайомства та близькості й інших конкретних ситуацій мовлення. Офіційне спілкування має підкреслено ввічливий характер. Вибір пошанної форми є наслідком оцінки адресантом статусу адресата або ж продиктований ситуацією примусового вибору, що пов'язано із необхідністю дотримання субординації.

Перспектива дослідження «граматики оцінки» полягає у необхідності схарактеризувати усі граматичні категорії української мови в задекларованому у статті фокусі.

Список літератури

1. Ващенко В. С. Стилистична морфологія української мови: [учбов. посібн. зі стил.] / В. С. Ващенко. – Дніпропетровськ: Дн. держ. ун-т, 1970. – 87 с.
2. Ващенко В. С. Стилистичні явища в українській мові / В. С. Ващенко. – Х.: Вид-во Харків. ун-ту, 1958. – 268 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 606 с.
4. Десятерик Д. «Аліса в країні чудес»: Кошмар навесні [Електронний ресурс] / Д. Десятерик // sumno.com. – 2010. – 17 березня. – Режим доступу: <http://sumno.com/article/alisa-v-krajini-chudes-alice-in-wonderland-tim-bor/>. – Назва з екрану.
5. Довженко О. Твори: в 5 т. – К.: Дніпро, 1966. – Т. 5. – 542 с.
6. Дорошенко С. І. Граматична стилістика української мови: [посібн. для учнів] / С. І. Дорошенко. – К.: Рад. шк., 1985. – 200 с.
7. Космеда Т. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки: [моногр.] / Т. Космеда. – Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 2000. – 349 с.
8. Космеда Т. Комунікативна компетенція Івана Франка: міжкультурні, інтерперсональні, риторичні виміри / Т. Космеда. – Львів: ПАІС, 2006. – 328 с.
9. Пономарів О. Д. Стилїстика сучасної української мови: [підручник] / О. Д. Пономарів. – К.: Либідь, 1992. – 248 с.
10. Пришва Б. Засоби гумору в творах Остапа Вишні: Лінгвостилїстичний аналіз. – К., 1977. – 118 с.
11. Теревені: форум [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.tereveni.org.ua/forum/lofiversion/index.php/t6556.html>. – Назва з екрану.
12. У Азарова кажуть, що заборонити Сталіна не можна [Електронний ресурс] // Українська правда. – 2010. – 07 травня. – Режим доступу: <http://www.pravda.com.ua/news/2010/05/7/5019168/>. – Назва з екрану.
13. Успенский Б. А. Ego Loguens: Язык и коммуникативное пространство / Б. А. Успенский. – М.: Росс. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 320 с.
14. Халіман О. Граматичне значення множини як засіб вираження оцінки (на матеріалі числових форм власних назв) / О. Халіман // Лінгвістичні дослідження: [зб. наук. праць] / [за заг. ред. проф. Л. А. Лисиченко]. – Х.: Харк. нац. пед. ун-т, 2008. – Вип. 26. – С. 154-160.
15. Халіман О. Граматичні засоби вираження категорії оцінки у сучасній публіцистиці (на матеріалі негативнооцінних множинних форм атропонімів) / О. Халіман // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та ім. В. И. Вернадского: [научн. журн.] / [гл. ред. Н. В. Багров]. – Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь: Тавр. ун-т им. В. И. Вернадского, 2009. – Т. 22 (61). – № 4. – Ч. 1. – С. 93-98.
16. Халіман О. Негативнооцінні числові форми іменників як наслідок взаємодії лексичного і граматичного значень / О. Халіман // Лінгвістичні дослідження: [зб. наук. праць] / [за заг. ред. проф. Л. А. Лисиченко]. – Х.: Харк. нац. пед. ун-т, 2009. – Вип. 27. – С. 249-255.

17. Халіман О. Форми множини антропонімів у фокусі аксіологічної прагмалінгвістики як феномен художнього тексту / О. Халіман // Лінгвістичні дослідження: [зб. наук. праць] / [за заг. ред. проф. Л. А. Лисиченко]. – Х.: Харк. нац. пед. ун-т, 2009. – Вип. 28. – С. 147-154.
18. Шевченко Т. Кобзар / Тарас Шевченко [вступ. стаття О. Гончара]. – К.: Дніпро, 1986. – 542 с.
19. Які ж ми всі милі [Електронний ресурс] // sinoptik. – 2009. – 10 грудня. – Режим доступу: http://www.gorod.cn.ua/blog_cat_5635.html. – Назва з екрану.
20. Яновський Ю. Твори: У 5 т.– К., 1982-1983. – Т. 5.: Вірші; Публіцистика; Роздуми про літературу; Листи. – 1983. – 382 с.
21. Ясакова Н. Семантична категорія персональності у світлі філософського осмислення опозиції Я – ТИ – ВІН / Н. Ясакова // Лінгвістичні студії: [зб. наук. праць / укл. А. Загнітко (наук. ред.) та ін]. – Донецьк: ДонНУ, 2009. – Вип. 18. – С. 22-26.

Халиман О. В. Языковое сознание этноса: конфликт между категориями уважительности и интимизации (манипуляция категорией числа) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.484-489.

В статье на материале фольклорных, художественных, эпистолярных, публицистических текстов и данных лингвистического эксперимента проанализированы особенности функционирования форм множественного уважительного; исследуемое средство охарактеризовано как форма, которая архаизируется, в частности не реализуется в проекции на выражение соответствующих семейных отношений через их склонность к интимизации.

Ключевые слова: *множественное уважительное, интимизация, текст, лингвистический эксперимент, коммуникация.*

Khaliman O. V. Speech consciousness of the nation: conflict between the categories of respectfulness and intimization (manipulation with the category of number) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.48-489.

In this article on the material of folk, artistic, epistolary, journalistic texts and data of linguistic experiment the peculiarities of functioning of the forms of respectful plural have been analyzed; observable means are characterized as a form that is archaized, exits from everyday use in modern communication, in particular, it is not realized in the projection on expressing of corresponding family relations because of the disposition to their intimization.

Key words: *respectful plural, intimization, text, linguistic experiment, communication.*

Поступила до редакції 22.03.2011 р.

УДК 801

ПОВЕРХНОСТНАЯ И ГЛУБИННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТОВ-РЕГУЛЯТИВОВ

Чуланова Г. В.

Сумской государственный университет, г. Сумы, Украина

В статье исследуется антология текстов-регулятивов, их поверхностная и глубинная структура. Фокусируется внимание на репрезентации глобальной структуры. Исследуется вопрос интеграции вербальных и невербальных знаков текстов-регулятивов. Дана классификация невербальных элементов по способу передачи информации.

Ключевые слова: рекламные тексты, креолизованный текст, вербальные компоненты, невербальные компоненты, прагматика, регулятивная функция.

Жанр рекламы – это один из способов внесения креатива в вербальный ряд рекламы, а именно в рекламный текст (РТ). Метазнак «текст» применительно к сфере массовой коммуникации используется не только для обозначения текстового вербального ряда, но и приобретает черты объемности и многомерности, включая в себя совокупность всех экстарлингвистически значимых компонентов [11, с. 6]. РТ относится к креолизованным текстам, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей» [4, с. 5], представляющих собой «сплав вербальной и невербальной составляющих» [3, с. 84]. Под невербальными составляющими – основными компонентами «магии комерции» [11, с. 213] – понимают неязыковые средства, сопровождающие вербальную коммуникацию [8, с. 327]: шрифтовое варьирование (размер шрифта, техника выполнения шрифта, цветное исполнение шрифта), графические заменители слов, нешрифтовые графические приемы (подчеркивание), аномальное написание и использование пунктуационных знаков, изобразительные элементы, пространственно-композиционное решение.

Объектом статьи выступают креолизованные тексты-регулятивы (ТР), адресованные читателям художественных произведений, *предметом* – интегративная тенденция вербальных и невербальных средств, выполняющих прагматическую функцию влияния на адресата.

Целью статьи является исследование антологии текстов-регулятивов, их поверхностной и глубинной структуры; рассмотрение вопроса интеграции вербальных и невербальных знаков текстов-регулятивов; приведение классификации невербальных элементов по способу передачи информации.

Актуальность темы объективируется тенденцией к углубленному изучению полифункциональных особенностей текстов малой формы, в парадигме которых выделяются тексты-регулятивы, а также необходимостью разработки концепции эффективного рекламного текста.

Любой произвольно взятый РТ воспринимается как реклама в единстве своего словесно-графического воплощения. Невербальные средства облегчают восприятие

информации, помогают расставить семантические акценты, усиливают коннотативное содержание лингвистического компонента. Язык визуальных образов воспринимается быстрее и легче по сравнению с вербальным языком (текстом) [10, с. 123]. Лишив вербальную часть РТ характерных графических признаков, фотографий, иллюстраций мы тем самым превращаем его в обычное объявление, сведя эффект воздействия к минимуму. Как правило, на невербальный аспект рекламного сообщения приходится половина нагрузки по передаче информации.

По способу передачи информации невербальные элементы делятся на наборные и изобразительные [5, с. 27]. К наборным элементам относятся форма и кегль шрифта, его цвет, особенно в контрасте с фоном, капитализация, подчеркивание, декоративные элементы (образующие рамки, орнаменты, условные обозначения). Броский графический элемент повышает степень заинтересованности читателя, необыкновенно эффектным образом доносит до потребителя идею, творческую изюминку рекламы. Творческая изюминка – это «эмоциональный заряд, находящийся отклик в душе потребителя, что-то созвучное его мироощущению, подтверждение правоты надежд, которые он лелеет» [1, с. 64].

К изобразительным элементам относят фотографии, иллюстрации, рисунки [5, с. 27], подтверждающие достоверность вербального сообщения. Фотография делает сообщение пикториально насыщенным, создавая эффект живого присутствия. Рисунки, выполненные в различной технике, имеют свои преимущества, в них возможны преувеличения, гротеск, эффекты, недоступные фотографии. Привлечение визуальных элементов позволяет создать более четкое представление о рекламируемом товаре. Объединение текста и визуальных знаков резко снижают порог усилий, необходимых для восприятия сообщения. Создается «кооперативный эффект», связанный с взаимодействием двух разных типов восприятия – семантического и эстетического [2, с. 102]. Реципиент с большей готовностью позволяет увлечь себя эмоционально. В инженерной психологии доказано, что реакция человека на визуальный компонент является более сильной, чем на слово [6], таким образом, использование изображения облегчает процедуру декодирования РТ.

При составлении РТ копирайтер должен «видеть» текст, т.е. заранее думать не только о том, как он будет читаться, но и о том, как он будет выглядеть. Использование проверенной практикой формулы ВЗЖУД (Внимание – Заинтересованность – Желание – Убеждение – Действие) существенно помогает в процессе разработки печатного рекламного материала. Если рекламный материал сразу не попадает на глаза, не привлекает внимания, то его можно не заметить. Внимания читателя можно добиться при помощи соответствующего размещения рекламного материала на странице или при помощи соответствующего размера или формы текста. Исследуемые нами ТР располагаются на специальных сайтах в сети Интернет, на обложках книг и/или книжных форзацах, т.е. там, где они не могут остаться незамеченными. Обеспечить внимание читателя можно с помощью творческих приемов: соответствующего дизайна и типографики (под типографикой понимаем умение выбрать нужный размер и стиль шрифта среди тысячи различных стилей, объединить разные стили, правильно определить количество слов) [3, с. 282] вместе с использованием цвета и иллюстративного материала. Использование вышеперечисленных приемов имеет смысл при условии потенциальной заинтересованности читателя в рекламе. Однако мало привлечь внимание читателя и

заинтересовать его, нужно еще вызвать у него желание купить данный товар, убедить в том, что потребитель будет им доволен. Для этого могут понадобиться факты, касающиеся качества товара, его характеристик [3, с. 273], т.е. вербальный компонент. Итак, к действию читателя подталкивает только весь «сплав вербальных и невербальных составляющих» РТ.

При создании любого РТ и ТР в частности действуют восемь законов дизайна: 1) закон целостности; 2) закон контрастности; 3) закон гармонии; 4) закон равновесия; 5) закон ритма; 6) закон пропорции; 7) закон гаммы цветов; 8) закон выделения. Закон целостности заключается в том, что все детали РТ должны составлять единое целое. Закон контрастности говорит о том, что рекламные сообщения не могут быть монотонными, бесцветными. Контрастность обеспечивается с помощью иллюстративного материала, разного размера и стиля шрифта (самые подходящие: Tahoma, Arial, Helios, Helvetica [1, с.275], использования цвета, капитализации – маркеров аттракции внимания адресата. Капитализация, как псевдо-просодическое средство [12, с. 107], является графологическим выражением высоты голоса, логического ударения, используется для выделения смыслового центра высказывания: “*A SPLENDID NOVEL... AN EPIC LOVE STORY... romance that evolves has an intensity which is rarely found in novels...*” – *The Cork Examiner* (13); “*FEW WRITERS HAVE MAINTAINED such a high standard of excellence for as long as Dick Francis*” (14). В приведенных ТР копирайтеры использовали заглавные буквы в ряде слов, привлекая внимание к неординарной личности автора ПТ (*FEW WRITERS*), к великолепию (*A SPLENDID NOVEL*) и редким характеристикам (*SEVERAL TRADEMARKS*) книги. В последующих ТР для привлечения внимания читателя к названию произведений, копирайтеры используют заглавные буквы, курсив и/или жирный шрифт: “*The Horse Whisperer is an impressive debut. Its concerns are important, its author’s storytelling skills promising.*” – *Portland Oregonian* (13); “*MERCY is the sort of book that makes you panic.*” – *75s State (Columbia, SC)* (15); “*The Deep End of the Ocean burns itself into the memory line by line. It is by turns lyrical and startling brilliant! I wish I had written it!*” – *Kaye Gibbons* (18). В ТР выделяются и отдельно взятые слова, семантизирующие яркую характеристику книге и мотивирующие выбор читателя: “*GRIPPING... Evans knows how to depict complicated emotions and interactions; he paints a compelling portrait of three people who love each other but can’t break through the self-created walls that keep them apart.*” – *Chicago Sun-Times* (13); “*LOVE this book. No other book in the entire world can ever replace it.*” – *Kid’s review* (18). В последнем ТР автор призывает читателя полюбить книгу, так как во всем мире ей нет равных.

Шрифты являются носителями определенной коннотации [4, с. 69], а их варьирование – основой графической неоднородности: “*Funny, provoking, immensely readable. A TRIUMPH!*” – *Evening Standart* (16). В данном ТР капитализация и стиль шрифта ‘Arial’ интенсифицируют внимание реципиента.

С законом контрастности ассоциируется закон выделения, согласно которому «если выделяется все, не выделяется ничего» [3, с. 279]. Такое случается если в тексте много жирного шрифта или заглавных букв. Так, в следующих ТР весь текст написан заглавными буквами: “*SPRAWLING.. COMPELLING.. A REAL PAGE-TURNER.*” – *San Francisco Chronicle* (13); “*A BOOK OF RARE POWER AND BEAUTY... EXPECT THIS OUTSTANDING NOVEL TO BE THE TALK OF THE*

SEASON!" – *Booklist* (13); "ENGAGING.. INTENSE AND GRIPPING" – *Houston Chronicle* (13). Данные тексты контрастируют с другими ТР, расположенными на обложке.

Для привлечения внимания реципиента Гэри Дал призывает использовать нешрифтовые графические приемы, а именно, подчеркнутые слова [1, с.75]: "Ordinary People will join Catcher in the Rye and A Separate Peace... Read it for its plotting, its sure sense of character and its wit, and rejoice!" – *The Washington Post Book World* (15) для актуализации наиболее значимых лексических единиц текста, имплицитно сему «важности» и выполняя функцию средства привлечения внимания.

Анализ ТР показывает, что для них является релевантным использование графических заменителей слов типа "#1" – "лучший", "*****" – "выше всяких похвал", "2 me" – "to me" и др.: "***** #1 National Bestseller" – *New Yorker* (15); "I like it because it is full of suspense and rather adventurous. I'd give it *****. That's a masterpiece!" – *George, Rotherham* (17); "ewwww...i hated this book. it was really uninteresting 2 me. i only finished it cuz it was a skool assignment." – *Katie* (17). Графические символы передают эмоциональное состояние адресанта, делая ТР необычным, привлекательным для адресата.

Стараясь завладеть вниманием читателя, авторы ТР используют «креативную» орфографию. Многократный повтор букв в рамках одного слова зрительно выделяет данную лексему увеличивая ее объем, и следовательно, увеличивая фиксацию внимания: "This book is the worst i've ever read!!!! I didn't even read the end because it was soooooooooo bad!!! Just like a bad nightmare, I thought it would never end!!!!!!!!!" – *Matt K, Bulmershe* (17). Многократный повтор буквы *o* в лексеме *so* является иллюстрацией эмоционального состояния автора ТР на графическом уровне.

Кроме неординарного использования орфографии, текстам-регулятивам свойственно нарушение правил пунктуации. В ТР пунктуация имеет семантический характер, т.к. пунктуация содействует адекватной передаче замысла и лучшему восприятию и пониманию написанного [4, с. 19]. Эмоциональная нагрузка ТР передается с помощью средств усиления эмоциональности текста, а именно: восклицательных и вопросительных знаков, многоточия. Знак вопроса выражает сильное удивление: "What will be better than thrillers that will keep you awake??" – *Arizona Daily Start* (16). Восклицательный знак, сигнализируя о важности информации, усиливает экспрессивность высказывания, выражает аффективное состояние адресанта: "Real adventure and romance!" – *By Pio (California)* (14); "One of my favorite books in the world!!!!!!!!!" – *By Deborah in VA "Deb" (Virginia, USA)* (17); "MAGIC!!!!!!!!" – *by M. Wheeler* (17). Количество знаков соответствует силе эмоций, а так как ТР (особенно расположенные в сети Интернет) характеризуются повышенной эмоциональностью, использование многократных повторов пунктуационных знаков широко распространено.

В ТР нами были выявлены сочетания восклицательного знака и многоточия, например: "Brilliant, compassionate, and wise!.." – *The Times* (15). Комбинация знаков препинания объясняется усложненной целевой установкой предложения или сочетанием разных оттенков значения и эмоциональной окраски предложения.

Многоточие многофункционально. Многоточие – знак, передающий недосказанность мысли, недоговоренность или многозначительность сказанного,

указание на подтекстное содержание, скрытый смысл. Многоточие ненавязчиво приглашает читателя к сотрудничеству – к совместному определению смысла текста [7, с. 182]. Используя многоточие, автор как бы сигнализирует читателю:

- задержись на предыдущем слове (здесь многоточие завершает незаконченное предложение, выступая как значимая оппозиция точке);
- обрати особое внимание на следующее слово (здесь многоточие носит предваряющий характер);
- написанное здесь значит больше, чем просто слово;
- я очень взволнован и не могу подобрать нужного слова;
- имей в виду, что это не объективная информация – это просто ощущение, впечатление.

Многоточие служит для обозначения незаконченности высказывания, вызванной волнением говорящего, обрывом в логическом развитии мысли: “*Provocation... Nice heroes... Work, which recalls both Arthur C. Clarke and H. G. Wells, with a dash of Ray Bradbury for good measure.*” – *The Dallas Morning News* (18); пауз при неожиданном переходе от одной мысли к другой между законченными предложениями: “*The book is a major achievement... You can smell the movie already.*” – *Time Out* (16); нежелания озвучивать то, что человек на самом деле думает: “*It was.... and I hated it.*” – *little lowden, WASSUP* (17).

Многоточия сигнализируют о непредсказуемости событий, время сжимается до секунд, автор (выступающий здесь как субъект речи-восприятия-действия) оказывается в очень сложном, критическом – одновременно перцептивном и акциональном – состоянии сознания. Многоточия – это как «глубокие вдохи и выдохи после большого эмоционального напряжения [9, с. 207].

Однако контрастность маркеров влияния не должна быть резкой, т.е. «бить читателя по глазам» [3, с. 278]. Закон гармонии, закон пропорции помогают достичь целостности дизайна.

Выводы. Таким образом, ТР, который относится к жанру коммерческой рекламы, – это прагматически обусловленная единица коммуникации, представляющая собой завершенное с точки зрения смысла системное образование, содействующее ориентации реципиента в потоке информации, а также подготовке реципиента к восприятию первичного текста. ТР – бифункциональны, т.к. функции сообщения и воздействия выполняются симультанно. Пространственные и временные ограничения воздействия ТР на реципиента обуславливают создание многоуровневого рекламного текста, в котором элементы разных уровней языка, в интеграции с невербальными средствами реализуют регулятивную функцию.

Перспективным представляется изучение оязыковлениа глубинной структуры текстов-регулятивов, как семиотической триады семантики, прагматики и синтаксиса.

Список литературы

1. Дал Г. Реклама для «чайников»: [пер. с англ.] / Г. Дал. – М.: Издательский дом Вильямс, 2003. – 288 с.
2. Дедова О. В. Графическая неоднородность как категория гипертекста / О. В. Дедова // Вест. Моск. ун-та. Сер.9. Филология. – 2002. – №6. – С. 91-103.
3. Джефкінс Ф. Реклама: [практ. посіб.:] / Ф. Джефкінс [пер. з 4-го англ. вид.] / [Доповнення і редакція Д. Ядіна]. – К.: Т-во Знання, КОО, 2001. – 456 с.

4. Леви Ю. Э. Вербальные и невербальные средства воздействия рекламного текста: диссер. канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю. Э. Леви – Москва, 2003. – 256 с.
5. Минаева Л. В. Мультимодусность текстов печатных СМИ и рекламы / Л. В. Минаева // Вест. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №4. – С. 26-33.
6. Назайкин А.Н. Иллюстрирование рекламы: Одно изображение стоит тысячи слов... / А. Н. Назайкин. – М.: Эксмо, 2005. – 320 с.
7. Раєвська Н. М. Лексикологія англійської мови / Н. М. Раєвська. – К.: Вища школа, 1970. – 302 с.
8. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: [монографическое учебное пособие] / Е. А. Селиванова. – К.: ЦУЛ, Фитосоцицентр, 2002. – 336 с.
9. Скрєбнев Ю. М. Основы стилистики английского языка / Ю. М. Скрєбнев. – ООО Издательство Астрель, 2000. – 221 с.
10. Шуванов В. И. Психология рекламы / В. И. Шуванов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 315 с.
11. Goddard A. The Language of Advertising / A. Goddard. – London-New York: Routledge, 1998. – 512 p.
12. Shortis Tim. The Language of ICT: Information and Communication Technology (Intertext) / Tim Shortis. – London: Routledge, 2001. – 128 p.
13. Evans Nicholas. The Horse Whisperer / Nicholas Evans. – New York: Dell Publishing, 1996. – 451 p.
14. Francis Dick. Second Wind / Dick Francis. – New York: Jove Books, 2000. – 480 p.
15. Garwood Judie. Mercy. NY Pocket Books, 2001. – 553 p.
16. Goddard Robert. Sea Change / Robert Goddard. – London: Corgi Books, 2001. – 476 p.
17. London Jack. The Call of the Wild” London: Wordsworth Editions Limited, 1992. – 247 p. – Режим доступа: <http://www.goodreads.com/review/show> – Название с экрана.
18. Mitchard Jacquelyn. The Deep End of the Ocean / Mitchard Jacquelyn. – London: Harper Collins Publishers, 1996. – 515 p.

Чуланова Г. В. Поверхова та глибинна структура текстів-регулятивів // Учене записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.490-495.

У статті досліджується антологія текстів-регулятивів, їх поверхнева та глибинна структура, зосереджується увага на репрезентації глобальної структури, досліджується питання інтеграції вербальних і невербальних знаків текстів-регулятивів. Дана класифікація невербальних елементів за способом передачі інформації.

Ключові слова: *рекламні тексти, креолізований текст, вербальні компоненти, невербальні компоненти, прагматика, регулятивна функція.*

Chulanova G. Outer and inner structure of advertising // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.490-495.

The article in question deals with the anthology of advertisement. Closely considered are items of its outer and inner structure. The article singles out and analyses the range of verbal and non-verbal means, which promote the advertising impact on the addressee. Herewith much attention is given to the peculiarities of dominant stylistic techniques in this type of discourse.

Key words: *advertising texts, креолізованный the text, verbal components, nonverbal components, the pragmatist, регулятивная функция.*

Поступила в редакцию 29.03.2011 г.

УДК 821.111(73):82-1:81'367

СИНТАКСИЧНИЙ ПАРАЛЕЛІЗМ У РИТМІЧНІЙ ПОБУДОВІ ТЕКСТІВ СУЧАСНОЇ АМЕРИКАНСЬКОЇ ПОЕЗІЇ

Шевельова-Гаркуша Н. В.

Херсонський державний університет, м. Херсон, Україна

У статті представлено аналіз організації ритміко-синтаксичних паралельних конструкцій у текстах сучасної американської поезії. Виявлено, що гомоморфна та гетероморфна побудови рядків характеризуються монотонним, шаблонним та динамічним, ускладненим ритмом відповідно.

Ключові слова: *ізотопія, пропозема, асимілятивний / дисимілятивний ритм, принцип гомоморфності / гетероморфності, ритмічна крива.*

Ритміко-синтаксична організація є одним з найважливіших засобів реалізації основних функцій мови – повідомлення і художнього впливу. Вона передає індивідуальний стиль автора і слугує засобом підсилення виразного ефекту у поетичному тексті [2, с. 41-42]. Проблему організації паралельних синтаксичних конструкцій розглядали представники формальної поезики (Б. В. Томашевський, Л. І. Тимофєєв, Б. М. Ейхенбаум, В. М. Жирмунський, Ю. М. Тинянов, В. Б. Шкловський, Р. Й. Якобсон, Г. О. Шенгелі, Й. М. Брик) та вчені-структуралісти, зокрема дослідники семіотичного напрямку (Б. М. Гаспаров, Ю. М. Лотман, Р. Й. Якобсон, Ч. Пірс), лінгвопоетики (М. Л. Гаспаров, Г. В. Скулачова) та лінгвосинергетики (Г. Г. Москальчук, К. І. Белоусов).

Об'єктом статті є ритміко-синтаксична організація поетичних текстів. Предметом дослідження є побудова паралельних синтаксичних конструкцій, досліджених на матеріалі сучасної американської поезії. Мета статті полягає у виявленні функціональних особливостей організації синтаксичного паралелізму. З огляду на це виділяємо наступні завдання: 1) охарактеризувати поняття паралелізму з позиції структуралізму, 2) виокремити основні принципи організації паралельних рядків, 3) визначити функції та види ритмічної кривої конструкцій.

Основною ритміко-синтаксичною одиницею віршового мовлення, на думку формалістів та структуралістів, є рядки [7, с. 177; 10, с. 115], які формуються за принципом гармонії, пропорції та балансу, характеризуються співмірністю та перебувають у парадигматичних відношеннях [7, с. 197]. Кожний рядок, виражений синтаксичною конструкцією чи пропоземою (реченням / словом) [6, с. 122], є художнім засобом, за допомогою якого здійснюється вплив на читача, передається інформація, створюється художній образ. Вибір того чи іншого ритміко-синтаксичного малюнку створює композицію тексту, яка сприяє реалізації авторського задуму, оскільки ритм є компонентом стилю та індивідуальності творчого методу автора [2, с. 45, 104].

Формалісти, зокрема Б. В. Томашевський, вважали, що ритмічна система поетичного тексту формується такими синтаксичними мовними засобами, як: *повтор* і *граматико-синтаксичний паралелізм співвідносних конструкцій* [4, с. 115; 10, с. 95]. **Паралелізм** (від грец. *parallelos* – той, який йде поруч, паралельний) – це композиційний прийом, який ми, слідом за структуралістами, розглядаємо як неповний повтор, що підкреслює структурний зв'язок двох чи більше рядків, побудованих за аналогічною структурою [7, с. 195]. Так, паралелізм являє собою, що найменше, двочлен, де один рядок чи його частина пізнається через іншу, яка по відношенню до першої є *аналогом*. Різні форми граматико-синтаксичного паралелізму як основа ритміко-синтаксичної організації тексту базуються на словесних повторах [4, с. 199]. Отже, *ритм* тексту є повторюваністю синтаксичних ознак рядків, який аргументується з позиції *ізотопії*, основного закону зв'язності поетичного тексту [2, с. 43]. Оскільки паралелізм базується на еквівалентності рядків, які утворюють *ритміко-синтаксичні схеми*, ізотопія паралельних конструкцій сприяє так званому *упізнаванню ритмічного руху*, а відтак і *автоматизації* сприйняття (за термінологією В. Б. Шкловського) [7, с. 111, 120]. Художній ефект ритмічної організації тексту є відношення тексту до очікування читача, естетичним нормам епохи, звичним сюжетам чи іншим штампам [3, с. 234].

Ритмічна "крива", яка впливає на синтаксичну структуру рядка, задається смисловим змістом тексту, актуалізуючи головну його тему [2, с. 50, 59]. **Метою** використання ритміко-синтаксичних паралельних конструкцій є: 1) порівняння та зіставлення, 2) протиставлення (антитеза), 3) уточнення, 4) підкреслення рівноцінності перерахованих фактів, явищ, обставин, думок [5].

Для класичної поезії фундаментальним конструктивним принципом є **гомоморфність** (*ізометризм*, за термінологією Ю. М. Лотмана), збереження ритміко-синтаксичної однорідності віршового мовлення за рахунок еквівалентної співвіднесеності рядків. Але на початку ХХ століття американська поезія характеризується **гетероморфністю** або **поліморфністю** побудови (термін Л. Бельської), яка актуалізується у наслідок використання "*мінус-прийому*" [7, с. 110] – неупорядкованості елементів рядка чи власне рядків (варіативних структур), що веде до неочікуваності та деавтоматизації уваги читача під час сприйняття тексту [9, с. 187]. Паралельні синтаксичні конструкції утворюють **повторюваний комплекс** (ПК) – це конструкт, який включає частину мовної матерії тексту, що повторюється, в стандартизовану сітку – позиційну структуру тексту [8, с. 8].

Ритм паралельних синтаксичних конструкцій виконує такі **функції**: 1) *фонову функцію* – створює фон, на якому розгортаються події; 2) *образну/символічну функцію* – загострює сприйняття думки автора, його концепцію, життєву позицію, створюючи образне відображення фрагментів життя у тексті; 3) *характерологічну функцію*, оскільки є засобом зображення характерів, їх руху у часі та просторі; композиційний прийом мотивованого повторення елементів форми чи змісту здатен компенсувати фізичний закон: уповільнювати чи прискорювати хід суб'єктивного часу [3, с. 211]; 4) *психологічну функцію*, за допомогою якої автор виявляє контрасти його внутрішнього світу та поглядів; 5) *оцінно-експресивну функцію* – характеризується оцінними засобами вираження; 6) *емоційно-смислову функцію*,

оскільки ритмічна система є важливим семантичним та структурним компонентом, який забезпечує зв'язність і цілісність тексту, де синтаксична зв'язність в процесі декодування тексту реципієнтом перетворюється в когнітивний зміст [2, с. 81, 105]; 7) *текстотвірну функцію* – об'єднує сукупність рядків, які знаходяться між собою у відношеннях аналогії [3, с. 212].

У синтаксичній організації сучасної англійської поезії ми виділяємо дві протилежні тенденції: одна з них пов'язана із прагненням авторів *унікати лексичний повтор* у паралельних конструкціях, порушувати монотонну повторюваність синтаксичного малюнку паралелізмів, перетворювати рівну, одноманітну ритміко-синтаксичну криву на складну, відривчасту, пульсуючу, стокатоподібну, а також таку, що передає стан тривоги, знервованості, емоційного напруження, хвилювання, відчуття неочікуваності [7, с. 187]. А інша, навпаки, пов'язана з навмисним привнесенням у поетичне мовлення чіткої ритмічної організації із *використанням повтору* для підкреслення тих чи інших лексичних одиниць, який підсилюється однаковою порядком членів речення, анафорою тощо та має *характер підхоплення*, об'єднуючи наступний член з попереднім, як частини одного цілого [2, с. 49; 8, с. 6]. Ці дві тенденції не суперечать одна одній, а лише вказують на різні лексичні та синтаксичні властивості паралелізму, обумовлені різними функціональними завданнями [5].

Паралелізм ритміко-синтаксичних конструкцій сприяє нейтралізації опозиції *повторюваність / неповторюваність* ритміко-синтаксичної організації тексту. У позиції нейтралізації опиняється немаркований член опозиції – повторювані рядки (*інваріантні конструкції*) [8, с. 8], а в якості нейтралізатора виступає функціональний збій ритму, який виділяє *варіативні зміни* еквівалентних структур (словосполучень, речень) та виокремлює рематичне (нове) повідомлення тексту [3, с. 220]. Будь-які зміни можливі за умов дотримання *принципу ізометризму* – еквівалентності та впорядкованості синтаксичної побудови рядків [7, с. 120].

Оскільки паралелізм є підвидом повтору, виділяємо *синтаксичний ритм* у двох його різновидах: 1) *ритм асимілятивний*, який характеризується регулярним повторенням конструкції / пропозиції (речення) і який включає ядро із чітко фіксованим розположенням складових (його елементів) у послідовності "підмет – присудок" в початковій позиції пропозиції, і 2) *дисимілятивний ритм*, який здійснюється як рух пропозиції з порушенням періодичності, або, при збереженні загальної ізохронності, з ядром у певній послідовності, при надмірності або відсутності складових елементів ядра чи самої пропозиції [3, с. 213-214]. Ритм завжди пов'язаний із змістом, тому *асимілятивним синтаксичним ритмом* характеризуються не емоційні (нейтральні) рядки, в яких міститься актуальна інформація. При *дисимілятивному синтаксичному ритмі* спостерігається функціональний збій семантичного змісту. Дисимілятивним синтаксичним ритмом характеризуються рядки, які мають емоційні конструкції / пропозиції, що виражають авторську позицію і передають естетичну інформацію [3, с. 213-214].

Синтаксичний ритм, спричинений функціональним збоєм, передає активізацію семантики у *диктемах* (одиниця тематизації тексту, що формується реченнями), які включають емоційні конструкції або перетворення [3, с. 215-216]. Активізація

семантики рядка здійснюється декількома способами побудови синтаксичних одиниць, до яких належать:

1) **Трансформація / перестановка (флуктуаційні зміни пропорційності) компонентів пропозиції**, яка відбувається у результаті використання **стилістичної інверсії** (повної / часткової), **дистантної інверсії** ("гіпербат" – прийом, коли між тісно пов'язаними за змістом та узгодженням словами стоїть інший член речення), **контактної інверсії** як засобу підсилення дієслова за допомогою постпозиційного розташування члену речення, наявності декількох присудків з одним підметом, **хіазму** (хіастичне поєднання у одній строфі прямого і зворотного порядку слів), **метаболи** (повтор слів у зміненому / зворотному порядку), **антиметаболи** (дзеркально-симетричне відображення першої частини у другій), **прозаподозису** (обрамлення / кільцевий повтор, характерний для переконливого, драгівливого тону мовлення), **відокремлення, анаколуфу** [1, с. 202-210]. За допомогою цих стилістичних прийомів виділяється та частина речення, яка з позиції автора є найбільш значимою, а отже? стає його інформативним центром, переходить до розряду *реми* (нового компоненту висловлювання) [3, с. 223]. Це дозволяє активізувати увагу читача на структурних компонентах, які залишаються непоміченими при прямому паралелізмі [5].

2) **Надмірності компонентів пропозиції**, що також створюють дисимілятивний синтаксичний ритм, базуються на антитезі. Така смислова група ритмічно подовжується у результаті використання нових слів (елементів речення) [7, с. 120], що призводить до ускладнення синтаксичної структури пропозиції, рематизації різних елементів рядка, функціонального збою ритму і, як наслідок, до виразності та підсилення впливу на читача.

До таких конструкцій належать: **емфатичні конструкції**, типу *It is X that/who*, які рематизують будь-який член речення (окрім присудка), **вживання аналітичних форм дієслова** (*do, go*), які підкреслюють реальність фактів або повноту дії, **синтаксична тавтологія, полісиндетон** як надмірне повторення службових елементів для зв'язку між однорідними членами речення або власне між реченнями, **повтор синтаксичного фрагменту рядку, плеонастичний повтор, анадиплосис/ананалепсис (повтор-підхоплення)** [1, с. 202-210]. Функціональний збій синтаксичного ритму за рахунок надмірності компонентів пропозиції (зокрема, повтору) передає значення багатократності, множинності, інтенсивності процесу та високого ступеня якості [3, с. 232].

3) **Функціональний збій ритму за рахунок опущення / редуції компонентів пропозиції** відображає авторську позицію та має комунікативно-прагматичну направленість. До таких моделей синтаксичних конструкцій належить **зевгма** (грец. *zeugma* "поєднувати", "сполучати"), **еліптичні та номінативні конструкції, асиндетон, парцельовані конструкції**, які характеризуються наявністю автосемантичної (базової) частини і парцелята (синсемантичної одиниці, що не має усіх ознак речення). Основна функція цих прийомів полягає у смисловому, ритмічному та граматичному виділенні [3, с. 241-269].

Отже, у результаті проведеного нами дослідження ми дійшли висновку, що ритмізація як поліфункціональний принцип побудови віршового мовлення базується

на закономірному чергуванні ритміко-синтаксичних одиниць тексту – рядків. Вони, у свою чергу, утворюють ритмічний малюнок на основі паралельно побудованих конструкцій та різних видів повтору, на художньому впорядкуванні синтаксичних груп, які є проявами ізотопії плану вираження. Паралелізм ми розуміємо як неповний повтор, що підкреслює структурний зв'язок двох чи більше рядків, побудованих за аналогічною структурою. Ми встановили, що гомоморфні (повторювані) синтаксичні конструкції, які є немаркованими, не емфатичними, нейтральними композиційними елементами, характеризуються монотонністю та одноманітністю, утворюючи асимілятивний ритм. Гетероморфність, навпаки, притаманна маркованим членам пропозицій, які, актуалізуючи різнобарвний, дисимілятивний, відривчастий ритмічний малюнок, виникають у наслідок таких синтаксичних флуктуацій, як трансформація, надмірність та опущення / редукція компонентів пропозиції / конструкції. Ми також вивели, що ритміко-синтаксична організація рядків, яка відрізняється лаконічністю синтаксичних елементів, використанням простих речень, еліптичних та номінативних конструкцій, створює динамізм дії, напруженість та насиченість подій, а уповільнення ритму спричиняється конструкціями, ускладненими різними видами повторів і транспозиціями компонентів пропозиції. Певна ритміко-синтаксична організація здійснюється автором у відповідності зі змістом висловлювання, а також задля зворотнього зв'язку, тобто наміром донести до адресата несмислово (ритміко-синтаксичну) інформацію, покликану забезпечувати реакцію на повідомлення.

Перспективою подальшого дослідження є порівняльний аналіз ритміко-синтаксичних паралельних конструкцій сучасної американської поезії модернізму та постмодернізму.

Список літератури

1. Александрова Т. Л. Художественный мир М. Лохвицкой: дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. Л. Александрова. – М., 2004. – 258 с.
2. Богатова Ю. А. Экспрессивно-синтаксические особенности ритма английской художественной прозы: дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. А. Богатова. – Тула, 2004. – 120 с.
3. Гумовская Г. Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста: на материале английского языка: дис.... доктора филол. наук: 10.02.04 / Г. Н. Гумовская. – М., 2000. – 325 с.
4. Жирмунський В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: Избранные труды / В. М. Жирмунський. – Л.: Наука, 1977. – 407 с.
5. Клочкова Т. И. Синтаксический параллелизм как один из способов организации [Электронный ресурс] / Т. И. Клочкова. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2008/Philologia/30171.doc.htm
6. Кузнец М. Д. Стилистика английского языка / М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев. – Л.: Учпедгиз, 1960. – 173 с.
7. Лотман М. Ю. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПБ, 1998. – С. 14-285.
8. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
9. Орлицкий Ю. Б. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии / Ю. Б. Орлицкий. // НЛО. 2005. – № 73. – С. 187-202.
10. Томашевский Б. В. Теория литературы / Б. В. Томашевский. – М.: Просвещение, 1981. – 239 с.

Шевелева-Гаркуша Н. В. Синтаксический параллелизм в ритмическом построении текстов современной американской поэзии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.496-501.

В статье представлен анализ организации ритмико-синтаксических параллельных конструкций в текстах современной американской поэзии. Выявлено, что гомоморфное и гетероморфное построения строк характеризуются монотонным, шаблонным и динамичным, усложненным ритмом соответственно.

Ключевые слова: *изотопия, пропозема, ассимилятивный / диссимилятивный ритм, принцип гомоморфности / гетероморфности, ритмическая кривая.*

Shevelyova-Garkusha N. V. Syntactic parallelism in the rhythmic organization of modern american poetic texts // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.496-501.

This article focuses on revealing organization of the rhythmic and syntactic parallel constructions of modern american poetic texts. It is concluded that homomorphic and heteromorphic formation principles are characterized by monotonous, trite and dynamic, complicated rhythm respectively.

Key words: *isotopy, proposeme, assimilative/dissimilative rhythm, homomorphic/heteromorphic principle, rhythmic curve.*

Поступила до редакції 17.03.2011 р.

УДК 81'42

**ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУГГЕСТИВНОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЖЕНСКИХ И МУЖСКИХ ЖУРНАЛАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА ОБЛОЖКА)**

Шилина А.Г.

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина

В статье описываются вербальные и невербальные суггестемы, способствующие успешной реализации суггестивного воздействия на адресата жанра обложка женских и мужских журналов. В перспективе суггестия рассматривается как вспомогательный механизм лингвистического и паралингвистического манипулирования сознанием целевой аудитории.

Ключевые слова: *суггестия, суггестема, суггеренд, суггестор, жанр, обложка, женский журнал, мужской журнал.*

*Что означало твое слово, узнаешь ты по отклику,
который оно вызвало.*

Мария фон Эбнер-Эшенбах

Язык может лгать, тело же – нет.

Язык тела – это универсальный язык человечества.

Николаус Б. Энкельманн

Глобализация всемирного информационного рынка во многом стала причиной перенасыщенности масс-медийного пространства Украины новыми женскими и мужскими печатными изданиями, для которых в условиях жесткой конкуренции максимализировалась проблема создания собственного имиджа за счет новых жанров и укрепления его с помощью суггестии. Недостаточная изученность суггестивной функции жанров женских и мужских журналов требует теоретического осмысления и нового практического подхода, чем и обосновывается *актуальность* данной статьи.

Теоретико-методологической базой настоящей публикации стала идея рассмотрения «языка в целом как явления суггестивного» [10, с. 37] (И.А. Авдеенко, С.В. Болтаева, Н.Д. Голев, Л.Н. Мурзин, В.Ф. Петренко, Б.Ф. Поршнев, И.А. Стернин, Е.Г. Толкунова, И.Ю. Черепанова, Н.В. Чумичева, И.А. Шашков, Н.Б. Энкельманн). Под суггестией (от лат. *suggestio* – внушение) понимают «процесс воздействия на психическую сферу человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, с отсутствием целенаправленного его понимания, развернутого логического анализа и оценки в отношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта» [6, с. 57].

Цель статьи заключается в описании вербальных и невербальных маркеров (суггестем), способствующих успешной реализации суггестивного воздействия на адресата (суггеренда) в жанре *обложка* женских и мужских журналов.

К вербальным суггестемам мы относим названия и слоганы журналов, анонсы материала конкретного номера.

Рассмотрим каждую суггестему детально.

1. *Названия журналов*. Заголовок – важный компонент лингвистической ткани жанра: он привлекает внимание, вызывает интерес и «сегментирует» целевую аудиторию.

В женских журналах заголовки создаются с помощью:

а) собственных имен существительных, называющих женщину по имени: «*Натали*», «*Лиза*». В подобном случае, по замечанию Н.Б. Энкельманна, «имя – это суггестия. Мир доверяет имени» [12];

б) имен прилагательных с положительной оценкой, подсознательно ожидаемой суггерендом: «*Единственная*», «*Любимая*»;

в) иноязычных наименований-оригиналов мировых женских медиабрендов: «*Diva*», «*LQ*», «*Cosmopolitan*» для «позитивного внушения», значимость которого обосновывает Н.Б. Энкельманн в книге «Преуспевать с радостью»: «Какое позитивное внушение исходит, например, от названия автомобиля «Мерседес»! Это имя излучает надежность и качество, даёт тысячам сотрудников этой фирмы благосостояние и социальную защищённость» [12];

г) имен прилагательных, определяющих целевую аудиторию: «*Женский журнал*».

В мужских журналах преимущественно используются иноязычные наименования-оригиналы мировых мужских медиабрендов: «*MAXIM*», «*EGO*», «*XXL*», «*PLAYBOY*», «*Men's Health*», а также личное местоимение 1-го л. ед. ч. и имя существительное, конкретизирующее семейный статус суггеренда: «*Я – отец!*».

2. *Слоганы*. Слоган – рекламный девиз, лозунг, словесная формулировка идеи рекламной кампании, краткое и часто образное, эмоциональное словесное выражение предложения фирмы или какой-либо организации общественности [2]. Женские и мужские журналы сопровождаются имиджевыми (или институциональными) слоганами [3, с. 235], образованными с помощью:

а) определительного местоимения *самый*, суггестивный эффект которого связан с тем, что суггеренд не воспринимает критически предложенное суггестором обобщение: ***Самый*** любимый журнал украинских женщин («*Единственная*»); ***Самый*** читаемый мужской журнал в Украине («*MAXIM*»);

б) личного местоимения *ты* (ты-обобщенного [8, с. 275]), создающего суггестивную иллюзию преклонения суггестора перед суггерендом: ***Весь мир для тебя!*** («*Любимая*»);

в) имен прилагательных со значением положительной оценки как самого журнала: ***Неожиданный*** женский журнал («*LQ*»); ***Легендарный*** мужской журнал («*PLAYBOY*»), так и самого суггеренда: ***Для сильной и стильной*** («*Женский журнал*»);

г) имен прилагательных, конкретизирующих пол суггеренда: *Мужской размер* («XXL»); *Мужская ситуация* («ЕГО»).

3. Анонс номера журнала предполагает использование:

а) собственных имен существительных, называющих знаменитостей политики, экономики, культуры, спорта, шоу-бизнеса, которые в сознании суггеренда ассоциируются с авторитетностью и успешностью [9, с. 15]: *экс-премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, певец Владимир Гришко, актер Жан Рено, чемпион мира по боевому самбо Федор Емельяненко*;

б) количественных числительных для создания мотивации у суггеренда для успешной реализации какой-либо идеи или подтверждения гипотезы: *Здоровая кожа – 10 золотых правил* («Натали»); *6 стройных идей* («Женский журнал»); *5 способов продать талант* («Men's Health»); *10 великих двоечников* («МАХИМ»);

в) глаголов 2-го лица ед. ч. в повелительном наклонении для подчеркнута интимно-дружеского общения суггестора с суггерендом: *Помоги ему стать лучшим! Расскажи любимому, как...* («Единственная»); *Живи красиво!* («Cosmopolitan»); *Ешь их сырыми* («Men's Health»); *Опусти ремень и отойди от ребенка* («МАХИМ»).

В ряду невербальных суггестем жанра *обложка* мы отмечаем такие, как цвет, шрифт и фотография.

1. *Цвет*. В женском и мужском журнале цвет не зависит от половой дифференциации. Цветовая семантика жанра *обложка* отличается богатством и разнообразием, например, по классификации Ф.И. Юрьева, *красный* цвет связан с любовью, страстью, его суггестивное действие – возбуждать; *желтый* ассоциируется со светом и радостью, суггестивное действие – радовать; *синий* – это бесконечность, суггестивное действие – укреплять и освежать и т.п. [13, с. 56-57].

2. *Шрифт* с рациональными (курсив, подчеркивание, жирный шрифт) и эмоциональными (имитация письма «от руки») свойствами благодаря своим структурно художественным характеристикам вызывает у суггеренда «эстетически окрашенную эмоцию и в силу этого влияет на процесс перцепции в целом. Эмоции рассматриваются без отрыва от их эстетических качеств, то есть каждая эмоция дополняется эстетическими нюансами, выполняющими регулируемую функцию в процессе перцепции» [4].

3. *Фотография*. Чаще всего на обложках женских и мужских печатных изданий изображается женщина, лицо и тело которой для суггеренда «являют собой уникальное в своей универсальности означающее, маркирующее весь феномен телесности» [5], это своего рода «универсальный типаж» или «наивысший эталон» [5].

При подаче фотографии в женских журналах учитывается физикатика (общая привлекательность, красивое тело, оптимальный вес) и артефактика (модная одежда и аксессуары), в мужских – исключительно физикатика.

На обложке женских журналов изображается улыбающаяся, пропорционально сложенная, изысканно и модно одетая женщина возрастом до 35 лет, чаще всего модель или известная личность. В мужских журналах предпочтение отдается фотографии, на которой запечатлена полуобнаженная сексуальная молодая модель или знаменитость. Подобное использование фотографий в СМИ получило название

фейсизм – «преимущественное выделение лица в изображении мужчин и большой акцент на тело при изображении женщин» [14, с. 725].

Как видим, синтез вербальных и невербальных маркеров в жанре *обложка* обеспечивает не только коммуникативную целостность жанра, но и его «коммуникативную убедительность, неподконтрольную сознанию» [11, с. 4] суггеренда.

Проведенный анализ суггестем жанра *обложка* позволяет сделать следующие *выводы*. Во-первых, органическое соединение лингвистических и паралингвистических средств способствует комплексному суггестивному воздействию на адресата журнала. Во-вторых, суггестия может быть рассмотрена как вспомогательный механизм языкового и неязыкового манипулирования: жанр *обложка* четко регламентирует телесные практики¹ женщин и формы их презентации «фигура», «лицо» и «возраст», тем самым транслирует гендерный стереотип о том, что «женщина должна всегда соответствовать предъявляемым патриархатным обществом канонам красоты». В-третьих, пропагандирование действительной / мнимой приоритетности и привлекательности анонса материала, в соответствии с которым женские и мужские журналы дают ответы на типичные вопросы («как стать красивой?» / «как стать сильным?», «как привлечь мужчину?» / «как соблазнить женщину?» и т.п.), «плохо совместимо с глубокими аналитическими сообщениями» [6] и препятствует созданию адекватной информационной картины мира в сознании женщин и мужчин.

Список литературы

1. Алкемейер Т. Стройные и упругие: политическая история физической культуры / Томас Алкемейер // Логос. – 2009. – № 6. – С. 194-213.
2. Ильинский С. Энциклопедический словарь PR и рекламы [Электронный ресурс] / Сергей Ильинский. – Ч. II. – Режим доступа к ресурсу: http://www.uamconsult.com/book_531_chapter_1_Annota%D1%81ija.html.
3. Кафтанджиев Х. Гармония в рекламной коммуникации / Христо Кафтанджиев. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 368 с. – (Профессиональные издания для бизнеса).
4. Нестеренко С. П. Гарнитура шрифта как фактор регуляции восприятия текста (Экспериментальное исследование) : дис.... канд. филол. наук : 10.02.19 / Светлана Петровна Нестеренко. – Барнаул, 2003. – 214 с.
5. Постмодернизм: энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с. – (Мир энциклопедий) [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу : <http://voc.metromir.ru/encpostmodern/id230/>.
6. Психология: словарь / [под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского]. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.
7. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию [Электронный ресурс] / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – М., 1995. – Режим доступа к ресурсу : <http://bookap.info/psywar/grachev/gl4.shtm>.
8. Синельникова Л. Н. Местоимение в дискурсе: [монография] / Л. Н. Синельникова. – Луганск, 2008. – 476 с.

¹ Под телесной практикой понимается «часть работы по формированию и презентации самого себя. В результате этой работы субъект придает себе опознаваемую социальную форму и пытается отвести себе определенное место в обществе» [1, с. 196-197].

9. Солодовникова А. Н. Основные способы воздействия в социальной рекламе / А. Н. Солодовникова // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». – Саратов, 2010. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 13 – 17.
10. Черепанова И. Ю. Клич Гамаюн. Научная магия суггестивного влияния языка / И. Ю. Черепанова. – М. : Издательский дом «Профит Стайл», 2007. – 464 с.
11. Чумичева Н. В. Копирайтинг и рекламная суггестия: алгоритмизация творчества: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н. В. Чумичева. – Ростов-на-Дону, 2009. – 23 с.
12. Энкельманн Н. Б. Преуспевать с радостью [Электронный ресурс] / Николаус Б. Энкельманн. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.universalinternetlibrary.ru/>.
13. Юрьев Ф. И. Слово о цвете, о музыке цвета и цветовой музыке слова / Ф. И. Юрьев. – К. : ТОВ «Новий друк», 2007. – 327 с.
14. Archer D., Iritani B., Kimes D. D., Barrios M. (1983). Face-ism: Five studies of sex difference in facial prominence / D. Archer, B. Iritani, D. D. Kimes, M. Barrios // Journal of Personality and Social Psychology. – 1983. – 45. – P. 725-735.

Шилина А.Г. Вербальні та невербальні особливості суггестивного впливу в жіночих і чоловічих журналах (на матеріалі жанру обкладинка) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина I. – С.502-506.

У статті описано вербальні та невербальні суггестивні теми, які сприяють успішній реалізації суггестивного впливу на адресата жанру обкладинка жіночих і чоловічих журналів. У перспективі суггестія розглядається як допоміжний механізм лінгвістичного та паралінгвістичного маніпулювання свідомістю цільової аудиторії.

Ключові слова: *суггестія, суггестивна тема, суггеренд, суггестор, жанр, обкладинка, жіночий журнал, чоловічий журнал.*

Shylina A. G. Verbal and non-verbal peculiarities of suggestive influence in woman's and man's magazines (on the material of cover genre) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part I. – P.502-506.

Verbal and non-verbal suggesthemes facilitating successful implementation of suggestive impact on the recipient of cover genre in woman's and man's magazines. Suggestion is prospectively considered as auxiliary device of linguistic and paralinguistic consciousness manipulation of target audience.

Key words: *suggestion, suggestheme, suggerend, suggestor, genre, cover, woman's magazine, man's magazine.*

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.

УДК 808.2

ОБРАЗ-КОНЦЕПТ ПРАВОПОРУШНИКА (ЗЛОДІЯ) В МОВНІЙ СВІДОМОСТІ УКРАЇНЦІВ (НА МАТЕРІАЛІ ГАЛИЦЬКО-РУСЬКИХ ПАРЕМІЙ І. ФРАНКА)

Юськів Б.Н.

Львівський державний університет внутрішніх справ, м. Львів, Україна

У цій статті розглядаємо образ-концепт правопорушника (злодія), що є репрезентантом концептосфери права. Аналіз здійснюється у межах паремійної картини світу українців. Виокремлено низку смислів зазначеного концепту, що характеризують українську духовну культуру та українську ментальність.

Ключові слова: *концептосфера, смисл, пейоративи, моральна оцінка, мовна свідомість.*

Постановка проблеми. Сучасні лінгвістичні дослідження ґрунтуються передусім на антропоцентричній основі розуміння мовних явищ, а значить, передбачають антропоцентричну парадигму опису. Мова окреслює своїм носіям напрямки світосприйняття завдяки дискурсному вживанню, що репрезентовані зокрема й різного роду текстами малого жанру, передусім народною фразеологією. Особливе місце серед подібних дискурсних одиниць належить прислів'ям та приказкам як інтегральним частинам національних фразеологій, що надають можливість розуміти національну логіку та національне світосприйняття. Фіксуєчи національно-зумовлені ціннісні уявлення про світ і своє буття в ньому, пареміологічні одиниці стають аксіологічно значущими мовними величинами, дослідження яких дає змогу виявити ієрархію цінностей носіїв певної культури і мови [5, с. 208].

Об'єктом мовознавчих досліджень, безумовно, є й колективна свідомість певного лінгвокультурного угруповання, до якого у цій науковій розвідці відносимо галичан, чия мовна колективна свідомість яскраво виражається у зібраних І.Франком "Галицько-руських народних приповідках" [4]. Саме паремії – це ті мікротексти, що відображають відповідні знання про світ та відтворюють когнітивно-етичні установки кожного народу, є джерелом, на матеріалі якого досліджують специфіку ментальності представників кожної окремої культури, зокрема й культури українського народу.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. За останні роки зросла зацікавленість учених до вивчення правової свідомості у пареміологічній спадщині українців. Спроби такого висвітлення робили В. Сироткін, зазначаючи, що «паремії, як ніякий інший вид фольклору, складають звід суджень про життя народу, точних і гострих характеристик, спостережень та узагальнень, і за характером впливу на життєдіяльність людей завжди були близькі до правових норм [14, с. 394].

Один із перших російських дослідників паремій правничого характеру І. Снегірьов ще в 30-х роках ХІХ ст. обстоював думку, за якою більша частина народних правових звичаїв виражається прислів'ями, що переважно склалися на стародавніх віках, правових сходах. Вони представляли собою корінні формули стародавньої юридичної мови та містили в собі мирські, вічеві та судові приговори стародавніх общин [15, с. 295]. За словами В. Анікіна, «прислів'я навчали і настановляли; вони обмежували або узаконювали одні поступки і дії, відвертали інші. Можна припустити, що вся складна і розгалужена галузь «так званого звичаєвого» права відображена в формулах прислів'їв [1, с. 39].

Першим з українських дослідників, який звернувся до даної теми у другій половині ХІХ ст., був П. Чубинський. Він називає прислів'я сутностями, «що вціліли впродовж віків, у яких народ написав свою політичну діяльність, це залишки сільської автономії, прислів'я і зараз визначають деякі юридичні стосунки, що побутують у народі, вони зараз допомагають вирішувати спори. Нехтувати прислів'ями – значить нехтувати неписаними законами, що регулюють стосунки людей у суспільстві» [20, с. УІІІ]. С. Пилипчук зауважив, що В. Охримович як автор «Українсько-руських приповідок правничих, системно-впорядкованих та юридично пояснених» повністю розкрив зміст правової приповідкової мудрості [13, с. 85].

Новітні підходи дослідження паремій у системі одиниць мови та мовленнєвої діяльності (когнітивний, семіотичний, аксіологічний, дискурсивний тощо) сприяють поглибленню наукового знання, визначенню та обґрунтуванню статусу паремій у сучасній лінгвістиці з урахуванням різних аспектів їх вивчення.

На особливу роль паремій у створенні мовної картини світу вказують такі мовознавці, як Г. Богданович, І. Голубовська, В. Жайворонок, В. Іващенко, С. Жаботинська, В. Кононенко, Т. Космеда та ін. Вивченню МКС з огляду на зазначені проблеми присвячені праці Н. Арутюнової, В. Гака, Ю. Апресяна, В. Телії, О. Шмельова, В. Шаклеїна, Ю. Степанова та ін.

Мета цієї наукової розвідки – з'ясувати, як паремії, що відображають фрагменти МКС, концентрують у собі смисли, що стосуються образу-концепту *правопорушника (злодія)* як репрезентанта концептосфери *права*. *Матеріалом дослідження* стала збірка «Галицько-руські народні приповідки», що їх зібрав і пояснив І. Франко.

Виклад основного матеріалу. У складі кожної мови існує група слів чи сполучень слів, паремій, що системно вживаються як інвективи і які слід відрізнити від «лайливих» і табуйованих елементів. Інвективи, як відомо, виражають негативну прагматичну інформацію. Термінологічно розрізняють пейоративи та інвективи. Під пейоративом розуміють вербальну одиницю із стилістично зниженим значенням. Інвектив трактують як вербально або невербально виражена образа. Людину можна образити, вживши по відношенню до неї грубий вираз, але можна досягнути більшого ефекту, вживаючи нормативні вирази, що слугують для вираження схвалення. З іншого боку, в конкретних ситуаціях спілкування пейоративи, зокрема й занадто грубі, використовуються не для образи, а для створення ефекту довіри, або для «випускання пари» (їх називають експлетивами) [12, с. 98].

Великий клас пейоративів становлять назви злочинців, омовлення їхньої характеристики, що виразно відображено у паремійному фонді української мови.

Оскільки метою цього дослідження є інтерпретація специфіки вербалізації правопорушників, що відбита в мовній свідомості українців і зафіксована у відповідних пареміях, то спочатку розглянемо тлумачення лексеми *зłodий* у відповідних словниках української мови: *зłodий* – це «той, хто займається зłodійством»; «зрадник, злочинець». Словник української мови ХУІ – першої половини ХУІІІ ст. тлумачить терміни *зłodьй, злодей, зłodий, зłodий* як *лиходій, лиховод, дьявол, розбійник, зłodий, ворогы, отступници, отщепенци, льстец, кламца, притворитель, притворник, лицэмерни(к), змышла, супротивник, ворог, мститель, здрайца, святокрадця, крадій, прелюбодьйца, блудник* [19, с. 7-8]. Зазначена група пейоративів дає змогу виокремити усталені смисли, що їх містить концепт *правопорушник*, в основі яких лежать об'єктивні критерії оцінювання аморальних, неетичних учинків правопорушників: «украва», «загнава», «залізли», «винесли», «крадуть», «розволікають», «виламати» і т.п.

Вивчаючи паремійний фонд галичан, переконаємося, що етична характеристика статусу особи, яка проявляє неповагу до людей у формі злочинного посягання, є виключно негативною, проте в одних випадках вона є активною, а в інших – пасивною, що зафіксовано у пареміях, напр.: «*Зłodий не все краде, все го ся бояти*» – знач. чоловік має бути обережним – пасивне [4, т. 2, с. 258]; «*Такий зłodий, що й з під голови вкраде*» – штучний зłodий, натяк на розповсюджену казку про майстра-зłodія – активне; «*Хто не зłodійкуватий, той не буде багатий*» – песимістичний погляд на багатство як на здобуток бодай часткової крадіжки – пасивне [4, т. 2, с. 261]; «*Були в нас вже такі гості, та сокира пропала*» – такі гості значить зłodії. Так кепкують із непрошеного, зłodійкуватого гостя-приблуди – активне [4, т. 1, с. 478]; «*А чи раді були гостям?*» – іронізують над тим, якого вловлено на якійсь крадіжці в чужій коморі або в саду, і побито – пасивне [4, т. 1, с.478]; «*Зłodієві нема стриму*» – його ніщо не лякає, бо він зважився на все – пасивне [4, т. 5, с. 258]; «*Добрий зłodий очевидячки краде... в живі очі*» – у значенні краде з-перед самих очей, при свідках – активне [4, т. 2, с. 257]; «*Доганяй вітру в полі*» – означає лови щось невловиме, коли, наприклад, зłodий утік – пасивне [4, т. 2, с. 33]; «*Взяв би, видиши, аби на нім гадина сичала*» – про зłodія, якого не спинить ніяка завада. Річ, на якій лежить гадина, вважається нечистою, зачарованою, і тим страшніше її брати – активне [4, т. 1, с. 224]; «*Кому в очах темно, той усе залізе в Лейбові огірки*» – кепкували зі зłodія, зловленого в огірках, який виправдовувався тим, що йому було темно в очах – пасивне [4, т. 2, с. 634]; «*На що глипне, то до нього прилипне*» – говорять про зłodія, що, як то кажуть, «краде в живі очі» – активне [4, т.1, с.485]; «*Взяв за старий борг*» – говорять про зłodія, що вкрав якусь незначну, дрібну або зіпсовану річ, якої не варто було красти, – пасивне [4, т.1, с.225]; «*Не той зłodий, що вкрав, але той, що сховав*» – приховані зłodії, на думку галичан, ще гірші, ніж ті, що крадуть власноручно, – активне [4, т.2, с.257]; «*Не лиш той зłodий, що краде, а й той, що драбину держить*» – говорять про співучасника крадіжки, який так само винуватий, як і той, хто краде, – пасивна [4, т.2, с.260]; «*Най буде й Біг, якби взяти міг*» – характеризують захланного здирника, зłodія, лихваря – активне [4, т.1,с.129]. Отже, приповідковий фонд відображає зłodія як *здирника, лихваря, гадину, приблуду*.

Мовна свідомість галичан зафіксувала відповідну лексику, що відображає якості злодіїв. Синонімічний ряд цих характеристик дуже різноманітний, напр.: «*Аби гадина на нім сичала, то би вкрав*»; «на нім» – значить на відповідному предметі, а не на злодію. Так характеризують *завязтого, безоглядного* злодія. Про таких кажуть, що вкрав би гадині яйця, на яких би вона сиділа [4, т. 1, с.443]; «*Злодія на гак тягнуть, а він каже, що не крав*» – це кредо *фахового* злодія, що значить «ніщо не визнавати і ніякого спільника не видавати» [4, т. 2, с.259]; «*Сам тікає і сам кричить: Лапай!*» – про *рішучого, жорсткого і хитрого* злодія, що завжди уникає розплати [4, т. 1, с.419]; «*Краде в живі очі, ще й чужими руками*» – про *хитрого* злодія, що краде зі спільниками [4, т. 2, с.410]; «*Середу твердо держить, а на чуже дрозжить*» – говорять про *побожного* злодія, що твердо постить, але цупко краде [4, т. 3, с.114]. «*Огнений злодій*» – говорять про *небезпечного* злодія, що, як кажуть, «із вогню вкраде» [4, т. 2, с.260]; «*Учений злодій гірший від родимого*» – бо сей не спускається на вроджений нахил, а вправляється в крадіжці, як у ремеслі [4, т. 2, с.261]; «*Знає старий горобець шпари в стодолі*» – це людина *напрактикована, старий злодій*, що вмє вчасно втекти [4, т. 2, с. 270]. Крім згаданих оцінних характеристик, знаходимо ще цілу низку концептив-означень, що відображають моральні якості злодіїв, напр.: *наполохані, відважні, природжені і навчені, добрі (фахові), старі (досвідчені), мудрі, домашні, чужі, сільські*. Отже, характеризуючи правопорушників у побуті, люди оцінюють їх за критеріями “правопорушник-негідник, небезпечний / менш небезпечний”; “правопорушник дрібний”; “правопорушник-спеціаліст”. Зазначене можна репрезентувати у вигляді оцінних характеристики, бінарних опозицій: *небезпечний / менш небезпечний, чужий / домашній, фаховий / недосвідчений, відважний / боягузливий, вроджений / навчений, побожний / невіруючий, полохливий / заповзятий* і т.д.

Як бачимо, репрезентація моральних якостей об'єктів протиправних діянь є виключно негативною, що підтверджується висловлюваннями відомих дослідників в галузі аксіології відносно вербалізації категорії оцінки. Як зауважує Т. Космеда, «мова є асиметричною щодо категорії оцінки: мовних засобів для вираження негативної оцінки набагато більше, ніж для вираження оцінки позитивної, вони різноманітніші і багатші» [11, с.17-40; 122-124]. Н. Арутюнова вказує на той факт, що все, що відбувається в будь-якій сфері людської діяльності, «гуманізується», отримуючи аксіологічний знак. Названа дослідниця зауважує, що оцінка пов'язана з прескриптивною функцією мовлення, що реалізується в певних типах мовленнєвих актів, серед яких такі, як «осуд», «схвалення», «заохочення» і т.д.

Про важливість оцінного компоненту в житті людини пише М. Дмитровська. Як і Н. Арутюнова, М. Дмитровська вбачає в оцінці, яку виражає відповідний мовець, відображення особистості цього мовця: «У процесі прийняття рішення людина аналізує ситуацію, виходячи з тих установок, які складають ядро його особистості, тому логічно, що у різних обставинах люди поведуть себе по-різному» [7, с.8].

Можемо стверджувати, що паремії – це мікротексти, які репрезентують такі мовленнєві жанри, як «осуд» і «обвинувачення». Т. Дубровська відносить «осуд» до мовленнєвого жанру, завдяки якому суб'єкт дає негативну оцінку кому-небудь чи чому-небудь, виходячи із власного досвіду, уявлень про «добро» і «зло», морально-етичних установок в цілому. Щодо «обвинувачення», то даний мовленнєвий жанр

приписує об'єкту обвинувачення такі дії, що, безумовно, засуджуються суспільством, викликають осуд [6, с.68]. Деякі вчені відносять осуд до моральної-етичної сфери, а обвинувачення до соціально-правової сфери оцінки поведінки. Обвинувачення у пареміях виражають пейоративи, виражені стилістично нейтральними або стилістично зниженими мовними засобами, що, власне, і свідчить про їх негативну оцінку. В.Карасик виділяє загальні і спеціальні пейоративи. Загальні пейоративи мають загальне інвективне значення. За словами вченого, «їх семантика є темною, ми не знаємо, що саме зробив негідник і гадина, але знаємо, що його дії нижчі за всякі норми» [9, с.242].

Під час оцінювання правової поведінки правопорушника юристи користуються критеріями *серйозності / несерйозності* того чи того злочину, однак «оцінна шкала в юридичному праві на відміну від морального права, небезконечна, вона дискретна і представляє чіткі показники» [12, с. 107]. Отже, класифікація людських недоліків, відображених названою пейоративною групою, виражає такі семантичні опозиції, як *небезпечний / менш небезпечний*, однак чіткої межі через багатозначність пейоративних одиниць, провести не можна.

Як зауважує І.Палашевська, «семіологічно паремії являють собою елементи конотативної системи, тобто системи, план вираження якої сам є знаковою системою і складається зі значущих двопланових одиниць, що мають власний план вираження і план змісту. Перший рівень складають реалії, відображені у пареміях, другий – конотативний, або імплікативний рівень відсилає до уявлень про етичні й утилітарні норми, що ілюструються певними життєвими ситуаціями. Поведінку з огляду на такі норми розглядають як прийнятну чи неприйнятну, гарну чи погану, відповідні санкції базуються на бінарній опозиції «добро – зло», виражаючи негативний чи позитивний наслідок» [12, с.148]. Під час реалізації цієї концептуальної схеми норм в текстах закону, прикметах, пареміях названі елементи не завжди виражені імпліцитно. Для їх виявлення в пареміях достатнім є використання семантичних трансформацій.

Особливу групу пейоративів становлять лексеми, що відображають різні типи злочинців. Наголосимо, що дії, позначені даною групою правопорушників, оцінюються з позиції права, як диспозиційні відмінності між типами злочинів, напр. «крадіжка», «грабіж», «розбій» та інші. «Для злодія немає замка» – він усякий замок відчинить [4, т. 2, с.257]; «Заблудив до чужої кишені» – про кишенькового злодія [4, т. 1, с.104]; «Що бачить, то його» – говорять про злодія, *грабіжника* [4, т. 1, с.241]; «Сват із Сірого до кобилячої мами» – говорять про злодіїв-конокрадів [4, т. 3, с.81]; «Чого накрив, тим гендлює... тим живе» – говорять про сільського злодія-перекупня [4, т. 2, с.579]; «Крадене все літше» – говорив податковий злодій [4, т. 2, с.404] або «Як не вкрав, що збагну, то мене всю ніч пропасниця б'є» – говорять про податкового злодія [4, т. 2, с.411]. Дві останні приповідки свідчать про надмірне здирство людей з боку податкових установ.

Показовий і той факт, що в ситуаціях, де є порушення закону, суб'єкт осуду або обвинувачення виводить на перший план моральний аспект проблеми. Обвинувачуючи тих, хто вкрав гроші, суб'єкт робить акцент на аморальності таких учинків, а не на їх юридичному характері. Отже, «сукупність оцінних ознак в

пареміологічних висловлюваннях, формує деонтичний кодекс мови, який реалізує моральні переваги і установки суспільства» [12, с.20].

Зазначимо, що згідно з давньоруським правом, яке було закріплене в «Руській правді», не було спеціального терміну на позначення крадіжки. Зміст цього злочину розкривався за допомогою таких слів, як «украдуть», «крадуть». Крадіжка і злочинець, що її здійснив, номіновані як «татьба», «тать». Слова «татьба», «тать» старослов'янського походження, вони однокореневі зі словами «таємний», «таю», «таїтися», що вказують на прихований від кого би то не було спосіб дій [17, с.28]. У статтях «Руської правди» цьому терміну надано ширшого значення, ним позначали не лише крадіжки, а й інші злочини (зокрема, до татьби відносилось придбання вкраденого майна). Недаремно знаходимо приповідку «*Майстер до чужих тайстер*» – говорять образно про злодія, що витягує речі з чужих кишень або торбин [4, т. 3, с.622].

Згідно звичаєвими нормами, виписаних у стародавніх статутах, злочини проти особистих та майнових прав передбачають покарання за завдання потерпілому фізичної, моральної або матеріальної шкоди. Типи покарань, що існували в той чи той період відповідної культури, відображають погляди суспільства на покарання як на межу між дозволеним і забороненим при соціальному регулюванні, а також ураховують цілу систему цінностей, на базі якої будується це регулювання. Паремії, що вважаються відголосками минулого, містять в собі цінності минулих епох, що в даний час неактуальні. Однак сама ідея покарання не зникає, її первісні форми трансформувалися в інші, зберігаючи певні понятійні аспекти. У процесі таких трансформацій змінюється система цінностей і, відповідно, оцінні знаки тих чи тих учинків, наприклад, первинною формою покарання була помста, яку здійснювали потерпілі, і визначалася вона ступенем вияву відповідного почуття, однак, будучи під контролем держави, вона отримує публічний характер і певні обмеження, що приводить до обмеження числа злочинів, за які можна мати помсту [див: 12, с.93]. «*Чи по вили, чи по неволи?*» – питає чоловік злодія, якого жандарм провадив до суду, а злодій каже: «Та певно, що по воли, бо не маю сі чого квапити» [4, т. 1, с.378]; «*Маю бідувати за дурно, то як буду бідував, то буду знав, за що*» – говорив чоловік, що з біди вирішив на крадіжку або на якийсь інший злочин, за який мав потрапити до в'язниці [4, т. 3, с.503]; «*І на злодія мусить чоловік робити*» – аби мав що красти, а як його посадять у в'язницю, аби й там годувати його [4, т. 2, с.259]; «*Не кажи «злодій» поки за руку не схопив ...поки... не вхопиш*» [4, т. 2, с.260]; «*Хоч не вкрав, а вкрав, то вже злодій*» – приказка репрезентує сутність несправедливого законодавства [4, т. 2, с.261]; «*Хто де вкрав, якщо там не був*» – так вербалізовано ситуацію несправедливого осуду, вказівка на наявність алібі [4, т. 2, с.410].

Самого терміну «злочин» не існувало у первісному суспільстві, замість нього існували такі поняття, як *образа* (*обида, кривда*). Цікаво, що в поняття образи вкладали не тільки приниження честі та гідності, а будь-яке правопорушення, починаючи від убивства і закінчуючи несплатою боргу. Вищезгадані поняття містять у собі смисловий елемент «шкоди», нанесена приватній особі або групі осіб. Первісне право не знало злочинів проти суспільства та держави, а переслідування вважалось не державною справою, а справою самих потерпілих. Досліджуючи систему покарання, М.Косвен

звернув увагу на риси релігійно-метафізичного спокутування провини, своєрідну відплату спочатку потерпілому, а потім і чинній державній владі, що заступилася за нього, діючи від свого імені [10, с.6]. Злочин у первісному суспільстві, на думку вченого, являв собою саме образу, нанесену певній групі людей.

Вищезазначене підтверджується зібраним припопідковим матеріалом, напр.: «*За чуже добро вилізе ребро*» – злодія, зловлять і будуть *катувати* [4, т. 2, с. 24]; «*Злодія не бити, доброго губити* – давніший загальний звичай громадою бити злодія, зловленого на гарячому, доводив не раз до вбивства і скалічень [4, т. 2, с. 259]; «*Мамо, мамо та бо злодій виглядає як чоловік! Навіть очі має. От я візьму огарок та випечу*» – кажуть, що таким способом завзятому злодію сільський хлопчик повипікав очі, а мати не боронила [4, т. 2, с. 25]; «*Терти, тіло, чого хотіло. ...що хотіло*» – приговорював сам до себе злодій, коли його спіймали на крадіжці й били [4, т. 3, с. 271]; «*Бити можна, аби лише сліду не було*» – злодій розповідав, що його, зловивши, били мокрими шнурами по сухій сорочці, аби боліло, а сліду не було [4, т. 3, с. 496]; «*Такий злодій, що й з вогню украде*» – за віруваннями нашого народу, красти з хати, що горить, гріх гірший, ніж звичайна крадіжка [4, т. 3, с. 271].

Формальний погляд на злочин завжди формувався під впливом церкви. У скоєнні злочину церква бачила передусім гріх, порушення Божих заповідей, тому правопорушники відчували свою подвійну провину – перед Богом і перед державою. Оцінка, виражена в деонтичній мові, не передбачає чіткої міри покарання за той чи той учинок. Гріх як міра покарання за порушення моральних законів (законів Бога) виступає у протиставленні до правопорушень юридичних норм. «*Сьоме не кради, а шість можеш*» – так злодії тлумачать сьому заповідь Божу [4, т. 2, с. 410]; «*Злодій, що йде красти до господаря, молиться: «Не дай Господи, щоби ворог не прийшов!»*» – говорять про той факт, що й злий чоловік перед здійсненням злочину молиться до Бога [4, т. 2, с. 259]; «*Що циган, то злодій*» – означає, що у циганів крадіжка не вважається гріхом [4, т. 3, с. 384]. «*Коли Господь милосердний відвернув тай застовпив*» – жаргівлива примовка злодіїв; останнє слово навмисно перевернуто зам. *заступив* [4, т. 1, с. 614]. В історії зафіксовано чимало випадків, коли норми етикету набували правового характеру, і навпаки. Заповіді Христа визнаються обов'язковими для всіх християн і підлягають виконанню незалежно від законодавчого закріплення. Так, заповідь «Не убий!» відтворено у законодавствах практично всіх держав і їй надано значення юридичного закону.

Неповага до правопорушників та осуд їх злочинних діянь зафіксована у носіїв української мови у формі проклять як різновиду паремій. «*Бодай лиш тільки мав, що вкраде*» – бажають злодієві такого нещастя [4, т. 2, с. 409]; «*Гостець би тобі пальці повикручував!*» – кляла жінка злодія, що украв гроші з її кишені [4, т. 1, с. 617]; «*А всохла би му рука!*» – клянуть злодія, або поганого сина, що б'є батька [4, т. 1, с. 406]; «*Викрало би з тебе душу*» – проклинають злодія, щоб той умер несподівано [4, т. 1, с. 248]; «*Витяг би собі зуб!*» – клянуть злодія, що витяг щось з воза під час ярмарку [4, т. 1, с. 274]; «*Украв, бодай над ним ворони кракали!*» – приказка базується на подібності звуків: *красти* і *кракати* [4, т. 2, с. 410]. Прокляття або ж прокльони несуть у собі згусток негативної енергії і вживаються зі свідомим наміром накликати нещастя на ту людину, на яку звернені. Однак, як зауважує

І. Франко, внаслідок столітньої функціональної активності більшість зразків цього різновиду втрачають первісне значення дієвих формул ворожби і використовуються лише для вираження емоційного стану мовця. Частина текстів, виявляючи неабияку формальну стійкість, докорінно змінили своє змістовне наповнення і плавно перейшли зі сфери серйозного у сферу сатиричного [8, с. 74]. Своєрідні умови актуалізації, прозора семантика, наявність прикметних модально-вольових часток *хай, нехай, бодай* вважаються тими критеріями, за якими дані приповідкові одиниці відносять до сфери дотепного мудрослів'я.

Як відомо, українці люблять оцінні висловлювання, вони вербалізують підвищену емоційність. Вони є емоційними як при висловлюванні морального захоплення, так і при моральному осуді. Причиною цього є моральна і емоційна орієнтація української душі. Природа українців схильна до бурхливих і неконтрольованих емоційних зривів. На думку Й. Стерніна, нестриманість на рівні емоцій, оцінність, любов до висловлювань оцінок людей і подій в мовленнєвих актах характерні для комунікативної поведінки певних культур [15, с. 173]. Достатній обсяг зібраного матеріалу свідчить, що такі жанри, як осуд і обвинувачення посідають значне місце в українській культурі, а особливості українського національного характеру і комунікативної поведінки пояснюють причини популярності осуду і обвинувачень. Доказом цього є частотне використання у пареміях, що входять у концептосферу права, тактики вираження осуду / обвинувачення з посиланням на власні емоції і відчуття.

Висновки. Отже, наведені приклади дають підстави стверджувати, що образ-концепт *правопорушника* характеризується виключно негативно. Класифікація людських недоліків, відображених в досліджуваній пейоративній групі, може бути побудована в основному на опозиціях пасивний / активний, соціально небезпечний / менш небезпечний, а негативні почуття, що викликає об'єкт оцінки чи його вчинки є підставою для вираження осуду чи обвинувачення. Маємо справу з відповідним мовним знанням, що виокремлюється поряд із знанням інтуїтивним, безпосереднім та знанням науковим. Оскільки паремійна концептосфера права у межах МКС ще не досліджена, то це дослідження має відповідну *перспективу*.

Список літератури

1. Аникин В.П. Каково происхождение, каковы типы и принципы классификации славянских народных пословиц и загадок? / В.П. Аникин // Русский фольклор. Народная поэзия славян. – Москва; Ленинград : Изд. Академии наук СССР, 1963. – Т. VIII. – С. 393-394.
2. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. – 1982. – М. : Наука, 1984. – С.5-29.
3. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права / А.М.Величко // Сборник статей по философии и истории права. – СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2002. – С. 128-134.
4. Галицько-руські приповідки: [у 3-х т.] / зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко: 2-ге вид. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006. – Т.1. – 832 с.; Т.2 – 818 с.; Т.3 – 699 с.
5. Голубовська І.О. Етнічні особливості мовних картин світу / О.І. Голубовська: [монографія, 2-ге вид., випр. і доп.] – К. : Логос, 2004. – 284 с; М. Обзор истории по истории русского права. / М. Владимирский-Буданов – К., 1876. – 128 с.
6. Дубровская Т.В. Речевые жанры “осуждение” и “обвинение” в русском и английском речевом общении : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Т.В. Дубровская. – Саратов, 2003. – 24 с.

7. Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / М.А. Дмитровская // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М. : Наука, 1988. – С.6-18.
8. З фольклористичної спадщини Івана Франка. Недрукована передмова до збірки прислів'їв / підготовка до друку, переклад і вступна замітка О.І. Дея // Народна творчість та етнографія. – 1963. – № 2. – С. 94-96.
9. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М. : Ин-т языковедения РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
10. Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. / М. Косвен. – К.- С.19.
11. Космеда Т. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки / Т. Космеда. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. – 350 с.
12. Палашевская И.В. Концепт “закон” в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. філолог. наук / И.В. Палашевская– Волгоград, 2007. – 22 с.
13. Пилипчук С. Українські правничі прислів'я в візії В.Охримовича / Пилипчук С. // Фольклористичні зошити. – Луцьк, 2002. – Вип. 5. – С.83-90.
14. Сироткін В.М. Прислів'я та приказки як джерело вивчення етико-правових звичаїв і уявлень українського народу / В.М.Сироткін. // Народна творчість та етнографія. – 1987. – С.39-42.
15. Снегирев И. Обозрение юридического быта с продолжением древнего и среднего периода русской народной жизни / И.Снегирев // Юридические записки. – Т. 2. – М., 1842. – 305 с.
16. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания: [сборник статей] / [отв. ред. Н.В. Уфимцева]. – М., 2000. – С.178-185.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: [в 4 т.] – М., 1973. – Т.IV. – С. 28.
18. Словник української мови: [в 11 т.] / АН УРСР. Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні; [гол. ред. І.К. Білодід]. – К., 1972. – Т.3. – С. 599-600.
19. Словник української мови ХУІ – першої половини ХУІІІ ст. / [НАН України. Ін-т українознавства ім. І.Крип'яковича; редкол. В. Гринчишин (відпов. ред. ін.)]. – Львів, 2005. – Вип.12. – С.7-8.
20. Чубинський П. Несколько слов об обычае и значении сказок, пословиц и песен для криминалиста // Черниговский листок. – 186. – №8. – С. УІІІ.

Юськів Б.Н. Образ-концепт нарушителя правопорядка (вора) в языковом сознании украинцев (на материале галицко-русских паремий И. Франко) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.507-515.

В этой статье рассматривается концепт правонарушителя (вора), который представляет концептосферу права. Анализ осуществляется в пределах паремийной языковой картины мира украинцев. Выделены смыслы указанного концепта, характеризующие украинскую духовную культуру и украинскую ментальность.

Ключевые слова: *концептосфера, смысл, пейоративы, нравственная оценка, языковое сознание.*

Yuskiv B.M. The concept of a law-breaker (thief) on the basis of paremia material (Galitsko-ruski proverbs and sayings by I. Phranko) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social comunicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.507-515.

The article deals with the concept of a law-breaker (thief), a representative of the law conceptsphere. The analysis is carried out within the paremia language world picture of the Ukrainians. A number of senses of the concept characterizing Ukrainian national culture and Ukrainian mantelity is underlined.

Key- words: *conceptosphere, peyorativ, moral evaluation, language awerness.*

Поступила до редакції 02.03.2011 р.

УДК 811.61.1

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АРАБСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ясин А. М.

Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина

В статье рассматриваются некоторые особенности восприятия мира, отражённые в арабском языке.

Ключевые слова: *языковая картина мира, способ восприятия мира, арабский язык, менталитет, внутренняя форма слова, словесная ассоциация.*

Актуальность. Языковая картина мира становится в последние годы одной из наиболее «модных» тем отечественного языкознания. И в то же время, как это часто бывает с получившими широкое распространение обозначениями, до сих пор не существует достаточно четкого представления, какой именно смысл вкладывается в это понятие пишущими и как, собственно, следовало бы истолковывать его читающим.

Можно, конечно, утверждать, что понятие языковая картина мира относится к числу тех «широких» понятий, обоснование применения которых не является обязательным, а еще точнее – является само собой разумеющимся. Ведь немного найдется таких исследователей, которые начинали бы свою работу в области, например, морфологии определением своего понимания сущности языка, хотя вполне понятно, что употреблять слово «язык» по ходу изложения им придется неоднократно. Более того, если их спросить, что такое язык, многие не сразу смогут на этот вопрос ответить. Причем качество данной конкретной работы совершенно не обязательно будет напрямую связано со способностью ее автора истолковать смысл употребляемых понятий [1]. *Цель.* Рассмотрение некоторых особенностей восприятия мира, отражённых в арабском языке.

Итак, арабский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определенный способ восприятия мира. Владение языком предполагает владение картиной мира, отраженной в этом языке. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений арабского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-арабски. Например, в русском языке смысловые компоненты, которые составляют ядро значения слов и выражений, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в языковую концептуализацию мира, общую для всех говорящих на данном языке. Напротив того, представления, формирующие языковую картину мира, входят в значения языковых выражений в неявном виде и в норме не попадают в фокус

внимания говорящих. В результате человек, говорящий на русском языке, обычно принимает их на веру, как нечто само собой разумеющееся, не задумываясь и сам того не замечая; у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь [2].

Однако для словарного состава современного арабского литературного языка характерно то, что основная его часть является исконно арабской. Некоторая часть словарного состава является общесемитической, и лишь незначительная часть – иноязычной. Хотя для иноязычных слов (которых и так незначительное количество) в ряде случаев существуют также чисто арабские синонимы [3].

Чтобы лучше осознать, насколько полно и качественно передает смысл вещей арабский язык, рассмотрим несколько конкретных примеров, касающихся повседневных слов.

Пример со словом «Студент». Допустим, мы вообще не знакомы с латинским языком (слово «студент» пришло в русский из латинского языка). Какие первые ассоциации возникают у тех, для кого русский язык не является родным, от этого слова? «Студеный»? (т.е. тот, кто замерз). «Студень»? (мясное блюдо вроде холодца). Наверняка у многих это слово не вызывает ни одной ассоциации, которая имела бы хоть малейшее отношение к понятию, которое обозначается этим словом.

Разумеется, мы догадываемся, что студент – это человек, который регулярно посещает высшее учебное заведение. Но как посещает? С целью получить знания или только выполнить требуемый от него минимум, чтобы получить нужные зачеты и добраться до заветной цели – диплома?

Но очевидно, что русский язык не всегда использует механизмы словообразования, чтобы понятие «студент» привести в соответствие с некоторым словом, при произнесении которого будет уже ясен смысл этого слова (вроде «учащийся», или «ученик» и т.п.). Это обусловлено тем, что у иноязычных слов внутренняя форма является скрытой.

А теперь обратимся к арабскому языку. На арабском «студент» звучит как «ТаЛиБ» طالب причастие от глагола «ТаЛаБа» طلب – «просить», «требовать», «искать», т.е. дословно понятие «студент» на арабском языке обозначается как «ищущий, просящий, требующий». И действительно, студент – это не простой ученик, а это тот, кто сам ищет и требует знания, не стесняясь, просит людей помощи при этом, если в этом есть необходимость. То есть для менталитета европейского студента это нехарактерно, особенно просить, требовать от людей знания.

Таким образом, арабское слово «ТаЛиБ» передает истинную суть студента – молодого человека, который ощущает тягу к знаниям и стремится к ним. Более того, даже на примере одного слова становится ясно, какие действия должен предпринять искатель знания, чтобы добиться успеха в своем начинании.

Пример со словом «Офицер». Снова, чтобы понять смысл, нужно открывать толковый словарь, где сначала будет дан перевод с иностранного языка, а только потом уже объяснение сути понятия. Разумеется, многие люди имеют некоторое представление о том, что офицер – это военный начальник, но это понимание на самом деле смутное, и оно живет в умах людей без привязки к слову «офицер» (само-то слово вообще непонятное).

На арабском языке «офицер» звучит как «ДаБиТ» ضابط, это причастие от глагола ضبط «ДаБаТа» – «держат, сдерживать, удерживать». Во все времена и у всех народов офицерами являлись представители элиты общества. Элита – это часть общества, которая отличается более богатой культурой и нравственностью. Одна из первоочередных задач офицеров держать порядок и дисциплину в войсках, и, в случае военного успеха – сдерживать солдат от зверств и мародерства, а в случае неудач – удерживать их от бегства. Таким образом, офицер держит порядок, сдерживает от бесчинства и удерживает от бегства – т.е. все то, что заключает в себя арабское слово «ДаБиТ».

Пример со словом «Суббота». На арабском языке СаББТ – это имя, образованное от глагола СаБаТа سبت «находиться в покое, отдыхать». У арабов седьмой день недели дословно звучит как «день отдыха». Это название, скорее всего, берет начало с запрета работать в этот день недели, который был установлен пророком Моисеем (Мир Ему) и был отменен только пророком Мухаммадом (Мир Ему).

В арабском языке дни недели называются словами, образованными от порядковых номеров. И воскресенью соответствует «первый день», понедельнику – «второй день», и т.д., четвергу – «пятый день», а пятнице – «день собрания» (явмуль Джума), а субботе – «день отдыха» (явму ссабти).

По сей день в арабских странах неделя устроена так, что после пяти рабочих дней, которые называются порядковыми номерами, следуют два выходных дня: «день собрания», когда все совершеннолетние мужчины обязаны присутствовать в мечети на коллективной молитве, и «день отдыха», когда можно весь день отдыхать дома и никуда не ходить.

В англосаксонской традиции первый день недели также, как в арабской, соответствует «воскресенью», с одной только разницей, что называется «днем солнца» и не является первым рабочим днем.

Как видно из этого примера, даже дни недели в арабском имеют простые понятные названия, в отличие от русских, где иностранцу почти за каждым словом надо заглядывать в словарь.

Подобные примеры можно приводить бесконечно долго, так как для этого достаточно просто открыть «Арабско-русский словарь» и выписывать оттуда буквально слово за словом. Многим словам русского языка, смысл которых не ясен без толкового словаря, можно поставить в соответствие арабское слово, образуемое от глагола, обозначающего понятное, конкретное действие.

Выводы. Таким образом, понятие арабской языковой картины мира рисует свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки, в том числе и русский.

Арабский язык замечательно использует механизмы словообразования, погружая человека в словесные ассоциации, порождающие богатые образы воображения, благодаря чему человек может адекватно отвечать на возникающие ситуации в обыденной жизни, и точнее понимать и передавать глубокие научные понятия, т.е. большинство арабских слов имеют открытую внутреннюю форму.

Список литературы

1. Воротников Ю. Л. Языковая картина мира: трактовка понятия [Электронный ресурс] / Ю.Л. Воротников. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov/>
2. Шмелев А. Русская языковая картина мира [Электронный ресурс] / А. Шмелев. – Режим доступа: <http://www.ug.ru/archive/27478>
3. Особенности арабского языка в передаче смысла вещей / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ar-ru.ru/nashr/34-limaza-li-arabija/103-peredacha-smysla-arabskogo>

Ясін А. М. Про деякі особливості арабської мовної картини світу // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 1. – С.516-519.

У статті розглядаються деякі особливості сприйняття світу, відображені в арабській мові.

Ключові слова: мовна картина світу, спосіб сприйняття світу, арабська мова, менталітет, внутрішня форма слова, словесна асоціація.

Yseen A. M. Some peculiarities of Arabic linguistic world view // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.516-519.

In this article some peculiarities of world view reflected in arabic language have been considered.

Key words: linguistics, world view, arabic language, mindset, semantics, verbal association.

Поступила в редакцию 22.03.2011 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алкади Мансур Салех Абду	доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего языкознания Амранского государственного университета, Йемен
Амичба Димона Петровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета, г. Днепропетровск, Украина
Анафиева Эльзара Ризаевна	кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры методик начального обучения РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Украина
Андрищенко Борис Николаевич	кандидат технических наук, профессор, начальник отдела международного сотрудничества и научно-педагогической работы с иностранными гражданами Украинской инженерно-педагогической академии, г. Харьков, Украина
Асоян Людмила Викторовна	директор Научно-учебного центра международного образования Университета менеджмента образования, г. Киев, Украина
Балашова Любовь Викторовна	доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия
Беретели Юлия Лукьяновна	студентка Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина
Беспалова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистической подготовки иностранцев и перевода Днепропетровского национального университета имени Олеса Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Богданович Галина Юрьевна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, директор Крымского научно-методического центра управления образованием НАПН Украины, г. Симферополь, Украина
Бойко Елена Сергеевна	аспирантка кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Бойко Наталья Александровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Института дистанционного образования Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Лариса Ивановна	преподаватель кафедры «Гуманитарные дисциплины для иностранцев» Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна, г. Днепропетровск, Украина
Василькова Наталья Ивановна	кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой филологической подготовки Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина
Власик Наталья Викторовна	аспирантка кафедры практики речи и информационных технологий Горловского государственного педагогического института иностранных языков, г. Горловка, Украина
Воробьёва Ирина Анатольевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры практики английского языка Ровенского государственного гуманитарного университета, г. Ровно, Украина
Вотинцева Марина Леонидовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры «Филология и перевод» Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна, г. Днепропетровск, Украина
Ганичева Светлана Алексеевна	соискатель ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет», г. Вологда, Россия
Гончарова Нинель Афиногеновна	кандидат филологических наук, профессор Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь
Горошко Елена Игоревна	доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», г. Харьков, Украина
Грищенко Елена Владимировна	аспирантка кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина
Гусейнова Махружат Байсултановна	кандидат филологических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия
Давидчук Анастасия Владимировна	старший лаборант кафедры иностранных языков Луцкого национального технического университета, г. Луцк, Украина
Дегтярева Юлия Владимировна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и методики преподавания иностранных языков Днепропетровского университета экономики и права имени Альфреда Нобеля, г. Днепропетровск, Украина
Дементьев Вадим Викторович	доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия
Джалилова Патиматзахра Исрапиловна	кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Джигалюк Нина Юрьевна	аспирантка кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Дикарева Светлана Самуиловна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, директор Центра когнитивной и прикладной лингвистики, г. Симферополь, Украина
Диманте Ирина Васильевна	доктор филологии, доцент Балтийской международной академии, г. Рига, Латвия
Диомидова Елена Юрьевна	кандидат филологических наук, доцент, ассистент кафедры иностранных языков Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», г. Харьков, Украина
Дорофеев Юрий Владимирович	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Замашна Светлана Николаевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Ровенского государственного гуманитарного университета, г. Ровно, Украина
Зирка Вера Васильевна	доктор филологических наук, профессор Днепропетровского университета экономики и права имени Альфреда Нобеля, г. Днепропетровск, Украина
Ильясов Магомед Валигаджиевич	кандидат филологических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия
Кабанова Марина Романовна	кандидат филологических наук, доцент Днепропетровского университета экономики и права имени Альфреда Нобеля, г. Днепропетровск, Украина
Каика Наталья Евгеньевна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики Донецкого института социального образования, г. Донецк, Украина
Кандрина Ирина Алексеевна	кандидат исторических наук, преподаватель Средне-Волжского филиала Российской правовой академии Министерства Юстиции Российской Федерации, г. Саранск, Россия
Каниболоцкая Ольга Анатольевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры преподавания второго иностранного языка факультета иностранной филологии Запорожского национального университета, г. Запорожье, Украина
Карпенко Ульяна Алексеевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Института иностранной филологии Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпенко Наталья Анатольевна	аспирантка Харьковского национального педагогического университета им. г. С. Сковороды, г. Харьков, Украина
Квиренко Людмила Алексеевна	аспирантка кафедры германской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина
Коваленко Наталья Дмитриевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко, г. Каменец-Подольский, Украина
Кожушко Светлана Павловна	кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Днепропетровского университета экономики и права имени Альфреда Нобеля, г. Днепропетровск, Украина
Космеда Татьяна Анатольевна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языковой и межкультурной коммуникации Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко, г. Дрогобыч, Украина
Коцюба Александра Петровна	аспирантка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина
Коч Наталья Владимировна	кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина
Куварова Елена Константиновна	кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Лавриненко Светлана Томовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка Измаильского государственного гуманитарного университета, г. Измаил, Украина
Лебеденко Юлия Николаевна	кандидат филологических наук, доцент Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды, г. Харьков, Украина
Левицкий Андрей Эдуардович	доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода с английского языка Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина
Линникова Ольга Владимировна	аспирантка Горловского государственного института иностранных языков, г. Горловка, Украина
Литвин Ирина Николаевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого, г. Черкассы, Украина
Лозовой Дмитрий Владимирович	аспирант кафедры практики речи и информационных технологий Горловского государственного педагогического института иностранных языков, г. Горловка, Украина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лотоцкая Каролина Ярославовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Львовского национального университета имени Ивана Франко, г. Львов, Украина
Лучканин Сергей Мирославович	кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры общего языкознания и классической филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина
Ляховын Елена Богдановна	преподаватель Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко, г. Дрогобыч, Украина
Маслова Валентина Авраамовна	доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета, г. Витебск, Беларусь
Меджидов Магомед Гаджиевич	кандидат филологических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия
Мезенко Анна Михайловна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Мороз Елена Леонидовна	аспирантка кафедры романо-германских языков Херсонского государственного университета, г. Херсон, Украина
Науменко Людмила Петровна	кандидат филологических наук, доцент Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина
Никонова Людмила Ивановна	доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом археологии и этнографии государственного казённого учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», г. Саранск, Россия
Новикова Татьяна Юрьевна	кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Крымского научно-методического центра управления образованием НАПН Украины, г. Симферополь, Украина
Осипов Петр Иванович	кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина
Павловская Ольга Евгеньевна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар, Россия
Пальцыя Галина Степановна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой языковой и межкультурной коммуникации Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко, г. Дрогобыч, Украина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Панченко Елена Ивановна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Пикалова Анна Алексеевна	кандидат филологических наук, преподаватель Харьковского гуманитарно-педагогического института, г. Харьков, Украина
Плотникова Лариса Ивановна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, г. Белгород, Россия
Плотникова Наталья Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Харьковского института финансов Украинского государственного университета финансов и международной торговли, г. Харьков, Украина
Полякова Татьяна Леонидовна	старший преподаватель кафедры иностранных языков Харьковского национального автомобильно-дорожного университета, г. Харьков, Украина
Прадивлянная Людмила Николаевна	ассистент кафедры английской филологии Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского, г. Винница, Украина
Романова Марина Николаевна	магистрантка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия
Руда Ольга Васильевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Львовского национального университета имени Ивана Франко, г. Львов, Украина
Рудик Ирина Николаевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации Житомирского государственного университета имени Ивана Франко, г. Житомир, Украина
Садовая Анна Юрьевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Николаевского национального университета им. В.О. Сухомлинского, г. Николаев, Украина
Саргсян Асмик Людвиговна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Республиканского высшего учебного заведения «Крымский гуманитарный университет», г. Ялта, Украина
Селендили Лемара Сергеевна	кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Крымского научно-методического центра управления образованием НАПН Украины, г. Симферополь, Украина
Селиванова Елена Александровна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Учебно-научного института иностранных языков Черкасского национального университета им. Б. Хмельницкого, г. Черкассы, Украина

Синельникова Лара Николаевна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина
Скрипняк Татьяна Леонидовна	кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германских и романских языков Киевского национального лингвистического университета, г. Киев, Украина
Слюнина Елена Викторовна	аспирантка Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды, г. Харьков, Украина
Смирнова Любовь Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Крымского факультета Запорожского национального университета, г. Симферополь, Украина
Смирнова Татьяна Алексеевна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
Тарасова Анастасия Владиславовна	аспирантка Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Тригуб Людмила Георгиевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина
Тукова Татьяна Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина
Тупчий Александра Владимировна	аспирантка Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова, г. Киев, Украина
Туранина Неонила Альфредовна	доктор филологических наук, профессор кафедры педагогики и методики начального образования педагогического факультета Белгородского государственного университета, г. Белгород, Россия
Умняшкин Александр Александрович	аспирант, научный сотрудник Центра по изучению древних и современных языков «ГЛОССА», г. Баку, Азербайджан
Ушакова Евгения Владимировна	сотрудник Центра когнитивной и прикладной лингвистики ТНУ им. В.И. Вернадского и УЯИФ НАН Украины, г. Симферополь, Украина
Фатьянова Ирина Валерьевна	аспирантка кафедры английской филологии Горловского государственного педагогического института иностранных языков, г. Горловка, Украина
Филоретова Евгения Викторовна	аспирантка кафедры перевода и общего языкознания Кировоградского государственного педагогического университета им. В. Винниченко, г. Кировоград, Украина
Хабарова Наталья Анатольевна	преподаватель Днепропетровского университета экономики и права имени Альфреда Нобеля, г. Днепропетровск, Украина
Халиман Оксана Владимировна	преподаватель колледжа Национального фармацевтического университета, г. Харьков, Украина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ходоренко Анна Викторовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев факультета украинской и иностранной филологии и искусствоведения Днепропетровского национального университета имени Олеса Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Чепурная Татьяна Станиславовна	магистр Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина
Чуланова Галина Валерьевна	старший преподаватель кафедры германской филологии Сумского государственного университета, г. Сумы, Украина
Шакленн Виктор Михайлович	доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия
Шахбанова Анжела Рафиковна	ассистент кафедры Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия
Шахбанова Патимат Гаджиевна	заведующая кабинетом Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия
Шевелева-Гаркуша Наталья Васильевна	преподаватель Херсонского государственного университета, г. Херсон, Украина
Шилина Анжела Григорьевна	кандидат филологических наук, доцент, докторант Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина
Юськив Богдана Николаевна	старший преподаватель кафедры иностранных языков Львовского государственного университета внутренних дел, г. Львов, Украина
Ясин Али Мухаммед	аспирант кафедры русского языка филологического факультета Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ И ЭТНОСЫ КРЫМА.....	3
<i>Анафієва Е. Р.</i> МЕТОДИЧНІ ПРОБЛЕМИ НАВЧАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ МОЛОДШИХ ШКОЛЯРІВ У ШКОЛАХ З КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЮ МОВОЮ НАВЧАННЯ	3
<i>Бойко Е.С.</i> О ПЕРЕВОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)	8
<i>Новикова Т.Ю.</i> ОБУЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И СОВРЕМЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ	12
РАЗДЕЛ 2. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ТРАДИЦИЯ	20
<i>Богданович Г.Ю.</i> ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН КАК ТЕРМИНЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	20
<i>Алкади Мансур Салех Абду</i> НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ЯЗЫКЕ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АРАБСКИХ ПАРЕМИЙ)	26
<i>Амичба Д. П.</i> КОНЦЕПТ-КОНСТРУКТ «ОГОНЬ» В МЕНТАЛЬНОЙ ОБРАЗНОСТИ АБХАЗОВ.....	32
<i>Воробйова І.А.</i> КОНЦЕПТ “ГУМОР” У БРИТАНСЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРІ.....	38
<i>Вотинцева М.Л.</i> ПЕРЕВОДЧИК КАК МЕДИАТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	43
<i>Гончарова Н.А.</i> К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ ВОСЬМИЯЗЫЧНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ.....	48
<i>Горошко Е.И., Полякова Т.Л.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТВИТТЕРА.....	53
<i>Гусейнова М.Б.</i> ИЗАФЕТНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ.....	59
<i>Давидчук А. В.</i> ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ОРНІТОФРАЗЕОЛОГІЇ УКРАЇНСЬКОЇ ТА АНГЛІЙСЬКОЇ МОВ	63
<i>Джалилова П.И.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНОНИМОВ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ В КУМЫКСКОЙ ШКОЛЕ.....	68

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Диманте И. В.</i> РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ.....	72
<i>Замашна С.М.</i> НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНІ ОСОБЛИВОСТІ АМЕРИКАНСЬКОГО СЛЕНГУ	78
<i>Зирка В. В., Хабарова Н. А.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АННОТАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АННОТАЦИЙ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ)	82
<i>Ильясов М.В.</i> КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ЦУРАИНСКОГО ГОВОРА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА.....	89
<i>Кабанова М.Р., Кожушко С.П.</i> МОДАЛЬНІСТЬ ТА ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ	94
<i>Каніболоцька О. А.</i> ВИВЧЕННЯ «НЕВДАЧ» МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ В ПРОЦЕСІ НАВЧАННЯ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ У ВИЩІЙ ШКОЛІ	98
<i>Карпенко У.А.</i> ПУТЬ ПЕРВОКОРНЯ	102
<i>Кеіренко Л. О.</i> ПРОБЛЕМИ ВАРІЮВАННЯ ФОРМ РОДУ ІМЕННИКІВ У БЕРЛІНСЬКОМУ МІСЬКОМУ ДІАЛЕКТІ	106
<i>Коваленко Н. Д.</i> МОВНИЙ СВІТ М. МАТІОС: РЕГІОНАЛЬНИЙ АСПЕКТ	113
<i>Коцюба О.П.</i> ЕТНОКУЛЬТУРНА СВОЄРІДНІСТЬ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ З ЛЕКСИЧНИМ КОМПОНЕНТОМ НА ПОЗНАЧЕННЯ ТРАДИЦІЙНОГО ПОБУТУ НІМЕЦЬКОГО НАРОДУ У ТВОРАХ ЙОЗЕФА РОТА	118
<i>Куварова Е.К.</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОБРАЩЕНИЯ И ПОДПИСИ В РУССКИХ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ	124
<i>Левицкий А. Э.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	130
<i>Лотоцька К.Я.</i> ГУМОРИСТИЧНА СТИЛІСТИКА А YEAR IN PROVENCE П. МЕЙЛА.....	135
<i>Лучканин С.М.</i> ВИСВІТЛЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ ТА РОСІЙСЬКОЇ ЛІНГВІСТИКИ В РУМУНСЬКИХ ПІДРУЧНИКАХ З ІСТОРІЇ МОВОЗНАВСТВА.....	141
<i>Ляховин О.Б.</i> АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ У СФЕРІ ТУРИЗМУ (НА МАТЕРІАЛІ УКРАЇНСЬКОЇ, РОСІЙСЬКОЇ ТА НІМЕЦЬКОЇ МОВ).....	148
<i>Меджидов М.Г.</i> СТРУКТУРА СУФФИКСАЛЬНОЙ МАРКИРОВКИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ.....	153

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Никонова Л.И., Кандрина И.А., Романова М.Н.</i> КУЛЬТУРА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ В КАЛЕНДАРНЫХ ПРАЗДНИКАХ ЗИМНЕГО ЦИКЛА УКРАИНЦЕВ, РУССКИХ И МОРДВЫ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ	157
<i>Осипов П. И.</i> СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	165
<i>Панченко Е.И.</i> ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КОНЦЕПТА «ДОМ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	170
<i>Прадивлянная Л. Н.</i> СЕМАНТИКА СВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В МОРСКОЙ ПРОЗЕ ДЖ. КОНРАДА.....	174
<i>Саргсян А. Л.</i> ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ БРИТАНСКОЙ ШКОЛЫ: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗНАЧЕНИЯ	179
<i>Селендили Л. С.</i> ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ЗАВИСИМОЙ ЧАСТЬЮ, СОДЕРЖАЩЕЙ НАРЕЧИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА).....	185
<i>Скрипняк Т. Л.</i> ПАРАЛІНГВІСТИЧНЕ ЗНАЧЕННЯ ПРОСОДІЇ НІМЕЦЬКОМОВНОЇ ПРОПОВІДІ	190
<i>Смирнова Л. А.</i> РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ЯЗЫКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ	194
<i>Смирнова Т. А.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ).....	203
<i>Тарасова А. В.</i> ДО ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ АНГЛІЙСЬКИХ КОМПАРАТИВНИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ.....	209
<i>Тарнопольский О.Б., Кожушко С.П., Дегтярева Ю.В.</i> СОЧЕТАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ	214
<i>Тригуб Л.Г.</i> ПРОЦЕСС ЗАИМСТВОВАНИЯ В СФЕРЕ МОДЫ И ОДЕЖДЫ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	219
<i>Тупчий А. В.</i> ЛОГОЭПИСТЕМА «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК» КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ОТОБРАЖЕНИЯ ОБРАЗА АНГЛИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	224
<i>Умняшкин А. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ТАЛЫШСКОГО ЯЗЫКА.....	229
<i>Філоретова Є.В.</i> ПРОБЛЕМА ВИДІЛЕННЯ МІЖМОВНИХ ЛАКУН У ПРОЦЕСІ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ.....	239

<i>Чепурная Т. С.</i> АНТРОПОНИМЫ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В РУССКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ XVIII ВЕКА.....	244
<i>Шаклеин В. М.</i> МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	249
<i>Шахбанова А.Р.</i> ФРАГМЕНТ «ПРИСТАЛЬНО СМОТРЕТЬ» В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕМЕМЫ «ГЛАЗ» (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕЗГИНСКОГО, РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)	254
<i>Шахбанова П.Г.</i> ПРОЦЕСС МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ НАРЕЧИЙ В КАРБАЧИМАХИНСКОМ ГОВОРЕ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА	257
РАЗДЕЛ 3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА, КОММУНИКОЛОГИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ	261
<i>Андрющенко Б. Н., Асоян Л. В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ И ПСИХОЛИНГВИСТИКА.....	261
<i>Балашова Л.В.</i> РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СОВРЕМЕННОМ СЛЕНГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОБРАЩЕНИЙ)	266
<i>Беретели Ю. Л., Тукова Т. В.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО АНЕКДОТА.....	271
<i>Беспалова Ю.В.</i> СОЗДАНИЕ ОПТИМАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	277
<i>Бойко Н.А.</i> СТРУКТУРА ПОЛИЛЕКСЕМНЫХ ДЕГИДРОНИМНЫХ ОЙКОНИМОВ ВОСТОЧНОЙ СЛАВИИ	280
<i>Бондаренко Л. И.</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ МЕДИАТЕКСТА «СОВЕТ»: ЯВНЫЕ И СКРЫТЫЕ ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	284
<i>Василькова Н.И., Коч Н.В.</i> К ВОПРОСУ О СИНЕСТЕТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ В ДИАХРОНИИ.....	290
<i>Власік Н.В.</i> ТЕМПОРАЛЬНА СПЕЦИФІКА МАСМЕДІАЛЬНОГО ДИСКУРСУ У ГЕНДЕРНОМУ АСПЕКТІ.....	296
<i>Ганичева С.А.</i> НАИМЕНОВАНИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	303
<i>Грищенко Е.В.</i> КОНЦЕПТ <i>СОБОРНСТЬ</i> И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В <i>МЫ</i> -ДИСКУРСЕ.....	308

<i>Дементьев В.В.</i> АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ «РЕЧЕВОЙ ЖАНР И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»	313
<i>Джигалюк Н. Ю.</i> ЭКСПЛИКАЦИЯ МАКСИМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В АДРЕСАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА	319
<i>Дикарева С. С., Ушакова Е. В.</i> КОРПУСНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КРОССКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ЛЕКЕМЫ "КОНСИЛИУМ").....	326
<i>Диомидова Е. Ю.</i> КОНСТАНТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ УБЕЖДЕНИЯ В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СУДЕБНЫХ РЕЧЕЙ В РОССИИ ЗА ПЕРИОД XIX, XX И НАЧАЛА XXI СТ.).....	332
<i>Дорофеев Ю.В.</i> СОЦИОЛИНГВИСТИКА И АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ	337
<i>Каїка Н. Є</i> КОМУНІКАТИВНИЙ ПОТЕНЦІАЛ ПРЕЦЕДЕНТНИХ РЕКЛАМНИХ СЛОГАНІВ ІЗ ФРАЗЕОЛОГІЧНОЮ ПРАСОСНОВОЮ	342
<i>Карпенко Н. А.</i> ФУНКЦІОНУВАННЯ ОНИМА ЮЛІЯ У ХУДОЖНЬОМУ ДИСКУРСІ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО	347
<i>Космеда Т. А.</i> ПРАГМАТИКА ОСЛЫШКИ ЛИБО НЕДОСЛЫШКИ В ПРОЕКЦИИ НА СИТУАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	352
<i>Лавриненко С.Т.</i> ЛІНГВОКОНЦЕПТУАЛЬНІ ОБРАЗИ ЗЛОЧИНІВ ПРОТИ ЖИТТЯ (НА МАТЕРІАЛІ УКРАЇНСЬКИХ БАЛАД)	357
<i>Лебеденко Ю. М.</i> ВЗАЄМОЗВ'ЯЗОК ЕТНОКУЛЬТУРНИХ НОМЕНІВ-СИМВОЛІВ «СЛОВО» ТА «ПІСНЯ» У ПОЕТИЧНІЙ ТВОРЧОСТІ ЛЕСІ УКРАЇНКИ.....	363
<i>Линникова О.В.</i> ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА В МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ КОНЦЕПТА «ИСТИНА».....	367
<i>Литвин И.Н.</i> КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ	372
<i>Лозовий Д.В.</i> ТЕМПОРАЛЬНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ БІЗНЕСОВОГО ДИСКУРСУ У ГЕНДЕРНОМУ АСПЕКТІ	377
<i>Маслова В.А.</i> КОНЦЕПТЫ И ЦЕННОСТИ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ, ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ	383
<i>Мезенко А.М.</i> УРБАНОНИМИЯ КАК ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ.....	388
<i>Мороз Е. Л.</i> ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА РЕБЕНОК И ФОРМИРОВАНИЕ ПЕССИМИСТИЧЕСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА	393

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Науменко Л. П.</i> ПРАГМАСЕМАТИЧНІ ТИПИ ІНФОРМАТИВНИХ МОВЛЕННЄВИХ АКТІВ АНГЛОМОВНОГО БІЗНЕС-ДИСКУРСУ.....	398
<i>Павловская О. Е.</i> SMS-ОБЩЕНИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	405
<i>Палиця Г.С.</i> МЕТОДИ ОПИСУ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ ПЕДАГОГА.....	411
<i>Пікалова А.О.</i> НАУКОВІ РОЗВІДКИ М. СТЕЛЬМАХА В АСПЕКТІ ВІДОБРАЖЕННЯ В НИХ БАЗОВИХ КОНЦЕПТІВ-ОБРАЗІВ ЙОГО ПОЕЗІЇ.....	416
<i>Плотникова Л. И.</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ	420
<i>Плотнікова Н. В.</i> МЕТОДИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛІЗУ ЛІНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТУ	426
<i>Руда О. В.</i> ДОСЛІДЖЕННЯ РІВНЯ ЕМОЦІЙНОГО ІНТЕЛЕКТУ В СТУДЕНТІВ-ФІЛОЛОГІВ.....	432
<i>Рудик І.М.</i> ВИТОКИ Й ОСОБЛИВОСТІ СУЧАСНОЇ ПОЛІТИЧНОЇ РИТОРИКИ.....	437
<i>Садова Г. Ю.</i> ДОСЛІДЖЕННЯ ДИНАМІКИ ЖІНОЧИХ ІМЕН НА ПОЧАТКУ ХХІ СТОЛІТТЯ	442
<i>Селіванова О.О.</i> ФОРМИ МІКСАЦІЇ МОВ: СОЦІОЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ	447
<i>Синельникова Л. Н.</i> О НАУЧНОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ»	454
<i>Слюніна О. В.</i> СПЕЦИФІКА МОВНОГО ВИРАЖЕННЯ КОНЦЕПТУ <i>ВОДА</i> У ТВОРЧОСТІ МАРІЇ ЛЮДКЕВИЧ.....	464
<i>Туранина Н. А.</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ-ПИСАТЕЛЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АФОРИСТИКИ.....	472
<i>Фатьянова І. В.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА ПАРЦЕЛЯЦІЯ НОМІНАТИВНОГО ПРОСТОРУ ТА МОДЕЛЮВАННЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЇ СТРУКТУРИ КОНЦЕПТУ <i>ТЕРОРИЗМ</i> У СУЧАСНІЙ АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ	477
<i>Халіман О. В.</i> МОВНА СВІДОМІСТЬ ЕТНОСУ: КОНФЛІКТ МІЖ КАТЕГОРІЯМИ ПОШАННОСТІ ТА ІНТИМІЗАЦІЇ (МАНІПУЛЯЦІЯ КАТЕГОРІЄЮ ЧИСЛА)	484
<i>Чуланова Г. В.</i> ПОВЕРХНОСТНАЯ И ГЛУБИННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТОВ-РЕГУЛЯТИВОВ	490
<i>Шевельова-Гаркуша Н. В.</i> СИНТАКСИЧНИЙ ПАРАЛЕЛІЗМ У РИТМІЧНІЙ ПОБУДОВІ ТЕКСТІВ СУЧАСНОЇ АМЕРИКАНСЬКОЇ ПОЕЗІЇ.....	496

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шилина А. Г.</i> ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЖЕНСКИХ И МУЖСКИХ ЖУРНАЛАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА <i>ОБЛОЖКА</i>).....	502
<i>Юськів Б. Н.</i> ОБРАЗ-КОНЦЕПТ ПРАВОПОРУШНИКА (<i>ЗЛОДІЯ</i>) В МОВНІЙ СВІДОМОСТІ УКРАЇНЦІВ (НА МАТЕРІАЛІ ГАЛИЦЬКО-РУСЬКИХ ПАРЕМІЙ І. ФРАНКА)	507
<i>Ясин А. М.</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АРАБСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.....	516
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	520
СОДЕРЖАНИЕ	528